Предполагаемая реформа церковного суда архиепископ Алексий (Лавров-Платонов)

От издателя
Предисловие

От издателя

Предлагаемое вниманию Православных читателей исследование имеет неразрывную связь с важнейшими интересами не только церковными, как по скромности выразил автор, но и с государственными и народными. На большее ли, или меньшее количество явлений народной жизни будет призвана простирать свое влияние Церковь, – это небезразлично для государства и для народа. Церковь у нас есть великая сила не только нравственная, но вместе государственная и народная. Церковью и верою крепка жизнь государственная и народная. Довольно вспомнить некоторые важнейшие в нашей государственной и народной жизни события: изгнание татар, прекращение смутного времени в начале XVII века, 12-й год нынешнего столетия.

По этому, когда свободно-мыслящая печать, и, по ее свидетельству, состоящий при Св. Синоде Комитет предполагают изъять из ведомства церковного суда т. е. из-под церковного влияния, многие от глубокой древности и доселе состоящие под церковным судом и влиянием дела и всех вообще мирян Православной церкви, то это предположение объемлет не только церковный в тесном смысле интерес, но и интерес государственный. Что осуществление требований либеральной печати и предположений Комитета будет в высшей степени вредно, – об этом едва ли нужно и говорить: стеснен будет круг деятельности Церкви на верующих, отнят будет один из важнейших способов ее действования на мирян – открытый суд, от начала Церкви всегда ей принадлежавший; действование Церкви чрез открытый суд будет простираться только на клириков; семейная жизнь, доселе находившаяся под церковным влиянием и охраною, будет изъята из-под сего влияния в самых существенных моментах. А вредное для Церкви едва ли может быть допущено и с государственной точки зрения. Ослабляя влияние Церкви, ограничивая круг действий ее, государство не только само не приобретает ничего, но напротив подвергается опасности, что место устраненного влияния Церкви будет занято разрушительными доктринами. Само государство, как сила внешняя, не может заместить Церкви и заменить ее влияния своим, и вот, устраняя Церковь и не будучи в состоянии само заступить ее место, оно откроет простор влиянию доктрин противоцерковных и противогосударственных. Прекрасно сказал в свое время о подобных предположениях относительно брака митрополит Платон: „Союз брака есть преважный в рассуждении государства. Государство большая семья, которая основывается на том, если частные семьи будут неразрушимы, или по крайней мере удерживаемы. А в светских судилищах удобно последует то: поскольку от них нечего ожидать ни ревности к сохранению сего союза, ни беспристрастия. И ныне разводов весьма много. А ежели отдать то светским, то будет их без числа». Так и во всем прочем, либеральною печатью требуемом, а Комитетом проектируемом: место устраненного церковного влияния, по силе нравственного закона, не допускающего нравственной пустоты, будет занято влияниями не охранительного свойства. Последствия сего могут быть самые гибельные.

Если же для государства не безразлично: будет ли влияние Церкви довольно сильно и обширно, сохранятся ли нынешние пределы этого влияния, или же сократятся почти до совершенного „ничто“; то не менее важен этот вопрос и для народа. Русский народ, по милости Божией, несмотря на множество неблагоприятных влияний, доселе в большинстве искренно и глубоко предан Православию, любит Церковь и ее служителей, дорожит верою. Изменение некоторых букв и слов в церковных книгах, два века тому назад, сочтено было некоторою частью народа за изменение веры, и горькие плоды этого мы вкушаем доселе. Теперь требуют и проектируют уже не изменение букв и слов, а изменение самой сущности многовековых церковных учреждений, пред которым остановился даже Петр Великий. Нет ли в подобных требованиях и проектах опасности? Не сочтет ли народ проектируемые изменения за оскорбление своей веры? Мы знаем, что есть люди решительные, которые всё считают возможным и безопасным, и есть люди печатно заявляющие, что церковное влияние вредно. Но мы не обладаем решительностью первых и не принадлежим к числу последних. Мы убеждены, что требовать и проектировать сокращение влияния Церкви в каких бы то ни было размерах,

даже и не в таких, как проектируется ныне, не значит требовать и проектировать полезное для государства и народа. Русского государства, русского народа мы не можем мыслить без Православной церкви и ее влияния. В этом убеждении решаемся издать в свет предлагаемое исследование почтенного автора.

Н. Елагин.

С.-Петербург, в марте 1873.

Предисловие

Светская литература в последнее время не мало занималась вопросом о предметах духовного суда. Она рассматривала этот вопрос исключительно с одной стороны и исключительно с одной точки зрения, усиливаясь доказать необходимость сокращения церковной подсудности и передачи многих дел из духовного суда в светский. С этой стороны и с такой точки зрения светская литература постоянно выражает свое сочувствие и одобрение предположениям состоящего при Св. Синоде Комитета о сокращении пределов церковной подсудности и о передаче многих дел из духовного суда в светский. Она находит, напр. что в брачных делах «основная мысль всех изменений предлагаемых Комитетом, очевидно заключается в том, чтоб уменьшить власть духовного начальства по сим делам, и подчинить их общим судам», и в виде одобрения присовокупляет, что «Комитет идет в этом отношении по историческому пути нашего законодательства», и что если и при этом «предположения Комитета» не уничтожат вредного преобладания церковного элемента в нашем семейном праве, то винить в этом Комитет невозможно, потому что корень зла лежит не в процессуальных правилах, а в материальном семейном праве, насквозь пропитанном у нас церковным элементом, а Комитет не имел возможности наложить руку на материальную часть нашего семейного законодательства („Журнал Гражд. и торгов. права” 1872, 3, 455, 456).

Духовная литература доселе хранит полное безмолвие по этому вопросу, затрагивающему важнейшие и существеннейшие церковные интересы. Противоположная указанной сторона вопроса отчасти выяснена светскою же литературою (См. „Курс Гражд. права” Победоносцева ч. 2).

Предлагаемое исследование стоит на точке зрения церковных правил и действующих ныне государственных законов, и имеет целью путем анализа доводов противной стороны, заявляемых в литературе и обществе, и путем раскрытия оснований действующих церковных правил и государственных законов о предметах церковного суда, показать разумность и необходимость существования церковного суда и на будущее время в нынешних его пределах.

О ПРЕДМЕТАХ ЦЕРКОВНОГО СУДА

Проектируемая реформа церковного суда выдвигает на вид и такие вопросы, которые имеют с нею не прямую связь и которых она не должна касаться. Таковы вопросы о предметах церковного суда.

Реформа церковного суда, насколько мы понимаем это дело, должна ограничиться лишь процессуальною стороною – производством суда и устройством судебных органов и инстанций, и не должна касаться материального права, к которому принадлежат – предметы суда, наказания судом налагаемые. Такие пределы реформа должна иметь по смыслу самого Высочайшего повеления об учреждении; при Св. Синоде Комитета для проектирования основных положений духовно-судебной реформы. Если верно показание газеты «Голос», то задачею Комитету указано: «составить основные положения преобразования судебной части по духовному ведомству, сообразно тем началам, на которых совершено преобразование *судоустройства* и *судопроизводства* по гражданскому, военному и морскому ведомствам, по применению этих начал, насколько окажется полезным и возможным, к свойству, целям и потребностям суда духовного» („Голос” 1872 № 29). Согласно с таким определением, задача Комитета ограничивается проектированием исключительно процессуальных правил – правил устройства суда и производства суда, и в круг занятий Комитета вовсе не входит пересмотр действующих *правил о предметах церковного суда.* Этот последний вопрос лежит вне возложенных на Комитет обязанностей. Предметы церковного суда должны остаться в том пространстве и границах, в каких они определяются действующими законами, и Комитет имеет обязанностью: проектировать положения о производстве церковного суда, по всем предметам церковному суду подлежащим, на основании действующих ныне законов.

Между тем, как при проектировании реформы общих судов были попытки привлечь к сим судам некоторые дела им неподлежащие, так и ныне в виду проектируемой церковно-судебной реформы раздаются голоса об отчислении из ведомства церковного суда некоторых предметов, ныне духовному суду подлежащих. «Петербургские Ведомости» еще при самом начале деятельности Комитета (1870 № 9,141) заявляли мнение о неприличии духовным лицам, составляющим духовные суды, слушать и исследовать дела о расторжении браков по причине прелюбодеяния или неспособности к брачной жизни одного супруга, и выводили отсюда заключение о передаче сих дел в светские суды.

Затем газета „Голос” выражала сожаление, что дела об обидах, причиняемых духовными лицами светским, Комитет предполагает оставить в духовном суде.

Комитет при Св. Синоде, проектирующий реформу духовного суда, как видно из сообщаемых периодическими изданиями известий, внял внушениям нашей либеральной печати и до некоторой степени заслужил ее одобрение. В „Журнале Гражданского и торгового права» (1872, кн. 3, 454–456) о проектируемых Комитетом изменениях в подсудности брачных дел, напечатано следующее:

1) «Комитет установил тот принцип, что деятельность дух. начальства по тем из брачных дел, которые ведаются в уголовных судах, есть не судебная, а административная функция. Поэтому Комитет проектировал распространение принципа закона 1850 г. на все уголовно-брачные дела, т. е. подчинение дел, перечисленных в ст. 1014, 1015 устава угол. суд. порядку, указанному в ст. 1013, с тем при том изменением, что после уголовного суда дела эти поступают не в дух. суд, а к епархиальному начальству, т. е. к духовно-административной власти, что означает *шаг вперед в деле секуляризации брачных дел.*»

2) «Комитет предложил подчинить дела о расторжении браков по безвестному отсутствию гражданским судам, с тем, чтоб по окончании в гражданском суде производства о безвестном отсутствии, дела эти поступали к епархиальному начальству для расторжения брака».

3) «Комитет предложил изменить порядок производства дел о расторжении браков по неспособности одного из супругов к брачному сожитию, след. образом: первоначальное заявление о разводе делается архиерею, и в случае безуспешности его попыток к примирению супругов, дело переходит в гражданский суд, который разрешает судебным порядком вопрос о неспособности и сообщает архиерею для расторжения им брака».

4) «Комитет нашел существование двоякой подсудности по делам о прелюбодеянии не нормальным, и производство таких дел, как и о неспособности к брачному сожитию, неудобным

для духовных судов. Поэтому он предполагает подчинить эти дела одному светскому суду, если архиерею не удастся предварительно примирить супругов, с тем разумеется, что по окончании уголовного суда дело передано будет архиерею для расторжения брака, если ему опять-таки не удастся и тогда помирить супругов».

5) «Комитет предположил установить правило, что дела о законности рождений и об удостоверении о действительности браков, когда факты эти представляются сомнительными, производятся в гражданском суде, требующем нужные сведения у дух. начальства.»

«Основная мысль всех этих изменений предлагаемых Комитетом, очевидно, заключается в том, чтоб *уменьшить власть дух. начальства по брачным делам, отнять у ней характер судебной власти, и подчинить его до некоторой степени светским судам.* Комитет идет в этом отношении по историческому пути нашего законодательства относительно брачных дел» („Журн. Гражд. и торгов. права” 1872, 3, 454–456).

Это известие подтверждается и „С. Петербургскими ведомостями”, которые те же самые дела показывают в числе предположенных Комитетом к изъятию из ведомства духовного суда („Спб. вед.” 1872, октябрь).

Итак, Комитет, вняв требованиям либеральной печати, предполагает принять секуляризацию брачных дел, т. е. предлагает: а) передать сии дела из духовных судов в светские, б) отнять у власти духовного начальства характер судебной власти и в) подчинить духовное начальство до некоторой степени светским судам.

Затем Комитет, если верны газетные сообщения, предполагает ведомство духовного суда ограничить единственно духовными лицами и изъять из-под сего суда лица светские, или мирян („Спб. вед.” 1872, октябрь).

Мы сейчас заметили, что по смыслу задачи, возложенной на Комитет, в круг предметов, подлежавших его обсуждению, не входило обсуждение вопроса о предметах церковного суда: Комитет, действуя, в пределах своей задачи, должен был ограничиться исключительно *судоустройством и судопроизводством*, не касаясь предметов церковного суда. Но если уже раз Комитет коснулся этого вопроса, то и для разрешения его он имел руководство в ясно выраженной мысли Св. Синода по поводу учреждения Комитета. В определении Св. Синода, которым учрежден был Комитет, указано, что применение начал светских судов должно быть произведено: *на сколько это окажется полезным и возможным, по свойству, целям и потребностям духовного суда.* «Здесь, (как замечает автор упомянутой выше статьи „Журнала Гражд. и торгового права”) высказана вкратце «та мысль, которую принял Государственный Совет при обсуждении судебных уставов: что характер и *круг деятельности* духовного суда не может быть *всецело* изменен в такой же мере, как юрисдикция общих судов» (1872, 3, 421, 422). Нам кажется, что на основании указанной мысли Св. Синода, не только не может быть *всецело* изменен круг деятельности дух. суда, но даже и *нисколько* в сравнении с нынешним. Ибо, конечно, никто не будет в состоянии доказать, что по свойству, целям и потребностям дух. суда, полезно, чтобы миряне, подлежащие доселе дух. суду, не подлежали сему суду, и чтобы дела брачные переданы были из духовного суда в светский. Этот аргумент, правда, употребляется иногда, но только в ироническом смысле, и в дальнейшей последовательности дает такой вывод: для Церкви лучше и полезнее будет, если суда церковного совсем не будет.

Но если Комитет, вопреки прямому смыслу своей задачи и несмотря на ясные указания ее пределов и смысла ее разрешения, стал на эту точку зрения, расширил свою задачу и разрешил ее не в смысле точно обозначенном Св. Синодом; то является необходимость, как в подробном разборе тех оснований, которые мог иметь и, сколько известно из периодической печати, имел Комитет при выполнении своей задачи таким, а не иным образом, так и в изложении тех оснований и соображений, по которым Комитет с одной стороны не должен был расширять свою задачу, а с другой, если уже расширил, должен был разрешить ее единственно в смысле ясных данных Св. Синодом указаний, а не в ином каком.

Суду Православной церкви подлежат все члены Православной церкви – миряне и клирики. Вот положение, которое по своей очевидной непреложности не требовало бы никакого доказательства и подтверждения. Церковь есть общество верующих во Христа Спасителя, и, как всякое общество, по самой сущности своей, имеет право суда над каждым из своих членов, нарушающих уставы и законы сего общества. Но случается слышать голоса, что суду Церкви, и тайному, и открытому, подлежат, конечно, клирики, как ближайшие служители Церкви; что же касается мирян, то они подлежат только назиданиям и вразумлениям духовных пастырей и

тайному суду духовных отцов; открытому же суду Церкви подлежать не должны. В виду таких заявлений представляется необходимость изъяснить, что основания церковно-судебной власти над мирянами столь же тверды, как и основания церковно-судебной власти над клириками. Спаситель, преподавая судебную в Церкви власть Апостолам: *елика, аще свяжете на земли* и пр., не сделал никакого различения и указания: на кого из христиан судебная власть Церкви должна простираться и на кого не должна; – действию сей власти подлежат все во Христа верующие. Согласно с сим Апостолы пользуются и заповедуют преемникам своим пользоваться судебною властью, как в отношении к служителям Церкви (1Тим. 5, 19–20), так и в отношении к прочим верующим (1Кор. 5, 4–5). В правилах Апостольских, соборных и отеческих, мысль о подсудности суду Церкви мирян, поставляется выше всякого сомнения: мирянам за различные нарушения церковных правил назначаются различные церковные наказания (напр. Ап. 24, 43, 48, 51; I Вселенск. 5; Вас. В. 21, 23, 25 и др.) и, следовательно, они должны подвергаться церковному суду и не только тайному суду, но в тех случаях, когда преступление явно, открыто совершено и оглашено пред всеми, – открытому, формальному церковному суду. И этот суд, по свидетельству несомненных исторических указаний, действительно был производим во все века существования Православной восточной церкви (см. Апост. постан.; Деян. Всел. Соб. и Acta Patriarch. Constantinop.) и производится во всей Православной церкви и ныне. Всегда был и доселе существует этот суд над мирянами и в Православной русской церкви. Не приводя всех относящихся сюда свидетельств за множеством их, мы укажем только на Духовный регламент, на служащий основанием нынешней практики Устав Духовных консисторий и на действующее ныне светское законодательство. Регламент имел уже в виду и в то время, «что иногда гражданские управители и иные власти, також сильные помещики, в случившемся некоем деле, духовного наставления требующем, не хотят повиноватися епископам, в которого кто епархии живет, отговариваяся тем, что епископ оным не пастырь», и твердо против таких лжеумствований поставил церковное неизменное начало: *ведомо же всем буди*, *что всяк коего-либо чина человек подлежит в духовных делах суду того епископа, в которого епархии пребывает, пока в той пребывает* (ч. II о мирских особах п. 10). В числе должностей Духовного коллегиума «первое и почитай едино долженство» Регламент указывает – «ведать кия суть должности и всех обще христиан, и собственно епископов, пресвитеров с прочими церковными служителями, монахов, учителей и учащихся, *також и мирских лиц, поскольку они наставления духовного участницы суть. И должно Духовное коллегиум* наблюдать: аще всяк в звании своем пребывает, *а погрешающих наставлять и наказывать* (ч. III, 1). В числе дел *суду духовному* подлежащих Регламент указывает: недоуменные браки, вины разводов брачных, аще кто кого поречет, яко раскольщик есть, или нового некоего учения изобретатель, и вообще все дела, которые к суду патриаршему подлежали (ч. III, 8, 5). На общих, неизменных Регламентом изъясненных основаниях твердо держится и нынешний церковный порядок, и практика. По действующему ныне „Уставу Духовных консисторий” люди светского звания *духовному суду подлежат* в определенных случаях („Уст. Консист.” 158 п. 2). На этой точке зрения стоит в данном случае и наше нынешнее светское законодательство. Принцип подсудности светских лиц духовному суду, в определенных случаях, проходит чрез все наше ныне действующее светское законодательство, не исключая и законодательных актов, получивших начало в самое последнее время, знак – что светский законодатель доселе стоит на этой точке зрения и руководствуется этим принципом (для примера см. „Св. Зак.” изд. 1857 т. X, 1, 24, 45–60, 65; 2, 806–809, 813; „Уст. Угол. судопр.” 1864 г. 1002–1016; „Улож. наказ.” 1866 ст. 1559, 994 и проч. и проч.) Одно то обстоятельство, что светский законодатель признает некоторые преступления светских лиц подлежащими наказанию церковным покаянием и отсылает обвиняемых к духовному суду („Уст. Угол. судопр.” 1002; „Св. Зак.” т. X, 1, 33) – указывает, что такое требование светского законодателя может быть исполнено не иначе, как при допущении мысли о подсудности светских лиц духовному суду и при существовании сего суда для светских лиц. За сим светское законодательство прямо и ясно признает, что лица православного исповедания, уклоняющиеся от исповеди и причащения Св. Таин по нерадению, или небрежению, подвергаются *церковным наказаниям* по усмотрению и распоряжению своего епархиального начальства, с наблюдением токмо, чтобы при сем не были надолго отлучаемы должностные от службы, а поселяне от домов и работ своих (Улож. 208). Очевидно, что эта обязанность и право духовной власти над светскими лицами могут быть осуществлены только духовным судом.

Таковы самые общие и главнейшие основания подсудности церковному суду мирян. По сим основаниям, к подробному раскрытию которых мы будем иметь нужду обращаться впоследствии, изъятие мирян из-под церковного суда и проектирование правил нового духовного суда, исключительно для клириков, представляется невозможным. Суд Церкви, если признавать указанные основания (слово Божие, церковные правила, неизменность церковной практики во все века, светское ныне действующее законодательство) имеющими обязательность и силу, – должен простираться не только на клириков, но и на мирян, признающих себя принадлежащими к Православной церкви. К исчислению дел, по которым клирики и миряне ныне подлежат и должны подлежать церковному суду, мы должны теперь обратиться.

Общее исчисление всех дел, по которым духовные и светские лица подлежат духовному суду, по действующему ныне праву, содержится в 158 и 159 статьях Устава Духовных консисторий. По этим статьям, подлежащими епархиальному духовному суду почитаются, как люди духовного, так и люди светского звания. *Люди духовного звания* епархиального ведомства подлежат епархиальному суду: а) по проступкам и преступлениям против должности, благочиния и благоповедения; б) по взаимным спорам, могущим возникать из пользования движимою и недвижимою церковною собственностью; в) по жалобам духовных и светских лиц на духовные лица в обидах и нарушении бесспорных обязательств и по просьбе о побуждении к уплате бесспорных долгов. *Люди светского звания* – а) по делам о браках, совершенных незаконно, б) по делам о прекращении и расторжении браков, в) по случаям, в которых нужно удостоверение о действительности события браков и рождения от законного брака и г) по проступкам и преступлениям, подвергающим виновного церковной епитимии. Светскому суду люди духовного звания подлежат: а) в делах между собою и светскими лицами тяжебных и исковых по неисполненным договорам и обязательствам и по взысканиям за нарушение прав ущербами, убытками и самоуправным завладением; б) в случаях нарушения государственных постановлений, по которым существуют особые правила о судопроизводстве и взысканиях, как-то: в пристанодержательстве и укрывательстве беглых, корчемстве, порубке лесов, неисполнении карантинных и таможенных постановлений и в) в тяжких, уголовных преступлениях (ст. 158, 159).

„Устав Консисторий” издан тридцать лет тому назад, и должно заметить, что исчисление предметов церковной подсудности в 158 и 159 ст. этого устава неудовлетворительно по системе, не достаточно полно и неясно в отношении к различению подсудности церковной от светской. Здесь указывается, например, что люди светского звания подлежат духовному суду по делам брачным. Но подлежат ли сему же суду и люди духовного звания по брачным делам – на это нет указания. Здесь не указывается, подлежат ли духовному суду дела, вследствие которых виновные подвергаются по церковным правилам крайним церковным наказаниям, каковы: анафема, отлучение от Церкви и другие. Здесь дается общее положение, что дела о браках, совершенных незаконно, подлежат епархиальному суду, и не указывается никакой грани между подсудностью сих дел – судам духовным и светским.

По причине такой неудовлетворительности определения церковной подсудности в Консисторском уставе и по другим соображениям после издания Устава консисторий были делаемы – и новые определения сей подсудности в некоторых частных пунктах, и разъяснения, и более точные определения пунктов существующих. Важнейшие из таковых определений и разъяснений церковной подсудности и пределов, отделяющих ее от светской подсудности – содержатся в Высочайше утвержденном положении 6 февраля 1850 г. о брачных делах, вошедшем в „Свод законов” издания 1857 г.; в „Судебных уставах” 20 ноября 1864 г. и в издаваемых доселе разъяснениях „Кассационных департаментов Сената”. Таким образом при указании предметов церковного суда в настоящее время нельзя выходить единственно из того определения, какое сделано в Консисторском уставе. Но и в указанных позднейших законодательных актах и сенатских толкованиях вопрос о церковной подсудности не исчерпан вполне. Они касались по преимуществу смежных предметов церковной подсудности и светской. Без обращения к церковным правилам, вопрос о предметах церковного суда не может иметь полного и удовлетворительного разрешения.

Суду Церкви подлежат: I, все члены Церкви и клирики, или духовные лица и миряне по некоторым делам, и II, клирики, или духовные лица, в определенных случаях.

Первый вид церковного суда может быть назван общим церковным судом на всех членов Церкви простирающимся; второй – особенным, которому подлежат только некоторые члены

Церкви, именно клирики, или духовные лица.

I. О предметах общего церковного суда

Общий суд Церкви, как и особенный, или имеет карательный характер и последствия, или же не имеет сего характера и последствий, а отличается, если можно так сказать, характером охранительным.

А) О предметах общего церковного суда, имеющего карательный характер и последствия

То общее и непререкаемое правило всякого общежития, что всякий член общества, уставы и правила общества обязывается принимать и исполнять, за нарушение же их, происходящее вследствие злой воли, подлежит суду обществом установленному, – всегда имело и должно иметь полное обязательное значение и в Церкви, как обществе верующих во Иисуса Христа. Всякое нарушение церковных правил и уставов должно подлежать суду установленному Церковью, или внутреннему совестному, совершаемому в таинстве покаяния, или и внешнему, открытому, когда нарушение церковного правила совершилось, или совершается явно для всех, к общему соблазну верующих. Это общее положение, как не подлежащее прекеканию, должно вести к принятию того общего правила, *что церковному суду подлежат все нарушения церковных правил, учиненные членами Православной церкви.*

Ничего не было бы проще при разрешении вопроса о церковной подсудности, если бы это общее правило могло быть применено во всем его пространстве без ограничений.

Но как в историческом ходе развития отношений Церкви к государству, в следствие принятия государством на себя обязанности внешнего покровительства Церкви, и в следствие признания церковных правил в качестве государственных законов, и нарушение некоторых правил церковных признано наказуемым не только со стороны церковной власти, но и со стороны власти государственной, наказаниями не только церковными, но и уголовными; то отсюда, с древнейшего времени, по взаимодействию и соглашению церковной и государственной власти, некоторые наиболее тяжкие и вредные не только для Церкви, но и для государства нарушения церковных правил, были судимы государственным уголовным судом и наказуемы уголовными наказаниями, и такое положение сохраняется и до ныне. Отсюда возникает необходимость в проведении строгих и точных границ между церковною подсудностью и светскою.

Указания к проведению сих граничных линий можно находить в самом существе дел и отчасти в „Судебных уставах” 1864 г., в „Уложении о наказаниях”, в решениях „Кассационных департаментов Сената”.

В „Судебных уставах” 1864 г. находятся четыре статьи, содержащие указание общих начал, на которых должно быть основано проведение граничной черты, разделяющей уголовную подсудность от церковной. Это – 1001, 1002, 1003 и 1004 ст. „Устава уголовного судопроизводства”.

В первой из указанных статей (1001) говорится: «подлежащие ведомству светского суда преступления против веры и другие соединенные с нарушением церковных правил, подчиняются судебному преследованию на общем основании, с изъятиями в настоящей главе определенными».

Во второй (1002): «Дела о преступлениях и проступках, за которые в законах уголовных полагается лишь церковное покаяние, или отсылка виновного к духовному суду, подлежат исключительно сему суду».

В третьей (1003): «Дела о преступлениях и проступках, за которые в законах уголовных определено, сверх церковного покаяния, еще другое наказание, решатся уголовным судом, приговор коего сообщается духовному начальству, для предания осужденного церковному покаянию».

В четвертой (1004): «В делах об отступлении от веры и постановлений Церкви, обвиняемые подлежат уголовному суду лишь за такие действия, которые по уголовным законам подвергают или какому-либо наказанию, или ограничению в пользовании правами состояния».

Из точного разума сих статей, и из того места, какое они занимают в Уставе, где они поставлены в главе о судопроизводстве по преступлениям против веры и по другим, соединенным с нарушением церковных правил, вытекают следующие заключения:

I. *Кроме тех преступлений против веры и других соединенных с нарушением церковных правил, которые подлежат ведомству светского суда – могут быть другие преступления против веры и церковных правил, за которые виновные подвергаются разного рода церковным запрещениям и наказаниям, присуждаемым собственно на основании церковных правил, каковы напр.: лишение приобщения св. Тайн, лишение всякого общения Церкви, осуждение на всегдашнее безбрачие и др.*

Признание церковного суда за пределами 1001–1029 ст. „Устава уголовного судопроизводства” ясно и с особенным намерением выражено и в самой 1001 статье, а преимущественно в послуживших к принятию ее мотивах, по которым этой статье дана именно такая, а не другая редакция. Весь первый раздел третьей книги „Устава Угол. суд.” (ст. 1001–1029) относится только к подлежащим ведомству светского суда преступлениям против веры и другим соединенным с нарушением церковных правил. Тоже самое признание церковного суда по делам о нарушении церковных правил ясно выражено и в 1011 ст. Уст. Угол. суд., в которой ясно указано на рассмотрение в духовном ведомстве «дел, заключающих в себе нарушение церковных правил», как на действие суда отдельного от светского уголовного суда. Итак, по точному смыслу „Судебных уставов” 1864 г., вне области определяемой сими Уставами имеет место еще суд церковный и притом не только над одними клириками, но и над всеми православными мирянами, так как нарушение церковных правил, обязательных для всех членов Церкви, может быть допущено не только клириками, но и мирянами.

II. *Сему церковному суду*, *а не светскому, подлежат все те преступления против веры и другие соединенные с нарушением церковных правил, о которых не упоминается в светских законах.* (Срав. „Уст. Уголов. судопр.” ст. 1001 и 1011).

Чтобы отчасти уяснить род и образ тех нарушений церковных правил, какие могут быть допущены мирянами, и какие ненаказуемы по светским законам и однако же наказуемы по законам церковным, и, следовательно, должны подлежать духовному суду, мы представим следующие примеры:

а) Богатый и благочестивый купец испросил разрешение построить на свое иждивение новую церковь. Но при построении ее нарушил установленные Церковью на сей случай правила – алтарем поставил церковь не на восток, а на запад, иконы поставил написанные с двуперстным сложением, допустил и разные другие неправильности. Очевидно, что суд обо всех сих допущенных неправильностях может быть только церковный.

б) Православный христианин, утаив от священника, вступил в брак с двоюродною своею племянницею (5 ст. кровного бокового родства). Такой брак хотя и не подлежит уничтожению, но может быть заключен не иначе, как с разрешения епархиального архиерея (19 янв. 1810 г. Син. Указ; „Собр. Зак.” 24091). Очевидно, что суд о нарушении этого церковного правила должен быть церковный.

в) Два вида бракоразводных дел принадлежат сюда же, – именно дела о расторжении брака по причине избрания мужа во епископа (VI Всел. 12, 48) и по причине пострижения супругов в монашество – („Дух. Регл. Прибавл. о монахах” п. 5; „Св. зак.” т. IX, 1,252). Едва ли можно предположить, чтобы на производство сих дел в светских судах могло быть предъявлено какое-либо притязание. В законах светских об этих делах не упоминается. Здесь все церковное – и законы и существо дела.

Признаки и основания, по которым дела подлежат светскому, или духовному суду, указанные в 1002, 1003 и 1004 ст. „Устава Уголовного судопроизводства”, могут быть достаточны к определению и разделению подсудности и прочих дел. По 1004 ст. в делах об отступлении от веры и постановлений Церкви, обвиняемые подлежат уголовному суду только за такие действия, которые по уголовным законам подвергают или какому-либо наказанию, или ограничению в пользовании правами состояния. Таким образом:

III. *Не светскому*, *а церковному суду должны подлежать дела о таких нарушениях церковных правил*, *которые хотя и упоминаются в светских законах*, *но за которые в сих законах не полагается никакого возмездия*, *а определяются последствия сих нарушений только в церковных постановлениях.*

Принимая во внимание вышеозначенные признаки и основания, а равно и самые условия суда, мы без труда разрешим вопрос о том: какому суду должны подлежать дела о незаконных браках, признаваемых недействительными, но ненаказуемых светскими законами, а равно и некоторые дела бракоразводные.

Из браков незаконных признаются по гражданским законам недействительными брачные сопряжения лиц, которым по расторжении брака возбранено вступать в новый („Свод Зак.” т. X, 1, 37). Но уголовный закон не преследует и не полагает никакого наказания таковым. Очевидно и не может подлежать спору, что дела о вступлении в таковые браки должны подлежать духовному суду. Запрещение таковых браков есть чисто церковное; последствия нарушения определены только в церковных правилах. Светский уголовный суд для производства и решения сих дел не

имел бы никаких оснований. Очевидность невозможности привлечь дела сего рода из духовного суда к светскому не требует никаких доказательств. Нет светского закона, не может быть и светского суда.

Из бракоразводных дел сюда принадлежат дела о расторжении браков: 1) по иску о неспособности одного из супругов к брачному сожитию, 2) по безвестному отсутствию и 3) по причине присуждения одного супруга к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния.

При расторжении браков по всем указанным причинам, на основании начал нами указанных, юрисдикция должна быть церковная. Во всех исчисленных бракоразводных делах: 1) по светским законам не полагается никаких возмездий; 2) во всех сих делах главное правонарушение есть правонарушение церковное. Ибо во всех их предъявляется иск, имеющий предметом – расторжение, уничтожение союза освященного таинством Православной церкви. Предмет иска – чисто и исключительно церковный; следовательно, и юрисдикция может быть только церковная же. 3) Последствия всех вышеуказанных правонарушений определяются только церковными законами. Ни уголовные законы, ни гражданские не содержат в себе никаких постановлений об этом предмете. На каких данных и по каким основаниям будет производить эти дела светский суд, не имеющий в своих законах постановлений о последствиях и конечно не могущий никаким образом признать своим, по существу ему принадлежащим предметом, – уничтожение таинства Церкви?

Таковы самые общие соображения, ведущие к признанию правильности ныне существующего порядка, подсудности сих дел духовному, а не светскому суду. Но дабы не оставалось в сем ни малейшего сомнения и в виду различных частных возражений („Спб. вед.” 1870 № 9), представляется необходимым остановиться на каждом из трех указанных родов бракоразводных дел.

Брак по причине неспособности одного из супругов к брачному сожитию, по действующим ныне законам, *может быть расторгнут только формальным духовным судом* („Св. Зак.” т. X, 1, 45). Основания этого закона и необходимость его неизменности и на будущее время явствуют из нижеследующих соображений:

1) Говорят, что неспособность к брачному сожитию, подобно другим законным основаниям развода, принадлежит к разряду явлений, не заключающих в себе вовсе духовного элемента, и потому составляет по своему существу предмет светского законодательства и суда, а не церковного („Спб. вед.” 1870 № 9). То правда, конечно, что физическая неспособность, сама по себе взятая, должна быть предметом светского законодательства и суда, если только она должна подлежать законодательству и суду. Но когда такую неспособность выставляют как причину к расторжению брачного союза, освященного таинством Церкви, совершенного в Церкви, при посредстве и поручительстве Церкви, и когда за сим, по расторжении брачного союза по этой причине, ищут дозволения на вступление в новый союз при церковном же посредстве и поручительстве; тогда выставляемое общее положение утрачивает всякое значение. Дело идет о нарушении обязательства, заключенного при посредстве Церкви, с ее благословением, за ее ручательством, и устранять Церковь от обсуждения этого «явления», выставляемого за причину к нарушению обязательства, решительно невозможно. Не будь этого отношения неспособности к союзу, заключенному с освящением, при посредстве и за поручительством Церкви, тогда церковная власть никаким образом не могла бы входить в суждение об этом «явлении». Церковь входит в суждение этого явления по связи его с важными церковными интересами, подобно тому, как и государство входит в суждение о предметах чисто религиозных, по связи их с интересами государственными. Выделка и распространение писанных и гравированных, резных или отлитых в соблазнительном виде икон и других изображений предметов, относящихся к вере и богослужению („Улож. о наказ.” 183), по-видимому, не заключают в себе вовсе государственного элемента и по существу своему составляют предмет церковного законодательства и суда, однако же судит и наказывает за это преступление уголовный, светский суд, потому что государство видит здесь связь с важными государственными интересами.

2) Признание неспособности к брачному сожитию за достаточное основание к расторжению брака, ее существо и условия ее действия определены первоначально в „Кормчей книге”; отсюда правила о сих условиях перенесены в „Устав Консисторий”, а из сего устава в Высоч. утв. мнение Государственного Совета 5 февр. 1850 и в „Свод Законов гражданских” изд. 1857 г. (т. X. 1, 45,

48, 49), с прямым и точным указанием, что брак по этой причине может быть расторгнут только формальным духовным судом.

3) Главный предмет иска в делах сего рода составляет расторжение союза, освященного таинством Правосл. церкви, именно таинством брака, – предмет существенно и исключительно церковный. Чтобы дать свое заключение о сем, исключительно духовном предмете, духовная власть не может действовать в качестве единственно исполнительного учреждения, приводящего в действие решения и приговоры светского суда. Она имеет существенную обязанность взвесить и обсудить те основания, по которым ищут расторжения таинства брака; имеет непременный долг постановить сие важнейшее решение не иначе как по внутреннему убеждению в действительности и совершенной достаточности причин к постановлению сего важного решения, относящегося к таинству Церкви.

4) Существо других последствий, к которым может приводить этот иск, также требует духовного суда. Кроме расторжения брака этот иск имеет своим последствием – для одного супруга – лишение его права вступать в новый брак, осуждение на всегдашнее безбрачие („Уст. Конс.” 256). Это последствие определяется церковным законом, и присуждать это последствие будет церковная, а не светская власть. Опять и существо, и основание, и важность сего последствия требуют, чтобы церковная власть, имеющая исключительное право определить сие последствие, действовала в сем случае не как исполнительная только власть, приводящая в действие приговор другого суда, а как власть судебная, имеющая право взвешивать все обстоятельства дела и основания для постановления столь важного решения: ибо ответственность за определение лишения столь важного права очевидно должна лежать на той власти, которая к сему присуждает. Светский суд не может признать и не признает закона об этом последствии своим, следовательно, не может принять на свою ответственность и определение сего последствия.

5) Не представляется оснований к передаче сих дел из духовных судов в светские и в видах улучшения самого процесса дел сего рода. В образе производства сих дел светский суд будет следовать тому же самому методу и тем же самым приемам, как и духовный. В сих делах всякий суд, и духовный, и светский, должен основать свое решение на мнении экспертов. Так поступает ныне духовный суд. Так должен поступать и светский суд, если бы ему были переданы эти дела. Но есть важное различие в деятельности того и другого суда. Духовный суд, взвесив и обсудив свидетельство экспертов, постановит и заключение, как о факте, засвидетельствованном экспертами, так и о самых последствиях сего факта, в отношении к иску о расторжении брака. Светский суд, если бы ему переданы были эти дела, получив мнение экспертов, не имел бы права произнести приговора о последствиях, так как это дело исключительно Церкви, освятившей брачное сопряжение таинством. Деятельность светского суда в делах сего рода, так. образом должна была бы ограничиться сообщением духовному суду о признанной медицинским управлением неспособности одного из супругов, что может сделать, и теперь делает, медицинское управление само непосредственно.

6) С передачею дел о расторжении брака по неспособности из дух. суда светскому, при оставлении однако же за духовным судом расторжения брака и осуждения на безбрачие, произошла бы и та несообразность, что процесс производился бы одним судом, а последствия, и самые важнейшие, определял бы другой суд, или административное начальство. Светский суд, производящий дело, не может приговорить ни к расторжению брака, так как в светском кодексе в числе наказаний нет *расторжения брака,* ни к осуждению на всегдашнее безбрачие того лица, по вине которого брак расторгается; ибо и такого наказания в светских законах нет же. Производить процесс будет один суд, а определять последствия, налагать наказания – администрация другого ведомства. Светский суд, желающий привлечь к себе дела сего рода, если хочет быть последовательным и верным логике и юридической и обыкновенной, должен взять на себя все – и процесс и определение последствий, т. е. и расторжение брака, и осуждение на всегдашнее безбрачие одного супруга и разрешение вступить в новый брак другому. Тогда будет последовательность. Если же венчать браки, расторгать их и осуждать на безбрачие предоставят духовному ведомству, а судить, т. е. исследовать основания для расторжения брака и для осуждения на безбрачие – светскому суду, тогда не будут соблюдены самые первые и очевидные требования юридической и общежитейской логики.

7) Должно обратить внимание и на то весьма важное в настоящем деле обстоятельство, что вопрос об изъятии дел сего рода из ведомства духовного суда и о передаче их светскому, был в

недавнее время предметом обсуждения Св. Синода, и разрешен в смысле оставления сих дел в духовном суде на ныне существующих основаниях. Мнение свое Св. Синод изъяснил в 1864 г., по поводу предложенного на его рассмотрение мнения меньшинства (12) членов Комиссии, составлявшей „Судебные уставы".

В мнении 12 членов Комиссии было объяснено, что «по просьбам о расторжении браков, в случае неспособности одного из супругов к брачному сожитию, не может быть никакого сомнения, что самое расторжение брака зависит исключительно от духовной власти. Но не может быть также сомнения и в том, что дела об удостоверении в неспособности одного из супругов к брачному сожитию, по самому свойству их, несравненно более приличны судам светским, чем судам духовным [1]. Кроме того в них надлежит лишь определить самый факт неспособности и ничего больше; но для постановления такого определения нет надобности ни в специальном знании церковных правил, ни вообще всего того, что могло бы делать судей духовных более компетентными судей светских. По этому означенные дела нельзя не изъять из ведения судов духовных и не передать их в суды гражданские. Что касается до порядка производства их; то он может быть установлен таким образом: домогающийся развода супруг обратится в светский суд с просьбою об удостоверении в действительности факта неспособности другого супруга, и когда светский суд удостоверится в этом факте, то копия его решения и представляется просителем духовному начальству для зависящего с его стороны распоряжения о прекращении брачного союза» („Объяснит. записка", стр. 51).

Это мнение 12 членов Св. Синод нашел решительно неудобоприемлемым. Выраженную в этом мнении «мысль *о неприличии,* будто бы, судам духовным рассматривать дела о расторжении браков в следствие неспособности одного из супругов к супружескому сожитию» Св. Синод нашел совершенно *неуместною.* Ибо руководясь подобными мыслями о приличии, или неприличии тех, или других действий усвоенных Церковью служителям ее, из коих составляется духовный суд, прежде всего и с большею последовательностью надлежало бы указать на неприличие обязанностей священнослужителей по отношению к св. таинству покаяния, слагающемуся, преимущественно, из двух действий, во-первых из исповеди грехов со стороны кающегося, при чем священнослужители обязываются выслушивать все обнаруживаемые пред ними помыслы, слова и действия кающегося, нередко по свойству их несравненно более *неприличные* в том значении, какое придается означенным мнением делам о неспособности к супружескому сожитию, – и во вторых из *решения* со стороны служителя таинства обо всем пред ним обнаруженном, при чем для него неизбежен суд иногда о самых омерзительных делах человеческих. Неужели же собственно по этому, сообразно мнению заявленному 12 членами Комиссии, совершение таинства покаяния надлежало бы признать неприличным для духовных судей и предоставить судам светским?»

«Относительно сделанного в мнении указания на то, что так как в делах означенного рода надлежит определить самый факт неспособности и ничего больше, а для этого нет надобности ни в чем таком, что могло бы делать судей духовных более компетентными судей светских, и что посему дела сии должны быть изъяты из ведения судов духовных и переданы в суды гражданские», – Св. Синод заметил: «двенадцать членов положили в основу своего мнения мысль о том, что в делах сего рода оказывается необходимым исключительно одно только обстоятельство: удостоверение в действительности факта неспособности одного из супругов, и этим самым изъяли сии дела не столько из ведения судов духовных, сколько из ведения судов светских, передав их в непосредственное заведывание мест врачебных, ибо ни духовные, ни светские суды, сами по себе, нисколько не компетентны в отношении удостоверения в упомянутом факте. Как суды духовные, руководствуются, относительно удостоверения в этом факте, засвидетельствованием Врачебной Управы („Уст. Конс." 247), так, без сомнения, и суды светские не самолично и непосредственно могли бы удостоверяться в действительности неспособности оговоренного в этом лица. Поэтому, если ничего больше не нужно в делах этого рода, то для чего же необходимо еще решение гражданского суда? Проситель, минуя эту лишнюю инстанцию, мог бы непосредственно испросить от Врачебной Управы свидетельство о неспособности оговоренного им лица, и затем представить это свидетельство о неспособности духовному начальству, для зависящего с его стороны распоряжения о прекращении брачного союза».

«Из сего, кажется, ясно, что с принятием мнения 12 членов, гражданский суд, в делах этого рода, оказывался бы совершенно лишнею инстанциею; духовный же суд был бы только

исполнительным местом, выполняющим требование частного лица, основанное на врачебном свидетельстве. Но не может служить непременным и обязательным основанием для суда духовного, к расторжению брака, только удостоверение в неспособности одного из супругов к супружескому сожитию. Независимо от того, что суду духовному, прежде всяких других действий по иску о разводе в следствие неспособности, необходимо привесть в положительную известность: может ли быть принят им к производству подобный иск, ибо, по правилам церковным („Уст. Конс.” 245), он может быть начат только чрез три года после совершения брака; следовательно, суду этому необходимо сперва удостовериться в действительности события брака, и в том прошло ли три года от совершения оного. Независимо также от того, что самый факт неспособности, вполне обнаруженный и засвидетельствованный Врачебною Управою, не составляет еще основания к принятию и производству в суде духовном дела по иску о разводе, ибо для сего необходимо доказать также, что эта неспособность есть природная и что она началась до вступления в брак („Уст. Конс.” 246), – духовный суд обязан (и в этом существенный его долг) принять все меры, в церковных законоположениях предписанные, к тому, чтобы этот факт не был причиною к разводу, т. е. чтобы супруги, несмотря на действительность природной неспособности одного из них, оставались в брачном союзе, как остаются в оном супруги, когда неспособность к сожитию началась по вступлении уже в брак.»

По приведении всего вышеизложенного Св. Синод заключил: *одни уже вышеизложенные обстоятельства, не касаясь оснований канонических, по которым суд в делах о расторжении браков усвоен исключительно духовным судилищам, достаточно показывают несостоятельность мнения о том, что в делах о расторжении браков по неспособности надлежит определить самый факт неспособности и ничего больше, в следствие чего дела сии следовало бы передать в суды гражданские* [2].

8) Против употребленного Св. Синодом сравнения духовного суда с исповедью замечают, что исповедь нельзя считать судом, а приговор духовника судебным решением, потому будто бы, что духовник не решает вопроса о действительности фактов, а имеет дело со свободным показанием совести кающегося, и что на исповеди кающийся *не рисует* пред духовником соблазнительной, или грязной обстановки своих прегрешений и не выступает за пределы приличия; между тем открытый, формальный суд, исследует преступление по существу во всей совокупности предшествовавших ему и сопровождавших его обстоятельств, во всей полноте самых внутренних к нему влечений виновного лица. Замечание, основанное на полном намеренном, или ненамеренном недоразумении. Что исповедь есть суд, об этом нам свидетельствуют догматические книги (Преосв. Макария „Прав. догм. богословие” о таинстве покаяния). А что на суде о расторжении брака по причине неспособности не бывает и невозможно *рисование* соблазнительной и грязной обстановки и внутренних влечений – это ясно из того, что в этом роде дел нет *виновного* лица, а истец и ответчик суть, или по крайней мере должны быть по отношению к этому делу лицами в собственном и буквальном смысле *невинными,* первый невинен, потому что с ним не имели сожития, а последний невинен, потому что не по вине воли, а по вине природы не мог иметь сожития. Тут рисовать решительно нечего.

По соображении всего вышеизложенного, и в особенности утверждаясь на мнении Св. Синода, нельзя не признать предположение о введении в дела о расторжении браков по неспособности одного супруга, вместо одной церковной подсудности, еще и подсудности гражданской – с существом сих дел и с церковными правилами несообразным и никаких улучшений в производстве сих дел не обещающим, а напротив вводящим только излишнюю и совершенно бесполезную инстанцию гражданского суда. Самым правильным, и с существом сих дел сообразным, представляется оставление дел сего рода в духовном суде, на нынешних основаниях („Св. Зак.” т. X, 1, 45, 48, 49. „Уст. Конс.” ст. 241–247, 256–259).

Два другие вида бракоразводных дел, выше нами указанные – именно *дела о расторжении брака, когда один из супругов, приговорен к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, и в случае безвестного отсутствия одного из супругов,* также должны подлежать не ведению духовной администрации и не светскому суду, а духовному суду во всех тех предметах, по которым ныне подлежат духовному суду.

По действующим ныне законам брак может быть расторгнут только формальным духовным или епархиальным судом, по просьбе одного из супругов („Св. Зак.” т. X. кн. 1, 45, 73, 74; „Уст. Конс.” 231–237).

Необходимость деятельности духовного суда и недостаточность одной административной деятельности духовного начальства усматривается: 1) из важности самого правонарушения, подлежащего исследованию духовного ведомства. Предметом исследования здесь служит вопрос о расторжении союза, освященного таинством брака, и важность сего предмета, конечно, не может быть отрицаема. Частнейшие предметы, подлежащие разрешению духовного ведомства в делах сего рода, обозначены в ст. 50–60 „Свода Законов гражданских" (т. X, кн. 1) и в 231–237 ст. „Устава Консисторий". Предметы, обозначенные в сих статьях в соображении со статьями 25–27 „Уложения о наказаниях" составляют основание исследования и изыскания для духовного суда в приложении их к данному частному случаю. 2) К тому же заключению приводит и рассмотрение важности последствий, которые влечет расторжение брака. В делах сего рода один супруг ищет себе: а) права освободиться от данных пред лицом Церкви и Церковью освященных обязательств в отношении к другому супругу, состоящих в обязанности разделять участь избранного им лица до конца его жизни; б) ищет прекращения свободно и торжественно предоставленных им другому супругу прав на себя и в) приобретения себе свободы и права вступить пожизненно в законные же отношения с другим лицом и притом с церковным же освящением и ручательством. Все сии последствия столь важны, что могут иметь место не иначе, как вследствие судебного рассмотрения существа предъявленного иска. Наконец: 3) самое существо дел сего рода требует судебного рассмотрения, а не административного распоряжения. В делах сего рода предъявляется иск о праве церковном, иск о нарушении торжественно пред Церковью данного обязательства и вместе с сим о приобретении права вступить в новое таковое же обязательство с другим лицом. Существо дела – неоспоримо судебное, и ни в каком случае не административное.

Сторонники противной мысли, усиливаясь доказать, что дела этого рода суть дела не духовного суда, а духовной администрации, находят возможным утверждать, будто предметом иска в настоящем случае бывает не расторжение брака, а рассмотрение правильности просьбы лица, желающего вступить в новое супружество и что закон, когда рассуждает о сем предмете, то имеет в виду административные, а не судебные действия духовного начальства („Улож. о нак". 27). Странно, каким образом сторонники этой мысли не замечают, что в той же статье закона, на которую они делают ссылку, предмет деятельности дух. начальства, о котором оставшиеся супруги могут его просить, составляет именно *расторжение брака,* а расторжение брака может быть совершено *только формальным духовным судом* („Св. Зак." т. X, 1, 45), и ни в каком случае не административным порядком. Закон единственным путем, ведущим к расторжению брака, признает формальный духовный суд; а сторонники противного мнения говорят, что предполагать в расторжении брака по причине присуждения одного супруга к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, какое-либо судебное действие дух. власти более чем непоследовательно, не давая себе труда раскрыть и доказать эту непоследовательность закона.

Передача дел сего рода из духовного суда светскому не возможна на том основании, что самое существо обязательства, которое ищут нарушить и существо права, которое хотят приобрести – чисто и исключительно церковные. Если бы брак, который ищут расторгнуть, не был заключен чрез торжественное обязательство, данное пред Церковью и с поручительством Церкви, и если бы искали не права вступить в новое таковое же обязательство пред Церковью, с церковным посредством и ручательством (гарантиею), что даваемое обязательство будет исполнено во всех частях, и без ведома и суда Церкви не будет нарушено, – в таком случае могла бы быть речь о передаче дел сего рода из духовного суда светскому. В делах о расторжении брака никогда и ни в каком случае не должно оставлять без внимания того обстоятельства, что в них всегда идет дело не только о двух сторонах и данном ими друг другу обязательстве, но и о церковном ручательстве (гарантии) в верности исполнения сего обязательства. Церковь ручается и свидетельствует при торжественном венчании брака, что каждый из вступающих в брак исполнит свои обязательства в отношении к другому и что ни одностороннее, ни обоюдостороннее нарушение сих обязательств не будет допущено иначе, как по причинам, ею признаваемым за достаточные к сему нарушению и в существовании которых, в каждом данном случае, она имеет непосредственное удостоверение чрез свой суд. Если бы дела о расторжении браков были переданы светскому суду, то ему, конечно, предоставлено было бы произнесение приговора и о сем обеспечении, даваемом Церковью, что, конечно, невозможно и несообразно.

То замечание, в частности относящееся к бракоразводным делам по причине безвестного отсутствия одного супруга, что дела о безвестном отсутствии производятся в светском суде, („Спб. ведом.” 1870 № 9) не имеет такого значения, чтобы по силе сего замечания признать возможною передачу дел сего рода в светские суды и в случае иска о расторжении брака по этой причине. Разные цели истцов возводят одно и тоже дело к разным судам. Когда предъявляется притязание к имуществу находящихся в безвестном отсутствии лиц, тогда, по точному смыслу 1451–1460 статей „Уст. Гражд. судопроизводства”, производят исследование о безвестно-отсутствующих окружные суды. Но когда оставшийся супруг безвестно отсутствующего ищет расторжения брака с ним, тогда по самому предмету иска (который есть расторжение союза освященного таинством брака), он должен обращаться к духовному суду, который исследование о безвестном отсутствии в сих случаях, по предметам обозначенным в 58 и 59 статьях 1 ч. X т. „Свода Законов”, производит при содействии полиции, как это с точностью разъяснено Правительствующим Сенатом (18 мая 1871 № 898 „Собр. Узакон.”). Разные цели иска, – от этого и разная компетенция; духовный суд не может разрешать вопроса об имуществе, а светский о таинстве брака. И как светский суд не признает бракоразводный приговор духовного суда по причине безвестного отсутствия одного супруга за достаточное и обязательное для себя основание к определению и имущественных последствий для безвестно отсутствующего; так и духовный суд, не может признать для себя обязательным приговор светского суда постановленный по иску об имуществе безвестно отсутствующего так, чтобы единственно на основании этого приговора постановить и расторжение брака. Разные иски, разные и суды и каждый в своей компетенции.

По сим соображениям изменять ныне существующий порядок производства дел сего рода и передавать оные из духовного суда в светский, не представляется оснований.

Церковное правительство признает необходимым стоять на этой точке зрения и в самое недавнее время (см. „Сенатский Указ” 18 мая 1871 № 898 „Собр. Узакон.”) заявило это положительным образом. Светская литература противоположного направления находит это заявление интересным в том отношении, что оно «обнаруживает стремление дух. ведомства (Св. Синода) удержать свои отношения к светским властям в том виде, как они существовали до судебной реформы», и хвалит Комитет духовно-судебной реформы за то, что он не держится стремлений духовного ведомства, а предоставляет эти дела светскому суду („Журн. Гражд. и торг. права” 1872, кн. 3, 439, 440). Смысл похвалы ясен.

Таким образом на вышеизложенных основаниях духовному суду будут подлежать дела:

а) о признании недействительными брачных сопряжений лиц, которым по расторжении брака возбранено вступать в новый („Св. Зак.” т. X. 1, 37);

б) дела о расторжении браков по неспособности одного супруга к сожитию („Св. Зак.” т. X. 1. 45, 48, 49), в случае безвестного отсутствия другого супруга (45, 57–60) и в случае присуждения к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния.

в) дела о нарушении правил касательно брака изложенных, в ст. 31, 33, 72 ч. 1 т. X. „Св. Зак.” и всех прочих по сему предмету постановлений в „Своде Законов” хотя и упоминаемых, но наказуемых только по церковным правилам. Запрещения существуют и указаны в „Своде Законов”; наказаний же за нарушение в светском законе нет, а существуют они в законах церковных. Ясно, что должен быть церковный суд.

IV. *Не светскому*, *а церковному суду подлежат преступления против веры и другие, соединенные с нарушением церковных правил и в том случае, если в светских законах полагается за оные лишь церковное покаяние, или отсылка к духовному суду.*

Таковы дела:

а) об уклонении от исполнения постановлений Церкви, указанные в 207–209 статьях „Уложения о наказаниях”;

б) о противозаконном сожитии неженатого с незамужнею („Улож. о наказ.” 994.; „Реш. Угол. касс. департ.” 1868 г. № 657, 694);

в) об отступлении от Православной веры в нехристианскую („Улож. о наказ.” 185), или в иное христианское вероисповедание (188) и другие дела, обозначенные в статьях „Уложения о наказ.” 870, 1208, 1470, 1473, 1511, 1521 и 1597.

Не может быть, и действительно нет речи, об изъятии дел о наложении церковного покаяния из духовного ведомства и о передаче их светскому суду; виды церковного покаяния и сроки его продолжения светский суд определять не может: нет у него законов об этом предмете. Против

этого спору нет. Но как с принятием этого положения оказался бы неизбежным нежелаемый вывод, что светские лица подлежат духовному суду, то для отстранения сего употребляются усиленные, чрезвычайные меры. Стараются доказать, что церковное покаяние не есть наказание, а что оно есть наставление и вразумление, и посему должно быть налагаемо хотя и в духовном ведомстве, но не судебным порядком, а административно, без суда.

Доказательства этого положения заимствуются: А) из положительных источников и Б) из теоретических соображений.

Как выставленное положение касается самого существенного предмета в рассматриваемом вопросе, и как от принятия, или непринятия этого положения зависит непосредственно разрешение вопроса о том – подлежат, или не подлежат в Православной церкви миряне церковному суду, то является необходимость тщательнее вникнуть в существо дела и выставляемые в пользу указанного положения доводы подвергнуть всестороннему испытанию.

А) В положительных источниках указывают подтверждение мысли: I) что епитимия не есть наказание и II) что епитимия не должна быть налагаема церковным судом.

I) В подтверждение той мысли, что епитимия не есть наказание доказательства заимствуют: 1) из катехизического учения Православной церкви, 2) из указаний на мнения, которыми руководствуется Святейший Синод, 3) из ссылок на действующие государственные законы и церковные постановления. Но все обыкновенно приводимые доказательства не имеют твердости, а напротив в тех же самых источниках, откуда они заимствованы, заключаются твердые основания противоположной мысли, – именно той, что *церковное покаяние или епитимия есть наказание.*

1) То мнение, будто «катехизическое учение Православной церкви не признает епитимию наказанием карательным, разумея под епитимией некоторые благочестивые упражнения и лишения, служащие к заглаждению неправды греха и к побеждению греховной привычки», – не может быть признано точным и полным, и посему имеющим какую-либо убедительность и силу. Если бы делающие это заявление привели и опущенные слова катехизиса, то и сами увидели бы и другим показали бы, что в состав епитимии входят и такие действия, которые прямо свидетельствуют, что епитимия может иметь и характер наказания, соединенного с лишением одного из важнейших прав христианина. Вот в полном виде усеченно приводимое место катехизиса: *Вопрос*: *что такое епитимия? Ответ*: *слово сие значит запрещение. См. 2. Кор. 11:6. Под сим наименованием*, *смотря по надобности*, *предписываются кающемуся некоторые особенные благочестивые упражнения и некоторые лишения*, *служащие к заглаждению неправды греха и к побеждению греховной привычки, как например: пост, сверх положенного для всех, а за тяжкие грехи отлучение от Святого Причащения на определенное время.* Таким образом из полного, а не усеченного изложения катехизического учения об епитимии ясно, что даже и та епитимия, которую имеет право налагать на кающегося духовник, т. е. епитимия за тайные грехи, открываемые кающимся духовному отцу на исповеди (о чем единственно идет речь в приведенном месте катехизиса), может иметь и карательные свойства, т. е. может состоять в лишении важнейшего права христианина – права приобщения Святых Таин. В церковных правилах епитимия прямо и ясно называется наказанием (Двукр. 10 *τιμωρία*) полагается за нарушение церковных постановлений, как возмездие, как кара. Так по 3 правилу Антиохийского собора *епископ, приемлющий пресвитера или диакона своим епископом изверженного от священнослужительства, подлежит епитимии от общего собора, яко нарушитель церковных постановлений.* Очевидно, что епитимия здесь не есть только вразумление, а карательное наказание.

2) Невозможно согласиться и с тем мнением, будто и Святейший Синод не признает епитимию наказанием. Ибо точно известны несколько документов, из которых ясно видно, что Святейший Синод епитимию признает за церковное наказание. Так в 1828 году Святейший Синод изъяснил Государственному Совету, что *церковное покаяние состоит в запрещении приобщения Святых Таин в положенное правилами соборными время, с посылкою иногда подвергшегося оному, по важности учиненного им преступления, на некоторое время в монастырь* (17 сент. 1828 г. Проток. л. 570). Во многих случаях, говоря об епитимии, Святейший Синод называет ее *штрафом,* а наложение епитимии *штрафованием* (См. напр. Проток. Св. Синода 1776 г. 25 янв.). За сим должно указать еще на два документа. Это – наставление священникам о том, как действовать на людей, преданных под их надзором публичной епитимии, составленное и в печатных экземплярах разосланное по церквам в 1852 году, по указу Святейшего Синода от 11

июня 1851 года, и еще указ Святейшего Синода от 24 сентября 1858 года о правилах относительно побуждения к исполнению христианского долга исповеди и Святого Причастия крестьян, нерачительных в сем отношении. Уже из самого заглавия указанного наставления видно, что епитимия есть наказание, налагаемое не самим духовным отцом, а только исполняется под его надзором; из 8-го же пункта «наставле- ния» видно и то, в чем состоит епитимия, как наказание. В этом 8-м пункте говорится: «общий способ исполнения епитимии полагать в том, чтобы падший непременно во все праздничные и воскресные дни, а в другие по возможности (в монастырях же во все дни) неопустительно ходил в церковь и в оной пред иконостасом полагал по 25, или же более земных поклонов, с произношением молитвы мытаревой: Боже милостив буди мне грешному! В среды же и пятки употреблял сухоядение, а в посты исповедовался, *от Святого же Причастия, кроме смертного случая, да возбранится.* Кроме сего несущий епитимию может исполнять какие-либо дела благочестия, возможные по его состоянию, например: раздаяние милостыни, посещение и призрение больных, поклоны домашние с молитвою Иисусовою и подобное». – В указе Святейшего Синода 24 сентября 1858 года, в пунктах 7 и 8, Святейший Синод предписывает, чтобы «епархиальное начальство, получая от священников реестр о неисповедовавшихся в течение трех лет сряду, *присуждало их к епитимиям*, состоящим из поклонов келейных или в церкви, смотря по возрасту и другим обстоятельствам, чтобы *сему же суду* подвергало оно и небывших два года сряду у исповеди и Святого Причастия, если священник вписал их в реестр нерадивых, в том предположении, что личные его увещания оказываются для них недействительными». Из обоих документов видно, что Святейший Синод епитимию рассматривает как наказание. Тоже самое ясно кроме сего и из всей практики Святейшего Синода.

3) Церковное покаяние или епитимия в том смысле, в каком оно употребляется в „Уложении о наказаниях”, в „Консисторском уставе” (158, 187, 4, 5; 278, 279) и в церковных правилах, не есть только вразумление и наставление, а напротив оно есть в истинном смысле наказание строгого характера и свойства, соединенное с лишением одного из важнейших и драгоценнейших прав христианина – права приобщения Святых Таин. Смешивая понятие церковного покаяния в том смысле, в каком оно употребляется в Уложении о наказаниях, с исповедью, конечно, можно не усматривать всей строгости и важности сего наказания и почитать оное вразумлением и наставлением. Но такое понятие церковного покаяния не будет верно выражать ту силу и значение, какие усвояются церковному покаянию в законе и правилах. Карательная сторона и строгость этого наказания заключается именно в соединенном с сим покаянием лишении приобщения Святых Таин на сроки иногда весьма продолжительные. Лишение этого права для христианина так страшно и так тягостно, как едва ли тягостно какое другое наказание. Если сравнивать это наказание с внешними уголовными наказаниями, то оно будет равняться наказанию, соединенному с лишением самого существенного права состояния на известный срок. Ибо нет в жизни христианина ничего более существенного, более важного, как приобщение тела и крови Христовой. В Уложении о наказаниях церковное покаяние прямо и ясно почитается наказанием. Это ясно видно, например, из статей „Уложения” 1586 и 1589, вновь редижированных и Высочайше утвержденных 12 мая 1869 года. Содержание первой из сих статей следующее: «Родители, изобличенные в принуждении детей своих к браку, подвергаются за сие заключению в тюрьме на время от 4-х месяцев до 1-го года и 4-х месяцев, и, буде они христиане, *предаются церковному покаянию* по распоряжению их духовного начальства. *Тому же наказанию* подвергаются родители, изобличенные в принуждении детей своих к пострижению в монашество, или к произнесению монашеских обетов». И тюремное заключение, и церковное покаяние одинаково почитаются наказанием и даже рассматриваются *как одно наказание,* как части одного наказания. Содержание 1599-й статьи следующее: «Опекун, изобличенный в принуждении каким бы то ни было образом лица, вверенного опеке его к вступлению в брак или в монашество, подвергается за сие *высшей мере наказаний,* определенных в статье 1586, *кроме лишь церковного покаяния».* Равным образом из ст. 58 „Уложения” ясно, что церковное покаяние в смысле наказания присоединяется к прочим наказаниям уголовным и исправительным, полагаемым на основании „Уложения”, но отнюдь не в смысле увещания и вразумления. В ст. 1597-й „Улож. о наказ.” за любодеяние в таких степенях родства и свойства, в коих, по церковным правилам, не воспрещено вступать в брак, виновные подвергаются *наказанию,* определенному в ст. 994; а по ст. 994-й виновные подвергаются одному только *церковному покаянию.* По статье 1574 священники православные за некоторые незаконные браки

подвергаются *взысканиям и наказаниям* на основании „Устава Консисторий”. А по „Уставу Консисторий” полагается за сие между прочим и церковная епитимия („Уст. Конс.” 199, 201, 187 п. 4, 5). Понятие увещания и вразумления, какое хотят дать церковному покаянию, совершенно не соответствует ни терминологии, ни мысли уголовного нашего законодательства. Это законодательство знает термин и понятие увещания и вразумления и употребляет его, но не в смысле наказания, как употребляет понятие церковного покаяния, а в других случаях, где неуместно употребление церковного покаяния, например: в случаях отступления от Православной веры в нехристианскую или неправославную („Улож. о наказ.” 185, 188, 207). Самый образ выражения, употребляемый нашим уголовным законодательством, когда оно говорит об увещании и вразумлении и когда говорит о церковном покаянии, показывает, что два первые действия законодательство разумеет не в смысле наказания, а последнее именно как наказание. Когда по уложению признается необходимым увещание и вразумление, то употребляется выражение, что лица, для которых сие нужно, *отправляются*, или *отсылаются* для сего к духовному начальству („Улож.” 185, 188, 207). А во всех случаях, когда признается необходимым церковное покаяние, говорится, что виновные *подвергаются, предаются церковному покаянию* (согласно 1 пр. VII Вс. собора: *Ἐπιτιμίῳ παραδίδονται*). Вообще наше „Уложение о наказаниях” ясно и положительно признает не только церковное покаяние, как наказание, но и вообще церковные наказания, налагаемые церковным судом на лица светского звания (208, 209). В „Уставе Консисторий” епитимия также рассматривается как наказание и ясно отличается от вразумления и наставления (ст. 17, 158, 187, п. 4, 5, 278, 279).

В виду сих ясных и не подлежащих ни малейшему сомнению доказательств, что церковное покаяние и по катехизическому учению Православной церкви, и по мнению Святейшего Синода, и по началам, принятым нашим светским законодательством и „Уставом Консисторий” есть наказание, не может подлежать ни малейшему сомнению та истина, что *церковное покаяние или епитимия есть церковное наказание.*

II) За сим не оказывается возможности согласиться и с тем мнением, будто церковное покаяние, или епитимия не была налагаема по церковному суду в Православной церкви. Напротив, в Православной церкви от самого начала и до ныне *епитимия была налагаема не только по тайному суду духовника, но и по открытому, формальному церковному суду.* К такому убеждению приводят следующие, неподлежащие ни малейшему прекеканию, доказательства:

1) В „Апостольских Постановлениях” подробно описан образ церковного суда, и из этого описания ясно видно, что отлучение от Святого Причастия и другие наказания, входящие в состав понятия церковной епитимии, были налагаемы вследствие открытого, формального церковного суда. Во второй книге „Постановлений” читаем: «судилища ваши да бывают во второй день после субботы... На судилищах пусть присутствуют с вами (епископами) и диаконы, и пресвитеры, судя, как люди Божии, со справедливостью и нелицеприятно... Когда же придет то и другое (т. е. обвиняющее и обвиняемое) лице, то каждое пусть станет посреди судебного места;... выслушивайте как обвиняющего, так и обвиняемого, только не по предубеждению, ни с потворством одной стороне, но по справедливости, как дающие приговор о жизни, или смерти вечной; ибо *кого вы наказали и отлучили справедливо,* тот отвержен от вечной жизни и славы, и у праведных людей бесчестен, и у Бога осужден. А приговор произносите не о всяком грехе одинаковый, но каждому свойственный со многим благоразумием, *обсуждая каждое прегрешение* как малое, так и великое, и иначе осуждайте преступление совершенное действием, иначе преступление словом и т. д….. и одних подвергай только угрозам, *другим назначай подаяние милостыни нищим, иным строгие посты, а других отлучай по тяжести преступления их.* Ибо и закон не за всякое преступление назначает одно и тоже наказание, но разные (Constitut. Ap. Lib. 11, 47, 48 ed. Pitra pag. 193, 194). Так и вы *за различные грехи налагайте и наказания различные.* …Вникая тщательно, произносите против обвиняемого приговоры осмотрительные и твердые; а если *после отлучения* он будет просить прощения, припадет к епископу и исповедует, что согрешил, принимайте его (с. 50 р. 196)».

2) Тертуллиан, писатель конца II-го и начала III-го века, о том же предмете в своей аналогии за христиан говорит: «с учительским наставлением мы соединяем и увещания, вразумления и *духовные на–*

Пропущена страница 28

скопы области, собравшися воедино, исследовали таковые недоумения: и таким образом достоверно оказавшиеся несправедливыми против епископа основательно всеми признаны были недостойными общения, доколе не заблагорассудить собрание епископов произвести о них более снисходительное решение (1 Всел. 5).» – На основании сего правила собор епископов области исследует и судит в качестве второй судебной инстанции дела по жалобам лиц, почитающих себя обиженными епископским судом, положившим епитимию, состоящую в отлучении от общения церковного.

На сих основаниях всегда и в последующее время утверждалась практика Православной церкви. Из XIV века сохранился до нашего времени следующий акт, свидетельствующий о том, что и в это время в Греческой церкви практика по сему предмету была согласна с древнецерковною и с нынешнею. Некто обвиненный в волшебстве, сужденный светским судом и понесший телесное наказание (*ἱκανῶς τιμωρηθεὶς*), отослан после сего к духовному суду (*εἰς τὸ ἱερὸν ἐκδικεῖον παραπεμφθείς*) для духовного наказания. Суд по сему делу происходил в Патриаршем синоде, который на основании собственного сознания обвиняемого и определил ему соответствовавшие его преступлениям епитимии по церковному обычаю (*ἀνηρτήθη τὰ κατ' αὐτὸν εἰς τὴν ἱερὰν καὶ θείαν συνόδον καντεύθεν, καὶ ἐδόθησαν αὐτῷ, κατα τῆν τῆς ἐκκλησίας συνήθειαν ἐπιτίμια ἀνάλογα τοῖς τοιαύτοις αὐτοῦ πταίσμασι*). Сущность сих епитимий состояла в следующем: стоять вне церкви и просить прощения у всех входящих в церковь и выходящих из оной, по окончании богослужения входить в церковь и прикладываться к святым иконам, не вкушать совершенно мяса, сыра, молока и яиц, класть каждый день по сто поклонов, кроме субботы и воскресенья и других господских праздников, в которые говорить с сокрушением сердца «Господи помилуй» 100 раз, стараться жить целомудренно, подавать милостыню по возможности. Если будет исполнять точно сию епитимию, то через три года она может быть смягчена по церковному определению; к причащению же Святых Таин он не должен быть допущен до конца жизни, исключая болезни, угрожающей смертью (ноября 1338. Act. Patriarckatus Const. 1, 180, 181.).

Таковы представляемые историею древней и поздней Греческой церкви свидетельства о судебной деятельности Церкви в делах, влекущих за собою церковную епитимию.

5) Согласно с Греческою церковью действовала и Русская церковь, за открытые и явные преступления налагая церковные епитимии по формальному церковному суду. Вот некоторые примеры подобной практики Русской церкви. В 1575 году для рассуждения о 4-м браке Царя Иоанна Васильевича был в Москве собор из 10-ти архиереев, 13-ти архимандритов и игуменов и других духовных лиц. В заседании собора, бывшем в Московском Успенском соборе, предложено было вниманию собора прежде «избрание от правил святых Апостол и святых Вселенских седми соборов,» – именно правила Неокессарийского собора 3, Василия Великого 4 и 80, правила из Номоканона, и сообразно с сими правилами собором *положена заповедь Царю* – в церковь не входити до Пасхи, а на Пасху войти, и в том его по благословению и прощению собора разрешити духовнику его, и к доре ему меньшей идти и пасху ему вкушати: тот ему день дан на разрешение. Потом лето едино быти с припадающими и как перейдет то лето, и в том его Государя на пасху духовнику его по нашему благословению и прощению разрешити и к доре ему Государю большей и меньшей идти. Потом лето едино с верными стояти, и как перейдет то лето, в том его Государя также на пасху духовнику его разрешити и Божественных Христовых Таин Дарю Государю причащатися. А с лета 7081 отцы собора благословили и разрешили Царя Государя к Пречистому хлебу после стола ходити и приимати по Владычним праздникам и по Богородичным, когда его Государя Бог сподобит ко святой воде и к чудотворцевым медам.»

В 1762 году священник донес Московской консистории на крестьянина, что он не молится Святителю Димитрию Ростовскому и называл его не Чудотворцем, а обливанцем. Консистория через полицию требует крестьянина к себе, допрашивает. Крестьянин отвечает, что говорил ли какие речи о Святителе и Чудотворце Димитрие, за крайним в то время винопитием, не упомнит и просил милостивого прощения. Консистория определяет ему следующую епитимию: употреблять оного крестьянина к слушанию всякого церковного пения, чрез месяц по все дни в приходской церкви и класть пред иконою Чудотворца Димитрия Ростовского по 50 земных поклонов; в среды и пятки употреблять один хлеб с водою („Чтен. в Моск. Общ. любит. духовн. просв.” кн. XI, 43, 44). Подобным образом судебным же порядком производятся в Московской консистории в прошедшем столетии дела о предании епитимии за ненамеренное убийство, за

блудное прижитие младенца, за прелюбодеяние по жалобе мужа, не ищущего развода („Чтен. в Московск. Общ. люб. духовн. просвещ.” кн. IX, 252).

Из всех предложенных указаний несомненно вытекает то заключение, что епитимия и в древней Церкви, и в поздней Греческой и в Русской была налагаема по церковному формальному суду.

На основании сих ясных правил, сей многовековой практики и нынешние правила, законы и практика церковного суда ясно, определенно и несомненно признают, что церковная епитимия есть наказание, налагаемое церковным судом, а не иным каким порядком.

6) По „Уставу Духовных консисторий” епитимия должна быть налагаема по церковному суду церковно-судебным, а не административным порядком. В 158 статье „Устава Консисторий” содержится общее определение существа дел сего рода и говорится буквально следующее: *епархиальному суду подлежат люди светского звания по проступкам и преступлениям*, *подвергающим виновного церковной епитимии.* Из сего общего определения и из занимаемого им места в разделе „Устава”, содержащем правила о церковном суде, без всяких других разъяснений очевидно, что наложение епитимии есть действие, принадлежащее к судебной, а не к административной деятельности Церкви и что вследствие сего во всех дальнейших упоминаниях об епитимии должно разуметь судебную, а не административную деятельность Церкви, хотя бы где по прежней терминологии и говорилось, что епитимия налагается духовным начальством. И сие совершенно ясно из различных статей „Консисторского Устава”. Так, например, в статье 238 говорится: *брак в следствие иска супругов расторгается не иначе*, *как по определению епархиального суда.* Статья 256-я: *если будет доказано о нарушении супругом святости брака прелюбодеянием*, *то ответствовавшее лицо подвергается епитимии по церковным правилам.* Статья 219-я: *брачные сопряжения лиц*, *которые состоят в ближайшем родстве духовном по восприемничеству от святой купели или же в ближайших степенях родства плотского, расторгаются и брачующиеся предаются покаянию.* А незаконные браки по родству судятся епархиальным судом. Судом же, следовательно, присуждается и покаяние, как это прямо и сказано в „Уложении о наказаниях” (ст. 1559). В 278-й статье „Устава Консисторий” говорится, что церковное покаяние на людей гражданского ведомства налагается епархиальным начальством за проступки и преступления, которые обнаруживаются по делам, производившимся в епархиальном ведомстве. О лицах гражданского ведомства в епархиальном ведомстве дела производятся только судебные. Следовательно, лица гражданского ведомства подвергаются епитимии за проступки и преступления, которые обнаруживаются по судебным делам, производившимся в епархиальном ведомстве. И, следовательно, епитимия налагается судебным, а не другим каким порядком: ибо невозможно представить, чтобы суд, произведши дело, наложение церковного покаяния предоставил административной власти. Одно и тоже епархиальное начальство, действуя в качестве суда, и исследует дело, и налагает епитимию. Это не может подлежать никакому прекаканию. В виду сих яснейших и не подлежащих ни малейшему прекаканию доказательств, что епитимия по действующим ныне правилам налагается духовным судом и судебным, а не другим каким порядком, решительно не может быть признано правильным мнение будто «в Духовных Консисториях ныне дела о наложении епитимии не считаются судебными, потому что они ведутся обыкновенно по журналам, а не по протоколам». Консистории, действующие таким образом и не считающие дел о наложении епитимии судебными, поступают вопреки 158, 278 и 279 статьям „Устава Консисторий” и совершенно неизвестно на каких основаниях, ибо о производстве дел о наложении церковной епитимии правила содержатся только в судной части „Устава” (Раздел 111. „Епархиальный суд”), и производятся сии дела не по журналам, а всегда по протоколам, согласно 322 статье „Консисторского Устава”, в которой ясно сказано: «протоколы составлять по делам следственным и судным, решаемым окончательно.» В Московской Консистории, например, в 1871 году в числе других производились три дела, переданные в Консисторию из Окружного суда: 1) о предании церковному покаянию крестьянина за непредумышленное убийство; 2) Штабс Капитана за непринятие мер предосторожности против собак, последствием чего была смерть мещанки и 3) крестьянской девицы за любодеяние. Сии, как и все прежние сего рода дела производились как судные дела и по оным составлены протоколы по форме „Консист. Устава” № XVII в следующем виде; . . . *слушали:* отношение прокурора Окружного суда №№ . . . *приказали*: по применению к 23 правилу Анкирского собора епитимию четырехлетнюю возложить под смотрением духовного отца с предоставлением ему права сократить время епитимии, т. е.

допустить до Св. Причастия и прежде окончания срока, если .... О сем сообщить г. прокурору. За сим следует подпись членов и скрепа секретаря и столоначальника. Равным образом и в Святейшем Синоде дела о предании церковному покаянию всегда производились и ныне производятся, как судебные дела, судебным, а не административным порядком, не по журналам, а по протоколам, подписанным всеми членами, скрепленным обер секретарем и секретарем и обращаются к исполнению по пропуске Обер Прокурором. Для удостоверения в сем можно указать следующие протоколы Святейшего Синода, принадлежащие прошедшему и настоящему столетиям: 13 и 20 сентября и 4 октября 1732 г.; 1 июня 1775 протокол № 142; 1779 мая № 68, июня № 62, июля №№ 3 и 48; 1780 апреля и 10 октября л. 304; 1781 сентября л. 104, 119; 1782 – октября л. 352, декабря № 70; 1785 – августа № 5, сентября № 32, 49, 56, декабря № 64; 1786 марта № 77; 1787 октября № 58, 59, декабря № 19; 1788 октября № 56; 1789 мая № 37, 38 июня № 14, августа № 9; 1791 октября № 351 ил. 365; 1799 января л. 101, 124, февраля л. 142, марта л. 285; 1795 января № 13, 28, 46, февраля № 50, июня № 13; 1797 августа № 1 и 53; 1799 апреля № 19, 34; 1800 марта № 100; 1802 февраля № 40, марта № 60; 1804 мая л. 81; 1805 февраля № 17, 32, марта № 45, 76; 1806 января № 75; 1815 апреля л. 24; 1819 октября № 4; 1820 февраля л. 634, декабря л. 38; 1826 августа л. 529; 1827 ноября л. 94; 1828 сентября л. 570; 1831 декабря л. 91, 374 и № 168; 1836 января № 40 и протокол 10-го апреля; 1842 ноября №№ 150, 151, 152, 185, 188; 1843 февраля № 49; 1844 октября №№ 122, 166, 167; 1850 февраля л. 161, 162 и 357; 1852 марта № 149; 1864 протокол № 142. Как в указанных для примера протоколах Святейшего Синода, так равно и во всех прочих случаях, когда дело идет о наложении церковного покаяния или епитимии, Святейший Синод действует судною своею властью, рассматривает сии дела как судные и во всей синодальной практике нет ни одного случая, когда бы дело сего рода было разрешено только по журналу. Яснейшим образом мысль о производстве дел о наложении церковного покаяния судебным, а не административным порядком выражена Святейшим Синодом в приведенных выше указах 1852 и 1858 годов и при составлении „Судебных Уставов” (см. журн. „Госуд. Совета” 1862 г. № 65 стр. 250 и „Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. 11, 366).

7) Сколь ясно и несомнительно признается церковное покаяние или епитимия наказанием, налагаемым по церковному суду на основании церковных правил и церковной практики, столь же несомненно подтверждается сие и действующими светскими законами – „Сводом Законов” изд. 1857 года, „Уложением о наказаниях” и „Судебными Уставами” 1864 года. В X т. „Свода Законов” (кн. 2) находим, например, следующие статьи: все дела о признании законности, или незаконности браков и о расторжении браков подлежат *ведомству судов духовных* (ст. 796). Светские присутственные места в случае поступления к ним сих дел, предоставляемых *суждению духовной власти,* обязаны обращать их немедленно в духовные правительства (ст. 798). За вступление же в незаконные браки и в случаях расторжения брака, виновные лица подвергаются по церковным правилам епитимии, следовательно, порядком духовного суда, а не иным. В „Уложении о наказаниях” 57 статей [3], в которых упоминается о церковном покаянии, налагаемом или сверх уголовного наказания или же отдельно. Что касается тех случаев, когда за преступление полагается только церковное покаяние, то необходимость духовного суда в сих случаях не может подлежать ни малейшему сомнению или прекословию. В 149 статье „Основ. положений уголовного судопроизводства”, Высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г., прямо говорится, что *дела о преступлениях*, *за которые в законах полагается лишь церковное покаяние*, *подлежат исключительно суду духовному.* В 1002 статье „Устава Уголовного судопроизводства”, Высочайше утвержденного 20 ноября 1864 года, говорится тоже самое, а именно: *дела о преступлениях и проступках, за которые в законах уголовных полагается лишь церковное покаяние, подлежат исключительно лишь духовному суду* [4]. Несомненно, с другой стороны и то что и в тех случаях, когда по „Уложению о наказаниях” церковное покаяние присоединяется к другому наказанию – для определения церковного покаяния необходима церковно-судная, а не другая какая деятельность. В делах, когда церковное покаяние присоединяется к наказаниям уголовным или исправительным духовному ведомству предлежит на основании закона, определить вид церковного покаяния и срок продолжения оного („Улож. о нак.” 58, примеч. 1). Очевидно, что и то и другое, и определение вида наказания и определение продолжения оного, может быть предметом только судебной, а не административной деятельности духовного ведомства. Посему никаким образом невозможно признать справедливым то толкование, будто все статьи „Уложения”, в которых полагается церковное покаяние сверх уголовного, должны быть понимаемы в той силе, что церковное покаяние в сих

случаях должно быть налагаемо не духовным судом, а духовным начальством или администрациею. Против такого толкования должно указать на недостаточно логическую и юридическую постановку дела при таком толковании: ибо с принятием его оказывалось бы, что из двух частей наказания за один и тот же проступок, одна налагается судом, другая администрациею. И в подтверждение этого должно указать, что мысль о такой несообразности не чужда была самой законодательной власти, так как в „Основных положениях" 1862 года 1003 статья, в которой думают видеть основание к такому толкованию, изложена в смысле противоположном, именно в ней сказано: «дела о преступлениях, за которые в законах определено сверх церковного покаяния какое-либо другое наказание, решаются светским уголовным судом, приговор коего сообщается *суду духовному для предания осужденного церковному покаянию* (ст. 150). Равным образом и в мотивах к этой статье прямо и ясно дела сего рода отнесены к делам, подлежащим духовному суду. О 1003 статье в мотивах к ней говорится: «это постановление, основанное на „Своде" 1857 года, согласно заключению Святейшего Синода, положено оставить без изменения в числе других общих правил подсудности *по делам, подлежащим суду духовному.* В журналах „Соединенных Департаментов Государственного Совета" таже мысль выражена самым ясным образом (Журн. „Соед. Департ." по проекту „Угол. Суд." стр. 20). Почему не удержан в точности и в самой статье этот именно термин, употребленный и в 150 статье „Основных положений" и в мотивах к 1003 статье – это нигде не объяснено. Но самое вероятное объяснение этого случая то, что и „Судебные Уставы" употребляют здесь старую терминологию „Свода" 1857 г. и „Устава Консисторий" и усвояют судебную функцию духовному начальству, разумея этот термин в общем смысле духовного ведомства, духовной власти. В самом „Уложении" есть прямая и весьма ясная статья, показывающая что и в сих делах двоякой подсудности, в которых полагается и уголовное наказание, и церковная епитимия, необходима и деятельность церковного суда для наложения епитимии. Это статья 1559, содержание которой следующее: «лицо, исповедующее веру Православную, за вступление заведомо в брак в такой степени родства или свойства, в которой закон не дозволяет браков, подвергается за сие: заключению в тюрьме на время от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев и *церковному покаянию по определению церковного суда.* Что не в этом только частном случае, а и вообще церковное покаяние в духовном ведомстве, по точному разуму светского законодательства, должно быть налагаемо духовным судом, а не духовною администрациею, должно быть присуждаемо – в этом не оставляет ни малейшего сомнения 168 статья „Уложения о наказаниях". В этой статье говорится: *церковное покаяние, к коему прощенный виновный был присужден,* прекращается или продолжается по усмотрению духовного начальства его вероисповедания». Есть по светским законам и еще роды дел, в которых обвиняемые могут быть подвергаемы церковному покаянию и, конечно, по духовному суду. Это – случаи, когда в уголовных законах полагается отсылать к духовному начальству для поступления по правилам Церкви. Таковы, например, случаи, указанные в статьях 188, 207, 208. То, что́ разумеется здесь в уголовных законах под наименованием: *поступление по правилам Церкви,* может состоять в случаях, указанных в первых двух статьях, т. е. в 188 и 207, не только в наложении церковной епитимии, но и в совершенном отлучении от Церкви. Если, например, отступивший от Православного в иное христианское исповедание, после сделанного ему увещания и вразумления, обращается опять к Православию, ему должна быть определена епитимия порядком духовного суда, по взвешении и обсуждении всех обстоятельств дела, побуждений отступления и пр. Если не возвращается – должен быть отлучен от Церкви, опять же церковным судом, по важности самого наказания, а не административным порядком. Правильность такого толкования опять подтверждается тем, что оно есть легальное толкование, содержащееся в самом законе. В тех же – 149 ст. „Основных положений", Высочайше утвержденных 29 сентября 1862 года и в 1002 „Устава Уголовного судопроизводства" 1864 г. говорится, что дела о преступлениях и проступках, за которые в законах уголовных полагается отсылка виновного к духовному суду, подлежат исключительно духовному суду. Государственный Совет признал прямо и ясно, что проступки и преступления, за которые полагается церковное покаяние, подлежат духовному суду (Журн. „Соединен. Департ. Госуд. Сов." стр. 90).

На основании всех представленных прямых доказательств должно прийти к заключению, что и по „Уложению о наказаниях" и по „Судебным Уставам", церковное покаяние есть такое наказание, которое должно быть налагаемо по духовному суду.

То толкование будто и в „Уставе Консисторий” и в „Уложении о наказаниях” те статьи, где говорится о наложении епитимии или церковного покаяния епархиальным начальством, следует изъяснять так, что церковное покаяние по силе сих статей должно быть налагаемо не церковно-судебным, а административным порядком, – решительно не может быть признано правильным. Невозможно умозаключать таким образом, будто во всех статьях „Устава Консисторий” и „Уложения о наказаниях”, где употребляется термин: *епархиальное начальство,* должно разуметь церковную администрацию. Общее и существенное доказательство против сего состоит в том, что все статьи, в которых упоминается о церковном покаянии, или епитимии помещаются в той части „Консисторского Устава”, в которой содержатся правила исключительно о епархиальном суде. За сим должно изъяснить, что терминология „Консисторского Устава”, не имеет нынешней определительности и точности и посему не представляет оснований делать из нее указанные выводы. Термин: *епархиальное начальство* употребляется в „Уставе” в общем смысле безразлично и когда говорится об администрации, и когда говорится о суде. В статьях „Устава Консисторий” 257, 258 и 259, например, говорится о решениях епархиального суда по бракоразводным делам и об отзывах против сих решений, – очевидно, о предмете к суду относящемся, и однако же вот в каких терминах: статья 257 *решения епархиального начальства* по бракоразводным делам объявляются обеим сторонам.» Статья 258: «если *решением епархиального начальства* полагается отказать истцу и брак оставить в своей силе, то недовольный таковым решением может принести жалобу Святейшему Синоду». Статья 259: «если *решением епархиального начальства* предполагается расторгнуть брак, то недовольный сим решением должен представить в Консисторию отзыв с изложением оснований, по которым признает решение епархиального начальства неправильным. Сей отзыв епархиальное начальство должно представить Святейшему Синоду, вместе со своим решением, подлинным делом и экстрактом из оного». Из сих статей яснее дна видно, что по терминологии „Устава Консисторий” и суд производит епархиальное начальство и управляет епархиальное же начальство, и что из терминологии „Устава” решительно нельзя выводить того заключения, которое выводится. Эта терминология, т. е. усвоение и судных действий духовному правительству, или начальству заимствована в „Устав Консисторий” из „Свода Законов” издан. 1832 года, в котором содержатся, например, статьи в роде следующих: *дела о многобрачии* и определение за оное, по правилам церковным, наказания, подлежат ведомству *духовных правительств* (т. XV, 1, 662). Или: *жалобы о прелюбодеянии* подлежат ведомству и рассмотрению *духовных правительств* (ст. 664). Или: *при осуждении на церковное покаяние* никакого времени на то не определять, а предоставлять назначение сие *духовному начальству* (ст. 79)». Эта терминология, перешедшая из свода 1832 года в „Устав Консисторий”, отсюда т. е. из „Устава” перешла в „Уложение о наказаниях” 1845 года и в нем остается доныне. В иных случаях наложение церковного покаяния „Уложение” усвояет духовному суду, а в других совершенно тождественных по существу и почти рядом в „Уложении” поставленных, – духовному начальству. Так по 1559 статье „Уложения” за вступление в брак в запрещенной степени родства виновное лицо подвергается сверх светского наказания еще *церковному покаянию по определению духовного суда*; а по статье 1564 за вступление в 4-й брак или с нехристианами, виновные, сверх светского наказания, предаются *церковному покаянию по распоряжению духовного начальства.* По терминологии „Уложения” и другим наказаниям духовные лица подвергаются по усмотрению их духовного начальства (ст. 1569). Эта терминология сохранилась в „Своде Законов” 1857 года, где судебные действия усвояются духовному начальству, которое, по мысли законодателя, в сих случаях действует, конечно, не в качестве администрации, а в качестве суда. Так в 45 ст. 1-й кн. X тома „Свода Законов” читаем: *брак может быть расторгнут только формальным духовным судом,* а в статьях 50, 54 и 56 говорится, что супруги, желающие расторжения брака по законным причинам, могут просить об этом свое *духовное*, *или епархиальное начальство.* Или в ст. 282 кн. 1 „Св. Зак.” т. IX говорится: лица духовного состояния в определенных случаях подлежат одному *суду духовного правительства.* Подобно сему и действия светского суда, по терминологии „Свода” 1857 г., усвояются гражданскому начальству; так, например, говорится, что дела о браках, венчанных раскольническими попами *подлежат суду и решению гражданского начальства* („Св. Зак.” т. X, 1, 33). Терминология, очевидно не имеющая нынешней точности, и очевидно употребляющая слово: *начальство* вместо слова: *власть* в общем смысле, без различения власти судебной от административной. Но никто не думал, чтобы на этой неточности терминологии можно было

основывать заключение о производстве дел о наложении церковного покаяния, равно как о расторжении браков и о противозаконных раскольнических браках только административным, а не судебным порядком. И Святейший Синод и епархиальные начальства производили и производят эти дела, как дела судебные. И когда при составлении новых „Судебных Уставов" потребовалось более точное определение – к какому порядку судебному, или административному отнести дела, соединенные с наложением церковного покаяния, – то Святейший Синод положительно и определительно изъяснил, что эти дела – судебного, а не административного рода. И вот почему мы видим в „Судебных Уставах" статью, что дела, за которые в уголовных законах определяется церковное покаяние, подлежат духовному суду, а не представляются ведению духовного начальства.

На основании всего вышеизложенного не может подлежать сомнению то положение, что по положительным источникам церковного и светского права епитимия или церковное покаяние: а) есть наказание и б) что она налагается по церковному суду.

Б) Представляют и разные теоретические соображения в подтверждение той мысли, что епитимия не есть наказание и что она не должна быть налагаема по церковному суду.

Но и эти соображения не могут выдержать строгого испытания и привести к принятию той мысли, в пользу которой приводятся.

1) Прежде всего нельзя признать убедительными те соображения о существе, свойствах и последствиях церковного покаяния, на основании которых заключается, что церковное покаяние не есть наказание и не может быть налагаемо по формальному суду, а только по суду духовника, которому одному можно знать недостоинство известного лица и что нельзя на будущее время разрешить – будет или не будет кто достоин Святого Причастия. С этим соображением решительно невозможно согласиться, потому что свойство епитимии, как наказания совершенно таково же, как и всех наказаний. Как все наказания полагаются не за будущие, а за сделанные уже преступления, так епитимия – только за сделанные грехи и преступления. Как по всем пенальным кодексам за некоторые преступления полагаются наказания, соединенные с ограничением прав состояния гражданина на известные сроки, так и по церковным правилам за некоторые содеянные уже грехи и преступления полагается епитимия, или наказание, соединенное с ограничением одного из важнейших прав Христианина, именно – права приобщаться Святых Таин в продолжение определенного времени, иногда даже на всю жизнь, с дозволением приобщиться только при конце жизни (Вас. Вел. 73; Григ. Нисск. 2), подобно тому как в светских пенальных кодексах есть наказания, соединенные с лишением прав состояния без срока. Вся разница между светским уголовным судом и церковно-уголовным (если можно так сказать) в этом случае, т. е. в наложении наказаний, соединенных с ограничением прав состояния, заключается в том, что светский уголовный суд полагает наказания, соединенные с ограничением прав состояния, только за явные, формальным судом доказанные преступления, а духовно-уголовный суд имеет власть и средства полагать таковые наказания и за явные, открыто содеянные грехи и преступления, и за тайные. В первом случае он действует как открытый формальный суд, во втором – он действует тайно судною властью духовного отца. Посему предлагать, чтобы за открытые и явные преступления епитимия была налагаема тайным судом духовного отца, – значило бы совершенно уничтожать всякое различие между грехом тайным и преступлением открытым и отрицать возможность загладить происшедший вследствие явного преступления соблазн – открытою, судом назначенною епитимиею. Предлагать же открытую, судом назначаемую епитимию совсем отменить, значило бы тоже самое, что предлагать государству отменить наказания, соединенные с ограничением прав состояния гражданина. Никакое общество не может существовать без карательных в отношении к своим членам взысканий, без возможности ограничивать права, предоставленные членам общества и даже совершенно лишать оных. Не может существовать без этого и Церковь, как общество верующих во Христа Спасителя. Если всякое общество, даже самое малое, имеет право суда над своими членами, имеет право подвергать их и исправительным взысканиям и даже крайним наказаниям, состоящим в исключении из общества, то невозможно и Церковь, как общество верующих, лишать власти суда над своими членами, власти налагать на них судебным порядком наказания исправительные, власти налагать на них и наказания крайние, состоящие в совершенном отлучении от Церкви. Все христианские исповедания имеют церковные наказания и налагают оные на своих членов церковно-судебным порядком. В протестантском, конечно самом либеральном христианском исповедании, существуют и различные наказания, налагаемые на

мирян по церковному суду (см., напр., „Свод Зак.” т. XI кн. 2, ст. 549) [5]. То замечание, что налагать епитимию, соединенную с отлучением от Св. Причастия по суду значило бы налагать наказание за будущее недостоинство, должно быть устранено в виду того соображения, что и епитимия, как всякое наказание, налагается не за будущие преступления, а за те, которые уже совершены. Указание на отсутствие в церковном покаянии карательного характера и принудительной силы к исполнению его, как на признак, по которому оно не должно быть поставляемо в лестнице наказаний, налагаемых по формальному суду, не может быть признано точным и решительным. Ибо и карательный характер, и принудительная сила к осуществлению этого наказания – имеются. Причащение отлученному не будет преподано и таким образом наказание будет приведено в исполнение. Указанию же на то, что таковой может приобщаться Святых Таин в других местах противопоставляется другое – именно то, что и приговоренный светским судом к тюремному заключению может убежать. Что касается указания на бессилие епитимии прекратить то преступное деяние, за которое оная полагается и на могущий вследствие сего произойти соблазн, то в виду сего указания должно заметить, что как епитимия, подобно всем средствам Церкви, есть средство чисто нравственное, то и действие ее может быть только нравственное. При епитимии имеется в виду духовными лишениями дать грешнику восчувствовать тягость его духовного состояния и возбудить в нем сознание необходимости исправления и заглаждения учиненного греха. Само собою разумеется, что епитимия, как и все средства, употребляемые для действования на человека, может не иметь успеха. В таком случае епитимия может быть усилена. Если и за сим епитимия не производит желаемого Церковью действия, то Церковь может принять только ту крайнюю меру, что неисправимого лишит Святого Причастия до исправления или же до конца его жизни (Ср. Синод. Проток. 14 февр. 1802 г. № 40). Как епитимия есть наказание духовное, наказание для лиц, признающих Православную церковь и ее судную власть, – то и обеспечения могут быть только духовные и только в пределах признания Церкви. В одном из решений Патриаршего Константинопольского суда 1400 года читаем следующее определение на случай неисполнения епитимии: «если в чем-либо не будет покорен подвергнутый церковным судом епитимии или не во всем исполнит данный ему канон, то пусть знает, что будет безответен и не прощен в день судный и будет осужден пред Ангелами и человеками (Act. Patriarch. Const. 11,535).» Других внешних принудительных мер Церковь в своем распоряжении не имеет. Но утверждать на этом основании, что не должна она действовать и теми внутренними духовными средствами, какие находятся в ее распоряжении, было бы столь же неправильно, сколь неправильно было бы утверждать, что, например, ссылка в каторжную работу не нужна на том единственно основании, что преступники иногда оттуда убегают и даже не по одному разу. Если епитимия иногда оказывает действие на грешника, то ни в каком случае она не должна быть исключаема из числа духовных наказаний и мер, которые должна употреблять Церковь и путем суда открытого, формального, и путем суда тайного, чрез духовника.

2) Требовать отмены церковного покаяния в смысле наказания, назначаемого духовным судом, невозможно и потому, что государственный закон признает это покаяние наказанием. Если общий закон требует не только предания церковному покаянию, но требует и духовного суда для определения покаяния как наказания, то исключать сие наказание из числа наказаний, налагаемых духовным судом, невозможно. Духовный суд, по силе самого светского закона, не говоря уже о церковных правилах, будет обязан заниматься рассмотрением дел, влекущих за собою и церковное покаяние. Следовательно, нельзя этого наказания вычеркнуть из системы наказаний, налагаемых церковным судом. Пока в „Уложении” упоминается о церковном покаянии и в „Судебных Уставах” (ст. 1001–1003) излагаются правила, что в некоторых случаях виновные судятся в духовном суде и присуждаются к церковному покаянию, до тех пор и в лестнице наказаний, налагаемых церковным судом, должно иметь место и церковное покаяние. Предположение об исключении церковного покаяния из числа наказаний, налагаемых церковным судом, вторгалось бы в область материального права и при том не церковного только, а и светского уголовного. Проектировалась бы отмена такого наказания за проступки и преступления, которое светский законодатель признает необходимым. По роду и свойствам некоторых преступлений законодатель признает оные наказуемыми церковным покаянием и не считает возможным оставлять оные без всяких последствий. И до тех пор, пока эта воля законодателя существует ясно и положительно выраженною в законе, едва ли правильно и основательно отрицать эту волю. А что воля уголовного законодателя именно такова, и после

составления „Уложения” до настоящего времени не изменилась, – это достаточно подтверждается тем, что уголовный законодатель и при пересмотре „Уложения” 1845 года в 1866 году, не отступил от прежних воззрений на необходимость церковного покаяния и не исключил оного из системы наказаний, налагаемых церковным судом, – а равно и в законах самого последнего времени признает церковное покаяние наказанием, необходимо присоединяемым к наказаниям уголовным и исправительным. В мнении Государственного Совета, Высочайше утвержденном 12 мая 1869 года, приведенном нами выше, родители, изобличенные в принуждении детей своих к браку, к пострижению в монашество, или к произнесению монашеских обетов, подвергаются за сие заключению в тюрьме на время от 4-х месяцев до одного года и четырех месяцев, и, буде они христиане, предаются церковному покаянию („Улож. о нак.” изд. 1866 г. ст. 1586 по продолж.). В мнении Государственного Совета, Высочайше утвержденном 26 апреля 1871 года, ст. 1583 „Уложения о наказаниях”, 1866 года, изложена следующим образом: «за нанесение жене увечья, ран, тяжких побоев или иных истязаний и мучений виновный подвергается наказаниям определенным в гл. III разд. X сего „Уложения” с возвышением оных двумя степенями; сверх того если виновный христианин, он предается церковному покаянию („Моск. вед.” 1871 г. № 129).» При обсуждении вопросов духовного судопроизводства разрешать и вопросы материального права и при том столь важные, как исключение наказания во многих случаях употребляемого, едва ли правильно. А посему исключение наказания, признаваемого общим светским пенальным кодексом, невозможно.

3) В виду сих соображений предлагаемая иногда возможность церковной власти самой отказаться от употребления церковного покаяния, как наказания, никаким образом не может быть осуществлена. Церковное покаяние, как наказание, соединенное с лишением права приобщения Св. Таин, употребляется в Церкви от самого начала во все времена. Церковные правила полны упоминанием о сем наказании, и никаким образом невозможно отменить сей вид церковных наказаний, не касаясь самого существа правил, на которых основывается Церковь и ее жизнь. Если общество не может отказаться от права по суду лишать некоторых своих членов, предоставленных им прав и преимуществ, то подобным же образом не может отказаться от сего права и Церковь как общество. Это право – лишать своих членов, предоставленных им прав – есть существенное право всякого общества, без которого самое существование общества невозможно.

4) То замечание, которое приходится иногда слышать, будто светское законодательство удерживает церковное покаяние в пенальном кодексе единственно потому, что это признается нужным со стороны церковной власти, не может быть признано имеющим твердость. Не по признаку существования в церковных правилах церковного покаяния, как наказания за разные преступления и грехи, светское законодательство удерживает в пенальном кодексе – церковное покаяние, а совершенно по другим своим собственным и внутренним соображениям. Для убеждения в сем довольно одного наглядного наблюдения над тем, что не все преступления и проступки, наказуемые по церковным правилам церковным покаянием, подвергаются и по уголовному закону церковному покаянию, а только некоторые из них, и даже одно и тоже преступление при одних обстоятельствах не подвергается церковному покаянию, при других же необходимо влечет оное за собою. Смертоубийство, например, по 15 статьям „Уложения” (1449 – 1463) не влечет за собою церковного покаяния и наказывается одними уголовными наказаниями, а по 6-ти статьям (1464–1469) сверх уголовного наказания влечет и церковное покаяние. Это значит, что уголовный законодатель назначал церковное покаяние не только потому, что наказание это существует в церковных правилах, а находил его необходимым и по самому существу случаев и свойству преступлений. Здесь не уголовный законодатель в зависимости от церковных правил, а напротив церковные правила вполне служат целям уголовного законодателя. Пока уголовный законодатель для своих целей признает важным и нужным употребление церковного покаяния в виде наказания, до тех пор никто другой, кроме его, не в праве говорить об отмене церковного покаяния как наказания, содержащегося в уголовном кодексе. Почин должен принадлежать здесь непременно уголовному законодателю. Если обратить внимание на те случаи и обстоятельства, при которых уголовный законодатель в пенальном кодексе считает нужным назначать и церковное покаяние, сверх ли другого уголовного наказания, или же одно церковное, то из рассмотрения сих случаев можно усмотреть основание, что едва ли уголовный законодатель и в будущем придет к мысли о возможности отмены церковного покаяния в смысле наказания, долженствующего иметь место в Уголовном

кодексе. Так в смертоубийственных делах церковное покаяние, сверх уголовных наказаний, назначается: за причиненную кому-либо смерть, вследствие побоев без умысла на убийство (1464), вследствие драки без намерения на совершение убийства (1465), за лишение жизни рожденного от женщины младенца чудовищного вида (1469) и др. Во всех сих случаях отсутствие ясного и полного намерения совершить именно убийство человека дает законодателю основание не подвергать совершившего убийство всей строгости внешней уголовной кары за убийство, а назначать наказание в смягченном виде. Но вместе с сим законодатель не мог оставить без внимания и того, что и совесть общественная и совесть частная лица совершившего преступление, требуют успокоения и умиротворения, каковые и могут быть доставлены той и другой совести присоединением к смягченной уголовной каре еще церковного покаяния, соединением с внешним наказанием еще внутреннего наказания для очищения, с недостаточно сильными внешними лишениями, лишений внутренних – духовных. На случаи, когда не было в действительности полного присутствия воли совершившего преступление лица, или когда суду, по его средствам, невозможно получить в сем не-сомненное убеждение, законодатель разлагает наказание на две части, и во всей той мере, в какой участие преступной воли не подлежит сомнению, полагает уголовную кару, а другую часть преступления, в которой присутствие преступной воли не ясно для суда, или его не было в действительности, покрывает наказанием церковным. Равным образом и Церковь со своей стороны в сих случаях полагает не всю меру указанного в правилах наказания, а уменьшает оную соответственно с понесенною, или положенною уголовною карою. И таким образом двумя сими средствами погашается преступление. Приведенные выше мнения Государственного Совета, Высочайше утвержденные 12 мая 1869 г. и 26 апреля 1871 г., составлявшиеся без всякого сношения по этому именно предмету с духовною властью, подтверждают, что светский уголовный законодатель сам, по собственной инициативе, церковное покаяние в системе наказаний и ныне почитает необходимым.

5) За несомненностью той мысли, что *церковное покаяние* или епитимия по всем основаниям, и по церковным, и по светским, *есть наказание,* невозможно принять мысль, чтобы церковная епитимия была назначаема административным порядком, епархиальным архиереем, а не по церковному суду. Предложение изъять церковное покаяние только из числа наказаний, налагаемых по формальному церковному суду и оставить оное единственно в распоряжении духовного отца, или же епархиального архиерея также не может быть признано удобоприемлемым, так как с принятием сего предложения церковное покаяние, или епитимия в том смысле, в каком принимается оно в церковных правилах и в законах, совершенно упразднялось бы и сводилось бы исключительно к покаянию и епитимии, употребляемым духовным отцом. Между тем существенный смысл и главное отличие церковного покаяния в смысле „Уложения” и „Устава Консисторий” от покаяния и епитимии, налагаемой духовным отцом – именно и заключается в публичности и торжественном формальном акте назначения епитимии или церковного покаяния, в соответствие гласно и открыто совершенному преступлению. Если отбросить эту черту, то не будет точного соответствия между преступлением и наказанием. Преступление огласилось, открылось, произвело соблазн. Наказание же за него назначается на тайном совестном суде духовным отцом, также как и всем православным христианам, не совершившим преступлений явных, открытых и произведших соблазн и смущение общественной совести. Общественная совесть не будет иметь при этом удовлетворения и произведенный соблазн не уничтожится. Не будет соответствия в этом случае и между двумя судами по одному и тому же делу. Светский суд будет судить со всею свойственною ему торжественностью и публичностью. Другой же суд, т. е. духовный, по тому же делу, будет тайный, совестный. Если преступление, нарушение закона, совершенное тайно, исповедуется совестью кающегося пред духовником и при этом нет нужды ни в каком другом подтверждении, то нельзя того же самого начала прилагать к преступлению, сделанному открыто и общеизвестному. В сем последнем случае и обследование события преступления должно быть делом формального, а не тайного суда. Все требуют, и совершенно основательно, чтобы явное и обнаруженное преступление было судимо формальным судом. Подобное требование правильно и уместно и в отношении к суду о преступлениях, влекущих за собою церковное покаяние, или епитимию. Наконец, как церковное покаяние по существу своему есть наказание, соединенное с ограничением прав христианина, то предлагать назначать оное административным порядком значило бы тоже, что предлагать назначать наказания, соединенные с лишением прав гражданина, административно, без суда.

6) Нельзя признать никакой твердости и убедительности в том мнении, будто судопроизводство по делам о наложении епитимии невозможно в духовном ведомстве, так как здесь называется невозможным действительно существующее и в светском суде, и в духовном. Что в духовном суде всегда производились и ныне производятся дела о преступлениях, оканчивающиеся назначением епитимии судимому лицу – об этом, после вышесказанного, нет необходимости еще приводить новые подтверждения, ибо не может подлежать ни малейшему прекаканию та мысль, что судопроизводство в духовном суде по делам, подвергающим виновного церковной епитимии, возможно. Должно указать, что и светский, преобразованный на основании „Уставов" 1864 года, суд производит дела в положении, подобном тому, в каком производит духовный суд дела, передаваемые из светских судов для суждения и влекущие церковное покаяние или епитимию. По ст. 1014 и 1015 „Уст. Угол. судопр." дела о некоторых незаконных браках поступают к уголовному суду, по окончании над виновными суда духовного. В сих случаях уголовный суд вместе с делом получает из духовных судов и приговор о виновности подсудимого лица, но не подвергает новому исследованию самое событие преступления, и однако же судопроизводство по сим делам не только почитается возможным, но и не противоречащим началам нового судопроизводства. В мотивах к ст. 1014 и 1015 „Уст. Угол. судопр." сказано, что статьи сии основаны на „Своде" 1857 года и к изменению их, как не заключающих в себе ничего несообразного с установленными началами уголовного судопроизводства, не представилось никакого основания („Суд. Уст." изд. Госуд. Канц. 11,374). – Итак, в указанном мнении представляется, как невозможное то, что на деле существует и притом не только в духовном суде, но и в светском. Предмет деятельности духовного суда в делах сего рода составляет обсуждение свойств и обстоятельств преступного деяния, соображение меры налагаемого виновным уголовного наказания, дабы определить меру церковного наказания, обсуждение обстоятельств дела и с той стороны: нет ли в них мотивов, признаваемых Церковью за законную причину смягчения епитимии (Срав. Гр. Нисск. пр. 4 и Синод. Проток. 15 сент. 1785 г. № 49), избрание и указание того правила, на основании которого должно быть определено продолжение церковной епитимии, так как различные правила Церкви различно определяют продолжение церковного покаяния, и церковно-судная власть, сообразно со свойствами и обстоятельствами падения, назначает наказание на основании того или другого правила – или, на основании более строгого, или на основании более снисходительного (Ср. Проток. Св. Синода янв. 1795 г. №№ 13, 28, 46 и 31 окт. 1782 Проток. л. 352). Предметы сии по своим юридическим признакам совершенно сходны с теми, какие имеют судьи уголовного суда, при определении наказания в делах, разрешаемых с участием присяжных заседателей. Подобным сему образом светский уголовный суд в делах, подлежащих ему, на основании 1014 и 1015 статей „Уст. Угол. судопр.", не исследуя события преступления, чтó исследовано уже духовным судом, определяет свойство преступления, поскольку сие необходимо для определения меры уголовного наказания. И делает это суд, а не администрация, хотя по силе указанного мнения судопроизводство и здесь невозможно, и наказание должен бы определить губернатор, а не Окружной суд. Равным образом и по таким делам, которые без исследования факта передаются из светского суда в духовный, а также и по таким делам против веры и соединенным с нарушением церковных правил, по которым и самое вчинание принадлежит Церкви. Церковный суд и «применительно к новому порядку суда» вполне возможен; ибо вполне возможно применение всех существенных и важнейших начал нового процесса и в сих случаях: возможна личная явка в суд обвиняемого, возможно устное ведение дела на суде, возможна гласность, возможно применение обвинительного начала, возможно противопоставление обвинителю защитника. Мнение, будто постановление о наложении епитимии не есть судебный приговор о наложении наказания по той причине, что судебное наказание не отменяется, а епити- мия может быть сокращаема, не имеет никакой силы: ибо нередки примеры и смягчения и даже совершенной отмены наказаний, назначенных судебным приговором, со стороны власти, имеющей право помилования.

7) То мнение, будто случаи отлучения от Церкви изъяты из ведения Духовных Консисторий не имеет ни малейшей твердости и убедительности. Если бы отлучение от Церкви и «не подлежало приговору епархиальных судов и было изъято из ведения Духовных Консисторий», то отсюда совершенно не вытекало бы того заключения, что не должно рассуждать о сем, когда рассуждается не об одних епархиальных судах и не исключительно о Духовных Консисториях, а о духовном суде вообще, во всех его степенях. Светский закон признает отлучение от Церкви и притом как наказание, определяемое по приговору духовного суда („Уст. Угол. судопр." 95 и 1 п.

706 п. 1), а равно и другие запрещения, и наказания, присуждаемые собственно на основании церковных правил, и еще в 1864 году законодатель признал необходимым удержать в точности сей порядок [6] и игнорировать (не хотеть знать) этого при рассуждениях о духовном суде невозможно, если бы и не было признано нужным обращать внимание на церковные правила и их держаться.

8) Мнение об исключении церковного покаяния только из числа наказаний, налагаемых духовным судом, и о предоставлении права налагать оное исключительно духовному начальству административно, без суда, само в себе заключает необъяснимое противоречие. Административно, без суда налагаются наказания начальством на подчиненных. Как церковному покаянию будут подлежать и духовные лица, и светские, то окажется, что светские лица находятся к духовному начальству в отношениях подчиненности; духовные же лица по суду не будут подвергаться епитимии, а по административному определению начальства будут.

9) Невозможно согласиться с мыслью об исключении епитимии из числа наказаний, налагаемых духовным судом, еще и потому, что при этом, исключалось бы из системы наказаний, налагаемых церковным судом, одно из наказаний необходимых и наичаще употребляемых и в отношении к клирикам. На основании 187 ст. „Устава Консисторий" (п. 4, 5) священнослужители могут подвергнуться епитимии на месте, или в монастыре, или в архиерейском доме. Исключение епитимии и из числа наказаний, налагаемых духовным судом на духовные лица, представляется невозможным, как по особенным свойствам духовного служения духовных лиц, так и по особенному характеру преступлений и проступков сих лиц, как лиц духовных.

В виду всех вышеизложенных соображений нельзя не прийти к тому заключению, что церковное покаяние или епитимия не может быть исключена из числа наказаний, духовным судом налагаемых; а равно нельзя не видеть и того, что мнение об исключении сего наказания направлено к утверждению мысли о неподсудности светских лиц духовному суду ни в каком случае, – мысли, с которою решительно невозможно согласиться, ибо по догматическому учению Православной церкви *верные, согрешившие не подлежали бы суду Церкви только в том случае, если бы не были членами Церкви.* «Доколе они суть члены Церкви, Церковь *судит их,* призывает к покаянию и ведет на путь спасительных заповедей. Подсудность членов Церкви ее суду продолжается до того времени, пока они не сделаются отступниками и не перестанут держаться кафолической и православной веры» (Посл. Вост. Патр. л. II). С исключением же церковного покаяния или епитимии из числа наказаний, налагаемых духовным судом, оказалась бы изъятою из области духовного суда целая и притом наибольшая половина подлежащих духовному суду дел. Церковное покаяние, или епитимия есть наказание и наиболее духовному суду свойственное и наичаще им употребляемое. С исключением епитимии из числа наказаний, церковным судом налагаемых, естественно должны будут отойти от сего суда и дела, по которым сии наказания назначаются. Отпадет от духовного суда наибольшая часть дел, ему ныне подлежащих.

За невозможностью осуществления всего сего защищаемое нами положение должно остаться в силе и дела о преступлениях против веры и других, соединенных с нарушением церковных правил, если в законах уголовных полагается за оные церковное покаяние, или отсылка к духовному суду, должны подлежать духовному суду.

V. *Светскому уголовному суду подлежат преступления против веры и соединенные с нарушением церковных правил в том случае, если сии преступления*, *по Уложению о наказаниях, наказуемы одними уголовными наказаниями.*

Сюда принадлежат напр. дела:

а) об отвлечении от христианской веры в нехристианскую („Улож." ст. 184);

б) о совращении из Православного в иное христианское вероисповедание (187);

в) о привлечении чрез проповедь или сочинение, чрез преподание таинств, или чрез обучение православных в иное христианское исповедание, в еретическую секту, или раскольнический толк (189, 193, 194);

г) о родителях и опекунах, обязанных по закону воспитывать детей и воспитанников в вере Православной, но вместо сего крестящих, или приводящих к другим таинствам и воспитывающих по обрядам другого христианского исповедания (190);

д) о препятствовании кому-либо добровольно присоединиться к Православной церкви (191);

е) о распространении ересей и заведении новых сект (196);

ж) о раскольниках, оскорбляющих Церковь православную и духовенство оной (196);

з) о совращении из Православного исповедания последователями сект, особенно вредных (197–203);

и) об отпадении последователя ереси или раскола, обратившегося в Православную веру – снова в свою ересь или раскол (204);

й) о заведении раскольнических скитов и других раскольнических учреждений, поименованных в ст. 206 „Уложения о наказ.”;

к) дела о обвенчаниях раскольников, если оные совершены без соблюдения установленных Православною церковью правил попами их, вне церквей, в домах или часовнях („Свод Закон.” изд. 1857 г. т. X. 2, 806, XV, 2, 792).

Подсудность дел сего рода исключительно светскому уголовному суду основывается на том, что в уголовных законах полагается за эти преступления одно уголовное наказание. Не присоединяется же в сих случаях к уголовному наказанию еще и церковного наказания на том основании, что все указанные преступления мыслятся и возможны только со стороны лиц, к Православной церкви не принадлежащих и власти ее над собою не признающих.

VI. *Преступления против веры и другие, соединенные с нарушением церковных правил, если за оные в светских законах определено, сверх церковного покаяния*, *еще другое светское наказание, подсудны и уголовному суду и церковному.*

В четырех первых положениях мы указывали дела, подсудные одному духовному суду, в пятом положении обозначены дела по преступлениям против веры и другим, соединенным с нарушением церк. правил, подсудные одному светскому суду. В настоящем шестом положении выражено общее начало смешанной подсудности некоторых дел, подлежащих и духовному суду и уголовному.

Общее основание необходимости такой двоякой подсудности некоторых дел заключается как в самом существе сих дел, представляющем предметы, требующие исследования тем и другим судом, так и в том обстоятельстве, что в делах сего рода оба законодательства, и духовное, и светское, полагают особые наказания, которые и должны быть применены каждое подлежащим судом – духовное духовным, светское светским. Из дел, подлежащих и духовному суду и уголовному, по „Судебным Уставам”, некоторые подлежат прежде уголовному суду и потом духовному; другие же наоборот – сначала духовному и потом уголовному („Устав Угол. судопр.” 1012–1015); наконец третьего рода дела подлежат или вместе уголовному суду и духовному, или же только одному духовному суду, смотря по намерению вчиняющих (1016).

Здесь мы должны сделать то общее замечание, что в случаях такой двоякой подсудности, по общему правилу, исследование факта преступления, или нарушения права, вообще должно принадлежать только одному суду и именно первому. Второй, последующий суд не производит нового исследования факта уже исследованного, а принимает этот факт уже как доказанный, и деятельность его состоит только в определении ответственности и последствий преступления, по правилам и законам этого суда. Когда напр., уголовный суд, произведши исследование о мужеложстве, признал преступление не подлежащим сомнению и подверг виновного наказанию, то духовный суд, определяя, по 995 ст. „Улож. о наказ.”, церковное покаяние виновному, не исследует уже факта преступления, исследованного и доказанного уголовным судом, но признает его несомненно доказанным и определяет только наказание, роду вины и обстоятельствам соответствующее. Подобным образом и уголовный суд, дела, поступающие к нему после духовного суда, напр., по 1014 и 1015 ст. „Уст. Уголов. судопроизвод.”, не подвергает новому обсуждению в отношении действительности события, но только определяет уголовную ответственность подсудимого. Таким образом действия устраняется возможность двух противоречивых приговоров об одном и том же факте.

Но есть роды дел, в которых и тому и другому суду – и духовному и светскому подлежат разные предметы одного и того же дела и каждый суд исследует и произносит приговор о разных составных частях одного и того же дела. Так напр. в делах о многобрачии есть особые предметы церковного суда и особые уголовного. Так и в других и в особенности брачных делах, когда усматривается в них подлог, или насилие, и тот и другой суд имеют свои особые предметы, по которым и производят исследование и постановляют заключение. Такое производство одного и того же дела в двух судах, и при новой реформе общих судов, признано не заключающим в себе ничего несообразного с установленными началами уголовного судопроизводства (см. мотивы к ст. 1015 „Угол. судопр.”).

Дабы быть ясными мы должны точно указать дела этой двоякой подсудности – духовной и уголовной. Следуя порядку нами обозначенному мы должны указать: I дела двоякой подсудности, подлежащие прежде уголовному суду и потом духовному; II дела двоякой подсудности, прежде подлежащие духовному суду, потом уголовному и III дела следующие, или к уголовному суду и духовному, или же только к одному духовному суду.

I. Дела двоякой подсудности, подлежащие прежде уголовному суду и потом духовному

В некоторых из дел двоякой подсудности – духовной и уголовной, подлежащих уголовному суду прежде духовного, духовный суд определяет образ и продолжение церковного покаяния соответственно обстоятельствам преступления, раскрытым уголовным судом и по соображению с назначенным в уголовном суде наказанием. Сюда относятся преступления, обозначенные в статьях „Уложения о наказ.” 192, 211, 217, 240, 819, 827, 865–870, 878, 892–899, 933–935, 989, 995, 997, 1085, 1139, 1464–1469, 1476, 1582, 1583, 1585, 1586, 1593, 1594, 1597.

В принадлежащих к этой же категории делах о браках, заключенных по насилию, обману, или в сумасшествии одного, или обоих брачившихся, духовный суд разрешает вопрос о действительности или недействительности брака и об ответственности духовных лиц, совершавших бракосочетание.

Подсудность духовному суду дел о брачных сопряжениях, заключенных по насилию, обману, или в сумасшествии одного, или обоих брачившихся, указана в 1012 ст. „Устава Угол. судопр.”. Вот точное изложение этой статьи: «дела о браках, совершенных по насилию, обману, или в сумасшествии одного, или обоих брачившихся, начинаются в уголовном суде, приговор коего, относительно насилия, или обмана сообщается духовному суду, как для решения о действительности или недействительности брака, так и для определения ответственности духовных лиц, совершавших бракосочетание».

Основываясь на точных выражениях сей статьи, а равно и на том, что по 38 ст. „Св. Зак.” т. X, кн. I. *незаконными и недействительными браки могут быть признаны только надлежащим духовным судом* и по 1552 ст. „Улож. о наказ.” духовные лица, совершавшие таковые браки, подвергаются наказаниям по церк. правилам и по церк. суду, – нельзя не видеть, что в делах сего рода есть предметы, подлежащие уголовному суду и есть предметы, подлежащие суду духовному, и посему необходимо участие того и другого суда. Предмет уголовного суда в сих делах составляет определение факта насилия, или обмана, как это точно обозначено в 1012 статье приведенной выше, по которой приговор уголовного суда ограничивается исключительно деянием насилия, или обмана. Предметом духовного суда, по точному же смыслу 1012 статьи, служит разрешение вопросов о действительности, или недействительности брака и об ответственности духовных лиц. Последовательность одного суда за другим здесь должна быть, и законом действительно определяется такая, чтобы уголовный суд предшествовал духовному.

Основание такого порядка преследования уголовным судом прежде духовного заключается: а) в самом существе предполагаемого факта – насилия, или обмана, привлекающего на себя уголовную кару и следовательно уголовный суд; б) в самой исторической последовательности: факт насилия или обмана предшествует браку, следовательно и определен должен быть судом прежде, дабы уже на основании признания, или непризнания этого факта, можно было приступить к разрешению и другого вопроса, решаемого *непременно в церковном суде*, именно вопроса о действительности, или недействительности брака *как таинства,* а равно и дальнейшего третьего вопроса также решаемого в церковном суде – об ответственности духовных лиц, совершавших бракосочетание. Таким образом, каждый суд определяет и решает вопросы по существу ему принадлежащие, уголовный – факт насилия и обмана, и последствия, какие влечет за собою этот факт, духовный – вопрос о действительности, или недействительности брака и об ответственности духовных лиц, совершавших бракосочетание.

И то и другое – и необходимость в делах сего рода и духовного суда и предварение духовного суда уголовным, ясно выражены Св. Синодом двукратно, – при обсуждении еще „Основных положений”, Высоч. утв. 29 сент. 1862 г. и потом при обсуждении подлежащих статей „Судебн. Уставов” 1864 г. При рассмотрении проекта „Основных положений” Св. Синод находил, что «хотя дела о браках, совершенных по насилию, или в сумасшествии одного, или обоих брачившихся, в отношении признания, или непризнания брака действительным и степени участия в сих преступлениях духовных лиц, подлежат исключительно ведению судов духовных, но как исследование и суждение по сему предмету духовных судов может последовать только по обнаружении светским уголовным судом преступлений насилия, или обмана, содеянных при совершении брака, то надлежало бы постановить правило, что из дел о преступлениях против союза брачного дела о обвенчании насильственном и в сумасшествии одного или обоих

брачившихся, должны начинаться в гражданском ведомстве, и уже по обнаружении светским судом преступлений насилия и обмана и по постановлении о том решения *поступать в суд духовный для постановления решения собственно о действительности, или недействительности брака, и относительно участия в сих преступлениях духовных лиц.* Это мнение Св. Синода разделяли и Соединенные департаменты Государственного Совета. За сим, при составлении самых „Судебных Уставов" статья 1012 получила редакцию соответственно одобренному Св. Синодом замечанию Обер-Прокурора Св. Синода (Опред. Св. Син. 14 17 21/24 \# «# ##0» 14·17·21/24 февр. 1864, Проток. № 354 и Печати. Журн. „Гос. Совета" стр. 251).

За таковым, ясно выраженным мнением Св. Синода, принятым и в „Судебные Уставы" 1864 года, не представляется никаких оснований к перевершению вопроса два раза двумя высшими законодательными властями – церковною и светскою, согласно разрешенного. Не представляется основания не допускать в делах сего рода и духовно-судебной деятельности, а равно не усматривается ни нужды, ни возможности какого-либо изменения в существе, или редакции 1012 статьи „Устава Угол. судопроизводства". Предположение об изменении принятого порядка могло бы быть вызвано разве только одною отвлеченною мыслью о правильности и нормальности такого порядка, – чтобы каждое дело было судимо в одном суде, и чтобы двоякой подсудности по возможности избегать. Но в настоящем случае не представляется возможности избежать двоякой подсудности, по крайней мере в том смысле, чтобы предоставить эти дела по всем их сторонам светскому суду: ибо и суждение о действительности, или недействительности брака и определение ответственности духовных лиц, совершивших бракосочетание – суть предметы неоспоримо и непременно принадлежащие духовному, а не светскому суду. Последний из сих предметов, именно определение ответственности духовных лиц, отходит из духовной подсудности только в случае содействия духовных лиц насилию или обману. Первый же, т. е. вопрос о действительности, или недействительности брака во всяком случае есть вопрос духовной подсудности.

Сторонники мнения о совершенной неподсудности светских лиц духовному суду замечают, что в делах сего рода требуется деятельность не духовного суда, а духовного начальства. Чтобы дать место участию дух. суда в этих делах (аргументируют они) необходимо наперед допустить следующие предположения: 1) священнослужитель, совершающий незаконный брак, совершает не таинство, а одно из действий духовного суда; 2) дух. ведомство, получив приговор светского суда относительно событий насилия, или обмана, сохраняет у себя право подвергнуть дело новому пересмотру на своем суде. Но как первое предположение немыслимо, так и последнее на самом деле невозможно; немыслимо считать совершение брака судебным действием, а потому и уничтожение его не может быть приписано суду; невозможно в действительности допустить, чтобы однажды решенное судом по принадлежности дело было снова пересматриваемо по существу в суде другого ведомства, при том для исполнения одних последствий приговора постановленного другим судом. По нашему мнению, оба предположения, признанные сторонниками противного мнения за необходимые, совершенно излишни и придуманы единственно за тем, чтобы легче их опровергнуть. Совершенно нет нужды в предположении, будто священник совершающий незаконный брак совершает не таинство, а одно из действий суда. Все мы признаем, что священник венчающий брак совершает таинство, а не какое-нибудь действие дух. суда, и все также знаем, что по законам духовным и по законам государственным вопросы о действительности, или недействительности брака разрешаются духовным судом. Суд рассматривает и разрешает вопросы о нарушении правил и законов всех вообще, а не только судебных. Нет нужды и в допущении предположения, будто дух. суд будет подвергать новому пересмотру предметы дела, разрешенные светским судом: у того и другого суда – разная сфера, у одного – событие насилия, или обмана, у другого действительность, или недействительность брака; и наблюдать одному суду за другим нет никакого повода. В свидетели мы призовем действующий закон и составителей „Судебных Уставов", которые, не прибегая к несообразным предположениям, признают и разумность, и необходимость в делах сего рода обоих судов – и уголовного и духовного. По законам („Свод. Зак." Т. X, 2, 806, 808; XV, 2, 792, 794, „Уст. Угол. судопр." 1864, ст. 1012) – эти дела подлежат *светскому уголовному суду* во всем, что касается *насилия и обмана*; но решение о действительности, или недействительности брака и о степени участия в том духовных лиц предоставляется *суду духовному.* Составители „Судебных Уставов" 1864 г., не прибегая к высказанным предположениям, говорят, «что в делах сего рода прежде всего должно обратиться в светский уголовный суд, где и доказывать насилие и обман, и

если они действительно будут обнаружены уголовным судом, то уже тогда дело должно подлежать *суду духовному.* Хотя *сии дела, в отношении признания, или непризнания брака действительным* и степени участия в сих преступлениях духовных лиц *подлежат исключительному ведению судов духовных,* но как *исследование и суждение по сему предмету духовных судов* может последовать только по обнаружении светским уголовным судом преступлений насилия и обмана, содеянных при совершении брака, то надлежало сделать пояснение, в том состоящее, что из дел о преступлениях против союза брачного, *дела о обвенчании насильственном и в сумасшествии* одного, или обоих брачившихся, *должны* начинаться в гражданском ведомстве, и уже по постановлении светским судом решения относительно насилия, или обмана, *поступать в суд духовный* для постановления решения собственно о действительности, или недействительности брака и относительно участия в сих преступлениях духовных лиц. В противном случае *духовный суд* был бы поставлен в необходимость разрешать вопрос очевидно подлежащий светскому суду: действительно ли были учинены насилие, или обман, ибо без разрешения сего вопроса нельзя *постановить заключение* о действительности, или недействительности брака» („Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. 11, 372, 373). Если сторонникам противной мысли известен этот взгляд составителей „Судебных Уставов” на спорный предмет, то они должны бы сказать хотя одно слово – почему и в чем заблуждались составители „Суд. Уставов”.

II. Дела двоякой подсудности, подлежащие прежде духовному суду, а потом уголовному

Другого рода дела двоякой подсудности следуют обратному порядку, т. е. прежде судятся в духовном суде и поступают в уголовный суд уже по окончании над виновными суда духовного. Сюда принадлежат дела: а) о многобрачии, б) о вступлении в брак в недозволенных степенях родства, или свойства, в) о воспрещенном браке христиан с не христианами, о четвертом браке, о браке таких лиц духовного звания, которым по правилам Церкви воспрещено вступать в брак, если виновным был употреблен для сего обман, или подлог и г) о браках лиц не достигших узаконенного возраста, или имеющих более 80 лет от роду („Уст. Угол. судопр.” 1014, 1015; „Уст. Дух. Конс.” 207).

А) В делах *о многобрачии* по „Судебным Уставам” определяется только одно принадлежащее к обязанностям духовного суда действие – доставление уголовному суду точных сведений о совершении брака при существовании уже другого, и затем ни о каких других действиях духовного суда по делам сего рода в „Судебных Уставах” не упоминается. Вот точное изложение этой статьи: «по делам о многобрачии обвиняемые предаются уголовному суду не прежде, как по истребовании от суда духовного точных сведений о совершении брака при существовании уже другого» („Уст. Угол. суд.” 1013). Между тем и для приобретения этих точных сведений, которые духовный суд, по силе 1013 статьи, обязывается представить уголовному суду, и в других отношениях, духовный суд предпринимает и необходимо должен предпринимать и некоторые другие судебные действия в делах сего рода. То обстоятельство, что в 1013 статье „Устава Угол. суд.” не указывается никаких предметов духовного суда в делах о многобрачии, не может быть изъясняемо так, чтобы их в делах сего рода и совершенно не было. „Устав Уголовного судопроизводства” излагает только правила именно этого судопроизводства, а не духовного, и непомещение в этом „Уставе” указания того или другого предмета духовного суда никаким образом не может означать, чтобы этим совершенно отрицалась законность и необходимость сего суда. И это ясно из того, что в других статьях законов указываются частные предметы дух. суда по делам о многобрачии. Так по 1557 ст. „Улож. о наказ.” священники православные за совершение бракосочетания лица, или лиц, состоящих уже в брачном союзе, подвергаются взысканиям и наказаниям на основании правил, постановленных в „Уставе Дух. Консист.”. Следовательно, согласно с этою статьею, от духовного суда в делах о многобрачии требуется более, чем сколько указано в 1013 ст. – именно сверх сведений о совершении нового брака, при существовании прежнего, требуется еще суждение о совершившем брак священнике. Далее, по статье 1554 „Улож. о наказ.”, лица, виновные во вступлении в новый брак, при существовании прежнего, во всяком случае предаются церковному покаянию по усмотрению и распоряжению своего духовного начальства. Вот и еще предмет церковного суда, неуказанный в ст. 1013.

В виду такого умолчания светским судебным кодексом предметов церковного суда, в делах сего рода является необходимость: 1) в точном и ясном обозначении предметов и рода деятельности духовного ведомства в делах о многобрачии, 2) в определительном указании последовательности действования одного ведомства за другим и 3) значения деятельности одного ведомства для другого.

1) *Деятельность дух. ведомства* в делах о многобрачии имеет важные предметы, и эта деятельность должна быть *судебною,* а не иною какою.

Предметом церковного суда в делах о многобрачии должно быть разрешение следующих вопросов: 1) совершен ли, где, когда, кем и с кем первый брак подсудимого или подсудимых? 2) Если совершен, – то законен ли? 3) Если совершен и законен, – то продолжает ли существовать и не прекратился ли? 4) Если прекратился, то в какое время – прежде ли заключения нового брачного союза подсудимым, или уже после? 5) Имел ли о сем сведения подсудимый при заключении нового супружества? 6) За утвердительным ответом на все вышепоставленные вопросы – следуют дальнейшие – совершен ли новый брак при существовании законного прежнего – когда, где, кем; на основании каких документов и с соблюдением ли всех предосторожностей? Далее: 7) суду же духовному принадлежит разрешение вопроса о том, – подлежат ли ответственности священно и церковнослужители, совершившие последний брак, и – какой именно – по законам ли только Церкви, или же и уголовной? („Улож. о наказ.” 1557). 8)

Суду духовному принадлежит решение вопроса об уничтожении нового брака, как незаконного и недействительного („Свод Зак.” Т. X, 1, 37, 38; „Уст. Угол. суд.” 1012.). 9) Разрешение вопроса: может, или не может быть восстановлен признанный законным брак? 10) Определение о запрещении виновному лицу и по прекращении восстановленного законного брака вступать в какой-либо новый брак („Св. Зак.” X, 1, 40, 41) и 11), назначение епитимии виновному („Св. Зак.” X, 1, 38, „Улож. о наказ.” 1554) и венчавшим незаконный брак священно и церковнослужителям (1557).

Можно надеяться, что никто не будет отрицать необходимости разрешения всех исчисленных вопросов в делах о многобрачии. Но являются возражения такого рода, будто из указанных вопросов только один, именно вопрос о венчавших брак священно и церковнослужителях требует разрешения духовным судом; все же прочие вопросы разрешаются хотя и в духовном ведомстве, – но административно, без суда.

Когда усиливаются доказать, что деятельность духовного ведомства в делах о многобрачии не есть судебная деятельность, то обыкновенно выставляют то общее положение, что судебная деятельность состоит в восстановлении нарушенного права посредством наказания, и поэтому судом должно быть признано не то место, которое собирает материалы, входящие в состав дела, а то которое произносит приговор. В делах о многобрачии судебною деятельностью духовного ведомства признается только постановление приговора о венчавшем брак священнике (что однако же будто бы составляет предмет особого дела), а вся прочая деятельность дух. ведомства только собирающею материалы для уголовного суда, или приводящею в исполнение последствия назначенного уголовным судом наказания. Таким образом не признается следствием судебной деятельности дух. ведомства установление факта совместного существования двух браков, хотя бы и требовалось для сего особое расследование в духовном ведомстве. Не признается следствием судебной деятельности дух. ведомства и уничтожение незаконного брака: оно будто бы есть следствие признания светским судом виновности подсудимого. Не суду духовному усвояется и назначение епитимии.

О неправильности последнего положения мы пространно говорили прежде. Несостоятельность первых двух с очевидностью выясняется самими же сторонниками этого мнения. Они признают, что уничтожение вновь заключенного, незаконного брака, не имеет связи ни с оправданием, ни с осуждением подсудимого и утверждают, что в случае осуждения оно есть необходимое последствие приговора светского суда; но не объясняют значения этого факта в случае оправдания подсудимого уголовным судом. Если подсудимый оправдан на уголовном суде – каким образом и порядком духовное ведомство сделает постановление об уничтожении вновь заключенного, незаконного брака? Административно, без суда? Но столь важное постановление не может быть следствием административного распоряжения. Новым духовно-судебным процессом? Но это значило бы, что духовное ведомство вновь переисследует факты им сообщенные уголовному суду как материалы и после этого переисследования приходит к постановлению приговора несогласного с приговором уголовного суда, признает подсудимого виновным в заключении двух браков и незаконный брак уничтожает. Из этого сторонники противного мнения, кажется, с очевидностью должны бы убедиться, что закон („Уст. Угол. судопр.” 1013), требуя сведений о заключении нового брака, при существовании прежнего, не от духовной администрации, а *от духовного суда*, употребляет этот термин не случайно, а с намерением и полным признанием, что деятельность дух. ведомства в собрании требуемых сведений и их констатирование должна быть и есть не административная, а непременно судебная. Не роль эксперта, как усиливаются доказать, принадлежит здесь духовному ведомству, а значение действительного судьи по предметам, о которых не имеет средств и возможности судить уголовный суд, и которые однако же непременно должны быть установлены (констатированы) судебным, а не другим каким порядком. Эксперт, (хотя бы таким экспертом было даже какое-либо начальство) сообщивши суду требуемые от него сведения, не имеет потом права дать какое-либо постановление, несогласное с приговором суда; тогда как духовное ведомство имеет право и обязано уничтожить новый, незаконный брак, хотя бы подсудимый на уголовном суде и был признан невиновным в двоебрачии, чего не отрицают и сторонники противного мнения. Значит деятельность дух. ведомства здесь совсем не та, какая принадлежит разным экспертам, вызываемым в суды. И так невозможно согласиться с тою мыслью, будто от духовного ведомства требуются в сих делах только справки, которые приобретаются исключительно административным путем, а не судебные действия и заключения. Не говоря уже о

тех вопросах, которые указаны под числами 7, 8, 9, 10, 11 и для приобретения тех точных сведений, которые требуются 1013 статьею „Уст. Угол. судопроизводства", нужна судебная процедура. И к разрешению первых шести вопросов духовное ведомство, на осн. 35 и 36 ст. „Св. Зак. гражд." т. X. кн. 1, приходит чрез справки в метрических книгах и других церковных актах, чрез следствие и постановление заключения, т. е. чрез полную судебную процедуру, только не уголовного характера, а гражданского, подобную той, чрез которую гражданский суд приходит к разрешению вопросов о сопряженных с законным браком личных и по имуществу правах („Уст. Гражд. судопр." 1337–1343). И там, по-видимому, не требуется ничего более справок, и однако же дело производится судом, а не полициею, и судебным, а не административным порядком. Если принять, что в делах сего рода от духовного ведомства требуются только справки и только административная, а не судебная деятельность, то окажется, что и вопросы такой величайшей важности, как вопрос о признании брака незаконным и недействительным, об осуждении на всегдашнее безбрачие, о назначении епитимии, состоящей в отлучении от св. Причастия на несколько лет, („Св. Зак." т. X. 1, 37, 38, 40–42) должны быть разрешаемы не судебным, а административным порядком.

В подтверждение мысли о необходимости в делах о многобрачии духовно-судебной деятельности должно обратить внимание на точные и ясные указания наших светских законов, и на мнение о сем предмете Св. Синода. Сюда принадлежат точные и ясные выражения 37 и 38 статей 1 кн. X тома „Свода Законов", выражения 1013 ст. „Устава Угол. судопр." 1864 г. и содержание указа Св. Синода от 26 февраля 1866 г. В 37 ст. 1-й книги X тома „Свода Законов" законными и действительными не признаются брачные сопряжения лиц, которые обязаны уже другими законными супружескими союзами, не прекратившимися и законом не расторгнутыми. А в 38-й статье говорится, что *незаконным и недействительным брак может быть признан только надлежащим духовным судом.* Что разрешение вопросов о совершении брака, при существовании другого, принадлежит *к судебной*, а не другой какой деятельности духовного ведомства – это ясно и определительно выражено в 1013 статье „Устава Угол. Судопроизводства", где сказано, что точные сведения о совершении брака при существовании другого требуются *от суда духовного.* Но если точные сведения о совершении брака, при существовании другого, „Судебными Уставами" усвояются суду духовному, тем паче – суду духовному, а не духовной администрации подлежит рассмотрение вопросов, указанных выше под числами 7, 8, 9, 10 и 11. Составители „Судебных Уставов" 1864 года во всех случаях, где говорят о делах сего рода – необходимую для них деятельность духовного ведомства разумеют не иначе как *судебную,* а не административную (см. мотивы к 1013 и 1015 ст. „Уст. Уголовн. судопр."). Как „Судебные Уставы" ясно признают в делах о многобрачии деятельность духовного суда, так согласно с сим Св. Синод вполне ясно и определительно признает в сих делах необходимость *духовно-судебной,* а не иной деятельности духовного ведомства. В циркулярном указе Св. Синода от 26 февраля 1866 года участие духовного ведомства в делах о многобрачии изображено буквально следующим образом: *Сведения для уголовного суда должны быть требуемы от тех епархиальных начальств, в ведомстве коих, по представленным актам или данным показаниям, браки были совершены („ Зак. суд. Гражд." ст. 799 п. 1). По получении таких требований светского уголовного суда епархиальные начальства обязаны, на основании „ Зак. Гражд." ст. 34, 35, удостовериться в событии того и другого брака посредством метрических книг, или посредством других указанных в последней из сих статей документов, или, наконец, посредством следствия, и постановив, согласно „Уст. Дух. Конс." ст. 265, свое заключение о том, был ли действительно совершен брак, о котором возбуждено дело, при существовании другого законного брака, сообщить о сем сведения светскому уголовному суду. Имея в виду сии сведения о событии брака, и постановив решение по тем предметам дела, кои подлежат уголовному суду, светский суд обязан сообщить о своем решении духовному суду для зависящего со стороны сего последнего определения относительно незаконности брака, который совершен был при существовании прежнего, относительно участвовавших в совершении сего священно-церковнослужителей и вообще обо всем том, что, на основании законов, подлежит ведомству суда духовного.*

Сторонники противоположной мысли против ссылки на 38 статью 1 части X тома „Свода Законов", на статью 1013 „Устава Угол. судопроизводства" и на указ Св. Синода от 26 февраля 1866 года, в которых деятельность духовного ведомства в делах о многобрачии прямо признается *судебною,* замечают, что это указания посторонние и случайные, вопрос же должен

быть разрешен по его существу. Но затем, не сознавая противоречия, прибавляют, что по существу вопрос разрешен в 1013 ст. „Устава Угол. судопр.” и в совершенно согласной с нею 1079 статье „Военно – Судебного Устава”, в которых прямо и ясно деятельность дух. ведомства в делах о многобрачии признается *судебною,* и выводят нравоучение, что если бы Комитет решился проектировать решение, несогласное со 1013 статьею (т. е. если бы не признал деятельность дух. ведомства *судебною),* то он стал бы в совершенное противоречие с намерениями и целями законодательства.

На основании всего предложенного необходимо признать, что в Делах о многобрачии есть предметы, подлежащие решению духовного суда, а не духовной администрации.

Но от чего бы не соединить той и другой части дела в одном котором-либо суде, напр. уголовном? По очень простой причине, именно по той, что у уголовного суда нет оснований, на которых он разрешил бы вышеприведенные вопросы. У суда уголовного нет основания для определения церковной епитимии; не уголовный, а церковный закон и об осуждении виновного на безбрачие; не уголовным, а церковным законом определяется и ответственность духовных лиц в нарушении ими должности. В Церкви и все акты, при помощи которых может быть произведено исследование о совершении и первого и второго браков. Для суда уголовного нет почвы. Равным образом и духовный суд не имел бы для себя почвы, если бы стал определять уголовную ответственность лиц виновных в многобрачии и употребленном для сего подлоге. Тот и другой суд и должен оставаться на своей почве, при своих предметах.

2) Переходя за сим ко второй части вопроса необходимо представить более точное и определительное указание последовательности одного суда за другим.

Последовательность одного суда за другим ясно обозначена в 1013 ст. „Устава Угол. судопр.”, где говорится, что в делах о многобрачии обвиняемые предаются уголовному суду *не прежде как по истребовании от суда духовного точных сведений* о совершении брака при существовании другого. Следовательно, по силе этой статьи, духовный суд по предмету исследования первых пяти вышеуказанных вопросов должен предварять суд уголовный: дело, вступающее в уголовный суд, передается сим судом в духовный. Так изъясняется этот предмет и в вышеприведенном указе Св. Синода. Но за сим в ст. 1013 не содержится никакого упоминания о другой части духовного суда в сих делах, имеющей уголовный характер – ни о том – когда, в какое время процесса она должна начинаться и оканчиваться, ни даже о самой ее необходимости. В вышеприведенном указе Св. Синода определяется, что вторая часть духовного суда должна начаться уже по окончании суда уголовного. По точным выражениям указа: «Светский суд, имея в виду переданные из суда духовного сведения и постановив решение по тем предметам дела, кои подлежат уголовному суду, обязан сообщить о своем решении духовному суду, для зависящего со стороны сего последнего определения относительно незаконности брака, который совершен был при существовании прежнего, относительно участвовавших в совершении сего священно-церковнослужителей и вообще обо всем том, что, на основании законов, подлежит ведомству суда духовного». Таким образом одно и то же дело два раза поступает к духовному суду; в первый раз прежде предания обвиняемых уголовному суду, а во второй – по окончании суда уголовного. По одному вопросу дело два раза может быть и в уголовном суде. Это именно по вопросу об участвовавших в совершении брака священно и церковнослужителях. По силе указа Св. Синода вопрос сей разрешается в духовном суде после постановления уголовным судом решения по тем предметам дела, кои подлежат уголовному суду. Но при исследовании духовным судом дела о венчавших второй брак священно-церковнослужителях может открыться такого рода виновность их, за которую они должны быть преданы уголовному суду („Улож. о наказ.” 1557). В виду сего нельзя не прийти к мысли, что для течения дела было бы гораздо более удобств, если бы принята была мысль о соединении обеих частей духовного суда и о производстве их одновременно, и, по совершенной необходимости, предварительно суда уголовного. Естественная, историческая последовательность указывает, что разрешение всех вышеприведенных вопросов должно предшествовать всякому другому судебному действию, и что функция уголовного суда, определяющего свойство и сущность употребленного обвиняемыми при многобрачии подлога, а равно и уголовную ответственность виновных и их пособников, если бы таковые были и священники („Улож. наказ.” 1557), может начаться только уже по окончании суда духовного и по разрешении им всех поставленных выше вопросов. Ибо только сей суд, и он один, может разрешить вопрос о том, может ли и должно ли быть возбуждено дело о многобрачии – в уголовном суде, т. е. заключены ли одним и тем же

лицом два брака. Подтверждение этой мысли можно найти и в 151 ст. „Основных положений”, Высочайше утвержден. 29 сентября 1862 г., в которой было принято общее правило, чтобы во всех брачных делах духовный суд предшествовал уголовному. В сей статье „Основных положений” сказано: «В делах о преступлениях против союза брачного и о кровосмешении приговор уголовного суда постановляется после рассмотрения в духовном суде вопросов как о действительности и законности брака, так и о нарушении преступлением церковных правил». Но в „Судебных Уставах”, согласно с этою статьею, начертаны только ст. 1014, 1015; статьи же 1012 и 1013 начертаны согласно со „Сводом” 1857, а не с 151 ст. „Основных положений”.

3) Такое соединение обеих частей духовного суда и предварение сим судом суда уголовного облегчало бы разрешение и третьего вопроса – о значении и силе приговоров одного суда для другого. Если бы суд духовный по всем предметам его подсудности предшествовал суду уголовному, то суд уголовный имел бы для себя только одни свои предметы и постановлял бы приговор по делу окончательный, после которого ему уже не было бы нужды сообщать о своем решении духовному суду. И для предотвращения противоречивых приговоров двух судов об одном и том же предмете и по самому существу уголовный суд должен принять разрешение вопросов, разрешенных духовным судом и сам, в своей деятельности – устремиться к дальнейшему, именно к определению факта и свойств подлога, обмана, или другого противозаконного деяния, употребленного при заключении нового брака, круга виновных в сем лиц и уголовной ответственности, которой они подлежат. При таком разделении двух подсудностей, вопросы, предлагаемые присяжным, будут обнимать только эти последние предметы и не будут касаться предметов, обсужденных и разрешенных уже духовным судом. Нельзя и не должно будет предлагать присяжным вопроса: виновен ли NN во вступлении в новый брак при существовании прежнего? Будет возможен только вопрос: виновен, или не виновен NN в употреблении подлога и обмана, или в другом противозаконном деянии, с помощью которых вступил в новый брак при существовании прежнего? Отрицательный ответ присяжных означал бы только освобождение от уголовной ответственности за подлог и от уголовных последствий с сим соединенных, но не от последствий вступления в новый брак при существовании прежнего, определяемых духовн. судом на основании церковных правил: – не от уничтожения нового брака, не от осуждения на безбрачие, не от епитимии. Все это по принадлежности уже разрешено и определено судом духовным, на основании доказательств и по внутреннему убеждению духовных судей, и перевершать все это никакой суд не может.

Возможность столкновений и противоречивых приговоров по делам сего рода была предусматриваема еще при составлении „Судебных Уставов”. Еще тогда Обер-Прокурор Св. Синода представлял двукратно замечания, которыми имелось в виду в делах о многобрачии обеспечить свободу и достоинство того и другого суда – и духовного и уголовного.

В первый раз замечания Обер – Прокурора сделаны были при рассмотрении 23 статьи проекта „Угол. судопр.”, в которой было указание о необязательности приговоров дух. суда для суда уголовного. Здесь Обер-Прокурор указывал на неудобства, какие могут происходить в практике по делам о многобрачии. Он представлял пример, когда духовным судом признано, что известное лицо Правосл. исповедания, состоявшее в брачном союзе, вступило в новый брак при существовании прежнего; посему, признав такое лицо виновным в двоебрачии, духовный суд, на основании церковных законов, уничтожает второй брак сего лица, восстановляет первый и осуждает виновное лицо, если другое оставленное от первого брака не пожелает пребывать с ним в союзе брачном, на всегдашнее безбрачие. По смыслу же 23 ст. проекта, в которой было правило, что решение духовного суда не обязательно для уголовного суда в отношении виновности подсудимого, такое решение духовного суда может быть обязательно для светского уголовного суда собственно в том отношении, что в вышеприведенном случае действительно совершено двоебрачие; в отношении же виновности в этом преступлении того лица, которое признано таковым судом духовным и осуждено им на всегдашнее безбрачие, решение сего суда не обязательно. Но при действии такого правила, если означенное лицо, по приговору суда уголовного признано будет невиновным в означенном преступлении, – какую силу и какое значение должно иметь после сего окончательное решение суда духовного относительно расторжения второго брака сего лица и осуждения его на всегдашнее безбрачие? В виду того, что это правило повлекло бы за собою, по отношению к окончательным решениям судов духовных, кроме многих тягостных последствий в семейном быту частных лиц – неуважение в православном народе к постановлениям духовного правительства, основанным на церковных

законах, Обер-Прокурор предлагал не помещать в этой статье упоминания о духовном суде, что и было исполнено.

В другой раз в замечаниях собственно на 1013 ст. „Уст. Угол. суд.”, содержащую правила производства дел о многобрачии, Обер-Прокурор Св. Синода предлагал статью о многобрачии дополнить тем, что дела о многобрачии подлежат светскому суду во всем, что относится до определения виновности в сем преступлении, или невиновности подсудимых, и в присуждении их к наказанию, или оставлении без ответственности, не касаясь в своих решениях вопроса о законности, или незаконности брака, совершенного при существовании прежнего, и об оставлении его в силе, или о расторжении, равно о последствиях таких браков в отношении виновных и невиновных в оном, что по закону („Уст. Кон.” 222, 223) *принадлежит исключительно суду духовному,* („Дело Канцел. Обер-Прок. о преобраз. суд. части”, 1864, т. V).

поскольку это заявление не получило места в „Уставе Угол. судопроизв.” 1864 г., то Св. Синод в следующем 1865 г. имел случай снова заявить свое мнение о более точном и ясном разграничении предметов духовной и уголовной подсудности в делах сего рода по поводу изменения 449 ст. 1-й кн. „Военно-Уголов. Устава”. Согласно определению Св. Синода, – 4/15 авг. 1865 г. Высочайше утверждена была следующая редакция этой статьи: «дела о многобрачии служащих в военном ведомстве лиц относятся к ведомству военно-уголовного суда, который приступает к решению оных по истребовании от суда духовного точных сведений о совершении брака при существовании уже другого. По получении сих сведений военный суд, постановив решение по предметам дела, подлежащего рассмотрению суда уголовного, сообщает свое решение духовному суду, для зависящего со стороны сего последнего определения относительно незаконности брака, который совершен был при существовании прежнего».

Эта редакция представляет ту особенность в сравнении с редакциею 6-го февр. 1850 г., принятою в „Свод Законов” 1857 г. и в „Судебные Уставы” 1864 года, что точнее и полнее обозначает деятельность духовного суда. Тогда как по редакции 1013 ст. „Суд. Уст.” от духовного суда требуются только точные сведения о совершении брака при существовании другого – в редакции 449 ст. 1 кн. прежнего „Военно-Уголовного устава” обозначается и другая деятельность духовного суда, состоящая в определении относительно незаконности брака. Но в новый „Военно-Судебный устав” (15 мая 1867 г., ст. 1079) принята не эта редакция, а редакция 1013 ст. „Устава Угол. суд.” 1864 года.

Между тем редакция статьи о многобрачии во всех сих уставах такова, что может подавать и подавала повод к важным практическим затруднениям. По этой редакции представляется, *что в делах о многобрачии от духовного суда требуются только точные сведения о совершении брака при существовании уже другого.* Отсюда как будто выходит, что сведения, доставляемые духовным судом – суть только материал, которым уголовный суд может пользоваться при постановлении приговора по своему усмотрению, и что они не имеют никакой для сего суда обязательности, что и при совершенно – ясных и положительных сведениях духовного суда о заключении нового брака, при существовании прежнего законного брака, присяжные могут произнести по всему вообще делу оправдательный приговор. Ничего не могло бы быть более соблазнительного и для правосудия вредного, как постановление об одном и том же факте двух совершенно противоположных приговоров в двух судах. И однако же, при существующей редакции 1013 ст., это не только возможно, но и было уже на практике в разных окружных судах. Так было в Ярославском окружном суде. Крестьянка Ярославской губ., бросив своего мужа, достала себе фальшивый вид, с ним некоторое время проживала в Ярославле и здесь, еще при жизни законного мужа, вступила в новое супружество с рядовым. Преступление открылось и при исследовании многобрачия на духовном суде уже сделалось ясным, что 1) виновное лицо действительно состояло в законном браке, 2) что оно злостным образом оставило своего законного супруга, 3) что оно потом, за два еще месяца до смерти своего законного супруга, вступило в новый брак. При исследовании о вступлении в сей последний брак в духовном суде открылось и ясно доказано и то, что для вступления в сей последний брак употреблены подложные документы. И однако же присяжные произносят приговор о невинности во вступлении в брак при существовании прежнего („Яросл. Губ. Вед.” 1870 № 5). В Петербургском окружном суде, в 1871 году (18 ноября), производилось дело о двубрачии отставного фельдъегеря Костыгова, который и на предварительном следствии и потом на суде признал себя виновным, и независимо от сего виновность его подтверждена как доставленными к делу документами и справками, так и показаниями разных лиц. И однако же на предложенный судом вопрос,

присяжные отвечали отрицательно и подсудимый объявлен от суда и содержания под стражей свободным. Места, назначенные для публики, были заняты все. Вердикт присяжных произвел отрадное впечатление на присутствовавших, находившихся под впечатлением краткой, но прочувствованной, прекрасной речи защитника, как свидетельствуют газеты („Голос” 19 ноября 1871). В Кишиневе на лицо пред окружным судом явились жена и два ее мужа, и все трое признаны невиновными и вышли из суда при поздравлениях публики („Сын Отеч.” 1871 № 285). Вообще «в делах семейных, чаще чем во всяких других, наши присяжные выносят оправдательные приговоры, несмотря на фактическую несомненность совершения преступного факта» („Журн. Гражд. и торг. права” 1872, 4, 663). Из этого открывается, что в делах о многобрачии – на уголовном суде подвергается новому суждению то, что было уже суждено на суде духовном; и на уголовном суде произносится приговор не согласный с тем, что открыто на суде духовном. На одном суде обвиняемое лицо признается виновным, на другом объявляется невинным.

Защищающие рациональность такого положения и взаимного отношения уголовного суда и духовного ведомства обыкновенно говорят, что сообщение духовного ведомства, которому принадлежит право только собрать материал для уголовного суда, не может быть обязательно для него и присяжных при разрешении вопроса о виновности подсудимого; равным образом и признание сего лица невинным также не заключает в себе никакого противоречия с сообщением дух. ведомства, ибо этим признанием вовсе не отвергается факта двоебрачия, а только отрицается вменение преступления. Таким образом расторжение вновь заключенного, незаконного брака, не имеет связи ни с оправданием, ни с осуждением подсудимого.

Несостоятельность этого умствования обнаруживается при самом первом низведении общих фраз на фактическую и реальную почву. Положим, что духовное ведомство сообщило уголовному суду, что, по произведенному им исследованию, факт двоебрачия не подлежит сомнению; окружной же суд сообщит ему, что по приговору суда, подсудимый признан в двоебрачии невиновным.

Получив от окружного суда отношение о подобном приговоре, чтó должно делать дух. ведомство? Признать новый брак, заключенный при существовании прежнего, недействительным, подвергнуть вступивших в оный епитимии? Но присяжные сказали, что обвиняемое лицо во вступлении в новый брак, при существовании прежнего, невиновно, и уничтожать новый брак, или назначать наказание невинным значило бы поступить вопреки приговору присяжных. Оставить в силе новый брак признанного присяжными невиновным лица? Но это будет значить поступить вопреки церковным правилам. И что тогда делать с первым законным браком и оставленным супругом? Если принять, что духовное ведомство в делах этого рода должно действовать только в качестве административного ведомства, а не в качестве суда, то при этом закреплялись бы и легализировались все вышеуказанные, ненормальные явления. Действуя исключительно в качестве администрации, духовное начальство, по получении подобных приговоров из светского суда, могло бы произвести только сообразные с сими приговорами светского суда исполнительные действия. Следовательно, если присяжные подсудимого, представленного в суд с двумя женами, сознавшегося во вступлении в новый брак, при существовании прежнего, и изобличенного в этом всеми документами, признают *невиновным,* епархиальное начальство, имеющее право делать только исполнительные, т. е. соответственные с приговорами светского суда распоряжения, должно будет признать *действи тельными* браки подсудимого с обеими, а иногда может быть и с несколькими женами.

Затруднительно будет при таком отношении духовному ведомству преследовать и духовных лиц, участвовавших в совершении таковых браков, что оно должно исполнить на основании 200 ст. „Уст. Дух. Консисторий”. Если главный виновник признан в светском суде невиновным и брак его законным, то, очевидно, что за сим не может уже быть речи о предании суду, или о каком бы то ни было взыскании с духовных лиц, участвовавших в совершении таковых браков, хотя бы по сведениям духовного ведомства и было ясно, что брак венчан с несоблюдением духовными лицами предосторожностей, или даже не без ведома о препятствии („Уст. Конс.” 200). Если признан невиновным главный виновник, то не может быть никакой речи о виновности людей только не употребивших всех мер предосторожности против него, или же только знавших о препятствии к браку. Главный подсудимый признан невиновным и брак его законным. За сим не может уже быть никакой речи о виновности дух. лиц, венчавших *законный* брак.

Единственными средствами к устранению всех указанных затруднений, сколько нам представляется, могут быть: точное исчисление и разделение предметов духовного и уголовного суда, предварение духовным судом уголовного и принятие правила, чтобы приговор предшествующего суда, по всем предметам ему подведомым, не был перевершаем в суде последующем.

Итак, согласно с сим, в делах о многобрачии духовный суд прежде уголовного разрешит вопросы: 1) совершен ли, когда, где, с каким лицом и кем прежний брак подсудимого или подсудимых? 2) Если совершен, то законен ли? 3) Если совершен и законен, то продолжает ли существовать и не прекратился ли? 4) Если прекратился, то в какое время, – прежде ли заключения подсудимым нового брачного союза, или уже после? 5) Если прежде, то имел ли о сем сведения подсудимый? 6) Совершен ли новый брак при существовании законного прежнего, когда, где, с кем, кем, на основании каких документов и с соблюдением ли всех предосторожностей? 7) Подлежит ли новый брак уничтожению, как незаконный и недействительный? 8) Может или не может быть восстановлен прежний законный брак подсудимого? 9) Подлежит ли виновный осуждению на безбрачие и по прекращении законного брака? 10) Какой церковной епитимии подлежит за свое преступление? 11) Подлежат ли ответственности священно и церковнослужители, совершившие последний брак – и какой именно – по правилам ли только церковным, или же и уголовной?

II. По разрешении сих вопросов духовным судом, дела о многобрачии поступают к суду уголовному: 1) для определения факта подлога, обмана, или другого незаконного действия, учиненного при вступлении в новое супружество; 2) для разрешения вопроса о том, был ли сей факт деянием подсудимого, или подсудимых, и должен ли быть им вменен в вину; 3) для определения меры уголовных наказаний, которым подлежат виновные в подлоге со включением сюда и священно-церковнослужителей, если способствовали обману („Улож. о наказ.” 1557) и 4) для предписания исполнительных мер к разлучению незаконно брачившихся.

При таком точном и довольно подробном определении предметов того и другого суда в делах о многобрачии и граничная черта, разделяющая ведомство того и другого суда, довольно ясна и едва ли может подавать повод к пререканиям судов. Равным образом, при этом разграничении предметов двух судов и несогласие приговоров одного суда с приговорами другого, не будет причиною соблазна, потому что приговоры разных судов будут относиться к разным предметам. И тот, кто признан на духовном суде вступившим в новый брак при существовании законного прежнего, с последствиями духовным судом определяемыми, т. е. с уничтожением незаконного брака и с епитимиею, может быть признан присяжными невиновным в употреблении обмана, или подлога для вступления в незаконный брак. Столкновения двух судов и соблазна тут не будет.

Напрасно считают единственным средством к отвращению противоречивых приговоров двух судов по делам этого рода – уничтожение одного из двух судов, именно духовного, и устранение одной из двух систем материального права, именно *церковной.* Свободно-мыслящая печать не отрицает, что при нынешнем положении законов о многобрачии возможны и действительно бывают противоречия в приговорах двух судов и не находит существующий порядок нормальным. В „Журнале Гражд. и торгового права” представляется следующее возможное положение: «По делу о многобрачии духовное начальство, по требованию уголовного суда, удостоверяется, что преступление это несомненно совершено. Присяжные, по внутреннему убеждению, однако же оправдывают обвиняемого. Затем дело поступает опять в духовный суд, который признает второй брак недействительным, осуждает *виновного* супруга на всегдашнее безбрачие, если покинутый им супруг по первому браку не захочет с ним жить, и подвергает его церковной епитимии. Такие случаи уже бывали на практике….. Очевидно, что нельзя считать нормальным такой порядок вещей, когда один и тот же факт признается не вменяемым в одном суде, а в другом дает повод к суровым уголовным карам (епитимия и безбрачие) и важным гражданским последствиям (расторжение брака). Но очевидно и то, что противоречие это лежит в самом существовании двух разнородных судов и двух систем материального права для одной и той же категории дел и не может быть устранено никаким внешним согласованием статей закона» (1872, 3, 452). Единственным средством к устранению этого противоречия либеральная печать находит уничтожение одной из двух систем материального права, т. е. церковной. Тогда, конечно, не будет ни епитимии, ни осуждения на безбрачие, ни расторжения брака; потому что, пока будут эти наказания, должен быть и духовный суд для присуждения их. Но ни отмена

осуждения на безбрачие, ни отмена епитимии и расторжения брака, конечно, не возможны, а, следовательно, невозможно избегнуть и двух судов. И до тех пор, пока указанные наказания существуют должны быть изыскиваемы и способы предотвращения противоречивых приговоров двух судов. Одним из таких способов, как мы указали, должно быть точное указание предметов того и другого суда и предварение духовным судом уголовного. А для предотвращения и самой возможности противоречия в приговорах двух судов, по нашему мнению, целесообразно, кроме разделения предметов, принять правила, изложенные в ст. 27–31 „Устава Угол. суд.”, применяя их к духовному суду, примерно следующим образом:

1, приговор духовного суда по всем вопросам его подсудности не подлежит обсуждению суда уголовного;

2, приговор суда уголовного ни в чем не изменяет приговора, постановленного духовным судом.

Мысль о регулировании таким образом относительного значения приговоров одного суда для другого основывается на высказанном Св. Синодом, при рассмотрении проекта „Судебных Уставов” 1864 г., мнении. В определении Св. Синода 24 февраля 1864 г. (Проток. № 354) выражено, что «исследование в светском ведомстве такого преступления, которое совершенно раскрыто духовным судом в связи с подсудным ему преступным деянием, было бы излишне и не соответствует 23 ст. проекта, по которой окончательное решение духовным судом подлежащих рассмотрению его вопросов обязательно для уголовного суда в отношении действительности и свойства события или деяния, так как преступление подсудимого, находившееся в тесной связи с деянием его, подведомым духовному суду в отношении действительности и свойства своего, необходимо подлежит рассмотрению сего суда. Но с другой стороны следует допустить и то, что в отношении преступления обнаруживаемого при производстве какого-либо дела в духовном суде, если оно не имеет тесной связи с тем делом, следственные действия дух. начальства могут быть неполными и недостаточными к совершенному раскрытию вины подсудимого и потому не должны стеснять уголовный суд в дальнейших действиях, необходимых для совершенного раскрытия преступления».

Переходя к рассмотрению прочих упомянутых нами выше дел, подлежащих и духовному суду и уголовному, мы должны заметить, что порядок для сих дел начертан в 1014 и 1015 статьях „Уст. Угол. судопр.” 1864 г. и состоит в следующем: «Дела о вступлении в брак в недозволенных степенях родства, или свойства, о воспрещенном браке христиан с нехристианами и четвертом браке Православных поступают к уголовному суду по окончании над виновными суда духовного. Сему же порядку следуют и другие дела брачные, в коих уголовный суд, по передаче их из суда духовного, определяет уголовную ответственность подсудимых, а также дела о браках таких лиц духовного звания, коим, по законам Церкви их, воспрещено вступать в брачный союз, если виновными употреблен был для сего обман, или подлог.» („Уст. Угол. судопр.” 1014, 1015). Такой порядок при составлении „Судебных Уставов” 1864 г. признан со стороны законодательной власти не заключающим в себе *ничего несообразного с установленными началами уголовного судопроизводства* („Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. ч. 2, стр. 374) *и к изменению его тогда не представлялось никакого основания. Дела сии* признаны относящимися к такой категории дел, которые *во всяком случае должны начинаться в духовном суде и которые не прежде поступают в светские суды*, *как по окончании над виновными суда духовного* (стр. 375).

Согласно с законодательною мыслью, изъясненною при составлении „Судебных Уставов” 1864 года, к изменению ныне существующих правил о подсудности сих дел не представляется никаких оснований. Напротив, дела о браках, заключенных в недозволенных степенях родства и свойства, о воспрещенных браках Православных христиан с нехристианами, о четвертом браке и о браке лиц, не достигших узаконенного возраста или имеющих более 80 лет, должны подлежать двоякому суду – духовному и уголовному и при том духовному суду прежде уголовного, согласно с указанным в 1014 и 1015 статьях „Устава Уголовного судопроизводства” порядком.

К такому убеждению, кроме сейчас изъясненного согласия оного с мыслью составителей „Судебных Уставов”, приводят еще нижеследующие, частнейшие соображения о каждом ъ особенности роде указанных дел.

Б) Что касается до браков, заключенных в запрещенных степенях родства и свойства, то к убеждению в необходимости производства сих дел в духовном суде и поступления сих дел к суду уголовному уже по окончании духовного, приводят следующие соображения:

1) Необходимость двоякого суда, т. е. духовного и уголовного в делах сего рода основывается на том, что родственные браки запрещаются церковным законом под страхом церковного наказания (VI Всел. соб. 53, 54) и уголовным под страхом наказания уголовного („Улож. о наказ.” 1559, 1562). Наказание, тем и другим законом полагаемое, должно быть назначено. Следовательно, должен быть тот и другой суд: ибо каждый суд может приговорить только к одному наказанию, – именно к тому, которое ему свойственно, – церковный – к церковному, уголовный – к уголовному.

2) Необходимость в частности духовного суда прежде уголовного и притом с исследованием и разрешением вопроса о виновности не одних только венчавших брак священно и церковнослужителей, но и самих брачившихся основывается:

а) На том, что законы, определяющие запрещение брака в родстве и свойстве, а равно виды и степени родства и свойства для брака воспрещенные, – суть исключительно церковные. Сии законы главное основание имеют в 18 и 20 главах книги Левит, разъяснены и истолкованы в „Правилах Апостольских” (19), соборных (VI Всел. 53, 54 Неок. 2), отеческих (Вас. Вел. 23, 78, 87; Тимоф. Алекс. 11) и поздних исключительно церковных определениях (см. сии опр. *Σὐντ. τ. θεἰων κανὸνων* т. V.; Сравн. „Догм. богосл.” Преосв. Макария т. V, стр. 21), государственною властью Византийской империи предоставлены исключительному ведению церковной власти, и у нас от самого начала Русской церкви до ныне составляли и составляют предмет, подлежащий рассмотрению исключительно церковной власти, что признает и наше светское законодательство („Св. Зак.” X, 1, 23, 37) и Кассационный Сенат („Решение Угол. кассац. департ.” 4 окт. 1869 № 798). Один из видов воспрещенного для брака родства – именно родство крестное, или духовное – происхождения новозаветно-церковного. Установить иной порядок суда о нарушениях сих законов, и по существу и происхождению церковных, и со стороны государственной власти признаваемых за церковные, и в светских кодексах не содержащихся, значило бы принять мысль, что законы сии перестают быть церковными, или же, что светский суд компетентен и на производство дел о нарушении церковных правил, и на разрешение вопроса о силе и действительности церковного таинства.

б) На том, что светский уголовный суд не имеет собственных средств к производству исследования и суда по большей части предметов в делах сего рода. Уголовный суд при самом приступе к делу встретился бы с препятствием неразрешимым для него без обращения к церковной власти и церковным законам. Запрещен или не запрещен брак, подлежащий исследованию, – вот первый вопрос, который должен задать себе судебный следователь и на этот вопрос он не может дать себе ответа на основании гражданских и уголовных законов. Он обратится к X тому, но там в 23 статье 1-й книги найдет, что *родственные браки возбраняются церковными законами.* По необходимости он должен будет требовать сведений о сем от духовной власти. Не разрешит сам собою уголовный следователь и другого, непосредственно за вышеуказанным первым следующего вопроса, именно того: подсудимые лица действительно ли состоят в таком родстве между собою, в каком вступление в брак запрещено? И на это он не имеет своих средств, а должен обращаться к церковной же власти, в ведомстве которой ведутся и хранятся метрические и другие акты. Не разрешит сам собою уголовный следователь и третьего вопроса: действительно ли совершен, – кем, когда, где, и с соблюдением ли всех установленных предосторожностей брак между подлежащими суду родственными лицами? Сведения об этом, а не редко и следствие для получения этих сведений – в духовном ведомстве. Не будет разрешать светский уголовный суд и вопрос о церковных наказаниях, как лицам виновным во вступлении в брак в родстве, так и венчавшим („Улож. о наказ.” 1574). Не может произнести светский суд и решения о законности или незаконности, действительности или недействительности брака: ибо *незаконным и недействительным брак может быть признан только надлежащим церковным судом* („Свод зак.” X. 1, 38). Наконец, возложить на светский уголовный суд обязанность производить суд о браках, в родстве заключенных, значило бы возложить на него и обязанность истолкования церковных законов о родстве, воспрещенном для брака, что необходимо при каждом случае применения закона и что, однако же, было ли бы соответственно и средствам уголовного суда и самому характеру правонарушения в родственных браках? При этом оказалось бы, что законы, которые и Церковь, и государство почитают исключительно церковными, истолковываются и прилагаются светским судом, чего доселе никогда не было: ибо в потребных случаях светские суды, за разъяснением и истолкованием церковных законов, всегда, по закону, обращались к церковной власти. За сим

что же остается уголовному суду? Одно только действие, ему свойственное и неотъемлемо принадлежащее – определение уголовного наказания на основании 1559, 1561, 1562 статей Уложения о наказаниях. Таким образом с принятием мысли о передаче суда по делам о браках, заключенных в родстве, из духовных судов светским уголовным, оказалось бы, что от суда, имеющего средства и возможность самостоятельно, без чужой помощи разрешить большую часть вопросов, входящих в состав дела, передается исследование к такому суду, который своими средствами может разрешить только один частный вопрос дела, за разрешением же всех прочих будет обращаться к тому же самому суду, от которого принимает дела. Удобно ли это и не странно ли?

в) Необходимость церковного суда по делам сего рода основывается и на соображениях другого рода. Именно, если примем за основание в разрешении вопроса и то положение, что разрешение вопроса о событии и свойствах преступного деяния должно принадлежать тому суду, который по своим законам имеет право назначать большее наказание, то и в этом случае должны будем прийти к мысли о необходимости разрешения указанного вопроса в духовном суде. Уголовный суд за вступление заведомо в брак в степени родства или свойства, воспрещенной для брака, может подвергнуть виновных заключению в тюрьме на время от 4-х месяцев до 1 года и 4 месяцев, исключая первую и вторую степень родства, наказуемые по законам о кровосмешении. По церковному суду *виновным* полагается отлучение от святого Причащения на семь лет (VI, 54. Вас. Вел. 78) и даже до смерти (Анк. 2); а священнослужителям за повенчание родственных браков в первых четырех степенях, – если то совершили по несоблюдению предосторожностей, – церковный закон определяет в наказание: содержание в монастыре от 3 до 6 месяцев, если же они то учинили не без ведома о препятствии, то священнослужители лишаются сана, с оставлением в духовном ведомстве на низших должностях, а причетники наказываются содержанием в монастыре до 6 месяцев, или исключаются из духовного звания, то есть, и те и другие подвергаются наказаниям, соединенным с ограничением прав состояния. Очевидно, что последние, т. е. церковным судом налагаемые наказания более тяжки, чем налагаемые судом уголовным. Следовательно, и поэтому основанию, разрешение указанного вопроса должно принадлежать церковному суду.

г) Дальнейшие основания, ведущие к тому же заключению, представляются теми затруднениями, какие должно будет разрешить с передачею дел о родственных браках из духовных судов в уголовные. И аа) с такою передачею является вопрос: если во вступлении в родственные, воспрещенные браки, будут обвинены лица, имеющие духовный сан, или церковнослужители, – какому суду должны они подлежать, – духовному или уголовному? бб) По указу 19 января 1810 года („Собр. Зак.” № 24091) некоторые родственные браки, именно начиная с 5-й степени до 7-й, воспрещенные „Кормчею”, могут быть разрешены епархиальным архиереем. Какой суд будет производить дела о браках, заключенных в этих степенях родства и свойства без архиерейского разрешения, или вопреки архиерейскому запрещению? В „Уложении о наказаниях” не предусмотрены подобные случаи; между тем в них заключаются нарушения запрещений, изложенных в указе Святейшего Синода 19 января 1810 года, а все нарушения наказуемы, вв) По церковным правилам родственные браки некоторых степеней дозволяются с разрешения епархиальных архиереев. При передаче дел о родственных браках из духовного суда уголовному, кто будет давать разрешения, – архиерей или губернатор? гг) Если переданы будут дела о родственных браках светским судам, то конечно и толкование церковных правил о родстве нужно передать Кассационному Сенату. Удобно ли и возможно ли будет сделать это? дд) Наконец с передачею дел о браках, в родстве заключенных, из духовного суда в светский, явится и такой вопрос: право законодательства о родстве, воспрещенном для браков, должно ли по-прежнему принадлежать Церкви, или сие право должно перейти к государству? Но «возможно ли у нас, – спросим мы вместе с одним ученым и государственным мужем, – перенесть в гражданский закон условия совершения и расторжения брака, по одному произволу законодателя, не справляясь с уставами Церкви и не повторяя того, что постановлено в Соборных определениях?» И ответим вместе с ним же: «Немыслим у нас такой переворот без отречения от Церкви» (Победоносцева „Курс. Гражд. права” 2, 59).

Сторонники противного мнения выставляют на вид изобретенное ими будто бы коренное правило процесса, состоящее в том, чтобы при разбирательстве дел двоякой подсудности действовали не оба суда со свойственною им самостоятельностью и последовательностью, а чтобы суд одного ведомства оставался действительным судом, суд же другого ведомства

являлся только дополнительным установлением и действовал в качестве исполнительного института. Последняя роль назначается сторонниками духовному суду, т. е. он должен быть недействительным судом, а только исполнительным институтом, или полициею. Мы осмеливаемся уверить сторонников противного мнения, что выставленного ими коренного правила процесса нигде нет и что оно есть чистый вымысел. Коль скоро законодатель признает какое-нибудь дело подсудным двум судам, то сим самым и вместе с сим он допускает необходимо и то, чтобы каждый из двух судов в указанных ему пределах действовал как суд, а не как полиция, или как исполнительный институт. Различаются точно разные стороны в деле, каждому суду указывается что он должен делать и в какое время, последующий суд рассматривает дело в тех его частях, которые не были обсуждены и разрешены предыдущим, и всем этим предотвращается противоречие приговоров двух судов. Вот эти правила известные и действующие и в новом нашем процессе („Уст. Угол. Суд”. изд. Госуд. Канц. стр. 39–41, 495–499); а выставленное сторонниками мнимо – коренное правило есть совершенная выдумка и не соответствующая действительности и невозможная: ибо никакой суд не может быть поставлен в положение исполнителя приговоров другого суда. Самое установление двух судов для одного и того же дела, выставляемое сторонниками как «несправедливое с точки зрения правосудия», составителями Судебных Уставов 1864 г. признается *не заключающими в себе ничего несообразного с началами уголовного судопроизводства* („Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. II, 374).

За сим сторонники противного мнения обращаются к предметам деятельности духовного ведомства в делах о родственных браках и заключают, что все эти предметы не представляют ничего для *судебной* деятельности и должны быть разрешаемы административно. Деятельность дух. ведомства, говорят, ограничивается: а) доставлением сведений относительно события брака и степени родства между брачившимися лицами, б) признанием брака недействительным и в) наложением епитимии. Но все эти действия должны быть сочтены административными; судебным действием дух. ведомства может быть только одно – суждение о венчавших брак дух. лицах. Не по представлению сторонников, а по истинному действующему закону деятельность духовного ведомства состоит: а) в законном удостоверении о заключении брака в родстве, и б) в заключении о незаконности брака, основанном на строгом рассмотрении доказательств о родстве и соображении степеней оного с правилами, изъясненными в определениях Св. Синода, основанных на точном разуме правил Св. Церкви („Уст. Конс.” 219, 220); а деятельность светского *гражданского* суда состоит в суждении о прижитых в незаконном браке детях, и *уголовного* в определении виновным наказания по Уложению о наказаниях (1559). Итак, если согласиться со сторонниками, что от дух. ведомства требуются только справки и сведения, то судебная процедура, т. е. *строгое рассмотрение доказательств о родстве и соображение степеней оного с правилами, изъясненными в определениях Св. Синода, основанных на точном разуме правил Св. Церкви,* будет принадлежать светскому суду. Но светский суд не будет в состоянии исполнить этой обязанности, так как определений Св. Синода, на которых должно быть основано заключение, в законах служащих руководством для светского суда, нет. Если же эту деятельность оставить за духовным ведомством, то светскому суду не останется ничего кроме нынешней деятельности, т. е. определения светского наказания и разрешения вопроса о детях. Признание недействительности брака и наложение епитимии никогда не могут быть административными распоряжениями: они могут быть постановлены только судом; таково существо того и другого акта и так рассматриваются они нашим законодательством церковным и светским. А посему заменить нынешнюю судебную деятельность дух. ведомства в этих делах административными распоряжениями духовного начальства не представляется никакой разумной возможности. Можно совсем упразднить всякую деятельность дух. власти, признав гражданский брак. Но так уродовать и подменять один вид деятельности вместо другого (административную вместо судебной) невозможно.

Говорят, что расширение юрисдикции светского суда в этих делах и на этих основаниях должно *признать усовершенствованием в законодательстве, как шаг к его единству*, и утверждают, что в видах *усовершенствования законодательства* не следует останавливаться пред ограничением юрисдикции дух. суда в этих делах. Таким образом оказывается, что усовершенствование законодательства требует ограничения юрисдикции дух. суда, а полное совершенство будет достигнуто тогда, когда будет его единство, т. е. когда будет вполне уничтожен духовный суд. Мысль вполне достойная нашего прогрессивного века, стремящегося к уничтожению Церкви! В видах единства, может быть, даже уничтожат и один из светских судов,

напр. *гражданский,* и сольют вместе рассмотрение вопроса и о детях, прижитых в родственном браке и о тюремном заключении. Забывают стремящиеся к единству, что таким слитиям противится более всего юридический смысл и юридическая натура самого предмета, и до введения гражданского брака не будет возможно уничтожение духовного суда в сих делах.

По всем предложенным соображениям не представляется ничего лучшего, как оставить эти дела на прежнем основании – в духовном суде. Суд духовный, получив сведение о браке, заключенном в запрещенных степенях родства, своими собственными средствами произведет исследование по всем вопросам дела и, на основании этого исследования, постановит заключение о действительности или недействительности брака, о церковных наказаниях, которым подлежат виновные и священно и церковнослужители, венчавшие брак. Окончательный приговор духовного суда передается им уголовному суду для наложения на виновных, а равно на их родителей и опекунов наказаний, определенных в статье 1559 „Уложения о наказаниях". Приговор сей обязателен для уголовного суда в отношении действительности и свойства события. Но мера уголовной ответственности определяется уголовным судом самостоятельно.

При такой постановке дела каждый суд будет делать только свое дело, и своими, а не чужими средствами, все указанные выше затруднения будут устранены, и никакого колебания в существующем, установленном порядке произведено не будет.

В) Тому же порядку и по тем же причинам должны следовать и три другие рода брачных дел, упоминаемые в 1014 и 1015 статьях „Устава Уголовного судопроизводства", – именно дела о воспрещенном браке христиан с не христианами, о четвертом браке и о браках таких духовных лиц, коим по законам Церкви воспрещено вступать в брак, если ими употреблен был для сего обман, или подлог. (Ибо, если не было такого обмана, или подлога, то виновные духовного звания судятся исключительно своим духовным судом по правилам Церкви „Суд. Уст." изд. Госуд. Канц. 11 стр. 375). Все три рода браков воспрещены первоначально церковными законами. (См. о первом – IV Всел. 14. Лаодик. 10, 13; Карф. 30; о втором – Вас. Вел. 4, 80; Кормч. гл. 52; о третьем – 1Тимоф. 3:2; Апост. 26; Васил. Велик. 6, 18; IV. Всел. 15, 16; VI Всел. 3, 6, 12) и за сим во все века Православной церкви, и без всякого отступления, воспрещаемы были церковными же правилами, и по сим правилам подлежат наказаниям. Посему если бы передать эти дела уголовному следователю; то сей последний был бы поставлен в величайшее затруднение. До тех пор, пока он дойдет до единственного предмета своей специальности, т. е. до определения факта обмана, или подлога и уголовной, ответственности подсудимых по статьям Уложения о наказаниях 1564 и 1569, он или должен будет оставаться совершенно без средств, или же за всем обращаться в духовное ведомство и действовать таким образом несамостоятельно, а на основании справок и сведений, доставленных из духовного ведомства. В исследовании о четверобрачии, например, он должен истребовать себе точные сведения о трех прежде бывших браках, о законности каждого из трех браков – от духовного ведомства. Духовное же ведомство для удовлетворения следователя может быть вынуждено произвести следствие для получения точных сведений, о котором-либо из трех браков. Следствие о браках духовных лиц, коим воспрещено вступать в брак, по неизбежной также необходимости, будет производиться духовным судом до момента обмана или подлога, так как в сих делах заключается преступление против специальных правил, постановленных для священнослужителей.

По сим основаниям, а равно и для избежания указанных затруднений, – представляется естественным и совершенно необходимым в отношении к сим трем родам дел остаться при нынешнем порядке, закрепленном и „Судебными Уставами" по предложению Святейшего Синода. Отступление от сего порядка в том смысле, чтобы дела сии были судимы уголовным судом, а не духовным, повлекло бы за собою многочисленные и весьма важные затруднения и несообразности.

Г) Дела о вступлении в брак прежде или позднее узаконенного возраста, порядку, указанному в 1014 п 1015 статьях „Устава Уголовного судопроизводства", должны следовать: 1) потому, что законы о наибольшем возрасте для брака дозволенном суть исключительно церковные (Вас. Вел. 24; „Синод. указ." 12 дек. 1744 г. „Собр. Зак." № 9087). Законы о наименьшем возрасте, дозволенном для браков, хотя первоначально не церковного происхождения, а заимствованы из римского права, но с древнейшего времени, по самому естественному ходу вещей, поставлены под охрану Церкви и нарушения их были судимы и доселе судятся исключительно церковным судом и в Греческой церкви, и в Русской. 2) Второе

основание к тому, чтобы дела о нарушении правил касательно возраста при браках следовали порядку, указанному в статьях 1014 и 1015, „Уст. Уголов. судопр.”, заключается в самой естественности этого порядка. Все основания к разрешению этого вопроса в духовном ведомстве: метрические и другие акты, на основании коих можно определить возраст – в церквах и Духовных Консисториях. Лица, которые ведут сии акты, которые совершают крещение и браки, в сих делах, если нет тут подлога, подлежат духовному суду („Улож. о наказ.” 1574). Производить следствие и суд по сим делам в духовном ведомстве прежде, – предписывает самая естественная необходимость. По окончании суда духовного виновные предаются суду уголовному для определения им наказания по статьям 1563, 1571 и 1572 „Уложения о наказаниях”.

Таковы частные из каждого рода дел заимствованные соображения в подтверждение мысли об оставлении сих дел на нынешних основаниях в духовном суде. Остается представить еще некоторые общие соображения, имеющие приложение ко всем делам о незаконных браках.

I. Мы приводили уже выше то существенное положение нашего законодательства, что *брак может быть признан незаконным и недействительным только надлежащим духовным судом* („Св. Зак.” т. X, 1, 38); и, следовательно, предложение о передаче дел о незаконных браках в светский суд направлено к совершенной отмене этого положения. Теперь мы обратим внимание на другое существенное же в делах сего рода положение, именно на то, что *все заключения о законности, или незаконности, действительности, или недействительности браков основываются на точном разуме правил Святой Церкви и определений Св. Синода* („Св. Зак.” т. X, 2,805). Следовательно, светский суд, если бы ему переданы были дела сего рода, стал бы входить в рассмотрение точного разума правил Св. Церкви и определений Св. Синода. Едва ли это удобно и возможно, и едва ли светский суд признает себя к сему компетентным. Комиссия, составлявшая „Судебные Уставы” 1864 г., не признавала право способности к сему светских судов и в статье 58 проекта VI кн. „Уст. Суд. гражд.”, составленного Комиссиею, прямо выражено было, что *все дела о признании законности, или незаконности браков подлежат ведомству судов духовных.* Исключена эта статья из „Устава” единственно потому, что он должен содержать только правила гражданского судопроизводства.

II. Мы должны обратить внимание и на то высказываемое иногда мнение, будто в делах о незаконных браках все относящееся до светских лиц может и должно быть доставляемо и разрешаемо духовною администрациею и только относящееся до духовных лиц должно быть разрешаемо духовным судом; мнение, с которым решительно не возможно согласиться. И 1) невозможно, в отношении к разрешению вопросов о событии брака и о других, сюда относящихся обстоятельствах, ограничиться одною административною деятельностью духовного начальства. Не трудно конечно получить сведения о событиях брака и о степенях родства между брачившимися лицами, если брак записан в метрической и обыскной книгах, и если рождение обоих брачившихся лиц также значится в метрической книге. Но в делах о незаконных браках не всегда бывает так, а не редки случаи, что или брак не записан, ни в метрической, ни в обыскной книге, или же рождение которого-либо лица пропущено. Дабы получить несомнительные о сем сведения, ныне духовное ведомство употребляет для сего справку прежде всего с метрическими книгами, а если брак в метрических книгах не записан, то доказательства о нем приобретаются из обыскной книги и из исповедных росписей, из гражданских документов и чрез следствие. Следствие заключает в себе показания причта, который венчал брак, бывших при браке свидетелей и вообще знающих о достоверности события брака, супругов, о которых идет дело и их родителей. По собрании документов или по производстве следствия духовный суд рассматривает оные, и постановив заключение сообщает присутственным местам („Уст. Конс.” 263 – 265). И так об одном только предмете – о событии брака не редко происходит целая судебная процедура – со следствием и заключением духовно-судебного места. Такая же процедура может потребоваться и при изыскании родственных отношений двух брачившихся лиц, ибо и в сих случаях приходится иногда восходить до разрешения вопроса о законном браке. В делах о четвертом браке судебная процедура может требоваться иногда не об одном, а может быть о двух или даже о всех трех предшествующих браках. 2) Невозможно административное разрешение и вопроса о признании брака недействительным. И самое это признание и последствия этого признания столь важны, что административное решение этого вопроса невозможно. По действующим ныне законам признание брака законным и действительным, или незаконным и недействительным может последовать только со стороны надлежащего духовного

суда („Свод Зак.” X, 1,38, 2,799,800). По смыслу указанного мнения признание действительности или недействительности брака предполагается следствием не судебной, а исполнительной административной деятельности епархиального начальства. Епархиальное начальство делает зависящие от него распоряжения относительно признания действительности брака в сих случаях. Но и важность такого действия, каково признание или не признание брака действительным или недействительным, и значение последствий такого признания требуют непременно судебного рассмотрения дела и исключают возможность рассмотрения сего дела административным порядком. Если для признания брака действительным или недействительным считается необходимым участие духовного ведомства, то участие сие необходимо должно быть судебное. Административное же действование духовного ведомства в сих делах совершенно излишне. Административных распоряжений относительно признания действительности брака со стороны духовного начальства не может быть никаких: ибо в тех случаях, когда светский суд в данном деле не усмотрит факта, вследствие которого брак признается незаконным, то само собою разумеется, и сообщать об этом духовному начальству, для признания брака законным, не будет; если же светский суд в данном деле найдет неподлежащим сомнению присутствие факта, вследствие которого брак признается незаконным и недействительным, то зачем и какие нужны со стороны духовного начальства распоряжения о признании брака не действительным? Кроме отметки в метрических книгах какое другое распоряжение со стороны духовного начальства возможно в сем случае? 3) Невозможно административное действие и по тяжести налагаемого за преступления сего рода наказания. По церковным правилам может быть положена за родственные браки семилетняя епитимия (VI, 53,54). Невозможно принять, что бы отлучение от святого Причащения на семь лет могло быть налагаемо административным распоряжением. 4) Нельзя не обратить внимание и на то, что статьи „Устава Угол. Судопроизводства” 1014, 1015 получили нынешнюю редакцию согласно с одобренными Святейшим Синодом замечаниями Обер-Прокурора Святейшего Синода. Сие одобрение Святейшего Синода выражено в точности следующими словами: *Святейший Синод, по рассмотрении замечаний и соображений о проекте Судебных Уставов, находит, что оные вполне соответствуют взгляду Святейшего Синода на отношения Православной Церкви и ее духовенства к светским судебным властям.* (Опред. в Проток. Св. Синода 24 февраля 1864 г. № 354 и 9 мая 1864 № 937). 5) Наконец должно заметить и то, что в практике статьи сии доселе не возбуждали никаких затруднений. То замечание, будто и ныне административным образом налагаются епитимии в случае присуждения кого-либо светским судом, не имеет основания: ибо и в этом случае духовная власть действует не как административная, и имеет предметы для действия именно в качестве не административной, а судебной власти, подобно тому, как ныне и светский суд при определении наказания по делам предварительно подлежащим духовному суду, на основании 1014 и 1015 статей „Устава Уголовного судопроизводства”, действует и назначает наказания как суд, а не как администрация.

III. Наконец мы должны здесь устранить одно возражение, представляемое противною стороною. Говорят, что при нынешнем порядке, при суждении дел, указываемых в 1014 и 1015 статьях „Устава Угол. судопр.”, возможно противоречие в приговорах двух судов духовного и уголовного. «Дела эти производятся предварительно в дух. суде, а потом передаются в уголовный. Но где же гарантии в том, что лицо, признанное дух. судом виновным во вступлении в 4-й брак напр., не будет оправдано потому же обвинению в уголовном суде? Ведь хотя в „Уставе Угол. суд.”, благодаря настояниям Обер-Прокурора Св. Синода, и нет прямо выраженного правила о том, что приговор дух. суда необязателен для светского, но это само собою разумеется, так как статья 23 проекта „Уст. Угол. суд.” вычеркнута была только для предупреждения соблазна от резкого обозначения необязательности решений дух. судов для светских уголовных; необязательность же эта вытекает из сущности уголовной юрисдикции» („Журн. Гражд. и торг. права” 1872, 3, 453). Возражение, основанное на решительном недоразумении. И здесь, как в делах о многобрачии, духовный и уголовный суд судят не одни и те же предметы в одном и том же деле, а разные. Духовный суд разрешает вопрос о событии преступного деяния (4-го брака, брака с нехристианами и пр.) и определяет по церковным законам последствия сего деяния; уголовный суд определяет только степень и меру уголовной ответственности лица, признанного на духовном суде совершившим известное преступное деяние. Уголовный суд не будет разрешать вопрос – было совершено, или не было совершено преступное деяние, не будет определять церковного наказания и таким образом приговоры двух

судов не столкнутся. Если для устранения возможного противоречия между судами уголовным и гражданским признано достаточным постановить, что по вопросам тесно между собою связанным, гражданский суд не прежде приступает к решению гражданского иска, как по решении дела в суде уголовном („Устав. Угол. суд.” мот. ст. 31); то это же правило может предотвратить возможность противоречий и между судами духовным и уголовным, когда духовный суд разрешает предлежащие ему вопросы прежде уголовного. За сим вполне несправедливо то выставленное в возражении замечание, будто решение духовного суда необязательно для уголовного суда и будто необязательность эта вытекает из сущности уголовной юрисдикции. Если решение гражданского суда, по закону („Уст. Угол. суд.” 29) обязательно для уголовного суда в отношении действительности и свойства события, или деяния, но не обязательно в отношении виновности подсудимого, то в этом случае имеют место особые причины, заключающиеся в самом существе уголовного и гражданского процесса и не могущие иметь приложения в тех случаях, когда дело идет о суде уголовном и духовном. Гражданский и уголовный процесс утверждаются совершенно на разных основаниях – первый на формальных доказательствах, последний на внутреннем убеждении судей, основанном на совокупности всех обстоятельств дела. Между духовным же и уголовным судом нет этой коренной разности. И прежде дух. суды имели возможность произносить приговоры на основании совокупности обстоятельств дела („Уст. Конс.” 252); по осуществлении же предположений Комитета духовные суды исключительно обязаны будут постановлять приговоры по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при следствии и суде. И духовные суды, по характеру своему также суть суды уголовные, т. е. произносящие приговоры о виновности, или невинности; следовательно, постановлять правило о необязательности приговора дух. суда для уголовного значило бы тоже, что установить правило о необязательности приговоров одного уголовного суда для другого, напр., Новгородского для С.-Петербургского. Нигде нет и не может быть правила о необязательности для уголовного суда приговоров военного суда, так как оба суда действуют на основании одинаковых принципов и начал при рассмотрении дел и постановлении приговоров. В таких же взаимных отношениях должны быть и суды духовный и уголовный. И этим именно объясняется исключение из „Устава Угол. судопроизводства” 23-й статьи проекта. Этого исключения требовала юридическая логика и последовательность, а не какие-нибудь узкие сословные интересы. Разные, существующие в государстве суды, произносящие приговоры уголовного характера, т. е. о виновности, или невинности, не могут быть поставлены в такое взаимное отношение, чтобы приговор одного не был обязателен для другого. Обер-Прокурор Св. Синода, добиваясь исключения 23-й статьи проекта действовал не только в церковных видах, но и как глубокий светский юрист. Суды духовный и уголовный у нас издревле взаимно признают один приговоры другого, не подвергая сомнению. Духовный суд не переисследует приговоры уголовного, когда сей последний постановляет приговор, которым виновный присуждается сверх уголовного наказания еще к церковному покаянию. Уголовный суд не поверяет приговоры суда духовного по делам, обозначенным в 1014 и 1015 статьях „Устава Угол. судопроизводства”. И при составлении „Судебных Уставов” 1864 г. было именно изъяснено, что этот порядок не представляет *ничего несообразного с установленными началами уголовного судопроизводства* („Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. II, 374).

По всем сим соображениям дела, поименованные в 1014 и 1015 ст. „Уст. Угол. суд.”, а равно и дела о браках лиц, не достигших узаконенного возраста, или имеющих более 80 лет от роду и впредь должны быть производимы на точном основании сих статей.

III. Дела двоякой подсудности, подлежащие или уголовному и духовному суду или одному духовному

Переходим к такому роду дел двоякой подсудности, в котором имеют место или один духовный суд, или же уголовный суд и после него духовный, смотря по желанию вчиняющего и по целям, какие имеет он в виду, или же смотря по лицам, к которым относится. Это а) дела о прелюбодеянии и б) дела о любодеянии.

а) *Дела о прелюбодеянии.*

По 1016 ст. „Устава Уголовного судопроизв.", «дела по жалобе одного из супругов на нарушение другим святости брака прелюбодеянием ведаются: или 1) уголовным судом, когда оскорбленный супруг просит о наказании виновного по уголовным законам („Улож. о нак." 1585), или 2) судом духовным, когда оскорбленный супруг просит о расторжении брака и о наказании виновного по правилам церковным».

К принятию такого именно порядка законодательная власть в 1864 г. пришла после продолжительных бывших по этому предмету рассуждений и согласно заключению Святейшего Синода, удостоенному Высочайшего утверждения.

Учрежденною при Государственной Канцелярии Комиссиею для развития основных положений судопроизводства был проектирован особый порядок производства дел о прелюбодеянии – в следующем виде: «Дела по жалобе одного из супругов на нарушение другим супругом брачного союза прелюбодеянием („Улож. о нак." ст. 2156, ныне 1585) производятся в светском уголовном суде. Просьбы о расторжении по сей причине брака подлежат ведению духовного суда не прежде как по окончании суда уголовного, которого обвинительный приговор признается, во всяком случае, за несомненное доказательство прелюбодеяния осужденного лица».

Святейший Синод, на рассмотрение которого предложена была между другими и эта статья, признал необходимым изменение сей статьи проекта *в существе и редакции.* Исходя из того положения, что оскорбление святости брака прелюбодеянием причислено как церковным, так и государственным законодательством к тем преступлениям, по коим дело возбуждается не иначе, как по иску, или жалобе оскорбленного супруга („Уст. Конс." 241, 242, „Св. Зак." Т. X, 1, 45, 2,804., Т. XV, 1, 2166), что дела подобного рода могут оканчиваться примирением („Уст. Конс." 243, „Улож. о нак." 171), и что по сим делам приговор о наказании отменяется, если принесший жалобу примирится с виновным прежде исполнения приговора, Святейший Синод полагал относительно дел о преступлении прелюбодеяния, возбуждаемых в судах духовных и светских уголовных жалобами оскорбленных сим преступлением супругов, постановить следующее: *Супруг оскорбленный нарушением святости брака прелюбодеянием другого супруга, может если желает, возбудить дело: или принесением светскому уголовному суду жалобы, с тою целью, чтобы виновный был подвергнут наказанию, определенному в 2156 ст. Улож. о наказ., или подачею подлежащему епархиальному, начальству искового прошения о разводе с супругом им обвиняемым в прелюбодеянии, на основании законоположений церковных („У ст . Конс." 230, 238– 244, 248–260). Кто на основании этом начнет дело в светском суде, тот теряет право объявить иск в духовном суде, и наоборот, кто обратится к духовному начальству с исковою просьбою о разводе брака, тот не может просить светский уголовный суд о назначении виновному наказания по ст . 2156 (1585) „Уложения о наказаниях".*

С этим проектом, предложенным Святейшим Синодом, и по сущности и даже по редакции вполне согласна 1016 статья „Устава Уголовного судопроизводства", действующая ныне.

В виду заявляемых в периодических изданиях („Спб. вед." 1870 № 9, 141, и др.) возражений против существа 1016 статьи „Устава Угол. судопроизводства", направленных к утверждению мысли о передаче в светский суд дел о прелюбодеянии и в случае иска о расторжении брака по сей причине, – открывается необходимость: А) точнее взвесить все основания, приводимые в пользу сего мнения, а равно Б) изложить и те соображения, вследствие которых такая передача не должна иметь места.

А) Обращаясь к тем мнениям, которые высказываются как основания для передачи дел о расторжении брака по причине прелюбодеяния, I. прежде всего должно остановится на мнении о ненаказанности прелюбодеяния в том случае, если оскорбленный супруг обращается в духовный суд и просит развода, как основании, по которому обязательно производство дел о разводе по

причине прелюбодеяния в светском уголовном суде. („Спб. вед.” 1870 № 9). Против сего мнения должно заметить, что, и при оставлении в силе существующего порядка, прелюбодеяние не остается не наказанным в случае расторжения брака. Виновное лицо подвергается трем наказаниям: 1) расторгается брак его с лицом оскорбленным, 2) подвергается церковной епитимии, состоящей в отлучении от Св. Причастия на несколько лет, 3) осуждается на всегдашнее безбрачие. Последнее из сих наказаний, состоящее в лишении одного из важнейших семейственных прав, есть наказание без всякого сомнения более тяжкое, чем наказание, полагаемое в ст. 1585 „Уложения” [7]. Таким образом требование, чтобы за прелюбодеяние было непременно полагаемо наказание по 1585 ст. имеет в виду к трем наказаниям полагаемым по духовному суду присоединить еще четвертое, и притом менее тяжкое, чем каждое из сих трех. Жестоко было бы предоставить оскорбленному супругу право требовать того и другого, и развода и наказания по 1585 статье и несообразно, ни а) с существенным положением церковного права, предписывающего: *не отмстиши дважды за едино* (Апост. пр. 25), ни б) с существенным принципом светского права, не допускающего в делах об обидах требовать двух возмездий, и личного наказания виновного, и вместе с тем денежного вознаграждения („Устав о наказ.” 138, 18). Кроме сего допускает же наше законодательство возможность оставлять прелюбодеяние и совсем без уголовного наказания, если не было принесено суду жалобы о прелюбодеянии в течение двух лет со времени учинения сего преступления. Допускается оставление прелюбодеяния без уголовного наказания и в случае открытия оного уголовным судом при производстве какого-либо иного дела, а не по жалобе оскорбленного супруга. Вообще наше законодательство не считает необходимым всегда наказывать за личные оскорбления, ибо дела этого рода начинаются не иначе как по жалобе оскорбленного. Закон отдает в этих случаях явное предпочтение искам гражданским пред уголовными, а в случае производства дела этим последним порядком предписывает даже отменять наказание, если стороны примирятся прежде исполнения приговора (См. „Суд. Уст.” изд. Гос. Канц. IV, 57). Поэтому выставлять ненаказанность прелюбодеяния, как причину к передаче бракоразводных дел из духовного суда в светский уголовный, и в случае иска о разводе – нет основания.

II. Выставляют и еще основание к такой передаче – именно то, будто дела о прелюбодеянии по самому существу своему суть дела светского уголовного суда, а не духовного („Спб. вед.” 1870 № 9). То правда, что прелюбодеяние по существу и отдельно взятое удобнее может быть судимо светским уголовным судом и действительно судится сим судом во всех случаях, когда по сей причине не требуют развода, а только наказания виновного супруга, хотя и в этом случае Церковь имеет и правила для суждения и наказания за прелюбодеяние. Но когда по причине прелюбодеяния ищут уничтожения, разрушения одного из таинств Православной церкви, тогда дело совершенно переменяется. Церковь, от которой требуют разорвания таинства, не может постановить сего важнейшего определения на основании исследования не ею произведенного, не может принять за несомненное доказательство прелюбодеяния приговор, какого-либо другого суда, кроме своего собственного. Как бы ни было трудно, как бы ни было неприятно исследование обстоятельств прелюбодеяния – Церковь не может уклониться от сего исследования; по той причине, что здесь дело идет об уничтожении одного из таинств Церкви, и для постановления о сем заключения, Церковь не может руководиться ничем иным кроме непосредственного убеждения в действительности события, служащего основанием к постановлению приговора, как и действует Церковь до настоящего времени [8].

III. Указывают на неприличие духовным лицам, составляющим духовные суды, слушать и исследовать дела о прелюбодеянии, как на причину передачи сих дел в светские суды („Спб. вед.” 1870 г. № 9 и 141). Говорят, что исследование факта прелюбодеяния заставляет дух. судей входить в обстоятельства дел весьма постыдных и духовному сану несвойственных, а иногда требует и осмотра домов и мест, посещать которые неприлично лицам духовного звания». Чтобы духовные лица освободить от тяжелой обязанности слышать и видеть грязные и соблазнительные сцены и документы, обыкновенно представляемые духовному суду при исках о разводе, в особенности по причине прелюбодеяния и от осмотра неприличных мест, для сего, говорят, нужно духовные суды освободить от обязанности производить исследование по делам о прелюбодеянии.

В делах бракоразводных приходится духовному лицу слышать и видеть много неприличного, и грязного, это правда. Но утвердить на этой причине мысль о передаче сих дел из духовного суда в светский – нет никакого основания. Священники на исповеди обязаны выслушивать и

выслушивают и еще более грязные повествования и не могут по обязанности своей отвратить своего взора от этих язв, а должны с самым строгим вниманием рассматривать все, дабы предложить соответствующее недугу духовное врачевство. Как врач не может быть брезгливым, а обязан всевозможные язвы рассматривать самым добросовестным образом, чтобы с успехом врачевать, так тоже самое обязан делать и духовный врач – священник. От нравственно-грязного и отвратительного он не может отворачиваться как духовник. Какое же было бы основание утверждать будто неприлично и соблазнительно ему выслушивать грязное и отвратительное, когда он действует в качестве судьи? На одном суде он уже слушает и видит грязное и отвратительное. Почему не будет слушать и видеть на другом? Притом же если бы и освобождены были духовные лица от обязанности слышать и видеть соблазнительное и грязное при бракоразводном производстве – этим не сделано было бы почти ничего и с точки зрения благоприличия и деликатности, потому что и при этом нельзя было бы освободить их от обязанности в качестве судей слушать самые грязные истории по другим делам. Духовный суд не может не видеть и не слышать этой грязи, если и освободить его от грязи бракоразводной. По системе приличий следовало бы и дела, напр. о зазорной жизни духовных лиц изъять из дух. суда и передать светскому, который судить эти дела также не стал бы, потому что вообще светский закон не преследует зазорного поведения („Улож. о нак.” 994), и таким образом оставить эти дела вовсе без преследования: духовному суду это неприлично, а светскому невозможно. Теория приличий в отношении к суду есть самый ненадежный руководитель. Суд всякий, и церковный, и светский, очень часто имеет дело с грязью нравственною. Суд не для приличия, а для раскрытия истины и для восстановления нарушенного права составляется. Да и грязь эта нам не так опасна, потому что, благодаря мудрым правилам нашей Православной церкви, мы имеем священников ведущих брачную жизнь. И если католическая церковь, имеющая безбрачное духовенство, строго и ревниво охраняет право производства бракоразводных дел в церковных судах, не находя опасным и неприличным для своего безбрачного духовенства, если оно слушает и судит грязные бракоразводные дела, то тем менее можем видеть в этом опасности, или неприличия – мы. Что касается в особенности указываемого неприличия духовным лицам производить осмотр некоторых домов и мест по случаю исследования дел о прелюбодеянии, то об этом должно заметить: 1) что случаи подобного осмотра собственно по поводу бракоразводных исков составляют явление самое редкое и исключительное и, по своей исключительности, едва ли могут быть указываемы даже в числе других причин, как основание к изменению вековой церковной практики. Это темное дело и совершается большею частью во мраке, а не публично, и дела о расторжении браков по этой причине начинаются большею частью спустя много времени после нарушения одним лицом святости брака прелюбодеянием, а потому осмотры местности доказываемого преступления становятся бесполезными, а иногда и невозможными. И 2) в тех домах и местах живут люди, может быть преступные, жалкие, несчастные, люди, принадлежащие к Православной церкви, люди, которые бывают больны, умирают и в болезни, и перед смертью желают облегчить душу покаянием и приобщением св. Таин. На основании теории приличий следовало бы заключить, что и в подобных случаях священнику в тех домах и местах быть неприлично, и что по сему нужно его освободить от сей обязанности. Но согласно ли это с духом Православной церкви? Нет, священнику и прилично и несоблазнительно быть во всех местах, куда призывает его пастырский долг. Не место, а цели делают посещение места приличным, или неприличным, непредосудительным, или преступным.

IV. Самою обильною темою и источником возражений и обвинений против духовных судов и вместе доказательств в пользу передачи бракоразводных дел по причине прелюбодеяния из духовных судов в светские, служит нынешнее состояние непреобразованных духовных судов и образ производства в них дел, а) Говорят, что «передача бракоразводных дел по причине прелюбодеяния и неспособности обещает ту выгоду, что при этом сии дела поступят *на рассмотрение суда гласного,* пользующегося доверием и уважением общества и будут изъяты из ведения Консисторий, которые никогда ничьим доверием не пользовались. Напротив того в обществе твердо коренится убеждение, что ни одно из бракоразводных дел в дух. суде без должных пожертвований обойтись не может» („Спб. вед.” 1870 № 9). б) Говорят далее, что самые основания процесса в духовных судах дают повод к неправым решениям. «Желающему развода стоит обратиться к ходатаю, и он тотчас находит трех свидетелей, которые за умеренное вознаграждение, под присягой удостоверяют факт прелюбодеяния одного супруга, и епархиальная Консистория *принуждена* придавать веру этим почти всегда по одной формуле

скроенным показаниям, ибо, чтобы отвергнуть их, она должна принять на себя обязанность доказать, что присяжное показание свидетелей лживо, и что след. они подлежат наказанию по ст. 237 или 238 „Уложения”. Но она не имеет возможности уличить предварительную стачку не только свидетелей с тяжущимися, но и самих тяжущихся между собою, и находится в грустной необходимости постановлять решения по таким делам, которых весь ход заранее предусмотрен и в которых все допрашиваемые являются лишь для произнесения заранее распределенных каждому из них речей, в) Говорят «что гражданский суд, как суд вполне организованный по составу лиц судебных и исполнительных, имеет более возможности скорее удостовериться и вернее произнести приговор о факте прелюбодеяния, нежели суд духовный», г) Находят неудобство производить сии дела в дух. судах и в том, что ответчики долгое время уклоняются от явки в Консистории к судоговорению.

Все представленные возражения не имеют твердости. Если и допустить, что Консистории не пользуются таким доверием и уважением общества, как новый, преобразованный светский суд, то должно при этом принять во внимание, что духовные суды еще не получили преобразования и что и светские суды до преобразования имели репутацию не лучшую Консисторий и не большим пользовались доверием. Их преобразовали, и в этом новом виде они заслужили доверие общества. Проектируют теперь преобразование и духовных судов, и по преобразовании они могут заслужить еще большее к себе доверие, чем какое заслужили светские суды. Что касается замечания о невозможности духовным судам предотвратить стачку супругов, ищущих развода и преследовать купленных свидетелей, то первое невозможно ни для какого суда, ибо никакой суд, не исключая и нового преобразованного, не может воспрепятствовать бессовестному человеку взвести на себя преступление, которого он не совершил, или даже «фактически исполнить акт прелюбодеяния»; а второе, т. е. обязательность верить купленным свидетелям и в духовном суде может быть устранено тою же мерою, какою устранено в светских судах, т. е. отменою формальных доказательств, которая, как слышно, и проектирована для новых духовных судов. Преследовать же за лжесвидетельство и светский суд, как и духовный имеют одинаковую возможность, именно когда имеют достаточные к тому основания. Против утверждения, будто гражданский (т. е. светский) суд имеет более возможности скорее удостовериться и вернее произнести приговор о факте прелюбодеяния, нежели суд духовный по той причине, что светский суд есть суд вполне организованный, по составу *лиц судебных* и *исполнительных*, – должно заметить, что и духовный суд даже в нынешней его организации есть суд вполне организованный: коллегиально действует суд светский, точно также коллегиально действует и духовный суд. Что же касается до лиц *исполнительных,* то ни скорейшему удостоверению, ни вернейшему произнесению приговора о факте прелюбодеяния они не могут оказать ни малейшего содействия: ибо все это есть дело исключительно судебного персонала; а сей персонал организован одинаково и в светских судах, и в духовных. Против неявки ответчиков и духовный суд может с полным удобством употребить все те меры, какие против этого употребляет светский суд.

В заключение в виду подобных указаний на несовершенство в судопроизводстве и в устройстве духовных судов, необходимо заметить, что в виду существования Комитета, созванного для проектирования правил об улучшении духовного суда, подобные указания решительно не имели бы никакого основания и оправдания. Если церковные суды, основания которых Комитет призван проектировать, будут хороши – зачем нужно сдавать дела, ессенциально принадлежащие духовным судам, в другие хотя бы и хорошие? Не все ли равно – в этом ли хорошем суде будет производиться дело или в другом? Сдача дел из духовных судов, преобразование которых в настоящее время проектируется, по меньшей мере преждевременна. Может настать время, когда практика укажет неудобства или несовершенства сих преобразованных духовных судов. Тогда и будет благовременна речь о сдаче из них дел в светские суды. Притом же светские суды, как бы ни были хороши, в образе производства бракоразводных дел не представят ни каких лишних в сравнении с духовными судами гарантий, ибо будут судить эти дела, по закону, при закрытых дверях и без присяжных заседателей. Отклоняя упрек в несовершенстве духовных судов, Св. Синод в 1864 г. дал почти решительное обязательство улучшить свои суды так, чтобы они сделались столь же способными к открытию истины, как и светские преобразованные. Ныне, когда приступлено к исполнению этого обязательства, передача дел, по поводу сохранения которых в духовных судах и дано было обещание преобразования сих судов, – что иное могла бы означать как не то, что церковное

правительство не находит возможности преобразовать сии суды столь удовлетворительным образом, чтобы они были способны, подобно светским судам, открывать истину?

V. Указывают и еще предлог к передаче сих дел из духовных судов в светские. Это – требование общественного мнения, которое будто бы желает не только передачи бракоразводных дел из духовного суда светскому, но и гражданского брака. Но это ли общественное мнение в сем деле должно принимать во внимание? Есть другое общественное мнение, мнение многих миллионов Православного народа. Вот это-то мнение должно быть выслушано. А это мнение может быть кратко выражено так: «если священник свенчал, то только он может и развенчать». Проектируется закон для этой многомиллионной массы и прежде всего конечно должно справиться с мнением этой массы. Что мнение этой массы таково – в этом лучшие свидетели священники, имеющие близкое соприкосновение с народом и могущие засвидетельствовать, что народ Православный в делах брачных и бракоразводных единственно и исключительно имеет доверие к священникам и к суду из них составленному. И это естественно по самой простой причине. Дела брачные и разводные такого интимного, нежного и задушевного свойства, что об них может быть поставлен в известность только священник – духовник. Отсюда естественно же и в тех случаях, когда чувство сокровенности, свойственное семейным делам, вследствие несчастья, профанируется, экзотерируется, выходит пред взоры не только судьи – сокровенного, духовника, а и пред взоры судей внешних – естественно и в этих случаях желать, чтобы и судьи внешнего суда были те же и такие же как судьи сокровенного суда. Этим судьям Православный народ уже привык вверять свою совесть, свою душу. Этим судьям в делах совести он верит, их слушает, потому что крепко убежден, что эти судьи *слово воздати хотят о душах наших в день судный.* А какое великое дело и важное дело для успехов суда, когда известно, что судья уже опытно, по должности знаком с состоянием подобным тому, какое повергается на его суд, когда являются судьями те, которым уже прежде была открываема совесть и душа судимого! Не всякому врачу можно открыть свои язвы и раны. В пользу этой мысли есть даже стороннее свидетельство, которое никак нельзя заподозрить в пристрастии. Это свидетельство Соединенных Департаментов Госуд. Совета. Они говорят: «Не всякий решится начать дело о прелюбодеянии на суде уголовном, где и собственные его проступки будут обнаружены пред судьями, принадлежащими к одному с ним обществу и где признание вины, служащей основанием расторжения брака, сопряжено с посрамлением и наказанием неверного супруга». Верность мысли, что обвиняемые в прелюбодеянии свободнее могут давать свои показания в присутствии судей – духовников и вообще, что именно таков взгляд народа на этот предмет, признается противною стороною. Замечают против этого только то, что нельзя считать убеждение народной массы руководителем в разрешении законодательных вопросов и в частности вопросов, касающихся расторжения брака по причине прелюбодеяния; ибо не инстинкт, привычки, а иногда и предрассудки народа должны быть толкователями закона и его применения; напротив закон и его разум должны управлять народными стремлениями и воспитывать самый народ в понимании правил долга и справедливости, т. е. противная сторона полагает что религиозное и церковное убеждение народа (каково именно и есть убеждение о котором идет речь) может и должно быть искореняемо законом ему противоположным; а мы доселе полагали, что религиозное и церковное убеждение народа закон должен оберегать и укреплять, с ним сообразоваться, и что никакой закон, разрушающий религиозное и церковное убеждение народа, не будет крепок и полезен.

VI. Находят возможною и незатруднительною передачу следствий по бракоразводным делам по причине прелюбодеяния, на основании того соображения, «что дела сего рода уже производятся гражданским (т. е. уголовным) или военным, но не духовным судом, если оскорбленный супруг просит о наказании виновного в прелюбодеянии по уголовным законам, и что по общему правилу законодательства, преступление, преследуемое одним судом, не подлежит ведомству другого суда». Но из того, что дела о прелюбодеянии, когда оскорбленный супруг ищет наказания виновного по уголовным законам, производятся в уголовном суде, совсем не вытекает и не может вытекать то заключение, чтобы сии дела должны были судиться в уголовном суде и в том случае, когда оскорбленный супруг ищет расторжения брака с обвиняемым в прелюбодеянии, наказания же по уголовным законам не ищет и не хочет. Из одного и того же проступка, или преступления, соответственно целям и намерениям истца, могут возникнуть два различные иска, которые, по необходимости, и пойдут к двум разным судам, из которых каждый компетентен только на производство к нему обращенного иска – уголовный на

производство дела, когда вчиняющий ищет наказания виновного по уголовным законам, духовный, когда вчиняющий ищет расторжения таинства брака по сей причине. Как духовный суд не в праве принять к своему разбирательству дело по обвинению в прелюбодеянии, когда истец начинает дело с целью подвергнуть виновного наказанию по 1585 ст. „Уложения", так и уголовный суд не в праве принять и исследовать дело, начатое истцом в видах достигнуть только расторжения брака с обвиняемым лицом, но отнюдь не наказания по уголовным законам. Выставляемое общее правило к настоящему случаю имеет только то приложение, что духовный суд не в праве принять к своему разбирательству дело о прелюбодеянии, когда оскорбленный супруг ищет удовлетворения по 1585 ст. „Уложения", но не то, чтобы уголовный суд и он один был в праве производить дела о прелюбодеянии и в случае иска о разводе по сей причине. Здесь вполне действует и непременно должно действовать не это, а другое общее и основное правило законодательства, которым в делах о личных оскорблениях истцу предоставляется полная, ничем не стесняемая свобода вести иск уголовный, или гражданский (Сравн. „Суд. Уст." изд. Госуд. Канц. IV, 56, 57), и след. путем суда уголовного или гражданского; свобода, ограничиваемая только одним важным условием – недопущением соединения обоих исков (Сравн. „Реш. Угол. Кассац. Деп." 1867 г., № 288).

Б) Устранив представляемые возражения и основания к передаче бракоразводных дел по прелюбодеянию из духовных судов в светские, мы должны теперь представить и другие основания, по которым дела сего рода должны быть оставлены по-прежнему в духовном суде, и сделать анализ тех последствий и неудобств, которые произошли бы в случае передачи.

1) Чтó самое существенное, чтó самое важное в настоящем вопросе, чтó должно служить исходной точкой для всех рассуждений, – так это мысль о том, что брак есть таинство Православной церкви. К решению вопроса о расторжении брака мы должны исходить не из какого-либо другого пункта, а единственно из того пункта нашего Православного катехизиса, в котором говорится: *брак есть таинство*, *в котором при свободном пред священником и Церковью обещании женихом и невестою взаимной супружеской верности*, *благословляется их супружеский союз во образ духовного союза Христа с Церковью и испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей.* Если мы выйдем к решению предложенного вопроса именно из этого, а не из другого пункта, то многое, представляющееся кому-либо неясным, тотчас уяснится. И прежде всего, при таком пункте отправления мы увидим ту светлую точку, что брак как таинство может быть и совершаем и признаваем недействительным и расторгаем только Церковью. Ибо только Церковь имеет право и совершать таинство и определять законно, или не законно совершено таинство, а равно и то – прекратилось, или не прекратилось действие таинства в каждом данном случае, возможно, или невозможно расторжение таинства на основании предъявленного домогательства, имеют силу, или не имеют оной предъявленные домогающеюся стороною доводы. Не в высшей ли степени было бы странно и непоследовательно, если бы не Церковь разрешала вопрос или по крайней мере производила исследование о том – действительно или недействительно крещение в каком-нибудь случае, и не должно ли позволить или предписать окрестить известное лицо вновь? Подобная же странность и непоследовательность имела бы место, если бы и в отношении к прочим таинствам светский суд предъявлял притязание – сам от себя удостоверять их правильность, или действительность, или производить процесс о неправильности и недействительности, или о прекращении их действия. В числе семи таинств – брак. Вопрос сам собою уясняется: чье право, чьи законы, – того и юрисдикция, т. е. суд. Иначе мыслить невозможно.

То противопоставляемое сим соображениям замечание, что священство в некоторых случаях отъемлется, вследствие суда светского, а не духовного, не может быть признано имеющим аналогию и соотношение с расторжением брака по причине прелюбодеяния. Лишение священства, которое при сем имеется в виду, есть следствие присуждаемого уголовным судом лишения всех прав состояния, или потери некоторых личных прав и преимуществ, следствие точно и положительно определенное в законе („Улож. о нак." 22, 50), следствие только исполняемое в духовном ведомстве, как неизбежно вытекающее из приговора уголовного суда, но к исполнению которого уголовный суд не имеет средств, как и духовный суд в свою очередь не имеет средств и полномочий на постановление приговора о лишении прав состояния. Было бы соответствие между тем и другим родом дел, если бы в „Уложении о наказаниях" имелось точное определение, что прелюбодеяние сопровождается непременно расторжением брака и что

за прелюбодеяние полагается наказание, соединенное с лишением всех прав состояния, к которому может приговорить только уголовный светский суд. Но ни того, ни другого в „Уложении о наказаниях” нет. Наше законодательство не почитает прелюбодеяние таким преступлением, которое должно подлежать наказаниям, соединенным с лишением всех прав состояния, следствием чего было бы и лишение прав семейственных, сопровождаемое расторжением брака. Расторжение брака, как следствие прелюбодеяния, основывается на церковном законе, выраженном в Слове Божием, а не на государственном законе. Сей последний во всех случаях, когда упоминает о расторжении брака как следствии прелюбодеяния, отсылает к церковному закону. Есть и в брачных делах один случай, имеющий аналогию с указанным, но только не расторжение брака по прелюбодеянию, а расторжение брака в случае присуждения одного из супругов к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния. Здесь брак расторгается хотя и духовным судом, но в порядке подобном тому, каким снимается сан с духовного лица, присужденного уголовным судом к наказанию, соединенному с лишением прав состояния, т. е. без просмотра обстоятельств дела и приговора уголовного суда. Причина опять та же, именно, что в „Уложении о наказаниях” (ст. 27) прямо выражено, что с лишением прав состояния соединяется потеря прав семейных, состоящая между прочим в прекращении прав супружеских и дозволяющая невинному супругу просить свое духовное начальство о расторжении брака. Пока прелюбодеяние нашим законодательством не будет признаваемо за преступление, влекущее за собою лишение всех прав состояния, до тех пор и расторжение брака по сей причине не может быть производимо порядком подобным тому, каким оно производится в случае присуждения одного супруга к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, или каким происходит лишение священного сана в случае присуждения духовного лица уголовным судом к наказанию, соединенному с лишением или ограничением прав состояния.

В подтверждение мысли о необходимости в вопросе о расторжении брака, исходить именно из понятия брака как таинства, в настоящий раз нельзя не привести мнение Митрополита Платона, представленное им Обер-Прокурору Святейшего Синода в 1807 году. Мнение сие буквально содержит в себе следующее: «что до разводов, то как *брак совершается от Церкви, то она имеет право, по законным причинам, и расторгнуть оный. А если светские присвоят себе власть расторгать брак, то следует им и благословлять брак.* Притом союз брака есть преважный в рассуждении государства. Государство большая семья, которая основывается на том, ежели частные семьи будут неразрушимы, или по крайней мере удерживаемы. А в светских судилищах удобно последует то: поскольку от них нечего ожидать ни ревности к сохранению сего союза, ни беспристрастия. Сверх того как *Церковь от основания своего имела сие право, и оно относится до религии и составляет догмат веры, то дерзновенно оную сего лишать: иначе могут произойти следствия худые.* В другом мнении, в том же году представленном, Митрополит Платон о производстве дел сего рода пишет следующее: как *дело сие духовное, то надлежит оное производить Преосвященным епископам в своих консисториях* лично, а не чрез поверенных, и не формою суда, а следственным порядком, *и решить по точной силе правил Святых отец,* и оные решения в высшее место не переносить, разве кто решением объявит себя недовольным, – так как издревле от начала Российской церкви сие было наблюдаемо. Крайне сожалительно, что разводы умножаются; и причиною сему есть не только видимое, но и осязаемое почти в нравственности развращение, которое один Бог исправить может. А по возможности нашей к уменьшению разводов, мню я, что просящих о разводах прежде склонять к примирению, во-первых, чрез духовников, а потом в консисториях; а напоследок чрез самого архиерея и на сие положить сроку не меньше полугода, авось либо чрез толикое время первое стремление жара утухнет и приведет их в размышление воспоследовавшее несогласие кончить миром. Ибо спешить в таком деле нужды нет. А – ежели и после сего не примирятся, то приступить к следствию на вышеписанном основании» (Копия при письме Митр. Платона к Мефодию архиепископу Тверскому от 18 февр. 1807 г. Рукоп. Вифанск, Семин. библиотеки). Ту же самую мысль Митрополит Платон выражает и в письме к Архиепископу Мефодию от 26 ноября 1807 года, утверждая, что *все дело о разводах принадлежит Церкви.*

II. Второе важное же основание в пользу оставления бракоразводных дел по прелюбодеянию в духовном суде представляет история. Церковь всегда верно следовала указанному началу: брак как таинство Церкви всегда был расторгаем по суду Церкви. Принятием мысли о передаче сих дел из духовных судов произнесено было бы осуждение на направление и характер деятельности по этому предмету Св. Синода. Свидетельства истории ныне, кажется, не в

большом уважении. Тем не менее однако же нельзя уклониться от представления исторических свидетельств, которые все в пользу существующего порядка, а в пользу противного мнения нет ни одного. Что во всей Православной Церкви – и в Греческой, и в славянских, и в Русской бракоразводные дела всегда были и ныне суть дела церковного суда, об этом не нужно и напоминать, как о деле общеизвестном. Нет, мы обратимся к тесной истории, укажем на другое, – частнее и ближе относящееся к настоящему вопросу – именно на то, что и в деле попыток изъять бракоразводные дела из области церковной юрисдикции и передать их в светские суды – история за нас. Известны у нас две этого рода попытки и обе не имели успеха. В начале настоящего столетия была уже попытка отнести бракоразводные дела из области церковной юрисдикции в светский суд. В Государств. Совете сделана была новая редакция законов о разводах; и проект закона принят был незначительным большинством голосов. Бывший тогда Обер-Прокурор Синода князь Голицын не согласился с мнением большинства и в своем особом мнении, на том основании, что брак есть таинство, утверждал, что и правила, которыми руководствуются при расторжении его, должны быть древние. И согласно с сим представил Государственному Совету обратить внимание на дело, которое не требует спешности, ибо столько веков производилось оно на началах, противных новому, сделанному тогда положению, и предлагал отделение о разводах исключить из проекта уложения, сказав, что оно остается на старых основаниях в духовном ведомстве. Так и было решено. Недалеко от нас, не более девяти лет тому назад, Комиссия, учрежденная при Государственной Канцелярии, опять предъявляла подобную же претензию к Св. Синоду, желая получить от него бракоразводные дела в новые, тогда еще только проектированные, суды. Много потрудился Св. Синод и тогдашние деятели духовного ведомства в устранении предъявленной претензии и в защищении дела, которое справедливо почитали делом существенной и величайшей важности. И труд их имел успех. Соображения, представленные тогдашними деятелями, были в виду Государя Императора, и претензия была отклонена. Бракоразводные дела были оставлены в церковных судах, хотя эти суды не были еще преобразованы и существовали на прежних основаниях, проект усовершения которых вырабатывает теперь особый Комитет. Едва ли последовательно было бы ныне отвергнуть мысль столь настоятельно и постоянно – защищаемую Св. Синодом. Удобно ли было бы, если бы сам Св. Синод, столь сильно девять лет тому назад защищавший мысль об оставлении бракоразводных дел в духовных судах против претензии привлечь их к светскому суду и в удовлетворение своих настояний получивший Высочайшее одобрение, ныне возбудил вопрос и возвел до Высочайшего воззрения предложение, совершенно противоположное прежнему? Апологетическая деятельность Св. Синода по вопросу о бракоразводных делах не составляет тайны для Православного общества. Она известна даже в среде, не разделяющей основной мысли, которую защищал Св. Синод. И этой именно, а не другой какой деятельности со стороны Св. Синода ожидала и ожидает даже эта среда. В журнале „Гражданского и торгового права” (1872 кн. 3, 420) говорится, что *Св. Синод высказался, как и следовало ожидать, против предложения* Комиссии, составлявшей Судебные уставы, о передаче производства бракоразводных дел по причине прелюбодеяния из дух. судов в светские, *и оно было отвергнуто Государственным Советом*.... Далее говорится, что *Синод энергически восстал и против того нововведения,* чтобы дела о расторжении брака по неспособности были переданы в гражданские суды, *и оно было отвергнуто. Духовное ведомство,* говорит тот же писатель (стр. 432), *упорно отстаивает самостоятельность своей юрисдикции против притязаний светской власти.* Такова естественная, необходимая и всеми ожидаемая деятельность Св. Синода по вопросу о подсудности бракоразводных дел. А ныне, если верны известия газет („Спб. вед.” 1872, октябрь), Комитет, учрежденный при Св. Синоде, предлагает ему отказаться от прежних его воззрений и деятельности и передать бракоразводные дела в светский суд. Ужели одному Комитету неизвестны воззрения Св. Синода на это дело? Если же Комитету воззрения Св. Синода известны, и если несмотря на это он предлагает Св. Синоду отказаться от его воззрений и принять совершенно противоположные им, то без сомнения Комитет имеет при сем какие-нибудь сильные и непреодолимые побуждения. Ибо высшему церковному правительству оставить свою естественную и историческую почву и перейти на другую по меньшей мере соблазнительно. И соблазнительно это будет не только для Православных, стоящих со Св. Синодом на одной почве и точке зрения, но и для людей противоположного образа мыслей, так как и они ожидают от Св. Синода, как мы видели, только защищения церковных начал, а не добровольного отречения от них. Едва ли «безошибочно думать, будто Св. Синод высказывал

свои соображения за оставление сих дел на прежнем основании в дух. ведомстве потому, что находил неудобным предоставить гражданским установлениям инициативу отчисления сих дел в светский суд». Мы думаем, что это мнение не только не безошибочно, но совершенно ложно. Причины, по которым Св. Синод настаивал на оставлении сих дел в духовном ведомстве, пространно и весьма ясно изложены в журналах Госуд. Совета и в сокращении в мотивах 1016 ст. „Уст. Угол. судопроизводства” изд. Госуд. Канцелярии, и между ними совершенно нет указанной, а ясно выражены мысли противоположные, и между ними та, что «суды духовные при благоразумном развитии сохранившихся у них начал состязательного суда настолько же будут способны производить и судить означенные дела, как и суды светские („Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. II, 378). Предполагать, что Св. Синод публично выражал одно, а в мысли имел другое, совершенно противоположное, есть высшая мера несообразности. Самое существо предположения, будто Св. Синод не хотел уступить гражданским установлениям инициативу секуляризации бракоразводных дел, а хотел взять на себя, – нелепо. Ибо доселе Св. Синод имел в церковных делах охранительный, а не нигилистический характер.

III. В началах нынешнего светского судопроизводства есть также основания, благоприятствующие оставлению бракоразводных дел по прелюбодеянию, по-прежнему, в духовном суде. И а) приняв на вид 206 ст. „Уст. Угол. судопроизводства”, мы должны будем прийти к тому же заключению о подсудности дел о расторжении брака по прелюбодеянию – духовному суду, а не уголовному. В этой статье говорится, что дело о преступном деянии, за которое в законе определено несколько различных наказаний, подлежит решению того суда, который в праве присудить строжайшее из сих наказаний. Если поставим на одной стороне монастырское, или, в случае недостатка монастырей, тюремное заключение на 4–8 месяцев, присуждаемое уголовным судом, и на другой – расторжение брака, осуждение на всегдашнее безбрачие (наказание, заключающее ограничение прав состояния) и церковную епитимию с семилетним отлучением от Св. Таин – наказания, присуждаемые духовным судом, – то конечно без малейшего сомнения должны будем признать подсудность дел о расторжении брака по причине прелюбодеяния не уголовному, а духовному суду. Между тяжестью наказания, присуждаемого уголовным судом и духовным, не может быть никакого сравнения. Духовный суд имеет право и обязанность назначить три наказания, светский только одно, б) Если обратим внимание и на другое существенное и основное начало нашего законодательства, именно на то, что потерпевший обиду или оскорбление может начать только или гражданский иск, или уголовный, но не оба иска, („Устав. Гражд. судопр.” 29, „Устав. о наказ.” 138), то и здесь найдем подкрепление ныне существующему порядку производства бракоразводных дел и сильные доводы против предполагаемого нового. С основною мыслью законодательства решительно несовместно производство дел об оскорблениях двумя путями – путем гражданского иска и путем уголовного. Столь же мало совместно с сею мыслью и производство бракоразводных дел путем духовного суда для получения развода и вместе путем уголовного суда, при чем неизбежно осужденный должен понести и наказание по 1585 ст. „Уложения”. Новое предположение идет решительно против этого основного начала, а существующий порядок находится в полном с ним согласии.

Таковы основания в пользу оставления бракоразводных дел по прелюбодеянию на прежнем основании в духовном суде.

IV. Не менее важны и те затруднения и вредные последствия, которые произошли бы в случае передачи сих дел из духовных судов в светские. Затруднения сии следующие:

1. Важнейшие затруднения, соединенные с предположением о передаче бракоразводных дел по причине прелюбодеяния, заключаются в стеснении при этом свободы и прав невинного супруга. Наше законодательство, как заметили мы выше, допускает вчинение дел о личных оскорблениях не иначе как по жалобе оскорбленного и, следовательно, предоставляет ему право вчинять или не вчинять дело. Мало того: и в случае решимости оскорбленного начать дело, законодательство ему предоставляет полную свободу избирать направление дела или уголовным путем или гражданским, только с тем ограничением, чтобы он избрал для своего иска тот или другой путь, но не оба вместе. Дела о прелюбодеянии принадлежат именно к этой категории. И наше законодательство твердо и верно стоит на этой общей и основной точке зрения, не стесняя считающего себя оскорбленным супруга, но предоставляя ему полную свободу или вовсе не начинать дела, или же начать и вести уголовным путем с целью получить удовлетворение по 1585 ст. „Уложения”, или же начать и вести, в церковном суде с целью

достигнуть расторжения таинства брака с преступным супругом. Для выбора супруга, почитающего себя оскорбленным – три пути, и свобода его не стеснена ничем кроме того, чтобы он избрал один из сих путей, а не два в одно время. С принятием правила – чтобы дела о прелюбодеянии и в случае иска о разводе по сей причине были ведены в уголовном суде свобода вчиняющего дело будет значительно стеснена. Он хочет расторжения брака с преступным супругом и ничего более; а его обязывают вести дело не только путем духовного суда, где получается развод, но и путем суда уголовного, где виновный подвергается уголовным карам, чего истец вовсе не желает. Таким образом истец, к великому стеснению своих прав, будет вынужден или вовсе не вчинять дела, которое он не может вести единственно с целью достижения развода, или же начавши дело с целью развода, провести оное чрез уголовный суд и подвергнуть виновного, против своего желания, и уголовным карам, или по крайней мере, подведши к тюрьме отпустить его. В первом случае истец вынуждается к отречению от своего права, во втором вынуждается же к такой суровости и, можно сказать, жестокости, которой он вовсе не желал бы. Не оставим без внимания и того весьма тягостного для невинного супруга положения, которое вводится предполагаемою передачею и состоит именно в расширении гласности. Дела сего рода столь тягостны и для истца, и для ответчика, что о наименьшем оглашении их должно всемерно заботиться. При предлагаемом же производстве сих дел у дух. начальства и в светском суде, сии дела будут подвергаться большему оглашению, чем ныне.

2. Немалые затруднения были бы с принятием мысли о передаче сих дел светскому суду при разводах лиц белого духовенства. Ибо со введением светского суда в делах о разводах явился бы вопрос – светскому ли суду сии лица подлежат в делах бракоразводных, или духовному? Привлечение к светскому суду и сих лиц в делах о брачных разводах лишило бы Церковь важного средства иметь точные сведения о нравственной чистоте служителей веры и таинств и предотвращать, или пресекать соблазн в христианском обществе.

3. С передачею сих дел светскому суду деятельность духовного начальства была бы единственно исполнительная; – духовное начальство обратилось бы в исполнителя приговоров светского суда и деятельность его была бы совершенно такого же рода и качества, как и деятельность полиции при исполнении приговоров светского суда. Светский суд исполнял бы в таком случае свои приговоры, кроме общей полиции, еще чрез духовную полицию, или духовное начальство. Такое положение крайне унизительно и вредно для Церкви и в высшей степени стеснительно для церковной власти. Церковная власть, исполняющая в качестве полиции приговор светского суда, обязывается однако же от себя и на собственной ответственности пред Богом и Церковью в сих случаях определить три важнейшие наказания и дать одно важное же разрешение, – именно определить расторжение брака, наложить церковную епитимию с тяжкими последствиями отлучения от святого Причастия, осудить на всегдашнее безбрачие и сверх того дать разрешение другому супругу вступить в новый брак. Положение духовной полиции здесь гораздо невыгоднее, чем положение общей. Общая полиция не обязывается по приговору суда назначить наказание, а только приводит в исполнение наказание, назначенное судом. Духовное начальство, приняв к исполнению приговор светского суда, обязывается при сем исполнении наложить еще три наказания, которых не налагает светский суд, и дать одно разрешение, – и все это обязывается сделать, не касаясь приговора, и единственно в качестве исполнительной власти. Замечание об этом сделано было еще при обсуждении „Судебных Уставов” 1864 г. („Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. 11, 378).

4. Если мы будем смотреть на брак с самой пошлой точки зрения, с которой он однако же рассматривается не редко, если взглянем на брак как на контракт, то и в этом случае, если захотим быть искренни и последовательны, не должны будем признавать правильным и возможным, чтобы этот контракт был признаваем подлежащим разорванию и уничтожению в другом месте, а не в том, в котором он заключен. Разумно ли и возможно ли контракт, заключенный у нотариуса, предъявлять к уничтожению и производить об этом дело в Консистории или в полицейской части? Когда будет у нас закон – заключать браки не в Церкви пред священником, а у нотариуса, тогда конечно будет последовательно и в случае расторжения брака обращаться не, в какое-либо другое место, а к нотариусу же. До того времени самая простая и общежитейская и юридическая логика осудит закон о производстве дел о расторжении браков не в том месте, где они заключены. В приведенном выше мнении Митрополита Платона ясно выражена мысль об этой несообразности. *Ежели светские присвоят себе власть расторгать брак*, *то следует им и благословлять брак.* Правильною эту мысль признают даже

ищущие передачи бракоразводных дел в светский суд; и они говорят, что «расторжение брака должно зависеть исключительно от духовной власти до тех пор, пока не будет у нас введен гражданский брак» („Спб. вед.” 1870, № 9).

5. Нельзя не обратить внимания и на то влияние, какое неизбежно будут иметь на решение сих дел религиозные убеждения светских судей. „Судебные Уставы” 1864 г. не требуют от судей никаких качеств в отношении к исповеданию веры: судьею может быть не только Православный христианин, но и не православный и даже не христианин. Воззрения на существо брака различны не только у христиан и не христиан, но и у христиан Православных и не православных. Для Православного брак – таинство, по понятиям протестанта – не таинство. Не христианин рассматривает брак и еще иначе. Невозможно, чтобы не отразилась эта разность религиозных воззрений на брак и в обсуждении тех причин, по которым брак должен быть расторгаем. Нужно будет установить новый закон, чтобы при суждении дел о причинах расторжения брака лиц Православных, судьи были из лиц принадлежащих к Православному исповеданию. Но и за установлением такого закона все же большее обеспечение для охранения таинства представляют такие судьи, которые вместе с сим суть и служители таинств. От таковых судей естественнее ожидать благоговейного отношения к рассмотрению вопроса о причинах расторжения таинства брака.

6. Должно изъяснить и то, что с принятием предложения о передаче бракоразводных дел из духовных судов в светские, произведен был бы один из величайших переворотов в нашей семейной жизни. Доселе семейная жизнь у нас стоит под охраною Церкви. Сколь важно это обстоятельство для государства, Церкви и народа, об этом распространяться нет нужды: мудрость истории свидетельствующей, что у всех Православных народов и у западных христиан семья стоит под охраною Церкви, лучше всего подтверждает сказанное. *Союз брака,* замечает Митрополит Платон, *есть преважный в рассуждении государства. Государство большая семья, которая основывается на том, если частные семьи будут не разрушимы, или по крайней мере удерживаемы. А в светских судилищах удобно последует то: поскольку от них нечего ожидать ни ревности к сохранению сего союза, ни беспристрастия. И ныне разводов весьма много. А ежели отдать то светским, то будет их без числа* [9]. Передачею бракоразводных дел из духовных судов в светские совершена была бы *секуляризация,* или по-русски, *измирщение* одного из самых важных актов семейной жизни, – именно того, где дело идет о расторжении в следствие несчастья, о разрыве неразрывного на всю жизнь брачного союза, о плачевной судьбе одного из супругов, осуждаемого на всегдашнее безбрачие, детей лишившихся родителей и о других, связанных с сим актом, важных вопросах. Должно указать при сем на то, что секуляризация священных действий и исполнение оных без участия духовных лиц светскою законодательною властью признается вредною по отношению, напр. к присяге, – действию, совершаемому чрез священный обряд, а не чрез таинство [10]. Предвидеть всю важность последствий этого измирщения невозможно. Но возможен вопрос: не будет ли делом большой смелости взять на себя ответственность пред Богом, Церковью и обществом за все последствия, могущие отсюда произойти? Мера смелая и рискованная и ответственность за нее страшна. Ибо разорвание таинства, совершенного Церковью – великое дело. Необходимость крайней осторожности в делах сего рода известна и ясно сознается и нашею светскою законодательною властью. В журналах Государственного Совета есть следующие драгоценные слова: «Хотя издание новых постановлений по текущим делам Церкви не противно коренным основаниям установленного в ней порядка и священным ее преданиям, но так как *всякая вновь предпринимаемая законодательная мера*, *к какому бы предмету духовного управления и суда, она ни относилась, должна быть согласна по духу и сущности с древними вселенскими постановлениями Церкви*, *всегда долженствующими сохранять свою обязательную силу; то отсюда проистекает необходимость особенной осторожности при обсуждении всякого рода вновь вводимых мер в чем-либо касающихся духовного суда и управления и вообще церковного законодательства*» (Журн. „Госуд. Сов.” 1864 № 47, 23, 25). Вот что изъяснено было в Государственном Совете по этому именно предмету!

7. Наконец и невозможно и не должно закрывать внутренние пружины и дальнейшую цель всей махинации. Эта цель – проложение пути введению гражданского брака. Когда Св. Синод сам собственными руками отдаст светскому суду дела о признании браков законными или незаконными, действительными, или недействительными и дела о расторжении браков; тогда вслед за сим явится требование гражданской формы и самого установления брака. И этому

требованию невозможно будет отказать: ибо если конец светский, то и начало непременно должно быть светское же, как это открыто и заявляют люди противоположного образа мыслей („Спб. в.” 1870 № 9). Введение только светского развода при церковном браке было бы такою же вопиющею непоследовательностью, как если бы принят был церковный развод при гражданском браке. Все уступки, предположенные Комитетом, состоящим при Св. Синоде, считаются недостаточными и необходимо долженствующими вести и к секуляризации материального брачного права, т. е. к установлению гражданского брака. «Проект Комитета, – замечает г. Оршанский, – предполагает отнести рассмотрение по существу дел о разводе к ведомству общих судов. Но очевидно, что для судов гражданских будет крайне неудобно применять законы, насквозь пропитанные *чуждым для них церковным элементом.* Столкновения и затруднения всякого рода тут неизбежны. Единственным средством для их устранения может служить то, что *рядом с секуляризацией процесса пойдет и секуляризация материального семейного права*… Полумеры ни к чему не ведут. Всякая реформа тогда только успешна, когда она проведена последовательно сквозь всю массу затрагиваемых ею явлений общественной жизни» („Журн. Гражд. и торг. права” 1872 кн. 4, 668, 669). «Комитет, к сожалению, сделал немного; и сообразив предположения Комитета с недостатками существующих законов не трудно убедиться, что первые далеко не устраняют всех последних. *Предположения Комитета*, если и получат силу закона, *не уничтожат* ни сложности и обременительности производства брачных дел, ни многих столкновений и недоразумений между духовным и светским судом, ни *(что всего важнее) вредного преобладания церковного элемента в нашем семейном праве.* Винить в этом Комитет невозможно; потому что *корень зла* лежит не в процессуальных правилах, а *в материальном семейном праве*, *насквозь пропитанном у нас церковным элементом*, а Комитет не имел возможности наложить руку на материальную часть нашего семейного законодательства… *Реформа судопроизводства по брачным делам не может привести к предполагаемой цели, если рядом с ней не будет предпринята реформа материального семейного права* („Журн. Гражд. и торг. права” 1872, кн. 3, 456)».

Оказывается, что предположенная Комитетом передача брачных дел из духовных судов в светские есть полумера, ни к чему не ведущая, исключая столкновений и затруднений всякого рода. Только полною секуляризациею всего брачного права, т. е. не только развода, но и заключения брака будет удовлетворено желание наших либералов. «Русское законодательство в настоящее время далеко отстало от всех европейских в отношении объема влияния церковного элемента на семейное право» (там же), и, след., чтобы уничтожить эту позорную отсталость, оно должно освободиться от этого ненавистного *церковного элемента* секуляризациею не только процесса, но и материального семейного права, т. е. введением гражданского брака. Либеральная печать восхваляет либеральный Комитет за предположение секуляризации брачного процесса и нимало не задумываясь при этом прецеденте требует как неизбежной прибавки – секуляризации заключения брака. «Почему только в делах о *расторжении* браков церковный принцип должен утратить свое преобладающее влияние, а в делах *о заключении* браков влияние это остается по-прежнему во всей своей силе? Ведь общество гораздо более заинтересовано в возможно лучшем течении именно последних дел, потому что браки гораздо чаще заключаются, чем расторгаются; почему же *вредный принцип* изгоняется из незначительной по объему сферы дел бракоразводных и оставляется в силе в громадной массе дел о совершении браков? Само по себе очевидно, что в основе двух однородных институтов права, столь тесно связанных между собой, как совершение и расторжение брака, должен лежать один и тот же, а не два противоположных принципа» („Журн. Гражд. и торг. права” 1872 кн. 4, 628), т. е. если гражданский развод, то и гражданский брак.

Дело ясное и не уразуметь его невозможно. Но есть ли нужда начинать это дело, есть ли нужда вводить светский развод и гражданский брак у нас в Православной России, конечно незнающей выгод гражданского брака, но вместе с сим не испытывающей и тех великих зол, источником которых служит гражданский брак в государствах Европы, вследствие своих особенных исторических условий, давших у себя место этому институту? Есть ли возможность предлагать, чтобы сам Св. Синод взял на себя инициативу, почин этого дела и сначала ввел светский развод, а потом и гражданский брак?

Ответ на первый из предложенных вопросов дан уже в сочинении мужа ученого и государственного (Победоносцева – „Курс Гражд. права” 2, 57 – 60) и нам остается только воспользоваться этим ответом.

«Гражданская форма брака появилась на западе вследствие издавна существующего там раздвоения между Церковью и государством. Церковная форма казалась достаточною, покуда это раздвоение не достигло еще до явного разногласия и не потребовалось отделения одной области от другой. Когда единство католического вероучения было нарушено появлением новых вероучений, брачная форма господствующей Церкви оказалась недостаточною, и необходимость привела к установлению гражданской формы брака для тех лиц, которые, по своему вероучению, не могли исполнить церковного обряда. Но и в пределах Церкви, считавшейся господствующею в каждом государстве между государством и церковью, умножались столкновения. В протестантстве эти столкновения разрешались удобнее, так как здесь в основной идее церковное дело и устройство церковное признано было делом государственным. Но церковь католическая, постоянно противополагая духовное мирскому и церковное государственному, никогда не отлагая стремления возвыситься над государством и народом, не переставала включать в свое призвание отдельные от государства политические цели. Для государства стало потребностью искать выхода из непрерывной борьбы с Церковью, и политические меры свои оправдать теорией отделения Церкви от государства. Эта теория необходимо должна была коснуться и брака, по поводу беспрерывных пререканий о браке между Церковью и государством. Так, мало-по-малу и брак взят государственною властью в исключительное свое ведение, и гражданская форма брака явилась в смысле общей обязательной, или дозволенной и произвольной формы».

«Таким образом история свидетельствует, что гражданский брак на западе был необходимым последствием издавна продолжающихся враждебных отношений между государством и Церковью. Но только такою необходимостью и оправдывается это учреждение. Но нельзя не сознаться, что учреждение это глубоко противоречит коренным основам здравого религиозного чувства в народе, и само в себе заключает внутреннее противоречие, подобно тому историческому отношению Церкви и государства, из которого оно возникло. И потому невозможно согласиться с мнением тех, которые почитают учреждение гражданского брака желательным и полезным и для такого народа, коего история, к счастью, не представляет печального раздвоения между Церковью и государством. Было бы не благоразумно, без всякой необходимости прививать к простому быту столь искусственное учреждение, может быть и безнравственно было бы прививать к сознанию народа чуждую ему мысль о раздвоении, которого он не понимает. Где масса народная принадлежит к единому вероисповеданию, глубоко слившемуся с национальностью, где народ и не слыхал о политической борьбе между Церковью и государством, где нет никакой причины желать и никакого повода возбуждать разделение той и другого, там нельзя и придумать ничего лучше и соответственнее святости брака и практическим потребностям быта народного, как существующая *церковная форма*».

«Требование гражданской формы брака, иногда высказываемое и в нашем столь склонном к подражанию западу обществе, часто происходит от неясного понятия о гражданской форме брака. Нередко не различают гражданского брака от свободы брака и требуют для России гражданской формы брака потому только, что полагают, будто, где есть гражданский брак, там непременно должны быть более легкие условия для вступления в брак и для его расторжения, там брак становится в общий разряд договоров, связывающих волю сторон условно и временно. Такое мнение неосновательно вообще и в особенности неосновательно в применении к нашему отечеству. Опыт показывает, что и гражданскую форму брака закон гражданский может обставить условиями совершения и расторжения крайне стеснительными и сложными, когда понятие о браке не сведено вовсе с догматической и церковной основы. Правда, что брак не считается таинством у протестантов, по учению которых брак святое, но человеческое и гражданское дело. Но возможно ли предъявить такое требование и провозгласить такое начало у нас, не отрекаясь от Церкви, к которой мы себя причисляем, не соблазняя и не нарушая всенародного верования в авторитет вселенского соборного учения? Возможно ли у нас перенесть в гражданский закон условия совершения и расторжения брака, не справляясь с уставами Церкви и не повторяя того, чтó постановлено в соборных определениях? Если же немыслим у нас такой переворот без отречения от Церкви, то к чему послужило бы нам установление обязательной гражданской формы брака? Разве к соблазну и к отягощению народному. К соблазну, потому что совесть народная не поймет и не примет раздвоения между государством и Церковью в деле, которое Церковь признала таинством. К отягощению, потому что сложные и строгие формальности, неразлучные с гражданскою формою брака, непременно превратятся в канцелярские

формальности и в руках чиновников, не всегда способных разуметь смысл порученной им буквы, непременно станут источником и предлогом всякого рода затруднений, проволочек и притязаний, наконец непременно соединятся с пошлинами и поборами, о которых не имеют и приблизительного понятия те, кому теперь иногда приходится, в исключительных случаях, роптать на притязательность сельского духовенства в делах брачных. Представим себе брачное дело, отрешенное от естественной среды своей, от прихода и перенесенное в другую официальную среду, например, в квартал, в волость, в камеру мирового судьи, или в контору нотариуса. Очевидно, что в этом кругу все действия и формальности, предшествующие браку, соединятся с канцелярским хождением по делу, которое для народа станет несравненно отяготительнее нынешних объяснений и переговоров с церковным причтом, поставят между просителем и главным совершителем обряда – бумагу и канцелярию, в которой каждый из мелких чиновников захочет кормиться от своего дела, не говоря уже об узаконенных казенных пошлинах, которые при этом непременно будут установлены за разные акты и которых теперь нет».

«Всякой кому известна наша история и знакомы условия нашего народного быта, конечно согласится в том, что существующая церковная форма брака одна только у нас и возможна и права и соответствует верованиям и потребностям народным: следовательно, нет нужды оставлять, или изменять ее» (Победоносц. „Курс Гражд. права” т. 2, 57 – 60).

К этому превосходному ответу государственного мужа на предложенный вопрос нам остается прибавить немногое.

Требование гражданского брака мотивируется, как мы видели между прочим отсталостью нашего законодательства от европейских. Но не довольно ли уже переняли мы от европейских государств учреждений, противных духу и быту нашего народа? Теперь нам советуют пересадить с запада учреждение не только несогласное с духом и бытом народа, но оскорбляющее его религиозные верования, противное учению и уставам Церкви, учреждение, которое и на западе явилось как неизбежное зло и плоды которого и там не весьма вкусны. Советующие находятся в полном заблуждении, если искренно уверены, что Православный народ добровольно, а не насильственно подчинится этому нововведению, столь существенно оскорбляющему и унижающему Церковь и вековые народные верования. И на западе, даже в протестантских государствах, где еще не введен гражданский брак, и где существуют особые несуществующие и невозможные у нас условия для введения этого учреждения, правительства затрудняются делать этот шаг. Пруссия, находясь в настоящее время в несогласии с католиками, угрожает им введением гражданского брака, но доселе еще не решается на приведение угрозы в действие. «Крестовая газета» в конце прошедшего 1872 г. говорила об этом следующее: «На сколько мы имели случай наблюдать, то в правительственных кружках убеждаются все более и более, что введение гражданского брака не столько послужит орудием против католической церкви, сколько ослабит и унизит церковь евангелическую. Мы сомневаемся, чтобы это важное соображение могло быть ослаблено какими-нибудь статистическими данными, и радуемся, что оно, по-видимому, приобрело подобающее значение в правительственных кружках». Нам советуют опередить в этом отношении даже Пруссию. А зачем? Чтобы стереть с себя позор отсталости.

Второй из предложенных выше вопросов разрешить в положительном смысле находит возможным г. Спасович. Он полагает, что «перенесение в гражданский закон условий совершения и расторжения брака делалось и должно делаться по воле законодателя после тщательных справок с уставами Церкви и *при содействии самой же Церкви.* Причем отрицать соборные определения невозможно, повторять их не нужно, а желательно толковать и развивать Соборные постановления и предания, имеющие бесконечную тягучесть, сообразно духу времени» („Журн. Гражд. и торг. права” 1871, 1, 143, 144). Г. Спасович полагает, что сама Церковь может истолковать соборные постановления и предания о браке так, что из этого толкования окажется, что правила допускают совершение брака не в церкви чрез священника, а положим в конторе нотариуса, или в камере мирового судьи, что по правилам возможно бракосочетание христианина с не христианкою, что возможно вступать в четвертый, пятый и т. д. брак, что расторгать брак можно по многим другим причинам, кроме ныне допускаемых Церковью и т. д. Г. Спасович глубоко ошибается, если почитает свои желания осуществимыми. Если он допускает, что *отрицать соборные постановления невозможно,* то при первой же серьезной попытке толкования и развития соборных постановлений и преданий он усмотрит невозможность и толковать их сообразно духу времени, не в том смысле, в каком Церковь всегда толковала их и

ныне толкует, а в смысле совершенно противоположном так, чтобы толкование вместо: *да* давало: *нет* и наоборот. Тем страннее, тем невозможнее возлагать подобную обязанность на саму же Церковь и утверждать, что она может ее выполнить, может сказать, что, на основании церковных же постановлений, возможен гражданский брак и развод, возможна передача и установления и расторжения брака из Церкви в светское ведомство. Нигде не был установлен гражданский брак Церковью. И ссылка г. Спасовича на Синодские указы 1787, 1810 и 1837 гг. не даст ему никакого вспомоществования, если он захочет внимательно и беспристрастно изучить их.

Любопытно между прочими заявлениями нашей свободно мыслящей печати и выказываемое ею опасение сильного противодействия со стороны наших церковников предположениям Комитета о передаче бракоразводных дел из духовных судов в светские („Журн. Гражд. и торг. права" 1872, 4, 669). Интерес этого заявления заключается в том, что свободно-мыслящею печатью Комитет, состоящий при Св. Синоде и под председательством архиерея, не причисляется к числу церковников, которые будут оказывать ему сильное противодействие. Любопытно будет видеть, к которой стороне будет принадлежать сам Св. Синод – к Комитету, или к церковникам? И если к Комитету, то будут ли церковники оказывать и Св. Синоду противодействие как Комитету и какое, сильное, или не очень сильное?

В перспективе, может быть даже и не весьма отдаленной, за гражданским браком представляются и другие явления, и учреждения того же рода, – а именно – гражданское рождение (т. е. без крещения) и гражданская смерть (т. е. без погребения). Может быть не в самом близком будущем за введением гражданского брака последует секуляризация и указанных двух актов человеческой жизни; но связь между всеми тремя актами – несомненная и ясная, и если брак, этот срединный акт человеческой жизни, облечен будет в цивильную форму, то и для двух других актов человеческой жизни – начального и конечного потребуют гражданской же формы, т. е. без крещения и погребения. За основание укажут – связь между всеми тремя явлениями и однородность их, требующую однородности и законов об них, подобно тому, как и ныне, на основании проектируемой Комитетом секуляризации брачного процесса, признается необходимым и секуляризация установления брака. И затем представят, как доказательство же, отсталость нашего законодательства в этом отношении от некоторых европейских законодательств. А в довершение всего самому же Св. Синоду предложат инициативу этого дела, т. е. предложат, чтобы высшая церковная власть мало-по-малу сама выводила из употребления церковные учреждения и таинства, как вредные!!!

Достойно замечания и весьма поучительно и то отношение, какое имеет к вопросам брачного права, наше светское законодательство и которое несомненно подтверждается собственными показаниями лиц, требующих секуляризации всего брачного института. «У нас закон», пишется в „Журнале Гражд. и торг. права" (1872, 4, 629, 630 – 632), считает брак исключительно религиозным учреждением.... В глазах законодателя брак считается исключительно церковным таинством.... Все постановления о браке, содержащиеся в законах гражданских, имеют церковный характер в том смысле, что государство, нормируя в своих постановлениях брак, всегда сообразовалось в этом с религиозными правилами..... Замечательно, что и в вопросе о браке Православных с лицами других христианских исповеданий, разрешенном при Петре I не на основании церковных законов, но в противоречии с ними, правительство наше поступило не так, как бывает в подобных случаях в других христианских странах, т. е. не издало само, без участия духовенства, гражданского закона, отменяющего церк. правила. *Это было бы противно глубоко укоренившемуся тесному союзу государства с Церковью по семейным делам.* Так. образом и этот единственный пример изменения гражданской властью церковных правил по семейному праву доказывает, что *государство никогда не решалось посягать у нас на эти правила без содействия духовной власти...* Сам Петр оставил влияние церковного элемента в материальном брачном праве неприкосновенным и даже усилил его влияние своей кодификационной деятельностью. Во всех других случаях, где *государственная власть* самостоятельно установляет нормы по брачному праву она никогда не упускает из виду канонических правил и *присвояет своим постановлениям силу только в той мере, в какой это не противоречит церковным законам....* Государство обусловливает силу своих постановлений согласием их с церковными правилами..... *Основная мысль, руководящая законодателем, заключается в том, что единственное условие, существенно необходимое для законности браков, это – соответствие их религиозным правилам..... Нашему законодателю кажется совершенно*

невозможным собственной властью отменить церковную норму по брачному праву…. Законодательство наше смотрит на семейный союз как на религиозное (с христианской точки зрения) учреждение и заботится именно об ограждении церковной стороны брака (стр. 629–636). С мыслью законодателя вполне согласуется и мысль толкователя. Кассационный Сенат много раз изъяснял, что «брак по духу нашего законодательства есть одно из таинств, которое, как нерасторгаемое, связует супругов на всю жизнь, а расторжение брака возможно не иначе, как по формальному духовному суду» (1868 № 526).

Драгоценны и глубоко поучительны эти указания и сами по себе, и в особенности потому, что идут со стороны, требующей гражданского брака. Тут, значит, не может быть ни малейшего сомнения в том, что в глазах нашего законодателя брак считается исключительно церковным таинством. Драгоценны и глубоко поучительны эти указания и по тем следствиям, которые из них вытекают. И Церковь и светское законодательство в данном вопросе стоят на одной точке зрения и на той же самой почве: брак – таинство и должно заботиться об ограждении церковной стороны брака. Это – несомненно. Ныне либеральная печать предлагает, чтобы брак не был рассматриваем как таинство, что церковные воззрения на брак вредны и что вследствие сего церковный брак со всеми необходимо вытекающими отсюда последствиями как в отношении его установления, так и в отношении прекращения, должен быть заменен гражданским. Инициатива этого дела либеральною печатью возлагается на само церковное правительство, которое должно и само признать брак не за таинство и убедить в том же государство. Вняв убеждениям Церкви, государство отселе и само не должно считать брак таинством и должно приложить к нему условия и требования обыкновенного договора. Комитет, состоявший при Св. Синоде, уже и удостоился одобрения либеральной печати за проект секуляризации процесса брачных дел. Требуется теперь повести дело далее и по секуляризации процесса секуляризовать и материальную часть, так как одно без другого невозможно. И все это будет починать сам Св. Синод. Тут кажется нечего более прибавлять: все ясно само собою. Прибавить можно разве одно именно то, что такое отрешение от церковных начал будет первым и доселе в христианском мире небывалым явлением, ибо даже в тех европейских государствах, где принят гражданский брак, закон гражданский не отрешился вполне от церковного воззрения, так как *не отрешилась и не может вполне отрешиться от него масса верующих в среде народной* (Победоносц. „Курс граждан. права”, 2, 69).

По всем представленным соображениям и главнейшим образом утверждаясь на вышеприведенном мнении Св. Синода, высказанном столь ясно и положительно, защищенном столь твердо и настоятельно, и удостоенном Высочайшего утверждения – представляется самым правильным тысячелетнюю практику Православной церкви в сем вопросе не изменять. Но при сем нельзя не заметить, что статья 1016 „Уст. Уголов. судопроизвод.” может быть дополнена некоторыми особыми, собственно на церковных правилах основанными, положениями, к разъяснению которых ведут нижеследующие соображения.

1) По нашим светским законам дела о прелюбодеянии при иске ли о разводе или при жалобе уголовному суду с целью подвергнуть виновного наказанию по 1585 ст. „Улож.”, вчиняются не иначе как по жалобе оскорбленного супруга: никто другой не имеет права вчинять дело о прелюбодеянии, кроме обиженного; путь официального обвинения для дел сего рода совершенно закрыт. То же самое воззрение и в „Консисторском Уставе”. Между тем по церковным правилам есть случай, когда прелюбодеяние должно быть преследуемо путем официального, а не частного обвинения. Это именно тогда, когда прелюбодеяние учинено священнослужителем, церковнослужителем или их женами, потому что в этих случаях имеют место особые церковные последствия даже и без жалобы оскорбленного супруга (Апост. 25. Неок. 8, 9, 10, „Уст. Конс.” 196). Прелюбодеяние несовместно со священством, и всякие средства и частные, и официальные должны быть употреблены для раскрытия этого преступления, дабы или прекратить пребывание в священстве лица, допустившего сие преступление или подвергшегося несчастью иметь жену, впавшую в прелюбодеяние, или же не допустить до священства подобных лиц. Здесь заключается основание к допущению и официального пути в раскрытии сего преступления.

2) Церковь имеет правила, по которым прелюбодеяние подвергается церковной епитимии на 7 или даже на 15 лет (VI Вселен. 87, Вас. Вел. 7, 58, 77, Анкир. 20) даже и без расторжения брака. Почему не предоставить обиженному супругу права и возможности, если он не желает ни развода с обидевшим, ни наказания его по 1585 ст. „Уложен.”, обращаться в духовный суд для

того, чтоб виновный был подвергнут наказанию по церковным правилам? Можно надеяться, что христиански мыслящий супруг, пораженный сим несчастием, не преминет воспользоваться и сим средством исправления преступного супруга с надеждою на действительность сего средства. Между тем сей путь, церковными правилами допускаемый, но в законах не упоминаемый, может казаться закрытым.

Из всех вышеизложенных соображений вытекают следующие положения по отношению к этому предмету.

Дела о прелюбодеянии одного из супругов могут быть вчиняемы: I. или по жалобе обвиняемого супруга или, II. открываются без жалобы по производству какого-либо иного дела, или же III. в порядке официального обвинения.

I. Первым порядком вчиняемые дела подлежат или а) духовному суду, или б) уголовному.

а) Духовному суду подлежат вчиняемые сим порядком дела:

аа) в том случае, когда оскорбленный супруг, желая исправить оскорбившего, просит духовный суд о наложении ему епитимии по церковным правилам и об увещании его к исправлению;

бб) в том, когда оскорбленный супруг ищет расторжения брака по сей причине.

б) Светскому суду подлежат дела, вчиняемые сим порядком, когда оскорбленный супруг просит о наказании виновного по 1585 ст. „Улож. о наказаниях”.

II. Дела о прелюбодеянии лиц, состоящих в браке, когда не было жалобы на прелюбодеяние и оно открылось по производству какого-либо иного дела, подлежат духовному суду („Св. Зак.” XV. 2, 791).

III. В порядке официального обвинения в церковном суде, хотя бы и не было жалобы оскорбленного супруга, вчиняются дела о прелюбодеянии священно и церковнослужителей и жен их.

б) Дела о любодеянии.

Другой род дел, следующих тому же порядку, т. е. обращаемых или к духовному, или к уголовному и духовному суду составляют дела о любодеянии, или о противозаконном сожитии неженатого с замужнею. По 994 ст. „Уложения о наказаниях” виновные в таком сожитии подвергаются церковному покаянию. Но когда последствием было прижитие младенца, тогда может возникнуть уголовный иск об обеспечении младенца и его матери. В первом случае дело подлежит только духовному суду; во втором – уголовному, и потом – духовному.

Б) О предметах общего церковного суда в делах, не влекущих за собою карательных взысканий

Доселе рассмотренные дела церковного суда влекут за собою кары, наказания. Есть другие роды дел, подлежащих церковному суду, которые не влекут за собою никаких карательных взысканий и которые, если можно так сказать, имеют гражданский характер, а не уголовный. О некоторых из сих дел мы упоминали прежде. Здесь должно обратить внимание еще на два рода дел, не влекущих карательных взысканий, именно на дела об удостоверении о действительности события браков и о рождении от законного брака.

Подсудность этих дел духовному суду утверждается на „Уставе Консисторий" (158. 261 – 277), подтверждена Высочайше утв. положением 6 фев. 1850 г. („Собр. Зак." № 23906), принята в „Свод" 1857 г. (т. X, 2, 799) и оставлена неприкосновенною, на основании „Свода" 1857 г. новыми „Судебными Уставами" (См. „Суд. Уст." изд. Госуд. Канц. 1, 638).

Должны ли сии два рода дел оставаться подсудными духовному суду и на будущее время?

Что касается первого из указанных родов дел, то он имеет все те же свойства и основания подлежать суду церковному, как и выше рассмотренный вопрос о браках незаконных. Если необходимо и естественно духовный суд должен разрешать вопрос о незаконности брака, то само собою разумеется он же должен решать и вопрос о законности и действительности брака. В противном случае вышло бы, что, разрешая вопрос с отрицательной стороны, духовный суд не имеет права разрешать тот же вопрос и с положительной. Один и тот же вопрос духовный суд в одном случае разрешал бы, а в другом был бы к тому не компетентен. Брак по правилам нашей Церкви и по законам гражданским должен быть заключен в Церкви. Все акты, содержащие в себе доказательства действительности события брака, ведутся и содержатся в Церкви. Лица, совершающие брак и от которых в случае нужды можно получить сведения и справки о событии брака, находятся в церковном ведомстве. Заключения о действительности браков, по силе действующего гражданского закона, *должны быть основаны на точном разуме правил Св. Церкви и определений Св. Синода* („Св. Зак." т. X, 2, 805). Правила Св. Церкви, соблюдение или нарушение которых обусловливает действительность или недействительность брака, большею частью не помещаются в законодательных кодексах, служащих обязательным руководством для светских судов. Подобным сему образом и некоторые определения Св. Синода, долженствующие служить основанием решений в делах сего рода, не помещены ни в Своде Законов, ни даже в „Полном Собрании". Таким образом, когда является вопрос о том – был ли действительно заключен брак, или не был, кому исследовать этот вопрос и разрешить его, кроме духовного суда? Действовать иначе значило бы действовать подобно тому, как если бы мы, желая удостовериться, действительно ли совершена купчая, пошли справляться не в окружной гражданский суд, а в военный. Светский суд будет основывать свои заключения на точном разуме правил Св. Церкви и определений Св. Синода!

Необходимость духовного суда в сих делах столь очевидна и несомненна, что Комиссия, составлявшая „Судебные Уставы" 1864 г., нашла, что *дела сего рода не только нет основания передавать в светские суды*, *но даже это было бы стеснительно и для частных лиц*, *так как это значило бы заставить их обращаться в суд за такими справками*, *которые они могут получить непосредственно от духовного начальства*, *и, следовательно*, *вводить, совершенно напрасно излишнюю инстанцию. Поэтому вопросы об удостоверении в действительности события браков подлежат оставлению в ведении духовного начальства* („Объяснит. Записка к проекту" VI кн. „Уст. Гражд. суд." стр. 49).

Но судебные ли это дела, или простые справки?

Двенадцать членов Комиссии, составлявшей „Судебные Уставы", полагали, что под делами об удостоверении в действительности события браков не представляется основания подразумевать какие-либо самостоятельные спорные дела, вызывающие необходимость в разрешении их проявления власти судебной. Если они и названы делами, то лишь в том смысле, который придается вообще всяким перепискам. Для убеждения в этом 12 членов ссылались на содержание 800 ст. X т. ч. 2 „Св. Зак.".

Но не так разрешил этот вопрос Св. Синод. Признавая, что «в большей части случаев дела об удостоверении в действительности события браков, производимые в дух. ведомстве, не заключая в себе чего-либо спорного, не требуют разрешения в порядке судебном,» – Св. Синод

указывал, что «на практике, при производстве в дух. судах дел сего рода, возбуждаемых в случаях, указанных в ст. 800 т. X, ч. 2 „Св. Зак.” изд. 1857 г., заимствованной из 262 ст. „Устава Консисторий”, оказывается необходимость в разрешении оных *порядком судебным,* напр., когда в сих судах предъявляется ходатайство лиц, почему-либо заинтересованных в этих делах о невыдаче метрического свидетельства о событии брака, или о сообщении присутственным местам, по требованиям коих возбуждены сии дела, что брака не существовало вовсе, или что этот брак, как незаконный, не может быть признан действительным, и в следствие сего должен быть уничтожен. Ходатайство подобного рода нередко сопровождается представлением доказательств в подкрепление оного, или же указанием на сии доказательства. С другой стороны, лица, просящие о выдаче свидетельств, или те, коим они необходимы для засвидетельствования о рождении от законного брака, представляют свои возражения против означенных доказательств, опровергаемые в свою очередь лицами, оспаривающими действительность, или законность брака, о коем идет дело. Таким образом возбуждаются самостоятельные спорные дела, вызывающие необходимость рассмотрения их в порядке судебном, установленном для судов духовных; и такие дела в следствие жалоб на решения, постановленные по оным первою судебною духовною инстанциею, восходят на рассмотрение Св. Синода», („Определ. Св. Синода” 9 мая 1864. Проток. № 937).

Согласно с сим мнением Св. Синода и мнением большинства Комиссии в проекте VI-й книги „Устава Гражд. судопроизводства”, составленном Комиссиею, была помещена статья 58, в которой прямо было сказано, что *все дела об удостоверении в действительности события браков подлежат ведомству судов духовных*, в последствии исключенная вследствие замечания Соединенных Департаментов Государственного Совета, подтверждающего подсудность дел сего рода именно духовному суду. *Правила сей статьи* признаны не относящимися собственно к светским судам, но *составляющими предмет ведомства судов духовных*, и, следовательно, поставленными не на своем месте, так как в „Уставе Гражд. судопр.” должна идти речь о судах светских.

Обращаясь к вопросу о подсудности дел о законности рождения – должно заметить, что вопрос о законности рождения может быть возбужден и в духовном суде, по поводу, например, просьбы частного лица о выдаче метрического свидетельства о рождении и крещении, или же по требованиям присутственных мест и начальств, коим необходимо иметь в виду по производящимся у них делам определение духовного суда о рождении кого-либо от законного брака. В таких случаях дела о законности рождения не могут не подлежать рассмотрению духовного суда по силе 266 ст. „Уст. Консисторий”. Для устранения всякого повода к сомнениям Обер-Прокурор Св. Синода, при составлении „Судебных Уставов”, предлагал включить в „Уставе Гражд. судопр.” такую статью, которая указывала бы, что дела о законности рождения могут быть производимы и в судах духовных, в случаях, указанных в ст. 266 „Устава Консисторий”. Но в „Уставе Гражд. судопр.” (ст. 1346–1356) не сделано никакого указания на то, что дела о законности рождения могут быть производимы и в судах духовных собственно потому, что в этот устав, при обсуждении вошедших в оный постановлений, Государств. Советом положено не включать таких правил, которые касались бы не светских судов.

Подсудность и сих дел духовному суду имеет существенное и непререкаемое основание в том, что и в этом случае в основании и в конце дело приходит к рассмотрению вопроса о законности или незаконности брака, от которого происходит известное лицо.

В существенных условиях и элементах процесса исследования, который приводит к открытию истины в этих делах, также заключается основание подсудности дел этих двух родов духовному, а не светскому суду. Это производится: 1) справкою в метрических книгах, 2) в обыскной книге, 3) в исповедных росписях, 4) гражданскими документами и 5) следствием. Три первые рода документов ведутся и хранятся в церквах. Следствие должно заключать в себе между прочим показания причта, который венчал брак („Уст. Конс.” 263, 264, „Св. Зак.” Т. X, 1, 34 – 36). И справедливее, и удобнее, и естественнее все сие дознание и исследование производить в духовном суде.

Замечают, что делам сего рода можно бы дать такой вид, чтобы выдача метрических свидетельств о рождении, крещении, браке, смерти и погребении лежала на обязанности епарх. начальства; а когда метрических записей о таковых событиях нет, или они сомнительны – исследование сих событий и разрешение дел, по сообщениям епарх. начальства, должно принадлежать светскому суду, который о своем решении должен сообщать епарх. начальству.

Предлагаемый порядок, кроме неправильности и несообразностей, указанных выше, неудобен по своей сложности. При этом порядке, в случае неимения метрической записи, или сомнительности ее, епархиальное начальство должно призвать к себе в консисторский, или в церковный архив светский суд для исследования сих дел, должно предоставить ему расследование и решение дела – почему нет записи, или на каком основании запись признается сомнительною. Как записи в метрических книгах принадлежат к обязанности духовных лиц по их должности, то по смыслу предложения духовное начальство будет призывать к себе светский суд для производства исследования и для приговора о нарушении духовным лицом обязанностей его должности. Затем дальнейший путь к достижению искомой истины, т. е. к удостоверению о действительности брака и о рождении от законного брака, при отсутствии, или сомнительности метрической записи, представляют: а) обыскная книга, б) исповедные записи, в) гражданские документы и г) следствие, долженствующее заключать показания причта, который венчал, бывших при браке свидетелей и вообще знающих о достоверности события брака, восприемников и лиц, бывших при крещении („Уст. Конс.” 263, 264, 268. „Св. Зак.” Т. X, 1, 34–36). Итак, по силе предлагаемого замечания, когда метрических записей нет, или они сомнительны, епарх. начальство должно пригласить к себе светский суд, выдать ему для исследования и рассмотрения обыскную книгу и исповедные росписи и представить для допроса священнослужителей, венчавших или крестивших. Светский суд рассмотрит, постановит решение и сообщит о нем епархиальному начальству. Нельзя сказать, чтобы такой порядок был прост и естествен. А какая выгода будет этим достигнута? Ужели духовный суд, даже и в будущем усовершенствованном состоянии, не будет настолько способен и добросовестен, чтобы постановить по этим делам правильное решение, а должен приглашать светский суд, дабы он постановил заключение, основанное *на точном разуме правил Св. Церкви и определений Св. Синода,* как требует этого закон.

В виду всех сих соображений представляется правильным, чтобы дела об удостоверении о действительности события браков и о рождении от законного брака были производимы духовным судом на нынешних основаниях („Уст. Конс.” 158, 261 – 277; 6 февр. 1850. „Собрание Зак.” № 23906; „Свод. Зак.” Т. X, 2, 799, 805; „Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. 1, 638).

II. О предметах особенного церковного суда, или о церковном суде над клириками и монашествующими

До сих пор мы занимались вопросом о пространстве и пределах церковного суда над всеми членами Православной церкви.

Кроме сего суда Православной церкви принадлежит особое право суда над клириками и монашествующими.

Существо сего права, утверждающегося на канонических и исторических основаниях, не подлежит ни прекословию, ни даже вопросу. Вопрос может быть только о пространстве и пределах этого права в отношении к лицам и в отношении к действиям сих лиц.

Как определить состав лиц, принадлежащих к клиру и монашеству, которые подлежат специальному церковному суду? И за сим – как определить состав тех преступлений и проступков, за которые клирики и монашествующие подсудны особенному церковному суду? – вот два вопроса подлежащие нашему рассмотрению в настоящий раз.

А) О круге лиц, подлежащих особенному суду Церкви

Что касается круга лиц, подлежащих особенному церковному суду, то по „Консисторскому уставу” составляют сей круг *люди духовного звания* (158), под именем которых разумеются священнослужители, церковнослужители, монашествующие и послушники (207). В „Своде Законов”, изд. 1857 г., это понятие более разъясняется. Православное духовенство, по законам о состояниях, разделяется на монашествующее и белое. К первому принадлежат духовные власти и монашествующие братия; ко второму – священники, диаконы и иподиаконы и причетники („Св. Зак.” т. IX, 1, 244–246). Кроме сего по „Своду” 1857 г. дети священнослужительские и церковнослужительские, *совершившие полный учебный курс в духовных академиях и семинариях и занимающие места наставников в духовных академиях и семинариях, также учителей в низших духовных училищах и в сельских приходских училищах*, *признаются принадлежащими к духовному званию,* если не уволены из оного по особым прошениям и не получили особых прав по производству в гражданские чины. поскольку они по образованию своему имеют полное право на священнослужительские места, то *и пользуются правами*, *предоставленными в законах священнослужителям* („Св. Зак.” т. IX, 1, 292). Между сими правами заключается и *право подлежать одному суду духовного правительства* в определенных „Уставом Духовных Консисторий” случаях (282).

При составлении „Судебных Уставов” 1864 г. сделаны некоторые изменения в подсудности лиц духовного сословия. Но самое понятие *духовенства, духовного звания* осталось на прежнем основании „Устава Духовных Консисторий” и „Свода Законов”; никакого нового определения этому понятию „Судебные Уставы” не дают и не могут дать, так как точнейшее определение этого понятия принадлежит духовным узаконениям и законам о состояниях. В объяснительной записке к проекту „Устава Уголовн. судопр.” прямо замечается, что под понятием: *духовные лица* должно разуметь всех принадлежащих *по закону* к духовному состоянию (стр. 19); и этим ясно утверждается та мысль, что при обсуждении изменений в устройстве и производстве в духовных судах нет ни нужды, ни права – входить в разрешение вопроса о том, кого должно разуметь под лицами, принадлежащими к духовному состоянию: этот вопрос должен быть принят так, как он разрешен в законе. При обсуждении же вопросов судопроизводства заниматься и разрешением вопроса о составе лиц, принадлежащих к духовному званию, совершенно нет оснований.

В указанном нами составе духовных лиц на основании „Свода” 1857 г. и „Устава Дух. Консисторий” произведено изменение положением Высочайше утвержденным 26 мая 1869 г. Этим положением отчислены от духовного звания дети священно и церковнослужителей все со включением и тех, которые поименованы в 292 статье IX тома „Свода Законов”. По новой редакции статей „Свода Законов” о составе духовенства, Высоч. утв. 13 мая 1871, к белому духовенству принадлежат священнослужители, церковные причетники, т. е. дьячки, пономари и псаломщики и церковнослужители, т. е. певчие, звонари и сторожа („Св. Зак.” т. IX, 277, 278 по продолж). Эта редакция изменяет прежнюю терминологию, употреблявшуюся для обозначения лиц, принадлежащих к белому духовенству. По прежней терминологии к белому духовенству принадлежат священнослужители и церковнослужители („Уст. Конс. Свод. Зак.” изд. 1857 т. IX, 1, 277, 278). По новой терминологии различаются между церковнослужителями два особые разряда и к первому принадлежат *церковные причетники*, т. е. дьячки, пономари и псаломщики, а ко второму *церковнослужители* в тесном смысле, т. е. певчие, звонари и сторожа.

Таким образом, по действующему ныне законодательству, к духовному званию принадлежат священнослужители, церковные причетники и церковнослужители, монашествующие и послушники.

Сии лица, на основании действующего закона, *в определенных Уставом Дух. Консисторий случаях, подлежат одному суду духовного правительства* („Св. Зак.” т. IX, 1, 257, 282).

Должен ли такой порядок оставаться и на будущее время? Все ли лица, принадлежащие, по закону, к духовному званию должны в определенных случаях подлежать одному суду духовного правительства?

Что касается священнослужителей и монашествующих, то в отношении к ним не возбуждается ни малейшего сомнения. Но о подсудности духовному суду прочих, по закону принадлежащих к духовному званию лиц, слышатся некоторые пререкания. Высказываются иногда мнения, что, за исключением священнослужителей и монашествующих, прочие по закону

принадлежащие к духовному званию лица могли бы подлежать не духовному, а общему светскому суду.

Несостоятельность этих мнений открывается из следующих соображений:

1) По правилам Церкви все клирики и высшие, и низшие без различия подсудны одному суду – церковному. Какому суду подсуден пресвитер – тому же самому подлежит и чтец. Никакого разделения подсудности в том смысле, чтобы, напр., пресвитер подлежал церковному суду, а чтец – светскому – правила не знают (Сравн. Карф. 11, 29, 37, 139. IV Всел. 9. Сард. 14). Следовательно, учреждение подсудности церковнослужителей на разных основаниях с подсудностью священнослужителей – вне правил.

2) Что низшие клирики в своем служении должны действовать на основании правил церковных – это конечно известно и не пререкаемо. Кроме сего они руководствуются в своем служении «другими действующими по духовному ведомству положениями», что́ на основании ст. 1017 „Уст. Угол. суд.” и по признанию Кассационного Сената (по делу о выдаче двух разноречивых свидетельств священником Соколовым) составляет предмет церковной подсудности.

3) Что подобное положение правильно и целесообразно распространяется и на все случаи – когда в законе говорится о подсудности духовенства вообще – это ясно не только из настоящего положения, какое занимают в отношении к Церкви церковнослужители (в обширном смысле этого слова), но и в виду предстоящей каждому из них возможности сделаться священнослужителем. Церковнослужительская степень есть переходная к священнослужительской. Весьма важно для Церкви, всегда строго испытывавшей не только священнослужителей, но и низших клириков, знать все поведение кандидатов священства. Если же суд для них будет тот же, что и для мирян, т. е. общий, то едва ли возможно будет Церкви исполнить свою обязанность: все поведение их правильно исследовать: *не злоречивы ли они, не пияницы ли, не склонны ли к ссорам, наставляют ли юность свою, да возмогут совершати святыню, без коей никто не узрит Господа* (Вас. Вел. 89). Светский Суд, если бы они были подчинены ему, исследовав проступки сих лиц и положив наказание, – не обязан и не будет сообщать об этом духовной власти для сведения и руководства. И таким образом могут получать священство лица, которым по правилам Церкви сие строго возбраняется, напр., признанные в светском суде виновными по второй половине 994 ст. „Улож. о нак.”.

В каком отношении церковнослужители находятся к священнослужителям белого духовенства, в таком же точно послушники в отношении к монашествующим имеющим пострижение. Как церковнослужительство есть степень приготовительная к священству, так и послушничество есть степень приготовительная к монашеству. И у церковнослужителей и у послушников есть особые обязанности, определяемые церковными правилами и специальными церковными и монастырскими уставами. Те и другие состоят в особом, законами определенном штате (12 мая 1832 Высоч. утв. прав. „Собр. Зак.” № 5399). Подобно причетникам послушники состоят на действительной службе в монастыре, и служба сия имеет свои специальные особенности, держится на своих особых уставах, признается нашим законодательством как состояние, необходимо долженствующее предшествовать пострижению в монашество и продолжаться не менее трех лет (29 мая 1832 Высоч. утв. правила, „Собран. Зак.” № 5399). Следовательно, и нарушение обязанностей этой службы должно привлекать виновные лица к церковному суду. Было бы большою непоследовательностью, если бы церковнослужители были признаны в определенных случаях подлежащими духовному суду, а послушники за нарушение тех же правил и обязанностей подлежащими не духовному суду, а светскому, или взысканию административным порядком, а не судебным. Кроме тождества обязанностей и оснований, на которых утверждаются сии обязанности, послушники имеют с причетниками еще и то общее, что оба сии класса церковных служителей могут быть и бывают удостаиваемы посвящения в стихарь. Наконец вступающие в монастыри послушники выходят уже из прежних обществ, к которым принадлежали, и единственным начальством и ведомством, от которого они зависят со времени увольнения их из прежнего сословия, служит духовное начальство и ведомство. Поэтому, если принять что сей немалочисленный класс людей дух. ведомства (в 1869 г. – 10595) за нарушения обязанностей избранного звания не должен подлежать духовному суду, то это будет значить допустить мысль, что этот класс людей должен оставаться вовсе без суда. Положение ни с какой стороны не имеющее оправдания. Нижние военные чины, состоящие под строжайшей

дисциплиной, при всем этом имеют суд. Нет ни одного взрослого, полноправного человека, который был бы лишен права иметь суд и оставался бы в бессудном состоянии.

По сим соображениям представляется весьма последовательным и совершенно правильным наше нынешнее законодательство – содержащееся в „Уставе Консисторий" и в „Своде Законов" и подчиняющее и этот класс людей в определенных случах суду духовному („Уст. Конс." 207; „Св. Зак." 1857 т. IX, 1, 257). Что по „Консисторскому Уставу" действительно таково положение послушников – в этом не оставляет ни малейшего сомнения помещенная в разделе епархиального суда 207 статья, в которой говорится: «монашествующие за проступки, подходящие под вышеизложенные (158–206) статьи наказываются по тем же правилам: иеромонах и иеродиакон как священник и диакон, а монах и послушник как причетник. Они подвергаются и другим мерам взыскания, кои изложены в завещаниях для инока преданных Св. Василием В., во второй части „Кормчей книги", в „Номоканоне" и в „Дух. Регламенте"». Из слов статьи ясно: 1) что в общем понятии монашествующих заключаются и послушники, 2) что они наказываются, а следов. и судятся по тем же правилам, как и лица белого духовенства, а именно послушник наравне с монахом как причетник, и 3) что они сверх сего подвергаются и другим мерам взыскания само собою разумеется по духовному суду. На этом основании должна быть изъясняема и 257 статья 1 кн. IX т. „Свода. Законов", основанная на 158–207 статьях „Устава Консисторий" и предоставляющая монашествующим право подлежать в определенных случаях одному суду духовного правительства – по точной сообразности со статьями, служащими ей основанием, т. е. со включением и послушников в понятие монашествующих.

При сем должно обратить внимание и на то, что по смыслу и по букве наших законов в понятие монашествующих и состоящих на послушническом искусе входят лица обоего пола (29 мая 1832 „Собр. Зак." № 5399, „Св. Зак." т. IX, 1, 245, 252).

Термин, до которого должно простираться сохранение каждым лицом духовного звания права на особую подсудность церковному суду, для некоторых лиц оканчивается с прекращением состояния их на действительной службе. Таковы – послушники. С окончанием состояния их послушничества прекращается и их подсудность духовному суду в качестве послушников. Не таково положение прочих лиц духовного звания, подсудных духовному суду. Священнослужители и монашествующие должны пользоваться сим правом до тех пор, пока носят свой сан, хотя бы и не состояли на действительной службе, или при послушаниях. Равным образом и церковнослужители, остающиеся за штатом по старости или увечью, не исключаются из духовного ведомства и, следовательно, не лишаются права на церковную подсудность („Св. Зак." IX т. 1. 280).

Б) О круге дел, по которым лица духовного звания подсудны особенному церковному суду

Определив круг лиц, по закону подлежащих особенному духовному суду, мы должны теперь перейти к определению круга дел, по которым лица духовного звания подсудны особенному церковному суду.

По „Уставу Консисторий” люди дух. звания подлежат духовному суду:

а) по проступкам и преступлениям против должности, благочиния и благоповедения;

б) по взаимным спорам, могущим возникать из пользования движимою и недвижимою церковною собственностью;

в) по жалобам духовных и светских лиц на духовные лица в обидах и нарушении бесспорных обязательств, и по просьбам о побуждении к уплате бесспорных долгов (ст. 158).

Таков круг дел, по которым духовные лица ныне подлежат духовному суду.

При обсуждении сего предмета прежде всего встречаемся с общим вопросом: должны ли пределы нынешней подсудности духовных лиц духовному суду оставаться в том пространстве, какое имеют ныне, или же подлежат сокращению?

Случается слышать мнение, что пределы нынешней подсудности духовных лиц требуют сокращения. Но приводимые в подтверждение сего мнения доводы нельзя признать убедительными.

1) Главный, представляемый для подтверждения мысли о сокращении пределов церковной подсудности довод, состоит в том, что особенные специальные суды существуют в силу неудовлетворительности общих судов. С приведением общих судов в удовлетворительное положение и специальные суды должны или прекращать свое существование, или же сокращаться в своих пределах. Если бы это основание было твердо, то мы не видели бы того явления, что уже после введения новых „Судебных Уставов” 1864 г., следовательно, после улучшения общих судов, преобразованы суды военный и военно-морской, и при том без сокращения пределов их юрисдикции, так как по введении военно-судных уставов ничто из бывшей до того времени их юрисдикции не перешло к общим судам, которые и после 1867 года, т. е. по введении в действие военно-судебных уставов, остались при прежнем круге юрисдикции, при каком были в 1864 году. Ни одного дела от военных судов после 1864 г. не перешло в общие суды, хотя в это время военные суды и были преобразованы. Раздельная черта между юрисдикцией общих судов и военного после 1864 г. не подвинулась ни в ту, ни в другую сторону. И должно заметить, что юрисдикция военных судов весьма обширна. Военные лица подлежат военным судам по всем без исключения проступкам и преступлениям („Военно-Судеб. уст.” 260, 633). Военному суду подлежат даже и гражданские чины военного ведомства за преступления должности и нарушение правил военной дисциплины („Уст. Угол. суд.” 225). Общие суды вполне компетентны к произнесению приговоров о содеянных сими гражданами проступках общего характера, и законы, карающие сии преступления, имеют, и однако же судит за все не общий суд, а военный. Значит есть какое-нибудь и даже весьма важное основание к сему факту, хотя, как замечают, и прискорбному, тем не менее неизбежному. Почему же бы не дозволить и духовному суду сохранить те гораздо менее широкие в сравнении с военным судом пределы, какие он имел до 1864 г., сохранил в этом году и сохраняет доселе? Основания к существованию особого духовного суда гораздо более глубоки и серьезны, чем основания к существованию особого военного суда. Это – Слово Божие, и правила Апостольские, Соборные и Свято-Отеческие.

2) Нельзя признать убедительною и другую заявляемую в подтверждение возможности сокращения пределов церковной подсудности мысль, состоящую в том, что ныне духовное ведомство уже не преследуется, и что вследствие сего нет нужды в особом духовном суде. Духовное ведомство, или выражаясь правильнее, Церковь не преследуется после Константина Великого, т. е. в продолжение более чем пятнадцати столетий, и однако же в течение этих пятнадцати веков Церковь свой суд всегда имела и в прежнее, мирное же время, в пределах более обширных, чем в нынешнее, также мирное. Не на основании мирного или не мирного положения Церкви и ее отношений к государству утверждается церковный суд о лицах, служащих Церкви, а на основании существа служения сих лиц и особенности характера проступков сих лиц, как служителей Церкви.

3) Говорят, что к разрешению вопроса о пределах подсудности должно исходить из принципа правоспособности суда, на основании своих законов, раскрыть и карать преступление, и что в силу сего принципа юрисдикция духовного суда должна начинаться в отношении к духовным лицам там, где кончается правоспособность светского суда. Это мнение не имеет силы и не приводит к заключению о сокращении пределов церковной подсудности в отношении к духовным лицам. Светский суд не правоспособен решительно во всех делах о нарушениях духовными лицами обязанностей их звания, ибо ни один из светских законов не содержит в себе определения последствий проступка или преступления в отношении к правам священнослужения обвиняемого духовного лица. Следовательно, светский суд, приняв к своему производству дело, положим, о священнослужителе нетрезвом, определит ему кару только как гражданину. Но такое определение будет неполно и недостаточно, потому что духовный закон за таковой проступок определяет виновному кару не только как гражданину, но и как служителю Церкви. Светский судья наложит на него денежный штраф не свыше 25 руб., между тем духовный закон, при всяком подобном случае, признает обязательным и необходимым разрешение вопроса – не подлежит ли таковой запрещению священнослужения, и посылает виновного в монастырь на епитимию на срок от двух до трех месяцев („Уст. Конс.” 198). Неправоспособность светского суда и исключительная правоспособность духовного суда здесь ясна сама собою. Правоспособность светского суда в сих случаях начинается только с преступлений духовных лиц, хотя бы и нарушающих обязанности их звания, но таких, которые, по светским законам, влекут за собою лишение всех или особенных прав и преимуществ; ибо в „Уложении” прямо и ясно сказано, что лишение всех прав состояния сопровождается для духовных извержением из духовного сана и звания, с потерею всех преимуществ, оным предоставленных („Улож.” ст. 22).

На основании изъясненных соображений представляется правильным такое разрешение предложенного общего вопроса, что подсудность духовных лиц церковному суду должна оставаться в нынешних пределах без сокращения.

За разрешением этого общего вопроса мы должны обратиться к рассмотрению частных видов или категорий делъ, по которым духовные лица подсудны духовному суду.

I. *Первую* категорию дел, по которым духовные лица подлежат особенному церковному суду, на основании „Консисторского Устава”, составляют проступки и преступления против должности, благочиния и благоповедения. В 1017 ст. „Устава Уголов. Судопроизводства” 1864 г. тоже самое выражено общее. По этой статье лица, принадлежащие к духовенству одного из христианских исповеданий, как за нарушение обязанностей их звания, установленных церковными правилами и другими действующими по духовному ведомству положениями, так и за те противозаконные деяния, за которые в законах определено подвергать их ответственности по усмотрению духовного начальства, подлежат суду духовному. Последняя статья обнимает все содержание первой с присовокуплением некоторых разъяснений. По „Консисторскому Уставу” духовному суду подсудны лица духовного звания по проступкам и преступлениям *против должности, благочиния и благоповедения.* По „Уставу Уголов. судопр.” они подсудны сему суду *за нарушение обязанностей их звания.* Выражения того и другого „Устава” совершенно тождественны; нарушение обязанностей звания обнимает собою – все проступки против должности, благочиния и благоповедения. Но 1017 ст. „Уст. Угол. суд.” содержит далее такое определение, которого нет в статье „Консисторского Устава” – именно то, что здесь разумеются не только обязанности, установленные церковными правилами и другими действующими по духовному ведомству положениями; но и те противозаконные деяния, за которые в законах определено подвергать их ответственности по усмотрению духовного начальства. Таким образом по силе последней статьи всякий раз, когда духовное лицо обвиняется в преступлении или проступке, прежде всего должен быть поставлен вопрос о том – составляет ли преступление, в котором обвиняется духовное лицо, нарушение его обязанностей? Далее – запрещается ли оно церковными правилами или другими действующими по духовному ведомству узаконениями? и не определено ли в светских законах за предлежащее противозаконное деяние подвергать духовные лица ответственности по усмотрению их духовного начальства? Когда ни на один из указанных трех вопросов не будет утвердительного ответа, тогда будет ясно, что дело не духовного, а светского суда.

Но и дела духовных лиц, подлежащие собственно духовному суду, могут представлять такие стороны, по которым они, кроме духовного суда, подлежат еще суду гражданскому. Когда с сими делами соединены иски о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением, – то

дела по сим искам производятся судом гражданским, по окончании суда духовного (ст. 1018). Таким образом из одного и того же дела могут возникать два производства одно после другого – производство в духовном суде о действительности, существе и церковных последствиях нарушения духовным лицом его обязанностей, и в гражданском о вреде и убытках, причиненных сим нарушением. Последнее производство начинается после первого („Уст. Угол. судопр.” 1018) и окончательное решение духовного суда по вопросам: совершено ли преступление, было ли оно деянием подсудимого и какого свойства это деяние, обязательно для суда гражданского (Сравн. „Уст. Угол. судопр.” 30, 31). Но непризнание преступным или невменение подсудимому в вину сего деяния не устраняет гражданского иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные сим деянием.

Величайшую трудность и предмет многочисленных пререканий в вопросе о подсудности лиц духовных составляет указание предела подсудности духовной и уголовной. „Устав Консисторий” ограничивает духовную подсудность клириков *проступками и преступлениями против должности*, *благочиния и благоповедения.* „Устав Уголовного судопроизводства” – делами, возникающими *от нарушения клириками обязанностей их звания* и теми противозаконными *деяниями, за которые определено в законах подвергать их ответственности по усмотрению их духовного начальства.* Под понятие преступлений против должности, благочиния и благоповедения подходят все возможные преступления клириков, и самые уголовные. Равным образом выражение: *нарушение обязанностей звания* весьма обще и может обнимать собою все обязанности клириков, и служебные, и нравственные, так как те и другие суть обязанности звания. Вопрос разрешается и уясняется более частными решениями случаев, возникающих из практики, а не общими определениями, содержащимися в законе. Всякое же общее принятое определение необходимо должно допускать и многочисленные исключения. Возьмем, напр. самое непререкаемое из общих положений, что преступление клириков против должности подлежит церковному суду. Никто не будет оспаривать сего положения в его общем смысле. Но возьмем такой случай, что священник заведомо обвенчал брак насильно похищенной и даже содействовал насилию или обману. Здесь преступление против должности – венчание брака, воспрещенного церковными правилами – и следовательно, по общему правилу суд в этом деле над священником должен бы быть церковный. Но при этом нарушении церковного закона священник совершил еще преступление, подвергающее его, как сообщника, наказанию, соединенному с лишением прав состояния, и на основании 207 ст. „Уст. Угол. судопр.” должен быть подсуден тому суду, коему подсудны главные виновники, или же на основании 205 ст. тому, которому подсудно важнейшее из преступлений. И вот первое ограничение общего начала. При соединении преступлений, из которых одно подсудно духовному суду, а другое уголовному – если при сем предусматривается преступление, подвергающее виновного наказанию, соединенному с лишением или ограничением прав состояния, – дело судится в уголовном суде.

Или вот еще случай, бывший в действительности: непосвященный, подделав акты, свидетельствующие о его посвящении, совершал литургию и другие священнодействия. Здесь, по-видимому, одно чисто церковное преступление – незаконное совершение священнодействий. Но кроме сего и вместе с сим в том же преступлении есть подлог – преступление, судимое уголовным судом и влекущее за собою наказание, соединенное с лишением или ограничением прав состояния. Или еще: – лицо духовного звания, коему по правилам Церкви воспрещено вступать в брачный союз, вступило в брак. За такое нарушение правил Церкви оно судится исключительно своим духовным судом. Но если им употреблен для сего какой-либо обман или подлог; то дело по окончании над виновным духовного суда должно поступить к суду уголовному („Суд. Уст.” изд. Гос. Канц. II, 375). Во всех тех случаях, когда лицами духовного звания произведено нарушение обязанностей своего звания чрез такое преступление, которое, по уголовным законам, влечет за собою наказание, соединенное с лишением, или ограничением прав состояния – они должны подлежать уголовному суду. Так, напр., правила о местожительстве и отлучках священно-или церковнослужителями могут быть нарушены отлучкою заграницу без узаконенного вида, или же с подделкою ложного паспорта. поскольку в первом преступлении нарушаются законы, установленные исключительно государством („Улож. о нак.” 325–328) и поскольку последнее влечет за собою наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния; – то по сим основаниям оба преступления должны подлежать уголовному суду. Равным образом нарушение правил о погребении большею частью подлежит духовному суду („Улож. о нак.” 859). Но когда священником нарушен закон о судебно-

медицинском осмотре, то поскольку закон сей есть исключительно государственный, и поскольку нарушение сего закона может быть соединено с преступлением, влекущим за собою наказание, соединенное с лишением прав состояния; то в последнем случае виновные священно-церковнослужители должны подлежать суду уголовному („Улож. о нак.” 860). Из этих частных указаний выходит то общее заключение, что 1) нарушение клириками постановлений исключительно государственных и 2) нарушение постановлений хотя и не исключительно государственных, но если сие нарушение произведено чрез такое преступное деяние, которое влечет за собою лишение или ограничение прав состояния – должны подлежать не духовному, а уголовному суду.

Подобным образом и подсудность преступлений клириков и монашествующих *против благочиния* должна быть ограничена теми случаями, когда с сими преступлениями не соединяется уголовного преступления, подвергающего виновного наказанию, соединенному с лишением или ограничением прав состояния, или когда в „Уложении о наказаниях” означено точно, что наказания клирикам за сии преступления полагаются по определению духовного начальства, или духовного суда. Коль скоро с нарушением клириком благочиния соединено преступление, подвергающее наказанию, соединенному с лишением или ограничением прав состояния, или же коль скоро самое нарушение благочиния выразилось деянием, подвергающим вышеуказанному наказанию, виновный должен подлежать уголовному суду и быть судим по правилам, изложенным в 1019–1028 ст. „Уст. Угол. суд.”.

Что касается проступков духовных лиц *против благоповедения*; то подсудность их духовному суду ясна из того: 1) что многие из сих проступков в лицах светского звания вовсе не наказуемы и „Уложением о наказаниях” не предусмотрены, каковы, напр. игра в карты, посещение зрелищ, корчемниц и другие подобные. Следовательно, при предоставлении духовных лиц по сим делам светскому суду они остались бы вовсе не наказанными и светский суд сам отказался бы от всякого производства. 2) Из того, что некоторые из проступков благоповедения светское уголовное законодательство и в мирянах предоставляет духовному суду. Таково, напр. противозаконное сожитие не женатого с не замужнею („Улож. о нак.” 994). Следовательно, по этому самому основанию подобные дела и лиц духовных должны быть предоставлены духовному суду.

Но и здесь имеет место тоже самое ограничение – именно преступления сего рода, подвергающие виновных наказанию, соединенному с лишением или ограничением прав состояния, совершенные духовными лицами, должны быть судимы уголовным судом. Таковы – противоестественные пороки. „Улож. о нак.” 995, 996, 997–1000 и др.

Таковы представляющиеся нам единственно возможными способы указания пределов подсудности духовных лиц духовному суду.

Что касается высказываемого иногда желания провести точные и ясные границы между двумя подсудностями, духовною и светскою, с целью устранить пререкания о подсудности между духовными и светскими судами, то осуществление этого желания, конечно, было бы благодетельно. В самом деле, что может быть достожелаемее, как не достижение возможности предотвратить всякое столкновение и пререкание о подсудности между судами? Но цель сия едва ли достижима. Место сомнению в удободостижимости этой цели дает уже одно то обстоятельство, что сами „Судебные Уставы” 1864 г., а равно и „Военно-Судебные Уставы” не предвидят этой возможности и не преследуют этой цели. Напротив, они находят неизбежными столкновения и пререкания о подсудности даже между мировыми судьями одного округа, между мировым судьею и судебным следователем, между мировыми судьями и съездами и окружным судом, между общими судебными установлениями, предвидят и находят неизбежными эти пререкания и между судами гражданского, военного, или духовного ведомств и подробно в целом ряде статей регулируют разрешение этих случаев столкновения и пререкания о подсудности. Следовательно, взяться за разрешение этого вопроса с целью устранить возможность пререканий, значило бы взяться за дело невозможное, которое таковым почитают и „Судебные Уставы” 1864 г. и „Военно-Судебные Уставы”. При сем должно заметить и то, что практика новых судов свидетельствует, что пререкания о подсудности между светскими судами и духовным ведомством были не столь часты, едва ли более часты, чем пререкания общих судов с военными, и несомненно менее часты, чем внутренние пререкания между самими общими судами.

Тот указываемый для достижения сей цели путь, чтобы перечислить все статьи „Уложения о наказаниях”, по которым духовные лица не должны подлежать светскому суду, с тою целью, чтобы затем по всем остальным статьям духовные лица привлекаемы были уже к светскому суду, не может быть признан верным и приводящим к желанной цели. При таком пути могли бы быть распространены на духовные лица такие законы, которые законодатель на них не распространяет и даже не обсуждал с точки зрения приложимости их к духовным лицам. Ни при составлении „Уложения о наказаниях”, ни при составлении „Устава наказаний”, налагаемых мировыми судьями, ни первоначальные составители уставов, ни законодательная власть, их обсуждавшая, не имели в виду лиц духовного звания и вообще дел, подведомых церковному суду. Это прямо и ясно выражено в 169 ст. „Уложения”, где говорится: что *действие постановлений сего Уложения не распространяется на дела, подлежащие суду по законам церковным.* „Военно-Судебный Устав”, составленный после „Судебных Уставов” 1864 г., не прибегает к этому способу разрешения вопроса, не проходит всего „Уложения о наказаниях” и не указывает здесь статей, по каким военнослужащие подлежат военному суду и по каким общему. Если бы указываемый путь мог вести к указываемой цели, нет сомнения, что при составлении „Военно-Судебных Уставов” было бы обращено на него внимание.

По всем соображениям не представляется нужды и не предвидится цели измышлять какую-либо новую формулу для обозначения пределов подсудности духовных лиц духовному суду. Формула „Консисторского Устава”, видоизмененная и дополненная в 1017 ст. „Устава Угол. судопр.” представляется вполне удовлетворяющею, с дополнением ее тем признаком, который указан нами выше. Эта формула могла бы быть выражена в следующем виде: *Лица духовного состояния подлежат духовному суду как за нарушение обязанностей их звания, установленных церковными правилами и другими действующими по духовному ведомству положениями, так и за те противозаконные деяния*, *за которые в законах определено подвергать их ответственности по усмотрению духовного начальства, если с сим не соединено преступление, подвергающее виновного лишению, или ограничению прав состояния.* Этою формулою разрешаются определительно следующие вопросы: 1) что духовному суду подлежат духовные лица за нарушение ими обязанностей их звания, установленных церковными правилами, 2) что кроме сего духовные лица подлежат духовному суду и за нарушение обязанностей их звания, установленных другими, действующими по духовному ведомству положениями, причем разумеются, например, духовно-учебные уставы, положения о призрении бедных духовного звания и др., 3) что сему же суду духовные лица подлежат и за те противозаконные деяния, за которые в законах определено подвергать их ответственности по усмотрению духовного начальства и 4) что подсудность их духовному суду простирается в сих делах до того времени, пока они по закону не подлежат лишению, или ограничению прав состояния. Критерии, заключающиеся в этой формуле сколько ясны, столько же и достаточны. По силе их, при обсуждении каждого преступного деяния духовного лица, если бы представлялась неясною подсудность его духовному, или светскому суду, предлежат разрешению четыре, точно и определенно заключающиеся в содержании статьи вопроса: 1) составляет ли данное преступное действие духовного лица нарушение им обязанностей звания, установленных церковными правилами, или же 2) другими действующими по духовному ведомству положениями? 3) Постановлено ли в законах подвергать за таковое деяние ответственности по усмотрению духовного начальства, и 4) есть ли в сем преступном деянии преступление, влекущее по светским законам ограничение или лишение прав состояния (напр. подлог и др.)? При отрицательном ответе на три первые вопроса и положительном на четвертый, дело должно идти к светскому суду. Пререкания при сем возможны только от незнакомства судей с церковными правилами и действующими по духовному ведомству положениями, которого никакими – ни ясными, ни яснейшими, ни подробными, ни подробнейшими исчислениями устранить невозможно. Должно заметить при сем, что кроме внутреннего достоинства этой формулы, в пользу ее есть и внешние свидетельства. И а) эта формула при осмилетней практике не возбудила никаких недоразумений и не потребовала никаких разъяснений; б) эта формула прошла чрез многие испытания и принята как Комиссиею составлявшею „Судебные Уставы”, так и Государственным Советом и наконец Высочайше утверждена; в) эта формула получила место в „Судебных Уставах” по предложению Св. Синода. Св. Синод положительно и многократно настаивал при составлении „Судебных Уставов” 1864 г., чтобы не касаться духовной

подсудности. Это предложение Св. Синода и принято в уважение Государственным Советом и вследствие сего принята редакция 1017 статьи.

II. *Вторую категорию* дел, по которым духовные лица подсудны духовному суду, по „Консисторскому Уставу” составляют дела по взаимным спорам, могущим возникать из пользования движимою и недвижимою церковною собственностью.

Говорят, что дела, принадлежащие к этой категории, ныне подлежащие духовному суду, могли бы подлежать разрешению административным путем чрез духовное начальство, или же светским гражданским судом.

Ни с тем, ни с другим предположением нельзя согласиться.

I. С первым предположением нельзя согласиться по следующим соображениям:

1) Допустить возможность разрешать споры, возникающие из пользования церковною собственностью не духовным судом как ныне, а административным порядком, чрез духовное начальство, значило бы войти в противоречие с одним из основных начал „Уст. Гражд. судопр.”, так как по 1-й ст. сего устава: *всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных*, а не правительственных *установлений*, а по 3 ст. правительственным местам и лицам не предоставляется права разрешать даже такие спорные обстоятельства, подлежащие судебному рассмотрению, которые возникли при рассмотрении ими какого-либо дела.

2) Нет никакого закона, которым бы начальству какого бы то ни было ведомства было прямо предоставлено право разрешать дела по спорам гражданского характера между лицами, ему подчиненными, хотя бы споры сии возникли и из пользования собственностью, принадлежащею ведомству, если только пользование сие ограждено законом и основано на постановлении, имеющем силу закона, а не административного распоряжения. Споры, возникающие из этого источника, разрешаются судом, а не административно.

3) Обращаясь к характеру и существу административного и судебного разбирательства споров, возникающих из пользования церковною собственностью и церковными доходами, и здесь нельзя не видеть подтверждения того, что рассмотрение и разрешение дел, возникающих из сих споров, должно быть не административное, а судебное. Существо, принцип и отличительные свойства административного разбирательства эссенциально отличны от существа, принципа и свойств судебного разбирательства, усвоенного нашим новым процессом. Первое из них, правда, имеет за собою одно преимущество в сравнении с разбирательством судебным – быстроту. Но за то не представляет тех важных и существенных обеспечений, какие представляет судебный процесс: оно не гарантировано гласностью, оно может не допустить до себя личной явки и словесных объяснений ответчика или его поверенного, может не признать необходимым словесное состязание сторон, может письменно начаться и письменно кончиться. Усмотрению административного места или лица здесь полный простор; никаких ограничительных условий на них не наложено: все обеспечения, какие они могут дать, заключаются в них самих. Они могут произвести разбирательство и разрешение спора с соблюдением всех форм, предписываемых судье уставом (исключая конечно гласности) и действовать таким образом, как судьи. Но никакой закон их к тому не обязывает. Это их добрый и благоволительный произвол. Могут предоставленное им дело судебного характера разрешить, как административную бумагу, поставив на место всех судебных форм свое усмотрение. Это их право, и никто не может требовать от них чего-либо другого. Чтобы всегда действовали административные лица или места также, как действуют судьи и суды, этого никто не имеет права от них требовать. И если бы действовали они всегда, как и судьи, то сим самым уже выступали бы из своей оффиции в качестве административных деятелей: они были бы уже судьями.

4) При таких отличительных свойствах административного действования в судебной сфере самое обжалование не представляет ни существенного обеспечения для жалобщика, ни удобств для 2-й инстанции. Обжаловать решение 1-й административной инстанции во 2-й значит искать нового усмотрения на усмотрение. И во 2-й инстанции все будет зависеть от доброго, или не доброго произвола. Для самой 2-й инстанции представятся не малые затруднения. Если 1-я административная инстанция разрешила дело с соблюдением судебных гарантий – с расспросом спорящих и их свидетелей, что должна делать 2-я инстанция? Получив жалобу, она может потребовать объяснение от лица или учреждения, разрешавшего дело в 1-й инстанции, и на основании сих двух документов решить дело, не требуя объяснений от противной стороны; может потребовать к себе все дело, так чтобы видеть и объяснение сторон и решение; может нарядить от себя на место доверенное лицо для исследования и разбора дела на месте; может

не собирать никаких сведений и справок и перевершить дело единственно на основании одной жалобы лица, недовольного решением 1-й инстанции. Область возможностей, остающихся в распоряжении 2-й инстанции, довольно разнообразна, но выбор сопряжен со значительными затруднениями. Как поступить так, чтобы дело по обжалованию решения 1-й инстанции дошедшее, решить безошибочно, не имея под руками тех средств, какие имела 1-я инстанция?

5) Практические соображения, на основании которых иногда является необходимость отступить от принципа, в настоящем случае решительно не требуют этой уступки, не требуют, чтобы дела по спорам, возникающим из пользования церковною собственностью и церковными доходами, были разрешаемы административным, а не судебным порядком. Практические соображения могли бы вызывать подобную уступку, если бы, напр., не было суда в Церкви, или если бы церковные суды были далеки. Ничего подобного нет. Суды церковные, при новом преобразовании могут быть более близки, чем ныне, и 1-я инстанция церковного суда может быть близка также, как и нынешние благочинные. Посему представлялось бы даже странным, что при близком суде дела судебного характера идут на разрешение не к суду, а к администрации. Суд есть и притом суд близкий, а судебные дела идут на усмотрение администрации.

6) То мнение, чтобы административному усмотрению подлежали только неважные дела сего рода – не имеет ни достаточной убедительности; ни серьезного основания. Собственно говоря, неважных дел нет. Неважными делами могут почитаться разве дела, не доходящие до суда и не вопиющие о постороннем разрешении. Всякое же дело, требующее такого разрешения, уже должно быть признано имеющим важность. Понятие о важности, или неважности, есть понятие весьма относительное. Есть люди, для которых и 100.000-ый иск не имеет большой важности, так как составляет $_{100}$ их состояния. Для других важно и дело о 3 рублях. Причетник, получающий в год 20 руб. (а таковых не мало), естественно имеет нужду и право дорожить и такою суммою, ибо она составляет его состояния. Вообще в этом мнении заключается непоследовательность. Если дела сего рода суть дела судебного характера, то и значительные, и незначительные должны быть разрешаемы судебным, а не административным порядком. По признаку значительности или незначительности, дела судебного характера могут распределяться только между различными инстанциями суда, но не между судом и администрациею.

7) Невозможность разрешать дела сего рода административным порядком очевидна и из того, что постановление о разделении церковной собственности в пользование членов причта и правила самого пользования имеют силу и характер не административных распоряжений начальства, а характер законодательных постановлений. Это суть или: 1) постановления, исходящие непосредственно от Верховной власти, либо содержащиеся в Высочайше утвержденных штатах, или же 2) постановления Святейшего Синода, имеющие также характер, авторитет и свойства законодательных постановлений или же 3) нормы, основанные на древнейших обычаях. Епархиальный архиерей не может административно, своею властью, изменить не только постановление Верховной государственной власти и Высочайше утвержденный штат, или постановление Святейшего Синода, но и последнего рода постановлений не может заменить своим распоряжением или резолюциею. В том случае, если бы нормы, основанные на обычаях, почему-либо оказывались неудобными, епархиальный архиерей обращается в Святейший Синод и испрашивает от него законодательное постановление. Всякий спор о праве, основанном на законе, должен подлежать рассмотрению и разрешению суда.

8) Дела сего рода и с духовной стороны и Соединенными Департаментами Государственного Совета, рассматривавшими „Судебные Уставы” 1864 г., признаны подлежащими суду, а не административному разрешению (см. „Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. мотивы к ст. 1288 „Уст. Гражд. судопр.”).

По всем сим основаниям нельзя прийти к убеждению, чтобы дела сего рода были разрешаемы духовным начальством административным порядком: сии дела требуют не административного, а судебного разбирательства.

II. Вместе с сим нельзя не признать правильным и другое положение, именно то, что разбирательство и разрешение этих дел должно принадлежать *не общему гражданскому суду*, *а духовному суду.* К такому заключению приводят следующие соображения:

1) О подсудности сих дел духовному, а не светскому суду, уже был вопрос при обсуждении проекта „Суд. Уст.” 1864 г. И с духовной стороны и Государственным Советом согласно признано, что сии дела подсудны духовному, а не гражданскому суду. С духовной стороны сделано было

предложение, в дополнение к ст. 1288 „Уст. Гражд. судопр.”, постановить, что все иски, как по взаимным спорам между лицами духовного звания, так и между различными духовными учреждениями, возникающие из пользования движимым и недвижимым имуществом, составляющим собственность духовных учреждений, *подсудны духовному суду.* Соединенные Департаменты Государственного Совета не возражали против мысли о подсудности сих дел духовному суду, но не нашли возможным осуществить это предложение в „Уст. Гражд. судопр.” только потому, что определение подсудности дел духовным судам не входило в круг „Уст. Гражд. судопр.”, присовокупив при сем, что если светские места иногда принимали означенные иски к своему рассмотрению, то с одной стороны духовное начальство в праве само сделать распоряжение по своему ведомству, чтобы подведомственные ему учреждения и лица не дозволяли себе обращаться с подобными исками в светские суды, а с другой, если бы подобные иски и были предъявляемы, то руководствуясь правилами о разрешении пререканий о подсудности дел, духовное ведомство всегда будет иметь возможность ходатайствовать о прекращении сих исков („Уст. Гражд. судопр.” мотив к ст. 1288).

2) То мнение, что дела сего рода не могут быть производимы порядком духовного суда на том основании, что в дух. ведомстве нет кодекса законов подобного X т. „Свода Законов”, на основании которого решаются дела гражданским судом, – не имеет силы. Законы и постановления, определяющие права пользования духовными лицами церковною собственностью, конечно необходимы при разрешении споров гражданского характера. И таковые законы, и постановления имеются. Законы, определяющие пространство, пределы и даже способы пользования каждого священно и церковнослужителя церковною собственностью, находятся в Высочайше утвержденных штатах, в разное время изданных, которыми определяется, напр., какая часть церковной земли в чьем пользовании должна быть, какой размер жалованья какому члену причта полагается. Эти Высочайше утвержденные штаты помещены в „Полном Собрании Законов Российской империи”, следовательно, несомнительно имеют характер законов. В „Свод” же Законов эти штаты и содержащиеся в них положения не вошли единственно потому, что они, как и многие другие законы, почитаются принадлежностью „Свода Церковных Законов” и по сей единственно причине не приняты в „Свод Законов” светских, как исключительно касающиеся лиц церковного ведомства, но не как недействующие, подобно тому, как и военные постановления, содержащиеся в „Полном Собрании Законов”, не могут быть почитаемы недействующими на том только основании, что они не помещены в „Своде Законов”. Кроме сих Высочайше утвержденных штатов правила о пользовании церковною собственностью и церковными доходами содержатся в постановлениях Святейшего Синода, определяющих подробности раздела церковной земли и церковных доходов, разные условия пользования движимою и недвижимою церковною собственностью. Постановления сии составляют действующее и ни для кого непререкаемое право Церкви, признаваемое и государственною властью. В „Уставе Духовных Консисторий”, Высочайше утвержденном 27 марта 1841 года, прямо и ясно сказано, что основания епархиального управления и суда составляют, между прочим, и *определения Святейшего Правительствующего Синода* („Уст. Конс.” ст. 6). В сих постановлениях и в действующих по сему предмету обычаях содержатся и определения различных подробностей пользования церковною собственностью.

3) Но указанные законы и постановления находятся в таком положении, которое само по себе должно быть одним из существенных оснований к оставлению сих дел и на будущее время в ведомстве духовного суда, а не светского. Доселе не собраны не только по всей Российской церкви, существующие по этому предмету обычаи, но и самые законодательные постановления Святейшего Синода, к сему предмету относящиеся, не собраны и не приведены в один состав, даже постановления, содержащиеся в Высочайше утвержденных штатах и помещенные в „Полном Собрании Законов”, не извлечены оттуда и не сведены в одно. Постановления Святейшего Синода и обнародованы единственно по духовному ведомству, так как подлежали исполнению исключительно со стороны духовного ведомства. Первым требованием общих гражданских судов, если бы они получили в свое ведение дела сего рода, конечно, будет требование тех законов, на которых основывается пользование и распределение церковных доходов и земли между членами клира. Конечно, ничего нельзя сказать против сего, и даже желательно, чтобы действующие по духовному ведомству постановления были собраны и обнародованы, и чтобы это последовало скорее. Но тут есть весьма важное затруднение, состоящее в том, что в некоторых епархиях пользование церковными доходами доселе

оставляется Святейшим Синодом на прежнем обычном праве, и он не считает полезным распространять на сии епархии общее нормальное положение, прежде чем доказано будет неудобство его с места – со стороны местного управления и местного клира. Нормальным порядком разделения между членами причта Святейшим Синодом признается порядок разделения, издревле существующий в Московской епархии, по которому в четырехчленном причте священник получает 50%, диакон 25%, каждый из двух причетников 12½%. Но в некоторых епархиях в недавнее время была принимаема, а в иных и до ныне принимается за правило разделения церковной земли и доходов иная норма, а именно, чтобы священник получал 37½%, диакон 25%, каждый из двух причетников по 18¾%. В Высочайше утвержденных штатах для распределения жалованья, отпускаемого на содержание духовенства из казны, приняты также другие нормы, и не повсюду однообразные. Последних Святейший Синод очевидно не касается. Но и существующих в епархиях обычаев разделения церковных доходов Святейший Синод не касается без местных заявлений о сем. Таким образом гражданский суд, получив к своему разбирательству дела сего рода по одному предмету разделения церковных доходов и церковного имущества, находящегося в пользовании духовных лиц, должен бы был обращаться к троякому роду источников прав действующих в сем отношении – к штатам и положениям Высочайше утвержденным, помещенным в разных томах „Полного Собрания Законов” к постановлениям Святейшего Синода, обнародованным лишь по духовному ведомству и также несобранным во едино, и наконец к разнообразным обычаям, в разных местах действующим. Очевидно, что всем сим суд был бы весьма затруднен, и едва ли имел бы возможность успешно выполнять свою задачу. Но эти затруднения относились бы только к одному предмету пользования церковною собственностью – к разделению частей между членами причта тех именно доходов, которые делятся на каждого члена причта. Обычаем и долговременною практикою усвоены некоторые доходы в отдельности разным лицам причта; есть особые доходы у священника (напр. за исповедь), свои – у диакона (напр. за написание брачного обыска) и исключительно у причетников (напр. за чтение псалтири над умершими). Сроки раздела церковных доходов также в разных местах разные – в иных местах доходы разделяются через месяц, в иных через неделю, в других каждый день, а инде через треть года. Засеянные поля, при переходе члена причта на другое место и в случае поступления нового члена на место выбывшего, разделяются между ними также по особым правилам с местными видоизменениями. Вообще служители Церкви, более чем лица всякого другого сословия, суть лица, соприкосновенные с бытовою сферою и проникающиеся и духом и воззрениями бытовой, народной сферы. И здесь имущественные отношения духовенства, способы его содержания, наиболее чем все другое подчинены действию условий бытовой сферы и управляющего оною обычая. Способы содержания Православного духовенства выработаны бытовыми условиями и народною жизнью, и доселе, даже и в тех епархиях, где уже положено жалованье от казны, прежние, бытом созданные, обычаи содержания духовенства остаются в силе. А в тех епархиях, где казенного жалованья нет – вся эта сторона в жизни духовенства единственно держится на обычае, бытовыми условиями выработанном. Какими произведениями (зерном, хлебом печеным, льном, маслом, яйцами, дровами и т. д.) вспомоществовать служителям Церкви, в какое время доставлять им все это, в каком месте, т. е. в доме ли каждого прихожанина, или в доме самих служителей Церкви, как подавать все это – всем ли служителям Церкви вместе, или каждому отдельно, как помогать им в обработке их церковной земли – все это и многое другое, сюда относящееся, определяется обычаем, зарождающимся в бытовых условиях и разнообразится в разных местностях едва не до бесконечности. Законодательство, если бы и захотело регламентировать все это бесконечное разнообразие, было бы бессильно. Оно должно признать здесь действие обычая и долговременной практики. Очевидно, что из всего этого может возникнуть спор гражданского характера, и гражданский суд, не имеющий правил на этот предмет, незнакомый с обычаями и практикою среды, будет в большом затруднении при разрешении спора. Духовный судья, сам выходящий из той же среды, и обычаи и практику места основательно знающий, не встретит этих затруднений. Правила, содержащиеся в Высочайше утвержденных штатах, конечно можно собрать и издать, постановления Святейшего Синода также можно собрать и издать; но практику и обычаи, на которых держится наибольшая часть права, относящегося к этому предмету, ни собрать, ни издать невозможно. Заинтересованным в деле лицам – священникам она хорошо известна. Светский судья здесь будет как в потемках.

4) Сверх вышеизложенных соображений должно обратить внимание и на то иногда высказываемое по этому поводу мнение, что в ведомствах, имеющих особые подсудности, учреждаются таковые подсудности только для дел уголовного характера, а не для гражданских, так как гражданское право для всех одно. Означенное заявление не представляется имеющим силу решительной убедительности. Прежде всего оно представляется не точно выдерживающим параллель. Имеют особые специальные суды – военное и морское ведомства. Церковь, хотя с 30-х годов и начали называть ее духовным ведомством, ни в каком случае не параллельна тем двум ведомствам, имеющим особые суды. Церковь параллельна государству, а не министерству. В западной литературе есть множество сочинений, носящих заглавие: *Церковь и Государство,* и рассматривающих сии две стихии общественной и народной жизни с разных сторон и с различных точек зрения, но нет ни одного сочинения, в котором бы проводилась параллель между Церковью и каким-нибудь министерством; соизмеримы между собою только Церковь и государство. На этом основании и во всех сочинениях о церковном праве, равно как и в сочинениях по государственному праву, всегда есть особая глава о Церкви и государстве. Наука признает параллель, связь и взаимные отношения между этими двумя стихиями, но никогда не сравнивает министерство с Церковью, или Церковь с министерством. Старое, но тем не менее верное сравнение государства с телом, а Церкви с душею – вполне удерживается наукою доселе. Поэтому если в судах военном и морском, и нет особой главы о производстве гражданских дел, из этого никак нельзя выводить того заключения, что, применительно к сему, не должно быть сего и в духовном суде. Воинские управления никогда не имели и не имеют ни особого имущества, ни отдельных законов о распределении содержания воинским чинам. Церковь всегда имела особое, отдельное от государственного, имущество и в распределении сего имущества между служителями Церкви действовала всегда самостоятельно и ни от кого независимо. В составе правил Церкви целый отдел относится к церковному имуществу, определяет различные стороны и условия пользования имуществом Церкви, разделения между служащими Церкви, сохранения и других предметов. Эти правила начинаются с апостольских и затем продолжаются и на соборах, и у отцев (Ап. 4, 38, 40, 41, 73; Анкир. 15; Антиох. 24, 25; Карф. 42; IV Всел. 25, 26; VII Всел. 11, 12; Кирил. Алекс. 2; Феоф. Алекс. 10, 11). Государственная власть всегда предоставляла самой Церкви издавать правила о разделении ее имущества между служителями Церкви и о различных условиях пользования церковным имуществом. И это весьма ясно и прямо выражено и в действующем ныне законодательстве. В 319 ст. IX т. „Св. Зак.” читаем: Церквам на содержание их определяются известные сборы и доходы, которыми они *распоряжаются на основании особых правил, в церковных постановлениях содержащихся.* При сем делается указание на статьи „Устава Духовных Консисторий” 138–149. А в одной из указываемых статей, именно в 140-й, говорится следующее: «в отношении к содержанию церковного причта епархиальное начальство наблюдает, чтобы священно и церковнослужители имели все способы содержания, какие для них определены законами и *пользовались оными так, как установлено*.» И вот в чем заключается основание, по которому Церковь всегда имела особый свой суд по делам, возникающим между священно и церковнослужителями и духовными установлениями, из споров о церковном имуществе, а военное министерство никогда не имело и не будет иметь особого суда по имущественным спорам военных лиц. Согласно с сим, как распределение пользования церковною собственностью и определение условий сего пользования, по всем основаниям, есть дело внутреннее, церковное, так равным образом и споры, возникающие на этой почве, должны быть разрешаемы внутренним церковным судом по коренному правилу: чьи законы, того и юрисдикция.

На основании сих соображений представляется правильным, чтобы дела, возникающие по взаимным спорам между духовными лицами из пользования церковною собственностью, были разрешаемы не административным порядком, а духовным судом.

Далее споры и иски могут возникать не только между отдельными лицами духовного ведомства, но и между учреждениями сего ведомства, напр. между двумя или несколькими церквами о принадлежности земли. По непомещению в „Своде Законов” положительного постановления, определяющего подсудность, порядок вчинения и производства сих дел, на практике возбуждаемы были сомнения и по спорам, возникавшим между двумя, или несколькими духовными учреждениями о принадлежности им недвижимого имущества. Светские судебные места принимали дела сего рода к своему производству, постановляли решения, в

следственном порядке, доходившие до Прав. Сената. Но очевидно, что и в отношении к сим делам имеют место все те же соображения, какие и в отношении к спорам между частными духовными лицами.

На основании всех сих соображений представляется правильным то положение, чтобы все споры между дух. лицами и учреждениями, возникающие из пользования движимым и недвижимым церковным имуществом и церковными доходами, подлежали духовному суду.

III. *Третью категорию* дел, по которым духовные лица подсудны особому духовному суду, по „Уставу Консисторий" составляют дела по жалобам духовных и светских лиц на духовные лица в обидах и нарушении бесспорных обязательств, и по просьбам о побуждении к уплате бесспорных долгов.

Что касается дел об обидах; то против подсудности сих дел дух. суду слышатся разные возражения, проникающие даже в литературу („Голос" 1871 г.). Говорят, вообще, что и духовные лица, как граждане государства, по сим делам должны подлежать общему суду, и в подтверждение этой мысли приводят разные соображения.

1) Говорят, будто подсудность духовному суду дел об обидах, причиненных духовными лицами светским, не имеет твердого канонического основания. Но это мнение совершенно неверно. Существующий ныне порядок не только имеет твердое каноническое основание, но и прямо утверждается на Священном Писании. Клирик, учинивший обиду мирянину или клирику, учинил не только проступок нравственно-недозволенный и юридически-наказуемый, но вместе с сим оскорбил достоинство носимого им сана и нарушил специальную обязанность своего звания, ясно и точно служителям Церкви предписанную Апостолом Павлом: *подобает епископу* (и прочим священнослужителям) *быти честну, не бийце, не сварливу, но кротку* (1Тимоф. 3:2, 3), *не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, незлобиву* (2Тим. 2:24) и всегда соблюдавшуюся в Церкви, которая о приемлемых в клир со всею строгостью исследовала все поведение их: *не злоречивы ли они, не склонны ли к ссорам* (Вас. Велик. 89). Преступивший эту апостольскую заповедь должен понести возмездие, правилами определенное. Возмездие, последствия нарушения этой апостольской заповеди определяются точно и ясно в 27 апостольском правиле и в 9 правиле двукратного собора. В первом из указанных правил говорится: *повелеваем епископа, или пресвитера, или диакона, биющего верных согрешающих, или неверных обидевших, извергати из священного чина.* Правило двукратного собора дает толкование этого апостольского правила, изъясняя, что сие разумеется не только о биющих своеручно, но и о тех, которые ухищряются бить чрез другого. *Апостольское и Божественное правило подвергает извержению священников, дерзающих бити верных согрешивших, или неверных, нанесших обиду. Ухищряющиеся же угодити своему гневу и превращающие апостольские установления разумеют сие токмо о биющих своеручно, хотя оное правило ничего такого не назначает и правый смысл тако разумети не попускает .... Итак, поскольку оным правилом определяется наказание за биение вообще: то и мы согласно определяем...* (Двукр. соб. 9). Итак, не может подлежать сомнению, что и Слово Божие и правила апостольские и соборные содержат в себе специальное, назначенное для клириков запрещение обид мирянам и даже неверным, что в них определяются и последствия нарушения сего запрещения, которые состоят в извержении от священного чина. Согласно с сим и суд над духовными лицами по преступлениям сего рода всегда был церковный, так как наказание, состоящее в извержении от священного чина, может быть присуждено только церковным судом. И это ясно и прямо определено в 20 правиле Антиохийского собора, предписывающем и клирикам и всем почитающим себя обиженными обращаться к церковному суду (Антиох. 20). Посему мнение, будто подсудность духовному суду дел об обидах, причиненных духовными лицами светским не имеет канонических оснований, совершенно не верно: таковые основания имеются и притом самые твердые.

2) Далее говорят, будто передача дел об обидах, причиняемых духовными лицами светским лицам, является последовательным проведением принятого уже нашим законодательством начала – ограничения юрисдикции духовных судов исключительно церковной сферой. И это мнение не может быть признано верным. Ни откуда не видно, чтобы нашим законодательством была принята эта мера, а напротив, из разных и немалочисленных указаний нашего законодательства видно, что юрисдикция духовных судов остается на прежних основаниях и в прежнем пространстве. В примеч. ко 2 ст. „Учр. Суд." ясно говорится, что *судебная власть духовных судов определяется особыми о них постановлениями.* И это примечание введено именно с тою целью, дабы не оставалось сомнения в том, что преобразование общих судов

(1864 г.) не касается этих специальных судов, действующих по особым о них постановлениям. Когда с духовной стороны выражено было сомнение, что правило, по коему все гражданские и уголовные дела подлежат вновь преобразуемым судебным установлениям может возбудить недоумение, не подлежат ли сим же установлениям и те гражданские и уголовные дела, кои ныне ведаются исключительно одними судами духовными, – то с государственно-законодательной стороны было изъяснено, что это недоумение совершенно устраняется примеч. к 2 ст. „Учр Суд. Уст.” и что вследствие сего *не может быть никакого сомнения в том, что существующие узаконения о власти духовных судов оставляются неприкосновенными* („Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. III, 18). Вот что категорично и ясно выражено в нашем законодательстве, т. е. мысль совершенно противоположная вышеуказанному мнению: светское законодательство оставляет неприкосновенными существующие узаконения о власти духовных судов, а вовсе не стремится ограничить их юрисдикцию исключительно церковной сферой.

3) Указывают, что изъятие сих дел из духовных судов и подчинение их светским послужит лучшим средством для установления столь желательного ясного и точного разграничения той и другой подсудности. И это мнение не может быть признано имеющим какую-либо силу. Передача дел сего рода из духовных судов в светские не только не послужит лучшим средством для установления столь желательного ясного и точного разграничения, но даже нисколько и не приблизит к этой цели. Передача дел из одного суда в другой никаким образом не может быть средством к разграничению подсудности между двумя судами. Она может повести разве к сокращению пределов одного суда и расширению пределов другого. Разграничение же достигается не этим, а другими способами, из которых самый надежный состоит в точном указании признаков известного рода дел, привлекающих известное лицо к тому, или другому суду. Если в настоящем случае будет, например, ясно сказано, что обида, причиненная духовным лицом светскому, привлекает духовное лицо к духовному суду, пока сия обида не совершена чрез преступление, подвергающее виновного, по общим законам, наказанию, соединенному с лишением или ограничением прав состояния, то черта разделяющая ту и другую подсудность будет весьма ясна. А если при сем будет еще сделано и точное указание, что случаи сии суть именно те, какие указаны в 130–142 „Уст. о нак.” налаг. мир. суд., то за сим не останется места ни малейшему о пределах двух судов сомнению.

4) Указывают, будто сохранение дел об обидах этого рода в ведении духовных судов является едва ли не случайным исключением и будто при составлении „Суд. Уст.” 1864 г. эти дела были оставлены в ведении духовного суда главным образом в уважение того обстоятельства, что по каноническим правилам дела сего рода не всегда могут прекращаться примирением. И это указание совершенно неверно. При составлении „Суд. Уст.” 1864 г. не было выражено ни малейшего сомнения о подсудности сих дел духовному суду и не заявлено никакого притязания привлечь сии дела из духовных судов к светским. По законам, действовавшим до 1864 г. („Уст. Конс.” 212, „Св. Зак.” изд. 1857 г. т. X, 2, 8), дела об обидах, причиненных духовными лицами, не могут обращаться в иск гражданский, они подлежат ведомству духовных правительств, если с обидою не соединено преступление уголовное; в противном случае дело передается в уголовный суд. При обсуждении „Суд. Уст.” 1864 г. Обер-Прокурор Святейшего Синода, с одобрения Святейшего Синода, предлагал в Уст. Угол. судопр. поместить правило о том, что «дела о личных обидах и оскорблениях, причиненных кому-либо духовными лицами, подсудны не мировому судье, а епархиальному суду; если же с обидою соединено уголовное преступление, подлежащее светскому суду, то дело о сем из духовного суда передается по принадлежности». Это предложение осталось неосуществленным, но не потому, чтобы составители уставов и законодательная власть не признавали сих дел подсудными духовному суду, а исключительно потому, что за общим правилом, содержащимся в примеч. к ст. 2 „Учр. Суд. Уст.” почитали новое об этом упоминание излишним. Сами же составители „Судебных Уставов” почитали дела сего рода без малейшего сомнения подлежащими духовному суду. Это прямо и ясно высказано в объяснительной записке к проекту „Устава Уголовного судопроизводства”. Здесь (стр. 19, 20) говорится: «хотя по личным обидам или оскорблениям иск вообще может быть или уголовный о наказании виновного, или же гражданский о взыскании бесчестия, но дела о личных обидах, или оскорблениях, причиненных духовными лицами, не могут обращаться в иск гражданский, а *подсудны духовному начальству. Дела об обидах, причиненных лицами духовного звания, подлежат по закону лишь ведомству епархиального суда».* („Объяснит. зап. Соед. Департ. к проекту Уст. Гражд. суд.” стр. 124, Сравн. „Суд. Уст.” изд.

Госуд. Канц. 1, 659). Кассационные Департаменты Сената держатся той же самой мысли. В решении Уголовного Кассационного Департамента Сената (1867 № 181) ясно выражено, что *лица, духовного ведомства, виновные в оскорблениях чести подвергаются наказанию по определению епархиального начальства, согласно правилам в „ Уставе Консисторий”* (210–213) *определенным.* За представленными документальными свидетельствами ясно открывается, что вышеприведенное мнение совершенно неверно.

5) То мнение, приводимое для доказательства мысли о передаче дел об обидах из духовных судов в светские, что понятие обиды не одинаково в глазах лиц духовного и светского звания и что вследствие такого различия неизбежно обнаружится различие в точке зрения истца и судей и вызовет предубеждение со стороны судей и недоверие со стороны истца – не имеет ни внутренней силы само в себе, ни силы в подтверждение того положения, в пользу которого приводится. Что понятие обиды не различествует в глазах духовного лица и светского – это едва ли может подлежать сомнению. Духовные лица живут в том же обществе, в котором и светские и ничем не отделены от светских лиц так, чтобы понятие об обиде, существующее в светском обществе, было совсем чуждо духовным лицам. Понятия об обиде действительно довольно различны у образованных классов и у простого народа. Но духовным лицам, по самому служению своему соприкасающимся и с образованным обществом и с народом, не чужды понятия об обиде ни того, ни другого класса. И это не должно подлежать ни малейшему сомнению. Впрочем, даже если бы приведенное мнение и было справедливо, то заключение отсюда выходило бы не в пользу защищаемой мысли. Если понятия об обиде не одинаковы у духовных лиц и светских и если, вследствие сего, могут быть недоразумения между судьями и истцами, то с передачею сих дел из духовных судов в светские менее выгодно, и менее удобно было бы такое положение для духовных лиц.

6) Мнение, будто светские судьи компетентнее духовных для обсуждения сих дел принадлежит к числу таких голословных утверждений, которые конечно ни коим образом не могут быть поставлены в числе серьезных возражений. Если понятие личного оскорбления сложилось в общественной жизни, то в той же жизни живут постоянно и духовные лица и обязанностями своего служения призываются к многостороннему ее изучению. Нашему духовенству не запрещено вести семейную жизнь, и это обстоятельство еще более связывает его с обществом и народом и для суждения об обидах делает его не менее компетентным, чем сколько компетентны и другие члены общества. Если утверждается, что в видах гарантии справедливого и беспристрастного суда следует предоставить обиженной стороне право обращаться с жалобою на духовное лицо в светский суд, то разве священный сан, звание пастыря и духовного отца пасомых и общее избрание не представляют достаточной гарантии за те нравственные качества, какие требуются от судьи, и за суд честный и справедливый?

7) Говорят, что законы, которыми руководствуются духовные судьи не представляют ни той классификации понятия обиды, ни вообще той разработки ее состава, какие имеются в светском законодательстве. Это правда; но поставить сие обстоятельство в числе причин к передаче дел сего рода из духовных судов в светские, также нет основания. Из неразработанности законодательства по какому-либо предмету следует только то заключение, что должно эту неразработанную часть разработать. И она, конечно, будет разработана. Впрочем, если бы и не была разработана, то разработанное и классифицированное в светском законодательстве понятие обиды может послужить руководством и основанием и для решений духовных судей. Уставы гражданские могут служить основанием духовного суда („Уст. Конс.” 6 лит. г.). В 206 ст. „Устава Консисторий” прямо говорится: в случаях, которые не означены в сем „Уставе” и которые упоминаются в „Своде Законов Российской империи” – руководствоваться „Сводом”.

8) Практические удобства, обещаемые с передачею дел сего рода из духовных судов в светские – решительно не имеют того вида, в каком представляются. Все жалуются теперь на множество дел в светских судах и в общих и в мировых. С передачею к ним дел и этого рода, светские суды будут обременены еще более. Таким образом облегчение духовных судов будет приобретено обременением судов светских, т. е. в общем облегчения не последует: ибо одни будут облегчены, а другие обременены. И если прилично заботиться об одной стороне, то справедливо позаботиться и о другой, т. е., чтобы светские и ныне уже обремененные суды, не были обременены еще более.

Устранив таким образом доводы, приводимые в пользу передачи дел сего рода из духовных судов в светские, мы находим необходимым представить и другие соображения в пользу

оставления сих дел на прежнем основании в духовном суде, заимствованные из существа и особенностей сих дел и из рассмотрения тех последствий, к каким должно было бы прийти, если бы была принята мысль о передаче сих дел из духовных судов в светские. Сущность сих соображений состоит в следующем:

1) Дела о проступках против чести и прав частных лиц („Улож. о нак.” 1534) и по „Уст. о нак. налаг. мир. суд.” (18) подлежат наказанию не иначе, как по жалобе потерпевших обиду, вред или убыток, или же их супругов, родителей, или опекунов и вообще тех, которые должны иметь попечение о них. Следовательно, если не будет жалобы, то, хотя бы обида была нанесена, виновный останется без наказания. Так будет и в отношении к духовным лицам в случае передачи дел об обидах ими причиняемых в светские суды. Но не должно так быть по духу церковного служения и по смыслу церковных правил. Духовные лица за причиненные ими обиды преследуются не только по жалобам потерпевших лиц, но и официальными путями, вследствие возбуждения дела благочинническим надзором, или даже вследствие доноса частных, посторонних лиц (Сравн. „Уст. Конс.” 163, Инстр. Благоч. и Апост. прав. 27). Или же дело должно будет идти двумя путями и к двум судам: в случае жалобы – к светскому суду; при отсутствии жалобы, но при раскрытии проступка иными путями – дела должны идти к духовному суду, в котором может быть вчиняемо дело и без жалобы. Устранить это неудобство можно только при оставлении в силе нынешнего правила о подсудности сих дел духовному суду, который имеет возможность производить эти дела в обоих случаях, т. е. и при жалобе, и без жалобы. Выйти из этого затруднения совершенною отменою правила о преследовании дел сего рода в духовных лицах и без жалобы и установлением правила, чтобы и обиды, причиненные духовными лицами, были преследуемы только порядком, существующим для преследования обид в светских лицах, т. е. не иначе как по жалобе – невозможно. Ибо это значило бы лишить Церковь одного из важнейших средств преследовать в своих служителях нравственные проступки, делающие их недостойными быть в числе служителей Церкви.

2) Проступки сего рода по 20 ст. „Уст. о нак. налаг. мир. суд.”, не влекут за собой наказания: а) в случае примирения обиженного с виновным в проступке лицом. Так конечно будут производиться и дела клириков, если бы были переданы в светские суды, и в случае примирения, виновные клирики будут оставляемы без наказания. Но сего не должно быть по церковным правилам. Духовное лицо, учинившее проступок сего рода по церковным правилам („Уст. Конс.” 212), не может остаться ненаказанным и в случае примирения с обиженным. Чтобы исполнить сие правило, и по передаче дел сего рода в светские суды, нужно ввести исключение из общего действующего закона в том смысле, чтобы виновные в проступках сего рода клирики, в случае примирения с обиженными, освобождаясь от наказания, налагаемого светским судом, были предаваемы суду духовному. Таким образом одно и тоже дело будет судиться в двух судах. При оставлении в силе ныне существующего порядка – нет этого неудобства, б) По 138 ст. „Уст. о наказ. налаг. мир. суд.” за проступки сего рода виновные не подвергаются наказаниям еще в двух случаях, именно: аа) когда сам обиженный нанес обидчику равную, или более тяжкую обиду и бб) если обиженный будет требовать определенного в законах гражданских бесчестия. Так, конечно, будет и с клириками в случае передачи дел сего рода в светские суды. Между тем, по церковным правилам перешедшим и в гражданские законы [11], ни тот, ни другой случай не освобождает клирика от наказания. Дела сего рода не могут обращаться в иск гражданский („Уст. Конс.” 212) и не остаются ненаказанными и в случае взаимного оскорбления причиненного обиженным (Апост. 27, Двукр. 9). Опять для сообщения сим делам течения, сообразного с правилами, светский суд в обоих указанных случаях должен будет передавать сии дела духовному суду, и одно и тоже дело будет производиться в двух судах. Устранение сего неудобства тем способом, чтобы, по передаче дел сего рода из светского суда в духовное ведомство, уже не было суда, а принята была бы соответствующая делу мера дисциплинарною властью епархиального архиерея – представляется решительно невозможным. Ибо по „Уставу Консисторий” (197) за проступки сего рода, духовные лица могут подвергнуться отрешению от должности, исключению из духовного звания, а по 27 Апост. правилу и по 9 правилу Двукр. Собора – даже и извержению. Все это – такие меры, которые превышают дисциплинарную власть архиерея и могут быть налагаемы не иначе, как по суду. Следовательно, двух судов избежать решительно невозможно. Единственный правильный исход из этого затруднения тот, чтобы дела сего рода оставить на прежнем основании подсудными духовному суду. Тою мерою, чтобы не могли оканчиваться примирением только дела, соединенные с оскорблением духовного

сана, а прочие оканчивались – не достигается никакой цели. Дела, не оканчивающиеся примирением все-таки будут, а, следовательно, будет и двойной суд.

3) Наш закон не признал нужным, чтобы судьи мировых и общих судов принадлежали к Православному исповеданию. Он допускает, что судьями могут быть все граждане государства, независимо от их вероисповедания. Таким образом с передачею дел об обидах, причиненных духовными лицами светскому суду окажется что Православные клирики будут подсудны по сим делам не только светским лицам, но в некоторых местах лицам неправославного и даже нехристианского исповедания. Для устранения этого важного неудобства потребовалось бы издание нового закона в том смысле, чтобы судьи – в случаях привлечения к их суду духовного лица Православного исповедания, были и сами Православного же исповедания, что в некоторых местностях, например, в западном крае едва ли возможно. Подчинить же Православных клириков суду светских неправославных судей и даже не христиан значило бы предать их всевозможным недоразумениям, происходящим от различия вероисповеданий и произвести великий соблазн в Православном народе, который конечно будет возмущаться в своей совести, если увидит своего духовного отца не только на суде у светского судьи, но на суде судьи нехристианина (еврея и магометанина) или не Православного христианина. За сим другая причина соблазна, имеющего произойти с передачею дел сего рода из духовных судов в светские будет заключаться в том, что при этом духовному сыну иногда придется быть судьею своего духовного отца. Предлагают устранить это опять новым законом – чтобы духовный сын не принимал к своему разбирательству жалобу на своего духовного отца и указывают, что по делам других родов, например, по делам о нарушении законов чисто государственного происхождения или по проступкам, влекущим лишение или ограничение прав состояния – и духовные лица подлежат и будут подлежать светским судьям иногда и неправославного исповедания и духовный отец – суду духовного сына. Но есть значительная и весьма важная разность между указанными случаями и проступками, предусмотренными в ст. 130 – 142 „Уст. о нак. налаг. мир. суд.”. За нарушение, например, постановлений таможенных, карантинных и других подобных, духовное лицо подвергается суду светского судьи, который предполагается более обязанным знать светские законы и вследствие сего более компетентным разрешить случай, возникший из нарушения сих законов. В этом все убеждены. И соблазна от этого не произойдет. Но когда духовное лицо привлекается к светскому судье по обвинению в проступках чисто нравственного свойства и характера, в проступках против нравственного закона, который обязано по своему званию и должности охранять, к соблюдению которого обязано увещевать своих пасомых, образ соблюдения которого должно представлять в своем лице и во всем своем поведении и за несоблюдение которого само карает на тайном суде в таинстве исповеди – тогда соблазн неизбежен. А производство суда на месте – в ближайшем соприкосновении с духовною паствою судимого духовного лица – еще более усилит соблазн и даст ему большее пространство непосредственно в среде лиц, которых наипаче они должны блюсти от соблазна. Производство дел сего же рода в общих светских судах, когда они влекут за собою наказания, соединенные с лишением, или ограничением прав состояния – не может причинять такого же соблазна; ибо: а) дела сего рода редки; б) дела сего рода производятся вдали от места служения духовного лица. Не должно упускать из виду и того обстоятельства, что в числе духовных лиц, которые должны бы, с передачею сих дел из духовных судов в светские, подлежать светскому суду разумеется и архиерей. Не было ли бы крайним для Православного народа соблазном, если бы за действительную, а может быть и за мнимую обиду архиерей был привлечен к мировому судье в виду подчиненного ему клира и народа? Предотвращение соблазна возможно только одним путем – оставлением дел сего рода на прежних основаниях в духовном суде.

4) Смотря на вопрос с точки зрения 206 ст. „Уст. Угол. судопр.” мы должны будем прийти к тому же заключению о подсудности сих дел духовному суду. По этой статье дело о преступном деянии, за которое в законе определено несколько различных наказаний, подлежит решению того суда, который в праве присудить строжайшее из сих наказаний. Наказания духовным судом налагаемые за проступки сего рода строже, чем наказания, полагаемые в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В „Уставе о наказаниях” высшее наказание за проступки сего рода есть трехмесячный арест („Уст. о наказ.” 130 – 142), в „Уставе Консисторий” за проступки сего рода полагается отрешение от места и исключение из духовного звания, а в правилах Апостольском 27 и Двукр. Собора 9 – извержение из священного чина. Очевидно, что и по сему основанию духовные лица за проступки сего рода должны подлежать духовному суду до тех пор,

пока в сих проступках нельзя усматривать преступления, влекущего за собою лишение или ограничение прав состояния.

5) Приняв мысль, что клирики и монашествующие в делах об обидах, причиненных ими светским лицам подлежат светскому суду, мы придем еще к следующим затруднениям:

а) Какому суду должны подлежать клирики и монашествующие по делам об обидах, причиненных ими лицам своего же звания, – духовному или светскому? Предоставить и эти дела светскому суду можно было бы только с явным нарушением 9-го правила IV Вселенского собора, ясно запрещающего клирикам во взаимных делах судиться не в духовном, а в светском суде, и подвергающего наказаниям тех, которые поступают вопреки сему. Вот точные слова правила: *аще который клирик с клириком же имеет судное дело*: *да не оставляет своего епископа и да не прибегает к светским судилищам… Аще вопреки сему поступит да подлежит наказаниям по правилам.* Предоставить сии дела в случае возникновения их между самими клириками духовному суду, а в случае жалоб светских лиц на духовные светскому, – значило бы действовать в решении одного и того же вопроса на разных основаниях – в одном случае на основании характера преступления, в другом на основании характера лица.

б) На основании взаимности должно будет принять и такую мысль, что если светское лицо может искать удовлетворения за свою обиду духовным лицом в светском суде, то и обратно духовное лицо, обиженное светским, может привлекать обидевшего светского человека к духовному суду; что очевидно было бы вопреки юридической аксиоме: actor forum rei sequitur.

в) Для устранения всех неудобств и затруднений, которые неизбежно произойдут с передачею дел сего рода из духовных судов в светские, нужно, как это признается и противною стороною, испросить от законодательной в государстве власти и от церковной четыре новые закона: 1) закон о том, чтобы светские суды о всех состоявшихся приговорах по делам сего рода доводили до сведения духовного начальства; 2) чтобы судьями духовных лиц в сих делах были только лица Православного исповедания, а не были неправославные и не христиане; 3) чтобы духовный сын не был судьею своего духовного отца, – и 4) чтобы власть архиерея была расширена в такой мере, чтобы он дисциплинарно-административным образом мог отрешать от места и даже подвергать извержению, чего он не может делать ныне. Этот ряд новых законов показывает до очевидности, что затруднения, имеющие произойти с предлагаемою передачею – весьма серьезны и велики. Устранение всех этих затруднений достигается оставлением в силе ныне действующих правил и практики о подсудности дел об обидах, причиняемых клириками и монашествующими людям своего звания и светским лицам духовному суду, разумеется до тех пор, пока с сими обидами не соединено уголовное преступление.

6) Нельзя не обратить внимания и на доказательство в пользу оставления дел сего рода в духовной подсудности, заимствованное из свидетельства истории о том, что нынешняя практика имеет действие непрерывно с самого древнего времени, и что основание ее заключается в признанном римским правом за аксиому правиле: actor forum rei sequitur. Нынешние обстоятельства Церкви и государства не представляют в сравнении с прежними столь разительных особенностей, чтобы требовалось изменение практики, имевшей силу в течение многих столетий. Для клира нынешний порядок подсудности духовному, а не светскому суду, представляет обеспечение того, что клирики имеют судей, вполне знакомых с особенностями служения клира и с обязанностями клириков. Для общества и народа нынешний порядок исключительной подсудности клириков в сих делах духовному суду, представляет только одно затруднение, что этот суд не близок, затруднение, которое может быть устранено другими средствами. Для правительства и для дела правосудия вообще от оставления подсудности этих дел на прежнем основании нет ни малейшего ущерба.

7) В устранение сомнений о гарантиях, представляемых для светских истцов на духовном суде, должно указать на то, что все обеспечения, признанные необходимыми и допущенные на светском суде, могут иметь место и в духовных судах. И духовный суд может быть производим так же, с теми же формами и обеспечениями, как и светский – гласно, устно, с расспросом сторон и свидетелей и с основанием судьею приговора на внутреннем убеждении, а не на формальных доказательствах. Ни одна не только существенная гарантия, но и второстепенная подробность и формальность, составляющая принадлежность светского суда, может быть не упущена и на духовном суде.

8) Наконец самое главное, что не должно быть оставлено без внимания при обсуждении сего предмета, это – мнение о сем предмете Святейшего Синода. Это мнение ясно, положительно и

неоднократно выражено Св. Синодом при составлении „Судебных Уставов” 1864 года, и впоследствии, и состоит в том, что дела сего рода должны быть подсудны духовному, а не светскому суду.

В виду всех сих соображений представляется правильным одно заключение – об оставлении дел об обидах, причиняемых духовными лицами, на нынешнем основании – в духовном суде.

Кроме дел об обидах к этой же категории „Консисторским Уставом” причисляются дела по жалобам на духовные лица о нарушении бесспорных обязательств и по просьбам о побуждении к уплате бесспорных долгов. Прежнее гражданское судопроизводство допускало два порядка восстановления прав гражданских – исполнительный для дел бесспорных и судебный для дел не бесспорных („Св. Зак.” т. X, 2, 1). Новое судопроизводство (по „Суд. Уст.” 1864 г.) не установляет особого порядка для производства бесспорных гражданских дел, а подчиняет эти дела общему порядку по правилам сокращенного судопроизводства („Уст. Гражд. судопр.” 352, 364). „Консисторский Устав” был составлен применительно к прежнему порядку судопроизводства, и допускал производство сих дел в духовных судах только до тех пор, пока не возникал спор по документам, после чего дело переходило в гражданские присутственные места („Уст. Конс.” 214, 215). Исполнительное судопроизводство, или производство по актам бесспорным, по „Своду” 1857 г., принадлежало полиции, и допущено было законом для ускорения течения сих дел. Новое судопроизводство, установив особый сокращенный порядок для дел гражданских, не допускает прежнего бесспорного исполнительного производства через полицию, находя, что и судебное производство по сокращенному порядку может быть не менее скоро, как и прежнее полицейское. Установленное „Консисторским Уставом” бесспорное судопроизводство (158, 214, 215) соответствовало прежнему полицейскому исполнительному производству, ныне отмененному. Посему не представляется нужды удерживать в дух. ведомстве порядок, отмененный в светском. Представляется наиболее удобным вести иски сего рода, касающиеся дух. лиц, в гражданском суде не только в случае спора по документам, как допускает „Устав Консисторий” (215), но и в бесспорных делах.

„Устав Консисторий” определяет не только подсудность духовных лиц духовному суду, но и подсудность их светскому суду, с целью, конечно, предотвращения столкновений двух судов и пререканий о подсудности. По „Уставу” люди духовного звания подлежат светскому суду в установленных присутственных местах: а) в делах между собою и со светскими лицами тяжебных и исковых по не исполненным договорам и обязательствам; и по взысканиям за нарушение прав ущербами, убытками и самоуправным завладением; б) в случаях нарушения государственных постановлений, по которым существуют особые правила о судопроизводстве и взысканиях, как-то в пристанодержательстве и укрывательстве беглых, корчемстве, порубе лесов, неисполнении карантинных и таможенных постановлений, и в) в тяжких уголовных преступлениях (ст. 159).

Что касается первого из указанных родов дел, по которым духовные лица подсудны светскому суду, то он должен оставаться неизменным и после „Судебных Уставов” 1864 года. Второй же пункт должен испытать изменение. Особые правила судопроизводства, имевшие место до „Судебных Уставов” 1864 года, отчасти совсем отменены, отчасти же значительно изменены. Посему и этот пункт должен подвергнуться изменению. Представляется совершенно правильным, чтобы духовные лица не в одних случаях, исчисленных в п. б. статьи 159 „Устава Конс.” подлежали светскому суду, но во всех вообще случаях нарушения законов чисто государственных, напр. за преступления государственные („Улож. о нак.” 241 – 261), преступления против порядка управления (262–328), против имущества и доходов казны (548–830) против общественного благоустройства (831–900) и т. д. Равным образом и последний пункт, подчиняющий духовные лица светскому суду в тех уголовных преступлениях требует разъяснения. Какие преступления почитать тяжкими уголовными преступлениями? „Уложение о наказаниях” к уголовным наказаниям причисляет только наказания, соединенные с лишением *всех прав состояния* (ст. 17), а затем все прочие наказания даже и соединенные с потерею *всех особенных прав и преимуществ* причисляет к наказаниям исправительным (ст. 30). Таким образом, если принять в руководство „Уложение”, то тяжкими уголовными преступлениями должно считать только преступления, влекущие за собою наказания, соединенные с лишением всех прав состояния. Между тем „Судебные Уставы” 1864 г. понятие тяжких преступлений разумеют шире: суд с присяжными „Судебные Уставы” устанавливают не только для преступлений, влекущих лишение всех прав состояния, но и для таких, которые влекут потерю

только некоторых особенных прав и преимуществ („Уст. Угол. судопр.” 201). Представляется наиболее сообразным с позднейшею законодательною мыслью, под тяжкими уголовными преступлениями, за которые духовные лица должны подлежать светскому суду, разуметь все преступления, подлежащие суду с присяжными, т. е. преступления, за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением, или ограничением прав состояния.

Из всех предложенных соображений могут быть выведены следующие положения о предметах церковного суда:

1) Суд Церкви есть или общий, простирающийся на всех членов Православной церкви, или же особенный, которому подлежат лица духовного состояния.

2) Суд Церкви или имеет карательный характер, или же не имеет сего характера, не влечет за собою карательных последствий.

О предметах подсудных общему церковному суду, имеющему карательный характер.

3) Суду Церкви подлежат все учиненные членами Православной церкви нарушения церковных правил и уставов, действующих в Церкви, (Сравн. „Суд. Уст.” изд. Госуд. Канц. 2, 365, 366. „Уст. Угол. суд.” 1001, 1011).

4) Изъятия из сего правила и пределы подсудности церковной и светской указываются в нижеследующих положениях:

5) Церковному, а не светскому суду подлежат все те преступления против веры и другие соединенные с нарушением церковных правил, о которых не упоминается в светских законах (Сравн. „Уст. Угол. судопр.” ст. 1001 п 1011).

6) Церковному, а не светскому суду подлежат дела о таких нарушениях церковных правил, которые хотя и упоминаются в светских законах, но за которые в сих законах не полагается никакого возмездия, а определяются последствия сих нарушений только в церковных правилах и постановлениях, действующих по церковному ведомству (Напр. „Св. Зак.” X, 1, 37, п. 4, 45, 48, 49, 57–60, 31).

7) Церковному, а не светскому суду подлежат дела о преступлениях против веры и других, соединенных с нарушением церковных правил, если в светских законах полагается за оные лишь церковное покаяние, или отсылка к духовному суду („Уст. Угол. суд.” 1002; „Улож. о наказ.” 207–209, 994, 185 и др.).

8) Преступления против веры и другие соединенные с нарушением церковных правил, по Уложению о наказаниях, наказуемые только уголовными наказаниями, подлежат одному уголовному суду („Улож. о наказ.” 176–184, 187, 189–191, 196–206, 210–215, 219–240).

9) Преступления против веры и другие соединенные с нарушением церковных правил, наказуемые по Уложению о наказаниях, сверх церковного покаяния и другими не церковными наказаниями, подлежат и уголовному суду и духовному – порядком, определяемым в нижеследующих положениях:

10) Из дел двоякой подсудности одни прежде подлежат духовному суду, потом уголовному, другие следуют обратному порядку и подлежат прежде уголовному суду, потом духовному, третьи поступают отдельно или только к духовному суду, или к уголовному и после того к духовному.

11) В делах двоякой подсудности каждый суд исследует и решит только вопросы по существу ему принадлежащие, не входя в рассмотрение вопросов разрешаемых другим судом. Последующий суд ни в чем не изменяет приговора предшествующего суда, но принимает оный обязательно.

Дела двоякой подсудности, подлежащие прежде церковному суду и потом уголовному.

12) Дела о вступлении в брак в недозволенных степенях родства или свойства, о воспрещенном браке христиан с нехристианами, о четвертом браке, о браках таких лиц духовного звания, которым по правилам Церкви воспрещено вступать в брак, если был употреблен для сего обман или подлог, и дела о вступлении в брак прежде или позднее узаконенного возраста, подлежат церковному суду, по окончании которого поступают к суду уголовному для определения ответственности по уголовным законам („Улож. о наказ.” ст. 1559, 1561, 1562, 1563, 1564, 1569 Сравн. „Уст. Угол. судопр.” 1014, 1015).

13) В делах о многобрачии церковный суд прежде уголовного решит следующие вопросы: 1) совершен ли, когда, где, кем и с каким лицом прежний брак подсудимого, или подсудимых? 2) Если совершен, то законен ли? 3) Если совершен и законен, то продолжает ли существовать и не прекратился ли? 4) Если прекратился, то в какое время, прежде ли заключения подсудимым

нового брачного союза, или уже после? 5) Если прежде, то имел ли о сем сведения подсудимый? 6) Совершен ли новый брак при существовании законного прежнего, когда, где, с кем и кем, на основании каких документов и с соблюдением ли всех предосторожностей? 7) Подлежит ли новый брак уничтожению как незаконный и недействительный? 8) Может, или не может быть восстановлен прежний законный брак подсудимого? 9) Подлежит ли виновный осуждению на всегдашнее безбрачие и по прекращении законного брака? 10) Какой церковной епитимии подлежит за свое преступление? 11) Подлежат ли ответственности священно и церковнослужители, совершившие последний брак, и какой именно – по правилам ли только церковным, или же и уголовной? („Улож. о наказ.” 1557) По разрешении сих вопросов духовным судом дела о многобрачии поступают к подлежащему уголовному суду: 1) для определения факта подлога, учиненного при вступлении в новое супружество, 2) для разрешения вопроса о том – был ли сей факт деянием подсудимого или подсудимых и должен ли им быть вменен в вину? 3) Для определения меры уголовных наказаний, которым подлежат виновные в подлоге со включением и священно и церковнослужителей, если способствовали обману и 4) для предписания исполнительных мер к разлучению незаконнобрачившихся („Улож. о наказ.” 1554–1557, „Уст. Угол. судопр.” 1013, „Военно-Судебн. уст.” 1079, „Военно-Морск. Судебн.” уст. 1074).

Дела двоякой подсудности, подлежащие прежде уголовному суду и потом духовному.

14) Дела о браках совершенных в следствие похищения, по насилию, обману или в сумасшествии одного или обоих брачившихся, начинаются в уголовном суде, которым определяется: 1) действительность похищения, насилия, обмана или сумасшествия, 2) уголовная ответственность виновных лиц со включением священно и церковнослужителей. По окончании уголовного суда сии дела поступают к церковному суду: 1) для решения о действительности или недействительности брака, и 2) для определения ответственности духовных лиц, совершивших бракосочетание, если они подлежат ответственности только по правилам церковным („Улож. о нак.” 1549–1553, „Уст. Угол. судопр.” 1012).

15) Все дела, по которым лица, признаваемые виновными на уголовном суде, подлежат кроме уголовных наказаний и церковному покаянию, поступают к духовному суду по окончании над виновными уголовного суда для определения виновным церковного покаяния („Улож. о нак.” 192, 233, 235, 995, 997, 1473, 1476, 1583, 1585, 1586, 1593–1597 и др. Сравн. „Уст. Угол. суд.” 1004, 1013).

Дела двоякой подсудности, *подлежащие отдельно или духовному суду*, *или уголовному и потом духовному.*

16) Дела о прелюбодеянии и любодеянии подлежат или одному духовному суду, или же уголовному и потом духовному.

17) Одному духовному суду подлежат *дела о прелюбодеянии:* 1) когда не было жалобы на прелюбодеяние, а оно открылось по производству какого-либо иного дела („Свод Зак.” изд. 1857 г. т. XV, 2, 791); 2) когда оскорбленный супруг, желая исправить оскорбившего, просит духовный суд об увещании его к исправлению и о наложении епитимии по церковным правилам; 3) когда оскорбленный супруг ищет расторжения брака по сей причине („Уст. Угол. судопр.” 1016); 4) когда возбуждено в духовном суде дело о прелюбодеянии священно и церковнослужителей и жен их; *дела о любодеянии* – когда при сем нет никакого другого иска („Улож. о наказ.” 994).

18) Уголовному суду и после того духовному дела *о прелюбодеянии* подлежат в том случае, когда оскорбленный супруг просит о наказании виновного по уголовным законам („Улож. о нак.” 1585, „Уст. Угол. суд.” 1016), *а дела о любодеянии,* когда есть иск об обеспечении содержания незаконно прижитого младенца и матери его, или когда любодеяние учинено с лицом, состоящим в браке. Духовный суд в сих случаях определяет виновным церковное покаяние („Улож. о наказ.” 1585, 994, „Решен. Уголовн. Кассац. департ.” 1868 года октября 11 № 657 и 1 ноября № 694).

О предметах подсудных общему церковному суду, не имеющему карательного характера.

19) Из дел не влекущих за собою карательных последствий – общему церковному суду подлежат дела: 1) об удостоверении о действительности события и о законности браков, 2) о рождении от законного брака, 3) о расторжении брака по случаю избрания мужа в епископа (VI Вселенск. 12, 48), 4) о расторжении брака для вступления супругов в монашество (Духовн. Регл. Прибавл. о монах. 5 „Свод Закон.” т. IX, 1, 252) и 5) о расторжении брака по причине осуждения одного супруга к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния („Св. Закон.” т. X, 1, 50–53).

О предметах особенного церковного суда над клириками и монашествующими.

20) Особенному суду Церкви подлежат лица по закону принадлежащие к духовному состоянию т. е. монашествующие и послушники, священнослужители и церковнослужители („Св. Закон.” т. IX, 1, 257, 282)

21) Монашествующие и священнослужители подлежат особенному церковному суду в продолжение всего того времени, когда носят священство и монашество, а церковнослужители и послушники пока состоят в церковном ведомстве. („Свод Закон.” т. IX, 1, 280).

Примеч. Жены священнослужителей и церковнослужителей по проступкам и преступлениям судятся в светских судах, исключая случая, обозначенного выше в полож. 17.

О предметах, подлежащих особенному церковному суду, имеющему карательный характер.

22) Лица духовного состояния, обозначенные в полож. 20-м, подлежат суду Церкви по делам о нарушении ими обязанностей их звания, установленных церковными правилами и другими действующими по духовному ведомству положениями, а равно и по делам о тех противозаконных деяниях, за которые в светских законах определено подвергать их ответственности по усмотрению духовного начальства („Уст. Угол. суд.” 1017).

23) Лица духовного состояния подлежат суду Церкви и в делах о нарушении ими правил благочиния и благоповедения не только установленных в особенности для сих лиц, но и общих, поколику оскорбляется при сем достоинство носимого ими сана, или же заключаются в сем основания к возбранению допускать до священного сана лица, не имеющие соответствующих оному качеств („Уст. о наказ.” 42, 43, 130–142).

24) Когда правонарушения, обозначенные в предшествующих 22 и 23 полож., учинены духовными лицами чрез насилие, обман, или подлог и другие действия, влекущие за собою, по общим законам, наказание соединенное с лишением, или ограничением прав состояния, то в сих случаях лица духовного состояния подлежат уголовному суду („Уст. Угол. суд.” 1019–1029).

25) По делам, означенным в положениях 22 и 23-м иски о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступным деянием, производятся судом гражданским по окончании суда духовного („Уст. Угол. суд.” 1018).

26) Духовные лица за нарушение законов чисто государственного происхождения („Улож. о наказ.” 241–328, 506–858, 860–953, 959, 974–978, 984–992, 1004–1048, 1058, 1076–1169, 1405–1418, 1601, 1682, 1686 и др.) и за преступления всякого рода, подвергающие виновных, по „Уложению”, наказаниям, соединенным с лишением, или ограничением прав состояния судятся в установленных светских судах.

27) В случаях обозначенных в ст. 247 и 1175 „Военно-Судебного Устава” и 242 и 1170 „Военно-Морского”, лица духовного состояния подлежат военному и военно-морскому суду („Военно-Судебн. Уст.” 1083, „Военно-Морск. Суд. Уст.” 1078).

О предметах, подлежащих особенному церковному суду, не имеющему карательного характера.

28) Церковному суду подсудны все споры и иски, возникающие между духовными лицами и учреждениями из пользования движимым и недвижимым церковным имуществом, и церковными доходами.

29) Светскому, гражданскому суду в установленных местах лица духовного состояния подлежат в делах между собою и со светскими лицами тяжебных и исковых относящихся к их личной собственности, в делах по неисполненным договорам и обязательствам и по взысканиям за нарушение прав ущербами, убытками и самоуправным завладением („Уст. Конс.” 159).

Выпуск второй

От издателя

Предлагается второй выпуск исследования о предполагаемой реформе церковного суда. Первый выпуск встречен благосклонным приемом от многих. Мы имеем в руках о нем отзывы мужей образованных, вполне знакомых с правом церковным и гражданским и мужей высокопоставленных. Этот ученый труд, по их суду, есть один из замечательных трудов настоящего времени; первый по времени своего появления в свет, он, по своей основательности, по строго-научному изложению и по многосторонности взгляда, привлекает к себе внимание читателей, а в особенности пастырей Церкви.

Второй выпуск, теперь предлагаемый, по нашему мнению, отличается также высокими достоинствами. Тот, кто примет труд основательно изучить его, увидит, что достопочтенный писатель вполне знаком с предметом, о котором пишет.

В обоих выпусках предлагается много сведений, многим и образованным недоступных, но полезных, даже необходимых при суждении о проекте реформы церковного суда.

Известно, что от преосвященных архиереев и от консисторий требуются отзывы об этом проекте. Весьма желательно, чтобы отзывы преосвященных сделались известными всем чрез напечатание их в полном виде, без всякого сокращения и изменения. Они были бы свидетельством и памятником понимания нынешних русских святителей истории, прав, законодательства; устройства св. Церкви и их обязанностей к ней.

Это было бы в высшей степени интересно и поучительно не для настоящего только времени.

Н. Елагин.

Предисловие

Настоящий второй выпуск исследования о церковно-судебной реформе имеет предметом – рассмотрение вопроса о применении к духовному суду принципа отделения судебной власти от административной. Вопрос имеет две главные стороны – каноническую и практическую, и с той и другой подлежит нашему рассмотрению. Каноническая сторона столь ясна, что даже и намеренного и пристрастного затемнения ее нельзя произвести с некоторым хотя бы лишь внешним приличием. Довольно ясна и практическая сторона, в разных проектах, как будто с намерением раскрытая более фантастически, чем практически. Что духовно-окружные суды, напр., практически невозможны, – это ясно при самом первом обращении к действительности из области теории. Довольно ясно и то, что самое существо мысли об отделении суда от администрации в Церкви, взятое с практической стороны, должно быть признано несостоятельным. „Новейшее так называемое отделение суда от администрации, стремящееся совершенно разорвать эти две области, так крепко одна с другою сросшиеся (хотя на первый взгляд и представляет некоторые практические выгоды), без сомнения служит одною из причин новейшего, доходящего до безобразия, смешения простейших юридических понятий в области публичного права. Поэтому мы имеем все основания никогда не допускать этого учреждения в область церковного права». Эти слова сказаны западным ученым в 1856 году (Molitor – Gerichtsverfahren gegen Kleriker) и дают нам добрый урок. Если таковы плоды этого принципа на западе, то на каком основании других плодов будем ожидать от этого принципа мы? А если так, то мы решительно не должны принимать этого принципа в наше церковное право, даже в виду одних чисто практических соображений, не говоря об основаниях канонических.

Вопрос о предметах церковного суда занимал главным образом светскую литературу. Вопрос об отделении суда от администрации в духовном ведомстве был преимущественно разработан в духовной литературе; светская же литература служила только отголоском духовной. Разрешение вопроса в положительном смысле, т. е. с отделением суда от администрации в духовном ведомстве, служило темою пространных полемических и положительных рассуждений в журналах: „Православное обозрение» и „Христианское чтение» и в светских газетах: „Голос», „Биржевые ведомости» и „С. Петербургские ведомости».

Противоположный взгляд раскрываем был с подробностью в тех же духовных журналах и теми же писателями, а именно в „Православном Обозрении» 1870, май, июнь, сентябрь, ноябрь, декабрь; в „Христианском чтении» 1870, сентябрь, октябрь; 1871, август. Кроме сего тот же взгляд, т. е. с разрешением вопроса об отделении суда от администрации в отрицательном смысле, был раскрываем в „Прибавлениях к Твор. Св. отцев” 1871 кн. 2 и 4, в „Московских епархиальных ведомостях» 1872, март, и из светских газет в „Современных известиях» 1872, №№ 5, 6 и др., и в „Русском мире» 1872 г., май, июль, август, ноябрь, декабрь.

Об отделении в Церкви судебной власти от административной

Первый выпуск исследования о предполагаемой реформе церковного суда посвящен рассмотрению вопроса исключительно интересовавшего светскую литературу и ею только разработанного – вопроса о предметах церковного суда. Настоящий, второй выпуск, представляет рассмотрение вопроса, разработанного преимущественно духовною литературою. Это – вопрос *об отделении в духовном ведомстве суда от администрации* и частнее об „отнятии» судебной власти у епархиального архиерея, или, как деликатнее выражаются в последнее время поборники этой мысли, *об отделении судебной власти от епархиального архиерея.*

Принадлежит, или не принадлежит епископу судебная в Церкви власть на основании слова Божия и церковных правил? – вот вопрос, вызвавший в духовной литературе и отчасти даже в газетах, столь противоположные ответы, противоречивые разрешения и даже соблазнительные споры.

Чтобы ответить на этот вопрос правильно, не увлекаясь ни модною теориею отделения судебной власти от административной, ни противоположным этой теории стремлением к защищению во что бы то ни стало прав и власти архиерея – для сего мы почитаем прежде всего необходимым представить места св. Писания, в которых говорится о судебной в Церкви власти, а равно церковные правила, места догматических книг Правосл. церкви, в которых говорится о том же предмете, и свидетельства исторические и другие в подлинном их виде с толкованиями мужей имеющих авторитет и которых невозможно подозревать в пристрастии к той, или другой спорящей стороне. – Есть и другое важное соображение, делающее необходимым такой именно, а не другой прием в разрешении этого вопроса. Сторонники отделения суда от администрации без малейшего колебания утверждают, что Слово Божие, церковные правила и все вообще учение и практика Церкви не только не дают ничего к подкреплению мысли о принадлежности судебной власти епископу, но напротив требуют и обязывают отнять у него эту власть. – Дабы положить хотя некоторые пределы необычайной смелости этих новейших (с 1871 г.) толковников, очевидно водящихся расчетом, что толкований ими даваемых Слову Божию и правилам никто поверять не будет, а все без справок примут их на веру – является настоятельная необходимость предложить и свидетельства Слова Божия и церковные правила о судебной власти, принадлежащей архиерею в полном виде и с толкованиями ученых, имеющих в сем деле несомненный и непререкаемый авторитет, писавших ранее 1871 года, следовательно, вполне беспристрастных.

I. СЛОВО БОЖИЕ

Места Св. Писания, свидетельствующие о принадлежности судебной власти епископу.

В Новом Завете два места, из которых яснее видно о принадлежности судебной власти в Церкви Апостолам и приемникам их епископам. Это в Евангелии Матфея 18 гл. ст. 15 – 19, и в 1 послании Ап. Павла к Тимофею гл. 5 ст. 19–20.

Спаситель Апостолам Своим, между прочим, преподает следующую заповедь и облекает их следующим правом: *аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи ею между тобою и тем единем. Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. Аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два: да при успех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол: аще же не послушает их, повеждъ Церкви, аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь. Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Мф. 18:15–19).

Толкования:

Апостольские постановления: *Епископ,* потщись быть чист делами; знай образ свой и достоинство свое, ибо имеешь образ Бога между людьми для начальствования над всеми людьми. И таким образом седи в Церкви, когда говоришь слово, ибо *имеешь власть судить согрешивших; ибо вам епископам сказано: елика аще свяжете на земли, будут связана на небесех, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех. И*так, *суди епископ со властью, как судит Бог. Суди* так, как бы судил пред Богом; *яко суд* Господень, говорит Он (Второз. 1:17). По сему сначала осуждай виновного по власти, потом привлекай его к себе милостью (II, 11, 12, 13).

Св. Златоуст: если и сих преслушает, повеждь Церкви, т. е. *предстоятельствующим (τῶις προεδρέυσιν* Matth Hom. 61).

Преосвящен. Макарий, архиепископ Литовский: последние слова: *аминь глаголю вам*, *елика...* прямо свидетельствуют, что *под Церковью Спаситель разумел именно лица облеченные Им властью вязать и решить* – точно так, как и у Иудеев в подобном случае, когда дело шло об исправлении, или наказании кого-либо, Церковью назывался собственно верховный совет, или синедрион. По сему то св. Златоуст в объяснении на это место, после слов: *повеждь Церкви*, прибавляет: т. е. ее предстоятелям, и далее слова: *елика аще свяжете...* принимает за продолжение той же мысли, и равно относит к предстоятелям Церкви. Бесед. на Ев. Матф. в русск. перев. III. 32. Согласно со св. Златоустом объясняют это место Киприан, Августин, Феофилакт и другие („Православно-Догмат. Богословие". Т. III, 281, 282 изд. 1851).

Преосвященный Иоанн, еп. Смоленский: „Еще прежде воскресения Своего Спаситель обетовал Апостолам Своим власть вязать и решить. *Аминь глаголю вам елика аще свяжете* и т. д. А по воскресении действительно даровал ее: *имже отпустите грехи отпустятся им, и имже держите держатся* (Иоан. 20:23). При этом особенное дарование Св. Духа Апостолам, соединенное с даром этой власти, особенная духовная сила в ней заключенная, простирающаяся до того, что связанное на земле будет связано на небесах, и разрешенное на земле будет разрешено на небесах, – такие особенности показывают, что *это не есть установление только внешнее, естественно необходимое для порядка в обществе верующих, но установление духовное, священное и таинственное.* Так понимали свою судную власть в Церкви сами Апостолы, когда называли ее оружием не плотским, но крепким силою Божиею, действующим не по внешней, но по духовной жизни человека. Так и действительно Апостолы употребляли свое право, когда связывали и разрешали духовным судом падших, когда извергали из общества верующих непокорных учению и правилам их. Но как Спаситель сообщил эту власть не исключительно одним Своим Апостолам, а вообще Своей Церкви: то *Апостолы* в свою очередь *передали* в той же силе, *эту власть своим преемникам, пастырям Церкви* (1Тим. 5:20; 4:2; Тит. 2:15; 3:10). *Таким образом установился Церковный суд.* („Правосл. собеседн." 1858, 2, 325–327).

Преосвященный Андрей Шагуна, митрополит православн. румынов в Австрии: *власть епископа вязать и разрешать грехи вытекает из слов Спасителя Апостолам: аминь глаголю вам, елика аще свяжете на земли, будут связана на небесех, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Матф. 18:18) и еще: *имже отпустите грехи отпустятся им, и имже держите держатся* (Иоан. 20:23).

Эта власть епископа, как духовного пастыря всей епархии *простирается на весь клир и на всех верующих епархии.* Предмет ее есть всякий учиненный смертный грех или грех против Духа Святого. Против епитимии наложенной епископом на какого-либо клирика, или мирянина, нет апелляции.

Может быть предметом архиерейского запрещения и разрешения и незаконное действие допущенное священником, или мирянином против заповедей Божиих и против Церкви, о чем исследуется в консистории и решается с утверждения епископа. В этом случае осужденный может апеллировать, так как дело обсуждено было публичным образом, основываясь на 5 правиле 1 Вселенск. собора. (Compendium d. Kanonisch. Rechtes § 163, S. 124 срав. русский перев. Т. В. Барсова в „Христиан. чт.” 1870 г. июль 34, 38).

Архим. Михаил: „Повеждь Церкви, скажи Церкви: Церковь общество верующих в Иисуса Христа. Разумеется здесь не вселенская Церковь, но частная местная Церковь, общество верующих, живущих в известном месте; а так *как судебная власть в Церкви принадлежит, по указанию Христову представителям Церкви, первоначально Апостолам, потом и их преемникам пастырям и учителям*, то частнее здесь под Церковью разумеются именно ее представители, пастыри и учители. – „Скажи Церкви» т. е. ее представителям (Злат., Феофил., Евф. Зиг.). – „Если и Церкви не послушает», если не убедится увещаниями, обличениями, предостережениями предстоятелей Церкви, если не подчинится их суду, да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Толков. Евангелие 1, 332).

Келльнер: *это место* классическое для доказательства карательной власти Церкви и *служит основанием* практического ее употребления и исторического *развития судебного процесса в Церкви.* – Что значит здесь Церковь? – Собрание верующих, руководимое и управляемое теми, кому Христос дал на это власть, Апостолами и их преемниками. Преслушавший и Церковь должен быть отлучен. – Слово: „ *вам”* Спаситель прямо обращает к Своим ученикам, которые были слушателями его речи, и дает сим видеть, что Он разумел под именем Церкви и кто должен употреблять власть, о которой говорится…. Если член Церкви согрешит, и увещания и вразумления предстоятелей Церкви отвергает с упорством, то они имеют власть, и обязанность извергнуть его из Церкви, и *приговор их будет не просто человеческий*, *но будет иметь силу и пред престолом Божиим.*

Buss-und Strafverfahren gegen Kleriker S. 5–7.

Фесслер : (D. Kanonische Process in d. vorjustin. Periode S. 10–12): Образное выражение: *вязать* Церковь постоянно разумела в смысле данной ей Христом карательной власти. Поэтому термины: *ligare* и *excommunicare*, *solvere* и *absolvere* у отцов и в источниках церковного права являются тождезначущими. В этих словах Господа заключаются основные черты, которые Церковь потом развила и вполне осуществила в своей жизни. Апостолы и преемники их служения *епископы*, *получили в этих словах карательную власть.* Сия власть была употребляема епископами и отдельно и в совокупности (потому что-то и другое на основании слов Господа: *елика аще свяжете…* допускается), в совокупности на соборах.

Г. Барсов 1870 г. Спаситель Своею заповедью**Г. Барсов 1873 г.:** Первые основания и установляет постепенность *в действиях духовн. суда.*образ действий *духовного суда, Этот суд,* по заповеди Спасителя, сначала долженобставленного *формами процессуального* иметь вид дружеского и братского увещания*производства, предначертал Сам* виновного; потом, если это увещание останетсяСпаситель в Своем известном изречении о бесплодным, он должен, огласив предмет винысогрешившем брате (Мф. 18:16–20). между несколькими, немногими лицами, пред ними*Установляя постепенность в действиях* побудить виновного к сознанию и исправлению своей*духовного суда, Спаситель* как указал на вины; если и это не подействует, оповестить делонеобходимые составные части процесса: всей Церкви, и в общем ее собрании, разобрать ина обвинителя, подсудимого, свидетелей, исследовать преступление виновного; непослушаниесудные речи и на решения суда с его Церкви уже должно подвергнуть виновного всейпоследствиями, так и выразил мысль, что строгости наказания и осуждения. Вместе справо рассматривать общественные постепенностью Спаситель указывает и на частныеотношения членов церковного общества с принадлежности судного разбирательства, уместныевластью вязать и решить, принадлежит в обыкновенном суде: на обвинителя, обличающегосамой Церкви и неотделимо от ее пред другими виновного и сказывающего Церкви егосуществования. Если в этом изречении вину; на подсудимого, согрешающего против другогоСпасителя о согрешившем брате слова:

и не слушающего его обвинений и обличений Церкви;*скажи Церкви,* вместе с нижеследующими на свидетелей, необходимых для подтверждения(ст. 17–20) обыкновенно полагаются в показаний; на судебные речи, излагаемые предоснову соборного порядка ведения и свидетелями и Церковью; на приговор суда иустройства дел церковных вообще, то не с необходимость его исполнения. Словом, *Спаситель*большею ли, последовательностью можно *и в суд духовный вносит формы обыкновенного,*принять их за основание образа и порядка *внешнего судоговорения и производства* („Христ.действий духовного суда в частности? чтен.” 1870 г. сент. 483, 484). („Христиан. чтен.” 1873, март, 464).

Г. Соколов 1870 г.: „Последние слова Спасителя, неоднократно повторенные Им при других случаях, имеют особенное значение, как ясное выражение Божественного полномочия даруемого Церкви, *судить и наказывать извержением из своей среды непокорных членов своих.* В таком именно смысле понимались всеми отцами Церкви выражения: „вязать и разрешать“. Таким образом источник судебной власти лежит не вне Церкви, не сообщен ей какою-либо внешнею властью, напр. государством, но принадлежит ей самой неотъемлемо, не разделен с самою ее природою и существованием. *Что в словах Спасителя идет речь не об одном суде совести, суде над внутренними помыслами и душевными расположениями, но разумеется суд над внешними, общественными отношениями внутри Церкви, между ее членами, это очевидно из прямого смысла слов: говорится не о тайном грехе, но о действии, направленном против брата, о средствах к примирению, о свидетелях, о публичном суде пред целым обществом церковным. Эти слова послужили в последствии основанием для церковного суда как в отдельных Христианских обществах, так и в целых епархиях*, *на соборах областных, поместных и вселенских.* Церковь действовала на них не в силу какого-нибудь внешнего полномочия, но в силу своей собственной власти, данной ей самим Основателем („Прав. обозр.” 1870, 2, 310, 311)... Из указаний новозаветных *Священных книг* относительно суда между христианами *должны быть выведены такие результаты:* с самого начала существования Церкви *внешний самостоятельный суд внутри церковного общества* по делам, касающимся веры, нравственности и внутренних церковных отношений *принадлежит* власти установленной в Церкви; полномочие дано *Апостолам,* а ими передано *преемникам вместе с другими правами* („Правосл. обозр.” 1870. сент. стр. 313).

В 5 гл. (ст. 19, 20, 21) 1 Послания Апостола Павла к Тимофею читаем следующую заповедь Апостола: *на пресвитера хулы (κατηγορίαν* обвинения) *не приемли, разве при двою, или триех свидетелех. Согрешающих же пред всеми обличай (ἐνώπιον πάντων ἔλεγχε), да и прочий страх имут: засвидетельствую пред Богом и Господом Иисус Христом, и избранными его Ангелы, да сия сохраниши без лицемерия, ничесо же творя по уклонению (χωρὶς προκρίματος μηδεν ποιῶν κατὰ πρόσκλισιν* – без предубеждения, ничего не делая по пристрастию).

Толкования:

Св. Златоуст в толковании приведенных слов Апостола прямо и ясно дает видеть, что они относятся к внешней судебной власти епископа. Приведши слова Апостола: *обвинения на пресвитера не принимай* и проч. св. Златоуст делает вопрос: „ужели вообще должно без исследования произносить приговоры?...“ За сим на слова: *согрешающих пред всеми обличай....* св. Златоуст замечает: „то есть не тотчас отсекай, *но все исследуй с великою точностью.* Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобы и другие вразумлялись. Ибо как необдуманно осуждать бывает вредно, так и не наказывать явно согрешивших значит давать дорогу другим к тому.... Апостол хочет, чтобы все имели страх пред епископом и поставляет его над всеми. Но так как многие подвергались осуждению по подозрению, то он говорит, что надобно, *чтобы были свидетели, которые обличили бы его согласно предписанию древнего закона* (Второз. 19:15). *На пресвитера,* говорит, *хулы не приемли. Не сказал: не осуждай, но: и не принимай обвинения и вовсе не призывай его на суд.... Сохрани сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию.* Т. е. *ты должен быть дружелюбным и справедливым к судящимся и ожидающим от тебя приговора*, *и никто не должен предрасполагать тебя в свою пользу и склонять на свою сторону* (Златоуст. „Толков. на 1 Тимоф. гл. 5. Бесед. 16”).

Блаженный Феодорит свидетельствует, что слова Апостола служили основанием судебной практики в Православной церкви, а отступление от них почиталось нарушением закона и неправильностью. Повествуя о незаконном осуждении Евстафия, епископа антиохийского, арианами, выставившими против него подкупленную ими непотребную женщину, Феодорит пишет: „Видя явную клевету Евстафий приказал женщине представить кого-либо кто бы знал о

том, что она родила от сожительства с Евстафием. Когда же она отвечала, что у ней нет свидетеля ее обвинения, то справедливейшие из судей предложили ей поклясться, хотя закон прямо говорит, что слова должны быть подтверждаемы двумя, или тремя свидетелями и *Апостол заповедует не принимать обвинения на пресвитера без двух, или трех свидетелей* (1Тим. 5:19). *Итак, презрев Божественные Законы они без всякого свидетельства приняли донос на столь великого мужа* („Церк. истор.” 1, 21, стр. 86, русск. пер.).

Зонара, знаменитый канонист и толкователь церковных правил, в заповеди Апостола Павла Тимофею видит именно каноническую и юридическую заповедь. – В толковании 75 Апост. правила: *во свидетельство против епископа не приимати еретика: но и верного единого недовольно,* Зонара пишет: не только еретик не допускается к обвинению, но и к свидетельству. Один свидетельствующий, хотя бы был и верный, не должен быть принят. Ибо и в послании к Тимофею великий Павел так говорит: *на пресвитера хулы* (т. е. обвинения) *не приемли, разве при двою, или триех свидетелех.* Полагаю, что ныне по обвинениям, за которыми для священных лиц следует лишение их степени и двух свидетелей не довольно, хотя бы они были верные и безукоризненные *(Συντ. τ. θείων καν.* II, 96, 97).

Властарь в изложении 75 Апостольского правила: „75 Апостольское правило определяет не допускать к свидетельству еретика и даже верного одного. Ибо *при устех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол.* И Апостол: *на пресвитера хулы не прмемли, разве при двою, или триех свидетелех* (*Σ.* VI, 228).

Архиерейская ставленная грамота: потщися, *епископе,* себе искусна поставити пред Богом, делателя непостыдна, право правяща слово истины... *на пресвитера хулы не приемли, разве при двою или триех свидетелех. Согрешающих обличай, да и прочии страх имут,* а прилежащии добре пресвитеры, паче же труждающиися в слове и учении сугубые чести да сподобляются.

Преосвященнейший Макарий, архиеписк. Литовский в Православно-Догматическом Богословии, доказывая богоучрежденность в Церкви степени епископской и превосходство ее пред пресвитерскою, указывает между прочим и на то, что *Апостолы епископам предоставили власть судить пресвитеров,* основывая это на приведенных словах Апостола Павла к Тимофею 1 посл. 5:19 (Т. III, 284). *Священно и церковнослужители подлежат надзору и суду* (1Тим. 5:19) *епископа, вследствие которого он может подвергать их разным наказаниям* (стр. 297).

Преосвященный Иоанн, еп. Смоленский, в словах Апостола Павла находит именно, что ими вручается епископам власть судить пресвитеров. Он пишет: *Апостол Павел поручил епископу Тимофею правительственную и судебную власть в Церкви Ефесской* („Правосл. собеседн.” 1858, 1, 20; 2, 333).

Константин Икономос: *Тимофей, как сам епископ, высший по степени получает наставление от Павла как должно судить пресвитера (πῶς δεῖ πρεσβύτερον κρίνειν)*: *обвинение на пресвитера принимай не иначе как при двух, или трех свидетелях.* Таковых епископов видим и в последствии, предстоятельствующих над Церковью вместе с пресвитерством и пекущихся между прочим об умиротворении разногласий и о всяком другом врачевании согрешающих („Апост. Постановл.” II. 11, 15, 48). Апостолы рукополагали пресвитеров и епископов высших честью и предстоятельствующих над пресвитерством, как общих предстоятелей и правителей епископий, преемственно занимающих место самих Апостолов. *Περὶ τριῶν βαθμῶν* 67, 68. Ср. 91.

Molitor –Kanoniches Gerichts-verfahren gegen Kleriker, S. II: *слова Апостола относятся к судебному процессу над пресвитером.* Апостол заповедует Тимофею обвинение на пресвитера принимать не иначе, как ежели есть два, или три свидетеля. Это в существе общее начало, только специально примененное к образу доказательств обвинения на пресвитера в суде. Оно основано на Моисеевом законе и на словах Спасителя (Матф. 18:15–18). Что на этом Апостольском предписании строго держалась в древнейшие времена Церкви практика при исследовании обвинений на клириков, – об этом свидетельствует Феодорит (1, 21), когда говорит о несправедливом обвинении против Евстафия епископа Антиохийского, которого Ариане таким образом неправильно удалили с епископского престола. Феодорит прямо указывает на Апостольскую заповедь, чтобы представить в ясном свете несправедливость приговора. Это место из послания Павла о процессе в церковно-уголовных делах.

Marx-De denuntiatione juris canonici 1859, 64–66: *На пресвитера обвинение принимай не иначе, как при двух, или трех свидетелях.* Это пишет Апостол Павел Тимофею, поставленному управлять Церквами в Малой Азии; и здесь собственно наставляет его, как он должен поступать

в случае, если падет подозрение в преступлении на пресвитера. *Апостол предписывает Тимофею соблюдать и в случае обвинения на пресвитеров общий порядок суда о преступлениях заповеданный Христом.* Ибо когда заповедует Тимофею обвинение на пресвитера, за которым должна последовать обыкновенная судебная процедура, принимать только при двух, или трех свидетелях, то ясно имеет в виду заповедь Христа, Который требует, чтобы в каждом деле, подлежащем суду Церкви, были два или три свидетеля (Матф. 18:16). *В дальнейших словах: согрешающих пред всеми обличай, Апостол говорит о суде над всеми верующими клириками и мирянами.*

Протестантский ученый Лехлер: „Все уголовное право Нового Завета в отношении к служителям Церкви содержится в словах Ап. Павла 1Тим. 5, 19–20. В этой заповеди в первый раз сказано, кому *Апостол вручает судную в Церкви власть над духовных лиц и пресвитеров.* Не община, не ее пресвитерия, не собрание пресвитеров, не правитель страны, или светская власть; но Тимофей благовестник и наместник Апостола, другими словами *епископ, по Божественному праву есть законная власть в судных делах касающихся духовной должности* (Der Bischof ist nach göttlichem Rechte die zuständige Behörde in klagesachen, die das geistliche Amt betreffen). *Апостолу не могло прийти в мысль судною властью над служителями Церкви облечь кого-либо другого, а не того, кто несет ответственность за все состояние церковной жизни во вверенной ему пастве...* Если мы не находим нигде в Писании никакого следа, чтобы коллегии пресвитеров дано было право служебного надзора и наказания. (Recht d. Dienstansicht und Strafe) в отношении к отдельным ее членам, то отсюда тем яснее открывается, что *сие право принадлежало кроме Апостола только тому, кто продолжал его дело.* Само собою разумеется, что *Тимофей в своих следствиях и судебных решениях мог употреблять в помощь более замечательных пресвитеров.* Но Священное писание поименовывает только исходный и центральный пункт церковно-судебной власти, из которого должно исходить все прочее (Lechler – Die Neutestamentiche Lehre vom heiligen Amte. Sfuttgart. 1857, 434–436).

Isenberg : *Апостол Павел* в пастырских посланиях *дал необходимые на все времена предписания* об устройстве епископской должности, и между ними *о производстве суда по обвинениям против пресвитеров.* Как торжественно заклинает Апостол Тимофея (1Тим. 5:21), чтобы он при обвинениях против пресвитеров действовал без предубеждения и без пристрастия! (Primat und Episcopat s. 51, 52).

Furtner – Die Bischofsweihe s. 10: *Против пресвитера обвинения принимай не иначе, как при двух, или трех свидетелях.* – Здесь говорится о пресвитере, как о степени иерархии. Непосредственно следующие за сими слова: *согрешающих пред всеми обличай* и весь контекст показывает, что Апостол дает Тимофею предписание об управлении ближайшим образом подчиненного ему христианского общества, и не имеет в виду епископа чужой Церкви. *В 19 стихе Тимофею дается над пресвитером такая власть, какая приличествует только начальствующему над его подчиненными,* так что пресвитер не есть таже степень иерархии, на которой стоял Тимофей, но низшая и отличная.

Кобер – Suspension d. Kirchendiener s. 35, 36: Органы, посредством которых Церковь пользуется властью налагать наказания – суть предстоятели иерархии, потому что не всем верующим, но Апостолам дал Христос это право (Матф. 18:15–18), Апостолы, а не члены общества пользовались этою властью (1Кор. 5:1–6, 2Кор. 13:2, 10); в особенности власть налагать наказания на клириков от начала была в руках Апостолов, их наместников и преемников (Тим. 5:19, 20). И что касается в особенности церковных должностей, то, как они одни и исключительно преподают оные, с полною последовательностью от них должно исходить и удаление от сих должностей.

Kober – Deposition und Degradation, s. 287: Апостолы дарованную им Спасителем власть налагать наказания на всех верующих – мирян и клириков употребляли и сами (1Кор. 4:18–21) и преподавали своим преемникам. Апостол Павел Тимофею, своему наместнику в Ефесе, заповедует обвинение на пресвитера принимать только при двух, или трех свидетелях, согрешающих пред лицом всех обличать и при исполнении этой своей обязанности поступать со всяким беспристрастием (1Тим. 5:19–21). Следовательно, *Апостол смотрит на Тимофея как на судью Ефесских клириков и вручает ему карательную власть над ними во всей полноте.*

Феслер (D. Kanonische Process, in. d. Vorjustin Periode s. 15): здесь *Апостол* своему возлюбленному ученику *Тимофею епископу Ефесскому* дает наставление не принимать на пресвитера никакого обвинения иначе, как при двух или трех свидетелях. Здесь *принятие*

обвинения со свидетелями означает начало судебного процесса и указывает на дальнейший образ ведения такого процесса.

Г. Барсов 1870 г.: в статье *о духовном суде,* написанной по поводу предпринятого преобразования судебной части в духовном ведомстве и напечатанной в „Христианском чтении” Барсов пишет: «Апостол Павел в ст. 19 гл. 5, 1-го послания к Тимофею говорит о том, «какими правилами должно руководствоваться в случае суда по взводимому пресвитеров обвинению» и за сим продолжает: из Апостола ясно видно, что *Тимофей и Тит* (автор излагает Крита, что *этим людям вместе со властью начальствования, от самого начала существования Церкви, принадлежали и права дисциплинарного надзора и действительного суда как над всем церковным народом, так и в частности над служителями Церкви,* что самое производство этого надзора суда должно было следовать определенным правилам, и сопровождаться легальными последствиями, которые бываютиначе, как при двух или трех уместны только при действиях власти законом установленной и всеми признаваемой». („Христ. чтен.” 1870. ч. 2. стр. 418, 482). Это толкование не только ясно; но и заключает в себе прямое указание как принадлежности судной власти Тимофею и Титу, так и мысль, что в их лице сия власть соединялась с властью начальствования. – Несколько ниже (стр. 485) Барсов пишет: «Апостол Павел учил и Тимофея, преемника его власти в Ефесе тому, чтобы он обличал согрешающих всеми и принимал обвинения на пресвитера не иначе, как в присутствии двух, или трех свидетелей».

Г. Барсов 1873 г.: «власть поводу предпринятого преобразования судебной части всоставляет неотъемлемое право духовном ведомстве и напечатанной в „Христианском чтении”епископа и сама собою вытекает утверждает, что Апостол Павел в ст. 19 гл. 5, 1-го послания киз лежащей на нем обязанности Тимофею говорит о том, «какими правилами должнонадзирать *(ἐπισκοπειν)* за руководствоваться в случае суда по взводимому насоблюдением уставов и правил в пресвитеров обвинению» и за сим продолжает: из всей речиподчиненном ему пределе. Апостола ясно видно, что *Тимофей и Тит* (автор излагаетАпостол Павел, наставляя содержание посланий к Тимофею и Титу) были главнымиТимофея, как он должен начальствующими лицами в церковных обществах Ефеса ипроходить порученное ему Крита, что *этим людям вместе со властью начальствования,*служение, говорит, что он должен *от самого начала существования Церкви, принадлежали и*оказывать сугубую честь достойно *права дисциплинарного надзора и действительного суда как*начальствующим пресвитерам, *над всем церковным народом, так и в частности над*особенно тем, которые трудятся в *служителями Церкви,* что самое производство этого надзора ислове и учении, принимать суда должно было следовать определенным правилам, иобвинения на пресвитера не сопровождаться легальными последствиями, которые бываютиначе, как при двух или трех уместны только при действиях власти законом установленнойсвидетелях, не делать ничего по и всеми признаваемой». („Христ. чтен.” 1870. ч. 2. стр. 418,пристрастию (1Тим. 5:17, 19, 21). 482). Это толкование не только ясно; но и заключает в себеАпостол очевидно имеет в виду прямое указание как принадлежности судной власти Тимофею*начальственное* положение и Титу, так и мысль, что в их лице сия власть соединялась сТимофея и, согласно с этим, властью начальствования. – Несколько ниже (стр. 485) г.усвояет ему власть и поощрять Барсов пишет: «Апостол Павел учил и Тимофея, преемникадостойных и подвергать его власти в Ефесе тому, чтобы он обличал согрешающих предответственности неисправных». всеми и принимал обвинения на пресвитера не иначе, как в(„Хр. чт.” 1873. кн. 3, 458). – Здесь присутствии двух, или трех свидетелей». о действительном суде нет уже ни слова.

Г. Соколов 1870 года: пишет: *уже в основанных Апостолами обществах христианских, предстоятели*, *т. е. преемники Апостолов, епископы являются самостоятельными судьями в церковных отношениях. Апостол Павел*, *делая Тимофею различные наставления об устройстве Ефесской церкви, предписывает не иначе принимать обвинение на пресвитера, как при двух, или трех свидетелях* (1Тим. 5:19). *Этого правила древняя Церковь строго держалась в суде над членами клира.* („Правосл. обозр.” 1870 г. ч. 2 стр. 310, 311).

Новейший толковник 1873 г.: „епископ был признаваем правителем и судьею в подчиненной ему епархии, но административною и судебною властью он пользовался только как действительный правитель известного административного округа, под ответственностью за свои действия пред собором и в совершенной зависимости от него. Убедиться в этом совершенно легко из наставлений Ап. Павла, данных им Тимофею (1Тим. 5:19–21). Апостол, распространяясь главным образом о правительственных, точнее же пастырских действиях Тимофея, в отношении к разным подчиненным ему лицам церковного общества, говорит вместе и о принятии им обвинений на пресвитера не иначе, как при двух, или трех свидетелях, об обличении согрешивших пред всеми и о неделании ничего по пристрастию, хотя нельзя думать, чтобы здесь речь шла именно о форме суда. *Апостол своею речью дает понять, что власть обличения и суда дана Тимофею вместе с правами начальственного надзора в Ефесской церкви, что Тимофей должен пользоваться этою властью – сколько для исполнения лежащих на нем обязанностей, столько и для поддержания порядков в порученном ему обществе.*

Тот же толковник в другом месте: *Апостол Павел, преподавая епископу Тимофею разные наставления, между прочим определяет и образ епископского суда над пресвитером* в следующих словах: *обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух, или трех свидетелях;* над прочими верующими – в таких: *согрешающих обличай пред всеми, чтобы и прочие страх* имели. Апостол Павел заповедует епископу производить суд, существенное содержание которого составляет изобличение согрешающих, гласно пред всеми с целью

устрашения сим и прочих, разумея под сим изобличением всенародное раскрытие дела и наказание, на что и указывают выражения: *пред всеми* и: *прочие,* под которыми разумеются не только пресвитерский при епископе собор, но и миряне.

Газета „Голос“ (1872 № 184): *„Апостол Павел уполномочивает епископа Тимофея производить суд*“.

Юридический журнал Салманова, кн. 5, отд. II стр. 233, статья неизвестного: „Обозрение церковно-судебных решений и постановлений в первые три века по Р. Х.“ между наставлениями данными Апостолом Павлом *Тимофею, епископу Ефесскому* есть одно, показывающее, *как* именно *должен* был *пользоваться* Тимофей *властью суда церковного, которая,* как видим в то же время *перешла от Апостолов к преемникам их в Церкви* (1Тим. 5:19). Сила наставления Апостольского – в том, что епископ *Тимофей* не иначе *должен был судить* какого-нибудь *пресвитера,* по жалобе на него, как при двух, или трех свидетелях, подтверждающих основательность жалобы”.

Ренье, галликанский богослов (de Ecclesia – Theologiae Cursus Completus IV, 769): „Апостолы столь были убеждены в том, что им от Христа дана действительная судебная власть, что Божественный Павел, предписывая ученику своему Тимофею *форму суда* (formam judicii): на пресвитера, говорит, обвинение, принимай не иначе, как при двух, или трех свидетелях.

Critici sacri Anglicani T. VII, 3838: *на пресвитера* и проч. Здесь Апостол дает наставление предстоятелю, каковым по преимуществу называется епископ (*κατ’ ἐξοχὴν ὁ ἐπισκοπος).* Ибо их обязанностью было управлять действиями пресвитерства. Разумей здесь пресвитера по сану (honore). По Моисееву закону никто не мог быть осужден, если дело не было доказано двумя свидетелями. Но простой человек мог быть взят, или против него могло быть начато следствие и со слов одного свидетеля. Не так старейшина, коему уравнивается пресвитер. А почему? Потому что свидетельство об нем целого народа, данное при избрании предпочитает одному свидетелю. Затем исправляющие пороки других обыкновенно подвергаются ненависти от многих. И не сказал: *не осуждай,* но: не принимай и обвинения, прогоняй доносчиков.

A . Ca l met – Commentarius literalis T. VIII, 404: *на пресвитера* и проч. *Тимофей был епископом Ефеса и потому законным судиею пресвитеров* (legitimus praesbyterorum judex), *если бы они в чем погрешили.* Апостол дает наставление, чтобы он не легко принимал обвинения против пресвитера; если же когда будет необходимо принять и выслушать, чтобы принимал только при двух, или трех свидетелях.

Estii – Commentarius in epistolas Apostolicas, T. II, 786: *на пресвитера* и пр. „Здесь говорится о пресвитере по рукоположению и по сану (dignitate). Этого ясно требует контекст речи Апостольской. Ибо о таковых пресвитерах он говорил непосредственно пред сим. И как там *дал Тимофею* заповедь о их содержании, так теперь дает *предписание о суде над ними* (de iisdem judicandis), если бы учинили проступок».

Erbermann (in Bellarmini Controvers. T. II, 159): „во время самих Апостолов пресвитеры подчинены были епископам, как это видно из 19 ст. 5 гл. 1 посл. к Тимофею: *обвинение на пресвитера принимай не иначе, как при двух или трех свидетелях.* Какими словами яснее можно выразить и обязанность, и авторитет судьи в отношении к подчиненным? Из сих слов ясно вытекает заключение, что епископ исполняет три функции, из которых у римлян слагалась должность судьи: дает суд на пресвитера требующим сего, исследует обвинения и произносит приговор. Посему-то св. Епифаний на слова Апостола: *старца не укоряй* замечает: зачем нужно было заповедовать епископу, чтобы он не укорял пресвитера (старца), если бы он не имел большей, чем пресвитер власти? Никому из пресвитеров не заповедал Апостол не принимать обвинения на епископа, или не укорять епископа.

H abertus – *Ἀρχιερατικὸν*, pag. 541, 542: *на пресвитера* и пр. в этих словах Апостола епископ ясно является высшим пресвитера и его судьею на внешнем церковном суде, как прямо это доказывает св. Епифаний против ариан.

II. ЦЕРКОВНЫЕ ПРАВИЛА

Правила Апостольские, соборные и св. отец представляют важнейшие, после Слова Божия, основания для обсуждения вопроса о судебной власти епископа. Между сими правилами мы находим: 1) такие, которые с непререкаемою очевидностью свидетельствуют о принадлежности судебной власти епископу, 2) такие, которыми определяются отношения пресвитера и прочих клириков к епископу и 3) такие, которыми определяются значение и сила самых правил. Правила всех трех указанных разрядов имеют прямую и несомненную важность в разрешении рассматриваемого вопроса.

1) Церковные правила о судебной власти епископа

Апостольское правило 12: *аще кто из клира, или мирянин, отлученный от общения церковного, или недостойный приятия в клир отшед во ином граде принят будет без представительной грамоты: да будет отлучен и приявший и приятый.*

Апостольское правило 13: *аще же будет отлученный: да продолжится ему отлучение, яко солгавшему и обманувшему Церковь Божию.*

Аристен: если кто *собственным епископом отлучен* (*Παρὰ τε ἰδίῳ ἐπισκόπῳ ἀφορισθῇ*) и отшедши к другому епископу, скроет о своем отлучении и будет принят им, отлучение да продолжится ему, как солгавшему и обманувшему Церковь Божию (Σ II; 17,18).

Пидалион: сие правило говорит о клирике и мирянине отлученном: если клирик или мирянин, *отлученные архиереем их*, уйдут в другое место, скроют и не объявят, что отлучены и поэтому будут приняты архиереем того места, таковым отлучение должно быть продолжено, поскольку сказали ложь, и подвергли осмеянию Церковь и архиерея этого места (9).

Славянская кормчая: *аще кто от своего епископа отлучен быв*, и отшед ко иному епископу, утаив отлучение и прият будет от него, больше да продолжится отлучение его, яко солга и соблазни Церковь Божию (л. 3, об.).

Апостольское правило 32: *аще который пресвитер, или диакон от епископа во отлучении будет: не подобает ему в общение прияту быти иным, но точию отлучившим его; разве когда случится умрети епископу отлучившему его.*

Зонара, Вальсамон и Аристен: сие правило предписывает, чтобы *отлученные своими (ὑπὸ τῶν ἰδίων) епископами* не были приемлемы, или разрешаемы от епитимии другими. И в случае смерти епископа, произнесшего отлучение, отлученный может быть принят в общение только преемником умершего епископа, или же высшим его напр. митрополитом, или патриархом, разумеется по исследовании, но не епископом другой епархии, которому сие не дозволяется (Σ. II, 43.).

Толк. схолиаста в арменопуловом сокращении правил: «не о епископе другой епархии говорит правило, но о преемнике архиерейского достоинства скончавшегося епископа после его кончины. Но и при жизни отлучившего отлучение разрешается соборно, если окажется неправильно наложенным» (Leunclav. jus Graecorum 1,20).

Пидалион: два обстоятельства должно заметить при изъяснении сего правила: первое то, что все справедливо, или несправедливо *отлученные их епископом* должны оставаться отлученными и не осмеливаться свергать *(καταφρονεῖν)* отлучение до тех пор, пока не будет об этом Церковного исследования (Сард. 14, Корф. 34) исключая того случая, *если они осуждены прежде рассмотрения дела судом и призвания в церковное судилище.* Второе то, что, *если епископ отлучит* кого-нибудь по той причине, что тот исповедал ему свой грех, и если отлученный после будет запираться, прочие епископы не должны быть в общении с отлучившим, доколе он не будет в общении с отлученным (20).

Славянская кормчая: аще который *пресвитер, или диакон отлучен быв от своего епископа,* и живу сущу и еще отлучившему его епископу, аще приидет к другому, несть достоин прият быти от него (л. 8 об.).

Иоанн: сим правилом запрещается епископам принимать из чужих епархий клириков, *отлученных своими епископами* и не дозволяется разрешать связанного *церковным судом,* или принять в общении отлученного никому, кроме самого связавшего или отлучившего епископа. Это необходимо для сохранения порядка и силы *в церковном суде,* чести каждого епископа, как самостоятельного пастыря в своей Церкви и неприкосновенности прав его. Беспорядкам и злоупотреблениям не было бы конца, если бы все отлученные одними епископами могли

беспрепятственно получать разрешение от других епископов. Апостольское правило предполагает только одно исключение, *когда случится умереть епископу отлучившему;* тогда разрешит отлученного может и другой епископ. Впрочем, в правиле *другой* означает не всякого *постороннего* епископа, а, по замечанию лучших толкователей сего правила, именно преемника умершему епископу, *дабы во всяком случае дело оставалось в пределах местной епархии или Церкви и не переходило в другую.* К сему другие правила еще присовокупляют, что отлучение может быть снято *судебным порядком,* когда отлученные будут искать суда и успеют в своем оправдании, но не иначе как пред властью высшею той, которая отлучила их, как-то: *властью собора противу одного епископа,* или властью большого собора против меньшего (см. 1 Всел. 5; 2 Всел. 6; Антиох. 3, 6, 20; Сард. 13; Карф. 11). „Опыт Курс. церковн. законовед.” 1, 175, 176. Сравн. Преосвящен. Макария „Православн. догмат. богослов.” III, 297.

Апостольское прав. 37: *дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия.*

Зонара: ради случающихся сомнений о догматах и других церковных дел, *и ради подвергаемых от епископа отлучениям, если они жалуются на отлучивших* признали священные Апостолы необходимым, чтобы епископы каждой области собирались вместе дважды в год, рассуждали друг с другом о возникающих сомнениях, и разрешали их (Σ. II. 50, сравн. Пидол. 23).

Славянская кормчая: сие убо правило преславных Апостол повелевает дващи в лете собору быти, о церковных вещех и о божественных повелений стязании и о разрешении недоуменных и неразумных вин, *и аще который епископ некие или епитимиями тяжкими, сиречъ запрещении или отлучением связал,* да и о таковых вещех рассудят вси епископи (л. 10).

1 Вселенск. собора 5-е правило: *о тех, которых епископы удалили от общения церковного*, *принадлежат ли они к клиру, или к разряду мирян, должно в суждении держаться правила, которым постановлено, чтобы отлученные одними не были приемлемы другими. Впрочем, да будет исследоваемо, не по малодушию ли, или распре, или по какому-либо неудовольствию епископа подпали они отлучению. И так, дабы о сем происходить могло приличное исследование за благо признано, чтобы в каждой области дважды в год были соборы: чтобы все вообще епископы области, собравшися воедино исследовали таковые недоумения: и таким образом достоверно оказавшиеся несправедливыми против епископа, основательно всеми признаны были недостойными общения, доколе не заблагорассудит собрание епископов произнести о них более снисходительное решение.*

Зонара: и Апостольские правила определяют, чтобы никто не принимал *отлученных своими епископами.* А как случается, что некоторые подвергаются отлучению несправедливо, по гневу, или по малодушию отлучившего, или по какому-нибудь пристрастию, то посему св. отцы постановили правило: *подвергать исследованию отлучения, разумеется когда отлученные жалуются на отлучивших,* признавая себя неправильно отлученными. Исследованию же быть от собора епископов области или всех, или большего числа. На соборах отцы предписали исследовать таковые недоумения; и таким образом достоверно, и несомнительно оказавшиеся погрешившими (ибо находящемуся под епитимиею свойственно запираться в том грехе, за который наложил на него епитимию епископ) основательно, или справедливо должны быть от всех признаны отлученными доколе не заблагорассудит собрание епископов произнести о них более человеколюбивое решение.

Аристен: отлученный *своим епископом* не должен быть принимаем другими без исследования и без совещания; но должно рассмотреть причину отлучения не без основания ли наложено отлучение, не по малодушию ли, или распре, или другому какому неудовольствию епископа. Итак, дабы ни подлежащие отлучению не были отлучаемы как случится, ни отлучающие их епископы не были оскорбляемы в следствие принятия отлученных другими епископами без исследования, св. собор определил дважды в году быть собору епископов в каждой епархии (Σ. 2, 125, 128).

Славянская кормчая: *от своего епископа отлучения заповедъ приемша,* от иного прияту быти без испытания и без взыскания вины несть достойно: но и вины отлучения смотрети подобает да не когда не по достоянию нанесено бысть нань отлучение, но от малодушия: се же есть от ярости епископли, или от распри некие, или иные ради вины се сотворшу страстные воли епископли; страстная же воля есть, еже рещи, не сотворил ми еси сего, да будеши отлучен. Но убо да ни отлучаемии кроме подобные вины отлучаются: ни отлучающии их епископи

преобидени будут другим епископом приемлющим без испытания таковые, сего ради дважды в лете в коейждо области собору быти святый собор повеле, да общею волею всех епископов тоя области всяко совопрошение и истязание церковное и всяко прекословие разрешится (л. 33 об.).

Пидалион: настоящее правило определяет, чтобы о клириках и мирянах, *отлученных епископами каждой епархии* имело силу и пребывало твердым существовавшее узаконение (Ап. 32 и 12) определяющее, чтобы отлученные одними епископами не были принимаемы другими. Но должно быть исследование не по малодушию ли или распре, или другой какой страсти *епископа отлученные подверглись отлучению* (71).

Иоанн: Св. собор повторяет с некоторыми дополнениями Апостольские правила 32 и 37. Мысль этих правил троякая: 1) уничтожить беспорядки и злоупотребления, происходившие от того, что *осужденные одними епископами* переходили к другим, искали и находили у них оправдание и покровительство, не всегда справедливое; 2) предупредить злоупотребления власти со стороны самих *епископов, которых частный суд Никейское правило подчиняет общему суду собора, а осужденным дает право апелляции от первого к последнему;* 3) *установить общий порядок церковного суда, так чтобы судные дела с апелляциями не переходили из одной Церкви в другую, но решались окончательно в пределах местной Церкви.* Так изъяснил это правило Константинопольский 1, Вселенский 2-й собор: „областные епископы, говорит он, да не простирают своей власти за пределы своей области, и да не смешивают Церквей; при чем явно есть, яко дела каждой области благоучреждати будет собор той же области, как определено в Никее (II всел. 2). Тоже правило подтвердили другие соборы (Антиох. 20). На основании его поместные Церкви востока и юга обличали Римских пап в принятии к себе отлученных из разных мест, и отказывали в праве требовать к себе перенесения дел из других областей, или пересуживать соборные решения. Так наприм. собор Африканских отцев (427) на подобное требование папы Целестина отвечал: умоляем вас, дабы вы впредь не допускали легко до вашего слуха приходящих отселе, и не соизволяли впредь приимати в общение отлученных нами; ибо твоя досточтимость удобно обрящет, яко сие самое определено и Никейским собором. Аще же сие является тако соблюдаемым касательно низших клириков и мирян: кольми паче хощет собор, чтобы сие соблюдаемо было касательно епископов. Итак, те, которые в своей епархии отлучены от общения, да не явятся восприемлемыми в общение твоею святынею, с намерением и якоже не подобает. Подобно и бесстыдные набеги пресвитеров и следующих за ними клириков да отженет святыня твоя, как сие и достойно тебя. Ибо невозбранено сие и для Африканской церкви никаким определением отцев; да и определения Никейского собора, как клириков низшей степени, так и самих епископов явным образом обратно отсылают к собственным их митрополитам. Разумно и праведно признал он, что какие бы ни возникали дела, они должны быть оканчиваемы в своих местах (I, 294, 295).

Преосв. Иоанн, епископ Алеутский: Это правило постановляет, чтобы *отлученные от церковного общения одним епископом* не были принимаемы другим; ежели кто почитает себя отлученным несправедливо, тот должен обращаться с прошением о разборе дела к местному собору. Этим правилом собор *высший суд над епископом* предоставляет не епископу Рима, а собору, долженствующему составляться из нескольких епископов. („История Вселенск. соборов”, выпуск. I. стр. 58, 59).

В том же смысле изъясняет и употребляет это правило *митрополит Андрей Шагуна* (Compendium d. Kirchen-Rechts, § 163. S. 125).

Беверегий: в примечаниях на 5 правило I Вселен. собора: „древние *права епископов* подтвержденные и Вселенским собором суть: им принадлежит право пасти вверенное им стадо, *и судить погрешающих* (delinquentes judicare), и никому не дозволяется апеллировать куда-нибудь в другое место, даже и в Рим; ибо епископы африканские имеют не меньшую власть, как и сам римский, и все церковные дела должны быть рассматриваемы и оканчиваемы епископами области, в которой возникло дело (Annotat. in can. Concil. Nic. p. 49)“.

Гефеле: „уже до-никейское церковное право запрещало отлученного одним епископом принимать в церковное общение другим, и Апостольское правило (12) угрожает за такое принятие отлучением. И дальнейшее определение Никейского собора (5), что *приговор об отлучении постановленный одним епископом* должен быть исследуем областным собором и может быть отменяем им, если и не буквально, то по смыслу, *содержится в 37 Апост. правиле*, которое говорит, что областной собор должен решать случающиеся церковные прекословия (Conciliengeschichte, I, 370, 371).

Фесслер (D. Kanonische Process in vorjustinian. Periode S. 34, 35: это правило содержит определение об отлученных, будут ли это клирики, или миряне, чтобы отлученные от церковного общения одним епископом не были приемлемы другим. Впрочем, должно исследовать не по неудовольствию ли какому и нерасположению епископа последовало отлучение. Чтобы могло иметь место правильное исследование об этом, в каждой области должно быть два раза в году собору, дабы в собрании всех епископов целой области были исследованы таковые споры, и те, которых *осуждение* (Verurtheilung) *епископом* признано будет на соборе правильным, от всех были признаваемы отлученными".

Г. Соколов *1870: Соборы* были *судебными учреждениями* предназначавшимися *для* разрешения *дел, превышавших судебную компетентность отдельных епископов с их советами, –* или *высшими инстанциями для пересмотра, в апелляционном порядке, процессов уже разрешенных и оконченных в местном суде епископом.* С таким назначением епархиальные соборы являются при первоначальном своем учреждении. Уже 37 прав. Апост., устанавливая дважды в году соборы епископов, указывает для них между прочим такую цель: да разрешают случающиеся церковные прекословия. Назначение соборов как апелляционных инстанций, прямо указывает 5 прав. 1 Никейского собора. Это правило важно еще и в том отношении, что ограждает самостоятельность и неприкосновенность церковного суда в каждой инстанции от произвольного вмешательства других, хоть бы и высших властей. „О тех, которых епископы, по каждой епархии удалили от общения церковного, принадлежат ли они к клиру, или к разряду мирян, должно в суждении держаться правила (Ап. 32), которым постановлено, чтобы отлученные одними не были приемлемы другими". Таким образом решение каждого местного суда должно быть крепко и не может быть произвольно отменяемо какою-либо другою властью. Но чтобы обвиненный не оставался без средств к защите и оправданию, и местный суд, со своей стороны, имел возможность законно отклонять от себя подозрения и порицания в пристрастии и несправедливости, собор постановляет, чтобы исследовано было „не по малодушию ли (т. е. не под влиянием ли какой-либо внешней силы, которой судья не имел твердости противостоять), или распре, или по какому-либо подобному неудовольствию епископа, подпали обвиненные отлучению». Только собор имеет право перерешать постановления местного суда, или оказывать снисхождение обвиненным». („Правосл. обозр." 1870, ноябрь, 601, 602).

Свидетельство о судебной власти епископа видит в этом правиле и г. *Барсов 1870 г.* („Христ. чт." 1870, октябрь, 592). Он говорит: „подсудимые и обвинители пользовались правом переносить свои дела от низшего суда к высшему, если решением первого были недовольны (1, 5). Но решение низшего суда сохраняло свою силу до тех пор, пока оно не было перевершено судом высшим (593, 594).

IV Всел. собора правило 9: *аще который клирик с клириком же имеет судное дело: да не оставляет своего епископа и да не перебегает к светским судилищам. Но спервa да производит свое дело у своего епископа, или, по изволению того же епископа, избранные обеими сторонами да составят суд. А кто вопреки сему поступит: да подлежит наказаниям по правилам. Аще клирик со своим, или со иным епископом имеет судное дело, да судится в областном соборе.*

Зонара: сие правило предписывает, чтобы клирики имеющие друг с другом дела, т. е. обвинения друг на друга и иски *(δίκας καὶ υπόθεσεις) производили их у своего епископа,* и не ходили к светским судам, ибо это было бы пренебрежением и обидою для епископа; или с ведома и дозволения епископа обращались со своими исками *(υπόθεσεις)* к судьям, избранным сторонами. Неповинующиеся заповеданному сим правилом подлежат каноническим епитимиям *от их епископов.* Это на тот случай, если клирики судятся друг с другом. Если же клирики жалуются на епископа своего, или другого и взводят на него обвинение; то судьями правило поставляет епископов этой области.

Вальсамон: святые отцы, определив, чтобы все клирики были подчинены местному епископу (под именем клириков разумеются и монахи) прибавляют настоящим правилом, что *клирику* не дозволяется *вести дело* против клирика в светском суде, но *у своего епископа,* или, по изволению епископа, у кого захотят стороны, разумеется из лиц компетентных, т. е. церковных. Если же клирик имеет жалобу против своего епископа, или против другого, дело исследуется у подлежащего митрополита области. Итак, мы должны сказать, что если клирик хочет вести дело против клирика, или епископа, он должен, по законам, идти в суд того, против кого ведет дело (actor forum rei sequitur, *φόρῳ τῷ ἐναγομένῳ ἀκολῳθείτω). Клирики и монахи*

должны быть привлекаемы к суду местного епископа, епископ к суду митрополита. Не дозволяется клирику, положим, Афирской епархии искать суда против соклирика у митрополита Ираклийского. Спросят: если клирик с клириком не захочет судиться у своего епископа, но обратится к митрополичьему суду, теряет ли он свое дело? Не теряет дела, потому что обращается не к светскому суду; но подлежит епитимии по настоящему правилу (Σ. 2, 238, 239).

Пидалион: когда какой-нибудь *клирик имеет суд (крίσιν) с другим клириком,* то, по настоящему правилу, не должен оставлять собственного своего епископа (*τὸν ἐδικὸν τῷ ἐπ ισκοπου*) и искать суда в светских судилищах; но прежде *должен обращаться к своему епископу,* или с ведома и дозволения своего епископа пусть рассматривается судное дело избранными судьями (107, 108).

Славянская кормчая: аще *причетник* имать нечто на причетника не *подобает* ему *судитися* пред мирскими судиами, но *от своего епископа.* Аще же оставивше своего епископа к мирскому судищу приступят, по правилом запрещение да приимут (л. 96, 97).

Иоанн: изображенный в этом правиле порядок судных дел между духовными лицами установлен соборами еще в прежнее время (II Всел. 6; Антиох. 20; Корф. 15, 28 и др.) Надобно только заметить, что правило Халкидонского собора говорит не о церковных делах, или касающихся священнослужения, которые сами по себе всегда подлежат суду духовного начальства, но о делах частных, личных между духовными, напр. спорных, тяжебных, делах по взаимным неудовольствиям, обидам и т. п. Духовное правительство первых веков заботилось о том, чтобы и этого рода дела духовенства оканчивались судом духовным и не переходили к судам светским: как для того, чтобы усилить нравственное влияние на духовенство его собственного начальства, так и для того, чтобы оградить духовенство от судебных истязаний, унижения, взысканий гражданских, каким оно неизбежно должно бы было подвергнуться на судах мирских (Карф. 15, 117). Так собор Халкидонский определяет, чтобы *клирики обращались* со своими делами сперва *к своим епископам, которые или сами непосредственно решали тяжбы,* или поручали суду посредствующему, избранному по согласию тяжущихся также из духовных лиц (Карф. 17. 37). Если клирик имел судное дело с самим епископом своей, или чужой епархии, они должны были судиться на областных соборах (II, 277, 278).

Гефеле: что наше *правило* не только *церковные,* но *и гражданские споры клириков хочет предоставить прежде рассмотрению епископа,* это не подлежит сомнению. Точно также из слова: *прежде (πρότερον)* видно и то, что оно привлечение к светскому суду не совершенно отвергает, но признает это дозволенным после того, как первая попытка епископа к прекращению спора не удалась. Это постановляется и в 123 новелле Юстиниана (Conciliengeschichte II, 494).

Г. Соколов: 1870 г. в 9-м правиле IV Вс. собора видит предписание клирикам производить *судебные дела у своего епископа* („Прав. обозр.” 1870, ноябрь, 594), притом не только *по обвинениям в преступлениях,* но и тяжебные (599).

Г. Барсов: 1870 г. в этом правиле также находит постановление о суде епископа над клириками („Христ. чт.” 1870 сент. 475).

В правиле 23 IV Вселенского собора упоминается об *отлученных от общения церковного своим епископом (ἀκοινώνητου παρὰ τῷ ἰδίῳ ἐπισκοπῳ).*

VI Вселенс. собора пр. 102: *приявшие от Бога власть решити и вязати должны рассматривати качество греха и готовность согрешившего к обращению и тако употребляти приличное недугу врачевание, дабы не соблюдая меры в том и другом не утратити спасения недугующего…. У Бога и у приявшего пастырское водительство все попечение о том, дабы овцу заблудшую возвратити и уязвленную змием уврачевати.*

Зонара: изложив правила о многих и различных епитимиях, и назначив за каждое из исчисленных падений соответствующую епитимию, *собор* в заключение *в настоящем правиле все предоставил суду епископов.* И должно, говорит, смотреть не только на качество греха, велик он или мал, но и на расположение согрешившего, и на то, как он расположен к покаянию.

Вальсамон: и на других соборах определено, что местный епископ, приявший от благодати Всесвятого Духа власть вязать и решить, не всегда стесняется узаконенным в правилах касательно епитимий, но может приспособлять их к лицам, которые подвергаются епитимии, к возрастам их, к расположениям, к занятиям, равно как и к качеству греха; и таким образом к каждому недугу прилагать соответствующее врачевание. И *настоящее правило* определяет тоже самое, *предавая все дело врачевания чрез епитимии в рассмотрение* врачующего, т. е. *местного епископа* и того, кому он поручит (Σ. II, 550 – 553).

Пидалион: дав определения о многих и различных епитимиях, наконец в настоящем правиле *собор предоставляет все суду епископов* и духовников (176).

Новейший толковник: каноны начертывая правила для примирения с Церковью падших и устанавливая для них определенные роды церк. наказаний, замечают: „позволительно» *епископу* и человеколюбнее нечто о них устроити (1 Всел. 12), или: *епископы* да имеют власть, испытав образ обращения, человеколюбствовати, или большее время покаяния приложити (Анк. 5). Каноны повелевают, „во-первых, рассматривати расположение согрешившего и наблюдати к здравию ли он направляется, или напротив собственными нравами привлекает к себе болезнь и как между тем учреждает свое поведение (VI Всел. 102). Вообще каноны предоставляют внутреннему убеждению *судьи* вменить, или не вменить виновному преступление, усилить, уменьшить, или вовсе отменить для него самое наказание».

VII. Вселенского собора прав. 4: *определяем да отнюдь не умышляет епископ из низкой корысти, употребляя в предлог мнимые грехи, требовати злата, или сребра, или иного чего от подчиненных ему епископов, или клириков, или монахов. Сего ради аще усмотрено будет, что кто-либо ради истязания злата, или иного чего, или по некоей своей страсти возбраняет служение, и отлучает кого-либо из своих клириков, таковой должен подвержен быти тому, чему подвергал другого.*

Зонара: епископ не должен просить от подчиненных ему епископов, клириков и монахов золота, или серебра, или другой вещи. Если бы какой-нибудь *епископ* просил чего-либо от подчиненных и видя их непреклонными *отлучил их,* то он должен и сам быть отлучен – и именно епископ от митрополита своего, а митрополит от патриарха, которому подчинены.

Вальсамон: для искоренения в христианах страсти скверно-прибытчества отцы определили, чтобы архиереи не имели власти требовать от подчиненных им епископов, или монахов, или клириков золота, или другой какой вещи; и чтобы архиерей по этой причине отлучающий кого-либо из подчиненных ему подлежал тому же самому наказанию. Если же есть какая-нибудь каноническая вина и за эту вину архиерей просит от подчиненного золота или серебра, – должен он получить извинение? Ни каким образом. Ибо если это сделает; то будет наказан как преступник заповедей Божиих и как продающий душевное спасение подчиненного ему. Ибо падшего должно наказывать по правилам *(κατὰ κανόνα κολάζειν)* и не оставлять канонического исправления из-за скверного прибытка. Ибо правило заповедует архиереям не господствовать над клириками их, то есть, не пользоваться ими как рабами и служителями, но без пристрастия и насилия пасти и исправлять их. Заметь из этого правила, что подлежит извержению архиерей не только за отлучение его клирика из-за скверного прибытка, но и за другое такое действие по другой не благословной вине.

Аристен: *налагать епитимию и отлучать* священными правилами *дано епископам* с тем, чтобы падения подчиненных им клириков и прочих были исправляемы духовно и вместе отечески. Если же некоторые, злоупотребляя сею властью, отлучат кого, или предадут епитимии из-за своей страсти, или не получая от них золота, или другой какой вещи, то справедливо подвергнутся тому же, дабы научились не налагать епитимий безрассудно (Σ, II, 567–572).

Пидалион: .... *Если* какой *архиерей наложит запрещение, или отлучение на какого-нибудь иерея, или клирика* дабы получить деньги, или по какой-нибудь другой страсти, то и сам подвергается тому же самому, т. е. запрещению, или отлучению (186).

Славянская кормчая: еже *запрещати и отлучати*, сего ради *дано есть* от священных правил *епископом*, да прегрешения сущих под ними причетник и прочих людей духовно же купно и отечески исправляют. Аще же нецыи епископи на власть сию надеющеся отлучат некие или запрещение дадят, или упразднят кого от службы, своей ради страстной воли, или истязание ради злата или иного некоего образа, таковии вправду той же страсти повинни будут (л. 210, 211).

Иоанн: Хотя древние правила Церкви предоставляли духовной власти полное право отлучения виновных по своему суду, но и весьма строго запрещали действовать этим правом по личным страстям, или вражде и т. п. и для этого *отлученным* всегда *давали право искать оправдания пред высшим судом соборов,* и даже нарочито для этого установляли областные соборы по нескольку раз в году в каждой поместной Церкви, как это видим уже в правилах 1 Всел. собора и др. (I Всел. 5; Антиохийск. 9; Сард. 14 и пр.) *В наказание за несправедливый Суд* и злоупотребление власти VII Всел. собор определяет подвергать *виновных епископов* тем же наказаниям, которые они налагают на безвинных (11, 522).

Г. Соколов 1870 г.: *епископ, представитель поместной части церкви-парикии является самостоятельным органом судебной власти церковной. Ему принадлежит, по канонам право возбранять служение, отрешать от духовных должностей* (VII, 4). („Правосл. обозр.” 1870, ноябрь, 598).

Антиохийского собора прав. 4: *аще который епископ изверженный от сана собором, или пресвитер, или диакон своим епископом дерзнет совершити какую-либо священную службу: таковому отнюдь не позволяется на другом соборе ни надежду восстановления в прежний чин имети, ниже до принесения оправдания допущену быти.*

Зонара: когда обвиняются в преступлениях епископы, то для суда и исследования необходим собор. *Пресвитеры же и диаконы и прочие клирики судятся своим епископом (ὑπὸ τῳ̃ἰδίῳ ἐπισκόπῳ δικα ζονται) и ему предоставлено произносить приговор* (*καὶ ἀυτᾶ ψηφίζεσθαι δέδοται*). А если подвергшиеся приговору почитают себя несправедливо осужденными, приговор пересматривается митрополитом и собором области (Σ. III. 133).

Пидалион: настоящее правило определяет, что архиерей, изверженный собором, а *пресвитер, или диакон изверженные своим епископом (ἀπὸ τὸν ἐπίσκοπον τῳ) и* по извержении дерзнувшие совершать какое-либо священнослужение как и прежде, архиерей архиерейское, пресвитер пресвитерское, а диакон диаконское, *прежде рассмотрения суда над ними бывшего в другом высшем церковном судилище (πρὸ τῳ θεωρήθη ἡ κρίσις ἀυτῶν είς ἀλλοανώτερον εκκλησίαςικον κριτηριον*), – таковые не имеют более надежды восстановления на другом соборе, ни права на защищение (237).

Иоанн: *правило собора простирается равно и на епископов, лишенных сана соборами, и прочих священнослужителей, изверженных от священства своими епископами.* Это не значит того, чтобы осужденным своими властями не давалось никакого права апелляции, или права *обращаться к суду высшего начальства*, и от него искать оправдания, если только, разумеется, они сознают себя неправильно осужденными и могут доказывать то законным порядком. Как правила самого Антиохийского собора, так и всех других, всегда дают такое право подсудимым (I Вселен. 5; IV. Всел. 9. сн. Антиох. 6, 12, 14 и др.): но собор Антиохийский лишает сего права только тех, которые, или прежде исследования и *решения о них высшего суда,* или уже по дознании их виновности и при явных преступлениях, сами себя оправдывают и *не покорствуя* законной власти и *суду*, хотят насильственно удержать на себе свой сан и действовать его правами. Такие по справедливости лишаются своего сана навсегда и не допускаются до оправдания. Хотя бы даже *суд местной власти* был несправедлив и невинность осужденного несомненна, однако же правила повелевают ему оставаться под наложенным запрещением дотоле, пока *высшим судом* он не будет вполне оправдан (Карф. 38). Равным образом всем другим, и клирикам, и мирянам, правила запрещают иметь общение с находящимися под запрещением до окончательного решения их дел (1, 392, 393).

Согласно с сим г. **Соколов** 1870 г. („Правосл. обозр.” 1870. ноябрь, 598, 599), и г. **Барсов** 1870 г. („Христ. чт.” 1870, сентябрь 475).

Антиохийского собора пр. 6. *Аще кто своим епископом отлучен от общения церковного, такового другим епископам не прежде приимати в общение разве когда своим епископом принят будет, или когда составится собор, и он представ принесет оправдание и убедив собор, получит от него иное о себе решение (ἑτέραν ἀποφασιν). Тоже определение да соблюдается для мирян, и для пресвитеров, и для диаконов и для всех состоящих в клире.*

Аристен: *связавший может и разрешить.* По сему *клирика подвергнутого от епископа* епитимии и отлучению не должно принимать другому как бы не находящегося под епитимиею, если он не будет разрешен самим связавшим. Если же *собор переисследует дело об отлученном* и найдет, что отлучение произнесено без оснований, то может исправить худо сделанное и разрешить его, и сей приговор о нем входит в законную силу (Σ III, 138).

Славянская кормчая: связавший разрешити может. Сего убо ради запрещение приимшего причетника и отлученного от своего епископа не подобает епископу иному прияти, яко не отлученного, аще не разрешен будет от связавшего. Аще же собор, егда собираются епископи всея области в реченное время, отлученного вину испытают, и аще убо обрящут без вины отлучение, нанесенное нань от епископа его, может собор зле бывшее отлучение исправити и разрешити того; и бывший от собора суд да пребывает тверд и не разрушен (л. 65, 66).

Иоанн: Апостольские правила определили, что отлученного епископом никто не должен принимать в общение и разрешать, кроме *самого отлучившего епископа* (Апост. 12, 16, 32).

Антиохийский собор дополняет те правила, дозволяя отлученному обращаться к собору и от него искать себе разрешения по надлежащем оправдании. Если успеет доказать пред собором свою невинность, то *наложенное на него епископом отлучение* может быть снято, и он снова будет принят в церковное общение. Тоже определяют правила всех других соборов (I Всел. 5; II, 6; Сард. 13; Карф. II и др.) I, 395, 396.

Г. Барсов 1870: „в видах ограждения действий *суда местного епископа*, правила запрещают другому епископу принимать в общение с собою и допускать к служению клирика запрещенного, или низложенного *по суду соседнего епископа* (Ант. 6; I Всел. 5; II, 6; Сард. 13; Карф. 9, 11 и др.) „Христ. чт.” 1870, октябрь, 592.

Антиохийского собора прав. 9: *каждый епископ имеет власть в своей епархии и да управляет ею, с приличествующею каждому осмотрительностью, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов, и да разбирает все дела с рассуждением (και μετα κρίσεος ἑκὰςα διαλαμτβάνειν).*

Г. Соколов 1870 г. видит в этом правиле определение судебной власти епископа и право его *разбирать все дела между членами клира* („Правосл. обозр.” 1870, ноябрь, 598).

Антиохийского собора прав. 12: *аще который пресвитер, или диакон изверженный от своего сана своим епископом, или даже епископ изверженный собором, дерзнет стужати слуху царскому: подобает ему обратитися к большему собору епископов, и то, в чем мнится быти прав, предложити множайшим епископам, и от них приняти исследование и окончательный суд. Аще же сих пренебрегши, царю стужати будет: таковой да не удостаивается никакого прощения, да не будет места его защищению, и да не имеет он надежды восстановления.*

Зонара: сказано выше, как епископ *изверженный* от собора, или *клирик от своего епископа* может искать пересмотра состоявшегося о нем приговора, если считает оный несправедливым. Здесь правило запрещает извергаемым обращаться к царю, беспокоить его и просить, чтобы приговор против них был пересмотрен.

Вальсамон: Всякому осуждаемому судебным приговором, но почитающему себя несправедливо *осужденным дана помощь апелляции.* Итак, сие правило говорит, что если дозволено это епископам, равно как и *клирикам*, не дозволяется по этой причине беспокоить слух царский (Σ III. 140, 141).

Пидалион: из этого правила ясно, что если епископ *изверженный* собором, а *священник или диакон своим архиереем (υπὸ τῷ ἀρχιέρεως τῷ*) говорят, что суд несправедлив, то они имеют право просить о новом рассмотрении *суда об них* на большем судилище епископов *(είς μεγαλήτερον κριτήριον ἐπίσκοπων)* (240).

Иоанн: в сем правиле обращено особенное внимание на тех, которые быв *осуждены своими епископами,* или соборами приносили жалобы и апелляции прямо к царской власти, а не по порядку к высшему церковному суду. От сего происходили многие замешательства и даже несправедливости в делах церковного управления. *Церковный суд терял свою силу.* Справедливо осужденные своими властями успевали обманом оправдываться пред светскою властью и переменять о себе *решения епископов*, даже целых соборов, а невинные терпели незаслуженные наказания. Антиохийский собор, восстановляя древний порядок в Церкви, определяет, чтобы осужденные из духовных лиц, если почитают себя несправедливо осужденными, обращались *от суда своих епископов к соборам,* а от малых соборов, напр. провинциальных к большим, напр. областным, или окружным, и к ним переносили свои дела на рассмотрение и суд. Если же вместо сего осужденный обращался прямо к царской власти, то этою самою дерзостью и нарушением законного порядка он увеличивал свою виновность и уже терял всякое право оправдания. Таким образом правила запрещали снова исследовать его дело, а подвергали его решительному осуждению, без надежды восстановления в свой сан, или служение, которых он *прежним судом лишен был* (1, 403, 404).

Согласно с сим г. Соколов 1870 („Прав. обозр.” 1870, ноябрь, 595).

Антиохийского собора прав. 20: *ради нужд церковных, и ради разрешения сомнительных случаев, за благо признано быти в каждой области соборам епископов дважды в лето. К сим соборам да приступают пресвитеры и диаконы и все почитающие себя обиженными от собора да приемлют суд, (παρὰ τῆς Συνόδῳ ἐπικρίσεως τνγκάνειν).*

Зонара: и Святые Апостолы определили дважды в год быть соборам в каждой области, и на первом Никейском соборе в 5 правиле определено тоже; это же определено о соборах и настоящим Антиохийским собором. Настоящее правило говорит, что соборы должны быть ради

церковных нужд, т. е. вопросов о некоторых церковных установлениях и ради разрешения сомнений, т. е. напр. *жалоб*, *приносимых* некоторыми *на епископов за неправильное их отлучение или извержение* и ради других некоторых таковых сомнений (Σ. III, 162 163).

Пидалион: это правило немногим разнится от 37 Апостольского. Ибо определяет, что полезно быть соборам епископов в каждой области дважды в год. К сим соборам должны обращаться все почитающие себя обиженными, дабы рассмотрены были *судебные приговоры об них (κρίσεις τῶν,* 242).

Славянская кормчая: на тех же соборах приходят пресвитери и диакони и вси, иже мнятся неправедно пообидени от своих епископ, и судом от всего собора управляеми бывают (л. 70).

Г. Соколов 1870: в сем правиле *пересмотр, в апелляционном порядке*, процессов уже разрешенных и оконченных *в местном суде епископском,* указывается целью областных соборов. Подтверждая прежние постановления о времени и числе ежегодных соборов, правило говорит: „к сим соборам да приступают пресвитеры и диаконы, и все почитающие себя обиженными, и от собора да приемлют суд“ („Правосл. обозр.” 1870, ноября, 602).

Сар дик. собора правило 13: *Аще кто диакон, или пресвитер, или кто-либо из причетников будет лишен общения церковного, и прибегнет к иному епископу знающему его, знающему и то, что он своим епископом удален от общения: не подобает с обидою для епископа и брата своего подавати ему общения. Аще же дерзнет сие сотворити: да знает, что подвергает себе ответу пред епископами, когда они соберутся.*

Зонара: сие и Апостольские правила и многие соборные определили. Ап. 32 и 33, Антиох. 12.

Аристен: заведомо приявший *отлученного своим епископом пресвитера, или диакона или кого-либо из клирик в* и допустивший его к общению или служивший с ним, не без вины, но должен быть отлучен и сам по 12 правилу св. Апостол (Σ. III, 266).

Славянская кормчая: епископ аще приемлет пресвитера, или диакона или иного коего причетника сведый яко *от своего ему епископа отлучен есть,* и приобщит его, рекше, повелит ему с собою служити, таковой несть без вины, но и сам и его же прият, оба да будут отлучена, яко же второенадесять правило Св. Апостол повелевает (л. 113).

Гефеле: постановленное в сем правиле есть собственно повторение 6 Антиохийского правила, и уже Никейский собор главную мысль правила выразил в своем 5 правиле. Смысл правила следующий: *диакон, пресвитер, или другой клирик отлученный своим епископом* не может быть принят в общение другим епископом. Если сделает это епископ заведомо, должен отвечать пред собором (Concileng. 1, 572, 573).

Сардик. собора правило 14: *аще обрящется некий епископ, склонный ко гневу (что в таковом муже не должно имети места), и внезапно быв раздражен на пресвитера, или диакона, восхощет изринути некоего из Церкви: подобает предохранение употреблять, да не тотчас таковой будет осуждаем и лишаем общения, но да имеет право прибегнути к епископу митрополии тояже области. Аще же епископа митрополии нет на месте, прибегнути к соседственному епископу и просити да со тщанием исследуется дело. Ибо не должно заграждати слуха от просящих. А епископ оный праведно, или не праведно низвергший такового, благодушно сносити должен да будет исследование дела, и приговор (ἀπόφασις) его или подтвержден будет, или получит исправление. Но прежде нежели тщательно и верно исследованы все обстоятельства, отлученный от общения до рассмотрения дела не должен присвояти себе общения, Аще же сошедшеся некоторые из клира увидят в нем пренебрежение власти и надменность, то (поелику не прилично попускати обиду, или неправильное порицание) долженствуют несколько суровыми и тяжкими словами обращати его к порядку, да соблюдается покорность и повиновение повелевающему должное. Ибо как епископ обязан являти подчиненным искреннюю любовь и расположение: таковым же образом и служащие обязаны непритворно исполняти долг служения епископам.*

Зонара: Если епископ, говорят отцы, раздражительный и гневливый, по движению гнева против диакона и пресвитера извергнет его из церкви или отлучит, то должно заботиться, чтобы таковой не вдруг и без исследования лишаем был общения. Изверженный может прибегнуть к митрополиту области, которому подчинен извергший его епископ и просить, чтобы он тщательно исследовал дело, или действие епископа в отношении к нему. Ибо не должно отвергать просящих.

Вальсамон: Известно из других правил, что *не дозволяется епископам без суда отлучать клириков их.* Настоящее правило говорит, что если епископ раздражительный и гневный, во гневе отлучит пресвитера своего, или диакона, должно позаботиться, чтобы не тотчас почитать его осужденным. Ибо Господь сказал: *приимите Дух Свят, им же отпустите грехи, отпустятся, и им же держите держатся,* а не сказал: „не согрешающих наказывайте“. Но отлученный пусть имеет право обращаться к митрополиту области, которому подчинен отлучивший епископ. При сем отлученный, пока дело об отлучении его исследуется, не должен действовать самосудно и не должен священнодействовать прежде оправдания. Ибо уничижающий вас, говорит, меня уничижает. Заметить из настоящего правила и то, что *необидно для епископа, если отлученный ищет нового исследования причины отлучения.*

Аристен: клирик, отлученный епископом даже и по движению гнева, если обратится к митрополиту, которому подчинен епископ с просьбою, дабы он исследовал причину отлучения, благословна она или нет, – должен быть принят. Но прежде исследования и дознания того – основательно он отлучен или нет, он не должен быть допущен до общения, а состоит под запрещением *(*Σ III, 268–271).

В другом месте **Аристен:** это правило производит смешение и соблазны. Ибо то, чтобы клирик отлученный своим епископом обращался к митрополиту его епархии и жаловался последовательно и правильно. А то, чтобы в отсутствии митрополита отлученный обращался к соседним епископам и поставлял их судиями (*ἐξεταςὰς*) епископа, не подчиненного им, неосновательно и может произвести смятение. Посему то это правило и не всеобще (*ὡδὲ καθοληκὸς ἐςί)* и не действует в других областях, но как поместное в Карфагене и в Африке (Аристен это второе толкование дает на Сардикийское правило, когда оно было приведено на Карфагенском соборе) Σ. 111, 292.

Согласно с последним Аристеновым толкованием изъясняет это правило и один *неизвестный по имени греческий схолиаст:* „это правило (14 Сардик.) противно прежде его изданным и может быть виною смешения и соблазнов. Ибо, чтобы клирик, осужденный судом епископа (*καταδικασθέντα υπὸ τῳ ἐπισκόπῳ τον κληρικὸν)* обращался к общему митрополиту – это последовательно и согласно с правилами. А то, что бы в отсутствие его тотчас перебегал к другому и делал начальствующим и исследователем над своим епископом никогда не имевшего над ним власти (ибо с исследованием дела производится вместе и исследование о сделавшем, который и подчиняется суду) – сколь неправильно, сколь много угрожает смущением и беспокойством, и сколь вредно для благочиния! (Pitra Iuris Eccles. Graecor, Monum. II, 649).

Пидалион: настоящее правило определяет, что если какой-нибудь епископ гневный, будучи движим гневом, отлучит пресвитера, или диакона, должно позаботиться, чтобы таковой не лишен был общения без причины и тотчас, но чтобы имел право обратиться к митрополиту отлучившего епископа, а если нет митрополита, к ближайшему чужому митрополиту, дабы рассмотрена была тщательно причина сего отлучения, поскольку несправедливо не выслушивать просящих, чтобы исследован был *суд об них (νᾶ εξετασθῆ ἡ κρίσις τῶν).* В то время, когда исследуется *суд (κρίσις)* епископ справедливо или несправедливо отлучивший должен с терпением ожидать, пока или будет утвержден постановленный им приговор отлучения как справедливый, или будет исправлен, как не справедливый *(να κυρωθῆ ἡ απόφασις τῳ ἀφορισμῳ ὁπῷ ἔκαμε*, *δικαία ὦσα , ἤ νὰ διορθωθῆ ἄδικος ὥσα*. 238)

Славянская кормчая: иже от епископа по гневу отлучен будет от общения пресвитер или диакон, или причетник, и приступит к митрополиту, под ним же есть епископ его, моляся ему испытати вину, ее же ради отлучен есть, аще по правде есть, или ни; аще же обрящется прав, да будет приятен. Аще же прежде не истязан будет, ни рассмотрится о нем, аще добре отлучен есть, или ни, да не будет прият на общение, но в том запрещении да будет (л. 113 об.).

В толковании этого правила, приведенного в числе Карфагенских *Славянская кормчая:* се правило смятению и соблазну вина есть. Аще убо *отлучит епископ своего причетника,* к митрополиту области тоя да прибегнет и припадет: тако подобно есть и по правилам. Митрополиту же отшедшу к ближним епископам отлученному припадати на своего епископа и поставляти тех истязатели епископу, иже несть под ними, таковое дело чрез подобу есть, и соблазн сотворяет. Того ради убо не соборно есть правило се, и во инех стран Церквах не держится, но яко поместное в Карфагене, и во Африкии приятно есть (л. 118 об.).

Иоанн: это общие постановления Церкви всех мест и времен (Ап. 12, 16, 32; 1 Всел. 5; Антиох. 3, 6, 12; Карф. 9 и др.) *Епископ*, *осудивший своего клирика*, не имеет права

препятствовать *его апелляции к высшему суду*, кроме тех только случаев, когда осужденный, прежде исследования дела, не подчинялся возложенному на него запрещению и хотел священнодействовать, или присвоить себе общение как ни в чем невиновный: тогда апелляция от него уже не могла быть принята, и он навсегда лишался своего звания (Антиох. 4, Карф. 10, 11), – особенно, если по дознании, *первое осуждение его* оказывалось справедливым (1, 487, 488).

Гефеле: подобные постановления содержатся и в 5 правиле Никейского и 20 Антиохийского соборов (Conciliengeschichte, 1, 575).

Г. Соколов 1870: приговор низшей инстанции считается действительным, несмотря на апелляцию, и только в известных случаях приостанавливается его исполнение до тех пор, пока не будет постановлено новое решение. Сард. 14. („Прав. обозр.” 1870, ноябрь. 608).

Сравн. Преосвящ. Макария „Догмат. богослов.” III, 297.

Карфагенского собора прав. 9: *аще который епископ, или пресвитер приимет в общение праведно изверженных за свои преступления из Церкви: да будет и сам повинен равному осуждению с уклоняющимися от правильного приговора своего епископа (τῷ οἰκείῳ ἐπισκόπῳ τὴν κανονικὴν ψῆφον,* episcopi regulare judicium).

Зонара: то же постановлено в правилах Апостольских 11, 12 и 32, Антиохийского собора 6 и Сардикийского 13.

Валсамон: читай св. Апостол правила 11, 12 и 32, Антиохийск. собора прав. 6 и Сардик. 13; в них определяется, что должно быть с принимающими изверженных, или отлученных клириков, а равно и с принимающими отлученных мирян. Настоящее правило определяет, что если клириков по правильному суду за сделанное ими преступление отлученных от Церкви, другой епископ, или пресвитер примет в общение, то и сам он должен быть наказан так же, как допущенный им в общение. Итак, совокупляя определенное другими канонами и настоящим, говорит, что если изверженного клирика примет другой епископ в священническое общение, подвергнется извержению, а если с отлученным помолится, будет отлучен.

Аристен: принимающий *отлученного своим епископом* и совершающий вместе с ним Божественную службу зная о его отлучении да будет отлучен и сам (Σ. III, 317).

Пидалион: настоящее правило определяет, что если какой-либо епископ, или пресвитер вступит в общение с теми, которые *собственным их архиереем (ὑπὸ τῷ ἐδικῷ τῶν αρχιερέων) отлучены от Церкви, или извержены, или преданы анафеме* по справедливости и по достоинству их преступлений, то и сами принявшие должны подпасть тому же самому, т. е. отлучению, извержению, или анафеме (275).

Славянская кормчая: аще которого *пресвитера или диакона отлучит свой епископ,* и другой епископ ведый его отлучена, и примет и сподобит его служити, и сам отлучен, и той егоже служити с собою сподобил есть, недостойна суща (л. 121, 122).

Карфагенского собора правило 10: *аще который пресвитер от своего епископа осужденный, вознесшись надмением некиим и гордостью, должным быти возмнит отдельно приносити Богу святые дары, или умыслит воздвигнути иный олтарь, вопреки церковной вере и уставу: таковой да не будет оставлен без наказания. Собор рек: аще который пресвитер против епископа своего возгордясь сотворит раскол: да будет анафема.*

Зонара: если пресвитер подвергнутый отлучению, вознесется надмением, т. е. тщеславием и гордостью и особо сам по себе будет приносить Богу жертву, или сам создаст новый алтарь вопреки Церковной вере и установлению, то он оказывается производящим смятение в Церковном установлении, ибо *пресвитеры должны быть подчинены епископу.* Противодействуя епископу, он вместе поступает и против веры, ибо неверные видя, что бесчинно живут посвященные будут смеяться над верою. Таковые не должны быть без наказания; посему-то собор и полагает на них анафему.

Аристен: *отлученный своим епископом* и не обращающийся к *собору,* которому подчинен его епископ, *дабы он исследовал причины отлучения и исправил сделанное без основания,* – но по надмению и гордости презревший епископа и отделивший себя от Церкви, водрузивший другой алтарь и приносящий Богу Святые дары, не будет без наказания, но подпадет анафеме, как делающий сие против Церковной веры и установления (Σ. III, 318, 319).

Славянская кормчая: *епископ аще своего пресвитера некоей ради вины отлучит:* он же не приидет к собору той области епископу, в ней же епископ его есть, ни возвестит о своем отвержении, да испытавше епископи, неподобну бывшую вину на нем исправят: но гордынею и

буестию своею вознесся, о таковем убо не радя, но яко раскольник отторгнувся от соборные Церкве и особну Церковь поставив, и Святые дары Богови принес, таковой убо соборные Церкве вере и строению ругаяйся без муки не будет, но да будет проклят (л. 122).

Карфагенского собора правило 11: *аще который пресвитер в своем поведении осужден будет: таковой должен соседним епископам возвестити, дабы они выслушали дело, и дабы чрез них примирился он со своим епископом. Аще же сего не сотворит, но надмеваясь гордостью, удалит сам себя от общения со своим епископом, и вместе с некоторыми производя раскол, принесет Богу святое приношение: таковой да будет находящимся под клятвою, и да лишится своего места, впрочем, с рассмотрением, имеет ли справедливые жалобы на епископа.*

Зонара: и это правило тоже самое определяет, что и предыдущее, и говорит, что, если *пресвитер осужден своим епископом* в своем поведении, т. е. как нехорошо живущий, он должен дать знать ближайшим епископам, что он осужден своим епископом, дабы они по выслушании дела содействовали примирению его с епископом. Если же не сделает этого, а подсмеиваясь гордостью отделится от своего епископа, то не только потеряет свою степень, но и будет анафема. Но нужно смотреть и исследовать – не справедливо ли он обвиняет своего епископа.

Иоанн на 10 и 11: те же правила находим в числе Апостольских и соборных восточных. Для совершенной справедливости собор повелевает тщательно исследовать – не имеют ли такие пресвитеры справедливых жалоб на епископов. Ибо хотя жалобы, и справедливые, не могут извинять самовольного отделения пресвитеров от епископов, особенно же составления раскола: но строгое исследование жалоб может вести к законному удовлетворению обиженных и предотвращению отступлений (II, 137, 138).

Свидетельство о судебной власти епископа видит в этом правиле и г. *Барсов 1870 г.* („Христ. чт.” 1870, окт. 592, 594).

Карфагенского собора правило 12: *аще который епископ подвергнется некоему обвинению, и, по великим затруднениям, не можно будет собратися многим епископам: то дабы он долго не оставался под обвинением, да слушает его на суде дванадесять епископов, пресвитера шесть епископов и свой, а диакона три* [12].

Зонара: епископы в случае обвинения на них должны быть судимы своими соборами. Но когда неудобно будет собраться полному собору, или многим епископам, в таком случае, по определению собора, двенадцать епископов должны исследовать дело, дабы обвиненный епископ не оставался долго под обвинением, т. е. дабы, будучи заподозрен, не был презираем подчиненным ему народом, как обвиненный. В случае обвинения пресвитера довольно для суда над ним шести епископов, для исследования о диаконах довольно трех епископов. Это правило, по-видимому противоречит 4 правилу Антиохийского собора, которое определяет, чтобы епископы извергаемы были собором, а пресвитеры и диаконы своими епископами. Для соглашения сих правил может быть кто-нибудь скажет, что Антиохийское правило исследование обвинений на пресвитеров и диаконов возлагает первоначально (в качестве 1-й инстанции) на епископа и ему дает власть произносить об них приговор; а настоящее (Карфагенское) правило на тот случай, если осужденный своим епископом почитает приговор несправедливым, дает для пресвитера шесть епископов судей, а для диакона – трех.

Вальсамон: 4-е правило Антиохийск. собора определяет, что извержение пресвитеров и диаконов совершается одним епископом, а извержение епископов собором. Настоящее правило, по-видимому, противоречит Антиохийскому, определяя, чтобы по крайней мере 12 епископов судили епископа по делу о преступлении, пресвитера 6, а диакона 3. Но эти правила не противоречат одно другому. Антиохийское правило определяет вести суды иначе, а Карфагенское, гораздо позднейшее, предписывает, чтобы сии суды совершаемы были с гораздо большею осмотрительностью *(ἀσφαλεςέρως),* а законодательство, стремящееся к большей безопасности *(ἀσφαλέςερα)* не есть противоречие. А что для большей безопасности это узаконено, – это открывается из слов отцов, что тогда это бывает, когда неудобно собраться большему числу епископов; а если нет этого неудобства, то необходимо большему числу епископов слушать дела о преступлениях. Слова: *дабы епископ не оставался долго под обвинением* должно так толковать, – дабы епископ, о котором дело не решено, не был презираем паствою, как бы находящийся под обвинением. Таково содержание правила.

Аристен: обвиняемый епископ должен быть судим всем собором. Если же всем невозможно собраться, то он должен быть судим по крайней мере двенадцатью епископами, а пресвитер

шестью, диакон тремя. *Должен и собственный обвиняемых епископ здесь присутствовать и исследовать вместе обвинения против них* (Σ. III, 322–325).

Пидалион: епископ обвиняемый, по определению 4 пр. Антиохийского собора, должен быть судим областным собором. Если же неудобно собраться многим епископам, – настоящее (Карфагенское) правило предписывает, чтобы дело по обвинению епископа судимо было 12 епископами. Суд же по обвинению пресвитеров должен быть производим шестью чужими епископами и собственным, – диакона – тремя и собственным. Некоторые, соглашая Карфагенское правило с Антиохийским, говорят, что по Антиохийскому правилу дело о пресвитерах и диаконах в первый раз производит, и решение полагает собственный их епископ; Карфагенское же правило дает им дозволение искать себе суда у большего числа епископов в том случае, если они обжалуют приговор, постановленный об них их епископом (275).

Славянская кормчая: аще на епископа будет клевета о коем-либо гресе, подобает всея области епископом судити того собором. Аще ли несть мощно всем снитися, обаче дванадесять епископ да судят, меньше же сего да не будет. Пресвитера же о гресе оклеветаема, им же есть конечное извержение, шесть епископ да судят, седьмый же *свой ему епископ,* диакона же три епископи, и *свой ему четвертый:* и тако истязуются вины их и судими бывают (л. 122 об.).

Иоанн: по древним Церковным правилам епископа должен был судить собор всех областных епископов под председательством митрополита (Ап. 74; I Всел. 5; II Вселен. 6; Антиох. 14, 15 и др.); а *пресвитеров и диаконов всегда судили местные их епископы.* Только в случае недовольства решением этого суда, дозволялось обращаться к посредству других епископов, или к высшему суду собора (см. те же правила и Антиох. 6, 20, Сард. 13, 14 и друг.). Собор Карфагенский тоже определяет в других своих постановлениях (пр. 37): а в настоящем (12) правиле он имеет в виду те случаи, когда для суда над епископом не было возможности составить полного собора, по каким-нибудь препятствиям, или когда самые дела по свойству своему не требовали созвания такого собора, а могли быть решены и меньшим числом епископов. В таких случаях собор определил число епископов от шести (для суда над пресвитерами), до трех (для суждения диаконов) кроме епископа епархиального; а судить самого епископа предоставил двенадцати архиереям. Впрочем, это правило было принято не одною Африканскою церковью, но соблюдалось и в других (II, 139, 140).

Митрополит Андрей Шагуна (Compendium d. K. R.): В 12 Карфагенском правиле не находим мы основания к отступлению от 4 Антиохийского, и в нашем убеждении основываемся на 9 прав. IV Вселенск. собора, который был 32 года спустя после Карфагенского, и который также говорит о епископском суде, и именно предписывает клирикам не оставлять суда своего епископа. – Из 4 Антиох. правила и из 9 правила IV Вселенского собора мы получаем твердый базис *епископского суда, от которого апелляция восходила потом к митрополиту.* 12-е Карфагенское правило употреблялось в Африке, но не употреблялось в других Церковных областях. Думаем, что отцы IV Вселен. собора, сознавая неудобоисполнимость 12 Карфагенского правила для всех областей Церкви, подтвердили своим правилом Антиохийское (§ 430, S. 406).

Drey: в Африканской церкви апелляционные суды введены около того же времени (IV в.) и в первый раз собором, бывшим под председательством Грата, который (пр. 11) дозволяет каждому *клирику,* имеющему *жалобу на своего епископа подавать апелляцию к 3, 6 другим епископам* (Untersachungen über d. Apstol. Kanones. 338, 339).

Richter: эти правила ближайшим образом основываются на особенном принципе устройства Африканской церкви (Lehrbuch d. Kirchenrechts § 224).

Kellner (Buss-und Strafverfahren gegen Kleriker S. 118): Числа епископов, требуемых Карфагенскими правилами для суда над пресвитерами и диаконами, могут показаться слишком высокими и родить подозрение – не имела ли в виду Церковь этим намеренно затруднить жалобы на клириков. Но должно принять во внимание, что эти определения ближайшим образом рассчитаны на латинскую северную Африку, где число епископов было так велико, как нигде в христианском мире, и где не только малые города, но иногда и деревни, и села имели своих епископов. В других частях Церкви действовали другие и постановления. *В Восточной церкви епископ имел полную власть над пресвитерами, диаконами и клириками своей Церкви. Он один без собора мог их запрещать, низлагать и отлучать по своему усмотрению* (Антиох. 4). *Точно также было и во всей Латинской церкви, кроме Африки* (Сардик. 14).

Фесслер (D. Kanonisch. Process, S. 77): При рассмотрении этого правила не должно оставлять без внимания, что провинция Африка тогда имела очень много епископских престолов,

кажется более 400, так что это определение при многочисленности и близости епископов не причиняло никаких особенных затруднений.

Г. Барсов 1870: „жалобы или *апелляции на суд своего епископа клирики, по правилам Африканской церкви, могли приносить сначала соседним епископам, которые с епископом прежде судившим,* вновь рассматривали судное дело. При этом для выслушания жалобы от пресвитера требовалось *шесть,* от диакона – *три* соседних епископа (Карф. 12). „Христ. чт.” 1870, окт. 594.

Карфагенского собора прав. 14: *рассуждено, чтобы из Триполя, ради скудости страны един епископ приходил для местоблюстительства в собор, и чтобы тамо на суде слушали пресвитера пять епископов, а диакона три, как выше речено: явно же есть яко председати будет свой епископ.*

Зонара: в Триполе африканском мало было епископов. Поэтому собор определил, чтобы одного епископа посылать оттуда. По той же причине определил, что довольно пяти епископов для суждения пресвитера *под председательством епископа, которому подчинен судимый пресвитер,* так чтобы опять всех судей было шесть.

Валь самон : Есть и в Африке Триполь. И как в нем мало епископов; то собор определил, чтобы оттуда посылаем был в местоблюстители на ежегодные соборы только один, а пять епископов, по малочисленности архиереев, рассматривали дела по обвинениям иереев *(τάς ἐγκληματικὶς τῶν ἱερέων ὑπὸθεσις)* и три диаконов. *Сверх сих должны председательствовать и епископы, которым подчинены судимые (ὀφειλόντων ἐπέκεινα τῳτων προκαθῆσθαι καὶ τῶν ἐπισκοπων, ὑψ᾽ ὡς᾽ οἱ δικαζὸμενοι τάττονται).* Таким образом заметь из этого, что епископы, которым подчинены судимые должны быть сверх 12, 6 и 3 судей (*ἐπεκεινα ὀφεέιλῳσιν ẽἶναι της δωδεκαδος, της ἑζαδος, καί της τριάδοξ τῶν συνδικαςῶν),* и что, когда нет недостатка в епископах, большее указанного число епископов должно рассматривать дела священных лиц. (Σ. III, 329, 330) [13].

Властарь: сие правило определяет, что в случае недостатка епископов пресвитер судится 5, а диакон – 3, *под председательством сверх сего числа собственного их епископа,* так что епископы, которым подчинены подсудимые, должны быть сверх установленного числа членов суда (Σ. VI, 222).

Иоанн: в Африканской церкви было постановлено, чтобы из всех частей Африки были присылаемы местоблюстители на ежегодные соборы в Карфагене. Из каждой части сюда собиралось по нескольку епископов и составляли более или менее многочисленные соборы, иногда до 300 епископов и более. По бедности страны в Триполе, принадлежавшем также к Церкви африканской, там – не много было епископов, и они затруднялись в способах к отправлению на соборы: и поэтому определено, чтобы по крайней мере приходил на соборы один епископ, в качестве представителя целой области. (Сн. пр. 27). Так же для судебных дел того места сделано исключение из общего правила; именно решение их предоставлено епископам – от пяти до трех, вместо шести, назначенных для других мест (Снес. пр. 12, 21, 87). II, 141.

Карфагенского собора правило 15: *рассуждено, чтобы кто бы то ни был из епископов, или пресвитеров, или диаконов, или причетников, аще имея возникшее в Церкви дело обвинительное, или тяжебное отречется от церковного суда и восхощет оправдатися пред судилищами светскими, лишался своего места, хотя бы и в пользу его решение последовало. И сие по делу обвинительному, по делу же тяжебному, да лишается того, что приобрел по решению дела, аще хощет удержати место свое.*

3 онара: *для всех лиц священных и монахов компетентными (πρόσφορα) судилищами суть: судилища епископов, которым они подчинены.* Итак, кто из них обвиняется или обвиняет клирика, он должен быть обвиняем и обвинять пред епископом его, будет ли то дело уголовное, или гражданское, или денежное.

Вальсамон: и законы и правила определяют, что не каждый имеет право судиться в каком хочет суде, но мирянам указаны светские суды, а духовным лицам и монахам церковные суды. Итак, говорит правило: если кто из духовных, презрев такое законоположение, будет вести дело по обвинению духовного же лица, или монаха, в гражданском суде (*πολιτικὸν δικαςήριον*) или если кто из них будучи привлечен к подлежащему церковному суду отречется от рассмотрения дела в нем, и выберет судилище народное или гражданское, то хотя бы и выиграл дело в качестве ли обвиняемого, или в качестве обвинителя, потеряет свое место или степень и

священническое достоинство и будет низвержен за одно то, что оставил церковный суд и выбрал гражданский.

Аристен: епископ или клирик обвиняемый в преступлении, ежели, оставив Церковь, обратится к светским судам, то хотя бы и оправдан был потеряет свою степень, (Σ. III, 331–340).

Пидалион: все имеющие посвящение и клирики, если имеют какое-либо дело по обвинению в преступлении или гражданское, или денежное, должны вести оное *в церковном суде епископа,* или митрополита, *которому подчинены,* как определяет настоящее правило (276).

Г. Барсов 1870 г. видит в сем правиле определение о суде епископа над подчиненными ему клириками („Христ. чт.” 1870, сент. 475).

Карфагенского собора прав. 16: *рассуждено такожде и сие: аще от каких бы то ни было судей церковных судное дело, перенесено будет к другим судиям церковным имеющим высшую власть: да не будет никакого нарекания тем, коих приговор отменен будет, аще не могут быти обличены яко или по вражде, или по пристрастию судили или некиим угождением прельщены были.*

Зонара: если будет апелляция на *суд епископов,* или других судей к другим церковным судьям или к митрополитам, или к патриархам и приговор по исследованию апелляционной жалобы будет отменен, прежде судившие, по правилу не терпят от этого никакого вреда, если не будут изобличены что судили по вражде, будучи враждебно расположены к осужденному, или по пристрастию будучи дружественно расположены к оправданному, или за деньги, или за другой какой-нибудь дар их подкупающий. Ибо если откроется, что по вражде или пристрастию, или мздоприятию они произнесли неправильный приговор, то они должны будут понести епитимию.

Вальсамон: отцы определили, что, если *кто будет апеллировать против приговора епископов,* или других церковных судей, и апелляция дойдет до большого судьи, конечно церковного, (но общему юридическому правилу, требующему, чтобы апелляционные судьи были больше судивших в первой инстанции), и если случится, что приговор первой инстанции будет отменен апелляционными судьями, – никакого от этого не терпят вреда судьи первой инстанции, как в деле о преступлении, так и в денежном, если не будут обличены, что постановили приговор по вражде к осужденному, или по пристрастию к оправданному, или по мздоприятию. Но если не по этим побуждениям, а по незнанию *епископ произнесет против кого-либо неправильный приговор,* тогда что будет? *Если епископ произнесет приговор противный правилам, он должен быть наказан,* т. е. извергнут, ибо он не может отговариваться незнанием. Он не может получить извинения, если будет говорить, что не знает правил, которые обязан почти всегда иметь на языке. Если же постановит приговор несогласный с законами, или судебным порядком, то может быть извинен неопытностью, как не обязанный знать законы подробно. Это должно иметь силу, когда епископ судит дело по обвинению, или какой другой церковный вопрос подвергающий извержению. Если же в денежном деле постановит решение несогласное с законами по неопытности, не будет подлежать обвинению.

Аристен: если кто *осужден от епископов* и осужденный будет апеллировать к большим церковным судьям и достигнет того, что приговор первых будет отменен, это не должно причинять никакого вреда тем церковным судиям, приговор которых отменяется, если они не будут обличены, что пристрастно производили суд, по вражде, или по пристрасттю, или за какой-нибудь дар (Σ. III, 332–341).

Пидалион: если *клирики недовольны* будут *судом* и подадут апелляцию от меньших судей к большим, от *епископа,* напр., к митрополиту или к патриарху и приговор меньших судей, по исследовании, будет отменен большими, то по правилу никакого вреда не должны терпеть меньшие судьи, если не будет обнаружено, что постановили приговор по вражде или дружбе, или за какой-нибудь дар или мздоприятие (276).

Славянская кормчая: аще кто *от епископ сужден* и осужден быв от них к большим церковным судиям возглаголет на тех, иже осудиша его первое: аще не будут отлучены, или по гневу, или по любви, или по некоей мзде суд сотворша, в том суде осужденный да пребывает, и елико от повинных епископ и причетник (л. 124 об.).

Иоанн: постановление собора есть общее церковное правило, по которому подсудимым всегда дозволялось переносить свои дела от низшего суда к высшему, если они решением первого были недовольны (I Всел. 5; II Всел. 6 и пр.). Так как решение первого суда может быть неудовлетворительно иногда по каким-нибудь недоразумениям, то настоящее правило Карфагенского собора полагает не вменять этого в вину судившим, по дознании их

недоразумений судом высшим. Но если судившие обличены будут в преднамеренной несправедливости, по пристрастию, вражде и проч., то кроме отмены их решения, сами они подлежат ответственности и взысканиям от высшего начальства. На других соборах постановлено

Пропущена страница 39

Г. Соколов 1870 г.: „по правилам собора Карфагенского вообще суд над пресвитером, по обвинениям, угрожающим виновному крайнею мерою наказания, должен производиться шестью, или пятью епископами из соседних мест, а над диаконом – тремя вместе со своим епископом (Карф. 14, 29). *При особенной многочисленности епископов в Африканской области такой порядок не представлял особенных затруднений.* Только дела низших клириков мог оканчивать один местный епископ" (Карф. 29). „Правосл. обозр." 1870, ноябрь, 599. – Очевидно, что г. Соколов считает эти Карфагенские правила только местными.

Г. Барсов 1870 г.: „в Церкви африканской суд местного епископа имел обязательную силу только для низших клириков; *для суда над пресвитером, местный епископ Африканской церкви должен был пригласить еще шесть*, а для суда над диаконом три соседних епископа, которых воспросят обвиняемые" (Карф. 29). „Христ. чт." 1870, окт. 593. [14]

Карфагенского собора пр. 37: *определено, чтобы, когда пресвитеры и диаконы и прочие низшие причетники по возникшим у них делам жалуются на суд своих епископов, выслушивали их соседние епископы, и чтобы с согласия собственных их епископов прекращали возникшие между ими неудовольствия приглашенные ими епископы. Того ради аще и от них к высшему суду восхотят пренести дело: да не преносят в суды по ту сторону моря, но к первенствующим епископам своих областей, якоже многажды определено сие и о епископах. А переносящие дела к судам по ту сторону моря, никем в Африке да не приемлется в общение* [15].

Зонара: каноны определили, чтобы клирики, имеющие дело, судились у их епископов. Если же *клирики, судившиеся у своего епископа, обжалуют приговор его*, должно созвать соседних епископов и слушать дело их с согласия и судившего епископа. Если и против приговора созванных епископов подадут апелляционную жалобу, должны обращаться с нею к митрополиту.

Вальсамон: правило говорит, что *если* некоторые *клирики недовольны судами собственных епископов (κρίσεσιτῶν ων ἰδίων ἐπισκοπων),* они должны с соизволения их призвать соседних епископов и просить их об отмене состоявшегося о них приговора. Если же и приговором сих соседних не будут довольны, не должны обращаться к судам, находящимся за морем, т. е. в Италии, или к митрополитам других епархий, но к первенствующему надлежащей, т. е. своей епархии. Заметь, что *епископы не должны обижаться на клириков своих*, *недовольных их приговорами, но должны принимать их и соглашаться на пересмотр их приговоров* соседними епископами. На основании сего правила, определяющего чтобы соседние епископы с соизволения собственного слушали дело, говорят, что *судивший в первый раз епископ имеет право присутствовать на суде соседних епископов.* Но мне кажется это не так: ибо однажды произнесший приговор перестал уже быть судьею по этому делу. Слова *с согласия* сказаны с тем намерением, чтобы не бесстыдно и не без согласия епископа клирики искали пересмотра дела, но по определению его.

Аристен: охраняя благоприличие во всем и стараясь, чтобы епископы не были оскорбляемы, как попало, отцы Африканского собора определили, чтобы *клирики, от своих епископов осужденные за какие-либо вины и почитающие приговор несправедливым*, не ходили с апелляциями за море к римскому епископу, или к другим; но *обращались к соседним епископам* и с согласия собственного епископа было рассматриваемо и разрешаемо дело, (Σ. III, 377–379).

Властарь: 28 (37) и 125 (139) Карфагенские правила предписывают *клирикам, обжалующим приговор собственного епископа* (*ἀπιωμένοις τῆντῳ ιδίῳ ἐπισκοπῳ ἀπόφασιν*), как несправедливо постановленный, *избирать судьями соседних епископов с соизволения епископа уже судившего* (*ϑειλήσει τῳ ηδη κρίναντος ἐπισκὸπῳ*). Если же и после сих подсудимые (*δικαζομενοι*) будут искать оправдания, они должны обращаться к митрополиту области (Σ. II, 217).

Пидалион: настоящее *правило определяет, что пресвитеры, и диаконы и все низшие клирики должны быть судимы собственным их епископом. Если же они недовольны судом и приговором их епископа,* должно призвать ближайших и соседних епископов, дабы они и *судивший их епископ* рассмотрели их дело. Если же они недовольны и судом ближайших и призванных епископов, должны обращаться к суду митрополита их области (283).

Славянская кормчая: боголепно святии отцы во всем соблюдающие, и еже по прилучаю не труждатися епископом, повеле иже во Африкии сей святый собор: аще *причетници некиих ради вин от своих епископ осуждени быша,* и мнятся не по правде осуждени суще, обон пол моря, к римскому папе да не припадают, или ко инем прочиим, но пред сущими близ их епископов, волею своего епископа, да сущие между ими вины исправят, и разрешатся.

Иоанн: постановление это согласно с общими правилами Церкви, чтобы судные дела в каждой области были решаемы в собственных пределах ее, судом местных властей и определением высших главноначальствующих лиц областной иерархии; переносить дела из одной области в другую, особенно из одной поместной Церкви в другую, всегда строго запрещалось, кроме только особенных, крайних случаев, когда важность дела превышала степень местной власти, или эта последняя действовала с явною несправедливостью и вопреки положительным законам, или наконец когда она разделялась сама в своих мнениях и не могла произнести решительного суждения (I Всел. 5; II Всел. 2, 6; III Всел. 8; IV Всел. 9. Антиох. 12, 14, 15; Сард. 3, 4, 5). Законы Церкви вселенской строго охраняли права каждой поместной Церкви, чтобы не допускать в церковном управлении преобладания какой-либо одной власти, или неправильного подчинения одной Церкви другой. Таким образом и Африканская церковь, сохраняя свои права, запрещала своему духовенству переносить судные дела за море, т. е. в Рим, откуда были объявляемы на это притязания папской власти (II, 161).

Г. Барсов 1870 г. в 37 правиле Карф. собора видит определение Африканской церкви о порядке подачи клириками *апелляций на суд своего епископа* („Христ. чтен.” 1870, окт. 594).

Карфагенского собора прав. 38: *Угодно всему собору, чтобы отлученный за свое небрежение от общения, епископ ли, или кто бы то ни был из клира, во время отлучения своего, прежде выслушания оправдания его, дерзающий приступати к общению, признаваем был произнесшим сам на себя приговор осуждения.*

Вальсамон: на основании 14 правила Сардикийского собора и на основании настоящего правила, говорят некоторые, всем (кто бы ни были) *отлученным епископами* должно с покорностью принимать отлучение и оставаться под ним до тех пор, пока будет исследовано то – основательно, или неосновательно оно положено. Правило говорит, что клирик отлученный за свое небрежение, или преступление не должен действовать самосудно, и презирать отлучение прежде исследования, если же учинит сие, то будет подвергнут осуждению. Многие так понимают сии правила. Другие говорят: если по законным и церковным причинам *извергнут будет от епископа клирик или мирянин,* должен оставаться под отлучением, как бы оно ни было наложено и не призирать его, доколе не будет исследована причина его. Если же по какой-либо другой причине *епископ отлучит клирика или мирянина*, напр. за то, что тот не возмущается против своего претора, или что не дает ему какой-нибудь своей вещи, или не соглашается с каким-нибудь несправедливым и дерзновенным его намерением, то можно пренебречь отлучение, отлучивший же должен быть подвергнут наказанию. Ибо если дано будет *епископу благовременно и безвременно отлучать мирян и клириков,* а отлучаемые необходимо должны оставаться под отлучением, то епископы, будут действовать с крайним самовластием, возобладают над всем, и никто не будет сметь противоречить им по страху отлучения. Так говорят другие. Я же не знаю кому из них следовать (Σ. III, 380, 381).

Славянская кормчая: аще *которого пресвитера, или диакона отлучит свой епископ,* и прежде даже не разрешит его он от отлучения, дерзнет служити, сам на ся нанесл есть осуждение рекше извержение (л. 130 об).

Карфагенского собора пр. 52: *кающимся время покаяния по различию грехов да назначается судом епископов* (*τῇ τῶν επἰσκόπιθν κϛίσει), пресвитер же без воли епископа не разрешает кающегося, разве во время належащие нужды, в отсутствии епископа. На всякого же кающегося, аще преступление его было явное и гласное, смущающее всю Церковь, да возлагаема будет рука в притворе храма.*

Зонара: *власть вязать и решить Господь наш Иисус Христос дал Апостолам. Образ же священных Апостолов суть архиереи. Посему и это правило суду епископов предоставляет, по различию грехов избирать и назначать покаяние на время,* т. е. сколько времени согрешивший должен каяться, будучи связан узами епитимии и когда должно его разрешить. *Пресвитеру же без воли епископа не дано власти разрешать:* ибо *кому дана власть связывать, тот может и разрешать.* Разрешать связанного епитимиею можно или совсем, или на время напр. по причине опасности.

Вальсамон: последнее правило VI-го Собора дает епископам власть увеличивать и уменьшать епитимии, следуя настоящему правилу, которое издано прежде. Настоящее правило присовокупляет, чтобы *пресвитеры не принимали исповеди людей и не отпускали грехов без воли епископа,* исключая случая, когда кто приближается к смерти в отсутствие епископа, ибо тогда кающегося может разрешить от епитимии и пресвитер по причине необходимости сего дела, дабы умирающий не скончался в запрещении.

Аристен: приявшие от Бога власть вязать и решить сообразно качеству грехов и обращению согрешившего должны определять епитимии. *Пресвитер же без воли епископа ни увеличивать, ни уменьшать их не может,* ни разрешать кающихся, хотя бы и в отсутствии был епископ, ни удостаивать их божественных освящений (Σ. III, 408–410).

Пидалион: поскольку *власть вязать и решить Господь дал Апостолам, а архиереи имеют образ Апостолов,* то по сему настоящее правило предписывает, чтобы архиерей, по различию грехов определял кающимся время покаяния их, или то, сколько времени они должны находиться под узами епитимий, и чтобы пресвитер не разрешал от уз ни одного кающегося без ведома и позволения архиерея, исключая того случая, если кающийся находится в смертной опасности, а архиерей находится в дальнем отсутствии (287).

Славянская кормчая: иже от Бога приемши власть епископи вязати и разрешати противу числу грехов и противу обращению кающегося от греха зепрещения повелевают: пресвитер же без повеления епископа ни умножити, ни умалити запрещения не может, ни кающихся в заповеди сущих разрешить, ни Божественных Даров сподобить их, аще и отшел будет епископ (л. 134 об).

Иоанн: запрещение пресвитерам, без согласия епископов, возлагать на впадших в тяжкие грехи открытое покаяние, и потом также открыто разрешать их изложено в правилах 6 и 7 Карфаг. собора. Настоящее определение собора только подтверждает те правила (II, 174).

Сравн. Преосвящ. Макария „Правосл. догм. богосл.” III, 297.

Карфаг. собора прав. 73. *подобает просити царей, да благоволят узаконити, чтобы клирика в какой бы он ни был степени осужденного за какое-либо преступление судом епископов*, *не было позволено защищать от наказания ни той Церкви, в которой он служил, ниже какому-либо человеку: а чтобы в наказание за сие наложено было денежное взыскание и лишение чести, и да повелят, чтобы к извинению в том не был принимаем ни возраст, ни пол.*

Зонара: просили отцы постановить закон, чтобы никакой клирик *осужденный его епископом* за какое-либо преступление, не был защищаем ни Церковью, которой был клириком, ни другим человеком, напр. сильным, и желали, чтобы на защищающего было наложено наказание и денежное и в отношении к чести, так чтобы покусившийся делать что-либо таковое терпел и денежный ущерб, и чести его угрожало бесчестие. Слово: *δίεκδικεῖσθαι* здесь значит не заступаться за осужденного, который говорит, что несправедливо осужден и ищет апелляционного пересмотра дела, ибо если бы кто сказал это, то противоречил бы многим правилам, дающим право апелляции клирикам, жалующимся на приговоры их епископов; но оно значит: *возбранять силою исполнению приговора епископа, в случае справедливого осуждения клирика.*

Аристен: *клирик епископом осужденный за преступление,* если почитает себя обиженным, пусть подает апелляцию, самопроизвольно же, силою не должен быть освобождаем от наказания никем. (Σ. III, 468, 469).

Властарь: 65 (т. е. 73) правило Карфагенского собора говорит, что когда *клирик справедливо осужден своим епископом* (*δικαίως κληρικῷ καταδικασθέντος πρός τῷ ὀικέιου ἐπισκόπῳ*) не обращаясь еще к помощи апелляции, или отзыва (*μηκέτι ἐκκλήτῳ βοηθῳμένῳ*) и если кто употребит силу и будет возбранять, чтобы епископ произнес определенный против него приговор, – должно просить царя, чтобы таковые наказываемы были деньгами и лишением чести, будут ли они из принадлежащих к Церкви или из народа (Σ. VI, 232).

Славянская кормчая: Аще некоего *причетника свой ему епископ осудит о гресе,* и мнится яко не в правду осужден бысть, пред всеми епископы собором да судится: от мирских же властель никто же может отмстити его (л. 141 об.).

Карфагенского собора пр. 117: *постановлено, да аще кто из клира будет просити от царя рассмотрения о себе в светских судилищах, лишен будет своей чести. Аще же будет от царя просити себе суда епископского: отнюдь да не возбранится ему сие.*

Зонара: *Различные правила определили, чтобы епископы, были судимы* областными соборами, а *клирики их епископами.* Если же кто из посвященных, говорит это правило,

обратится к царю с просьбою о рассмотрении дела в судилищах народных, или городских, или у светских начальников (*δημόσιον*, *πολιτικὸν και ἀρχοντικὸν δικαςήριον*) будет лишен своей чести, т. е. извержен. Если же обратившись к царю будет просить епископского судилища, т. е. собрания епископов по царскому повелению для рассмотрения дела, не будет подвергнут епитимии (Σ. III, 522, 523. Ср. *πιδαιλ.* 307).

Фесслер (D. Kanonisch. Process, S. 77, 78): из этого ясно как Церковь уже IV в. охраняла свой собственный суд и поэтому необходимо осуждала обращение к светской власти в делах, подсудных ее суду.

Согласно с сим г. *Соколов 1870 г.* („Прав. обозр.” 1870, ноябрь. 595).

Карфагенского собора прав. 121: *На сем соборе положено, да не настоит един епископ на решение своего суда* (*ἑνα ἐπίσκοπον μὴ ἐκδικῆιν ἑαυτῷ διάγνωσιν*).

Зонара: 9-е правило IV-го собора определяет, чтобы *клирики были судимы у собственных их епископов.* Если же клирик имеет дело со своим епископом, или епископ с епископом, то судятся в областном соборе. Это же по-видимому определяет и настоящее правило, чтобы два епископа, имеющие судное дело, или клирик, жалующийся на епископа, для производства рассмотрения дела о них искали не одного епископа, но чтобы судил областной собор.

Аристен: не только исследования одного епископа недостаточно для извержения пресвитера, или диакона, но и двух. Если обвиняется епископ и невозможно собраться многим епископам, то он должен быть судим по меньшей мере 12 епископами; если же пресвитер – шестью епископами и собственным, диакон – тремя и собственным. Итак, епископ не должен себя самого поставлять судьею по преступлениям пресвитера, или диакона и на своем решении настаивать (*διεκδικήσει*) и приводить оное в исполнение, исключая того случая, если судятся прочие клирики низшие диаконов: ибо об них и один местный епископ может постановить решение (Σ. III, 558, 559).

Пидалион: настоящее правило определяет, что *один епископ не может судить,* ни другого епископа, имеющего с другим какое-либо судное дело, ни *пресвитера, имеющего против него (собственного епископа) какую-нибудь распрю,* ни другого какого-либо клирика, но и пресвитера, обвиняемого другим и диакона не может извергнуть один епископ по 12 прав. Карфаг. собора (308).

Святейший Синод *(Книга Правил)*: По краткости записи правило сие не довольно ясно. Вальсамон полагает, что оно должно быть понимаемо согласно с 11 правилом сего же Карф. собора, т. е. когда пресвитер, осужденный епископом, жалуется на сие осуждение: тогда епископ не должен один настоять на свое решение и усиливаться исполнить оное, а должен предоставить дело рассмотрению полного собора, или определенного в правилах числа епископов.

Иоанн: По древним правилам Церкви, когда *священнослужитель осужденный своим епископом, сознавал суд его несправедливым,* то должен был переносить дело к другим епископам; и если дело не требовало нарочитого или полного собора, то могло быть исследовано только соседними епископами и решено ими, по согласию с местным епископом осужденного. Соборы Африканские в своей Церкви установили, чтобы пресвитера судили таким образом шесть епископов, а диакона три, кроме епархиального (12, 29); настоящее правило в следствие того подтверждает, чтобы *один епископ* не настоял на решения свои относительно *своих клириков,* т. е. *не отнимал у них права переносить суд к другим епископам.* Дела низших церковнослужителей собор предоставил решать и одному местному епископу (29). В других церковных правилах такого разделения не видим (II, 226, 227).

Г. Барсов 1870 г.: „Карфагенский собор в этом правиле запрещает *епископу одному настаивать на решении своего суда и усиливаться непременно исполнить его, тогда как осужденный им жалуется на это осуждение* („Христ. чт.” 1870, окт. 593).

Карфагенского собора пр. 139: *постановлено и сие: аще пресвитеры, диаконы и прочие низшие из клира, по имеющимся у них делам, недовольны решением своих епископов: то соседние епископы да слушают их, и прекословия их да разрешают избранные ими по согласию собственных их епископов. Аще же и от них восхотят принести дело в высший суд: то да приносят токмо в Африканские соборы, или к первенствующим епископам своих областей. А желающий пренести дело за море, никем в Африке да не приемлется в общение.*

Зонара: *различные правила определяли, чтобы клирики Церквей, имеющие дело друг с другом, судились у епископов, которым подчинены.* Настоящее правило излагает определение

об апелляциях и говорит, что *если недовольны приговором епископов их клирики*, *судившиеся у них, соседние епископы должны их слушать и рассматривать состоявшийся приговор, основателен ли он.* Апелляционные судьи (т. е. судьи 2-й инстанции) должны быть выбраны судимыми с согласия их епископа. Если же и приговором епископов, судивших в качестве апелляционных судей, будут недовольны, то он должен быть пересмотрен Африканскими соборами и первенствующими в областях, или председательствующими.

Вальсамон: Говорят отцы, что если какой-нибудь *клирик будет осужден собственным епископом* и не будет доволен сим, он не должен обращаться к собору другой области, отдаленнейшему, но должен просить рассмотрения своего дела от соседних епископов *с согласия осудившего его собственного епископа.* Если же недоволен будет и приговором этих апелляционных судей, не должен обращаться с жалобою в соборы, находящиеся за морем, т. е. в Рим, по к ближайшим, т. е. Африканским соборам или к областным митрополитам тех епископов, которые судили в первый раз. Заметь из настоящего правила, что согласно с гражданским законом и *отцы дозволяют осужденным два раза апеллировать.* Еще заметь, что во время этого собора митрополиты не имели над епископами их и над подчиненными им клириками таких прав, какие имеют ныне; ибо клирики, сужденные епископами, могли просить себе суда у соседних епископов, что ныне не допускается по определению 4-го собора об областных митрополиях. Согласно с определением закона о взысканиях с апеллирующих не к компетентному судье, настоящее правило таким взысканием определяет лишение общения.

Аристен: это и в 28 (37) правиле настоящего собора определено, т. е., чтобы никакой *пресвитер, или диакон, осужденный своим епископом, и недовольный сим судом, но желающий подать против него отзыв* не переходил африканское море и не ходил в Рим, но обращался с отзывом к соседним епископам и пред ними изъяснял свою жалобу (Σ. III, 589, 590).

Г. Барсов 1870 г.: в 139 Карфагенском правиле усматривает определение Африканской церкви о порядке принесения клириками апелляций на *суд своего епископа.* „Хр. чт.” 1870, окт. 594; сент. 475.

Карфаген. собора прав. 141: *угодно всему собору, ради того, чтобы не были долго удерживаемы все епископы, сшедшиеся на собор*, *избрати по три судии от каждой области.*

Карфаген. собора прав. 142: *по окончании некоторых дел, когда на продолжение заседаний, для окончания прочих дел, многие епископы сетовали, и не могли сего понести, поспешая к своим Церквам, угодно было всему собору, да издерутся из числа всех от каждой области долженствующие пребыти, ради окончания прочих дел: и сие исполнено.*

Полное изложение 141 правила в греческих изданиях: „Угодно всему собору, ради того, чтобы не были долго удерживаемы все *епископы, сшедшиеся на собор* избрати по три судии от каждой области и избраны от Карфагенской церкви – Викентий, Фортунатиан и Клар; от Нумидийской епархии – Алипий, Августин и Реститут; от Визаценской епархии – вместе со священнейшим старцем, первенствующим Донатианом, Крескентий, Юкунд и Эмилиан; от Мавритании Ситифенской – Севериан, Азиатик и Донат; из Трипольской епархии Плавтий, по обычаю присланный для местоблюстительства. Все сии должны исправить все вместе со святейшим старцем Аврелием, которого просил весь собор, дабы он подписал все уже оконченные дела, или послания. И подписали. Аврелий епископ Церкви Карфагенской согласился с настоящим определением и по прочтении подписал. Подобно и прочие епископы подписали (Σ. III, 593).

Зонара: поскольку на этом соборе долго оставались собравшиеся епископы, но как и за сим были еще некоторые дела, требующие исследования, то дабы не оставаться долее и не замедлить еще более, положено из каждой епархии для продолжения дел выбрать троих, которые должны остаться, а прочим возвратиться, и избранным вместе с Аврелием все рассмотреть и устроить.

Аристен: поелику предлежало много канонических исследований и не все еще были разрешены, то угодно было собору, чтобы не все собравшиеся на нем *епископы* оставались и еще, так как уже довольно прошло времени, но чтобы избраны были по три от каждой области и вместе с Аврелием, епископом Карфагенской церкви, окончили остающиеся дела (Σ. III. 593, 594).

Пидалион: поскольку собравшиеся *епископы* замедлили на этом соборе (он продолжался целых шесть лет), но оставались еще некоторые вопросы для исследования, настоящим

правилом признано за нужное избрать от каждой области *по три епископа,* а прочих отпустить в их епархии. Избранные должны были рассмотреть нерешенные вопросы (317).

Славянская кормчая: Многим предложенным, бывшим правильным взысканиям и совопрошаниям, и еще не всем разрешенным сущем, изволися отцем собора сего ктому не ожидати всем собравшимся на собор епископам, понеже довольно время уже прошло бяше, но от коеяжда области *по три, епископы избирати* и оставите, да купно со Аврилием епископом Кархидонские церкви все скончают, инии же во свояси да отъидут (л. 167).

Послание Африканского собора к Келестину папе Римскому: *умоляем, дабы вы впредь не допускали легко до вашего слуха приходящих отселе* (т. е. из Африки) *и не соизволяли впредь приимати в общение отлученных нами. Ибо твоя досточтимость удобно обрящет яко сие самое определено и Никейским собором. Ибо аще сие является тако соблюдаемым касательно низших клириков и мирян: колъми паче хощет собор, чтобы сие соблюдаемо было касательно епископов. И так те, которые в своей епархии отлучены от общения да не явятся восприемлемыми в общение твоею святынею с намерением и якоже не подобает. Подобно и бесстыдные побеги пресвитеров и следующих за ними клириков да отженет святыня твоя. Ибо и не возбранено сие для Африканской церкви никаким определением отцев, да и определения Никейского собора, как клириков низшей степени, так и самых епископов явным образом обратно отсылают к собственным их митрополитам. Разумно и праведно признал он, что какие бы ни возникли дела, они должны оканчиваемы быти в своих местах. Ибо отцы судили, что ни для единой области не оскудевает благодать Св. Духа, чрез которую правда иереями Христовыми и зрится разумна и содержится тверда, и наипаче когда каждому еще настоит сомнение о справедливости решения ближайших судей, позволено приступати к соборам своей области и даже ко вселенскому собору. Разве есть кто-либо, который бы поверил, что Бог наш может единому токмо некоему вдохнути правоту суда, а бесчисленным иереям, сошедшимся на собор, откажет в оном? Притом как будет тверд заграничный суд, пред который необходимые лица свидетелей не могут представлены быти, то по немощи или от телесного сложения, или от старости, то по многим другим препятствиям?*

Зонара: отцы собора просят, чтобы *и пресвитеры, и прочие клирики* убегающие бесстыдно или без благословной вины, были отгоняемы и *представляемы их епископам* и полагают, что *клирики должны быть судимы у их епископов* (*παρὰ τῶις ἐπισκόποις αὐτῶν δικάζεσθαι τοὺς κληρικούς)* Σ. III. 622.

Феофила Архиепископа Александрийского прав. 4: *о Суре поскольку епископ Аполлон утверждает, яко отослал его и отчуждил от Церкви, то да будет тако, как определил епископ: но да будет ему предоставлено принести свое оправдание аще хочет, и недоволен определением епископа.*

Вальсамон: Сур был клирик епископа Аполлона, о котором епископ его утверждал, что он отослал его из клира т. е. изверг. Пусть будет чужд клира, говорит, *по суду епископа об нем. Если же обжалует приговор епископа,* то пусть представляет свои оправдания собору, к которому принадлежит и епископ.

Синопсис: Сур *исключенный из клира епископом Аполлоном* так пусть и пребудет. Если же жалуется на приговор, то пусть представит оправдания, (Σ, IV, 345).

Иоанн: *отрешенному своим епископом клирику предоставляется принести свое оправдание,* если хочет и недоволен определением епископа (II, 120).

2) Церковные правила и другие свидетельства об отношениях пресвитера и прочих клириков к их епископу

В 13-м правиле Двукратного собора говорится, что *епископ по отношению к пресвитеру есть отец по духу* (Zonar. Σ . II. 690).

Бл. Иероним в письме к Неноциану пресвитеру (52): esto subjectus pontifici tuo. et qnasi animae parentem suscipe. В письме к Блаж. Августину (105): vale, mi amice carissime, aetate fili, dignitate parens.

Апост. пр. 39: *пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены люди Господни, и он воздаст ответ о душах их.*

Лаодик. собора пр. 57: *пресвитерам ничего не творити без воли епископа.*

Св. Игнатий Богоносец: как *Господь без Отца ничего не творит,* так *вы без епископа, ни пресвитер,* ни диакон, ни мирянин; и пусть ничто не представляется благословным без согласия епископа. Ad. Magnes p. 55 ed. Usseri.

Зонара: пресвитерам и диаконам, состоящим под управлением местных епископов, самим по себе не дозволено делать ничего, как-то: налагать епитимию, отлучать кого захотят и т. д., или разрешать отлучения, или уменьшать, или продолжать; ибо это принадлежит архиерейской власти; и если они не имеют дозволения (*ἐνδόσιςον*) от епископа, ничего такого делать им не позволяется.

Вальсамон: слова правила: ничего не делать пресвитерам и диаконам без воли епископа не разумей обо всем вообще, но говори, что они не могут делать ничего приличествующего епископу без воли его, напр. отдавать недвижимое имущество Церкви, получать с него доходы, налагать епитимию и другое такое. Ибо управление епископских дел и души людей вверены епископу.

Аристен: не позволяется пресвитеру, или диакону без воли своего епископа отлучать людей, увеличивать и уменьшать епитимии, или делать что-либо другое такое, ибо епископу вверены люди, и он воздаст слово о душах их. (Σ. II, 54, 55, III, 223).

Властарь: 39 прав. св. Апостолов предписывает пресвитерам и диаконам без ведома епископа не делать ничего ему принадлежащего, ибо ему единственно вверено *предстоятельство* (*πρὸςασις*) людей, и он имеет воздать ответ о душах их; разумею решить и вязать грехи, или сокращать, или продолжать епитимии (Σ. VI, 330).

Схолиаст Арменон: т. е. да не налагают епитимии, не отлучают, не разрешают отлучения, не уменьшают и не продолжают (Leund. I, 21).

Пидалион: настоящее Апостольское правило определяет, что пресвитеры и диаконы без ведома и дозволения их епископа не могут совершать ни одного священнического действия, как из числа тех, кои принадлежат к архиерейской власти епископа, так и из тех, право совершать которые хотя имеют и они чрез таинство рукоположения, но пользоваться этим правом не могут без архиерейского дозволения. Таковы напр. совершение исповеди, примирение кающихся (Карф. 6, 7, 50), посвящение Богу дев, хиротония и постижение чтецов и певцов и друг. под. поскольку, говорит, епископу существенно и по преимуществу (*κυρίως καὶ κατ ἐξοχήν*) вверены люди Господни и он по преимуществу, как пастырь, имеет отдать Богу точный отчет о душах своего стада. Посему-то, следуя сему Апостольскому правилу, Игнатий Богоносец, в послании к Магнезианам пишет: как Господь без Отца не делает ничего; так и мы без епископа, ни пресвитер, ни диакон. Посему и пресвитеры как не женатые, так и женатые, чрез особую грамоту и поручение (*δἰ ἐνταλτηρίῳ καὶ προτροπῆς*) от архиерея получают власть вязать и решить. Ибо, имея по священству своему право вязать и разрешать грехи, чрез это поручение и грамоту получают они дозволение приводить это право в действие. Многие архиереи не только чрез грамоту и простое поручение, но еще и чрез хиротесию производят духовников. И это лучше и безопаснее, и не заключает в себе ничего неуместного (25, 26).

Славянск. кормчая: несть достойно пресвитеру или диакону без повеления епископа своего ни людей связовати, еже есть отлучати, или умножити, или умалити епитимию, сиречь запрещение, или ино что таковое творити, аще не будет дано им от епископа о том писание, сиречь приимати в покаяние и вязати и разрешати, кроме того не могут ничтоже творити. (л. 10, 11).

Иоанн: в правиле 39 запрещается пресвитеру и прочим клирикам что-либо делать без воли епископа, особенно такое, что превышает их власть. Но преимущественно это правило касается церковного управления, которое вполне принадлежит епископам, как предстоятелям и архипастырям Церквей. Но и в собственном служении священнослужителей – многое им запрещается делать без воли епископа, как напр. решать какие-либо важные недоуменные дела относительно веры, таинств, или человеческой совести, открываемой на исповеди, подвергать кающихся высшим степеням духовных наказаний (напр отлучать от Церкви), дозволять себе или другим какие-либо исключения в церковных правилах и т. д. (1, 185, 187).

Сравн. Преосвящ. Макария „Правосл. догм. богосл.” т. III, 297.

Апостольское правило 15: *аще кто пресвитер или диакон, или вообще находящийся в списке клира, оставив свой предел, во иной отъидет, и совсем переместяся, в другом жити будет без воли епископа своего: таковому повелеваем не служити более, и наипаче, аще своего епископа, призывающего его к возвращению, не послушает. Аще же останется в сем бесчинии, тамо яко мирянин в общении да будет.*

Апостольское правило 31: *аще который пресвитер, презрев собственного епископа, отдельно собрания творити будет, и алтаръ иной водрузит, не обличив судом епископа ни в чем противном благочестию и правде: да будет извержен, яко любоначалъный. Ибо есть похититель власти. Такожде извержены да будут и прочие из клира, к нему приложившиеся. Миряне же да будут отлучены от общения церковного. И сие да будет по едином и втором и третием увещании от епископа.*

Зонара: Порядок поддерживает небесное и земное. И так должно повсюду соблюдать благочиние, и наипаче лицам церковным, и *пресвитерам и прочим клирикам повиноваться епископу.* Если же какой пресвитер ни в чем не изобличив судом своего архиерея, а по любоначалию устроит отдельное собрание и водрузив престол, будет на нем священнодействовать, – правило повелевает извергнуть и его, и согласившихся с ним клириков, а мирян предать отлучению. Но оно хочет, чтобы епископы не были скоры на наказание. Посему повелевает не тотчас предавать таковых осуждению, но увещевать отделяющихся трижды, чтобы они оставили бесчинное начинание, и если пребывают в сем, осуждать. А 6 правило Гангрского собора, собирающимся кроме Кафолической церкви особо без согласия епископа поставляет и под анафемою. Подобно и 10 правило Карфаг. собора.

Вальсамон: *каждого города священные лица и миряне должны быть в подчинении местному епископу* и с ним собираться и составлять церковные собрания, если не изобличат его судом как нечестивого, или несправедливого. Поступивший не согласно с сим и без причины отделившийся от своего епископа, и отдельно составляющий собрания клирик извергается, как любоначальный, а мирянин отлучается, (Σ. II, 39, 40).

Пидалион: Духовные лица наипаче должны знать свою меру и пределы своего чина и не преступать их. *Пресвитеры и диаконы и клирики все должны подчиняться собственному их епископу.* Пресвитер презревший своего епископа и не доказавший ясно, что он погрешает в отношении к благочестию, или к справедливости, и создавший другую Церковь, как любопачальный, извергается (18, 19).

Славянская кормчая: аще который пресвитер без випы епископа своего оставит, не познав того согрешивши что в правоверии, или что в которой правде, и отшед и собор людей о себе собрав и Церковь другую сотворит, да извергнется, яко властолюбец, сам же и последовавшии ему причетницы, простии же людие да отлучатся (л. 8).

Иоанн: *каждый пресвитер подчинен своему епископу, и по порядку церковного управления, принадлежащего епископу, а не пресвитеру, и по степени священства, как от епископа получивший рукоположение, и только по данной от него власти священнодействующий.* Таким образом *всякий священник только тогда сохраняет свое достоинство и права сана, когда действует в зависимости от епископа по всем отношениям.* Свергая с себя эту зависимость, он становится возмутителем в Церкви и похитителем непринадлежащей ему власти. Тем менее он может быть оправдан, если, не обличив судом своего епископа ни в чем противном благочестию и правде, презрит власть его и захочет управляться сам собою. Тогда если он сам для себя соберет отдельную паству, будет совершать священнодействия в каком-либо особом месте, без епископского разрешения, и вообще действовать самопроизвольно, он подлежит осуждению за то, как за раскол. Так повелевают судить об этом и Апостольские и другие после них правила (Антиох. 5, Карф. 10, Двукр. 13). I, 173, 174.

Апостольское правило 55: *аще кто из клира досадит епископу: да будет извержен. Князю бо людей твоим да не речеши зла. IV Вселенского собора пр. 8: клирики при богадельнях, монастырях и храмах мученических да пребывают по преданию святых отец под властью епископов каждого града и да не исторгаются по дерзости из-под управления своего епископа. А дерзающие нарушати сие постановление, каким бы то ни было образом, и не подчиняющиеся своему епископу, аще будут клирики, да подлежат наказаниям по правилам: аще же монашествующие или миряне, да будут от- лучены от общения церковного.*

Зонара: *божественные правила повелевают, чтобы все клирики в церквах и городах и монахи подчинены были епископам.* Посему настоящее правило подчинило епископу и клириков при богадельнях и мученических храмах, а равно и монашествующих. Всем сим повелевает правило, чтобы были подчинены епископу и не исторгались из-под власти его. Нарушающих настоящее постановление клириков правило подвергает каноническиъ епитимиям, *предоставляя власти и рассуждению епископа* (*τῇ τῷ ἐπισκόπῳ ἐξῳσίᾳ καὶ διάκρισει*) *качество епитимий*; монахам же и мирянам определяет лишение общения.

Вальсамон: некоторые говорили, что только клирики епископии или митрополии подчинены местному епископу; а монахи и клирики храмов, находящихся в сиропитательницах и богадельнях и в храмах мученических, подчинены не епископу, хотя бы и в его епархии были, но строителям монастырей и проч. Отвергая такое не каноническое рассуждение божественные отцы определили, что все они состоят под властью местного епископа, по преданию о сем святых отец. Дерзающие нарушать сие; т. е. *хотящие не подчиняться епископу клирики подвергаются епитимии от епископа по его усмотрению* (*κατὰ τὸ δοκοῦν αὐτῷ*), а монахи и миряне лишаются общения, или отлучаются (Σ. II, 235, 236).

Пидалион: определение настоящего правила таково: клирики и священнослужители, состоящие при храмах богаделен, сиропитательных домов, больницах и монастыряхъ, и при храмах мученических, должны пребывать всегда в подчинении епископа города, по преданию св. отец, и не исторгаться из-под власти собственного епископа самопроизвольно. Дерзнувшие каким-либо образом нарушить сие и не подчиняться собственному их епископу, священнослужители и клирики подвергаются епитимиям по правилам, какие признает соответствующими сей самый местный епископ (*τὰ ὁποία ηθελεν εὑρεὶν ἔυλογον ὑ αὐτὸς ὦτος κατὰ τόπον ἐπίσκοπος*); а монахи и миряне отлучаются (107).

Иоанн: в предупреждение могущих происходить беспорядков собор всех клириков подчиняет местным епископам, присовокупляя, что и *миряне*, нарушающие это правило, *подлежат церковному суду* (если бы, напр. светское начальство какого-нибудь богоугодного заведения, или домового клира, захотело непосредственно без отношения к епархиальной духовной власти, управлять своим клиром (II, 276).

Гефеле: в первой части правило говорит только о клириках и о их подчинении епископу; но как во второй половине его упоминается и о монахах, и о мирянах, то уже греческие комментаторы, Вальсамон и Зонара, выводили отсюда заключение, что это *правило* как *всех клириков*, так и всех *монахов и мирян епархии подчиняет епископу и не допускает изъятий* (Canciliengesch. II, 493).

Сравн. преосв. Макария „Прав. догм. Богословие”. Т. III, 297.

Карфагенского собора прав. 6: *примиряти с Церковью кающихся открыто на литургии, да не будет позволено пресвитеру.*

Зонара: примирение кающихся значит разрешение от епитимии исповедавшегося, бывшего под епитимиею. Совершение сего собор запрещает пресвитерам: примирение кающихся совершается архиереем, ибо *кому дано вязать, тому поручено и разрешать.* Вместе, с сим для сего необходимо точное различение; дабы знать от души ли и довольно ли покаялся согрешивший, для чего пресвитер может быть не будет способен (*ἱκανὸς*).

Вальсамон: примирение кающихся собор воспрещает совершать пресвитерам и дает сию власть архиереям, пресвитеры же могут совершать сие только с позволения епископа (Σ. III, 309–312).

Иоанн: собор запрещает пресвитерам примирять с Церковью кающихся открыто, на литургии. Смысл этого правила не должно распространять далее собственных его слов: он говорит о разрешении кающихся открыто пред всею Церковью. Что же касается до исповеди вообще, то Карфагенский собор в других правилах (7. 52) дозволяет и пресвитеру принимать

исповедь от кающихся и разрешать их, только с благословения епископа. Церковь никогда не запрещала этого пресвитерам (II, 132).

Срав. Преосвящ. Макария „Правосл. догм. богословие" III, 297.

Карфагенского собора прав. 7: *аще кто находясь в опасности жизни будет просити о примирении себя со святым алтарем во отсутствии епископа: то пресвитер по приличию должен вопросити епископа, и тако по его разрешению, примирити находящегося в опасности.*

Зонара: и здесь правило епископу предоставляет разрешение. Справедливо разрешение епитимии предоставлено епископам, потому что архиереям приличествует разрешение, как могущим вязать и решить. Ибо *священным Апостолам власть сию дал Христос, а образ Апостолов суть архиереи.*

Вальсамон: и из этого правила действительно открывается, что не дозволяется священникам принимать исповеди людей и отпущать грехи без епископского дозволения. Ибо правило говорит: если кто находится в опасности жизни и будет просить о примирении, то есть о допущении к принятию Божественных освящений по исповеди, а епископа нет, иерей не может примирить его, но должен если это удобно, спросить *епископа, занимающего место Апостола и получившего от Бога власть вязать и решить,* и с позволения его совершить примирение. Если же епископ далеко, а смерть настоит, то и без обращения с вопросом к епископу должно быть дано примирение иереем по 43 правилу Карф. собора. Итак, если даже предсмертного разрешения иерей не дает без позволения епископа, как не имеющий власти вязать и решить, тем паче он не может принять исповедания здорового. А если это так, и если и 6 правило сего не разрешает, то как должно поступить с иереем, без позволения епископа принявшим исповедь? Как настоящее правило не разрешает этого вопроса; то некоторые говорили, что епископскому рассуждению подлежит наказание нарушителя сего правила. А святейший патриарх Михаил говорил, что такой иерей должен быть извергнут по правилам, определяющим извержение совершающим какое-нибудь священнодействие вне порученного им предела (*παῤ ἐνορίαν*) и нарушителям правил (Σ. III, 313–315).

Иоанн: это правило имеет связь с предыдущим. Там говорено об открытом примирении с Церковью кающихся пред всею Церковью, и это запрещалось пресвитерам: здесь о примирении частном, в случае опасности жизни кающегося; и в этом случае исповедь его и приобщение Св. Таин дозволяется пресвитеру с разрешения епископа. Самое выражение: *примирить с алтарем,* показывает, что здесь говорится не вообще о кающихся, но о кающихся отлученных, в разрешении которых, или допущении к Св. Тайнам могут представляться сомнительные случаи. Таких удостаивать Св. Причастия не иначе, как по разрешению епископа повелевают и другие церковные правила (1 Всел. 13; Анкир. 6, 7; IV Всел. 16 и проч.) и подтверждает сам Карфаг. собор (52). II, 134.

Симеон Солунский: („Литург. писания" II, 91, 92); епископ имеет силу просвещения душ и во всей полноте благодать Духа, почему и обладает в обилии благодатью сообщения божественных светов, т. е. даром дарований, по подражанию Богу, Отцу светов. Поэтому он совмещает семь священнодействий. Он один обладает благодатью сообщения. Поэтому он один совершает и рукоположение, и миро, а чрез сию двоицу достигает всюду и во всем сам действует. Ибо собственно архиерей все совершает в таинствах чрез священников и клириков (рукоположенных им). Ни один священник не может священнодействовать (литургии) силою Духа, или совершать что-нибудь другое, если не имеет рукоположения; рукоположение же от архиерея, следовательно, чрез священников действует благодать архиерейская. Далее – священник не совершает таинства без престола, престол же освящается миром, а миро освящается одним архиерем; следовательно, без архиерея не было бы ни жертвы, ни священника, ни престола. Таким образом все это бывает посредством архиерея. Еще: никто не крестит, если не имеет рукоположения, а рукоположение от архиерея. И еще: священник не может крестить без мира, миро же принадлежность архиерейства: следовательно, архиерейство совершает все божественные таинства и действует во всех священных действиях, и без него не будет ни престола, ни рукоположения, ни святого мира, ни крещения, ни, следовательно, христиан.

Чрез Апостолов и их преемников, архиереев, благодать, как свет сообщилась им всем. Но священники этой благодати не имеют, а могут только совершать литургию и крестить, и это делают не без архиерейской силы и рукоположения (III, 163).

Св. Игнатий Богоносец: без епископа никто не может делать в Церкви ничего (Смирн. 8). Ничего да не будет без воли твоей (т. е. епископа) (Поликарп. 4). Без епископа не дозволяется ни крестить, ни творить вечери любви; но что рассудит он, то и Богу угодно (Смирн. 8).

Тертуллиан: право крестить имеет верховный священник, т. е. епископ, затем пресвитеры и диаконы, впрочем, не без дозволения епископа (non tameu sine episcopi auctoritate) ради чести Церкви, при сохранении которой сохраняется и мир (о крещ. 17).

Иероним: без повеления епископа ни пресвитер, ни диакон не имеют права крестить (Против. Люцифер.)

Поссидий: приявши власть от епископа некоторые пресвитеры начали в присутствии епископа проповедовать народу Слово Божие (Жизнь Августин. 5).

3) Церковные правила и другие свидетельства о силе, действии и обязательном значении церковных правил

VI Вселенского собора прав. 2: *никому да не будет позволено вышеозначенные* (т. е. правила первых четырех Вселенских соборов, и семи поместных до того времени бывших соборов и тринадцати св. отец) *правила изменяти, или отменяти, или кроме предложенных правил приимати другие, с подложными надписаниями составленные некиими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною. Аще ж е кто обличен будет, яко некое правило из вышереченных покусился изменити, или превратити: таковой да будет повинен против того правила понести епитимию, каковую оно определяет, и чрез оное врачуем будет от того, в чем преткнулся.*

Зонара: правило исчисляет соборы и из скольких отцев каждый состоял и указывает, что каждым собором определено и утверждено и заповедует, чтобы вера и догматы всех святых отцев были непоколебимы и тверды, писания их заповедует принимать, врагов же истины отвергать и анафематствовать; не так мыслящим и делающим, думающим и проповедующим, угрожает запрещением и подвергает анафеме. Ибо, говорит, мы *ничего не можем к утвержденному отцами ни прибавить, ни что-либо отнять от сего; но им во всем следуем.* Принимать другие каноны, кроме исчисленных, это правило не дозволяет. (Σ. II, 310) сравн. Пидалион 124, 125.

Иоанн: в первом правиле Трульского собора подтверждены догматы веры, изложенные прежними Вселенскими соборами; здесь во 2-м правиле утверждаются также каноны, или постановления о церковном благочинии, изданные теми же Вселенскими соборами, равно и поместными, и некоторыми из св. отцев. Правила Вселенских соборов, конечно, сами по себе имеют важность вселенскую, но подтверждение их Трульским собором, показывает, что с переменою времен и обстоятельств, в продолжение нескольких веков, правила эти не теряли своей важности и силы законов для Церкви. Что касается до правил соборов поместных и некоторых отцев; то сами по себе, без утверждения соборами Вселенскими, они не могли получить значения всеобщих законов; и потому подтверждение их Трульским собором имеет особенную цель – дать им такое значение и ввести во всеобще действие по всей Церкви….. Утверждая каноническую важность всех правил, постановленных и исчисленных, в правиле соборами и отцами, Трульский *собор запрещает их изменять, или отменять,* или вместо них принимать другие, с подложными надписаниями т. е. с именами Апостолов или отцев ложно им приписанными. Но таким запрещением очевидно не исключается: 1) необходимость издания новых правил по нуждам Церкви, как это видим на самом Трульском соборе, который сверх прежних правил соборных и отеческих, издал от себя много других новых; только *для новых правил древние Вселенскою церковью принятые, должны, во всяком случае, служить основанием, образцом, поверкою* (norma); 2) возможность изменения некоторых прежних правил частных, или применения общих к другим временам и нуждам Церкви, как опять показал тот же собор, изменив частные постановления прежних соборов, равно Вселенских и поместных (8, 16, 29 и пр.), им же самим упомянутых в настоящем постановлении; так он применил напр. общие Апостольские правила (5, 51) о супружестве священнослужителей к нуждам Церкви последующих времен, так что пресвитерам и диаконам дозволил супружество, а епископам воспретил (12); 3) но собственное его определение о том, чтобы не изменять древних правил, воспрещает главным образом изменение их в самых основаниях и сущности их, изменение вопреки общим законам и духу Православной церкви, изменение по произволу мнений и страстей человеческих, дерзающих, как выражается собор, корчемствовать истиною; при том собор очевидно имеет в виду частных лиц или отдельных властей, посягающих на превращение установленных правил: ибо в наказание за то определяет нести те самые епитимии, которые налагаются за преступления в правилах, ими превращаемых. Но собор ничего не говорит о Церкви – всей вообще, которая с непременными ей принадлежащими правами, действует в усовершении своего благоустройства, определяет действие прежних правил в приложении к жизни христианского общества разных мест и времен, и восполняет их новыми. Таким образом постановление собора не исключает и права поместных Православных церквей иметь, кроме общих древних, свои местные правила, порядки и обычаи в своем устройстве и управлении,

только бы они были согласны, в духе и основаниях своих, с древними и коренными началами церковного законоположения (II, 344).

VII Вселен. собора прав. 1: *приявшим священническое достоинство свидетельством и руководством служат начертанные правила и постановления* (*αἱ των κανονικῶν διαταξέων ἱποτυπώσεις*), *которые охотно приемля*, *воспеваем с Богоглаголивым Давидом ко Господу Богу глаголюще: на пути свидений твоих насладихся, яко о всяком богатстве* (Псал. 118:114). *Такожде: заповедал еси правду, свидения твоя во век: вразуми мя и жив буду* (Псал. 118:138, 144). *И аще пророческий глас повелевает нам во всех хранити свидения Божия, и жити в них: то явно есть яко пребывают оные не сокрушимы и непоколебимы. Ибо и Боговидец Моисей тако глаголет: к сим не подобает приложити, и от сих не подобает отъяти* (Второз. 12:23). *И Божественный Апостол Петр, хваляся ими вопиет: в няже желают Ангеле приникнути* (Петр. 1:12). *Такожде и Павел вещает: аще мы или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1:8). *Понеже сие верно, и засвидетельствовано нам: то радуяся о сем, подобно как обр е л бы кто корыст ь многу, Божественны е правила* (*τῳς ϑείῳς κανονας*) *со услажден и ем пр и емлем, и всец е лое и непоколебимое содержим постановлен и е* (*διαταγήν*) *сих правил, и зло ж енных от все х вальных Апостол, святых труб Духа, а от шести святых В селенских соборов, и пом е стно с обирав ш ихся для издан и я таковых запов е дей и от святых отцев наших. Ибо все они от единого и того же Духа быв просвещены, полезное узаконили. И кого они предают анафеме, того и мы анафематствуем, а кого извержению, тех и мы извергаем, и кого отлучению, тех и мы отлучаем: кого же подвергают епитимии, тех и мы такожде подвергаем.*

Зонара: в богодухновенном писании многократно встречается имя *свидений, свидетельств;* о некоторых из них упомянули и священные отцы в настоящем правиле. Итак, прежде должно сказать, какие это свидетельства. Свидетельствами называются заповеди (*διαταγαί*) Господа, свидетельствующие и определяющие то, как должно нам жить и то, что преступники заповедей Божиих будут наказаны. Итак, отцы собора говорят, что удостоенным священнического достоинства свидетельствами суть Божественные каноны и в них изображенное и определенное. Ибо они свидетельствуют, как им должно жить и как действовать и угрожают, и определяют наказание за нарушение их. Для них каноны служат и исправлением (*κατόρϑωμα*), потому что охраняют и упорядочивают их жизнь; ибо таким образом они живут добродетельно и угождают Богу; более сего исправления никто не найдет. Итак, сии то канонические постановления с песнию, то есть с любовью, и готовностью приемля, говорят отцы, воспеваем с Давидом: *на пути свидений твоих насладихся, яко о всяком богатстве* (Псал. 118:14), выражая этим, что, шествуя, или совершая путь жизни по свидениям (свидетельствам) твоим услаждаемся и возвеселяемся как о всяком богатстве, как о многоразличном и многовидном богатстве, или как будто бы мы имели все богатство вместе собранное во едино. И опять: *заповедал еси правду свидения твоя во век; вразуми мя и жив буду* (Псал. 118:138, 144). И пророческий глас повелевает нам сохранить во век свидения Божии и жить в них, т. е. ясно, когда они пребывают несокрушимы и непоколебимы. Ибо мы живем во свидениях Божиих, когда они пребывают непоколебимыми, не нарушаются нами и не отменяются. Несокрушимыми (*ἀκράδαντα*) называются потому, что тверды, не легко преломляются, или движутся: ибо *краδη* значит ветвь смоковницы, которая слаба и легко ломается. Итак, твердый и неудободвижимый называется несокрушимым. Потом приводит и слова Моисея: *к сим* т. е. к божественным заповедям *неподобает приложити и от сих не подобает отъяти.* (Втор. 12:32). Приводит и Апостолов: пламенного в вере Петра, который хвалится сими (т. е. заповедями Божиими) и говорит: *в няже желают Ангели приникнути, яже,* как говорит он, *ныне возвестишася вам Духом Святым* (хотя некоторые и иначе толкуют сие Апостольское изречение); приводит и великого по ревности Павла, восклицающего: *аще Ангел благовестит вам паче еже приясте, анафема да будет.* И к сим изложившие сие правило присовокупляют, что если это так, и засвидетельствовано нам, то радуемся о сем, подобно как обрел бы кто большую корысть, и с веселием приемлем Божественные правила, вместо: с любовью приемлем и облобызаем (ибо кого любим, того объятиями к груди прижимая лобызаем) или сердечно любим, ибо близ груди сердце наше. „И всецелое и непоколебимое содержим постановление их“ (т. е. правил), говорят, когда содержатся, имеют силу и пребывают тверды правила, изложенные от св. Апостолов, и шести Вселенских соборов, и поместно собиравшихся и от святых отец наших, т. е. изложивших правила вне соборов. Ибо все они, имея ум просвещенный от самого Святого Духа, определили

полезное. И все, говорят, согласно с ними делаем и мы: кого они анафематствуют, тех и мы; кого они извергают, тех и мы; кого онн отлучают, тех и мы; кого они предают епитимии, тех и мы. Ибо *не сребролюбцы нравом, довольны сущими,* Апостольское слово. А привели это слово отцы собора, показывая, как думаю, что ничего более, кроме заповеданного правилами, мы не хотим прибавлять, водясь славолюбием, как сребролюбцы, которые всегда стремятся прибавлять к тому, чтó имеют; но довольствуемся тем, чтó имеем, т. е. определенным святыми отцами, (Σ. II, 557–559. Сравн. Пидалион 184).

Вальсамон: Свидетельствами (или свидениями) называются заповеди Божественных писаний, как свидетельствующие и представляющие образ, как должно действовать верным. Итак, св. отцы сего собора говорят: приемля прежде изложенные правила св. Апостолов, шести Вселенских соборов и поместных, анафематствуем тех, которых они анафематствовали, извергаем изверженных ими, отлучаем отлученных, и предаем епитимии подвергнутых епитимии. Ибо не сребролюбцы нравом, т. е. ничего более по славолюбию не прилагаем к сим, не будучи ненасытны как сребролюбцы, но довольствуясь тем, чтó определено ими. Цель правила такова, и содержание его, по своей ясности, не требует толкования. Знай, что это правило упоминает только об Апостольских и соборных правилах. А второе правило Трульского собора предписывает содержать постановления и других святых, как священные правила. И так не удивляйся, как и об них ничего здесь не написано: ибо св. отцы довольствовались определенным тогда очень хорошо. Ибо, утвердив второе правило Трульского собора, утвердил собор и постановления других святых, упоминаемых в сем правиле.

Аристен: св. отцы сего собора приемля и содержа каноны всехвальных и св. Апостол, св. Вселенских шести соборов и поместно собравшихся, говорят, что подвергнутых ими анафеме анафематствуют и они, осужденных на извержение за какое-нибудь преступление, также и они осуждают, отлученных отлучают, преданных епитимии и они предают, не прибавляя ничего и не отнимая от изложенного и определенного св. Апостолами и богоносными отцами (Σ, II, 559, 560). Сравн. „Слав. кормч.” л. 209 об.

Иоанн: по примеру первых шести Вселенских соборов, VII Вселенский собор начинает изложение своих постановлений рассмотрением и утверждением тех правил, которые определены святыми Апостолами, соборами и отцами прежних времен (см. II Всел. 1, III Всел. 7, 8; IV Всел. 1; VI Всел. 1, 2). Утверждая в общих словах все постановленное прежними соборами, VII Вселенский собор в своем настоящем правиле не именует самых соборов и отцев, которых постановления принимает; следов. он утверждает их в том виде и составе, как они были определены на предшествовавшем VI Всел. соборе (Трульском). Только, упоминая о Вселенских соборах в числе шести, VII собор включает таким образом в ряд Вселенских соборов и Трульский и утверждает его правила. *Общую каноническую важность соборных постановлений, также как и правил Апостольских (85) и отеческих VII собор, выражает особенно сильным и знаменательным исповеданием: „ибо все они от единого Духа быв просвещены, полезное узаконили». Убеждение в такой важности отеческих постановлений не дозволяло ни отменять их, ни изменять. Видно, что перемена времен не требовала, или не служила предлогом перемен в Церкви; видно, что древние Вселенские постановления, несмотря на расстояние веков, от которых они были приняты Церковью, были и в VIII в.* (во время VII Всел. собора) *достаточны и совершенны для церковного благоустройства, также как и во все предшедшие времена.* Это потому, что постановления сии не только имели авторитет древности и происхождения от Вселенских соборов и св. отцев, но и содержали в себе самые твердые и чистые основания церковного порядка и благочиния, и сами были основаны на совершенном по преимуществу Вселенским отцам Церкви свойственном познании истинного духа Церкви Христовой, ее потребностей, ее истинного блага, на точном и неизменном предании от Апостолов и первых веков христианства, на той высокой строгости духа, с какою древние отцы постигая состояние Церкви в мире, где она, среди всех перемен в событиях и в своем внешнем быту, должна сохранить неизменно свое единство, свою благодатную святость и чистоту, Апостольское преемство и кафолическое достоинство, – и сообразно такому понятию о Церкви, они определяли правила ее управления. Поэтому, *хотя правила* сии *составлены,* по-видимому, *на частные случаи,* их требовавшие, и применены были к своим временам: *но их сущность и внутреннее значение, их основания и цели, дают им важность непреложных законов Церкви, всегда, и везде могущих и долженствующих сохранить свою обязательную силу для блага единой истинной Церкви.* Таким образом сама *Церковь никогда не отменяла этих правил* в

целом их составе *и не изменяла их сущности и оснований. Повторяя и подтверждая их постоянно, во все времена, Церковь ограждала себя от нововведений, которые могли изменить единство ее духа, от своеволия человеческих распоряжений, или произвола частных властей, которые хотели бы поколебать ее вековые основания.* Сему не противоречит издание во всякое время новых дальнейших постановлений, необходимых по текущим делам Церкви, потребных для собственного ее возрастания по жизни духовной, в меру возраста, исполнения Христова, и по жизни внешней, – в большую твердость ее благосостояния. Но все это *дальнейшее развитие церковного законоположения должно иметь одно общее основание, – древние Вселенские ее постановления, один дух, – Апостольский, отеч е ский , одну цель, – сохранение ее единства и чистоты, и исполнение ее предназначения – спасения верных сынов* (II, 513–515).

О соблюдении древних преданий, обычаев и правил сами правила содержат следующие предписания: *да хранятся древние обычаи, древние предания, да соблюдается древний закон и правило; да не вводятся в Церкви вопреки писаниям и церковным преданиям новости; да не преступаются предания и правила отцев; а преступающий церковные предания, или преданное нововведением повреждающий да будет извержен и отлучен от Церкви* (I Всел. 6, 7, 13, 18; II Всел. 2, 7; III Всел. 7, 8; VI Всел. 1, 2, 13, 19, 29, 32, 84, 87, 90; VII Всел. 7; Гангр. 21 и др.).

Присяга членов Духовной коллегии: „Не буду притворять мне невежества, но аще в чем и недоумение мое будет, всячески потщуся *искать уразумения и ведения от* священных писаний и *правил соборных*, и согласия древних великих учителей”.

Архиерейское обещание: Православный епископ в своем обещании, произносимом пред хиротониею, обещается: *блюсти каноны святых Апостол, и седми Вселенских и благочестивых поместных соборов, иже на сохранение правых велений суть узаконены: и елико по разным временам и летом, от истинно поборствующих по святей восточней Православней вере каноны и святые уставы суть изображена, и та вся хранити крепце и нерушне до кончины моея жизни с сим моим обещанием свидетельствую, и вся яже они прияша и аз приемлю, и их же они отвратишася, и аз отвращаюся.* – И обещает это под страхом, в случае если Божественным правилом явится не послушен, или противен – *абие лишен быти всего сана своего и власти без всякого извета и слова.*

Архиерейская ставленная грамота: „О епископе, питаем выну словесы веры и здравым учением, еже от Богодухновенного писания, *от соборов Вселенских и поместных и святых отец* дело сотвори благовестника, предания сохрани... Во всех к созиданию Церкви, к совершению святых на дело служения, подъемлемых тобою трудех и подвизех, взыскуй завета Господня и свидения Его сохрани: *от канонов же и уставов церковных* и законов царевых *никакоже уклонися ни, надесно, ни налево.*

Поучение святительское к новопоставленному иерею: строго обязанный блюсти правила сам, епископ и каждому священнику строго заповедует: *дело же твое буди, еже учитися закону Господню день и нощь и заповедем прехвалъных Апостол, и правилам св. отец, иже на седми соборех Вселенских и на поместных, последовати... Приемли послушество от правил св. Апостол, и святых отец седми соборов и поместных девяти, и прочих Божественных писаний. На них яко на камени веры назидай храмину всея жизни твоея, а, не на песце мира сего суетий: да ветрам и волнам нападшим не подвижим пребудеши* („Поучение святительское к новопоставленному иерею” стр. 1, 2).

Православное исповедание: *должно верить, что все то, что ни постановили святые отцы на всех Вселенских и поместных Православных собораъ,* где бы они ни были составлены, *происходит от Духа Святого*, как Апостолы на соборе своем сказали: *изволися Святому Духу и нам* (Деян. 15:28). По примеру их и прочие Православные соборы подобным заключением утвердили свои постановления. (Ч. 1 отв. на вопр. 72).

Духовный Регламент, изданный тщанием и повелением всепресветлейшего державнейшего государя Петра I-го, прежде всего, прежде всякого своего правила говорит: *управления основание есть закон Божий, в Священном писании предложенный, такоже каноны или правила соборные святых отец.*

Устав духовных консисторий: основания епархиального управления и суда суть: а) закон Божий в Священном писании предложенный; б) *каноны или правила, святых Апостол, святых*

соборов Вселенских и поместных и святых отец: в) Духовный регламент и последовавшие за ним Высочайшие указы и определения св. Правит. Синода; г) уставы гражданские.

Преосвященнейший Макарий, архиепископ Литовский: с тех пор как только открылась возможность созывать Вселенские соборы, на них решались окончательно все дела, касавшиеся всей Церкви, как свидетельствует история этих соборов; выше власти соборов Вселенских никакая другая власть не признавалась в делах веры, *и безусловно покоряться решениям и узаконениям Вселенских соборов почиталось непременным долгом и для всех верующих и для самих пастырей.* („Догм. босл.” III, 301). Православная церковь требует веры во все постановления соборов, как Вселенских, так и принимаемых ею поместных, от каждого поступающего в число ее членов („Чин принятия иноверц.” л. 73 изд. 1757 г.) и постановила, чтобы исповедание этой веры читалось и в присяге епископской, как один из главнейших членов Православия („Чин избрания и рукоположения епископа”, л. 12 издан. 1825 г.). Определения частных, или поместных соборов, хотя не могут считаться непогрешимыми, но имеют великую важность для Церквей местных, коих *епископы присутствовали* на тех соборах; а если эти определения будут рассмотрены и утверждены собором Вселенским и приняты всею Церковью; в таком случае они приобретают для нас одинаковую важность с собственными определениями соборов Вселенских. Вот почему *наша Православная церковь верует, что все, что ни постановили св. отцы на всех Вселенских (7) и поместных (девяти, принятых и утвержденных VI -м Вселенским) Православных соборах*, *где бы они ни были составлены, происходит от Духа Святого, как Апостолы на соборе своем сказали: изволися Святому Духу и нам.* („Правосл. исповед.” ч. I, вопр. 72). „Введение в Правосл. богосл.” § 138 стр. 541, 542, 537–541.

Преосв. Филарет архиеп. Черниговский („Прав. догмат. богосл.” 427): *определения Вселенских соборов для всех были обязательными.* Так Вселенские соборы, по практическому сознанию Церкви, составляют высшую власть во всей Церкви Христовой. Так о них судили патриархи и вся Церковь, напр. св. Григорий Двоеслов, папа Римский, писал: „так как они (Вселенские соборы) составлялись по всеобщему согласию: то всякий, кто отваживается или разрешить тех, кого они связывают, или связать тех, кого они разрешают, низлагает себя, а не их”. „Что показалось Богоугодным тремстам епископов, писал равноапостольный Константин о Никейском соборе, то должно считать не иначе, как определением Божиим, тем более, что в умах столь преславных мужей обитал Дух Святой, открывавший им волю Божию”.

Преосвященный Иоанн епископ Смоленский („Опыт курса церк. зак.” 1, 42, 43): Апостолы, сообщая свои правила Церквам, предоставляли еще самим пастырям их развивать и дополнять эти правила, в местном управлении своих Церквей. Так Ап. Павел, преподав епископу Ефесскому Тимофею, многие наставления касательно церковного управления, наконец дает Ефесскому пастырю полномочие – устроить вполне церковный порядок собственными распоряжениями, сообразно достоинству и назначению Церкви Христовой. Так Апостолы уполномочивали всех пастырей церковных (Деян. 20:28; 1Петр. 5:1: Тит. 1:5). Отсюда и произошли церковные правила, установления, обычаи... Правила, различаясь по своему происхождению от Спасителя, Апостолов и их преемников, не различаются: а) ни в основании своем, которое для всех правил есть одно общее – Божественное Слово и полномочие от Спасителя мира, преданное Апостолам, и чрез них Церкви, на то, чтобы сохранить и распространить в мире Его учение и исполнить Его святую волю (Мф. 28:18–20; Иоан. 20:21–23); б) ни в сущности своей, которую составляет одна общая, главная мысль всех правил: образование и утверждение духовной жизни христиан на началах святой, Православной веры и сообразное духу ее благоустроение общества верующих, составляющих благодатное царство Христово, или Церковь. В этом отношении *одни правила для других служат только раскрытием и приложением*, *– Апостольские для Божественных, а для тех и других – подробные церковные. Поэтому они не разделяются и в действии своем: ибо все вместе составляют одно всецело действующее законоположение Церкви, и общее ненарушимое обязательство для всех истинно верующих, так что исполнение одних правил,* (напр. Божественных) *требует необходимо исполнения других* (Апостольских и церковных, в которых они раскрываются), *и нарушение одних влечет за собою нарушение других.* Сам Спаситель, изображая суд Церкви, соединяет в нем вместе как бы в одно целое – и право самой Церкви, и право власти Апостольской, и суд Божий; так Он говорит: *повеждь Церкви; аще же и Церковь преслушает, буди тебе, якоже язычник и мытарь. Аминь бо глаголю вам (Апостолам): елика аще свяжете*

на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, *будут разрешена на небесех* (Мф. 18:17, 18).

Г. Соколов 1870 г.: „Древнее церковное законодательство, соединенное в Книге правил, и теперь имеет de jure значение положительного закона; в таком значении оно признается во всех последующих законодательных памятниках, относящихся к Церкви. В уставе Духовных консисторий основанием епархиального управления и суда, вслед за законом Божиим в Священном писании, поставлены каноны и правила святых Апостолов, св. соборов Вселенских и поместных, и святых отцев (ст. 6). Таким образом, с одной стороны, в силу законодательного признания, правила соборов и отцев суть действующее право, к которому наука не может относиться так, как к мертвому памятнику с одними чисто научными приемами, как изучается напр. римское право; с другой стороны, в действительно действующем праве Церкви мы находим, что многие из древних правил не действуют, не отменены и не заменены другими, иные даже не применимы при настоящих обстоятельствах.“ („Прав. обозр.” 1870, 1, 837).

„По нашему мнению указание на древние правила может иметь по существу своему такой смысл: *правила Апостолов, соборов и отцев необходимо должны быть первым и существенным основанием церковного суда,* но не в том значении, в каком можно, например, сказать о своде гражданских законов, или об уложении о наказаниях, что они суть основания гражданского и уголовного суда, т. е. не в смысле прямой практической применимости, а *в смысле основных высших начал или принципов,* которые должны быть развиты, применены, соображены с современными потребностями Церкви, разработаны в определенных законодательных постановлениях, *на основании и по духу которых должны составляться точные юридические нормы для настоящих церковных отношений* („Прав. обозр.” 1870 май, 838).

„Древние правила представляют драгоценное сокровище и твердую руководительную опору для деятельности церковного законодателя всех времен; он обязан положить их в основание своих законодательных предположений, на них созидать свое здание по правилам и требованиям современной архитектуры, *многое должно в них получить значение неизменного начала,* многое должно быть изменено и приспособлено и должно обратиться в достояние истории.” („Прав. обозр.” 1870 май, 838, 839).

„Вот уже XIX веков прошло со времени основания Христианской церкви. В этот громадный период времени, какого не пережило еще ни одно из христианских государств, в Церкви постоянно выработывалось ее законодательство, определялись различные нормы для фактических отношений, слагалось ее право. *В постановлениях великих соборов и отцев Церковь имеет твердые основания для всех сторон своей деятельности. Каждой частной Церкви остается только применять Вселенские основания церковного управления* к своим местным потребностям и бытовым условиям” („Прав. обозр.” 1870 стр. 833).

Определения соборов получают общеобязательное для христиан значение положительного закона. Посему период великих церковных соборов от IV до IX в. следует назвать *важнейшею эпохою вселенского церковного законодательства, временем установления всеобщих и основных начал, на которых должна была утвердиться внутренняя и внешняя жизнь церковного организма…. Канонические постановления соборов для церковной власти имеют высший авторитет и значение руководительных начал. Православная церковь не считает эти каноны чисто случайным произведением исторических условий того времени, как смотрят на них протестанты. Она не признает ни за кем из своих представителей права, даже временной отмены соборных канонов* („Прав. обозр.” 1870, 2, 588).

„Православная церковь различает между самыми канонами те, которые относятся к существу церковного устройства и жизни, и те, которые были вызваны историческим положением Церкви, предназначались только *для временного употребления* в ней. *Относительно последних* она признает за собою право видоизменятъ их сообразно с потребностями, отменять и дополнять, действуя при этом сообразно с общими началами и духом вселенского церковного законодательства. Но, повторим опять, она не признает этого права ни за какою внешнею властью, *не усвояет ее никому в отдельности, ни одному из самых высших своих иерархов, но только власти равной по правам с тою, которая установила эти законы, т. е. соборной.* На этом основании Церковь никогда не смешивала соборных, канонических своих определений с какими-либо другими постановлениями и, как бы велико ни было фактическое значение последних в известный период и при известных обстоятельствах церковной жизни, она никогда

не усвояла им такого высокого канонического авторитета, как первым» („Правосл. обозр.” 1870. 2. 589).

III. УЧЕНИЕ, ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПОСТОРОННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ЕПИСКОПА

Сколь несомненна и ясна принадлежность епископу судебной власти на основании Слова Божия и церковных правил, столь же очевидно и непререкаемо подтверждается эта мысль и другими свидетельствами непререкаемого авторитета. – 1) Эта мысль принята и ясно выражена в символических книгах Православной церкви и составляет непременный член догматического ее учения; 2) она засвидетельствована целым рядом изречений отеческих и свидетельств исторических; 3) она ясна в законах греко-римских императоров; 4) она выражена в практических источниках нашего русского церковного права; 5) она составляет основу ныне действующего права всех частных Православных церквей, за исключением Церкви Сербского княжества и 6) наконец признана канонистами и учеными, занимавшимися исследованием этого предмета.

По обстоятельствам, изъясненным нами выше (о Слове Божием и церковных правилах) и здесь мы находим себя вынужденными приводить все свидетельства с буквальною точностью.

1) Символические и догматические книги Православной церкви

Послание патриархов Восточно-кафолической церкви о Православной вере к Великобританцам

В послании к Святейшему Синоду, посланном Восточными патриархами в сентябре 1723 года, читаем: „прочетше от Великобританцев к нам паки писанная, и познавше разум их, се, пространнее и преисполпеннее пишуще, посылаем изложение и мудрование Православной веры, яже у нас Христовы Святой Кафолической Восточной церкви, которое изложение есть и ответ известный на вся простираемая к нам стязания, в предложенных ими, и кроме сего ничто же ино имамы рещи и отвещати. *Советуем же и вашей братской честности, да якоже изначала приемше содержите и мудрствуете,* от всея души и сердца и христианского благоговения, *догматы Православной веры* сея, яже у нас Восточной Святой Христовы Церкви, *тако и отныне и впредь имате пребывати непреложно и непоколеблемо в тех же благочестивых Православия догматех, и пределех, и заповедех, и чиноположениях* во правительствующей же, и во всякой Церкви, обретающейся во одержании вашем, *во еже бы,* сиречь, *отнюдь разглагольствий некиих иных не творити никогда*, и не предлагати предреченным о Божественных догматех благочестивой нашей веры и Православия: *зане сии самые Православные догматы прежде исследованы, и с правым рассмотрением, древле известно определены от Святых и Вселенских соборов и Богоносных Святых Отец, преданы же и непрерывно и неуклонно Святой и Кафолической нашей Церкве служением соблюдаются, якоже учреждены и определены суть: и не лет есть ни приложити к ним ино что, ниже отнюдь отъяти что от них.* На сих весь, без изъятия, Собор Святых Отец наших водружены и утверждены бывше, и Богу, яко благочестивы, угодиша, и вечных благ (инако бо мудрствующим, яко не правомудрствующим, невозможно угодити Богу и получити Божие блаженство) царствия небесного сподобишася, прославишася и ублажаются. И вы убо, аще намерение имате, и хощете писати и отвещати оным, тако точно пишите, глаголюще, яко сицево есть нашей Восточной церкве мудрование, яково изъявляет и представляет ныне от нас к ним посланное, якоже речеся, изложение Православия. Сице убо, а не инако соединение будет, и едино будут с нами, аще, си есть, единомудрствующии нам и единославни восхощут быти. Да сотворит же Бог, хотящий всем человеком спастися и в разум истины прийти, да будет и у них рассуждение, и на таяжде единомудренно нам соизволение по Божией воле и благоизволению, к душеполезному и спасительному состоянию”. (Послан. Вост. патр. л. 5, 6).

За сим в самом послании к Великобританцам Восточные патриархи пишут: „по требованию вашему, мы теперь кратко ответствуем вам, что, прочитав внимательно ваше последнее писание, мы поняли смысл написанного и ничего более не имеем сказать на оное, кроме того, что мы сказали уже прежде, изложив свое мнение и учение нашей Восточной церкви; и теперь на все присланные вами к нам предложения мы говорим то же самое, то есть, что наши догматы и учение нашей Восточной церкви еще древле исследованы, правильно и благочестиво определены и утверждены Святыми и Вселенскими соборами: прибавлять к ним или отнимать от них что-либо не позволительно. Посему *желающие согласоваться с нами в Божественных догматах Православной веры, должны* с простотою, послушанием, без всякого исследования и любопытства, *последовать и покориться всему, что определено и постановлено древним преданием отцев, и утверждено святыми и Вселенскими со борами, со времени Апостолов и их преемников, богоносных отцев нашей Церкви.* Хотя достаточно и сих ответов на то, о чем вы пишете, впрочем, для более полного и непререкаемого удостоверения, вот мы посылаем вам, в пространнейшем виде, изложение Православной веры Восточной церкви нашей, принятое, по тщательном исследовании, на соборе давно бывшем (в 1672 году по Р. Х.), именуемом Иерусалимским, каковое изложение и напечатано было в последствии на греческом и латинском языках в Париже в 1675 г., и может быть в то же время дошло и к вам, и у вас находится. Из него можете познать и несомненно уразуметь благочестивый и православный образ мыслей Восточной церкви: и если согласитесь с нами, удовлетворившись тем учением, которое мы изложили теперь: то будете во всем едино с нами, и никакого не будет между нами разделения. Что же касается до прочих обычаев и чиноположений церковных, до совершения священных обрядов литургии, то и сие, при совершившемся с Божиею помощью единении, можно будет легко и удобно исправить. Ибо из церковных исторических книг известно, что некоторые обычаи и

чиноположения в различных местах и Церквах были и бывают изменяемы, но единство веры и единомыслие в догматах остаются неизменными. Вот чему веруем и как мыслим мы Восточные православные христиане», говорят Восточные патриархи и за сим в 10-м члене сих *догматических членов* (Сравн. приб. к Тв. св. отц. 1871, кн. 3, стр. 619) изъясняют: „веруем, как и научены верить, в так именуемую, и в самой вещи таковую, то есть, святую, Вселенскую, апостольскую Церковь, которая объемлет всех и повсюду, кто бы они ни были, верующих во Христа, которые ныне, находясь в земном странствовании, не водворились еще в отечестве небесном. Но отнюдь не смешиваем Церкви странствующей с Церковью, достигшею отечества потому только, как думают некоторые из еретиков, что та и другая существуют, что обе они составляют как бы два стада одного Архипастыря Бога и освящаются одним Святым Духом. Такое смешение их неуместно и невозможно, поскольку одна воинствует, находится еще в пути, а другая торжествует уже победу, достигла отечества и получила награду, что последует и со всею Вселенскою церковью. Так как человек подвержен смерти и не может быть постоянною главою Церкви, то Господь наш Иисус Христос Сам, как Глава, держа кормило правления Церкви, управляет ею посредством святых отцев. Для сего Дух Святой, частным Церквам, законно основанным и законно состоящим из членов, *поставил епископов, как правителей, пастырей, глав и начальников,* которые суть таковы отнюдь не по злоупотреблению, а законно, указуя в сих пастырях образ Начальника и Совершителя нашего спасения, дабы общества верующих под сим управлением восходили в силу Его. поскольку, между прочими нечестивыми мнениями, еретики утверждали и то, что простой священник и архиерей равны между собою, что можно быть и без архиерея, что несколько священников могут управлять Церковью, что рукополагать во священника может не один архиерей, но и священник, и несколько священников могут хиротонисать и архиерея, и разглашают, что Восточная церковь разделяет с ними сие заблуждение: то мы, сообразно с мнением, издревле господствующим в Восточной церкви, подтверждаем, что звание епископа так необходимо в Церкви, что без него ни Церковь Церковью, ни христианин христианином не только бысть, но и называться не может. – Ибо епископ, как преемник Апостольский, возложением рук и призванием Святого Духа, получив преемственно данную ему от Бога власть – решить и вязать, есть живой образ Бога на земле и, по священнодействующей силе Духа Святого, обильный источник всех таинств Вселенской церкви, которыми приобретается спасение. Мы полагаем, что епископ столько же необходим для Церкви, сколько дыхание для человека и солнце для мира. Посему некоторые в похвалу архиерейского сана хорошо говорят: „что Бог в Церкви первородных на небесах и солнце в мире, – то каждый архиерей, в своей частной Церкви: так что им паства освещается, согревается и соделывается храмом Божиим». Что великое таинство и звание епископства перешло к нам преемственно – сие очевидно. Ибо Господь, обещавший с нами быть до века, хотя находится с нами и под другими образами благодати и Божественных благодеяний: но чрез священнодействие епископское сообщается с нами особенным образом, пребывает и соединяется с нами посредством священных таинств, которых первым совершителем и священнодействователем, по силе Духа, есть епископ и не допускает нас впасть в ересь. Посему святой Иоанн Дамаскин в четвертом письме своем к Африканцам говорит, что Церковь вселенская вообще вверена была епископам, что преемниками Петра признаются: в Риме Климент первый епископ, в Антиохии Еводий, в Александрии Марк: что святой Андрей поставил на престоле Константинопольском Стахия: в великом же святом граде Иерусалиме Господь поставил епископом Иакова, после которого был другой епископ, а после него еще другой, и так даже до нас. Посему то и Тертуллиан, в письме к Папиану, всех епископов называет преемниками Апостолов. О преемстве их, Апостольском достоинстве и власти свидетельствует также Евсевий Памфил и многие из отцев, которых перечислять было бы излишне, равно общее и древнее обыкновение Вселенской церкви. Очевидно также, что *епископский сан отличается от сана простого священника*, *ибо священник рукополагается епископом, а епископ рукополагается не священниками, но, по правилу Апостольскому, двумя или тремя архиереями.* Притом священник избирается епископом, а архиерея избирают не священники или пресвитеры и не светская власть, но собор высшей Церкви того края, где находится город, для которого назначается рукополагаемый, или, по крайней мере, собор той области, где должно быть епископу. Иногда, впрочем, избирает и целый город, но не просто, а избрание свое предъявляет собору, и если оно окажется сообразным с правилами, то избранного производят посредством епископского рукоположения, чрез призывание Святого Духа. Кроме сего,

священник власть и благодать священства приемлет только для себя, епископ же передает оную и другим. Первый, приняв от епископа священство, совершает только святое крещение с молитвами, священнодействует Бескровную жертву, раздает народу святое тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа, помазывает крещаемых святым миром, венчает благочестиво и законно вступающих в брак, молится о болящих, о спасении и приведении в познание истины всех людей, а преимущественно о прощении и оставлении грехов православным, живым и умершим и, наконец, так как он отличается знанием и добродетелию, то, по власти, данной ему епископом, учит тех из православных, которые приходят к нему, указывая им путь к получению царства небесного, и поставляется проповедником святого Евангелия. *Но архиерей, кроме того, что совершает все сие (ибо он, как сказано, есть источник Божественных таинств и дарований по силе Святого Духа)* один исключительно совершает святое миро; ему только одному усвоено посвящение во все степени и должности церковные: *он особенно и преимущественно имеет власть вязать и решить и творить, по заповеди Господа, суд, приятный Богу;* он проповедует святое Евангелие и православных утверждает в вере, *а непокорных, как язычников и мытарей*, *отлучает от Церкви, еретиков же предает извержению и анафеме,* и свою душу полагает за овцы. Отвсюду открывается неоспоримое различие епископа от простого священника, а вместе и то, что, *кроме него, все в мире священники не могут пасти Церковь Божию и совершенно управлять ею.* Но справедливо замечено одним из отцев, что нелегко найти между еретиками человека рассудительного, поскольку, оставляя Церковь, они бывают оставляемы Святым Духом, и не остается в них ни знания, ни света, но тьма и ослепление. Ибо, если бы сего не было с ними, то они не отвергали бы самого очевидного, каково, например, великое по истине таинство епископства, о котором говорит писание, упоминают церковная история и писания святых, и которое всегда было признаваемо и исповедуемо всею Вселенскою церковью. *Член 11.* Веруем, что члены Кафолической церкви суть все, и притом одни верные, то есть несомненно исповедующие чистую веру Спасителя Христа (которую прияли мы от самого Христа, от Апостолов и святых Вселенских соборов), хотя бы некоторые из них и были подвержены различным грехам. Ибо, *если бы верные, но согрешившие, не были членами Церкви, то не подлежали бы ее суду. Но она судит их, призывает к покаянию и ведет на путь спасительных заповедей,* а потому несмотря на то, что подвергаются грехам, они остаются и признаются членами Кафолической церкви, только бы не сделались отступниками и держались Кафолической и Православной веры». (Послан. Восточн. патриарх. чл. 10, 11, л. 17–22).

Особенная важность приведенных мест из посланий Восточных патриархов к Св. Синоду и к Великобританцам заключается 1) в том, что они содержат *догматические, вероопределительные,* а не дисциплинарные *члены учения Правосл. церкви;* 2) что в числе сих членов принадлежность судебной власти в Церкви епархиальному архиерею несомненно находится; 3) что сия принадлежность, как и прочие догматические члены учения Правосл. церкви, относится к числу таких догматических учений неизменных, признание которых необходимо требуется от всякого желающего быть в единении с Православною церковью и отделяется от учреждений изменяемых, каковы обычаи и чиноположения церковные, напр. священные обряды литургии; 4) что Восточные патриархи советуют св. Всероссийскому Синоду содержать *сии догматы Православной веры непреложно и непоколебимо: зане сии самые Православные догматы прежде исследованы, и с правым рассмотрением, древле известно определены от святых и Вселенских соборов и богоносных св. отец, преданы же и непрерывно и неуклонно святой и кафолической нашей Церкве служением соблюдаются, якоже учреждены и определены суть: и не лет есть не приложити к ним ино что, ниже отнюдь отъяти что от них,* и 5) „истину и чистоту учения содержащегося в сем Послании засвидетельствовали все святейшие патриархи и другие архипастыри Церкви восточной, когда послали его от себя (1723 г.) в ответ христианам Великобританским, как истинное изложение и мудрование Православной веры, и тогда же сообщили для той же самой цели и нашему Св. Синоду; принял и засвидетельствовал и св. Синод Всероссийский, издавши в 1838 г. это исповедание на русском языке под заглавием: *послание патриархов православно-кафолической Церкви о православной вере,* для руководства всем православным, а в 1845 г. постановивши безмездно раздавать эту книгу всем духовным воспитанникам для всегдашнего употребления не только в семинариях, но и по выходе из семинарий (Преосв. Макария „Введение в правосл. богосл.” 590, 591).

Вследствие сего догматическое учение Православной церкви в этом пункте строго держится учения, изложенного в Послании Восточных патриархов и на нем утверждается. Все

догматическое учение о Церкви твердо и строго держится на 10-м члене Послания вост. патриархов, см. „Православно догматическое богословие” преосв. Макария т. III, стр. 249, 255, 256, 275, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 301, 303, 319; его же руководство к изучению „Христианского Православно-догматического богословия” стр. 236, 239, 245, 250, 251, 252. Вообще и 10 и 11 члены послания Восточных патриархов в „Догмат. богословии” и руководстве преосв. Макария приведены почти сполна в разных местах, как основание Прав. учения о Церкви и иерархии.

Руководство к изучению христианского „Православно-догматического богословия” преосв. архиепископа Макария, печатаемое по определению св. Правитель ст вующего Синода и служащее учебною книгою в духовных семинариях (изд. 1869).

„Св. Апостолы непосредственно избранным и рукоположенным ими *епископам заповедали передавать, чрез таинственное рукоположение, свою Божественную власть и иным, нарочито избранным и приготовленным людям* (2Тим. 2:2; Тит. 1:15), подробно описывали те особенные свойства, коими должны отличаться эти призываемые на столь высокое служение люди (1Тим. 3:1–10; Тит. 1:6 и след.) *постановляли особые правила суда над ними* (1Тим. 6 (5):19) стран. 244. *Епископ* в своей частной Церкви или епархии есть *местоблюститель Христов* („Правосл. исповедание” чл. 1, отв. на вопр. 85), и след. главный *начальник как над всею подведомственною ему иерархиею, так и над паствою* (Посл. Восточ. патриарх. о Прав. вере чл. 10). В частности:

1) „Епископ есть главный учитель в своей Церкви и для простых верующих и для самых пастырей. Это показывают послания св. Апостола Павла к *Тимофею епископу*, которому Апостол с особенною силою заповедовал: *внимай себе и учению* (1Тимоф. 4:16; сл. 6:12); *проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением* (2Тим. 4:2–5); заповедовал вместе, чтобы он приготовлял и научал вере и будущих учителей (2Тим. 2:2); чтобы он наблюдал за пресвитерами, как проходят они свое учительское служение и с ревностью подвизающихся в слове *сподоблял сугубой чести* (1Тим. 5:17). – Пресвитеры, получая от епископа всю свою власть чрез таинственное рукоположение, от епископа же приемлют и власть учительства по отношению к своим пасомым, которую и обязываются употреблять со всем тщанием и усердием (1Тим. 5:17; Прав. св. Апост. 58). Впрочем, и после сего, как показывают те же слова св. Апостола (1Тим. 5:17) и 39-е правило Апостольское, *пресвитеры, как во всем, так и в преподавании учения постоянно подлежат надзору и суду своего архипастыря.*

2) „Епископ есть *первый священнодействователь* и совершитель св. таинств в своей частной Церкви. Некоторые священнодействия, как в древности, так и ныне исключительно предоставлены ему. Так он один имеет право рукополагать во священника и в прочие чины церковные на основании слова Божия (Тит. 1:5; 1Тим. 5:22), правил св. Апостолов (Прав. 2) и св. Соборов (Антиох. 9). Он один только имеет право освящать миро и жертвенник, или антиминс, чтó также видно из правил соборных (Карф. прав. 6) и вообще учения Прав. церкви („Прав. испов.” ч. 1. отв. на вопр. 105).

Священник имеет власть совершать таинства и вообще священнодействия, кроме исключительно принадлежащих епископу (Иак. 5:14; снес. Апост. правил. 31, 47, 49; соб. Никейск. 18), но получает эту власть от своего архипастыря при своем рукоположении. *Затем и в прохождении этой своей обязанности подлежит непрестанному надзору, власти и суду своего архипастыря* (Апост. прав. 30 и др.).

3) „Епископ есть *главный правитель в своей частной Церкви* (Деян. 20:28; Посл. Восточ. патриарх. о пр. вере, чл. 10). Прежде всего он имеет власть над подчиненною ему иерархиею и клиром. Все священно и церковнослужители обязаны повиноваться его постановлениям и без его разрешения ничего в Церкви не совершать; *подлежать его надзору и суду* (1Тим. 5:19). *Кроме клира, духовной власти епископа подлежит и вся вверенная ему паства.* Он *особенно и преимущественно имеет власть вязать и решить* (Посл. Вост. патриарх. о прав. вере чл. 10), по правилам св. Апостолов (– 31) и св. Соборов (Карф. 6). – *Пресвитеры имеют власть решить и вязать, и вообще пасти порученное им стадо Божие* (1Петр. 5:12); но эту власть они получают уже от своего архипастыря чрез таинственное рукоположение, а некоторые избранные допускаются, по воле епископа, и вообще нести с ним бремя церковного управления; даже образуют при нем с сею целью постоянный собор. (§ 129 стр. 248–250). Но, по древнему

выражению, они служат при этом только *вместо очей у епископа,* и сами по себе, без его согласия, ничего не могут делать“ „ (Правосл. догм. богосл.” т. III, 298).

Средоточие духовной власти над каждою частною Церковью заключается в ее епископе, от которого проистекают для нее и учение, и священнодействия, и управление.

„Церковь Христова вообще, обнимающая собою все частные, как Церковь вселенская, вверена вообще всем епископам, как говорит св. Иоанн Дамаскин в четвертом письме своем к Африканцам (см. Посл. Восточ. патриарх. о Пр. вере чл. 10). И, следовательно, средоточие духовной власти для Церкви вселенской – во Вселенских соборах („Простр. Хр. катех. о чл. VIII”, стр. 79 М. 1840). Эту истину ясно выразили сами св. Апостолы, когда, по случаю происшедших между новыми христианами недоумений касательно обрезания и некоторых обрядов, желая постановить правила для всей бывшей в то время Церкви Христовой, решили дело соборне (Деян. 15:28). С тех пор, как только открылась возможность созывать Вселенские соборы, на них решались окончательно все дела, касавшиеся всей Церкви, как свидетельствует история этих соборов; выше власти соборов Вселенских никакая другая власть не признавалась в делах веры, и *безусловно покоряться решениям и узаконениям Вселенских соборов почиталось непременным долгом и для всех верующих и для самых пастырей.*

Примеч. „Вследствие такого устройства Вселенской церкви Христовой естественно происходит совершенное ее единство, когда все *частные паствы*, покоряясь своим пастырям, так сказать, *сосредоточиваются каждая в своем епископе, а епископы безусловно покоряются одним и тем же узаконениям Вселенских соборов и в своем учении, и в своих священнодействиях, и в своем управлении* (§ 130 стр. 250, 251).

„Церковь есть Апостольская по своему устройству. *Иерархия Церкви ведет свое начало от самых Апостолов чрез непрерывное преемство епископов, истинных преемников Апостольских;* учение свое она заимствует из писаний и преданий Апостольских, сохраняемых ею во всей целости и неприкосновенности; совершает Богослужение, последуя во всем этим же самым писаниям и преданиям Апостольским; *правит верующими по правилам Апостолов и другим их преданиям, в ней сохраняющимся* (§ 132 стр. 258).

Преосвящ. Филарет архиеп. Черниговский („Правосл. догм. богословие” 2, 420, 421):

„Церковной иерархии принадлежит власть судебная. Спаситель повелевал не внимающего частным обличениям представлять на суд имеющих право вязать и разрешать (Матф. 16:15–17). Апостолы на соборе судили о соблюдении обрядового закона (Деян. 15). Учитель языков судил коринфского грешника (1Кор. 5:3), Петр – Ананию и Сапфиру (Деян. 5). *Учи, увещавай и обличай со всякою властью писал Апостол епископу Титу* (2, 16, 1:13). *То же велел делать епископу Тимофею* (1Тим. 5:20)... Мздовоздаятельная власть передана и преемникам Апостольским. *Еретика-человека по первом и втором наказании отрицайся,* писал Апостол епископу Титу“ (3:10).

Греческий православный богослов Мосхонул: „епископ, между прочим, управляет вверенною ему Церковью. Это значит, что он над своею епархиею имеет власть, которою управляет подчиненными, учит, законодательствует, вразумляет бесчинных и наказывает преступников. Итак, епископ, по Божеств. заповеди, выше пресвитера. *Обязанности епископа: судить (τὸ κρίνειν),* толковать Слово Божие, хиротонисать, благословлять и освящать святое миро, освящать св. Божие церкви, освящать антиминсы *Μοσχοπώλῳ – ἐπιτομὴ τῆς Δογματικῆς Θεολογιας ,* 1851 *κεφαλληνίᾳ ,* стр. 476).

2) Свидетельства исторические

Постановления Апостольские. Образ еппскопского суда древней Церкви довольно подробно начертан в „Апостольских постановлениях» – памятнике первобытного христианства, хотя не имеющем, по определению VI Вселенского собора (пр. 2), канониче- ски – обязательной важности, но сохраняющем значение исторического свидетельства о практике древней Церкви. Епископский суд, по начертанию Апост. постановлений, происходил следующим образом: *судить епископ должен правильно*, как написано: *праведный суд судите* (Иоан. 7:24)…. Сказываемое тебе о других ты (епископ), как человек Божий, не принимай безрассудно, чтобы не погубить невинного и не убить праведного.... Обращай внимание на обвиняющего и с мудростью наблюдай, какая и какова его жизнь, и если найдешь, что он говорит истину, то поступи по иаставлению Господа. Приняв одного обвиненного, обличи его одного наедине с тобою, чтобы раскаялся. Если он убедится, то укажи ему прегрешение его в присутствии двоих или троих.... Если же обвинение в оговоре будет ложно, а вы, пастыри (т. е. епископы) с диаконами, или по лицеприятию, или за условленные подарки, примете ложь за истину и изгоните обвиняемого из Церкви, то воздадите ответ в день Господень.... Итак, ты, епископ, старайся вместе с подчиненным тебе клиром право править слово истины.... А диакон, хотя все пусть возносит к епископу, как Христос ко Отцу, но что может, то *пусть исправляет сам, получив власть от епископа, а епископ пусть судит о важнейшем*…. Судилища ваши да бывают во 2-й день после субботы.... *на судище же пусть присутствуют с вами и диаконы и пресвитеры, судя, как люди Божии*, *со справедливостью и нелицеприятно.* Когда же придет то и другое лпцо, у которых есть тяжба, то каждый пусть станет посреди судебного места, и вы, выслушав их праведно, произнесите приговор, стараясь сделать их обоих друзьями прежде мнения епископа, чтобы суд против согрешившего не сделался гласным, потому что *епископ и на судилище имеет одобрителем и свидетелем суда Христа Божия*…. Подобным же образом выслушивайте то и другое лицо, как обвиняющего, так и обвиняемого, только не по предубеждению, ни с потворством одной стороне, но по справедливости, как подающие мнение о жизни или смерти вечной.... А мнение произносите не о всяком грехе одинаковое, но каждому сродное, со многим благоразумием обсуживая каждое прегрешение, как малое, так и великое: иначе осуждайте грех делом, и опять иначе – грех словом, иначе – грех намерением.... и одних подвергай только угрозам, других подаяниям нищим, тем назначь строгие посты, а других, по великости преступления их, отлучи.... Сидя на судебном месте, в присутствии того и другого лица, тщательно изведовайте о препирающихся и сначала об обвиняющем, сего ли первого обвиняет он, или и на других взводил он преступления... Но одному ему, хотя бы был добросовестен, не верьте, ибо это противозаконно, а пусть будут у него и другие свидетели.... Несправедливо судить односторонне. Если вы выслушаете одно лицо, а другого не будет притом, и оно не будет защищаться против взносимого на него преступления, а вы вынете жребий осуждения опрометчиво, то у Бога, праведного Судии, окажетесь виновными в убийстве и меряющими одною мерою с клеветником» (Апост. пост. II, 37–51: русск. перев).

Епископ извергает всякого клирика, достойного изверження, кроме епископа, ибо этого один не может (ἐπίσκοπος καθαρεῖ πάντα κληρικόν ἀξιον ὄντα καθαιρέσεως πλὴν ἐπισκόπῳς μονος γὰρ ὠχ οἱος τ L. VIII, C. 28).

Св. Киприан карфагенский: „постановлено для всех нас справедливо и вместе праведно, чтобы дело каждого было слушано там, где совершено преступление, и к каждому пастырю приписана часть стада, которою господствует и управляет каждый, имея отдать Господу отчет в своем действовании. Итак, должно, чтобы *те, над которыми мы поставлены* (т. е. клирики и миряне) *не бегали от нас*, и твердое согласие епископов своим коварным и лживым безрассудством не нарушали; *но дело свое вели там, где могут иметь и обвинителей, и свидетелей своего преступления* (epist. 55 ad Cornel.).

В письме к епископу Рогациану: „ты жалуется на своего диакона за то, что он, забывши о твоем священническом звании и о служебной своей обязанности, огорчил тебя ругательствами и своими неправдами. Между тем ты поступил с ним почтительно в отношении к нам и сообразно с твоим обычным смирением, признав за лучшее пожаловаться нам на него, тогда как *по власти епископской ты мог и сам наказать его немедленно*…. Если этот диакон будет и впредь огорчать и оскорблять тебя своими бесчинствами, то *употреби над ним власть своего сана,*

низложив его или усмирив (Русск. пер. Т. I, 28, 31). В письме к Флоренцию Пупиану: „кто из нас более далек от смирения: я ли, который ежедневно служу братьям, или ты, который ставишь себя в епископа над епископом, в судьи *над судиею* (т. е. епископом) данным на время от Бога? (Т. I. 252 русск. перев.).

Св. Златоуст: „судебная часть для епископа имеет множество неприятностей, занятий и такие трудности, каких не несут и мирские судьи. Трудно найти правду и, найдя, не нарушить ее. Но, кроме многоделия и трудности, здесь и опасность немалая. Некоторые из бессильных, впав в дела и не получив защиты, уже потерпели крушение в вере. Многие из обиженных ненавидят не оказывающих им помощи не менее обидевших. („О священстве", кн. III стр. 66, 58. Перев. Матвеевского).

Блаж. Феодорит: „Александр епископ Александрийский, защитник Апостольских догматов, сперва старался вразумить пресвитера Ария, учившего о Сыне, что было время, когда Его не было, увещаниями и советами; но когда увидел, что тот упорно безумствует и открыто проповедует свое нечестие, исключил его из священнического чина.

Св. Епифаний против Ария: „что епископ не может быть то же, что и пресвитер, об этом свидетельствует божественное слово святого Апостола о том, кто есть епископ и кто есть пресвитер. Тимофею епископу Апостол говорит: *старцу* (пресвитеру) *не твори пакости, но утешай якоже отца* (1Тим. 5:1). Что значила бы заповедь, чтобы епископ не творил пресвитеру пакости, если бы епископ не имел власти над пресвитером? И опять говорит: на пресвитера обвинение принимай не скоро и не иначе, как при двух или трех свидетелях. И никому из пресвитеров не сказал: не принимай обвинения на епископа; никому из пресвитеров не написал: не твори пакости епископу.

Деяния Вселенских соборов. Собор Халкидонский: т. IV, русск. пер. стр. 208, 209: „Некто Авраамий былъ диаконом нашего клира. Когда схвачен был некоторый чародей Иоанн, которому Авраамий был друг и сообщник, последний *пред почтеннейшим нашим епископом и всем клиром,* собранным выслушать его, диакона Авраамия, *уличен был и признался,* что он соучастник Иоанна, за что и *подвергся наказанию отлучения.* Деяния того же собора (т. 3, 601). Из прежних исследований сделались известными дерзкие поступки Диоскора, вопреки порядку канонов и церковной дисциплине. Так он единомышленника своего, *Евтихия, канонически осужденного собственным его епископом,* своевольно, вопреки канонам, принял в общение.

Патриарха Константинопольского Алексия и Синода (1025 – 1043) определение: „следуя Божественным правилам, определяем, чтобы *клирики,* имеющие дело с клириками, или монахи с монахами, *были судимы у своего епископа,* а клирики с епископами, или епископы с епископами – у митрополита области *соборно (σινοδικῶς*. Σ. V, 28).

Симеон Солунский: клирики и миряне судятся от епископа („Литургич. пис." 3, 161).

3) Законы греко-римских императоров

Имп. Аркадий, Гонорий и Феодосий (408): „всякий *клирик, которого его епископ по суду признал недостойным его должности* и удалил от служения Церкви, должен принадлежать курии“ (Cod. Theod. XVI, 2, 39).

Императ. Гонорий и Феодосий (412): *клирики могут быть обвиняемы только пред епископами* (ibid 41).

Импер. Феодосий и Валентниан (425): „клирики должны подлежать епископскому суду» (ibid 47).

Импер. Константин и Ираклий: „ни епископ, ни клирик, ни монах в денежном деле, или по обвинению в преступлении, не подлежат суду гражданского или военного начальства, но судятся только у своих епископов или митрополитов, или патриархов» (Σ. I. 165).

Юстиниан: „повелеваем, чтобы *никто из* благоговейнейших *клириков,* ни другим клириком, ни кем-либо из мирян прямо и с первого раза не *был обвиняем* пред блаженнейшими патриархами, но прежде, по священным законоположениям, *пред епископом города* (juxta sacra instituta apud episcopum civitatis), в котором живет клирик“ (Cod. 1, 4, 29).

Юстиниан: „кто имеет дело, относящееся к достопочтенным подвижникам, или к священным девам, или к женщинам, живущим в монастыре, тот должен обращаться к *епископу,* который исследует и *судит по нашим законам и по священным правилам* (539, Nov. 79, 1).

Юстиниан (Nov. 123): „экономы и питатели нищих подлежат суду своего епископа. Но когда почитают приговор для себя обидным, то *после суда епископского исследует митрополит* (*εἰ μεν ἐπισκοπος ἔςιν ὁ κρίνας , ὁ μητροπολίτης ἐξετάζει*) Σ. 1, 174.

Юстиниан (Nov. 123): „когда обвиняется епископ, судит митрополит; если же обвиняется митрополит, рассматривает дело его патриарх; если же клирик, или монах – его епископ. И погрешивший канонически наказывается по суду исследующего» (Σ. I, 177).

Юстиниан (Nov. 123, c. 21): „если о каком-либо клирике, или монахе, или диакониссе, или монахине, возникнет церковное дело, светские судьи в исследовании его не должны иметь никакого участия, но преподобнейшие епископы по свящ. правилам окончат такое дело (Basilic. Lib. III, 1, 37; Ср. Σ. I, 170, 174).

Юстиниан (Nov. 123, c. 29): „если пресвитер, диакон, иподиакон и другой клирик, не имеющий жены, вопреки запрещению правил, будет держать в своем доме женщину, которая может навлекать на него подозрение, и если после первого и второго от епископа, или соклириков увещания, не захочет удалить ее из своего дома, или если явится какой-либо обвинитель, который докажет, что он с этою женщиною нескромно обращался, тогда *епископ его по Церковным правилам да извергнет его из клира* (*ὁ ἐπισκοπος αὐτῷ κατὰ τὼς ἐκκλησιαςικὼς , κανόνας τῷ κλήρῳ αὐτὸν ἐκβαλλέτω*). Basilic. Lib. III, 1, 45.

Юстиниан (Nov. 137. 5): „не только на ежегодных соборах должны быть рассматриваемы судебные дела о клириках, но всякий раз, когда бы ни были обвиняемы священники, или клирики, или игумены монахов в отношении ли к вере, или же о зазорной жизни, или в нарушении Божеств. правил. Если обвиняется епископ, упомянутые преступления его должен исследовать митрополит; если митрополит – исследует блаженнейший патриарх, которому он подчинен. А если пресвитер, или диакон, или другой клирик, или игумен, или монах, то исследует обвинения преподобнейший епископ, которому они подчинены и, по дознании и обнаружении истины, каждый за свое преступление подвергается каноническим епитимиям по суду исследующего (*εἰ δε πρεσβύτερος , ἠ διάκονος , ἠ ἄλλος κληρικός, ἠ ἡγώμενος, ἠ μοναχός , τὸν ὁσιώτατον ἐπισκοπον , ὑφ᾽ ὸν᾽ ὦτοι τελῶσιν , ἐξετάτζει τὰ προσαγγελλόμενα , καὶ τῆς ἀληθέιας ἐξεταζομένης και ἀποδεικνυμένης , ἕκαςον πρὸς πταίσμα κανονικοῖς ἐπιτιμίοις ὑποβάλλεσθαί τῷ κρίματι τῷ ἐζετάζοντος*. Basilic. L. III, tit. 1. C. 18, pag. 98, ed Heimbach).

Импер. Алексий Комнин: „если преступление будет совершено священнослужителями, или клириками, они должны быть судимы и наказываемы (*κανωνίζονται και σοφρονίζονται*) их архиепископом, или епископом, по священному правилу – или деньгами, или наказанием. Если же преступление совершено клириком и мирянином, то они должны быть судимы (*κρίνωντα*) тем и другим судом, и архиереем и местным судьею” (Σ. V, 281).

4) Важнейшие источники Русского церковного законодательства

Славянская кормчая: „всем в причет вочтенным и не имущим жен по правилам отрицаем в своем дому чужую жену имети. Аще же кто, презрев сию заповедь, жену в своем дому начнет имети, яже может нань зазор навести, и единою и дващи воспомя- новен и поучен быв или от своего епископа, или от своих причетник наказан быв о том, яко с таковою женою не жити, и изгнати от своего дому не восхощет, или клеветнику явльшуся, показан будет нечисто с таковою женою житие живы и, тогда епископ его по церковным правилам от причта да извержет" (л. 328, 329).

Славянская кормчая: „аще о церковных вещех будет вина (клирика или монаха) ни единого же общения имети градским властелем, но епископ по священным правилом да судит" („от свитка новых запов. Юстиниана", гл. 42, п. 56 л. 325 об.).

Номоканон при большом требнике 146: „аще причетницы, имуще прю между себе, оставляют епископа своего, на мирское судище идут, да отлучатся на время по 9 правилу, еже в Халкидоне Святого собора" 148. „Священник, от своего епископа отлучен быв и дерзнет литургисати, прежде даже будет испытано прегрешение его, и простит епископ, аще и безвиновен, да извержется по 32 правилу в Карфагене Св. собора. Правило же 133 и 4 тогожде собора запрещению подлагает епископы, иже отлучают кого без благословные вины". 149. „Аще кто архиерей – приемлет праздна священника от иного архиерея, или причетника, и простят его служити, да будут извержени по 12 правилу св. Апостол".

Стоглавый собор (1551): „подтвердив древние правила о не суждении духовных лиц светским судом, предписал „духовных и монашествующих *судить святителем самем соборне* по священным правилом коемуждо в своей области с великим истязанием и обыском да непорочен будет суд святительской (гл. 66, 67)….

…. А в которое время митрополиту (как епархиальному епископу) не поможется, ино в свое место повелевает судити священнический и иноческий чин *Сарскому и Подонскому владыце со всеми архимандриты и игумены соборне по священным правилом.* И бояре митрополочи в том суде у святителей ие сидят развее писарей, кому те дела записывали.

….И владыка соборне судив архимандрита, или игумена, или игуменью, или старицу, или протопопа, или священноинока, или инока, или архидиакона, или диакона, или чтеца, или певца, *да судив соборне* и обыском обыскан достоверными свидетели, да тот судной список кладет вред митрополитом, и обоих исцов за списком ставит с очей на очи. И *митрополит, выслушав список на соборе* да их испросит: таков ли им в тех духовных делех перед владыкою на соборе суд был. И скажут обои исцы, что им таков был суд. И митрополит соборне тот судной список обговорит по свящ. правилом. Да о том им указ учинити.… Святители в духовных делех и во прочих съ их исцы *сами соборне судят* и обыском обыскивают и управу им чинят во всем по священным правилом ничтоже претворяюще» (68).

Духовный Регламент: „Всякому архимандриту, игумену, строителю, приходскому священнику, также диаконом и прочим причетникам свободно и вольно просить у духовного Коллегиум суда на своего епископа, аще кто от него знатно изобижен будет. Также аще *кто судом епископа своего не довольствуется, вольно ему чинить провокацию, си есть переносить дело на суд Духовного Коллегиум;* и епископ таковым на себе челобитчикам и сам должен сию свободу попускать и не удерживать их, ниже угрожать, ниже по отшествии оных к Духовному Коллегиум печатать, или грабить дома оных. Но, дабы сие не подало многим вины к бесстрашию и презорству своих пастырей, уставит Духовное Коллегиум не малое наказание на тех, которые бы ложным доношением пастырей своих турбовать дерзнули, *или всуе от суда епископского на суд Духовного Коллегиум учинили бы провокацию* (о еписк. п. 14).

„На суд Духовного Коллегиум *относить суды епископов, если кто оными недоволен* (ч. III, п. 8).

„Всем ведомо сие, во-первых, да будет, что всяк христианин должен православного учения слушать от своих пастырей. Того ради, если бы кто презирал и ругал, или, что горше, тщался бы не допустить чтении, или проповеди Слова Божия без крайней нужды за едину некую горделивую злобу, тот *наказанию церковному подлежит или судом епископским,* о котором выше слово было, где о анафеме, или аще силен явится, самого Духовного Коллегиум следованием и декретом» (о мирск. особ. п. 1).

„Епископ не должен быть дерзок и скор, но долготерпелив и рассудителен в употреблении власти своей связательной, то есть, во отлучении и анафеме» (о еписк. п. 16). За сим подробно излагается в Регламенте последование, или процесс предания епископом анафеме и отлучению.

5) Нынешняя практика Православной церкви

В нынешней Православной церкви в Турецких владениях местный архиерей председательствует в епархиальном суде, и вместе с ним заседают (*σινεδριαζῳσιν*) честнейшие клирики, благоговейнейшие иереи и честнейшие чиновники (Пидалион, 528): *προκαθιμένης τῆς ἡμῶν ταπεινότητος, συνεδριαζόντων αὐτῇ κὰι τῶν ἐντιμοτάτων κληρικῶν, ἐυλαβεςάτων ἱερέων χαὶ τιμιωτάτων ἀρχόντων πάρεςη ἐνώπιον πάντων .. ..* (Пидал. изд. 1841, 459).

Τοιῶτο χα ὶ τὸ νῦν εἰσέτι, σωζόμενον παρὰ τῷ Οἰκωμενικῷ, Πατρίάρχῃ συνέδριον τῶν κληρικῶν (ὅποιον ὑπῆρχε τὸ παλαιὸν χα ὶ εἰς ὁλῳς τὰς ἐπισκοπάς). Κ. Οἰκονόμ. Περὶ τριῶν βαθμῶν 20.

В Церкви Греческого королевства : *συνιστώντας τὸ ἐπισκοπικὸν δικαςήριον ὑπὸ τὴν προεδρείαν τῷ ἐπισκόπῳ οἱ ἐκ τῶν ἀξιωματικῶν ἑκάςης ἐπισκοπῆς ὁ οἰκονόμος, ὁ σαχελλάριος, ὁ χαρτοφύλαξ χὰι ὁ πρωτέκδικος... πρὸς ἑκδίκασιν ἐκκλησιαατικῶν παραβάσεων χὰι παρεκτροπῶν* (29 янв. 1853. „Опред. Еллин. Синода в следств. королев.”).

Епископскую Дикастерию *под председательством архиерея* составляют должностные лица каждой епископии: эконом, сакелларий, хартофилакс и протекдик... для суждения церковных преступлений и проступков.

Οὐδεν ἄλλο κ α ϑῆ κον ἔχει ὁ ἀξιωματικός ἐπὶ τοῦ ἐκκλησιατικῷ σικαςηρίῳ ἐι μὴ νὰ δικάζῃ ὑπὸ τὴν προεδρίαν τῷ ἀρχιερέως, ὁσάκις πρὸς τῷτο προσκληθῆ παṕ αὐτῷ (15 Апр. 1854 о пред. Еллин. Синода).

Должностное лицо (член) в церковном судилище не имеет никакой другой обязанности, кроме той, чтобы *судить под председательством архиерея,* когда к этому будет призван им.

В Православной церкви в Австрии *епископы* имеют свободное и беспрепятственное управление в их епархиях и *производят духовный суд чрез свою консисторию,* руководствуясь Регламентом и правилами (Silbernagl-Verfassung d. Kirchen d. Orients, 166). Консистория бывает или обыкновенная, собирающаяся каждую неделю по назначению епископа и состоящая из епископа, консисторского нотария, двух духовных и одного светского асессора, или чрезвычайная, собирающаяся 3 раза в год и состоящая из епископа и большого числа духовных и светских лиц (Helfert Rechte d. Akatholiken in Oesterreich, S. 171) [16].

Регламент имп. Марии Терезии 1777: Конзисториум ординарный, кроме епископа и клятвою обвязанного и решительный глас дати могущего вкупе же и асессора достоинство на себе имущего конзисториального нотариа от двух священнических и единого мирского конзисториального асессора да состоит (§ 53, 5).

По плану реформы Православной Сербской Церкви в Австрии, составленному собором православных австрийских Сербов духовных и мирян в 1870 г.: „одно епархиальное *управление* есть церковно-духовное, которое есть вместе и *духовно-судебное* и *называется епархиальной консисторией. Во главе консистории стоит епископ, а в его отсутствие, или когда его место вакантно, председателем ее служит подпредседатель ее, назначенный епископом* („Православ. обозр.” 1871. июнь. 858).

Органический Церковный устав Православной Румынской церкви в Австрийских владениях, утв. имп. Францом-Иосифом 28 (15) мая 1869.

Епархия есть соединение нескольких приходов, протопресвитеров и монастырей, во главе которого стоит епископ, который, по смыслу канонических постановлений, обязан посредственно и непосредственно содействовать благочестию и просвещению духовенства и народа (§ 85).

Председатель Епархиального синода есть епископ или его наместник (§ 92).

Епархиальная *консистория* есть постоянный административный и *судебный орган* в делах церковных, училищных и хозяйственных в целой епархии (§ 110).

Естественный председатель консистории есть епископ, или архиепископ (§ 111).

Епархиальный *епископ в качестве обыкновенного* (ordentlichen) *председателя* всей консистории *может* из числа духовных членов консистории *назначить наместника,* который, в случае препятствий или отсутствия, заменяет его в должности председателя (§ 118).

В Румынской Православной церкви княжеств каждый *епископ имеет* при себе *коллегию пресвитеров*, как духовный совет, *для производства церковного суда.* В состав этой коллегии входит один архимандрит, один протосинкелл, несколько иеромонахов и один синкелл-иеродиакон (Silbernagl-Verfassung d. Kirchen des Orients 141).

Проект нового устройства Румынской церкви в княжествах Молдавии и Валахии („Христ. чт.” 1873. апрель 773, 774) п. 21: „Каждая епархия имеет одну консисторию для разбирательства чисто церковных дел между духовенством. Она должна состоять по крайней мере из трех членов, назначаемых епископом из среды священников его епархии”. 22: *Определения консистории получают силу по утверждении их митрополитами или епархиальными епископами.* 23: „Определение консистории, утвержденное митрополитом или епископом, в случаях, предусмотренных Вселенскими канонами, могут быть кассированы Священным синодом по форме и в сроки, которые будут определены особым постановлением Свящ. синода”. 24: *Протоиереи и настоятели приходских церквей* назначаются и *низлагаются исключительно митрополитами или епархиальными епископами.*

В проекте устава Болгарской экзархии 1870–1871 г. В престольном городе каждой митрополии, или епископии, существует для заведования духовными делами епархии Священный совет *под председательством местного митрополита или епископа.* Его составляют, кроме председателя его, четыре из первейших духовных лиц епархии, выбираемые местным духовенство и утверждаемые митрополитом или епископом.

Этот священный совет имеет, по отношению к духовным делам епархии, атрибуты административного и вместе судебного учреждения. Решения его могут быть обжалованы пред советом митрополита или пред Священным синодом („Правосл. обозр.” 1871. февраль, 263).

В Русской церкви: Устав Дух. консисторий: „Духовная *консистория* есть присутственное место, чрез которое *под непосредственным начальством епархиального архиерея* производится управление и духовный суд в поместном пределе Православной Российской церкви именуемом епархиею (ст. 1).

Преосвященный утверждает заключения консистории или, в случае несогласия с мнением консистории, полагает собственное решение (ст. 331–333, 337).

К Οικονόμος – Περί τριῶν βαθμῶν 19, 20: *νῦν* (1835) *ἡ ὀρθόδοξος ἐκκλησία τῶν Ρώσσον ἔχει κατά πάσαν ἐ πισκοπήν ἱερόν σονεδριον πρεσβιτέρων* (Consistorium), *ὅπῳ προεδοεύει ὁ Αρχιερεύς. Ανακρίνονται δὲ ἐν αὐτῷ τὰ πνευματικά τῷ λαῷ, οἷον τὰ περί συνοικεσίων κὰι γάμων, καὶ κληρικῶν διαφοραὶ κῖλ.*

Единственное исключение *в Сербской церкви княжества с 1862 г .:*

„Епархиальная консистория есть установленная при архиерее церковная власть, которая управляет делами, касающимися Православной церкви, и обсуждает предметы, относящиеся к кругу ее обязанностей.

Она состоит из председателя протоиерея и четырех духовных членов, из коих один может быть из монашествующих.

Епархиальный архиерей в делах о преступлениях священнослужителей против должности, благочиния и благоповедения может сам безапелляционно налагать выговор, 15-тидневную епитимию и запрещение священнослужения на один месяц. Все прочие дела передает на суд епархиальной консистории, которая решает их без его участия.

6) Свидетельства канонистов и других ученых

а) Принадлежащих к Православной церкви

Номоканон Фотия: „Никто с первого раза не должен быть обвиняем пред патриархом, но пред епископом его (Nomoc. IX с.1. Σ.I, 169, 180).

Зонара в толковании на 6 правило II Вс. собора: „Если обвиняется клирик (а не епископ), то обвинитель должен представить обвинение епископу, которому подчинен клирик, и если дело не решено будет у него, тогда поступает на рассмотрение собора (Σ. II, 183).

Вальсамон: Каноны определяют, чтобы приговоры епископов были подчинены собору епископов области (Σ. III, 350).

Властарь в изложении 6 правила II Вселенского собора: обвинения на епископа исследуют соборы, а обвинения на клирика исследует собственный епископ (*τά τῷ κληρικῷ ὁ ἴδιος ἐπίσκοπος ἐξετάσει ,* Σ. VI 226).

Преосвящ. Иоанн, еп. Смоленский: Суд церковный по праву принадлежит только тем лицам, в которых сохраняется преемство власти священноначальственной, Апостольской. Поэтому *судная власть и в церковных правилах постоянно приписывается и в практике всегда принадлежала по преимуществу епископам, как в целой Церкви, так и в каждом поместном ее пределе* (Ап. 37; I Всел. 5). *Церковный суд так существенно соединен с церковным священноначалием, что вне зависимости от сего последнего не только лица неосвященные, но и освященные низших степеней в делах церковных ни дать другим, ни получить себе законного суда не могут. Каждый епископ* имел в своей епархии *полномочную власть управления,* как духовного пастырского – в учении, священнодействии, так и внешнего, начальственного и *судебного* по делам церковным. Вообще, он был самостоятелен в своих пределах, только с ответственностью пред митрополитом и собором. Особенная власть предоставлена епископу, разумеется, над своим епархиальным духовенством – власть определять его на церковные места по своему усмотрению, надзирать за его служением и поведением (Антиох. 9, Карф. 6, 25, Вас. Вел. 89), *подвергать запрещению, лишать мест и священного сана.* Но, во всяком случае, *суд епископа ограничен правом апелляции от подсудимых к высшей церковной власти* (I Всел. 5; II, 6 и пр.). *Для всех клириков первый и непосредственный судия был местный епископ* (Ап. 31, 32, I Всел. 5; Антиох. 9 и др.). В случае недоумений на епископа, или нареканий на него от обвиняемых – суд переходил к областному собору (одному из ежегодных, обыкновенно бывших в каждой поместной Церкви и области), или, если не было собора, дело пресвитера разбирали 6 епископов и его местный, диакона – три и свой (Карф. 12, 29). Дела прочих клириков во всяком случае рассматривал и решал один епископ. Жалобы клириков или неудовольствия на решение своих епископов могли выслушивать также соседние епископы, и по сношению с местным епископом клирика, прекращали возникшие неудовольствия. Отселе апелляция допускалась еще к митрополитам (IV, 9; Карф. II, 37, 139; Сард. 14), от них к патриархам (IV, 9). Правосл. собесед. 1858, 2, 336, 337; 3, 272, 273; 1859, 2, 24, 25.

В жизни мирян духовному суду подлежали два рода дел: открытые церковные преступления, или грехопадения, и частные дела совести. Поэтому суд был двоякий: открытый или гласный, официальный и тайный, или частный.... Без точного исследования по церковным и гражданским законам никого не дозволялось подвергать церк. наказанию; напр. запрещению, или отлучению; в противном случае высшая церковная власть могла разрешить связанного и связать связавшего неправильно (Апост. 52; I, 5; VII, 4; Антиох. 6; Сард. 14). „Прав. собесед.” 1858, 2, 336, 337; 3, 272, 273; 1859, 2, 24–26.

Преосвящ. Андрей Шагуна, митрополит православных Румынов в Австрии: *О судебной власти епископа,* по переводу г. Барсова, напечат. в „Христ. чтении”: епископу, которому вверены драгоценные души христиан и которому принадлежит власть вязать и решить, приличествует (следует: принадлежит – gebührt) и судебная власть над клиром и верным народом епархии в церковных делах, потому, что если ему вверены драгоценные души христиан, и он имеет власть вязать и разрешать грехи, то он должен иметь и власть употреблять средства, потребные для пользы сих драгоценных душ.

В употреблении своей судебной власти епископ должен руководствоваться словами Спасителя, Который сказал: *не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему.*

Следовательно, *суд епископа* должен иметь целью обращение грешника и не должен употреблять телесных наказаний, но грешнику должно быть дано время на исправление и покаяние.

Епископ разделяет (след. *употребляеть* – ausübt) *судебную власть с церковным советом* (синедрион, консистория) *своих епархиальных пресвитеров;* для этой цели он должен иметь судебную корпорацию, состоящую из разумнейших и отличнейших членов клира. В первые три века христианства епископы разделяли (след. пользовались – ausübten) свою судебную власть со своим клиром, имея в сем отношении примером образ действия Апостолов.

„Когда пресвитер *приговором своего епископа осужден* за оставление своего прихода, тогда он не имеет права апелляции (CompendiuH d. Kanonisch. Rechts. § 164, S. 126, 441. Ср. русский перевод „Христ. чт.” 1870 – 1872 Т. В. Барсова, на каждой странице изобличающий в переводчике малое знание немецкого языка и великий произвол).

Протоиерей Скворцов (Записки по церковному законоведению § 101, 102): *суд над пресвитером и другими клириками по преступлениям против должности и нравственным принадлежит епископу;* притом в древности требовалось, чтоб пресвитера судили 6 епископов, диакона – 3 и дела только низших клириков оканчивал один епископ (Карф. 12, 29). Ныне, сообразно с сим правилом, наблюдается то, что решение епарх. суда о лишении сана священнослужителей, в случае объявления неудовольствия подсудимых, представляется на усмотрение Св. синода, а в противном случае хотя исполняется, но доводится до сведения Св. синода... *Если клирики судятся между собою, то должно искать суда у своего епископа;* если с епископом – то на соборе у митрополита.... Ныне духовные лица подлежат и общественному суду архиерейскому, но для них бывает еще суд не столь открытый – суд непосредственно архиерейский, домашний (Уст. конс. 165). Кроме преступлений против должности, к суду духовному отнесены ныне все проступки духовных обыкновенные и многие споры их между собою.

Покойный свящ. Морошкин, считавшийся главою так называемых петербургских духовных либералов, признавал, однако же, что „в древней Церкви епископ имел судебную власть.» „По Апостольским постановлениям пресвитеры вместе *с епископом и диаконами производили суд... Пресвитерский совет участвовал со своим епископом в делах судных...* (Выборное начало 12, 16).

Неволин: *с существованием Церкви*, как Богоучрежденного общества, *неразлучно соединена* полученная ею от Бога *власть* управлять внутренними делами ее, разрешать относящиеся к ним сомнительные случаи на основании ее законов и правил, *судить своих членов,* если бы они нарушили обязанности веры и свои определения приводить своими средствами в исполнение. Почему, как скоро признано было в Римской империи существование Христ. церкви, признано было и право ее на внутреннее собою управление, *признано право епископов судить дела*, *до веры касающиеся* („Полн. собр. соч.” IV, 255).

Повеление, данное Ап. Павлом всем христианам по гражданским делам между собою не искать суда у языческого правительства, имело для лиц дух. звания тем большую силу, что они для прочих христиан должны были служить примером. Но и после того, как христианство сделалось в Римской империи господствующею верою, законы церковные поставляли *духовным лицам* в обязанность в делах между собою *судиться пред своими епископами.* Так постановил, между прочим, собор Халкидонский (9). Определения этого собора утверждены императ. Марцианом. Таким образом церковное правило сделалось законом государственным.

„Преступление клириков противъ веры и против обязанностей их звания подлежали суду Церкви по самому существу своему, что и было всегда признаваемо римскими императорами, но духовенство желало, чтобы клирики были судимы епископами во всех преступлениях, на что светский законодатель не согласился. По законам Юстиниана, гражданский судья, признав клирика виновным в уголовном преступлении, должен был все дело сообщить епископу. Когда епископ, по рассмотрении дела, также признавал клирика виновным в преступлении, то лишал его духовнаго чина, и тогда уже мирской судья подвергал его законному наказанию“ („Полн. собр. сочин.” VI, 255–267).

„В России с Иоанна III до Петра при каждом епарх. архиерее учреждены были два суда: один из дух. особ, другой из светских. Первый должен судить монашествующих во всех делах, прочих лиц, как духовных, так и мирян – в дух. делах; второй белое духовенство и мирян во всех прочих делах, подлежавших суду святительскому“ (206).

Неизвестный автор статьи: „Обозрение церковно-судебных решений и постановлений в первые три века по Р. Х. („Юридич. журн.” кн. 5, отд. II стр. 241, 242): „по смыслу канонических правил трех первых веков, вся судебная власть Церкви сосредоточивается исключительно в руках иерархии церковной. Видим в канонических правилах третьего века, что *епископам* именно, как предстоятелям и архипастырям церквей, вполне *принадлежало, в пределах вверенных им епархий*, церковное управление, с которым нераздельно и *отправление церковно-судебной власти.* Это особенно выражено в 39 правиле Апостольском, которое одинаково подчиняет епископу как диаконов, так и пресвитеров, присовокупляя к тому слова: „ибо ему вверены людие Господни». Такую власть епископа могли ограничивать, впрочем, соборы. Что касается до *пресвитеров*, то если и они по своему пастырскому сану, как показывает история, *принимали участие в отправлениях церковно-судебной власти*, это, по силе канонических правил, могло быть *лишь в зависимости от епископов.*

б) Непринадлежащих к Правосл. церкви

Программа, рассмотренная и утвержденная католическим конгрессом в Мюнхене (подписана 9 сентября 1871 г. Деллингером, Рейнкенсом, Шульте, Губером, Масеном, Лангеном, Фридрихом и принята старокатолическим конгрессом, как своего рода вероисповедание. „Христ. чт.” 1871, ноябрь 800): п. II *мы* твердо держимся древнего устройства Церкви и *отвергаем поэтому всякую попытку отнять у епископов право непосредственного и самостоятельного управления частными Церквами* („Христ. чт.” 1871, ноябрь 785)… *Старокатолики,* как верные члены древнекатолической Церкви *протестуют против всего искажающего или изменяющего* догматические и *канонические основы Церкви* („Христ. чт.” 1871, ноябрь, 791).

Zhishman – Die Synoden und die Episcopalämter in. d. Morgenländicher Kirche (Wien 1867) S. 220, 83: „епископский совет, под председательством епископа, или его наместника, во всех спорных делах составляет духовный суд первой инстанции».

„По каноническим определениям *епископ для всей своей епархии есть непосредственная судебная власть*” .

„Карфагенский собор (424) предписывает, чтобы никто со своим судебным делом не обращался к чужому епископу. Потом Халкидонский собор в 8 правиле определил: клирики при богадельнях, монастырях и храмах мученических да пребывают, по преданию св. отец, под властью епископов каждого града и да не исторгаются по дерзости из-под управления своего епископа. Этому церковному правилу соответствует постановление Юстиниана 18 октября 530 года, которое, по причине очевидной связи с упомянутым правилом, принято в канонические собрания. Эти определения и служили руководством в церковной практике... *Епископский суд судит церковные преступления мирян, клириков и монахов.* При этом епископский суд исследует истинность представленных обвинений и по мере преступления назначает наказания, определенные в церковных правилах».

Суд областного собора составляет вторую апелляционную (*ἡ Ἔκκλητος*) *инстанцию для всех клириков и мирян*, *которые подвергнуты отлучению их епископом или которые недовольны решением его.*

Фесслер (D. Kanonische Process in d. vorjustinianisch. Periode S. 174–178): „церковный суд имеет свой корень частью в собственном внутреннейшем существе единой, истинной Кафолической церкви, Церкви Иисуса Христа, частью в ясных и определенных изречениях Свящ. писания».

„История с древнейшего времени многочисленными и несомнительными свидетельствами дает неоспоримое доказательство, что Христианская церковь всегда пользовалась этим своим собственным судом, и в особенности, что этот суд дан ей не христианскими государями, так как уже при языческих императорах она его имела».

Лицами, которые производили церковный суд, были епископы; причем им своим советом помогали пресвитеры обыкновенно на соборах».

„Апелляция от епископа идет к митрополиту, который во второй инстанции судит на областном соборе».

„Весь процесс был основан частью на Свящ. писании, частью на древнем предании, частью на церковных законах, но не без внимания и к государственным законам“.

Молитор (католик) о церковномъ суде в первые три века: „Апостольская власть, врученная епископам, делала для них возможным производство формального суда над верующими и делала это их обязанностью. Было и другое обстоятельство, вследствие которого *епископский*

суд делался неизбежно необходимым. Это обстоятельство то, что христианам первых веков в языческом римском государстве самою Церковью запрещено было обращаться к светским языческим судам... *В епископском суде было судимо* все, относящееся к внешней стороне духовной юрисдикции, чего епископ не мог разрешить простым образом ни сам лично, ни чрез своих пресвитеров и диаконов... Из Апостольских постановлений ясно, как составлен был суд епископа. Епископ был судьею, пресвитеры и диаконы имели совещательные голоса. *В суде епископа судились не только миряне, но и клирики.*

Признание Церкви со стороны светской власти в Римской империи имело и на *суд епископов* сильное влияние. Уверовавший император не только признал епископскую юрисдикцию в делах чисто церковных, но утвердил законом, что к епископскому посредствующему суду могут обращаться стороны и в гражданских спорах. Епископ выслушивал спорящих сам, окружаемый своим пресвитерством, так, по крайней мере, по правилу. В делах уголовных о клириках он не назначал уголовного наказания им, но виновные клирики были подвергаемы дух. судьею только низложению и предоставляемы затем светскому суду; причем чисто церковное преступление изъято было от разбирательства светского судьи. Епископский суд был совершенно самостоятельный и в определенном ему кругу действия вполне независимый от светских законов, и обеспечение справедливости его лежало в самом духе Церкви, который справедливость и беспристрастие судьи обеспечивает гораздо более, чем сколько может обеспечить законодательство подробными процессуальными формами. Поэтому-то светский законодатель от епископа прежде всего желает, чтобы он судил честно и по священству и выражает при этом убеждение, что пастыри Церкви вполне способны установить правильное действование и иметь надлежащую судейскую осмотрительность (ipse vero (episcopus) cum omni veneratione sacerdotali causam examinet et judicet, et civiles non sint penitus ejus judices, neque confundant eorum honestatem; cum idonei sint. Deo amabiles singularum civitatum episcopi et quae de lite sunt et de cautela judiciorum disponere et judicare honeste atque sacerditaliter et secundum leges nostras et sacratissimas regulas (Justin. Nov. 79). – Kanonisches gerichtsverfahren gegen Kleriker.

Kellner. – Buss-und Strafverfahren gegen Kleriker in sechs ersten christlich. Jarhund. (S. 23–122).

„Когда грех всем известен, то в древней Церкви начинаем был *судебный процесс пред епископом с обвинителями и свидетелями* и проч. Власть суда и наказания Господь вручил Апостолам, которые и действительно употребляли сию власть. Что и постановленные ими преемники, их т. е. *епископы,* должны были иметь сию власть и пользоваться ею – это мы видим из наставления Ап. Павла Титу: *еретика человека по первом и втором наказании отрицайся.* И они действительно *пользовались этою властью.* Епископ в своей епархии один заведовал церковными наказаниями; он отлучал согрешивших, назначал им епитимии, уменьшал или увеличивал их и принимал опять в Церковь. Разные церковные правила запрещают пресвитерам принимать кающихся... *И власть подвергать наказаниям клириков была также в руках епископа.* Уже Ап. Павел говорит об обвинениях против пресвитера, которые должны быть рассматриваемы Тимофеем (1Тим. 5:15). Но как епископы и в определении церковного покаяния мирянам действовали не одни, но имели обычай пользоваться советом пресвитеров и диаконов, дабы избежать возможных ошибок и несправедливостей, так поступали они и в суде над клириками. К этому было еще более побуждений, именно в том, что к клирикам ради их высокого положения, нужно было иметь более внимания. Что в первое время в этом отношении исходило, может быть, из доброй воли и из побуждений умеренности, то в последствии сделалось законом».

Епископ был первою судебною инстанциею для пресвитера и прочих клириков. Кто подвергся обвинительному приговору в суде этой первой инстанции, для того приговор тотчас вступал в законную силу и обнаруживал свои действия во всяком случае, даже если он и апеллировал, и продолжал свое действие дотоле, пока вторая инстанция не отменяла приговор первой (Антиох. 6, Сард. 3, 5). Второю инстанциею для клириков и пресвитеров был собор митрополии (Антиох. 16). К нему мог обращаться каждый мирянин и клирик, который почитал себя обиженным от своего епископа, или неправильно отлученным, запрещенным, или изверженным. И епископ должен был дозволять, если бы собор изменил его приговор (Сард. 14).

„Апелляция была хорошим средством для каждого осужденного. Но если осужденный пресвитер или клирик пренебрегал им и не искал освобождения от наказания законным путем апелляции в том случае, когда считал себя невинным, но в гордости заводил раскол против своего епископа, то он должен быть низложен, отлучен и изгнан из города».

„Церковь строго запрещала клирикам оставлять этот суд и обвинять друг друга пред светскими судьями, или дозволять обвинять себя пред ними».

Kober – Deposition und Degradation S. 286: – „право подвергать клириков епархии лишению должности с самых первых времен Церкви принадлежало епископам и фактически было осуществляемо ими во все времена. Как полномочие проповедовать языкам Евангелие, раздавать верующим Божественные дары, преподавать таинства, приносить Бескровную жертву – вообще, совершать священные действия Господь дал Апостолам, так сообщил Он им и власть поддерживать внешний порядок в церковном обществе и принимать меры, необходимые для поддержания благоустроенного общественного быта. Господь дал Апостолам и карательную власть, которою они и сами пользовались и своим преемникам передавали; напр. Апостол Павел Тимофею (1Тим. 5:19–21)… Употребление карательной власти было исключительным и общепризнанным правом епископства. Это подтверждается как правилами, так и государственными законами, которые только в лице епископа находят компетентную власть для употребления карательных наказаний в отношении к клирикам”.

„Епископ рукополагает клириков и только от него одного исходят для клириков все даруемые им права. Отсюда самое существо таковых между епископом и его клириками отношений и простая последовательность мысли требует, чтобы ему же исключительно принадлежала власть лишать клириков прав, им преподанных“.

В употреблении своей судебной власти и в особенности в употреблении карательной власти против клириков *епископы добровольно пользовались советом своих пресвитерий,* и в Восточной церкви эта практика сохранилась без изменения и в последующие времена”.

Kober (Kirchenbann S. 67): „к церковным начальствам, которым принадлежит власть отлучения от Церкви на собственном праве (proprio jure) принадлежат прежде всего епископы, потому что они получили от Христа непосредственно власть вязать и решить; они поставлены управлять Церковью Божиею. Этим правом исключения из церковного общества пользовались они во все времена и неограниченным образом, и никто против этого не спорил. Как в первые века в лице епископа сосредоточивалась вся религиозная жизнь общества и им исполняемы были все богослужебные действия, то и вся дисциплина сосредоточивалась исключительно в его руках: он назначал открытую епитимию, определял ее продолжение и давал разрешение; он и совершенно извергал из Церкви и потом, по раскаянии, опять принимал”.

Зильбернагль о власти епископов Православной церкви в Турецких владениях: „епископ имеет обязанностью заботиться о душевном спасении вверенной ему паствы; он имеет неограниченную власть налагать наказания, определенные канонами, за известные проступки, причем он должен обращать внимание на качество проступка и на лицо согрешившего…

Епископский собор заботится не только о духовных делах епархии, но решает и гражданские споры между православными” (Verfassung d. Kirchen d. Orients., 1865, 24, 46).

Шепф (католик) Handbuch d. Kathol. Kirchenrechts, 1865, III, 36: „на пресвитера не принимай обвинения иначе, как при двух или трех свидетелях – вот первое предписание относительно суда над священниками. Вследствие сего в Церкви от начала был собственный суд в церковных делах. Так, во время гонений мы видим у христиан собственный *суд, в котором предстоятельствовали* христианские пастыри и предстоятели, именно *епископы.* Процесс в первое время был прост и справедлив. Каждая *жалоба против клирика разбираема была* в той же Церкви, где он служил, и именно *у епископа и его пресвитерии.*

Риффель (католик) geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat bis auf Justinian 1836, S. 181–231: *первою инстанциею церковного суда был местный епископ;* он слушал и наказывал в особенности клириков…. Антиохийский собор подтвердил издревле существовавший закон, чтобы извержение пресвитера, или диакона, совершаемо было только их епископом (4). Далее постановил, чтобы пресвитер, или диакон, изверженный своим епископом, не обращался с апелляциею к императорской власти, но к собору епископов (12)… Епископы являются судьями во всех церковных делах духовных лиц... Непосредственным судиею над подчиненным клиром во всяком деле был епископ; к нему должно было обращаться со всякою жалобою, и пресвитер, или диакон, обратившийся к светскому судье, подвергаем был не только церковным, но и другим наказаниям… Каждое обвинение против клирика должно быть исследовано епископом. Исследование о клирике епископ производил в присутствии своего пресвитерского совета. “

Вальтер (католик) Lehrbuch d. Kirchenrechts aller christlichen Confessionen. Dreizehnte Ausgabe 1861, S. 403 – 412: „на Востоке епископский суд был сильно поддерживаем законами византийских императоров, так перешел и в Россию, и ныне еще в брачных делах безусловно признается Портою. Обыкновенные спорные дела в древнейшие времена решаемы были епископом при содействии пресвитерии. *В Восточной церкви, по древнему установлению, духовный суд* в патриархате *сосредоточивается у епископов;* апелляция от них идет к патриаршему синоду. Патриарх и епископы имеют от дивана привилегию суда в гражданских делах. В России суд принадлежит епископской консистории с апелляциею к св. Синоду».

Бингам: „нет ничего яснее, нет ничего очевиднее, как-то, что во времена Киприана епископы имели власть наказывать тех клириков, которые в чем-либо погрешили. И всякий, кто обратит внимание на соборы следующего века (т. е. IV-го), всего чаще в их определениях встретит каноны, которые или предполагают эту власть или подтверждают. Когда, напр., Апостольские правила (32) предписывают, чтобы пресвитер, или диакон, отлученные своим епископом, не были приемлемы другим, то это самое предполагает, что все епископы имеют власть суда и наказания над своими клириками. Тоже ясно из канонов собора Никейского (5), который в таком случае допускает отзыв (provocatio) к областному собору. И соборы Сардикийский (13, 14) Антиохийский, (3), Халкидонский (9) и другие многие поставляют то же (Origines Ecclesiastic. L. II, 2 pag. 97, 98; cap. 16 pag. 226–228).

Рихтер (протестант) Lerbuch d. katholich. und Evangel. Kirchenrechts, 5 Aufl. S. 476: „образ первоначального суда епископов был такой, что они собирались со своими пресвитерами, выслушивали обвинителей, обвиняемых и свидетелей и потом на виновных налагали церковные наказания».

Гейб: Geschichte d. römischen Criminalprocesses bis z. Tode Justinians, 498: „по церковным преступлениям христианское духовенство было судимо исключительно в духовных судах и, смотря по тому, шло ли дело о низшем или высшем духовенстве, оно было судимо или пред судом еппскопов или пред областными соборами”.

Пухта – Institutionen 1, 624: „императоры Аркадий и Гонорий постановили, чтобы в гражданских делах епископы судили только при согласии на это сторон, в делах же религии, т. е. в церковных преступлениях – во всяком случае”.

Представив в подлинном виде, без всяких своих объяснений и соображений, свидетельства о судебной власти епископа, мы, по окончании сего, должны сделать немногие относящиеся сюда замечания:

1) Между представленными свидетельствами заключаются такие, которые по своему авторитету всецело неприкосновенны. Это – Слово Божие, каноны, символические книги Православной церкви. – Устроить церковный суд несогласно с сими свидетельствами или вопреки им, будет значить признать необязательность содержащегося в сих источниках учения, и притом не в отношении только к рассматриваемому частному вопросу, а и вообще; ибо кто возьмет на себя власть признать необязательною одну часть учения, заключающегося в сих источниках, тот ничем не может быть удержан от подобного же действия и в отношении к другой части, к третьей, ко всему учению, когда это будет требоваться другими выдвинутыми на очередь вопросами и соображениями: необязательно одно, почему обязательно другое? Поколебленное в этом важнейшем пункте учение Церкви поколеблется и во всех остальных; ибо нельзя вынимать одного из четырех углов здания без того, чтобы не колебать всего здания. Кто тогда укажет предел, где должны остановиться подкапыватели оснований церковного здания?

2) Свидетельства о принадлежности епископу судебной в Церкви власти идут чрез все девятнадцать веков христианства. Отвергнуть силу этих свидетельств и устроить суд Церкви с устранением епархиального архиерея будет значить осудить всю историю Православной церкви. Но кто решится утверждать, что вся Церковь в течение 19 веков заблуждалась, и что свет воссиял только с мартовской книжки „Прав. обозрения” 1871 года?

3) Свидетельства о принадлежности судебной власти епископу епархии предлагаются со всех сторон. Соборы, отцы Церкви, православные писатели, римско-католические, протестанты – все согласно свидетельствуют, что епископу Православной церкви судебная власть принадлежит и всегда принадлежала. Отвергать эту истину значит идти против свидетелей всего христианского мира.

4) Величайший интерес представляет сличение этих подлинных документов и свидетельств с теми ухищрениями, кривотолкованиями, перетолкованиями, лжетолкованиями, какие

употребляются сторонниками отнятия судебной власти у епископа. В каком положении должен очутиться кривотолк, этими подлинными и непререкаемыми документами, выведенный наружу и, если можно так сказать, припертый к стене? Он должен или остаться решительно безответным и исповедать свои заблуждения, или же прибегнуть к такому отчаянному маневру, к какому прибегнул один новейший толковник, объявив, что, *если бы самые каноны Церкви излагались и составлялись под влиянием начал настоящего, а не давно минувшего времени, то, без сомнения, и они иными бы чертами определили судебные права представителей Церкви.* Столь смелому толковнику следовало сделать еще шаг и заявить: „если бы Апостол Павел жил в наши времена и был членом наших комитетов, то и он написал бы не: *епископ принимай обвинение на пресвитера, а: пресвитер принимай обвинение на епископа.* Подобным образом, если бы и Спаситель телесным образом жил на земле в наши времена, то и Он не Апостолам сказал бы: *елика аще свяжете на земли будут связана на небеси,* а кому-нибудь другому и, всего вероятнее, пресвитерскому окружному суду. – Уж если *de – sipere ,* то *desipere* и *in loco ,* и *sine loco, ubique locorum.*

IV. ТЕОРИИ, ВЫСТАВЛЕННЫЕ ДЛЯ ОПРАВДАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ОБ ОТНЯТИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ОТ ЕПИСКОПА [17]

Читатель, имевший благосклонность прочесть представленные нами места Писания, правила соборные и Апостольские, свидетельства практики и догматических книг, свидетельства исторические, свидетельства светского законодательства и другие, думаем, весьма затруднится разрешением вопроса: каким образом возможно было, толик имея облежащ нас облак свидетелей, выставить и защищать мысль, что епархиальный архиерей может и должен не иметь судебной власти в Церкви? Каким образом? Диалектикою и неведением. Только из сих источников могут быть объяснены выставленные к оправданию этого предприятия теории, только при двух этих оружиях было возможно и предприятие, и система его защиты.

В марте 1871 г. в первый раз открыто заявлено, что можно принадлежащую доселе епископу судебную власть „отнять" у него. Это провозглашено в статье г. Соколова, носящей заглавие: „Основные начала судебной реформы в применении их к ведомству духовного „суда", напечатанной в духовном журнале „Православное обозрение».

И как в наши дни цивилизации, прогреса и сближения с Европою не делаются никакие дела грубым, простодушным и откровенным образом, без *decorum ' a ,* то вместе с провозглашением этой цели и задачи, изобретательные русские писатели стали изобретать и этот *decorum.* Нужна теория, нужна формула, без этого в наши дни нельзя; нужна подкладка. Нужна теория, которая показывала бы, что дело делается не совсем без смысла; нужна формула, которая давала бы хоть какое-нибудь оправдание предприятию.

Подводный камень и несокрушимую скалу для всех мастеров теории в этом вопросе, как известно, составляют Слово Божие и церковные правила. В них весьма ясно усвояется судебная власть епископу. Что делать с этою скалою? Были предложения простого разрешения этого вопроса: предлагали, просто, обойти ее и оставить в стороне, не обращая на нее внимания и имея в виду одни судебные уставы 1864 года. Так рассуждали всегда „С.-Петербургские ведомости", не пускаясь ни в какие канонические рассуждения. Признавая непреложным началом отделение суда от администрации и оставляя за архиереем административную власть, они затем настаивают, что в силу этого судебная власть совершенно не должна принадлежать епарх. архиерею. С этой точки зрения газета академии совершенно последовательна. Если нет никаких других начал и принципов, которыми должно руководиться при обсуждении и проектировании реформы церковного суда, кроме судебных уставов 1864 г., то требовать совершенного отделения суда от администрации и в духовном ведомстве совершенно естественно и правильно. Но в том то и дело, что начала судебных уставов 1864 г. не составляют не только единственного руководства и основания, с которым должно сообразоваться при обсуждении вопроса о церковном суде, но даже и главного. Главными основными началами, от которых невозможно отступать здесь, служат начала библейские и церковные, содержащиеся в Священном писании и в церковных правилах; а по этим началам отделение судебной власти от епарх. архиерея невозможно. Невозможность этого маневра сделается очевидною, если обратить внимание на то, что только для применения начал судебных уставов 1864 г. к духовному суду не было бы нужды ни в какой деятельности духовной власти по этому предмету: государственное же установление, выработавшее эти начала, само и приложило бы их к духовному суду. Скажем более: если бы все дело было только в этом, только в началах судебных уставов, то и никакого применения их не было бы нужно, так как не было бы нужно и особого духовного суда. Если эти начала пригодны для всех, то и учреждать особый суд на тех же началах излишне: можно судиться всем в общем суде. То обстоятельство, что власть, утвердившая начала судебных уставов 1864 г., не признала себя одну компетентною на разрешение вопроса о духовном суде, ясно свидетельствует, что тут есть нечто, кроме начал судебных уставов, что тут есть религиозные и церковные начала, которых обойти нельзя.

По этим то весьма ясным основаниям, никто, кроме „Петербургских ведомостей", и не употреблял этого маневра, правда, простого и безопасного, но и не приводящего к цели. Вся прочая пресса, и духовная и светская, обсуждавшая вопрос, если стремилась и к той же цели, т. е. отнятию судебной власти у еппскопа, шла другими путями, не в обход, а напролом, изобретая разные теории для примирения затеи с библейскими и церковными основаниями. Это труднее и

опаснее, но в известном смысле казалось более целесообразным, хотя и не было таковым в существе.

Три такие теории, или формулы, были выставлены последовательно одна за другою: 1) Теория необязательности указаний Слова Божия и канонов; 2) Теория дисциплинарного суда и административных взысканий и 3) Теория поручения.

1) Первая теория – необязательности указаний Слова Божия и канонов

Первая теория принадлежит автору, в первый раз публично провозгласившему эту задачу, и развита им в „Православном обозрении” в два приема: в первый раз в марте, во второй в октябре и ноябре 1871 года. Как духовные журналы, а в числе их и „Православное обозрение» распространены мало, то эта теория популяризирована была для газетной публики в двух газетах и из них в одной даже два раза (См. „Голос» в первый раз в апреле 1871 № 115, 116, во второй – в ноябре 1872 № 184, „Бирж. ведом.” 1871 №№ 218, 220).

Несостоятельность теории и ее аргументации раскрыта была также двукратно в прибавлениях к Твор. св. отцев 1871 г., кн. 2 и 4.

Содержание первой ответной статьи Прибавл. к Твор. св. отцев и содержание октябрьской и ноябрьской статей „Правосл. обозрения” вкратце изложено в „Московск. епарх. вед.” 1871 г.

Как вся эта борьба имеет существенную и величайшую важность для правильного и православного разрешения вопроса об участии епарх. архиерея в духовном суде, то мы признаем совершенно необходимым обновить в памяти читателей доводы той и другой стороны. Это тем более представляется необходимым, что обе стороны, по-видимому, присвояют себе торжество. И автор статей „Правосл. обозрения”, доселе не отвечавший на последние сделанные ему замечания и тем, по общепринятому закону, признавший себя побежденным, в конце прошедшего года, т. е. чрез год по окончании спора, не представляя никаких оснований, заявил в письме в редакцию „Голоса», что он остается при прежнем мнении: „хотя и ничего в свое оправдание представить не имею, однако же не виноват». На том и стоит теперь дело по этой теории: архиерей не судья, а прокурор.

Судебная власть наглядным образом проявляется в наложении наказаний. Кто имеет власть налагать наказания, тот, значит, имеет и власть суда. По действующим церковным постановлениям епархиальный архиерей имеет власть налагать следующие наказания:

1) Лишение священнослужителей сана, а священномонашествующих сана и монашества, с исключением из духовного ведомства.

2) Лишение священнослужителей сана, с оставлением в духов. ведомстве на низших должностях, и лишение священномонашествующих сана, с оставлением в одном монашестве на покаянии.

3) Временное запрещение в священнослужении, с отрешением от должности и с определением в причетники.

4) Временное запрещение в священнослужении, без отрешения от места, но с возложением епитимии.

5) Временное испытание в архиерейских домах и монастырях.

6) Отрешение от места.

7) Исключение за штат.

8) Усугубление надзора.

9) Пеня и денежное взыскание.

10) Поклоны.

11) Строгий, или простой выговор.

12) Замечание.

13) Церковная епитимия.

14) Осуждение на безбрачие.

15) Расторжение брака и

16) Уничтожение брака.

Таков внешний объем судебной власти епарх. архиерея, если вскрыть эту власть. Все исчисленные шестнадцать видов церковных наказаний епархиальный архиерей ныне имеет власть налагать, и кроме его никто в епархии не может наложить ни одного из сих наказаний, исключая поклонов, которые на диаконов и причетников налагает и благочинный.

Изобретатель первой теории предлагает упразднить эту власть епарх. архиерея совершенно, так, чтобы он не мог наложить ни одного из исчисленных наказаний, а в вознаграждение и взамен этого подноситъ архиерею власть прокурорскую, обвинительную, и для вящшей важности называетъ его даже *главным прокуроромъ,* („Прав. обозр.” 1871 ноябрь 700).

Теория г. Соколова подкрепляет, обосновывает уже готовый проект. Проект г. Соколова совпадает во многом со старым проектом комитета духовно-судебной реформы. („Голос” 1872 г. № 29, „Спб. вед.” 1872 октябрь). В главных пунктах они совершенно тождественны: оба совершенно лишают епархиального архиерея судебной власти, оба облекают его прокурорскою.

По этому тождеству должно прийти к заключению, что или г. Соколов поставил себе задачею поддерживать старый комитетский проект, разумеется, когда он еще не был старым, или же комитет руководился соображениями г. Соколова.

Для большего уяснения и наглядности дела мы представим в таблицах размежевание судебной власти, производимое обоими проектами.

СТАРЫЙ КОМИТЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Наказания для духовных лиц	По старому проекту комитета	Ныне				
	Суд 1-й инстанции	Суд 2-й инстанции	Отношение епархиальн. архиерея	Суд 1-й инстанции	Суд 2-й инстанции	
1	Замечание	У дух. судьи пресвитера окончательно	Нет	Никакого	В Духовной консистории, приговоры которой утверждаются епарх. архиереем	В Св. синоде
2	Выговор без внесения в послужной список					
3	Денежное взыскание не свыше 3 рублей					
4	Денежное взыскание свыше 3 рублей	У дух. судьи пресвитера	В епарх. суде	Председатель еп. суда доводит до сведения еп. архиерея		
5	Временное испытание в архиерейском доме или монастыре от 7 дней до 3 месяцев					
	Все прочие наказания для духовных лиц	В епарх. суде состоящем пресвитеров	В судебном изотделении Св. синода	Имеет прокурорскую обвинительную власть, именно: праов предания суду, обвинения пред судом, утверждения или неутверждения суд. Приговоров с обязанностью, в последнем		

				случае, перенести дело в Синод	
	Наказание для духовных и светских лиц	В светском суде		Исполняет приговор светского суда	
1	Расторжение брака				
2	Уничтожение брака				
3	Осуждение на безбрачие				
4	Епитимия	Епарх. архиер. административно			

План г. Соколова („Правосл. обозр.” 1871, март, май)

Наказания для духовных лиц

	По плану г. Соколова	Ныне				
	Суд 1-й степени	Суд 2-й степени	Ревизия	Кассация	Отношение епарх. арх.	Суд 1-й инстанции
1	Замечание Выговор без внесения в послужной список	У дух. судьи впресвитера	В епархиальном пресвитерском суде	Нет	В Святейшем синоде	Предоставляют права обязанности прокурорского надзора
2						
3	Денежный штраф					
4	Отдание под надзор местной епарх. администрации (благочинных) и т.п.					
5	Денежные оштрафования высших размерах	В епархиальном впресвитерском суде окончательно	Нет			
6	Заключение на время в исправительные учреждения					
7	Запрещение священнослужения без отрешения от должности, но с возложением дух.					

	наказания до 3 месяцев			
8	Удаление от должности до 6-ти месяцев			
9	Запрещение священнослужения свыше 3 месяцев	В епарх. пресвитерском суде	В духовно-окружном суде	
10	Удаление от должности свыше 6 месяцев			
11	Отрешение от должности с низведением в причетники	В епархиальном пресвитерском суде с присяжными из духовенства	Нет	В окружном суде собора епископов и пресвитеров
12	Лишение сана с оставлением в дух. ведомстве на низших должностях			
13	Лишение сана с исключением из духовного ведомства			

Г. Соколов свой суд устрояет также исключительно для духовных лиц, а о церковном суде над мирянами совсем не упоминает. Должно заключить из этого, что и он ныне принадлежащее архиерею право суда над лицами светскими передает светскому суду.

Убоятся ли, наконец, Бога г. Соколов и редакция „Правосл. обозрения” (1873 январь) и перестанут ли уверять, что ни они, и никто не предполагает „отнять» у епархиального архиерея судебную власть?

Сущность теории, на которой г. Соколов хочет утвердить свой план, формулирована им следующим образом: „в духовном ведомстве к разделению суда и администрации не существует никаких догматических препятствий, и *смешение в лице архиерея различных видов власти не только не есть догмат, или основное каноническое правило, но* именно принадлежит к той области церковных порядков и идей, которые развивались под влиянием внешней государственной стихии и *подлежат* общему для всего живущего *закону усовершенствования* и законного *изменения* путем церковно-законодательной власти” („Правосл. обозр.” март 1871, 339, 340). В вознаграждение епарх. архиерея за отнимаемую у него судебную власть снисходительный раздаятель „предоставляет высшей епархиальной власти все те права и обязанности, которые по судебным уставам входят в круг деятельности прокурорского надзора” (344). Таким образом по этой теории епарх. архиерей превращается из судьи в прокурора; за судебную власть, в вознаграждение, подносится ему прокурорская.

Сущность аргументации, употребленной в первый раз для доказательства мысли о возможности „отнять” (стр. 335 строк. 8 снизу) у епископа судебную власть, сосредоточена была в двух главных положениях: I) в Слове Божием нет ничего о совмещении в лице епархиального архиерея властей правительственной и судебной (стр. 334); II) Апостольские и соборные правила, непрерывная церковная практика, узаконяют совмещение в одном лице епарх. архиерея власти судебной и административной (стр. 334): но сия не столько церковно-каноническая, сколько византийско-римская идея о нераздельности властвования не должна иметь для нашего времени значения неизменного догмата (стр. 338).

Доказательства, представленные изобретателем этой теории в подтверждение ее первого положения немногосложны и выражены им в форме нескольких вопросов. Шесть мест в Новом завете признает изобретатель относящимися к суду и судебной власти вообще – это: Матф.

18:15, 20; Лук. 12:13, 14; 1 Кор. гл. 6; 1Кор. 5:3–5; 1Тимоф. 1, 19:20; и 1Тимоф. 5:19 и след., и, сделав объяснение сих мест с коротким указанием их содержания, спрашивает: „возможно ли на основании этих мест говорить что-нибудь о церковно – судебной власти в том смысле и в тех определенных чертах, в каких она представляется у нас в лице епарх. архиерея? Есть ли в них что-нибудь о совмещении в лице епарх. архиерея властей правительственной и судебной? Разве в наставлении Ап. Павла Тимофею, если только последний был епархиальным епископом? Но разве есть в этом наставлении, как и во всех предлагаемых Апостолом своему ученику, что-либо юридическое о суде, как функции внешней принудительной власти? Разве можно воображать себе в то время какую-либо судебную организацию? Как Апостол, так и ученик его вращаются в области нравственных понятий, разумеют суд нравственный, а не внешний юридический, о котором не могло быть и речи при тогдашнем положении христ. общества. Да и можно ли в первобытном, нравственном христианском суде отыскивать доказательства, или опровержения юридических понятий нашего времени? Наконец в этом месте, как бы его ни понимали, разве можно усмотреть идею нераздельности суда и администрации, о которой мы говорим (стр. 333, 334)? – Изобретатель почитает свои вопросы до того непреложными доказательствами, что, не говоря ничего более, приглашает всех „оставить Слово Божие, ибо по меньшей мере странно пользоваться им для подтверждения исторически сложившегося и признанного вредным бюрократизма» (т. е. принадлежности церковно-судебной власти архиерею).

Этим доказательствам с противной стороны противопоставлены были следующие соображения:

В Свящ. писании есть весьма важные и ничем неопровержимые свидетельства о принадлежности епископу церковно-судебной власти.

1. В 5-й главе (ст. 19, 20, 21) 1 послания к Тимофею Ап. Павел сему ученику и преемнику своей власти заповедует следующее: *обвинение (κατηγορίαν) на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях. Согрешающих обличай пред всеми (ἐνώμιον πάντων ἔλεγχε), чтоб и прочие страх имели. Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию* (*χωρὶς προκρίματος*, *μηδὲν ποιῶν κατὰ πρόσκλισιν).* В существе и содержании, равно как и в самом образе выражений в рассматриваемых словах Апостола заключается яснейшее доказательство, что здесь идет дело о суде, как суде, т. е. как внешнем, открытом суде, юридическом, а не о внутреннем, совестном, какой бывает на исповеди. Апостол говорит о юридических предметах и юридическими терминами. Он 1) говорит о *принятии обвинения (παραδέχεσθαι τ. κατηγορίαν*, admittere ad accusationem. Vid. Brisson. Calvin. Сравн. Лук. 6:7; Иоан. 18:20) – юридическом, судебном действии, составной части судебного процесса, которую и обозначает юридическим термином; 2) о свидетелях *(μαρτυρες,* testes), число которых для данного случая определяет согласно с тем, как это требовалось ветхозаветным судебным процессом (Второз. 19:15. Сравн. Златоуст.); 3) об изобличении или разоблачении деяния согрешающего *(ἔλέλχω* arguo, *ἴλεγχος* argumentum, Brisson. Calvin.). Опять термин юридический, принадлежащий к области внешнего, а не тайного суда; 4) о производстве сего юридического действия, или изобличения публично пред всеми *(ἐνώπιον πάντων)*; 5) о цели такого действования судом, которая по Апостолу должна состоять в устрашении других (*ἵνα κὰι οἱ λοιποί φοβον ἔχωσι*). И публичность производства суда, и устрашение – очевидно никаким образом не могут принадлежать к понятию внутреннего суда и составляют существенные атрибуты суда внешнего. Наконец 6) Апостол, призывая в свидетели Господа Иисуса Христа и Ангелов, дает заповедь Тимофею производить суд без предубеждения (*πρόκ ριμα* – praejudicium – Vid. Calvin. Brisson.) и без пристрастрия к одной которой-либо из двух сторон *πρόςκλισις* – inclinatio in alteram partem). (Конечно первая часть заповеди может относиться и к тайному суду; но заповедь, заключающаяся в последнем слове, очевидно относится только к внешнему суду, на котором бывают две стороны, а не к внутреннему, на котором всегда одна сторона (334, 335).

2. Обширный контекст, который изобретатель теории призывает как свидетеля в свою пользу, не дает никакого подкрепления его мысли, будто Апостол говорит не о суде. В двух указанных им главах послания Апостол Тимофею и преподает различные нравственные наставления и дает заповеди с юридическим характером. Такова, напр., чисто юридического характера заповедь о возрасте и о качествах вдовиц (5:9–13), о дозволении молодым вдовицам вступать в новые браки (14:15), о необходимости осмотрительности и испытания при хиротониях (22). К тому же

роду заповедей с юридическим характером принадлежит и приведенная заповедь о суде над пресвитером.

3. Сомнения в том, что Тимофей был епископ не должно быть ни малейшего. Об этом без дальнейшего можно справиться по книге Герике („Введение в Новоз. кн. Св. писания 2 полов.” стр. 83 русск. пер.), или, прибавим, еще ближе по „Догматическому Богословию” преосвященнейшего Макария (т. III, 284 и след.), а если угодно далее, то можно принять во внимание то, что уже в древнейших рукописных кодексах Нового завета в конце 2-го послания к Тимофею была приписка, свидетельствующая, что Тимофей был епископ [18].

4. Все толкователи приведенных слов Апостола согласно признают, что Апостол в сих словах говорит о принадлежащей еппскопу власти суда над пресвитерами. Так св. Златоуст, протестант Лехлер, и российские толкователи г. Барсов 1870 г. и сам изобретатель теории г. Соколов 1870 г. (Толкования их приведены нами выше).

Другое свидетельство свящ. Писания о принадлежности судебной власти епископу заключается в словах Спасителя: *аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единем. Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего: аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два: да при устех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол. Аще же не послушает их, повеждь Церкви: аще же и Церковь преслушает*, *буди тебе якоже же язычник и мытарь. Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Матф. 18:15–18).

Этими словами Спаситель Апостолам и преемникам их, епископам, преподает власть суда и не только суда совести, но и суда над внешними общественными отношениями внутри Церкви. Это ясно как из самого содержания слов Спасителя, которыми указываются принадлежности судебного процесса – обвинитель, обвиняемый, судья, судебное разбирательство, приговор и исполнение, так и из свидетельств толкователей: в этом же смысле изъяснявших слова Спасителя, а именно – Златоуста, Киприана, Августина, Феофилакта и других отцев; и из русских преосвященнейшего Макария, г. Барсова 1870 г. и самого изобретателя 1-й теории г. Соколова 1870 г. (подлинные свидетельства их приведены выше).

Таковы свидетельства Слова Божия о принадлежности судебной власти епископу. В виду сих свидетельств решительно невозможно последовать приглашению изобретателя теории оставить – Слово Божие; ибо не только не странно, как уверяет изобретатель теории, пользоваться Словом Божиим для подтверждения мысли о принадлежности судебной власти епископу; но и обойти его при обсуждении этого вопроса решительно невозможно.

Под другое основание принадлежности судебной власти епископу – именно под Апостольские и соборные правила, изобретатель теории подвел иного рода мины. Что в правилах судебная власть усвояется епископу он это не отрицает, а допускает; но прочность этого основания он хочет разрушить, ослабив авторитет правил. Он заявляет, что правила не имеют характера неизменности. Мины, подведенные им и направленные против них контрмины, были следующие:

1. Г. Соколов, утверждает, что „в правилах судья духовный не различается от судьи внешнего и что из этой нераздельности представления двух разнокачественных сфер и происходят многие крайне общие, не имеющие юридической определенности закона внешнего, правила соборов и отцев”.

Отв. на 1-ый. Если уже в Свящ. писании заключаются ясные и вполне определенные предписания о принадлежности епископу судебной власти, в юридическом, а не в другом каком смысле, то по одному этому невероятно принять, чтобы в правилах не было указаний на принадлежность епископу судебной власти в юридическом смысле. И действительно многие „правила имеют полную юридическую определенность закона внешнего”. Таковы все приведенные нами выше правила, определяющие принадлежность судебной власти епископу. В сих правилах говорится – об отлучении и извержении клириков епископом, об апелляционном переносе дела клириками, недовольными приговором епископа, к собору епископов, о подсудности только епископскому суду судных дел о пресвитерах и низших клприках и т. д. Все это – предметы юридические и имеющие полную определенность закона внешнего; и все это сам г. Соколов в 1870 г. признавал предметами юридическими. В статье о церковном суде в первые три века христианства он говорит: *из* исторических и *канонических данных* того времени (т. е. трех первых веков) видно, что в Церкви действительно установился и начал развиваться *суд по*

делам церковным, который уже *в ту эпоху становится предметом канонической регламентации и принимает в своем устройстве некоторые постоянные формы.* („Правосл. обозрен.” 1870, ч. 2, 314). За сим из рассмотрения некоторых случаев судебно-церковной практики первых трех веков он выводит два следующие, весьма важные, заключения:

1) „В Церкви с самого начала существовал самостоятельный суд и *органами его были особые лица епископы* с пресвитерами; и 2) *суд церковный производится на основании церковных правил; для него выработаны в самой Церкви особые нормы или законы* (стр. 320). Затем в другой своей статье о том же предмете г. Соколов говорит: *церковный суд со стороны своего устройства и организации своих форм входил в область соборного законодательства.* Правда, ни один из соборов не полагал для себя специальной цели составить особый устав церковного судоустройства и судопроизводства. Можно напротив даже сказать, что соборы вообще обращали мало внимания на частнейшую обработку процессуальных форм, не устанавливали никаких правил для подробностей, ограничиваясь определением *существенных и простейших элементов* (какова и принадлежность судебной власти епископу?) *процесса.* Такая сравнительная скудость соборных определений касательно такого важного в практике предмета, как церковный суд, *не есть явление случайное,* не указывает на легкость отношений отцов к этой стороне церковной жизни, как будто маловажной, и не может быть вполне объяснена тем только, что деятельность соборов, сосредоточиваясь на важнейших вопросах общецерковного характера, не имела в виду останавливаться на предметах второстепенных. *Это* явление *имело свои особенные*, *вполне разумные причины.* В своей внутренней среде, в суде над членами клира по делам и отношениям церковным, где деятельность церковной власти имела автономический характер, *Церковь намеренно не хотела усложнять своего суда разными формальностями, старалась упрощать, сокращать и ускорять процесс.* Это стремление, очевидно, как в законодательных церковных памятниках, так и в судебной практике. *В них не опущено ничто, относящееся к существу процесса; все основные элементы определены* („Прав. обозр.” 1870, 2, 589, 590) *В канонах довольно определенно означены те органы судебной власти, которые признаются компетентными для принятия и разрешения судных дел* (между ними и епископ?) и указан последовательный порядок инстанций, чрез которые должно проходить судное дело для законного разрешения. Из совокупности этих органов и учреждений с определенным для каждого кругом прав и взаимными отношениями, *образуется весьма разумная и вполне достаточная для целей правосудия система церковного судопроизводства, гораздо более сообразная с современными требованиями науки и жизни*, *чем та, которую мы видим господствующею в настоящее время* (стр. 596). – Признание г. Соколовым в церк. правилах, говорящих о суде, характера юридической определенности закона внешнего, столь ясно и несомненно, что отпираться от него при малейшем уважении к самому себе решительно невозможно.

2. Г. Соколов: „Хотя в правилах и выражена идея соединения в лице архиерея *судебной* власти (в юридическом смысле) с правительственною, но „эта идея не есть церковноканоническая, а общая идея всего византийско-римского мира, господствующая в византийско-императорском праве, откуда она *сама собою* перешла в каноническое законодательство” („Прав. обозр.” 1871, 1, стр. 335, 336).

Отв. на 2: во втором возражении против правил г. Соколов высказывает мысль невозможную и в самом деле не бывшую. Не из византийско-римского мира сама собою перешла идея соединения в лице Апостольских преемников-епископов церковно-судебной и правительственной власти, а в каноническое законодательство Апостолами и Соборами перенесена из Слова Божия, и здесь развилась на этом именно основании, а не на другом каком. Если умозаключать по приемам г. Соколова, то нужно будет допустить, что и Апостол Павел идею облечения судебною властью своих преемников и между ними Тимофея, заимствовал из *византийско*-римского мира. Далее к составу канонического законодательства принадлежат Апостольские правила, собранные и по мнению г. Соколова, в первых трех веках. В сих правилах весьма ясно усвояется епископу и правительственная и судебная в Церкви власть. По диалектике г. Соколова нужно будет допустить, что и сюда эта идея перешла из *ви зантийско*-римского мира. Между тем несомненно, что Апостольские правила древнее византийского мира и эпоха, которой они принадлежат, была еще свободна от всех сторонних влияний и по мнению самого г. Соколова, который говорит, что “мы не можем не дорожить формами и учреждениями церковной жизни в ту эпоху, когда *они существовали в своей первоначальной чистоте*, *вдали*

от всех сторонних влияний, *служа чистым воплощением христианского духа. Такою эпохою в жизни Церкви были именно три первые века ее истории*, *когда она развивалась почти исключительно из своих внутренних начал, в стороне от влияний, ее окружающей среды* („Правосл. обозр.” 1870, ч. 2, стр. 303, 309). За сим является здесь вопрос: почему эта идея *сама собою* перешла в каноническое законодательство из *византийско*-римского мира, а не из Священного писания? Невероятно и невозможно, чтобы церковные законодатели – Апостолы и отцы соборов, заимствовали эту идею из византийско-римского мира, когда она столь ясно выражена в Священном писании. И с другой стороны, если она ясно и положительно выражена в Свящ. писании, то не могла не быть выражена в каноническом законодательстве Христианской церкви, как идея существеннейшая и основная, ведущая к важнейшим практическим результатам. Где – средоточие и источник судебной власти в Церкви? – вопрос и в теоретическом и в практическом отношении важнейший. И если вопрос этот разрешен в Слове Божием, то зачем церковным правоустановителям нужно было обращаться к византийско-римским понятиям и идеям? Сама же собою без ведома церковных правоустановителей, т. е. Апостолов, соборов и отцев – идея принадлежности епископу церковно-судебной власти из византийско-римского мира в каноническое законодательство перейти не могла. Церковь первых веков юрисдикцию епископа производила не из византийско-римского мира, а из Божественного источника. Епископ, по учению св. Киприана, есть судья-наместник Христа (judex vice Christi), чтó известно и г. Соколову („Правосл. обозр.” 1870, 2, 318).

То, чтó представляется несообразным и невозможным в теории, не имело места и в действительности. Г. Соколов утверждает, что „как разделение церковных областей и округов совпадало с государственным делением провинций, так точно и церковный управитель страны в древнем церковном представлении, по объему своей юрисдикции, являлся в форме аналогической, с теми же полномочиями, какие по общему тогда представлению, принадлежали администратору государственной провинции – проконсулу“ (стр. 336).

Отв.: не имеет точности самая первая часть заявления – будто разделение церковных областей совпадало с государственным делением провинций (Сравн. IV Всел. 12, 17; VI Всел. 38 и Вальсамоновы толков. на сии правила). А последняя вполне неверна. „Церковный управитель” или епископ и в древнем церковном представлении и в действительности, по объему своей юрисдикции не являлся с теми же полномочиями, какие по общему тогда представлению принадлежали администратору государственной провинции – проконсулу. Каким тогда являлся администратор провинции по *общему представлению* – это без сомнения неизвестно г. Соколову, так как никаких известий об этом общем представлении не имеется. Что касается юридического положения его, *определенного законами*, и в частности объема и состава его судебных полномочий, места, занимаемого им в ряду других судебных властей, источника его судебной власти, – то во всем этом администратор государственной провинции (proconsul, preses, consularis, corrector) имел весьма мало соответствующего с епископом как судьею, и гораздо более отличий и существенных разностей. Епископ в своей области не имел никакой другой церковно-судебной власти от него независимой. Рядом с правителем государственной провинции, который был judex ordinarius и независимо от него стояли в его провинции другие судебные власти с таковою же судебною властью и от него независимые. Правитель государственной провинции не был единственным обладателем судебной, государственной власти в провинции, а епископ церковно-судебною властью в своей области обладал один и нераздельно: для своей области он был такой же единственный судья, как император для всего государства, и с ним в этом отношении (т. е. в отношении к неимению рядом с собою других независимых судей), а не с правителем провинции, епископ имеет аналогию. Подобным сему образом – и в других указанных г. Соколовым отношениях – „во внешней постановке, приемах и типическом механизме устройства» – гораздо более различий, чем сходства между судом епископа и судом правителя государственной провинции. По всем этим соображениям нельзя не признать вторую мину г. Соколова не имеющею никакой силы: в церковные правила идея принадлежности епископу церковно-судебной власти заимствована не из византийско – римского мира, а из Священного писания.

Г. Соколов только за месяц пред тем сам держался совсем другого взгляда на раскрываемую в канонах мысль о судебной власти архиерея. Он почитал эту мысль незаимствованною из римского права, но особенностью против светского законодательства. В феврале 1871 года (т. е. непосредственно пред мартом, где напечатана его статья об отнятии

судебной власти у архиерея) он писал: „рассматривая положительное законодательство Вселенских и поместных соборов относительно церковного суда, мы нашли, что их определения касаются только существеннейших сторон судебной деятельности церковной власти, устанавливают в общих чертах организацию суда по различным инстанциям, начертывают общий порядок движения судного дела и т. п. Из всех этих определений видно, что церковные законодатели на соборах имели в виду не составление особого и подробного устава для суда над лицами и делами, подлежащими ведомству Церкви, *но желали обозначить только те особенности, сравнительно с общим господствовавшим тогда порядком судопроизводства, которые признано было необходимым определить сообразно с особенным характером лиц* подсудных Церкви и дел, подлежащих ее рассмотрению. *В этом отношении соборные каноны очень подробны, особенно в вопросах, касающихся судоустройства, порядка инстанций...* С признанием Церкви господствующею в империи, круг общественной деятельности иерархии расширился, внутренние отношения в ней самой и внешнее соприкосновение ее с другими сферами жизни сделались гораздо разнообразнее и сложнее, *епископское судилище* (episcopalis audientia) *было официально признано государственными законами* („Прав. обозр.” 1871, февраль 196, 197). Даже в марте 1871 в той же самой книжке „Прав. обозрения”, в которой помещена статья г. Соколова об отнятии судебной власти у епископа, в другой статье г-на же Соколова, вероятно, бессознательно проскользнуло следующее признание: „вникая в устройство судебных учреждений Церкви, насколько оно известно нам из канонов и практики, мы находим, что *существеннейшие элементы судебной организации, основные принципы церковного судоустройства*, *точно также самостоятельно выработаны Церковью, не заимствованы ни откуда, а основаны на устройстве самой иерархии церковной и неразрывно связаны с нею.* („Прав. обозр.” 1871, март, 381).

В правилах весьма часто, почти в каждом правиле, где говорится о суде, упоминается и о *принадлежности судебной власти епископу епархии.* Следоват., этот принцип принадлежал к таким, которые составляют особенность дух. суда сравнительно с общим, господствовавшим тогда порядком судопроизводства.

3. Г. Соколов: „в церковных правилах епископ действительно представляется участвующим в суде; но каноны не стесняют свободы развития церк. жизни, и не смотрят на этот предмет, как на существенный, догматический. Доказательство в подтверждение сего то, что в правилах нет определенного юридического понятия о судебной власти, смешивается нравственность с правом, не определяется все ли и какие отправления правосудия принадлежат епископу, непосредственно ли сам он производит суд, или передает по уполномочию другим, единолично ли, или коллегиально, какие права имеют существующие при нем коллегии, и все ли функции судебной власти сосредоточены в лице епископа».

Отв. на 3. Неверно г. Соколов утверждает, будто самп правила не стесняют свободы развития церковной жизни, т. е. дозволяют и отнять у епископа судебную власть. Если в правилах и нет удовлетворения тем произвольным требованиям, которые предъявляет к ним их новый противник (прежде бывший защитник), то отсюда совсем еще не выходит заключения, чтобы епископ на основании самих же канонов, по которым он представляется действительно участвующим в суде, мог быть и совсем лишен церковно-судебной власти. Впрочем, даже и в том случае, если бы правила о принадлежности епископу судебной власти мы стали почитать принадлежащими к такому разряду правил, которые допускают изменение, и в этом случае, по учению Правосл. церкви, разделяемому и г. Соколовым, изменение их могло бы быть произведено только властью равною установившей правила, т. е. властью Апостольскою, или Вселенского собора. „Православная церковь, по изъяснению г. Соколова 1870 г., различает между самыми канонами те, которые относятся к существу церковного устройства и жизни и те, которые были вызваны историческим положением Церкви и предназначались только *для временного употребления в ней. Относительно последних*, она признает за собою право видоизменять их сообразно с потребностями, отменять и дополнять, действуя при этом сообразно с общими началами и духом Вселенского церк. законодательства. Но, *повторим опять,* она не признает этого права ни за какою внешнею властью, не усвояет его никому в отдельности, ни одному из самых высших своих иерархов, *но только власти равной по правам с тою, которая установила эти законы, т. е. соборной* (и если правила Вселенского собора, то Вселенским соборам). На этом основании Церковь никогда не смешивала соборных, канонических своих определений с какими-либо другими постановлениями и, как бы велико ни

было фактическое значение последних, в известный период и при известных обстоятельствах церковной жизни, она никогда не усвояла им такого высокого канонического авторитета, как первым» („Прав. обозр.” 1870, 2, 589).

4. Г. Соколов: „церковная практика, конечно свидетельствует о принадлежности церковно-судебной власти епископу. Но общность и продолжительность ее доказывают только господство тех идей, под влиянием которых она сформировалась».

Отв. на 4: Неудовлетворительно г. Соколов объясняет, будто непрерывность и всеобщность идеи принадлежности судебной власти епископу доказывают „только господство и повсюдность тех идей, под влиянием которых сформировалась». Необходимо уяснить на чем основывались господство и повсюдность идей, служивших основанием практике. А это, по общему мнению, и по мнению г. Соколова, утверждалось и утверждается на том, что эти идеи основываются на Слове Божием, что епископ имеет судебную в Церкви власть jure divin, что кроме Слова Божия основанием такой практики служат церковные правила, имеющие характер неизменности, как это ясно и положительно раскрыто в 1-м правиле VII Вселенс. собора, которое вместе с толкованиями приведено нами выше. И совершенно неправильно полагает г. Соколов, будто заповедуемая сим правилом неизменность не относится к правилам, в которых говорится о судебной власти епископа. О каких правилах идет речь в 1-м правиле VII Вселенского собора? О правилах всехвальных Апостол (т. е. 85), шести святых Вселенских соборов, поместно собиравшихся для издания таковых заповедей (т. е. о правилах поместных соборов), и о правилах святых отец, т. е. о всех правилах, получивших начало до VII Вселенского собора.

Ничего не может быть яснее этого, и так объясняют это правило толкователи: Зонара, Вальсамон и Аристен. По их изъяснению говорится здесь о правилах Апостольских, соборных и отеческих вообще, без различения тех правил, к которым сие относится и к которым не относится. По мнению сих толкователей сказанное в 1-м и 2-м правилах VII Вселенского собора относится ко всем правилам Апостольским, соборным и отеческим без различения, как выражено это ясно и в самом правиле (в слове: всецелое *ὁλόκληρον*), а, следовательно, и к правилам о принадлежности судебной власти епископу. Сие ясно и из содержащегося во 2-м правиле VI Вселенского собора свидетельства о непоколеблемости канонов. В сем правиле говорится именно следующее: *никому да не будет позволено вышеозначенные* (т. е. Вселенских и поместных соборов и св. отец) *правила изменяти, или отменяти.* Сам г. Соколов 1870 г. на вопрос: чтó в древних (церковных) правилах должно сохранять силу точного, положительного и обязательного закона, и что нет? – дает такой ответ: *если для разрешения этого вопроса наука примет за критерий авторитет древних законодателей, т. е. соборов и отцев, то должна принять их правила всецело и непоколебимо* (VII Всел. соб. пр. 1), *ибо никому не дозволено изменять их, или отделять от них* (VI, пр. 2).

5. Г. Соколов: „Идея о нераздельности властвования, о неделимости власти по ее существу не стоит ни в какой органической связи с сущностью церковных учреждений, не обосновывает их“ (стр. 338).

Отв.: Эти слова могут быть приняты не более как за шутку, впрочем совершенно неуместную. Если попытаться так для себя изъять все правила, в которых прямо, или косвенно говорится о судебной власти епископа, тогда ясно откроется, какое вследствие сего произойдет опустошение и в правилах, и в учреждениях. Эта идея, т. е. идея принадлежности церковно-судебной власти епископу столь существенна и столь широко развита и в правилах, и в учреждениях, что с отсечением ее необходим радикальный переворот и в правилах, и в учреждениях. Дело не так легко и просто, как хочется представить г. Соколову: расшатаются учреждения в самых основаниях. Вынута будет из церковных учреждений целая инстанция церковного суда, целый судебный и притом обладающий самостоятельною юрисдикциею орган (сравн. статью г. Соколова в „Правосл. обозр.” 1870, 2, 598 и след.). Самостоятельным органом церковно-судебной власти останется только собор.

6. Г. Соколов: „Эта идея, т. е. идея неотъемлемости судебной власти у епископа, нигде в правилах точно и определенно не формулирована.»

Отв. В правилах весьма точно и определенно, и притом многократно выражено, что судебная власть епископу принадлежит; и затем требовать еще, чтобы было выражено в правилах и то, что не дозволяется сию власть у епископа отнимать совершенно излишне. Утверждение власти само в себе заключает уже и запрещение отнимать эту властъ. Г. Соколов в 1870 г. сам и многократно выражал мысль, что в канонах, что по началам Вселенского церковного

законодательства парикиальный епископ есть орган церковного суда, самостоятельная инстанция церковного суда, и что *слѣдующею* вверх *за епископом судебною инстанциею* представляется епархиальный *собор*, составленный из *епископов* нескольких парикий, принадлежащих к одной какой-либо области, под председательством старшего между ними епископа главного города области, с IV века получившего название митрополита» („Правосл. обозр.” 1870, ноябрь 600).

7. Г. Соколов: „Нам не из-за чего отстаивать принадлежность церковно-судебной власти епископу, так как, в „наших церковных учреждениях не выдерживаются даже такие начала, которые можно назвать характеристически церковными, о которых существуют весьма ясные положительные предписания, проходящие чрез весь церковный канон, каково, напр., начало соборное» (стр. 339).

Отв. Это умозаключение г. Соколова таково: если мы неверны церковным правилам в одном пункте, то можем быть неверными и в другом. Странность такой силлогистики ясна всякому. Но самое построение ее у г. Соколова неверно – и фактически, и канонически. И 1) неверно называет он соборное начало характеристически-церковным в противоположность началу принадлежности церковно-судебной власти епископу, которое таким образом является не характеристически-церковным. Оба начала характеристически-церковные: оба утверждаются и фактически, и канонически на Слове Божием и правилах Апостольских и соборных, и делать между ними различие и как бы соперничество в этом отношении по меньшей мере странно; основывать же на этом измышленном соперничестве двух начал, уничтожение одного из них – решительно непостижимо. Начало принадлежности церковно-судебной власти епископу также проходит чрез весь церковный канон и выражено в большем количестве правил, чем начало соборное. И с этим должен согласиться г. Соколов. Начало принадлежности судебной власти епископу, по правилам есть начало генетически предшествующее соборному и служащее для него основанием. Один из главнейших мотивов созвания соборов – есть производство на них суда в качестве 2-й апелляционной по отношению к суду епископа инстанции (I Всел. 5). 2) Неверно и то, что в наших церковных учреждениях не выдерживается соборное начало. У нас существует постоянный собор – Св. синод; и соборное начало в необходимых случаях действует, – действует в преподании священноначальственных прав епископу – в хиротонии его, действует в надзоре за употреблением им преподанных ему прав, и между прочим права церковного суда: ибо Св. синод ныне и ревизионным, и апелляционным порядком надзирает за употреблением епископом судебной власти, исправляет, отменяет решение его суда. Но желательно, чтобы соборное начало в наших церковных учреждениях было выдержано и развито шире и ближе к тому типу, какой оно имеет в правилах. Конечно, желательно, но…. Доколе этого нет, должно довольствоваться тем, чтó есть.

На основании данных на возражения г. Соколова ответов, выводятся следующие положения:

1) Принадлежность епископу церковно-судебной в юридическом, а не в нравственном только смысле власти, церковными правилами подтверждается без малейшего сомнения.

2) Идея принадлежности церковно-судебной власти епископу в правила принята из Слова Божия, и в них раскрыта на основании его, а не перешла в них сама собою из византийско-римского мира.

3) Эта идея выражена и формулирована в правилах точно и определительно и находится в органической связи с сущностью церковных учреждений, и их обосновывает.

4) Церковные правила, и вообще, и в частности, в приложении к вопросу о принадлежности судебной власти епископу, не могут быть изменяемы или отменяемы.

После ответов на предложенные г. Соколовым возражения против самых оснований принадлежности судебной власти епископу, заключающихся в Слове Божием и в церковных правилах, предложены были и ему некоторые вопросы, указаны некоторые последствия, долженствующие иметь место с осуществлением его предложений.

1) Прежде всего был предложен вопрос: на чем он утвердит основание предлагаемого им церковного суда без епископа? Какие будут те *твердые начала,* на которых и по его мнению („Прав. обозр.” 1870, ч. I, 823) *необходимо должен быть основан суд? Нам самим,* по сознанию г. Соколова („Прав. обозр.” 1870, 2, 308), *невозможно сочинять основания для церковного устройства и жизни, произвольно строить для них проекты.* Чтобы в Священном писании было основание судебной власти епископа – это допускать г. Соколов с 1871 г. перестал. Что есть в Писании основание судебной власти пресвитера – этого не признаем мы и конечно не укажет и г. Соколов. Апостольские и соборные правила в нынешнем году он уже не признает

основанием непременным и полагает, что можно устроять церковные дела и без них, или даже и вопреки им. Остается только одно признаваемое г. Соколовым основание, это – *общесознанные требования научные и законодательные, общее развитие современных потребностей и отношений жизни* („Правосл. обозр.” март, 1871, 339). Должно опасаться, чтобы столь широкие и эластические основания не привели к результатам, которых может быть не желает и не имеет в виду и сам г. Соколов. На сих пленительных и подкупающих фразах основывают иногда такого рода умозрения, будто научные требования и современные потребности признают нормальным только один суд общий для всех граждан государства; все же специальные суды суть аномалия, и, следовательно?... должны быть уничтожены. Этого ли желает г. Соколов? И на каких основаниях он будет тогда отстаивать проектируемый им суд коллегии пресвитеров? Ни к Писанию, ни к правилам прибегнуть будет нельзя. Все здание его окажется висящим в пространстве, заключающемся между небом и землею, или основанным *на песце мира сего суетий.* Заявленное им желание „таких преобразований, которые имеют под собою историческую почву, потому что только такие реформы, по свидетельству опыта, бывают прочны и способны удовлетворить действительным потребностям» („Прав. обозр.” 1870, 2, 309) – тогда решительно не осуществится. И к чему тогда послужат все его рассуждения о церковном суде, напечатанные в „Православном обозрении” 1870 года?

2) Все вместе с г. Соколовым признают, что судебная власть в Церкви основана на Божественном полномочии, данном Спасителем своим ученикам в словах: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Матф. 18:18). Эта власть преподается в таинственном рукоположении от собора епископов одному епископу и от одного епископа в таинственном же рукоположении пресвитеру. Предположим, что будет принято, что епископ судебной власти не имеет, а судебная власть в епархии принадлежит некоторым пресвитерам. От кого получат они эту власть? Епископ, не имеющий судебной власти, не может и пресвитеру преподать оной. От кого же будут получать пресвитеры судебную власть? По правилам Церкви и по мнению самого г. Соколова, *пресвитеры* могут принимать участие в суде только на одном праве, именно на праве уполномочения от епископа („Прав. обозр.” 1870, 2, 325), они *не обладают самостоятельною юрисдикциею, т. е. такою, которая связана необходимо с их саном и должностью и не иначе может быть прекращена, как или со снятием первого, или устранением от последней по суду. Они действовали только как делегаты епископа парикии по его полномочию. Только епископы и соборы были самостоятельными органами судебной власти* („Прав. обозр.” 1870, 2, 598, 604). Нужно будет или даровать им новое право, которого они доныне никогда не имели и которым никто не может их облечь, или же придумать какое-нибудь другое средство. Такое положение, чтобы епископ имел только право преподавать судебную власть пресвитеру, сам же не имел права пользоваться оною – совершенно немыслимо. Другое средство, которым хотят избегнуть этого затруднения, по нашему мнению, представляет один из самых слабых софизмов. Говорят, что еппскоп мог бы, сам не участвуя в суде, уполномочить на сие пресвитеров. Подобное уполномочение, будто бы, существует искони в Церкви в пресвитерском служении вообще. Пресвитеры, в собственном смысле, суть только наместники своего епископа. От него они получают право учить, священнодействовать и пасти вверенное каждому из них духовное стадо. Тем не менее они пользуются в отправлении своего служения самостоятельностью, и могут быть лишены данных им прав только по суду. Слабость этого софизма очевидна с первого взгляда. Приведенное в нем указание на соответствие с существующим предоставлением от епископа пресвитерам права учить и совершать священнодействия, не имеет с настоящим вопросом ни малейшего соответствия. Епископ, преподав пресвитерам право учения и священнодействия и сам сохраняет сии права и имеет власть во всякое время осуществить оные, имеет власть совершить крещение, причастить больного, венчать в каждом приходе своей епархии, предоставление же со стороны епископа права суда пресвитерам, по смыслу софизма, вовсе не должно быть таково: епископ, предоставив пресвитерам право суда, уже не имел бы власти сам лично воспользоваться предоставленным правом во всякое время, когда захотел бы. Никто не может иметь более того, чем сколько получил. Пресвитер все получает от епископа – все виды церковной власти – и власть учения, и власть священнодействия, и власть вязать и решить. Если бы были устроены епархиальные суды без епархиального епископа, то оказалось бы, что пресвитер, все получивший от епископа, имеет власть судить, а епископ ее не имеет.

3) Существо и основание предоставления епископу судебной в Церкви власти заключается в том, – что суд церковный приговаривает клириков и мирян к лишению и ограничению таких прав, которые преподаются епископом. Таковы – лишение священства, запрещение священнослужения, лишение приобщения Святых Таин, отлучение от Церкви и др. Источник всех сих прав в епископе, так что там, где нет епископа, не может быть ни священства, ни священника, ни священнослужения, ни вообще преподавания каких-либо церковных таинств. Ибо, по учению Православной церкви, „что́ Бог в Церкви первородных на небесах и солнце в мире, – то каждый архиерей в своей частной Церкви: так что им паства освещается, согревается и соделывается храмом Божиим. Епископ столько же необходим для Церкви, сколько дыхание для жизни“ (Послан. Вост. патр. чл. 10). Кто не с епископом, тот не в Церкви (Cyprian, ep. 69. Сравн. „Прав. обозр.” 1870 г., 2, 31 – статью г. Соколова). Вот в этом то, в таком именно значении епископа в Православной церкви и заключается основание, почему он обладает и не может не обладать и судебною в Церкви властью. Если епископ есть источник и раздаятель духовных прав христианам, если в нем сосредоточивается и от него исходит даруемое каждому христианину право приобщения Святых Таин, – если он преподает священство и право священнослужения, то отсюда и естественно и вместе совершенно необходимо вытекаетъ и то положение, что он должен иметь участие и в том действии, которым сии права отнимаются, или ограничиваются [19]. Никто не может у другого отнять то, что́ не им дано. А при устроении епархиального суда из одних пресвитеров без участия епархиального епископа, оказалось бы, что они отнимают не ими данное, когда присуждают к лишению священства, которое преподают не пресвитеры, а архиерей; оказалось бы, что пресвитеры своего брата сопресвитера лишают священства, которое и лишающие и лишаемый получили от архиерея. Устранить это противоречие тем способом, какой предлагается г. Соколовым, – то есть, чтобы дело в таких случаях всякий раз восходило в Святейший синод, значило бы войти в коренное противоречие с началами судебных уставов 1864 г., которыми ревизионный порядок восхождения дел из низшей инстанции в высшую отменен, и дела восходят только по апелляциям и протестам прокуроров.

4) С отнятием судебной власти у епископа произойдет странное противоречие в отношении к суду высшей церковно-судебной инстанции Святейшего синода. Если принято будет, что епархиальный суд производят пресвитеры без епарх. епископа, в Святейшем же синоде будут судить конечно епископы, то окажется то странное противоречие, что в епархии епископ не судит, а тот же самый епископ, вызванный в Святейший синод, производит суд; находясь в одном месте (т. е. в епархии) не имеет права суда, а переходя в другое (т. е. в Синод) имеет. Почему не имеет в одном, и откуда получает, переходя в другое, совершенно неизвестно.

5) Не должно оставлять без внимания и религиозные и церковные убеждения нашего народа. В течение многих веков Православный народ питал в себе убеждение, что высший судья во всяком церковном, духовном деле, есть архиерей, в области которого он живет. Представим же себе, что архиерей мирянину, пришедшему к нему с просьбой духовного суда, скажет, – что он не имеет права судить. Не естественны ли при этом вопросы со стороны челобитчика: как? кем? давно ли? что за новость? Едва ли будет ошибка, если сказать, что при отнятии у архиерея судебной власти смущение совести народа православного будет велико. Результат же, которого предполагается достигнуть таким отнятием у архиерея судебной власти будет ли велик?

6) Обращая внимание на общества, неблагосклонно расположенные к Православной церкви, нельзя не ожидать замечаний и обвинений со стороны наших раскольников и римских католиков. Коль скоро допущен будет у нас суд без епарх. архиерея, сейчас же, немедленно в раскольничьей и в католической литературе явятся строгие изобличения и обвинения Правосл. церкви, которые опровергать будет весьма затруднительно.

7) Нельзя не обращать внимания и на тот существенный характер устройства нашей Православной церкви, по которому она есть и всегда была Церковь епископальная, а не пресвитериальная. В качестве таковой, именно – древне-епископальной церкви, Православная церковь в настоящее время служит предметом особенного внимания членов епископальной Англиканской церкви и некоторых других западных благонамеренных ученых. Изучают устройство нашей Церкви, отыскивают сохраняющиеся в нем черты древности, древлеотеческих и Апостольских времен с целью присоединиться к ней. – Если бы епархиальные еппскопы наши лишены были одной из обширнейших и со времен Апостольских принадлежавших им функций их власти, именно – судебной власти – какое впечатление это обстоятельство произвело бы на

западных ревнителей соединения с Правосл. церковью, ищущих этого соединения именно в силу сохранения в устройстве Правосл. церкви черт древнейшего церковного устройства?

8) Г. Соколов в подкрепление своих предположений указывает и пример осуществления их в новом Сербском церковно-судебном уставе (стр. 340) и в Болгарской церкви („Прав. обозр.” 1871, май стр. 583). Отнятие церковно-судебной власти у архиерея г. Соколов называет *усовершенствованием* и *законным изменением*, которое однако же должно происходить, по его мнению, „путем церковно-законодательной власти“. Некоторые опыты подобного усовершенствования г. Соколов видит в практике Православных церквей – и именно в Сербском уставе 1862 г. о церковном судоустройстве и судопроизводстве; впрочем, этот опыт он называет слабым. Следовало бы назвать этот опыт не только слабым, но и противо- каноническим, – нелепым, и при том отчасти даже с точки зрения самого г. Соколова. Г. Соколов допускает, что изменения подобного рода, как на прин. отнятие судебной власти у архиерея, могут совершаться путем церковно-законодательной власти. Сербский церковно-судебный устав 1862 г. есть закон, изданный только государственною властью и подписанный только покойным князем Михаилом и двумя министрами Лешанином и Цукичем. Никакого участия церковной власти в издании этого закона не было. Об отделении суда от администрации, сколько видно из самого устава, не было и мысли. И это ясно из самого 2 § устава, дающего понятие о епархиальной консистории. „Епархиальная консистория, по этому § устава, есть установленная при архиерее церковная власть, которая *управляет делами* касающимися Православной церкви и *обсуждает* предметы, относящиеся к кругу ее обязанностей“. Об отделении суда от администрации не было никакой мысли: там, где было вполне возможно произвести это отделение, т. е. в коллегии или консистории, его не произвели, а у архиерея судебную власть отняли, но не всю, а только власть суда по преступлениям более важным, оставив ему судебную власть по проступкам меньшей важности и сделав кроме сего на ряду с полициею исполнителем судебных решений, постановленных подчиненными ему пресвитерами (§§ 190, 192-й. Г. Соколов в 1871 г. указываетъ на этот пример, как на *опыт усовершения,* хотя в 1870 году и утверждал противное [20]. С церковной точки зрения это есть опыт извращения церковных начал, который все Православныя церкви должны иметь в виду только с тем намерением, чтобы не впасть, или не допустить впасть в подобное антиканоническое, антицерковное заблуждение. Образцом же сделанное князем Михаилом, Лешанином и Цукичем в Сербии для Русской церкви ни в каком случае быть не должно. Что касается ссылки г. Соколова на Болгарскую церковь, как на пример подражания для Русской – в этом отношении; то она оказывается совершенно неверною; ибо и по новым болгарским проектам, напечатанным в „Православн. обозрении”, за месяц до статьи г. Соколова, об отнятии судебной власти у епарх. архиерея, церковно-судебная власть у архиерея не отнимается, а напротив в принадлежности ему этой власти не предъявляется ни малейшего сомнения („Правосл. обозр.” 1871 февраль 263).

9) Практические соображения, которыми г. Соколов думает подкрепить свое предложение, не оказываются довольно сильными. Притом практические мотивы и соображения имеют только второстепенное значение и могут быть принимаемы в рассмотрение только уже по разрешении теоретических, фундаментальных вопросов о самых основаниях. Из разных соображений г. Соколова в этом роде можно обратить внимание на два: а) Г. Соколов держится убеждения, что моральное значение и достоинство наших епархиальных архиереев унижено. „Чтобы возвысить это значение и достоинство их, для сего, по его мнению, нужно освободить их от множества обязанностей чисто бюрократических, чиновнических, а иногда довольно грязноватых (именно по судопроизводству), всегда обременительных, на которые между тем расходуется множество времени и сил, необходимых для трудов гораздо более возвышенных и более сообразных с архипастырским призванием, каковы миссионерские, религиозно-воспитательные, благотворительные, проповеднические. Теперь на эти труды, будто бы, не направлены силы наших епархиальных архиереев; потому что над ними тяготеет канцелярия со своими мертвыми бумагами” (стр. 331, 332). Привлекательно в самом деле устроить такое учреждение, которым бы возвысилось значение и достоинство епархиального архиерея. Но правильно ли г. Соколов признает причиною унижения морального значения и достоинства наших архиереев исполнение ими „грязноватых” обязанностей судопроизводства? Могут ли быть грязноватыми обязанности, хотя бы и судопроизводственные, но возложенные на архиерея Словом Божиим и церковными правилами? И исполнение обязанностей, возлагаемых Словом Божиим и правилами, может ли быть причиною унижения морального значения и достоинства? Если же судопроизводственные

обязанности действительно грязноваты, то должно ли, слагая с архиерея, возлагать их на иерея, одного моральное достоинство и значение возвышать, а другого тем самым унижать; ибо унижающее архиерея, конечно унижает и иерея? По нашему мнению, ни архиерея, ни иерея, ни кого бы то ни было нравственное достоинство и значение исполнением обязанностей возлагаемых Словом Божиим и церковными правилами (а такова обязанность производства церковного суда) ни мало не унижает. В государстве множество лиц исполняют судебные обязанности, и – ни сами эти лица и никто другой не полагает, что исполнением сих судебных, по мнению г. Соколова, „грязноватых" обязанностей, унижается их моральное значение и достоинство. Напротив, отправление правосудия всеми почитается высоким и почетным делом, и только г. Соколову пришло в голову назвать это дело грязноватым. Что же касается до открываемой им „с отнятием» у архиерея церковно – судебной власти, перспективы лучшей возможности нашим епархиальным архиереям направить свои силы на важные работы – миссионерские, религиозно-воспитательные, благотворительные, проповеднические; то все это относится к области фантасмагорий и утопий, которые и сам он ощущает и подозревает в своей статье (стр. 332). *Сия подобает творити и онех не оставляти.* Впрочем, г. Соколов совершенно напрасно печалится о поглощении деятельности архиерея исполнением бюрократических и чиновнических обязанностей, именно в отправлении суда. По точным известиям, проектируемый духовный суд не будет ни бюрократический, ни чиновнический, ни письменный, ни закрытый, а будет такой же, как и преобразованные общие суды. И, следовательно, если бы г. Соколов и оказал благосклонность допустить архиерея к участию в будущем духовном суде, то он увидел бы, что архиерей здесь не будет ни бюрократом, ни чиновником; или если и будет, то никак не более, чем судьи нынешних преобразованных светских судов, б) „Отнятие у архиерея судебной власти» г. Соколов почитает столь необходимым для улучшения духовного суда, что без этого не признает возможным никаких улучшений. Без этого и „выборное начало судей и гласность судопроизводства» и все прочее будет лишь роскошным, *обманывающим глаза украшением на непрочной постройке* (стр. 333). Предведение г. Соколова едва ли справедливо, и угроза его едва ли оправдается. Отделение, или отнятие у епарх. архиерея судебной власти не такой принцип, чтобы без приведения в действие этого принципа не были возможны никакие улучшения. Свести все дело улучшения духовного суда к одному этому принципу значит совершенно не понимать ни силы самого этого принципа, ни значения других важных принципов, введенных в процесс уставами 1864 г. При невозможности „отнять» у архиерея судебную власть по каноническим основаниям, – те неудобства, которые могли бы происходить для суда от соединения в лице архиерея правительственной и судебной власти могут быть устранены: 1) выборным порядком назначения членов духовного суда; 2) увольнением их не иначе как по суду; 3) гласностью судопроизводства.

Таковы первые бумаги, которыми обменялись стороны по этому важному вопросу.

Г. Соколов не остался доволен ответами и замечаниями, сделанными на его проект, но представил в октябрской и ноябрской книжках „Правосл. обозрения" 1871 года новые объяснения и замечания по поводу своего проекта и по поводу сделанных на него возражений. Возражавший ему снова отвечал, и таким образом явилась новая серия бумаг по одной с каждой стороны.

Г. Соколов прежде всего отрекся от своего предположения и всячески старался убедить читателей, что он не предлагает „отнять» судебную власть у епархиальн. архиерея. Он открыто и торжественно уверяет, что на судебную власть епископа в Христианской церкви ни он и никто посягательств не учинял (488), что в Слове Божием он не находил только свидетельства для устройства церковного суда в том виде, в каком он является в Уставе дух. консисторий (490, 491), что он нимало не спорит, что принадлежность церковносудной власти епископу утверждается на учении Ап. Павла, изложенном в 5-й главе 1-го послания к Тимофею и сам неоднократно приводил его для доказательства, что уже в основанных Апостолами обществах предстоятели их являются самостоятельными судьями в церковных отношениях (496).

Но ему представлены буквальные выписки из его статей, в которых весьма ясно и положительно он требует, чтобы епархиальный архиерей не участвовал в духовном суде и поставлены рядом с теми его заявлениями, в которых он говорит, что судебную власть у епископа он отнять не хочет. Ему поставлено на вид, что он утверждает:

с одной стороны: 1)**с другой стороны:** 1) „Невозможно, при настоящем усложнении „Посягательства на судную церковной жизни, сосредоточивать в одних руках самую власть епископа в Христианскойразнородную деятельность, как существует это в нашем епарх.

церкви ни я и никто, скольковедомстве, и нет никаких догматических препятствий к известно, не учинял” („Прав.отделению судебных отправлений от административных, обозр.” 1871, 2, 488). 2)которые соединены теперь в руках одного лица” („Прав. обозр.” „Предлагая внешнюю меру,1871, 2, 487, 488). 2) „Единственное надежное средство против относящуюся к постановкецентрализации всех видов власти в одном лице епархиального судебного процесса, мы неначальника заключается в том, чтобы, различив в духовном суде изъявляли ни малейшегонравственную его сторону от чисто юридической, выделить посягательства на основныепоследнюю, т. е. процессуальные отправления суда, и поставить права церковной иерархии”независимо от всякого вмешательства администрации, потому (515, 516). 3) „В вопросе очто эти две деятельности, при настоящем положении церковного выделении судебнойуправления, не могут быть совмещены в одних руках без деятельности для особогоочевидного ущерба для той и другой, и в особенности для отправления, о поручении еправосудия. Для целей правосудия необходимо, чтобы суд был особым самостоятельнымпоставлен самостоятельно, независимо от управления” (492). 3) органам, независящим от„Вопрос о разделении суда и администрации в епархиальном администрации, не может бытьведомстве возник не из догматических разногласий, а из и речи о посягательстве наненормального развития централизации в епархиальном какое-нибудь из существенныхуправлении нашем и направлен к ограничению произвола и прав не только всей Церкви, ноличного усмотрения власти” (494). 4) „Существо вопроса о и епископского сана, таких прав,разделении суда и администрации в епархиальном ведомстве без которых последний утратилсостоит в том, чтобы основать современный суд над бы свой иерархическийдуховенством в официальных, служебных его отношениях, на характер, ибо дело идет не острого юридических началах, выработать для него такой нравах сана, а о внешнейпроцесс, который по возможности ограждал бы суд не только от постановке епархиальногопроизвола администрации, но и от всяких влияний и целей, начальника, сложившейся подкроме тех, которые должно преследовать правосудие. Для этой влиянием чисто внешних,цели представляется необходимым выделить судебную случайных условий идеятельность из того хаотического смешения, в каком она удалившей его отнаходится в епарх. ведомстве, освободить суд от давления первоначального основногоадминистрации, поставить самостоятельно и независимо. типа” (500). 4) „Предположение,Отсюда возникал другой практический вопрос, может ли епарх. будто отнимают судную властьархиерей, обремененный множеством других и притом гораздо у епископовъ – произвольно: ниболее важных обязанностей, нести на себе должность судьи в я и никто не изъявлялновом открытом и гласном суде, непременно требующем посягательства на суднуюпостоянного и личного участия и непосредственного изучения власть епископов в Церкви”дел не по бумагам, а на лицо пред подсудимыми? Нам кажется (681). 5) „Произвольно навязаноэто невозможным фактически, помимо внутренней мне намерение отнять суднуюнесообразности, лежащей в самом принципе соединения двух власть в Церкви у епископа иразнородных деятельностей. Поэтому совершенно серьезно я сосредоточить ее ввысказал мысль о необходимости освободить наших архиереев пресвитерстве. Речь идет не обот занятий судебным делопроизводством” (495). 5) „Не будет отнятии власти, а обничего несообразного, если современная церковная власть ослаблении бюрократическойпоручит внешнее судопроизводство особым, отдельным от централизации в нашемадминистрации органам – в сане пресвитерском в двух низших епархиальном ведомстве” (686).*(т. е. епархиальных)* инстанциях”(501, 502). 6) „Для нас не 6) „Можно ли, следуя законамможет иметь значения неприкосновенной церковной святыни это простой логики, говорить обсмешение суда с администрацией, господствовавшее в древней отнятии судной власти уЦеркви, как и во всем византийско – римском мире… По этому епископа на том основании, что,было бы большою ошибкою усиливаться, вопреки разумным сохраняя все высшие права ее,требованиям современной мысли и жизни, сохранить эти идеи и участвуя по назначениюформы при современных преобразованиях потому только, что церковной власти, вони нашли себе место в церковном каноне” (506). 7) „Смешение отправлениях двух высшихсуда и управления в одном лице я не признаю относящимися к инстанций, епископ не будетсуществу церковного устройства и управления” (509). 8) „В непосредственно вмешиватьсяотправлениях двух низших инстанций (т. е. епархиальных) в дела двух низших? Из того,епископы не участвуют, если они суть в то же время и

что епископ не будет ниадминистративные начальники над членами суда” (685). 9) „Весь мировым судьей, ни членомвопрос в том, чтобы епископ не участвовал непосредственно в епархиального суда, а будет, посудебных отправлениях тех низших не окончательных инстанций, усмотрению высшей власти,члены которых суть ближайшие и непосредственные его принимать участие вподчиненные” (690). 10) „Как духовная сторона судной власти деятельности двух важнейшихпреподается пресвитеру чрез епископа, так и право внешнего инстанций, сосредоточивающихсуда преподается ему, по уполномочению, от собора епископов в себе все окончательныечрез то же посредство; разность будет только в том, что решения по важным делам,епархиальный начальник не будет иметь возможности можно ли по законам логикизаправлять мнениями членов в новых судебных учреждениях, выводить, что епископ совсемкак заправляет он теперь членами консистории” (692,693). лишается судной власти, она отнимается у него” (691)? 7) „Разделение суда и администрации в епарх. ведомстве не означает отнятия судной власти у епископа” (705).

Уже и из этих простых выписок из статей г. Соколова с очевидностью ясно, что судебную власть у епископа отнять он действительно замышляет, говорит же, будто этого он не делает и не замышляет, только для отвода глаз. Те два вознаграждения, которые он предлагает за отнимаемую у епарх. архиерея судебную власть, в существе не заключают в себе никакого вознаграждения.

Первое предлагаемое им вознаграждение, на котором будто бы отчасти можно помириться с мыслью об отнятии у епарх. архиерея власти производить суд в епархии, состоит в том, что по проекту г. Соколова, кроме епархиальных судов, предполагаются еще две судебные вне епархиальные инстанции – окружная апелляционная и синодальная кассационная, состоящие преимущественно из архиереев. Следовательно, заключает г. Соколов, судная власть у архиерея не отнимается. „Можно ли“, спрашивает он, „следуя законам простой логики, говорить об отнятии судной власти у епископа на том основании, что, сохраняя все высшие права ее, участвуя, *по назначению церковной власти*, в отправлениях двух высших инстанций, епископ не будет непосредственно вмешиваться в дела двух низших (т. е. во все отправления дух. суда, совершаемые в епархии)? Из того, что епископ не будет ни мировым судьей, ни членом епархиального суда, а будет, *по усмотрению высшей власти*, принимать участие в деятельности двух важнейших инстанций, сосредоточивающих в себе все окончательные решения по важным делам, можно ли по законам логики выводить, что епископ совсем лишается судной власти, она отнимается у него? Нельзя же епископу участвовать во всех судебных инстанциях, и из того, что в которой-нибудь из них он непосредственно не участвует, нельзя заключать, что судная власть отнята у него“ („Прав. обозр.” 1871, ноябрь 691). – Дело идет о том, что епархиальный епископ не должен участвовать в духовном суде его епархии. Этого домогается г. Соколов. И потому не только можно, но и должно говорить об отнятии у епархиального архиерея судебной власти в епархии, так как он, по предположениям г. Соколова *не будет вмешиваться в судные дела епархиальных судебных инстанций,* а об этом и весь вопрос: это только и было защищаемо, об отнятии этой только власти и шла речь. Можно и должно говорить об отнятии у епархиального архиерея судебной власти даже и в случае принятия проектов г. Соколова: ибо и по его проектам не все епархиальные епископы будут участвовать в апелляционном и кассационном суде, т. е. окружном суде и Синоде, а только *некоторые по назначению церковной власти* (а не по праву своего архиерейства); *большая же часть епархиальных епископов и в суде этих высших инстанций участвовать не будет.* Следовательно, большая часть епархиальных епископов не будет участвовать в судебной власти ни в низших инстанциях, ни в высших, и, следовательно, лишена будет совсем судебной власти. Это так просто, это так ясно. Такое участие в суде, какое снисходительно уступает архиереям г. Соколов, они и теперь имеют сверх обладания судебною властью в епархии. Но кто из людей, сколько-нибудь взвешивающих свои слова, будет утверждать, что если архиерей не будет иметь судебной власти в епархии, а останется только при одной возможности быть вызванным когда-либо в Синод и там судить, – судебная власть у него не отнимается. *Вынес ли я из Церкви, отнял ли у ее иерархии хотя одно какое-нибудь*

право в отношении к суду? (685) спрашивает г. Соколов. Его проектом отнимается у епархиального архиерея принадлежащее ему на основании Слова Божия и канонов право духовного суда в епархии. И это право он своим проектом отнимает у высшей степени церковной иерархии – епископов и передает пресвитерам. Вот ответ на его вопрос.

Другое предлагаемое г. Соколовым архиерею вознаграждение за отнимаемую у него судебную над его паствою власть также не равноценно и совершенно не однородно с отнимаемым. Г. Соколов предлагает епархиальному архиерею вместо судебной власти прокурорский надзор, называет его одною из важнейших судебных функций и находит, что можно без ущерба для правосудия предоставить ему эту функцию. Г. Соколов называет прокурорский надзор судебною функциею и притом одною из важнейших, или по полному недоразумению, или не с добрым умыслом. Прокурорский надзор не только не есть важнейшая судебная функция, но и никакая. Прокурор – одна из сторон пред судом, именно представляющая суду и поддерживающая пред ним обвинение, представитель администрации, обвиняющей пред судом. Другая сторона совершенно прокурору пред судом равноправная, есть обвиняемый и его защитник, адвокат. Как адвокатура не есть никакая судебная функция, так и прокуратура. Это две равноправные пред судом стороны. Многие дела движутся к суду и поддерживаются на суде без прокурора частными лицами. Следовательно, если г. Соколов сделает епархиального архиерея прокурором, то ни в каком случае он не будет иметь возможности сказать, что архиерею предоставлена одна *из важнейших функций судебных,* и вознаграждения за судебную власть в этом архиерею не будет.

Не достигнет г. Соколов и другой цели, которую при этом выставляет. Он делает это предложение, не только исходя из принципа отделения судебной власти, но и в практических видах, и в видах человеколюбия. Он не находит физической возможности, чтобы архиерей был председателем епархиального суда. И это соображение о физической невозможности епархиальному архиерею председательствовать в суде выставляется им, как одно из оснований к возложению на архиерея прокурорских обязанностей. По его словам выходит, что архиерей, если бы был председателем, каждый день с утра до ночи должен бы был сидеть в суде (495). Но это очевидное преувеличение. Председатель окружного суда не сидит каждый день с утра до ночи в суде, и вместо него часто председательствуют его товарищи и члены. Подобное положение возможно и для архиерея-председателя: он может председательствовать по делам важнейшим, а по прочим, когда-то признает нужным и для себя возможным. Замена же председательской власти прокурорскою в видах облегчения архиерея есть чистейший абсурд: прокурорская функция труднее председательской.

Г. Соколов не доволен сделанными ему замечаниями о его обращении со Свящ. писанием, по вопросу о судебной власти епископа. Он говорит: „мой критик думает, будто я полагаю, что Апостол разумеет здесь суд внутренний, нравственный, а не внешний, юридический и употребляет все усилия к тому, чтобы доказать, что разумеется здесь не внутренний суд, а внешний. Нигде я не подавал повода смешивать внутренний суд с нравственным, и внешний с юридическим, как это постоянно делает мой критик” (496). И за сим развивает свои взгляды на Священное писание, как на источник оснований для учреждений Христианской церкви. „В Священном писании, говорит он, можно и должно искать высокого изображения духовно-нравственных качеств христианского епископа и его служения в Церкви. Но нельзя искать начальственно-официальных и бюрократических элементов, из которых, благодаря разным обстоятельствам, сложился у нас тип епархиального начальника. Этого типа не найдем в Откровении: он есть продукт житейских условий (497). Для суда, в юридическом смысле, мы не находим в Священных книгах никаких указаний; в них ничего не говорится ни об организации судебной власти, ни о формах судебной деятельности.... *Суд епископа, основанный на нравственных началах,* вполне согласовался с теми отношениями членов первоначальных христианских обществ между собою, в которых не было ничего официального в нашем смысле и никаких чисто бюрократических элементов, внесенных в Церковь последующими влияниями (498).... Суд существовавший в древней христианской Церкви и основанный *преимущественно на нравственных началах* невозвратим в современность.... Если, таким образом, к условиям современной церковной жизни, не может быть применен древний церковный суд, *проникнутый чисто нравственными началами* [21], и если, с другой стороны, существующий духовный суд не соответствует ни своей первоначальной идее, ни современным юридическим понятиям, ни потребностям церковной жизни, то единственно возможным выходом из этого тяжелого,

практически вредного противоречия представляется разделение в духовном суде двух сторон, находящихся теперь в полном смешении, стороны нравственной от юридической. Первая согласно с первоначальною и основною идеею церковного суда должна неотъемлемо принадлежать епископу и вполне сообразна с духовным характером его сана. Вторая, как возникшая вследствие исторических потребностей церковной жизни, может быть поставлена отдельно» (499).

Отв. Неправильно и неосновательно г. Соколов отпирается, будто он не смешивал внешнего суда с юридическим. Он писал буквально („Прав. обозр.” 1871. март, 334) следующее: „как Апостол, так и ученик его, вращаются в области нравственных понятий, разумеют суд нравственный, а не внешний, юридический». Неправильно г. Соколов утверждает и то, будто для суда в юридическом смысле в Священных книгах нет никаких указаний и будто в древней Христианской церкви не было юридического суда, а был только суд, основанный на нравственных началах. Какой самый существенный, отличительный признак нравственного от юридического? Признак внешней принудительности, присущий последнему и чуждый первому. Нравственное сознание прирождено, имманентно человеческой натуре и есть всеобщее свойство человеческого рода. Оно открывает каждому человеку его нравственные обязанности и принуждает внутренним, также моральным принуждением исполнять их единственно потому, что это нравственные обязанности. До тех пор, пока никакая юридическая норма не объявляет нравственного долга принудительно – и внешне-обязательным, до тех пор никакой внешний судья не примет к своему рассмотрению жалобу на неисполнение такой обязанности, напр. подавать милостыню, или не мучить животных. Но когда таже самая нравственная обязанность превращается в юридическую норму, когда обязанность подавать милостыню, или не мучить животных, внесена, положим, в Свод законов, с ясным определением последствий ее неисполнения, тогда ни один судья не может отказаться от рассмотрения жалобы на неисполнение этой обязанности и будет действовать в сем случае уже на юридических началах.

Были ли такие юридические нормы в Христианской церкви с самого ее начала?

Ни в каком случае подобный вопрос не мог быть предложен серьезно, если бы не было напечатано в высшей степени странной софистики г. Соколова. Без юридических норм, без юридических начал и основ не может существовать никакое общество. Могло ли же существовать без этих норм и основ такое общество, как Христианская церковь, с самого первого появления в мире заявившая о своем всемирно-историческом призвании *(шедш е научите все языки)?* Для достижения своих целей, для выполнения своих задач могла ли Христианская церковь не иметь своего юридического суда? Когда есть юридические нормы, непременно должен быть и юридический суд. Таковы самые общие и основные соображения, приводящие к убеждению в необходимости существования в Церкви юридических норм изначала, и в необходимо связанном с сим существовании юридического суда.

Нужно ли говорить, что это так было и в действительности. В каждом учебнике канонического права говорится – о канонических, или юридических нормах, содержащихся уже в Священном писании. И в каждом же учебнике говорится и о том, что предписаны в Слове Божием некоторые правила юридического суда и находятся примеры такого суда. Спаситель запрещает, напр., обиду ближнего под страхом отлучения от общества христиан. Вот уже и юридическая норма. Тут же предписываются Спасителем и главные части процесса, какой должен иметь место в случае отступления от указанной юридической нормы (Матф. 18:15–18). Сам г. Соколов так и понимает эти слова Спасителя, усматривая в них юридические основы юридического суда (см. выше в толкованиях). Отпирательство его в настоящем случае не имеет и не может иметь никакого сколько-нибудь приличного и благовидного объяснения. За год пред тем г. Соколов уверял всех (след. уверен был и сам), что в Писании есть основания юридического суда, суда публичного пред целым христианским обществом; а год спустя стал уверять, что в Писании для юридического суда он не находит оснований. Почему находил прежде и почему перестал находить теперь – этого не разъясняет.

Г. Соколов утверждает, будто только „нравственная сторона церковного суда для своего отправления требует духовных благодатных даров *(права вязать и решить),* полнота которых заключается в епископстве; а юридическая сторона может быть поручена церковною властью различным органам, производиться в различных формах по требованию временных обстоятельств церковной жизни, и к догматическим основаниям церковного устройства не относится» (500).

Отв.: Утверждение решительно несправедливое, неосновательное и ведущее к вредным последствиям. – Та и другая сторона церковного суда утверждается на одном и том же основании, именно, на данной Христом Спасителем Апостолам и их преемникам власти *вязать и решить.* Это признают, по утверждению г. Соколова, все отцы церкви, признает и сам он. Вот что он говорит: Слова Спасителя *(елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех),* неоднократно повторяемые им при других случаях, имеют особенное значение, как ясное выражение Божественного полномочия, даруемого Церкви судить и наказывать извержением из своей среды непокорных членов своих. В таком, именно, смысле понимались всеми отцами Церкви выражения: вязать и решить. Таким образом, источник судебной власти лежит не вне Церкви, не сообщен ей какою-либо внешнею властью, напр., государством, но принадлежит ей самой неотъемлемо, неразделен с самою ее природою и существованием („Прав. обозр.” 1870. 2.310). Так утверждал г. Соколов в 1870 году. Тоже самое утверждает он, вероятно, по забвению и недосмотру и в 1871 году в той самой статье, где защищает и вышеприведенное несостоятельное свое положение. На стр. 689, 690 („Правосл. обозр.” 1871. 2) он говорит: „духовно-нравственную сторону церковно-судной власти канонисты относят к власти, или правам сана, *внешнеправительственную,* по которой епископ судит церковно-служебные и должностные отношения членов Церкви и ее служителей против законов церковного благоустройства и благочиния, к правам юрисдикции. *Последняя имеет свой корень и основание в первой.* Таким образом г. Соколов утверждает, что все отцы Церкви и он сам в словах Спасителя: *вязать и решить* видят выражение Божественного полномочия, даруемого Церкви *судить и наказывать извержением из своей среды непокорных членов своих,* т. е. полагать крайние церковные наказания, и что за пределами сего полномочия, вне суда, утверждаемого на дарованной Спасителем власти вязать и решить, начинаются полномочия другой великой силы – государства. Утверждаемое на Божественных словах: *вязать и решить* – церковное; не утверждаемое на сих словах – государственное. Кажется, ни малейшего не может быть сомнения, что г. Соколов так мыслит. А если так, то и вновь измышленная им юридическая сторона церковного суда, не утверждающаяся на полномочии, заключающемся в словах Спасителя *(вязать и решить)* должна совсем отойти из церковной области в государственную. Церковь может действовать только на основании Божественных полномочий и в пределах сих полномочий. Там, где окончились ее полномочия, должны явиться другие полномочия – государственные. Таким образом, юридический суд Церкви должен отойти от Церкви к государству. Угрожающие фразы г. Соколова: „отчислите иерархию совсем кругом ее церковных отношений из ведомства церковного суда, и вы создадите из нее чиновничество” (505) не спасут дела: фразы всегда останутся фразами. И эта мысль подтверждается таким авторитетом, против которого едва ли будет возражать и г. Соколов. На соборе 1667 г. между прочим высказана была следующая мысль: „два судилища обретаются во вселенной, едино-церковное (еже внутреннее именуется), иже судит о душах; другое мирское (еже и внешнее глаголется) и сие назирает токмо телесное, и две смерти: привременная и вечная являются быти в мире. И сего ради не имать судия душевно и телесно наказати; зане не дадеся, яко един той, да имать две власти вкупе, мирскую и церковную; но подобает, да кийждо хранит чин свой и суд судилища своего». („Собр. зак.” № 412, стр. 702).

Вновь изобретенное г. Соколовым положение с разделением церковного суда на внутренний и внешний, и с дозволением по произволу предоставлять внешний суд кому угодно, приводит и к другим неблагоприятным, и, может быть даже и г. Соколовым не желаемым последствиям. Если стать на его точку зрения; то сделается возможным и следующий вывод: церковный суд по преступлениям духовных лиц не есть священно-действие, по его понятию. Он относится к области внешних церковных порядков, и церковная власть, по своему усмотрению, может поручать эту власть тому, или другому церковному органу, руководствуясь единственно практическими соображениями. Прекрасно. Если это так, то представляется всего удобнее, всего практичнее, поручить судебную власть не иному кому, как диаконам. Диакон самое свободное, наименее занятое из всего церковного причта лицо. Во многих действиях и требах, совершаемых непременно священником, диакон не участвует, или может не участвовать. Ему, как наиболее свободному из всех членов причта лицу и поручить суд: архиерей обременен делами, священник занят; всех свободнее диакон. На практической почве, расчищенной от мусора, как угодно г. Соколову называть доказательства от Писания, правил и предания, – невозможно опровергнуть этого предложения и доказать, что диакон более занят, чем священник и архиерей, или более

зависим от архиерея, чем священник. На этой же практической почве может быть сделано и другое предложение. Наиболее многочисленный разряд в духовенстве – псаломщики. Эти люди, с осуществлением предположений правительства, будут образованы столько же, сколько и священники. Судопроизводство по делам о преступлениях клириков не священнодействие и никаких особых церковных таинственных полномочий, по понятиям г. Соколова, к сему не нужно. Справедливость, основанная на числовых данных, требовала бы, чтобы этому именно разряду духовенства, как многочисленнейшему, была предоставлена судебная власть. Нет, по существу и истине, в коренных правах и законах Церкви, действующих чрез видимую власть, действует высшее право Божественное, которое и утверждает и направляет их действие к назначению Церкви – спасению в ней верующих. В основании видимого управления Церкви Иисус Христос указывает Апостолам (Матф. 16:17–19) другое высшее невидимое ее управление: первое служит только проявлением и орудием последнего; последним определяется значение и сила первого. И, следовательно, видимое управление Церкви должно быть рассматриваемо не иначе, как по отношению к невидимому, а не отдельно… То внешнее, которое не имеет связи с внутренним, с таинственным в Церкви, как со своим основанием, – не церковное, а государственное, и если может быть и бывает в ведении Церкви, то под непременным условием поручения от государства. „Внешнюю и внутренюю стороны Церкви совершенно разделить нельзя». (См. Преосвящ. Макария „Догмат. богосл.” III, 249, 250. Ср. Иоанна „Опыт курс. церк. зак.” I, 17, 18).

По спору о другом основании принадлежности церковно-судебной власти епарх. архиерею, именно о церковных правилах, как видели мы выше, вопреки умствованиям г. Соколова было доказано и согласием его (1870 г.) подтверждено: 1) что по правилам средоточие – церковно-судебной власти в епархии – в епархиальном епископе, пресвитер же может производить в епархии суд только под одним условием уполпомочения от своего епарх. епископа; 2) что в правилах содержатся указания принадлежности епископу судебной власти *в юридическом, а не в другом каком смысле;* 3) что идея принадлежности судебной власти епархиальному епископу не есть общая идея византийско-римского мира, а идея церковно-каноническая, в правила перешедшая из Слова Божия и 4) что идея принадлежности церковно-судебной власти епарх. еппскопу входит в разряд таких, содержащихся в Писании и канонах идей, которые не могут быть отменены властью поместной Православной церкви никогда.

Во второй своей бумаге г. Соколов не спорит ни по первому, ни по второму, ни по третьему пункту, и, следуя обычаям, принятым между всеми пишущими людьми, мы должны бы полагать, что он ныне признает и средоточие судебной власти для каждой епархии в ее епископе, и тó, что в правилах содержатся указания принадлежности епархиальному епископу судебной власти в юридическом, а не в другом каком смысле и наконец то, что идея принадлежности церковно-судебной власти епископу не есть общая идея византийско-римского мира, а идея церковно-каноническая, в правила перешедшая из Слова Божия. Так должно бы думать, если бы дело шло о всех пишущих людях. Но едва ли безопасно будет принять такое же заключение в отношении к г. Соколову, который спорит даже с самим собой в разных статьях, спорит с собой даже в одной и той же статье. Поэтому, из молчания г. Соколова невозможно вывести никакого заключения и остается заявить одно, именно то, что в последний раз он настаивал только на одном пункте, именно на том, что каноны изменяемы, что неизменяемость их должна быть „понимаема только в отношении ко всем и к каждому в частности члену Церкви Христовой; никто из них не имеет права произвольно отменять их. Но эта неизменяемость не превозмогает творческой силы самой Церкви, законодательницы и установнтельницы канонов, и ей несомненно принадлежит и будетъ вечно принадлежать право изменять и отменять в своих прежних законах то, чтó она найдет требующим изменения» (513). – Неизменимыми могут „признаваться только те постановления канонов, которые относятся к существу церковного устройства, а все относящееся к внешним формам церковной жизни подлежит изменению и усовершенствованию». К таковым подлежащим улучшению и усовершенствованию постановлениям канонов, принадлежит и внешнее судопроизводство, которое может быть выделено для независимого от администрации отправления в епархиальном ведомстве (506, 507). Такова существенная мысль г. Соколова о церковных правилах в настоящее время.

Отв.: С этою мыслью г. Соколова невозможно согласиться ни на одну минуту. Для всякого очевидно, что центр тяжести в нынешнем умозрении г. Соколова заключается именно в мысли, что *принадлежность судебной власти епархиальному архиерею относится к внешним формам церковной жизни, подлежащим изменению и усовершенствованию.* Всякий желающий доказать

возможность отделить или отнять судебную власть от архиерея, обязывается доказать именно мысль о принадлежности судебной власти к области внешних форм церковной жизни. Между тем г. Соколов многократно и на разные лады твердя о том, что судебная власть епархиального епископа относится к области внешних форм церковной жизни, – нигде не приводит в подтверждение этой мысли ни одного доказательства, оставляя ее совершенно необоснованною и не доказанною, без сомнения потому, что доказать ее решительно невозможно: противоположные же ей положения могут быть доказаны строгим образом и с несомненностью, именно следующие: 1) что это начало принадлежит к числу существенных и неизменяемых и 2) что даже и в том невозможном случае, если бы было допущено, что оно принадлежит к изменяемым церковным постановлениям, это изменение могло бы последовать только от Вселенского собора.

1) К убеждению в первой мысли приводит: а) самая всеобщность и неизменность идеи и основанного на ней учреждения. В течение всей девятнадцати вековой истории Православной церкви не было времени, когда бы епархиальному епископу право внешнего, юридического суда над клириками не принадлежало. И ныне во всех частных Православных церквах (исключая Сербской с 1862 года) власть сия епархиальному епископу принадлежит, б) Идея, имеющая корни и яснейшие основания во всех существеннейших источниках – в Слове Божием (чтó признает и г. Соколов), в правилах Апостолов, соборов Вселенских и поместных и отцев Церкви и при том раскрытая и изъясненная в сих источниках, как существеннейшая и важнейшая, никаким образом не может быть отнесена к идеям внешних и изменяемых порядков: не в том смысле и духе, и не в тех намерениях во всех сих источниках полагаются основания сей идеи и различные построения ее подробностей, чтобы принадлежать ей к порядку идей изменяемых. И указание г. Соколова на учреждения, упомянутые в Слове Божием и в правилах, которые с течением времени перестали действовать, в настоящем деле не имеют ни малейшего смысла и убедительности, так как некоторые из сих указаний сделаны им ложно (напр. дважды сделанное им указание на то, будто Церковь не нашла неправым изменить заповедь Божественного Откровения о супружестве епископов (Тимоф. 3:2, стр. 511, 497); другие же с рассматриваемым спорным вопросом не имеют ни малейшего соответствия. Г. Соколов утверждает, что было время, когда некоторые церковные учреждения существовали, а потом перестали существовать, или изменились: было время когда Апостолы сами служили трапезам, когда благодатные дары св. Духа преподавались всем крещенным чрез возложение рук Апостольских, когда епископ сам заведывал доходами своей епархии, когда и в малых селениях и деревнях были свои особые епископы, а потом настало другое время, когда все это прекратилось, и выводитъ отсюда такое заключение, что в силу сего может настать время, когда и принадлежащая епархиальному архиерею власть суда над клириками может прекратиться. Строгая логика требовала бы, чтобы были указаны примеры и по существу имеющие соответствие с рассматриваемым спорным предметом, и при обстоятельствах тождественных. Ни то, ни другое г. Соколовым не соблюдено. Апостолы сами служили трапезам и потом сами же перестали служить. Чтó отсюда, на основании этого примера можно выводить в отношении к суду при некотором уважении к требованиям логики? Только одно: Апостолы предоставили епископам право суда над подчиненными им клириками, а потом они же могли это право у них и отнять, чего однако же не сделали. Уразумеет ли г. Соколов, что и право суда не тождественно с правом служить трапезам, и власть Апостолов и по существу и по пространству не тождественна с властью Святейшего синода российской Церкви? Апостолы имели от Божественного Основателя христианства власть совершать многое такое, чего не имеет власти совершать высшая церковная власть, хотя бы и обширнейшей поместной Православной церкви. – „Было время, когда епископы заведывали всеми доходами своей епархии, потом вследствие разных злоупотреблений Церковь нашла нужным установить особую должность при каждой кафедре». Опять, и заведывание имуществом не тождественно со властью суда, и признан нужным контроль (только, а не отнятие власти у епископа) над действиями епископа Вселенскимъ собором (IV, 26), с которым не может равняться власть поместной Православной церкви. Подобный же смысл имеют и другие приведенные им случаи и говорят совершенно против мысли им неправильно развиваемой. Было время, когда некоторые церковные учреждения существовали и потом перестали существовать в силу отменения их подлежащею церковною властью. Но не было времени, когда бы епархиальный епископ не имел власти суда над подчиненными ему клириками, нет ныне власти равной с тою, которая облекла их властью, нет на земле в телесном образе Спасителя

(Матф. 18:15–18), нет Апостолов (1Тим. 5:19–21), нет Вселенских соборов. Следовательно?… Вероятно и г. Соколов согласится, что при таком поставлении вопроса на строго логическую почву нельзя будет заключить, что по его примерам и отнятие судебной власти у епископа будет возможно, в) Не может принадлежать это начало к числу внешних, изменяемых порядков и по тому соображению, что с допущением этой мысли неизбежно следовало бы допустить, что и правительственная власть епархиального архиерея относится к тому же разряду внешних, изменяемых порядков. Это две стороны одной и той же власти, и обе они и по происхождению и по существу одинаковы. Обе в отношении к епископу одинаково Божественного происхождения; и если признаем, что судебная власть епископа над подчиненными ему клириками не Божественного происхождения, то сейчас тоже самое должны будем допустить и в отношении к правительственной, административной власти епископа. Если беспрепятственно можно отделить от епископа судебную власть, то никаких не окажется препятствий и к освобождению его от трудов правительственных, административных, т. е. к уничтожению власти епархиального епископа по обеим ее частям и сторонам. Административная деятельность действительно представляет более внешнего, чем судебная. И если бы признано было возможным отделить судебную власть от архиерея, то вслед за сим г. Соколов и К° потребовали бы, чтобы и правительственная власть от архиерея была отделена, как еще более внешняя, чем судебная. Связь обеих частей власти самая существенная и тесная; и все существенные черты и свойства одной власти в равной мере принадлежат и другой.

2) Впрочем, даже и в том невозможном случае, если бы принадлежность судебной над клириками власти епархиальному архиерею была признана относящеюся к области внешних церковных порядков, и в этом случае отделение этой власти от епархиального архиерея и поручение другим независимым от него органам, по всем бесспорным основаниям, могло бы последовать только по действию власти или высшей той, которою уполномочен епископ иметь судную над клириками власть, или же равной с нею. И это не какая-нибудь произвольная теория, но общая, непререкаемая, юридическая и каноническая аксиома, твердо сохраняемая законодательствами всего мира (См. напр. „Основ. законы Росс. импер.” в 1 том. „Свод. зак.”). С этим согласен и г. Соколов. „Православная церковь, говорит он, различает между самыми канонами те, которые относятся к существу церковного устройства и жизни, и те, которые были вызваны историческим положением Церкви, предназначались только *для временного употребления* в ней. *Относительно последних* она признает за собою право видоизменять их сообразно с потребностями, отменять и дополнять, действуя при этом сообразно с общими началами и духом Вселенского церковного законодательства. Но, повторим опять, она не признает этого права ни за какою внешнею властью, не усвояет ее никому в отдельности, ни одному из самых высших своих иерархов, *но только власти равной по правам с тою, которая установила эти законы, т. е. соборной* (и если правило Вселенского собора, – то Вселенским собором). „На этом основании Церковь никогда не смешивала соборных, канонических своих определений с какими-либо другими постановлениями и, как бы велико ни было фактическое значение последних в известный период и при известных обстоятельствах церковной жизни, она никогда не усвояла им такого высокого канонического авторитета, как первым» („Прав. обозрен.” 1870, 2, 589). Судебная над клириками власть епархиальному епископу принадлежит на основании Апостольского полномочия (1Тим. 5:19–22), Апостольских правил и правил Вселенских соборов. Следовательно, и отделена от епископа может быть только властью равною установившей. А таковой власти не имеет ни одна поместная Православная церковь. На твердом и неизменном соблюдении этого принципа держится неизменно единство Православной церкви, разделяемой на несколько отдельных поместных, автокефальных Церквей: и в этом ее сила. Каждая автокефальная Православная церковь независима от другой такой же; но все зависимы от правил Апостольских и соборных; все одинаково соблюдают и признают их неизменяемыми согласно в одних и тех же существенных пунктах, и ни одна автокефальная поместная Православная церковь не почтет себя имеющею власть отменить правило Апостольское или Вселенского собора, признаваемое прочими автокефальными Церквами за неизменное. Все они единоумно и единонравно согласны между собою в отношении к существенным (каково и рассматриваемое) положениям и началам церковных правил, так что излишни были бы даже сношения и вопросы одной Церкви у другой об этом предмете.

„Вследствие основного устройства Вселенской церкви Христовой», пишет преосвященнейший Макарий, „естественно происходит совершенное ее единство, когда все

частные *паствы, покоряясь своим пастырям,* так сказат, *сосредоточиваются каждая в своем епископе; а епископы безусловно покоряются одним и тем же узаконениям Вселенских соборов и в своем учении, и в своих священнодействиях, и в своем управлении“* („Догмат. Богосл.” III, 301).

„Непрерывность и неизменность предания», пишет преосвящ. Иоанн („Оп. кур. цер. зак.” I, 50–52), „делает то, что *Православная церковь во все времена и во всех местах сохраняет* тоже чистое исповедание веры, те же правильные священнодействия, *те же основные законы своего благоустройства, то же священноначалие, какие получила в самом начале своего устроения на земле. Это единство, образующее всегда единый дух Православно-кафолической церкви, составляет важнейшую опору ее целости и внутренней чистоты, и главный характер или признак единой истинной Церкви Христов ой* (Еф. 4:4–6). Прекрасно это единство истинной Церкви изображает св. Ириней: „предстоятели Церкви, обходя всю вселенную, твердо блюдут предание Апостольское и показывают нам, что все имеют одну и ту же веру, все исповедуют одного и того же Отца и признают одну и ту же цель воплощения Сына Божия, одни и те же дарования духовные; *руководствуются одними и теми же правилами и одним и тем же законом в управлении и чиноположениях церковных.* Отступление же какой-либо частной автокефальной Церкви от единения со всеми прочими автокефальными Православными церквами, чрез отмену или изменение какого-либо существенного начала (напр. принадлежности епархиальному епископу судебной над клириками власти), есть удаление от начала единения, могущее иметь не безвредные для всей Православной церкви последствия. Г. Соколов может быть знает и припомнит историю Пальмера. В отступлении от правил Вселенских соборов – слабость Православной церкви. При осуществлении меры, предлагаемой г. Соколовым, властью каждой отдельной автокефальной Православной церкви возможно такое положение, что Русская церковь *отделит от архиерея судную над клириками власть,* Константинопольская – правительственную, Православная Австрийская соборную форму церковного управления, а Церковь Еллинского королевства – признает возможным „отчислить иерархию со всем кругом ее церковных отношений из ведомства церковного суда“; так как суд церковный относится по понятиям г. Соколова, к области внешних порядков Церкви. Сего, Богу милующу святую Церковь свою, доселе еще не бывало. Правило обязательное для всех частных Православных церквей и во всех их действующее, не было отменяемо и не может быть отменено односторонне, которою-либо из автокефальных Церквей. *Иерархия Православной церкви повсюду правит верующими по правилам святых Апостолов и другим их преданиям в ней сохраняющимся* („Догмат. Богосл.” преосвящ. Макария III, 319 – 320). *Предстоятели Церквей,* учит св. Ириней, *обходя всю вселенную, твердо блюдут предание Апостольское, руководствуются одними и теми же правилами и одним и тем же законом в управлении и чиноположениях церковных. И таким образом учение Церкви истинно и постоянно, потому что в ней для целого мира показан один путь ко спасению* (Преосв. Макария „Догмат. богосл.” III, 320, 321).

В виду всего сказанного никаким образом невозможно согласиться с г. Соколовым, чтобы принадлежность судной над клириками власти епархиальному архиерею относилась к разряду правил внешнего порядка, к изменению которых было бы компетентна каждая отдельная автокефальная Православная церковь. Учреждение, основанное на слове Божием, раскрытое и изъясненное в правилах Апостольских, соборных и отеческих, и единою мыслью, и единым сердцем без малейших прекословий во всей Православной церкви соблюдаемое во все века ее бытия, – принадлежит к разряду таких учреждений, которые могут быть отменяемы только высшею церковною властью всей Православной церкви, то есть Вселенским собором. Г. Соколов находит, что изменение и такого учреждения не выходит из компетенции власти каждой отдельной, автокефальной Православной церкви, например, русской, афинской, румынской и т. д., с чем решительно невозможно согласиться. Правило Апостольское, правило Вселенского собора или поместного и отца Церкви, но утвержденное Вселенским собором, неизменно соблюдаемое во все времена Православной церкви – может быть отменено только властью Вселенского собора, но не властью одной поместной автокефальной Церкви, хотя бы и такой обширной как русская. Так думал и г. Соколов в 1870 г., как видно из представленной выше выписки и им не опротестованной. Ныне он думает иначе и полагает, что частная автокефальная Православная церковь компетентна на изменение и такого правила. Должно думать, что Русская церковь вполне компетентна на изменение только тех правил, которые в ней получили начало, и не компетентна на изменение правил Апостольских и Вселенских соборов. Г. Соколов простирает

компетенцию Русской церкви и на изменение, или даже отмену и правил Апостольских и Вселенских соборов, с чем никогда невозможно согласиться.

Дабы вернее достигнуть своей цели и убедить читателей в беспрепятственности отнять судебную власть у епархиального архиерея, во-вторых, бумагах своих г. Соколов признал за нужное умалить права и власть архиерея и с сею целью он выставил, развивал и доказывал следующие положения:

На вопрос: *от кого пресвитеры, имеющие судить в епархии, получат судебную власть, когда с отделением от епархиального архиерея судебной над клириками власти, епархиальный архиерей этой т. е. судебной над клириками власти иметь не будет?* Г. Соколов отвечает: этот вопрос есть совершенно праздный, придуманный только для того, чтобы запутать очень ясное дело; и затем разрешает его следующим образом: „Они получат его, т. е. ее от собора епископов чрез того же епископа, который преподает это право и теперь". Как просто, в двух строках все разрешено. Но г. Соколов упустил при этом из виду одно не важное обстоятельство: теперь пресвитеры получают власть суда от епископа, который имеет судебную над клириками его епархии власть, а при осуществлении его предположений епархиальный епископ не будет иметь судебной над клириками его епархии власти. Как же он преподаст им то, чего сам не имеет? Может ли другому преподать то, чего сам не имеет? Г. Соколов, почитающий это возможным, должен бы представить хотя один пример такого права, или части власти, которые епископ пресвитеру преподавал бы, а сам однако же не имел бы. Ни одного такого права нет и быть не может. Г. Соколов, конечно, не знает иерейской ставленной грамоты, когда высказывает такую мысль. В этой грамоте архиерей свидетельствует: „посвятили мы во иерея и *утвердили ему власть* тайнами святыми совершати человека, в жизнь христианскую духовную крещати, миропомазывати, исповедывати, литургисати, венчати по воле и согласию мужа и жены и елеосвящение над болящими совершати, над здравыми же никакоже дерзати творити, и все церковные последования и чины действовати, яко служителю Христову и строителю таин Божиих. *Подобает же ему иерею... исповедавших ему своя совести вязати и решити благорассудно по правилам святых Апостол и учению богоносных отец, по уставу же святой Восточной церкви,* и по нашему постановлению и повелению: вящшые же и неудоборассудные вины предлагати нам". Все эти права, которые архиерей преподает иерею, он имеет и сам, и по одному из этих прав *составляющему основание и корень* („Прав. обозр." 1871, ноябрь, 690) *судной власти,* иереи находятся под непосредственным и особенным руководством архиерея. Указание Г. Соколова на то, что и теперь имеет право судить каждый пресвитер – член консистории, совсем не достигает предположенной им цели: ныне имеет, потому что и архиерей имеет и ему поручает („Прав. обозр." 1870 г., 2, 598, 604 статья г. Соколова). А как будет иметь пресвитер судную власть, когда архиерей иметь ее не будет? Вот в чем вопрос, которого и нельзя разрешить так, как разрешает г. Соколов. Власти судить епископ иметь не будет; а преподавать эту власть пресвитерам будет. Это что-то очень мудрено и г. Соколов должен бы эту мудреную вещь приблизить к разумению обыкновенных смертных.

Кроме указанных, г. Соколов представляет и другие соображения, имеющие целью приводить к убеждению, что отнятие у епархиального архиерея судебной власти вообще или только в епархии может быть произведено церковною властью без затруднения. Он говорит: „Епископ прежде всего существует в Церкви, как орган и раздаватель высших духовных прав ее иерархии, потом в епархии, – как определенном условными географическими пределами округе, поручаемом его ведомству, – высшею церковною властью. *Объем округа, объем прав и полномочий, предоставляемых в нем лично тому или другому епископу, может быть разнообразен по усмотрению высшей церковной власти.* Но существенные права, принадлежащие его сану, одни и те же, и тем или другим распределением внешнего проявления этих прав, они не колеблются ни мало, не нарушаются и уже никак не отнимаются"…. Затем, в разрешение вопроса: почему в одном месте (т. е. в епархии) епископ не судит и откуда получает право судить переходя в другое (т. е. в Синод), – г. Соколов отвечает: „потому что *высшая церковная власть имеет полное право распределять судебную деятельность* между своими органами в различном объеме, в различных инстанциях и на различных местах, *следуя указаниям нужд Церкви и своим собственным соображением: назначить того или другого епископа быть членом высшей синодальной или окружной инстанции, и он будет судить в них; найдет нужным для блага Церкви, чтобы епископ не вмешивался в судебные отправления двух низших инстанций, и он не будет судить в них".* („Прав. обозр." ноябрь 1871. 691, 692).

Отв. От всякого сколько-нибудь понимающего дело, можно и должно требовать знания, что объем прав и полномочий, предоставляемых в епархии тому или другому епископу, не может быть разнообразен по усмотрению высшей церковной власти: одни и те же права и полномочия предоставлены высшею церковною и государственною властию – архиерею рязанскому, ярославскому, калужскому, смоленскому, и всем до единого, ни более, ни менее одному против другого, один для всех устав, те же для всех и каждого законы, одна и та же для всех архиерейская грамота; одно все пред хиротонией дают обещание. И все это по простой, но ускользнувшей от внимания г. Соколова причине: все епископы, по значению своего сана и духовной власти равны между собою, потому что и Апостолы получили от Иисуса Христа общие и равные права власти: Петр не больше Иоанна, а Иаков не меньше Петра (Иоан. 20:21–23. Гал. 2:6–11). Прекрасно в связи с мыслью о единстве Церкви поставляет и выражает Св. Киприан мысль и о тождестве прав и власти каждого епископа. „Апостолы все были одарены равною мерою чести и власти, все были пастырями, пасущими одно стадо Христово. Единство Церкви, говорит он, надлежит крепко поддерживать и отстаивать нам, особенно *епископам*, *которые председательствуем* в Церкви, дабы показать, что и самое епископство одно и нераздельно. Пусть никто не обманывает братства ложью! Пусть никто не подрывает истины веры вероломною изменою. *Епископство одно и каждый из епископов целостно* (а не по частям, один более, другой менее) *в нем учавствует.* Также и Церковь одна». („О единстве Церкви” 173, 174). Согласно с сим и ныне по догматическому учению Православной церкви „в церковной иерархии нет степени выше степени епископской. *Епископы же все равно суть преемники Апостолов. И как Апостолы приняли от Господа и имели одинаковую честь и власть, так и преемники их имеют одинаковое достоинство*, где бы они ни обитали, в Риме ли, или Константинополе, или Александрии, или еще где» (Преосвященнейшего Макария „Догмат. богослов.” III, 299, 300 основ. на учении Св. Киприана и бл. Иеронима; ср: Преосв. Филарета Черниг. „Догм. богосл.” 426). Не бывало в истории Православной церкви примера, чтобы один православный епархиальный епископ имел более или менее прав в качестве епархиального епископа, чем все прочие епархиальные епископы: потому что объем прав и полномочий, предоставляемых епархиальному епископу в епархии, определяется не усмотрением высшей церковной власти, а догматическим учением Церкви, церковными канонами и законами для всех епархиальных епископов одинаковыми, а для высшей церковной власти обязательными. Такого же свойства и достоинства и последние рассуждения г. Соколова. *Назначит высшая церковная власть того или другого епископа быть членом высшей синодальной или окружной инстанции, и он будет судить в них; найдет нужным для блага Церкви*, *чтобы епископ не вмешивался в судебные отправления двух низших* (т. е. епархиальных), *инстанций и он не будет судить в них.* Здесь г. Соколов воображает высшую церковную власть каким-то вольным учреждением, которое ничем не стесняясь, ничем не ограничиваясь, может творить, что хочет, руководясь только нуждами Церкви и своими собственными соображениями. Есть еще нечто такое, чем высшая церковная власть руководствуется в своей деятельности и от чего не отступает: *Слово Божие и правила церковные.* В виду этих то оснований деятельности церковной власти и открывается возможность рассуждать о том, может или не может церковная власть сделать то или другое. Выставленное г. Соколовым положение, будто высшая церковная власть имеет полное право распределять судебную деятельность между своими органами в различном объеме, в различных инстанциях и на различных местах, следуя только указанию нужд Церкви и своим собственным соображениям, могло бы приводить и к такому заключению, что церковная власть может, на основании указанных соображений, поручить производство в Церкви суда причетникам.

В ответ на вопрос о существе и основании принадлежности церковно – судной власти епархиальному архиерею, Г. Соколов развивает свою новоизобретенную теорию *епископства in toto* в противоположность отдельному епископу. Сущность этой теории, по изложенію г. Соколова, состоит в следующем: „отдельный епископ никак не может быть назван источником, или средоточием всех духовных прав христианина, или служителя Церкви, не в нем полнота священноначалия в Церкви, не он представитель законодательной власти, не в нем источник хиротонии, не он корень и основание судной власти в Церкви. Все эти права верховные в своей полноте и независимости принадлежат собору епископов, епископству in toto, а не отдельному епископу. Последний в духовной жизни Церкви есть орган, раздаятель духовных прав, а не источник их; в правах внешней юрисдикции он является посредствующим звеном в иерархическом союзе с Церковью и с епископством, а не полновластным господином этих прав;

в отношении к законодательной власти, принадлежащей епископству, он есть исполнитель и блюститель исполнения постановленных епископством законов. Ему, как органу епископства, предоставлено сообщать чрез хиротонию сан пресвитерский, но он не может без епископства лишить этого сана; вся его деятельность, в предоставленных высшею церковною властью пределах, совершается под надзором епископства, пред которым он ответствен в употреблении предоставленных ему прав. “ („Правосл. обозр.” 1871 г. ноябрь 695).

Такова новоизобретенная г. Соколовым теория. Доказательство в пользу этой теории приводится одно – именно то, что употребление священно-начальственных прав или прекращение их не связаны с личностью того или другого епископа, который может умереть, быть отсечен от Церкви, уволен от управления, но пресвитеры, получившие чрез него свои иерархические права, несмотря на все это, сохраняют их в полной силе и неприкосновенности и не нуждаются в новом их подтверждении. Других доказательств г. Соколов не представляет.

Отв. Эта теория без малейшего колебания должна быть признана совершенно ложною, утвержденною не на твердых доказательствах, а на пустых софизмах и недоразумениях. Епископ не комиссионер, не приказчик епископства, как старается представить г. Соколов, а есть обладатель Божественных иерархических прав, утверждающихся на Божественном полномочии, прав, которых не может без суда у епископа ни отнять, ни даже ограничить целое епископство не только поместной Православной церкви, но и всей Православной церкви, потому что имеет эти права епископ не но поручению епископства, а по Божественному полномочию, на основании слова Божия; не может преподать их ему в каком-нибудь ином виде и объеме, кроме ясно и точно определенного Словом Божиим и канонами. Если бы от поручения епископства исходили права отдельного епископа, то и объем этих прав мог бы изменяться. И однако же никогда этого не бывало, никогда епископство не присвояло себе власти изменять объем прав отдельного епископа, потому что справедливо почитало права отдельного епископа основанными на высшем полномочии, которого не могло касаться.

Г. Соколов проповедует, что епископ никак не может быть назван источником духовных прав христианина; а догматико-символические книги Православной церкви учат нас именно, что *архиерей есть источник Божественных таинств и дарований по силе Святого Духа* (Посл. Вост. патр. гл. 10).

Г. Соколов говорит: *ему* (т. е. отдельному епископу), *как органу епископства*, *предоставлено сообщать чрез хиротонию сан пресвитерский,* и говорит чистую неправду. И в этом с несомненностью он может убедиться, если просмотрит нижеследующие выписки из двух грамот архиерейской и иерейской. В первой из сих грамот читаем следующие слова: *Божиею милостью Святейший Правительствующий Всероссийский Синод. Великий Архиерей – Господь Бог и Спас мира Иисус Христос, положивши в Церкви Своей Апостолы, Пророки и Учители, Той спасительным Своим промыслом устрои быти пастве Богоспасаемых градов NN , в нюже архимандрит NN от Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода избран и Благочестивейшим, Самодержавнейшим Великим Государем Императором Александром Николаевичем всея России утвержден и определен быти Епископом: по чиноположению же Святой Апостольской Восточной Церкви, содействующу всесовершающему и Всесвятому Духу в лето…. во граде…. синодальными членами NN рукоположен. Потщися убо, о епископе, и т. д. Прочее, неточию воспоминай, но и напиши на скрижали сердца твоего изреченное тобою пред Богом и Церковью*, *при хиротонии твоей*, *клятвенное обещание, во еже сохранити е без лицемерия, ничесоже творя по уклонению*, *даже до явления Господа нашего Иисуса Христа. Во свидетельство же, яко рукоположен еси епископ Богоспасаемых градов NN дадеся тебе грамота сия, руками нашими подписанная и печатию Святейшего Правительствующего Синода утвержденная.* В ставленной иерейской грамоте читаем: *Божиею милостию смиренный NN епископ NN . По благодати дару и власти Всесвятого и Живоначального Духа*, *данней нам от самого великого Архиерея Господа нашего Иисуса Христа, чрез Святые и Священные Апостолы и их наместники и преемники, благоговейнейшего сего мужа NN всяким первее опасным истязанием прилежно испытавше и достоверными свидетельствы, наипаче духовного его отца о нем уверившеся, по обычаю и чину Святой Апостольской Восточной Церкви, благословением и рукоположением нашим, содействующу томужде Животворящему и Всесовершающему Святому Духу, посвятили мы во иерея и утвердили ему власть и т. д.... Подобает же ему по нашему повелению и по своей должности....* Есть ли здесь, в этих документах хотя одно слово, хотя одна буква о том, что

епископу, как органу епископства, предоставлено сообщать чрез хиротонию сан пресвитерский? По первому из этих документов епископ избирается Св. синодом и утверждается Государем Императором, власть же и благодать архиерейства получает от великого Архиерея Господа Бога и Спаса мира Иисуса Христа, положившего в Церкви Апостолов, Пророков и Учителей, содействующу всесовершающему и Всесвятому Духу. По второму епископ по благодати, дару и власти Всесвятого и Живоначального Духа, данной ему от Самого великого Архиерея Иисуса Христа (а не от епископства), чрез Апостолов и их преемников, посвящает благоговейных мужей пресвитеров. Никакого даже малейшего намека на то, будто епископу, как органу епископства, предоставлено сообщать чрез хиротонию сан пресвитерский, в этих документах нет.

К раскрытию и объяснению теории *епископства in toto* принадлежит с особенным натиском употребляемое г. Соколовым в октябрьской и ноябрьской статьях 1871 г. обозначение образа преподания священных прав епископом пресвитеру. Источник всех иерархических прав, по мнению г. Соколова, в соборе епископов; от собора епископов они преподаются пресвитеру *чрез* отдельного епископа (515, 692, 695 и др.). Опять собственно мудреные измышления г. Соколова, не имеющие ни малейшего основания ни в чем, кроме его изобретательной фантазии. Из иерейской грамоты, буквально приведенной выше, ясно, что благодать, дар и власть Всесвятого и Живоначального Духа даны епископу от самого великого Архиерея, Господа нашего Иисуса Христа *чрез* святые Апостолы и их наместники и преемники. От епископа же, а *не чрез* епископа от епископства преподается пресвитеру священно-начальственная власть. И сие ясно из документа, авторитет которого, конечно, не будет подвергнут ни малейшему прекеканию. В молитве, тайно глаголемой при хиротонии пресвитера, епископ молится: *Сам Владыко всех и сего, его же благоволил еси проручествоватися от мене* (а не чрез мене от епископства) *в непорочном жительстве, и неуклонной вере благоволи подъяти великую сию благодать Святого Твоего Духа* и т. д. *Ἀυτὸς Δέσποτα τῶν ἁπάντων καὶ τῷτου ὂν ἑδοκήμασας προχειρισθῆναι παῤ ἐμῷ* (а не *δἰ ἐμῷ*). А чтобы еще яснее было это различие, нужно сравнить с этою формулою, формулу, содержащуюся в молитве при хиротонии епископа. (*А υτὸς , δέσποτα , τῶν ἁπάντων, καὶ τ ῷ τον τὸν ψηφισθέντα, ὑπ εισελθεῖν τὸ ευαγγελικόν ζυγὸν, καὶ τὴν ἀρχιερατικὴν ἀξιαν διὰ τῆς χειρος ἐμῷ τῷ ἁμαρτωλῷ, καὶ τῶν συμπαροντων λειτῳργῶν συνεπισκόπων, τη ἐπιφοιτήσει καὶ δυνάμει καὶ χάριτι, τῳ ἁγιῳ σῳ πνεύματος ἐνίσχυσον, ὡς ἐνίσκυσας...* Предлог *чрез,* на который так напирает г. Соколов, употреблен совсем не в том месте, где указывает его г. Соколов, а в другом – не о епископе, а о епископстве. Отношение епископа к епископству in toto, т. е. ко всем епископам Православной церкви, в документах изображается не так, как у г. Соколова. В архиерейском обещании отношения сии определяются весьма ясно и точно. Здесь хиротонисуемый во епископа говорит: *обещаюся.... повиноватися всегда Святейшему, Правительствующему Всероссийскому Синоду, яко правильной власти: и преосвященным митрополитом, архиепископом и епископом братии моей во всем согласну быти и купночинну* (а не подчиненну) *по Божественным законам и священным правилом св. Апостол и св. отец, и любовь вседушно к ним имети и яко братию почитании.* Документы не оставляют ни малейшего сомнения в томъ, что епископ по благодати, дару и власти, данным ему от Христа Спасителя посвящает пресвитеров, а не по поручению епископства исполняет ему порученное: разница между тем и другим положением громадная. И если держаться документов, то изобретатель новой теории епископства in toto не будет прав.

Впрочем, г. Соколов, никогда, даже в самых яростных и радикальных своих отрицаниях не действовал бесповоротно, а всегда тутъ же, рядом, высказывал признания самые консервативные, совсем противоположные напускному, позднейшему радикализму: до того сильно еще над ним веяние здравых начал старины. И здесь, в этой новой теории епископства *in toto* проторгается старый, здравый слой. Г. Соколов пишет: „из свойств канонической соборности власти церковной и всего епископства должен быть сделан такой вывод: как вся *судная власть* в Церкви усвояемая епископству in toto, непременно обусловливается соборностью, как средняя степень ее, окружная, обладающая меньшею частью *всей власти,* также непременно обусловливается соборностью, также точно и еще *меньшая часть этой власти, принадлежащая епископу в отдельности,* должна проявляться в соборной же форме, т. е. непременно при обязательном содействии пресвитеров и под контролем и поверкою высшего собора” („Прав. обозр.” 1871, апрель, 575). „Епископ судит пресвитера, как собор судит епископа” (579). Чего же еще? Слава Богу о всем и о сем! Хоть где-нибудь, хоть когда-нибудь судит епископ пресвитера. И Слава Богу!

Низводя епископа во власти хиротонии до простого исполнителя поручений епископства, г. Соколов подобным же образом низводит его и в отношении к судебным правам и власти, и также совершенно неверно. *Он* (т. е. отдельный епископ) *не может без епископства лишить пресвитера пресвитерского сана,* говорит г. Соколов и говорит опять совершенную неправду. Не говоря уже о правилах, по которым пресвитеры извергаются от сана их епископом (Антиох. 4, 6 и др.), довольно указать на нынешний порядок, определенный уставом консисторий. В ст. 181 сего устава читаем: *священнослужители, присуждаемые решениями епархиального начальства к лишению сана, допускаются к объявлению удовольствия или неудовольствия на таковые решения. Если подсудимый объявит удовольствие, или не объявит неудовольствия, решение приводится в исполнение и об оном доносится Святейшему синоду к сведению.* Кажется ясно, что может отдельный епископ без епископства лишить пресвитера пресвитерского сана.

Сколь неверны положения, раскрываемые г. Соколовым, столько же неосновательно и приводимое в подтверждение их доказательство. „Что не в отдельном епископе корень и источник священноначальственных прав", аргументирует он свои положения, „это ясно видно из того, что употребление этих прав или прекращение их не связаны с личностью того или другого епископа; он может умереть, быть отсечен от Церкви, уволен от управления». Если бы это доказательство могло иметь хотя малейшую силу, то разом оказалось бы, что нет никаких на земле учреждений, имеющих в себе корень и источник своих прав, ибо каждый из людей может умереть. И представитель верховной государственной власти смертен, след., по логике г. Соколова, выйдет, что корень и источник верховной власти не в нем. Корень и источник прав, конечно, не в лицах смертных, а в идеях не умирающих, в учреждениях, утверждающихся на этих идеях, и в настоящем случае корень и источник священноначальственных прав каждого епископа заключается в благодати Святого Духа и Христа, как это видно из ставленной иерейской грамоты. И поэтому-то не приходится запирать Церкви, когда епископская кафедра какой-либо епархии остается незамещенною. Идея епископа вечна, и власть его продолжится до конца веков: носители идеи – люди – смертны.

Г. Соколову сделано было замечание: при устроении епархиальных судов из одних пресвитеров, без участия в них епископов, оказалось бы, что они отнимают не ими данное, когда присуждают к лишению священства, которое преподают не пресвитеры, а архиерей. Г. Соколов отвечает, что по его плану не так. По его плану епархиальные суды, состоящие из одних пресвитеров, будут конечно приговаривать ко всем наказаниям; но не все приговоры их будут окончательны, а некоторые, определяющие тяжкие наказания, будут подлежать обжалованию чрез протест и апелляцию, а приговоры, определяющие крайние наказания: отрешение от должности с низведением в причетники и лишение сана, будут восходить еще на ревизию высшей соборной власти епископов („Прав. обозр." 1871 г. ноябрь 697). Таков план, а вот и доказательства: „поэтому плану, говорит г. Соколов, не усвояется пресвитерам ни одного такого права, которым и теперь не облекала бы их высшая власть церковная. Право оштрафования денежного, и даже удержания от священнодействия или требоисправления предоставляется и теперь даже одному пресвитеру благочинному» (см. издан. Свят. синодом инструкцию благочинному § 57).

Отв.: Г. Соколов говорит неправду и доказательство приводит не имеющее силы. Все права, усвояемые, по его плану, пресвитерам, новые и ныне им не принадлежащие: ибо ныне ни к какому наказанию (кроме внушения при причте) ни один пресвитер, ни коллегия пресвитеров не может приговорить другого пресвитера без утверждения приговора епархиальным архиереем. Ссылка же на инструкцию благочинным обличает незнание г. Соколова. По благочиннической инструкции ни право оштрафования денежного, ни право удержания от священнодействия или требоисправления не предоставляется благочинному и 57 §, на который ссылается он в инструкции нет: всех §§ в ней только 52 [22].

По вопросу о лишении пресвитеров пресвитерского сана г. Соколову было замечено, что при устранении епархиального епископа от суда в епархии, пресвитеры или будут лишаемы сана пресвитерами же или должно будет ввести ревизионный порядок, так чтобы все дела сего рода восходили до Святейшего синода. Г. Соколов возражает на это: „по вопросу о лишении сана пресвитера, даже если бы и епископ участвовал в суде епархиальной инстанции (как это существует теперь), приговор, по канонам Церкви и существующей практике, не мог бы быть окончательным и подлежал бы рассмотрению и утверждению собора епископов. Против этой очевидности фактов нечего было возразить моему критику, и он, забывая каноны, ищет защиты в

новых судебных уставах 1864 года, хотя они, как произведение современных научных требований и потребностей современной жизни, не должны бы служить для него авторитетом, даже едва ли могут быть сочувственны ему по своим принципам. Он говорит, что переносить дело в таких случаях (т. е. по вопросу о лишении священства) в Святейший синод значило бы войти в коренное противоречие с началами судебных уставов 1864 года, которыми ревизионный порядок восхождения дел из низшей инстанции в высшую отменен и дела восходят только по апелляциям и протестам прокуроров. Что же? значит в согласии с судебными уставами нужно предоставить одному архиерею право лишать пресвитера священного сана и не подвергать его приговор рассмотрению и утверждению собора еппскопов? Нет, г. критик, я пойду в этом случае против судебных уставов и в согласии с канонами и церковною практикою буду настаивать, чтобы подобные приговоры, будут ли они составлены в епархиальном суде с участием епископа или без его участия, непременно рассматривались и утверждались собором епископов, ибо только он, как источник прав сообщаемых пресвитеру чрез епископа, может и лишать этих прав“ („Правосл. обозр.” ноябрь 1871 г. 698).

Отв. Во всем этом г. Соколов решительно неправ. И помощи он себе ищет там, откуда решительно не может получить. Ни каноны, ни нынешняя церковная практика не знают ревизионного порядка восхождения дел в случае приговоров о лишении сана. В канонах нет ни одной буквы о ревизионном порядке и указывается только один порядок восхождения дел сего рода, из низшей инстанции в высшую, апелляционный, – по жалобам подвергшихся приговору (Сардик. 14. Карф. 11 и др.). Причина весьма проста: ревизионный порядок восхождения дел есть принадлежность следственного процесса; каноны же получили начало во время господства процесса обвинительного, и потому в них не могло быть и речи о ревизионном порядке. Ревизионный порядок восхождения дел есть принадлежность следственного процесса и невозможен в процессе обвинительном, где суд возбуждается к деятельности только двумя стимулами – обвиняющею стороною, или обвиняемою; и без этих стимулов не может приступать к деятельности. Нет этого порядка и в нынешней практике по делам о лишении сана. В 181 ст. „Устава консисторий”, приведенной выше, точно определяется, что дела о лишении сана от епархиального суда могут восходить в Святейший синод только *по апелляционному отзыву приговоренного к лишению сана;* без этого отзыва приговор епархиального суда приводится в исполнение без ревизии Святейшего синода. Прежде не приведено было указания на каноны и нынешнюю практику не потому, чтобы нечего было сказать против этой очевидности фактов, как объясняет дело г. Соколов, ибо никакой ни очевидности, ни неочевидности не было, как и самых фактов, но по предположению, что каноны и нынешняя практика ему известны. На деле же оказывается, что он канонов и практики не знает, а связи и основания – почему право лишать пресвитера священного сана принадлежит одному архиерею, а не собору архиереев, не понимает. Это по той простой причине и очевидной, что и преподается священный сан пресвитеру одним епископом. Как преподается одним, так и отнимается одним же. И если г. Соколов будет требовать, чтобы пресвитер был лишаем сана по приговору собора епископов, то он должен будет непременно требовать, чтобы и поставляемы были пресвитеры собором епископов. Если он будет требовать и доказывать, что пресвитер может быть лишаем сана пресвитерами без архиерея, то и посвящение пресвитера должно быть совершаемо не архиереем, а пресвитерами. Связь между тем и другим самая тесная и разорвать ее нельзя: испортишь все. По сему же, по этой тесной связи обоих актов, именно акта преподания пресвитеру благодатных даров чрез хиротонию с актом лишения его сих даров, всегда и требуется, чтобы оба акта были совершаемы одною и тою же властью своего архиерея или его преемника. По сему же допущение мысли, чтобы акт извержения был совершаем при некотором участии какого-нибудь (только не епархиального) архиерея, не будет согласно с канонами, которые право извержения и отлучения усвояют только *епархиальному,* а не какому-либо стороннему архиерею, и напротив положительно и многократно осуждают вмешательство стороннего архиерея в дела епархии другого архиерея, как незаконное, епархиального архиерея унижающее и оскорбляющее, мир Церкви возмущающее. Сила не в том, чтобы в суде был какой-нибудь архиерей, а чтобы именно епархиальный, как раздаятель благодатных даров своей Церкви и пастве. Этот акт есть такой же (только в отрицательном смысле) акт, как и преподание даров священства; следовательно, и совершаем должен быть теми же лицами, которыми и первый акт – хиротония, т. е. епархиальным архиереем и подчиненными ему клириками; и даже порядок его должен быть такой же, по возможности, т. е. торжественный и *гласный*, устный, а не

канцелярски-бумажный. Новый судебный процесс даст возможность к согласованию обоих актов – акта торжественного посвящения и столько же торжественного и гласного извержения. Посвящение совершает епархиальный архиерей с клириками и извергает епархиальный же архиерей председательствующий в коллегии подчиненных ему пресвитеров, древней пресвитерии. То и другое торжественно, гласно пред всеми, ибо как в первом, так и во втором акте нет ничего такого, чтó следовало бы скрывать от всех. Публично и торжественно посвящение, публично все служение клирика, не тайный грех, или преступление; ничто не препятствует, чтобы публичный был и суд.

Наконец г. Соколов в ответ на сделанные указания о неблагоприятных толкованиях, какие могут дать предполагаемому отнятию судебной власти у епископа западные ревнители соединения с Православною церковью, наши раскольники и римские католики, отвечает в пророческом духе, что ничего этого не последует со стороны первых двух указанных ревнителей старины истинной и мнимой; на римских же католиков, если бы с их стороны и последовало чтò, не должно обращать внимания.

Г. Соколов полагает, что предлагаемая им мера отнятия судебной власти у епископа Деллингером будет одобрена. Г. Соколов возлагает большие надежды на этого нового папу Православной церкви и почитает его своим единомышленником; но едва ли не напрасно. Когда он писал свою статью, он вероятно еще не читал программы старокатоликов, подписанной Деллингером; хотя особенно важный пункт этой программы, именно нижеследующий, напечатан и в том же „Православном обозрении” за месяц до появления в печати его ссылки на Деллингера („Прав. обозр.” 1871 окт. 533). Из второго пункта этой программы, приведенного буквально выше, г. Соколов может несомненно убедиться, что Деллингер не будет за него. В этом пункте весьма ясно говорится, что старокатолики, а, следовательно, и Деллингер, *твердо держатся древнего устройства Церкви и отвергают всякую попытку отнять у епископов право непосредственного и самостоятельного управления частными Церквами.* Ожидание г. Соколовым одобрения Деллингера нам представляется совершенно неосновательным, как это видно из подписанной Деллингером программы, приведенной нами выше. Из нее видно, что этот новый папа и судия в делах Православной церкви не будет за г. Соколова и не признает правильным отнятие судебной власти у епархиального епископа. Он держится древнего церковного устройства, а не *современных* требований г. Соколова.

Точно также едва ли справедливы и надежды, возлагаемые им на раскольников. Едва ли справедливо ожидает он, что раскольники скажут большую благодарность высшей церковной власти, если она примет и проведет эту меру, т. е. лишит епископа судебной власти („Прав. обозр.” ноябрь 701). Если не пророчествовать, а основывать заключение о будущем на основании данных настоящего и прошедшего, то невозможно за отнятие судебной власти у епархиального архиерея ожидать от раскольников того *спасибо*, которое обещает их именем Святейшему синоду г. Соколов. В недавно вышедшей раскольнической апологии, обращаясь к защитнику Православия Гуслицкому игумену, апологист говорит: „ведомо тебе, Парфений, что правила соборные явных хульников, блудодеев и тому подобных повелевают отлучать от Церкви, а в России безбожники печатают безбожные книги, распространяют хульные на Бога ереси, и никто не предает их проклятию; заведомо существуют развратные дома и блудницы, явно наравне с христианами во святую Церковь ходят, святых Таин приобщаются, своего блудодеяния не оставляя; и сие презрение уставов Церкви никто проклятию не предает, *даже больше реку по законам Регламента*, *архиерей в противность правилам св. соборов и проклятию не может предать явного еретика и хульника и неистовца.* И священники не могут явным грешникам налагать положенной законами епитимии, и потому всякий живет во блате своих прегрешений, нисколько не думая о законах церковных для грешников» (Парфения – „Меч духовный” стр. 50, 51). Вот как смотрят раскольники на умаление архиерейской власти вопреки правилам. И совершенно неправильно г. Соколов утверждает, будто раскольники этим не одобряют только ограничения духовно-судебной власти архиерея, а несудебной власти над клириками; так как доселе никто кроме его не признавал такого странного разделения судебной власти архиерея на духовную, простирающуюся на мирян и на внешнюю, простирающуюся на клириков.

Возражения и замечания во второй раз сделанные г. Соколову на его теорию оставлены им без ответа. Из этого можно бы заключать, что он к защищению своей теории уже не имеет оснований и возвращается к прежним своим мыслям 1870 г. Но в ноябре 1872 года появилась в

газете „Голос» статья с буквальными выписками из мартовской 1871 года статьи г. Соколова, и когда в другой газете („Русский мир” 1872 г. ноябрь) было замечено об этой репетиции статьи г. Соколова, что она совершенно несвоевременна, так как из молчания г. Соколова следует заключать, что он отрекся от своих вторых мыслей и возвратился к первым, то г. Соколов в газете „Голос» (1872 № 220) напечатал письмо к редактору, в котором, не представляя никаких оснований, объяснил, что он остается не при первых, а при вторых мыслях.

На этом и стоит теперь дело этой первой теории. Г. Соколов без представления каких-либо оснований заявляет, что остается при прежнем мнении, т. е. *признает, что епархиальный архиерей судебной власти иметь не должен, а должен быть главным прокурором.* („Прав. обозр.” 1871 г. ноябрь 700, „Голос” 1872 г. декабрь).

2) Вторая теория – дисциплинарного суда и административных взысканий

Журнал, открывший на своих страницах сбыт и приют анти-епископальным теориям первый пропагандировал и другую теорию для оправдания отнятия судебной власти у епископа. Изобретателям второй теории нравился замысел г. Соколова: отнять судебную власть у епископа, и в этом они были с ним вполне согласны, но не нравился изобретенный им способ вознаграждения архиерея за отнимаемую судебную власть прокурорскою. Они полагали, что этого вознаграждения для архиерея слишком много, и что его нужно значительно убавить. Прокурор им нужен был светский, а не архиерей. Но и они не находили возможным отрешить архиерея от суда без всякой пенсии: какое-нибудь вознаграждение, хоть для виду, признавали нужным и они. И из этих-то смутных мыслей явилась вторая теория.

Существо и наружные очертания этой второй теории в точности таковы:

„Духовно-судебная власть принадлежит епархиальному архиерею единолично, и простирается на все духовные лица вверенной ему епархии. Местный суд в каждой епархии принадлежит епархиальному архиерею и духовным судьям. Епархиальному архиерею принадлежит надзор за духовными судьями в их епархиях» („Голос” 1872 № 29. „Спб вед.” 1872 № 283).

Какая благоприятная видимость! Епархиальный архиерей – судья в епархии и даже имеет надзор за духовными судьями пресвитерами. Это очень хорошо. Конечно хорошо, но и обманчиво и весьма ненадежно. Все это одна видимость, подкрашенная и подштукатуренная внешность, выставленная для отвода глаз. Действительная же сущность теории состоит в том, что из епархии дела наибольшей важности отводятся за ее пределы, к другому архиерею, к чужим для епархии пресвитерам – в окружной суд, простирающий свою власть на несколько епархий, а дела меньшей важности подчиняются все духовным судьям пресвитерам, и только в микроскопической дозе епархиальному архиерею, как судье. В такой же дозе архиерей облекается и обвинительною, прокурорскою властью.

Вот размежевание судебной власти, предполагаемое этою теориею:

Духовному судье пресвитеру подсудны: а) дела об оскорблениях чести, наносимых духовными лицами духовным же или светским лицам, за которые взыскания и наказания определены в статьях от 130 до 141 включительно Устава о наказаниях налагаемых мировыми судьями; б) дела о таких преступлениях и проступках духовных лиц, которые влекут за собою низшие виды наказаний, а именно: 1) замечание; 2) выговор без внесения в послужной список; 3) денежное взыскание; 4) запрещение богослужения на срок от двух недель до трех месяцев; 5) временное испытание в архиерейском доме, или монастыре от 7 дней до 3 месяцев; 6) перемещение из одного прихода в другой и 7) удаление от должности.

Столь обширна юрисдикция духовного судьи пресвитера. Он удаляет от должности, перемещает, подвергает временному испытанию в архиерейском доме или монастыре на 3 месяца, запрещает священнослужение на 3 месяца, подвергает денежному взысканию на всякую сумму, делает выговоры, замечания.

Затем все дела превышающие власть духовного судьи пресвитера, а именно дела о преступных деяниях, за которые полагается: а) запрещение священнослужения (а не богослужения, как бессмысленно говорится всегда изобретателями теории) свыше 3 месяцев; б) испытание в архиерейском доме, или монастыре также свыше 3 месяцев; в) запрещение в священнослужении с отрешением от должности и с определением в причетники; г) лишение сана и монашества, – все эти дела, ныне решаемые в епархии епархиальным архиереем, изобретателями второй теории передаются за пределы епархии в духовно-окружной суд.

Изумленный читатель спросит: при чем же здесь епархиальный архиерей, и в чем состоит и проявляется его судебная власть столь снисходительно, и однако же ясно уступаемая ему на *словах* изобретателями теории? Действительно она уступается ему более на словах, а не на деле. На деле же епархиальный архиерей состоит при следующих якобы судебных отправлениях:

„Приговоры духовного судьи пресвитера по делам о проступках, за которые в законе определяются одни лишь замечания или выговоры без внесения в послужной список, или денежные взыскания не свыше пяти рублей, считаются окончательными и обжалованию не

подлежат. О взысканиях, наложенных на сем основании, духовн. судья ежемесячно доносит епархиальному архиерею”.

Следовательно, по этим делам епархиальный архиерей не может быть признан судьею: ему сообщается об них только за известие. Нужно искать судебной власти епархиального архиерея далее. И будем.

„Приговоры духовного судьи по делам о проступках, за которые в законе определяются 1) денежные взыскания свыше пяти рублей, или 2) временное запрещение богослужения на срок от двух недель до двух месяцев, или 3) временное испытание в архиерейском доме от семи дней до двух месяцев представляются на рассмотрение и окончательное решение епархиального архиерея вместе с делом и отзывом участвующих в деле лиц, если отзыв этот подается в двух-недельный срок со дня объявления приговора духовным судьею.

Таким образом в делах о преступных деяниях духовных лиц, за которые в законе полагаются три указанные наказания в указанном размере – епархиальный архиерей действует как судья 2-й инстанции.

„Приговоры духовного судьи (пресвитера) по делам о проступках, за которые в законе определяются запрещение богослужения на время свыше двух месяцев, или испытание в архиерейском доме на время свыше двух месяцев, или посылка в монастырь на время до трех месяцев, или перемещение из одного прихода в другой, или удаление от должности представляются на рассмотрение епархиального архиерея, который, если на приговор не подано отзыва и самый приговор представляется правильным, утверждают приговор судьи; в случае же обжалования приговора кем-либо из участвующих в деле лиц, или признания приговора духовного судьи неправильным, епархиальный архиерей переносит дело для окончательного решения в духовно-окружной суд“.

Таким образом по этим делам епархиальный архиерей действует в качестве прокурора.

О подсудности архиерею ныне подведомых ему дел о мирянах, при чем архиерей приговаривает к расторжению брака, к уничтожению незаконного сожития, к осуждению на безбрачие, к епитимии, – изобретатели теории не упоминают. Они строят свой духовный суд только для клириков, и тем, кажется, ясно показывают, что дела о мирянах передают из духовного суда в светский.

Не велик же лоскут судебной власти, вырезанный епархиальному архиерею изобретателями этой второй теории.

Для ясности этот план новых межевщиков мы представим в таблице. Из нее яснее каждый увидит, какой лоскут судебной власти отмежеван ими епархиальному архиерею.

Наказания	По предположениям изобретателей теории 2		Ныне		
	Суд 1-й инстанции	Суд 2-й инстанции	Отношение епархиальн. архиерея	Суд 1-й инстанции	Суд 2-й инстанции
1	Замечание	У дух. судьи пресвитера – окончательно		Получает сведения ежемесячно	В Духовной консистории, приговоры которой рассматриваются и утверждаются епарх. архиереем В Св. окончательно
2	Выговор без внесения в послужной список				
3	Денежное взыскание не свыше 5 рублей				
4 5	Денежное взыскание	У духовного свыше судьи	У епархиального	Судит в качестве 2-й инстанции	

	5 рублей	пресвитера	архиерея	
6	Запрещение богослужения на срок от 2 недель до 2 месяцев Временное испытание в архиерейском доме или монастыре от 7 дней до двух месяцев			
7 8 9 10 11	Запрещение богослужения на срок свыше 2 месяцев Временное испытание в архиерейском доме на время свыше 2 месяцев Временное испытание монастыре, или посылка в монастырь от 7 дней до 3 месяцев Перемещение из одного прихода в другой Удаление от должности	В духовно-окружном всуде	В качестве прокурора пропускает приговор, если найдет правильным, или переносит дело в духовно-окружной суд, если не признает правильным, или же в качестве почтового учреждения пересылает дело и отзыв на приговор, если есть отзыв	
12 13	Выговор со внесением в послужной список Временное запрещение в священнослужении на срок свяше 3 месяцев	В духовно-окружном суде	В судебном отделении Св. синода	Рассматривает предварительное следствие и передает суду, или прекращает дело, действуя в качестве обвинительной власти
14	Временное испытание в архиерейском доме или монастыре на срок свыше 3 месяцев			
15	Временное запрещение в священнослужении с отрешением от должности и с определением в причетники			

16 Лишение священства и монашества

Все дела брачные, и влекущие для виновных церковное покаяние передаются светскому суду.

Так произведено размежевание церковно-судебной власти, изобретателями второй теории. Лоскут судебной власти, отведенный при межевании епархиальному архиерею, очень невелик. Епарх. архиерей действует как судья 2-й инстанции только в крайне ограниченном круге дел – именно в делах о преступных деяниях, за которые в законе полагается денежное взыскание (т. е. штраф) свыше 5 рублей, запрещение богослужения на срок от двух недель до двух месяцев и временное испытание в архиерейском доме от 7 дней до двух месяцев. – Заметим крайний, и ни для какого разумного объяснения недоступный произвол, в размежевании. Приговорить к временному испытанию в архиерейском доме, или запрещению священнослужения на два месяца епархиальный архиерей имеет власть, а на два месяца и один день не может. Какие и где для сего основания – этого, конечно, не знают и сами изобретатели. Заметим громадность юрисдикции духовного судьи пресвитера в сравнении с архиерейскою. Пресвитер может приговаривать к удалению от должности, к перемещению из одного прихода в другой, к посылке в монастырь от 7 дней до трех месяцев, а архиерей не может. Пресвитер может приговаривать к запрещению священнослужения, и к испытанию в архиерейском доме на три месяца, а архиерей только на два. – Заметим и ту странность этой теории, допущенную, конечно, не без лукавства, что в делах, влекущих временное испытание *в архиерейском доме до двух месяцев* епархиальный архиерей действует в качестве судьи 2-й инстанции; но в делах, влекущих временное испытание *в монастыре*, хотя бы даже на 10 дней, он не может действовать в качестве судьи, а или действует в качестве прокурора, если это наказание налагается на срок до 3 месяцев, или совершенно никак, если свыше этого срока. По каким мотивам допущена такая военная хитрость – объяснить невозможно. Заметим наконец и ту странность, что изобретателями теории вводится в духовный суд ревизионный порядок, ныне в делах этого рода в духовном суде не существующий, и судебными уставами 1864 года в светском суде отмененный.

Очевидно, что канонические основания церковного суда изобретателями оставлены в полнейшем и намеренном пренебрежении. Ибо при малейшем внимании к сим основаниям не было бы возможности даже и задумать столь уродливую постройку и столь произвольное и неосмысленное размежевание.

Но нельзя здание выстроить без фундамента: все будут смеяться. Изобретатели старались подвести фундамент и под свое уродливое строение.

Теория, подложенная под этот план, развиваема была в три приема: – *зимою* 1872 года в „Православном обозрении” (1872, январь); – *летом и осенью* в „Биржевых ведомостях” (июнь–август) и „Голосе” (июнь, июль), „С.-Петербургских ведомостях” (октябрь, ноябрь); и в 1873 году – в феврале на торжественном, годичном акте С.-Петербургской духовной академии, и в марте в „Христианском чтении”.

Доказательства негодности здания и его подпорок раскрыты в „Московских епархиальных ведомостях” и в „Русском мире”.

Фундамент под это здание, как замечено, начали подводить в первый раз в „Православном же обозрении”, но первоначально в весьма неясных очертаниях. В статье о разделении суда и администрации в духовном ведомстве, напечатанной в январской книжке „Прав. обозр.” 1872 года, и направленной против г. Лаврова, приводятся между прочим следующие против него обвинения, имеющие целью проведение именно мысли, идущей в фундамент под это здание. Автор статьи, скрывший себя под буквами Л. Б., выводит против г. Лаврова следующее обвинение. „Он (Лавров) приводит правило 32 Апостольское, 4, 6 и 12 Антиох. собора, 13 и 14 Сардик. собора, в которых упоминается *об отлучении* епископскою властью от общения церковного (которому подвергались епископом и миряне), *об извержении* епископом пресвитера, или диакона из своей церкви по раздражению гневом (14 Сардик.), т. е. о таких действиях, *которые тождественны с временным запрещением богослужения* [23] и удалением от места, могут быть применяемы и без суда административною властью епархиального архиерея (стр. 115). Канонист, решая важный вопрос о судебной власти епископа, казалось, должен был при этом сказать и о том, что следует разуметь под извержением пресвитера, или диакона от своего

сана епископом – временное, или всегдашнее лишение прав священнослужения и чести священства.»

На это обвинение представлен следующий ответ:

Утверждение, будто в указанных церковных правилах говорится только о таких действиях, которые тождественны с временным запрещением богослужения и удалением от места и могут быть применяемы и без суда административною властью архиерея, совершенно ложно. В 32 Апост. правиле говорится об отлучении (*ἀφορισμὸς*) пресвитера или диакона епископом; в 4 и 12 Антиох. об извержении (*καθὰιρεσις*), в 6 Антиох., 13 и 14 Сардик. об отлучении от общения церковного (*ἀκοινώνητος γέγονε*). Ни одно из сих наказаний не может быть применяемо без суда административною властью архиерея. Отлучение священнослужителя еппскопом состоит в лишении права священнодействия, и может продолжаться неопределенное время, иногда даже до смерти. Другие последствия сего наказания также тяжки: состоящий под отлучением епископа клирик не может быть обвинителем (Карфаг. 143); отлученного одним епископом не может принять другой епископ (Ап. 32, 1 Всел. 5; Антиох. 6) и народ (Вас. В. 88), и т. д. *Извержение* [24] означает совершенное лишение священнослужителя сана без права восстановления и низведение в разряд мирян. И вот эти-то наказания г. Л. Б. предлагает назначать административно, без суда. Это – крайние и высшие наказания, какие может налагать на своих служителей Церковь („Уст. кон.” 187) и эти наказания г. Л. Б. предлагает применять административно, без суда. Следовательно, никакого духовного суда не нужно: если и самые высшие наказания – запрещение священнослужения и лишение священства будут налагаться административно, для применения остальных наказаний суд и подавно не нужен: их будет применять администрация. Суда церковного нет. Но нет его только в разглагольствиях г. Л. Б., а не в правилах и не в практике. В тех же правилах, на которые г. Л. Б. ссылается, и в других ясно выражается мысль, что эти наказания налагаются не иным каким, а судебным порядком. Пресвитер или диакон „изверженный“ из сана своим епископом, по 4, 6 и 12 правилам Антиох. собора и 14 Сардик., может искать оправдания на соборе, который даст это оправдание или не даст „судебным порядком”, а не другим каким, производя исследование и произнося приговор, а, следовательно, и приговор, против которого ищут оправдания, постановлен также судебным порядком: ибо нельзя в одной инстанции разрешать дело административным порядком, а в следующей – высшей – судебным. Подобным сему образом и *удаление клириков от общения церковного,* по правилам, происходит судебным, а не административным порядком. Яснее всего это видно в пятом правиле 1-го Вселенского собора. Вот это правило: „о тех, которых епископы удалили от общения церковного, принадлежат ли они к клиру, или к разряду мирян, должно в суждении держаться правила, которым постановлено, чтобы отлученные одними не были приемлемы другими. Впрочем, да будет *исследоваемо,* не по малодушию ли, или распре, или по какому-либо неудовольствию епископа подпали они отлучению. Итак, дабы о сем могло происходить приличное *исследование* за благо признано, чтобы в каждой области дважды в год были соборы: чтобы все вообще епископы области, собравшися воедино, исследовали таковые недоумения: и таким образом достоверно оказавшиеся несправедливыми против епископа, основательно всеми признаны были недостойными общения, доколе незаблагорассудит собрание епископов произнести о них более снисходительное решение”. Вероятно, г. Л. Б. не будет прекословить, что во 2-й инстанции соборной, по правилу, происходит суд с исследованием и приговором. Следовательно, он должен допустить, что и в 1-й инстанции был суд епископский, и по приговору сего суда лишенные общения подверглись своей участи: ибо невозможно, чтобы собор судебным порядком перевершал или утверждал административное постановление епископа. – Кроме сего с допущением мысли г. Л. Б. выйдет и та несообразность, что и епископа извергает собор не судебным, а административным порядком. Ибо совершенно одним и тем же порядком извергается от сана епископ собором епископов, как и пресвитер одним епископом: *аще который епископ изверженный от сана собором, или пресвитер, или диакон своим епископом*… говорят 4-е и 12-е Антиохийские правила. Не административным, а судебным порядком налагается и ныне не только извержение или лишение сана, но и временное запрещение священнослужения и удаление от места („Уст. конс.” 187). Замечание г. Л. Б. о том, что 4 Антиох. правило надежду восстановления в прежний чин отнимает только у пресвитеров и диаконов, дерзнувших совершить священную службу по извержении епископом, в настоящем случае не имеет ни малейшей силы: изверженный от сана епископом пресвитер или диакон может не обжаловать приговора епископа, и тогда сей приговор вступает в силу: изверженный

остается изверженным. Но он может обжаловать приговор епископа пред собором епископов, в таком случае приговор епископа не входит в окончательную законную силу, и уже собор по новом судебном рассмотрении дела или утверждает приговор епископа или отменяет. Но если изверженный епископом прежде соборного пересмотра дела дерзнет совершить какую-либо священную службу, то теряет право жалобы к собору. Вот что говорит 4-е Антиох. правило. Замечание, будто по 6 и 12 правилам Антиохийского собора совершенное извержение от своего чина с недопущением впредь до служения, исследование и окончательный суд по проступкам, влекущим подобное наказание, принадлежит только суду коллегиальному, соборному – справедливо только в том смысле, что собор, и он один, разрешал сии дела в качестве 2-й инстанции по жалобе осужденного приговором епископа; обратившийся после епископского суда не к собору, а к царю, терял право защищения. Вот 12 Антиохийское правило, не оставляющее в этом ни малейшего сомнения: *аще который пресвитер, или диакон, изверженный из своего сана своим епископом, дерзнет стужати слуху царскому: подобает ему обратитися к большому собору епископов, и то, в чем мнится быти прав, предложити множайшим епископам, и от них прияти исследование и окончательный суд. Аще же сих пренебрегши царю стужати будет: таковой да не удостоивается никакого прощения, да не будет места его защищению, и да не имеет он надежды восстановления.* Суд собора есть суд второй инстанции, вызываемый только жалобою осужденного епископом пресвитера или диакона. *Нет жалобы – и судебный приговор епископа об извержении подчиненного ему пресвитера, или диакона входит в окончательную законную силу.* Самый образ выражения правила о суде соборном, как *суде окончательном* (*ἐπίκρισις*) дает разуметь, что прежде его был еще суд (*κρισις*) хотя и неокончательный при известных условиях. Сам г. Л. Б. одни и те же наказания, указанные в одних и тех же правилах (4, 6 и 12 Антиохийского собора), т. е. *извержение* и *отлучение* на странице 115-й почитает действиями, которые могут быть применяемы и без суда, административною властью епархиального архиерея, а на странице 116 и с новым процитованием – налагаемыми только судом коллегиальным, соборным. Здесь ясное противоречие. Одно и то же наказание епископ налагает без суда административно, а собор по суду. В человеческих обществах бывает так, что наказания, соединенные с лишением, или ограничением прав состояния (а таковы в отношении к клирикам извержение и отлучение) налагаются судебным порядком, а не административным, и не могут быть налагаемы предварительно административным порядком, а потом судебным. Г. Л. Б. сочиняет какой-то новый порядок, неизвестный правилам, и не существующий ни в одном законодательстве, а все затем, чтобы епархиального архиерея отрешить от суда.

Приведенные возражения г. Л. Б. уясняют цель его домогательств и те военные операции, какие он предпринимает для достижения своей цели. Он хочет убедить, что епископ, на основании правил, не судья, а администратор, начальник, и что если говорится в правилах, что он подвергает клириков и мирян наказанию, то должно понимать, что он делает это не судебным порядком и властью, а административно, без суда. Первое приведенное г-м Л. Б. доказательство, сейчас рассмотренное, едва ли кто-либо признает удачным, особенно, если цитованные им правила прочтет в подлинном их виде и с толкованиями на них (см. выше).

Но г. Л. Б. употребляет для этой цели еще и другое доказательство. Он обвиняет своего противника в том, будто тот „игнорирует 12, 14 и 29 правила Карфаген. собора, по которым суд над пресвитером принадлежит 6-ти епископам, а над диаконом трем епископам, – согласно с определениями древних соборов, как оговорено в 12 правиле. Что в приведенных правилах идет речь не об апелляционном суде по жалобам на решения местных епископов, а о суде в качестве 1-й инстанции формального суда, в том не оставляет никакого сомнения 29 правило, которое говорит: “аще пресвитеры, или диаконы обвиняемы будут, то по собрании узаконенного числа из ближних мест избираемых епископов... при обвинении на пресвитера 6-ти, а на диакона 3-х, вместе с сими собственный обвиняемых епископ исследует принесенные на них обвинения, с соблюдением тех же дней и сроков (установленных для суда над епископом), и исследования и лиц обвиняемого и обвиняющего; дела же по винам прочих клириков един местный епископ да рассмотрит и окончит (стр. 115)... Древняя история свидетельствует, что Александрийский епископ не считал себя в праве лишить священного сана Оригена собственною властью, и чтобы достигнуть этого, должен был собирать два собора епископов» (стр. 116).

Из приведенных выше толкований видно, что некоторые толкователи, напр. знаменитый Зонара, Иоанн и др. находят в указанных Карфагенских правилах определения о второй

судебной инстанции над пресвитерами и диаконами. Но если даже изъяснять эти правила и так, как хочет г. Л. Б., т. е. о суде 1-й инстанции, то и в этом случае для своей главной цели, т. е. отрешения епархиального епископа от суда над клириками, он не получит ничего. Г. Л. Б. не замечает, что приведенные им правила и пример говорят совершенно против его домогательств об устранении епархиального епископа от суда над подчиненными ему клириками и напротив яснейшим и неопровержимейшим образом утверждают, что *собственный епископ обвиняемых пресвитеров и диаконов* должен участвовать в суде над ними и не может не участвовать. Совершенно непостижимо, как г. Л. Б. не догадался, что он ссылается на правила, подтверждающие мысль *о необходимости участия в суде над пресвитерами и диаконами их собственного, т. е. епархиального епископа*, и опровергающие его домогательства об устранении епархиального епископа от суда над подведомыми ему клириками. В указанном же им 12 правиле Карфагенского собора прямо сказано: *да слушают на суде пресвитера шесть епископов и свой; а диакона три.* В указанном 14: *рассуждено, чтобы в Триполе на суде слушали пресвитера пять епископов, а диакона три*: *явно же есть, яко председати будет свой епископ.* В приведенном 29: *по собрании узаконенного числа епископов вместе с сими собственный обвиняемых епископ исследует принесенные на них обвинения.* Равным образом и в приведенном примере суда над Оригеном *Димитрий собственный епархиальный епископ пресвитера Оригена* собирал для суда над ним подчиненных себе епископов и пресвитеров и как председатель собора производил над Оригеном суд.

Итак, на основании приведенных Карфагенских правил и примера, собственный епископ обвиняемых клириков – пресвитеров, диаконов и прочих – никаким образом не может быть, согласно домогательствам г. Л. Б., устранен от суда над ними: ему принадлежит в сем суде *председательство.* Можно на основании сих правил требовать только того, чтобы для суда над пресвитером к местному епархиальному его епископу из ближних мест „собиралось шесть епископов, которых обвиняемый воспросит», или же, на основании примера, чтобы собрались подчиненные епархиальному епископу обвиняемого пресвитера, епископы и пресвитеры в неопределенном числе. Г. Л. Б., добивающийся не собора епископов для суда над пресвитером, а только устранения епархиального епископа от участия в суде над подчиненным ему пресвитером, конечно, не будет доволен восстановлением действия точной силы указанных им соборных правил, если бы это и было возможно осуществить: *собственный обвиняемого пресвитера епископ* все-таки будет участвовать в суде, и при том будет *председати,* а все усилия только к тому и направляются, чтобы не участвовал. Но даже и в пределах Карфагенских правил осуществление требуемого ими при нынешних условиях и обстоятельствах нашей Православной греко-российской церкви невозможно. По силе сих правил для суда, например, над пресвитером орловской (одной из центральных) епархии к епархиальному орловскому архиерею должны собраться шесть епископов из ближних мест, которых притом воспросят обвиняемые; следовательно, должны собраться, положим, архиереи – тульский, калужский, рязанский, курский, черниговский, воронежский. Таких дел по каждой взятой для примера епархии в течение года может быть более 20. Следовательно, шесть указанных нами архиереев двадцать раз в год должны были бы путешествовать в Орел, а затем по 20 раз они должны были бы собираться в Тулу, Калугу, Рязань, Курск, Чернигов и Воронеж. Возможно было осуществление этих правил в древней Африканской церкви, где было сравнительно очень много епископов (еще при Киприане до 200, а в IV в. более 300) и притом живших не на больших друг от друга расстояниях. Но во всех других древних Церквах, кроме Африканской, Карфагенские правила не могли быть соблюдаемы, и действительно не были соблюдаемы, а действовали другие, предоставляющие власть суда над пресвитерами и прочими низшими клириками в первой инстанции их собственному епископу. Таковы пререкаемые г-м Л. Б. 4, 6 и 12 Антиох. 13 и 14 Сардикийские, и непререкаемое 23-е IV Вселенского собора, по которым пресвитер и диакон *извергаются от сана и отлучаются от общения церковного своим епископом*, и которые и действовали в качестве „общего правила». Карфагенские же, если и применялись иногда, вне пределов древней Африканской церкви, то в виде исключения по местным удобствам и обстоятельствам. Из всей истории нам известен только один пример и то суда над епископом, когда за недостатком узаконенного Карфагенским правилом числа епископов (12), суд над епископом не был признан правильным. Применение же вне Африканской церкви Африканских правил о числе епископов для суда над пресвитерами и диаконами г. Л. Б. не укажет. Применение этих Африканских правил в Православной церкви ныне невозможно, как видно это и

из приведенного выше свидетельства Православного румынского митрополита Андрея Шагуны, переведенного г. Барсовым. Должно заметить г-ну Л. Б. и то, что и в суде над пресвитером и диаконом с призванными соседними епископами преобладающее значение, так сказать душа дела, принадлежала епархиальному епископу обвиняемых; суд и в этом случае был судом епархиального епископа. И это несомнительно открывается и из буквы тех же Карфагенских правил, и из собственного сознания г. Л. Б. Суд над пресвитером и диаконом по Карфагенским правилам производится с участием шести, или трех соседних епископов. И однако же этот суд не признается судом собора епископов, а судом их епархиального епископа. В Карфагенских же правилах, когда говорится об обжаловании пресвитерами, диаконами и низшими клириками епископского суда, суд сей называется судом их епископа: *когда пресвитеры и диаконы и прочие низшие причетники жалуются на суд своих епископов* (37, 139). И сам г. Л. Б. свидетельствует, что в правилах Карфагенских (37, 117, 121 и 139) *говорится об апелляциях к собору епископов на решения местного епископа* (116); *и что суд епископский был особою инстан циею церковного суда, именно первою, от которой начиналось восхождение судебного дела к следующим высшим судебным инстанциям соборным* (117).

Так разъясняется кажущееся г-ну Л. Б. противоречие в правилах, и разрешается его вопрос: „постановлениями ли Вселенских соборов, или практикою отменены правила 12, 14 и 29 Карфагенского собора». В постановлениях Вселенских соборов (1, 5; IV, 9, 23) содержатся определения, предоставляющие судебную власть над пресвитерами, диаконами и прочими клириками их епископу, равно и в правилах других поместных соборов. Посему и практика свидетельствует, что Карфагенские правила о суде над пресвитерами и диаконами вне Африки, не были соблюдаемы, а действовали Апостольские, Вселенские и других поместных соборов. Г. Л. Б. видит, что и Карфагенские правила, требующие для суда над пресвитером и диаконом и участия посторонних епископов, необходимым признают участие и собственного епископа в качестве председателя; г. Л. Б. знает, или по крайней мере должен знать, что по всем прочим правилам судитъ пресвитера и диакона один собственный их епископ без соседних; г. Л. Б. конечно замечает и из приведенного им примера, что собственный обвиняемого пресвитера епископ судит; – и несмотря на все это заключает: следовательно, собственный обвиняемого пресвитера епископ судить его не должен, а должен судить чужой епископ, с чужими пресвитерами. По крайней мере заключение оригинальное, а не пошлое и для всех людей обычное. Карфагенские правила о суде 3 – 6 епископов вместе с собственным епископом обвиняемых пресвитеров и диаконов, во всей древней Церкви, исключая Карфагенской, не действовали, а действовали Апостольские, Вселенских соборов и других поместных, определяющие, что суд над пресвитером и диаконом в 1-й инстанции производится их собственным епископом. Следовательно, не должны действовать ни Карфагенские, ни все прочие, а должен быть духовно-окружной суд из пресвитеров и без епархиального архиерея. – Никто не скажет, что не оригинально.

За сим г. Л. Б. обвиняет своего противника в невнимательном исследовании правил, и уверяет, что при более внимательном исследовании вышло бы именно то, чего ему хочется, т. е. что архиерей не судит пресвитера и диакона. Он говорит „при более внимательном исследовании не оказалось ли бы, что извержение от сана епископом пресвитера, или диакона, упоминаемое в канонах, не более имело значения, как предоставленное ст. 169 Уст. Дух. конс. усмотрению местного архиерея; подобное же право, вытекающее из обязанности его пещись, чтобы обвиняемые в важных преступлениях священнослужители не приступали к служению алтарю Господню, коль скоро уже есть достаточные причины предусматривать, что они обвиняются справедливо?» (116).

Отв. Г. Л. Б. хочет уверить, будто когда говорится в правилах об *извержении* пресвитера или диакона епископом, об *отлучении,* то это значит ни более, ни менее как *временное запрещение* им священнослужения до окончания над ними судебного производства не в епископском суде, а в суде собора епископов. Прискорбная и достойная сожаления ошибка, если это ошибка, и грубая, недобросовестная ложь, если это утверждается заведомо. В 169 статье „Устава консисторий”, на которую ссылается г. Л. Б. говорится: „духовному лицу, оговоренному в преступлении, запрещается священнослужение смотря по обстоятельствам, какие помещены в самом оговоре, и какие открываются при следствии, и смотря по прежнему поведению подсудимого. Распоряжение о сем вверяется собственному усмотрению местного архиерея, обязанного пещись, чтобы обвиняемые в важных преступлениях против благоповедения по

заповедям Божиим не приступали к служению алтарю Господню, коль скоро есть уже достаточные причины предусматривать, что они обвиняются справедливо“. Вот этому-то временному запрещению священнослужения и уравнивает г. Л. Б. упоминаемое в правилах *извержение и отлучение* пресвитера и диакона епископом. И извержение, и отлучение клирика епископом, по его „внимательному исследованию», тоже, что нынешнее запрещение священнослужения епископом во время следствия до окончания дела. Г. Л. Б. проповедует вещи совершенно новые, никому не известные, и которых и он сам ничем не может оправдать и подтвердить. – По правилам, „пресвитер или диакон изверженный от своего сана своим епископом» (Антиох. 12), может, если считает себя правым, *обратиться к суду собора множайших епископов и от них прияти исследование и окончательный суд,* т. е. как от судей 2-й степени. Он может воспользоваться этим принадлежащим ему правом, и тогда дело подвергается новому рассмотрению в соборе, как во 2-й инстанции. Но он может и не воспользоваться предоставленным ему правом обжалования судебного приговора епископа, – и тогда приговор сей вступает в законную силу. Если бы. г. Л. Б. был прав в своем уверении, что упоминаемое в правилах извержение пресвитера и диакона их собственным епископом означает только временное запрещение священнослужения, то в правилах не предоставлялось бы на волю осужденного обращаться, или не обращаться к высшему суду: тогда такое обращение к суду было бы не правом, которым можно воспользоваться и не воспользоваться, а обязанностью, которую должно исполнить. Правила ясно говорят о решении собора как *о другом решении* (Антиох. 6) и учат нас разуметь, что было и *первое решение* такого же свойства и характера, как и другое, т. е. судебное же. Действие епископа, следствием которого бывает извержение, называется приговором, решением (*ἀπόφασις, ψῆφος*) – тем же самым именем, как и действие собора. Обращение обвиняемого от епископского суда к соборному называется отзывом, апелляциею – термин технический, означающий перенос дела от низшего „суда» к высшему. Если извержение пресвитера епископом, упоминаемое в правилах, означает только временное запрещение священнослужения до решения дела собором, то и извержение епископа собором должно означать тоже самое; ибо один и тот же термин употребляется как о пресвитере, так и о епископе: *аще который епископ изверженный от сана собором, или пресвитер, или диакон своим епископом...* (Антиох. 4). Сам г. Л. Б. на той же 116 странице, строк. 1, 2 и 3 снизу, свидетельствует, что в правилах 37, 117, 121 и 139 Карфаг. собора говорится об *апелляциях* (бывающих только против судебных решений) к собору епископов на решения местного епископа, а на следующей странице называет епископский суд – *первою судебною инстанциею,* и дела подлежащие сей инстанции решенными (стр. 117, строк. 7 сверху).

Доказав таким образом, что извержение и отлучение упоминаемое в правилах есть тоже, что и временное запрещение священнослужения, налагаемое епископом на пресвитера и диакона по 169 статье „Устава консисторий”, г. Л. Б. хитроумно пролагает себе путь к тому, будто, по канонам, и соборы можно составлять не из епископов, а из пресвитеров, и будто по этому можно и ныне устроить окружной якобы соборный суд из пресвитеров с властью его на несколько епархий. Дело ведет г. Л Б. весьма тонко и все на основании Карфагенских же правил, полемизируя против своего противника г. Лаврова. Он говорит: „не упоминает г. Лавров и о том, что соборным правилом (141 Карфаг. собора) предоставляется епархиальным епископам, вместо себя, в члены коллегиальной инстанции духовного суда, избрать по трое судей, подобно тому, как на высший областной собор, при патриаршей кафедре первенствующие епископы, по 28 пр. того же Карфаг. собора имели право, вместо себя, уполномочить по 2 епископа” (стр. 115). Очевидно г. Л. Б. полагает, что 141 правило Карфагенского собора предоставляет епархиальным епископам право вместо себя избрать по три пресвитера судьи в члены коллегиальной инстанции духовного суда, т. е. будто правило буквально узаконяет сочиняемый им окружной суд. Как должен быть изумлен и пристыжен г. Л. Б., когда и он и все узнают, что все это есть его собственная и чистая выдумка, не имеющая с приведенным им правилом ничего общего. Вот буквально в полном виде содержание 141 правила Карфагенского собора: *угодно всему собору, ради того, чтобы не были долго удерживаемы все епископы, сшедшиеся на собор избрании по три судии от каждой области.* Для правильного понимания этого правила г-ну Л. Б. следовало бы посмотреть и привести непосредственно следующее за 141 правило 142-е, и тогда он, может быть, устыдился бы сделать то лживое толкование, какое сделал, и увидел бы, что из 141 правила он не может извлечь ничего ни в подтверждение мысли о возможности отнять у архиерея судную власть, ни в доказательство правильности своей мысли о выдуманной

коллегиальной инстанции духовного суда. 142-е правило есть часть и продолжение 141-го, оно говорит: „по окончании некоторых дел, когда, на продолжение заседаний, для окончания прочих дел, многие епископы сетовали, и не могли сего понести, поспешая к своим Церквам, угодно было всему собору, да изберутся из числа всех от каждой области долженствующие пребыти, ради окончания прочих дел: и сие исполнено“. *Вот* что значит это правило. На Карфагенском соборе, *состоявшем исключительно из епископов,* долго замедлили собравшиеся епископы, и, по разрешении некоторых дел, для решения остальной их части положили не оставаться всем, а только по три епископа от каждой области. Вследствие сего избраны от Карфагенской церкви – епископы Викентий, Фортунатиан и Клар; от Нумидийской епархии – епископы Алипий, Августин и Реститут; от Бизаценской епархии – вместе со святейшим старцем первенствующим Донатианом – епископы Кресконий, Юкунд и Эмгилиан; от Мавритании Ситифенской – епископы Севериан, Азиатик и Донат; из Трипольской епархии – Плавтий. Им всем, под председательством Карфагенского епископа Аврелия, поручено окончить оставшиеся неоконченными на полном соборе дела. Есть ли тут что-нибудь, хотя отдаленным образом похожее на сочиненных г. Л. Б. трех судей, которых будто бы правилом 141 предоставляется епархиальным епископам, вместо себя, избирать в члены коллегиальной инстанции духовного суда? И дело это, т. е. установленное в 141 правиле, совсем неподобно тому, которое установляется в 27 Карфагенском правиле, к отнятию у епархиального архиерея судной власти, также не имеющим ни малейшего отношения. В этом правиле подтверждаются необходимость быть ежегодным соборам, на которые митрополиты областей от соборов своих митрополий должны посылать по два епископа или поскольку изберут.

На этом окончился спор о подпорках второй теории в первой стадии, по первому разу.

На лето спор перенесен был в светские газеты. Вторую стадию, вторые бумаги по этому спору – составляет прение, веденное по этому предмету между газетами. „Биржевые ведомости” и „Голос” летом 1872 г. поддерживали затеи и умствования г. Л. Б. „Русский мир” возражал той и другой газете, и защищал принадлежность епископу власти действительного, а не какого-либо другого суда.

Г. Л. Б. в „Православном обозрении” (1872 г. январь, 119) высказал, что он допускает инстанцию духовного суда среднюю между судом епархиального архиерея и судом Св. синода, независимую от епархиального архиерея, будто бы соответствующую соборам, бывшим в древности при кафедрах митрополичьих, которой предшествовал дисциплинарный суд епископа» (119). И с этого-то дисциплинарного епископского суда начинают свои рассуждения „Биржевые ведомости” и „Голос”. Г. Л. Б. эту свою мысль не разъяснял и не аргументировал, а только укорял своего противника, зачем он не допускает подобной инстанции духовного суда. „Биржевые ведомости” и „Голос” все свои силы сосредоточивают на том именно, чтобы доказать, что суд архиерея, по правилам, есть не обыкновенный суд, а какой-то *дисциплинарный,* и что придуманная г. Л. Б. средняя инстанция суда будет не иное что, как древний областной собор. „Биржевые ведомости” (1872 № 154, 156) находят „выделение суда из ведомства администрации и независимость первого от власти архиерея самым естественным делом, а тех богословов-канонистов, которые готовы видеть в этом опустошение канонов и извращение догматов Церкви, признают достойными удивления. Они уверяют подобных мыслителей, что ни Церковь не потерпит, ни власть еппскопа не пострадает, если организовать суд свободный и независимый, действующий вне стеснительного влияния епархиальных архиереев, как действовал суд областных, или окружных соборов». Это по-видимому тоже, что и у г. Соколова, т. е. отрешить епархиального архиерея от суда. Поэтому Биржевому канонисту следовало бы идти по пятам г. Соколова, но он этого не делает, а для виду даже полемизирует с ним.

„Биржевые ведомости” выступают в роли судьи в споре, бывшем в Московских духовных журналах в 1871 г. о судебной власти архиерея, изложенном выше при разборе первой теории и ее аргументов. В этом споре, как мы видели выше, одна сторона утверждала, что нет оснований стоять за принадлежность архиерею внешней судебной власти, с точки зрения Слова Божия, церковных канонов и церковной практики; другая, напротив, находила принадлежность архиерею судебной власти, в юридическом, а не в нравственном только смысле, положением самым существенным и судебную власть от архиерея неотъемлемою. „Биржевые ведомости” находят, что обе стороны неправы, и открывают свой секрет – как должно правильно смотреть на дело, – секрет весьма простой, и должно только удивляться, как не пришла в голову ни той, ни другой стороне мысль этого секрета. Нужно было, по словам „Биржевых ведомостей», не более, как

различить два вида суда и судебной власти, а именно: суд так называемый дисциплинарный от обыкновенного, или общего, судебную власть начальства в отношении к подчиненным от судебной власти суда в собственном смысле. Только сделай это, и тогда все было бы хорошо.

Простое разрешение трудных вопросов, конечно, есть наилучшее; но нужно, чтобы было не только просто, а и истинно с существом дела и с его основаниями сообразно. А этого-то и нет в секрете, сообщенном „Биржевыми ведомостями": решение их, может быть, просто, но неверно.

Неверно делаемое ими различие суда дисциплинарного от обыкновенного, или общего. Не говоря уже о древнем и нынешнем церковном законодательстве и светское наше законодательство не знает такого различия и никакого дисциплинарного суда. По нашим светским законамъ все наказания налагаются по суду, судебным порядком, и только низшие виды наказаний за нарушение обязанности службы („Уст. угол. суд." 1066), именно замечания и выговоры, вычеты из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности и арест до 7 дней – налагаются, по распоряжению начальства, в административном ведомстве – административным порядком, в судебном ведомстве – особым дисциплинарным порядком. И вот этот-то особый порядок дисциплинарного производства, установленный исключительно для наложения на должностные лица судебного ведомства низших видов взысканий за служебные проступки, без предания их суду, „Биржевые ведомости" возводят в ранг особого дисциплинарного суда, – недоразумение в высшей степени оригинальное, если оно неумышленно.

Неверную мысль газета неверно и неудачно и аргументирует. Выдумав дисциплинарный суд, она видит его везде: в уставе консисторий, в Св. писании, в правилах. Если устав консисторий говорит о судопроизводстве непосредственно архиерейском, то здесь, по мнению газеты, именно должно разуметь суд дисциплинарный. В Св. писании о судебной власти архиерея будто бы говорится именно в том смысле, что эта власть служит дополнением административных прав епископа, но не имеет самостоятельного значения; в правилах о суде епископа говорится мало, и из этого будто бы следует, что епископский суд, в качестве дисциплинарной меры, предшествовал действительному формальному суду соборов. Заблуждения „Биржевых ведомостей» очевидны; ибо в Св. писании, если говорится о судебной власти в Церкви, то эта власть во всем ее пространстве и видах усвояется только Апостолам и преемникам их, епископам, и никому другому. В правилах Церкви судебная власть усвояется только двум органам: епископу – в его епархии и собору епископов – в митрополии, патриархате, или всей Православной церкви. Нынешняя практика, верная этим основаниям, судебную власть в Церкви усвояет только соборам и епископам. То умозрение публициста „Биржевых ведомостей» будто из сравнительной скудости содержащихся в правилах указаний на суд епископский пред соборным вытекает заключение, что суд епископа, в качестве дисциплинарной меры, не был действительным, а только предшествовал действительному формальному суду соборов, – есть плод крайнего недоразумения. О том и другом суде – и о епископском и о соборном, правила говорят в совершенно одинаковых терминах; для того и другого определяют одинаковые (разумеется, исключая состава лиц судящих) условия; тот и другой суд, по правилам, приговаривает к одним и тем же наказаниям – отлучению, извержению и др.; тот и другой суд подлежит обжалованию недовольных: епископский пред соборным, соборный (исключая суда Вселенского собора) – пред большим собором (Антиох. 12 и др.). Умозаключая по примеру „Биржевых ведомостей", следовало бы прийти к выводу, что и суд Вселенского собора, о котором в правилах почти совсем не говорится, не есть суд действительный, а только дисциплинарный, предшествующий действительному, формальному. Равным образом, при таком способе умозаключений, наш кассационный сенат и судебная палата оказались бы имеющими только власть дисциплинарного, сочиненного „Бирж. ведом.", суда, предшествующего действительному, формальному суду, так как в судебных уставах 1864 г. о судопроизводстве в этих судебных установлениях говорится гораздо менее, чем о судопроизводстве в окружных судах и у мировых судей. Составители правил были люди не только облеченные высоким, непререкаемым церковным авторитетом, но и обладавшие здравым умом: они справедливо полагали, что если сказать, что епископский суд производится с соблюдением тех же правил, как и суд соборный, то этого вполне достаточно, дабы ни один здравомыслящий человек не предположил, будто епископский суд не такой же суд, как и суд собора. Правила одинаковы, следовательно, и суд соборный и епископский одинаков: каков соборный, таков и епископский. Далее, в правилах епископский суд по своим свойствам, условиям и последствиям представляется не только во

всем тождественным с судом соборным, но и приравнивается к суду светских судилищ. В 117 Карфагенском правиле говорится: *аще кто из клира будет просити от царя рассмотрения о себе в светских судилищах, лишен будет своея чести. Аще же будет от царя просити себе суда епископского, отнюдь да не возбранится ему сие.* Суд епископский такой же, как и суд светских судилищ. И совершенно напрасно и неправильно „Бирж. вед.” усиливаются в правилах, где говорится об апелляциях на епископский суд суду собора, указать основание мысли, будто суд епископский, по правилам, не такой же, как и суд собора; будто *приговоры епископского суда* получали законную, окончательную силу по рассмотрению того же самого дела судом собора. Это действительно было, если на суд 1-й инстанции, или епископский был отзыв в суд 2-й инстанции – соборный. Если этого отзыва не было, то в епископском суде вершилось дело окончательно. И соборный суд митрополии, по делам, судимым в нем, как в 1-й инстанции, был в таком же отношении к суду большого собора – патриархата. Суд 1-й инстанции – епископский ли, соборный ли – не инороден, а однороден с судом 2-й инстанции. К суду 2-й степени поступают только дела однородного с ним суда 1-й степени: в мировой съезд от мирового судьи, в судебную палату из окружного суда. Следовательно, если признали „Бирж. вед.», что от епископского суда дела поступали к суду собора, то они необходимо должны признать и то, что суд соборный и суд епископский вполне однородны. Изобретенное ими объяснение, будто правила признают, что епископ пользовался правами суда в отношении к подчиненным ему клирикам только как начальствующее лицо, что его приговоры, подобно распоряжениям начальства, получали законную окончательную силу по рассмотрении того же самого дела судом собора, принадлежит к числу самых неудачных и неосновательных вымыслов. „Бирж. вед.“ не знают, что распоряжения губернатора никогда не подвергаются для получения законной, окончательной силы рассмотрению окружного суда, судебной палаты или судебного сената.

Из Св. писания, из церковных правил, из всей истории Православной Церкви и из нынешней церковной практики, с несомненностью, не допускающею ни малейшего пререкания, ясны следующие положения: 1) в поместной Православной церкви (след. и русской) судебная власть принадлежит собору епископов; 2) в поместном пределе Православной церкви, именуемом епархиею, судебная власть принадлежит епископу епархии; 3) судебная власть епископа епархии простирается на все, подлежащие церковному суду, дела его епархии; 4) никакая другая власть, ни другой епископ, ни даже самый собор епископов не могут судить дела, подсудного суду епископа епархии – первый ни в каком случае, последний (т. е. собор) прежде суда епископа епархии.

„Биржевые ведомости» не остались довольны статьями „Русского мира», но возражали на них.

„Русский мир» утверждал, что в Св. писании судебная власть усвояется только Апостолам и преемникам их, епископам. Против Апостолов „Бирж. вед.» не спорят, а епископам уступить судебную в Церкви власть не хотят: они говорят, что, по православному пониманию, судебная власть принадлежит самой Церкви, т. е. епископам, пресвитерам, диаконам, клирикам и всем мирянам; в доказательство же цитуют такое место в Евангелии (Матф; 18:17), в котором Иисус Христос вручает судную власть Своим ученикам, преемники которых суть епископы, как это и понимает действительная и истинная Православная церковь (см. выше в толкованиях сих слов Спасителя), а не та, которую выдумали „Биржевые ведомости”.

„Русский мир” говорил, что в правилах Церкви судебная власть принадлежит только двум органам; епископу и собору епископов. „Не так – возражают „Бирж. вед.“ – не двум, а большему числу, именно: епископу, митрополиту, патриарху, собору соседних епископов, всему областному собору, собору большему и собору Вселенскому”, и заставляют своего противника счесть для „Русского мира” органы судебной власти в Церкви. Не утруждая противника „Бирж. вед.“, „Русский мир“ сам указал им, что и в их перечислении пропущены еще следующие органы судебной власти: экзарх, архиепископ, викарный епископ, или коадъютор, собор целой поместной Церкви, напр. русской, и проч. и проч. Если бы было сказано, что напр. в Петербурге розничная продажа восковых свечей принадлежит соборам и церквам, „Бирж. вед.“, по своей строгой логике, и тут закричали бы: „не так, большему числу, а именно: собору кафедральному, соборам военным, морским, и прочим соборам, церквам придворным, приходским, домовым, кладбищенским, монастырским, госпитальным, военным”. „Бирж. вед.“ не усматривали, что в общем определении сказано гораздо более, чем в их исчислении органов судебной власти, ибо и митрополит – епископ, и патриарх – епископ, и малый собор, и большой собор, и областной, и

Вселенский – все соборы. Вот если бы они указали в канонах хотя один, из которого видно было бы, что пресвитеру принадлежит судебная власть, тогда они, действительно, и „Русский мир" изобличили бы в несправедливости, и себе оказали бы ту неоцененную услугу, что разглагольствования их перестали бы быть мыльными пузырями.

„Бирж. вед.", следуя г. Соколову не признают Св. синод собором и, желая умалить его значение и власть, говорят, что он есть церковно-государственное установление.

Отв.: Церковно-государственное установление, т. е. учреждение Св. синода церковною и государственною властью не препятствует Св. синоду быть собором. Св. синод есть собор, и это ясно и неоднократно выражено в документах непререкаемой важности и достоверности (напр. „Дух. регламент" и „Собр. зак." № 3,749). Когда и после того „Бирж. вед." продолжали настаивать, будто „Русский мир" неправду утверждает, признавая Св. синод собором, то приведены были против них следующие основания, по которым Св. синод есть и должен быть признаваем собором: в именном указе 25 января 1721 г. об учреждении Св. синода Петр I говорит: „не видя лучшего к исправлению духовного чина способа, паче *соборного правительства,* уставляем духовную коллегию, т. е. духовное *соборное правительство.* В присяге членам духовной коллегии – она именуется духовным *правительствующим собранием.* Затем на первых трех страницах последнего издания „Духовного регламента" *пять раз* встречается в приложении к Св. синоду наименование: *соборное правительство, три раза – соборное правление* и *два раза – соборное сословие;* приговор Синода называется *соборным.* Сам Св. синод в одном из указов изъясняет о себе: *Синод* имеет честь, силу и власть патриаршескую, или едва ли и не большую, понеже *есть собор"* („Собр. зак." № 3,749).

Напрасно и не искусно „Бирж. вед." опорочивают и то положение „Русского мира", что по нынешней церковной практике судебная власть принадлежит епископам. Они говорят, что в отдельных епархиях действуют *духовные консистории с местными преосвященными во главе.* „Бирж. вед.» нанесли бы „Русскому миру» чувствительный удар, если бы доказали, что *духовные консистории действуют без главы,* а теперь только его подкрепляют.

„Бирж. вед.» требуют доказательств мысли, что по правилам суд епископский и суд соборный – однородны. Вот требуемые доказательства: Антиох. 4: *аще который епископ изверженный от сана собором, или пресвитер, или диакон своим епископом* и т. д. Епископ подвергается извержению, этому крайнему наказанию, по суду собора, а пресвитер и диакон по суду своего епископа. Если *не по суду епископа пресвитер и диакон, то* окажется, что *и епископ не по суду собора.* Карфаг. 29, 12, 14: *обвинения на пресвитеров и диаконов собственный обвиняемых епископ, в качестве председателя,* вместе с шестью, или тремя ближайшими епископами, *исследует с соблюдением тех же правил касательно дней и сроков, и исследования, и лиц обвиняющего и обвиняемого, какие установлены и для соборного суда над епископами.* Суд над пресвитером и диаконом их собственного епископа, председательствующего в собрании созванных соседних епископов по правилам *почитается судом их собственного епископа.* В Карфаг. правилах (37 и 139) говорится: *когда пресвитеры и диаконы и прочие низшие причетники по возникшим у них делам жалуются на суд своих епископов* и т. д. Можно представить и еще доказательства однородности суда епископского с соборным и нелепости мнения об административном характере епископского суда.

Напрасно „Бирж. вед.", для придания еще большей силы своим доводам, ссылаются на алфавит, помещенный в конце книги „Правил», и выставляют, якобы и к этому алфавиту относится сказанное на выходном листе книги „Правил», что она издана „во утверждение единой, святой, Апостольской, Православно-кафолической Церкви». Это было печатано и тогда, когда в книге „Правил» алфавита еще не было. Да и почерпнутое „Бирж. вед.» из алфавита в их пользу не дает ничего: они приводят из алфавита, что пресвитера и диакона судит *свой епископ* с шестью, или тремя другими епископами, а заключение отсюда выводят такое, *что свой,* т. е. епархиальный епископ, пресвитера, подчиненного ему, *судить не должен,* равно же не должны судить и соседние епископы, а должны судить пресвитеры.

Когда „Бирж. вед.» снова подняли вопрос о Карфагенских правилах и находили, что по этим правилам епископ ограничен в суде над подчиненными ему пресвитерами и диаконами тем, что пресвитера он судит не один, а с шестью другими епископами, а диакона – с тремя, то со стороны „Русского мира» было изъяснено, что это были правила местные, действовавшие только в одной Карфагенской церкви, потому что только в этой одной древней Церкви было возможно их осуществление, по причине многочисленности епископов; во всех же прочих древних Церквах,

современных Карфагенской, действовали не эти правила, а другие, по которым пресвитер и диакон „извергаются из сана и отлучаются от общения церковного” (т. е. подвергаются крайним по церковному суду налагаемым наказаниям), вследствие суда их собственного епископа (Антиох. 4, 6, 12; Сардик. 13, 14; IV Всел. 23). Эти последние правила всегда действовали и доныне действуют и в нашей Церкви; приложение же Карфагенских правил у нас решительно немыслимо, по причине обширности наших епархий: невозможно собираться епископам шести соседних епархий раз по 10, или по 20 каждый год в кафедральном городе каждой из шести соседних епархий, для суда над пресвитерами и диаконами. Делаемая при этом случае „Бирж. вед.“ укоризна, будто „Русский мир» неправильно говорит, что, по Карфагенским правилам, местный епископ занимал место председательствующего в суде над пресвитерами и диаконами, поставляет его в величайшее затруднение и недоумение, как изъяснить происхождение этой укоризны. Высказывая свое мнение, он основывался буквально на следующих словах 14 Карфагенского правила, на которое делают ссылку „Бирж. вед.“ „рассуждено, чтобы в Триполе на суде слушали пресвитера пять епископов, а диакона три: явно же есть, яко *председати будет свой епископ.* Один из московских спорщиков по этому предмету напечатал последние слова крупными заглавными буквами, вероятно для тех, которые худо видят. „Бирж. вед.“ видели приведенное Карфагенское правило и знают сочинения московских спорщиков, тем не менее однако же укоряют „Русский мир» будто он ложно находит в Карфагенских правилах мысль о председательстве местного епископа в суде над пресвитерами и диаконами. Далее этого недобросовестность не может простираться. „Бирж. вед.“ по пятам „Правосл. обозрения» (1872, январь) приводят несколько примеров, из которых видно, что напр. для суда над пресвитерами, Оригеном и Арием, их епархиальные епископы созывали соборы из подчиненных им епископов, и что в Русской церкви епархиальные архиереи иногда поручали отправление церковного правосудия подчиненным им лицам пресвитерского сана. И первое, и второе – прекрасно, поучительно и достоподражаемо; но мысли об отнятии у епархиального архиерея, принадлежащей ему судебной власти, из этих примеров все-таки не выходит: судили, или поручали суд все-таки епархиальные епископы; а это-то более всего „Бирж. вед.“ и не нравится. Равным образом, приведенные примеры не опровергают и того положения, что никакая другая власть, ни другой епископ, ни даже самый собор епископов не могут судить дела, подсудного суду епископа епархии – первый ни в каком случае, последний, т. е. собор, прежде суда епископа епархии.

„Бирж. вед.“, следуя „Православному обозрению” (янв. 1872), повторяют против „Русского мира” тот упрек, который г. Л. Б. делает г. Лаврову, будто сей последний приписывает епископу *самодержавие судебной власти.* „Бирж. вед.» тот же упрек делают „Русскому миру“, уверяя, будто „Русский мир” думает, что епископ, преемник Апостола, может пользоваться судебною властью во всем ее пространстве и видах, независимо ни от кого и по собственному „усмотрению“. „Русский мир» отвечает: никогда мы подобным образом не думали, и никого в этом не уверяли. „Бирж. вед.“ в подтверждение своего обвинения не найдут в „Русском мире“ ни одного слова. Мы думаем и говорили, что епископ, имея судебную власть на основании Св. писания и правил, в употреблении этой власти ограничен высшею, над ним стоящею судебною властью – соборною. На суд епископа каждое, подвергшееся осуждающему приговору этого суда, лицо имеет право отзыва к суду собора, который может или исправить суд епископа, или же утвердить его. Вот одно каноническое ограничение судебной власти епископа; а другое состоит в том, что в пользовании судебною властью епископ ограничен пределами своей епархии, и не может пользоваться оною в епархии другого епископа. Третье ограничение епископа в пользовании судебною властью состоит в том, что он судит не по собственному усмотрению, а на основании церковных правил. Все это мы высказывали ясно и прямо, и, в виду этого, навязывать нам мысль о независимости епископа ни от кого, и об употреблении им судебной власти по своему усмотрению значит говорить заведомо неправду.

Спор „Бирж. вед.“ с „Русским миром» принес ту пользу, что еще раз, и уже пред публикою, читающею светские газеты, яснейшим образом обнаружил ничтожество оснований, проводимых сторонниками отнятия судебной власти у епархиального епископа и всю недобросовестность тех уловок, к которым они прибегают. Он принес и ту еще пользу, что „Бирж. вед.“, кажется, уразумели нелепость сочиненного ими дисциплинарного суда, так что о нем в последних статьях „Бирж. вед.“ нет и помину. Он принес и ту пользу, что вызвал со стороны „Бирж. вед.“ несколько, может быть невольных признаний, которые показывают, что они в глубине души убеждены в

истине защищаемого „Русским миром» дела; но никак не могут выйти из тех противоречий, в которые себя поставили другими своими заявлениями. К числу таких утешительных симптомов может быть отнесено следующее признание „Бирж. вед.“. Мы признаем, что епископы пользуются судебною властью в Церкви не во всем ее пространстве, а в определенной мере.… что епископ не есть единственный обладатель судебной власти в Церкви и должен быть ограничен в употреблении ее, особенно в случаях произвольных, неправильных, своекорыстных действий….. что в наших (т. е. „Бирж. вед.)“ статьях нет мыслей, будто епархиальный епископ не должен судить подчиненного ему пресвитера, а должны судить пресвитеры». „Епископ пользуется судебною властью и есть ее обладатель, хотя и не единственный... и нет мысли о том, чтобы судили одни пресвитеры.…» При виде таких заявлений так и хочется сказать: из-за чего спор? к чему горячиться? зачем портить свою кровь и бумагу? Епархиальный архиерей и собор архиереев – два центра и источника судебной в Церкви власти. Архиерей ограничен в употреблении этой власти собором и пределами своей епархии. Более этого никто ничего не требует и не говорит. На этом условии можно подписать мир. Но увы, никогда не должно забывать, что все, самые ясные признания противной стороны, тут же, или чрез несколько времени спустя, обыкновенно отрицаются ею самою с неслыханным и невиданным остервенением. Таков рок, такова Немезида! Тот же писатель, которому принадлежат приведенные сейчас признания, тут же называет себя *разбивателем архиерейской власти*, а в других местах неоднократно повторяет, что доводы „Русского мира” не могут разубедить его, и что он не чувствует потребности смиренно раскаяться в своих заблуждениях. „Русский мир» замечает по этому случаю: мы просто в отчаянии, при виде этих заявлений „Бирж. вед.”. На кого надеялись, тот нам и изменяет: „Бирж. вед.” не убеждаются нашими доводами. Нам остается одно утешение – надеяться, что мы, хотя и к сожалению „Бирж. вед.”, найдем себе приверженцев в среде нашего духовенства и всех тех здравомыслящих людей, которые в представителях высшей церковной власти не предполагают, подобно „Бирж. вед.” и „Голосу”, непрестанного проявления человеческих страстей: вражды, пристрастия, человекоугодничества и малодушия, и которые из-за неполучения скуфьи или камилавки не кричат о придавленности гнетом бесправной зависимости от администрации. „Бирж. вед.” могут продолжать стараться о разрушении архиерейской власти, но мы не можем не заметить, что они не понимают, что, разрушая власть архиерея, они теми же самыми ударами разрушают и собор, долженствующий и могущий состоять из архиереев, и то духовенство, в пользу которого, по-видимому, хлопочут, ибо если каждый архиерей в частности действует по человеческим страстям: вражде, пристрастию, человекоугодничеству и малодушию, то и все вместе они будут действовать по тем же побуждениям. Что же далее?.. Останутся одни *бесстрастные иереи, во главе которых не будет стоять архиерей.* Но, по пословице: каков поп, таков и приход, – если генералы худы, то офицеры и вовсе никуда не годятся.

Полемика газеты «Голос» с газетою «Русский мир» о судебной власти епархиального архиерея.

Чрез несколько дней после того, как появились две первые статьи „Бирж. вед.” (№№ 154, 156) об отнятии у епархиального архиерея судебной власти, „Голос” в двух статьях (№№ 60 и 62) развивает ту же самую тему, с теми же вариациями и, разумеется, с тою же целью – убедить своих читателей, что отнять у епархиального архиерея принадлежащую ему, на основании Слова Божия и церковных правил, судебную власть, ничего не значит, даже мало того – это требуется Словом Божиим и правилами, и что если и принадлежала церковно-судебная власть епархиальному архиерею, то это только вследствие прискорбного недоразумения; весь Православный мир, от начала христианства доныне находился в заблуждении. Весьма трудно различить, – „Голос» это проповедует, или „Бирж. вед.“? – до того велико сходство в мысли, в выражении, в постановке и аргументации предмета, даже в ошибках и недоразумениях, что оно близко с полным тождеством. Как будто один и тот же художник малюет в двух местах.

Цель и у „Голоса» и у „Бирж. вед.» – одна и та же: архиерея нужно лишить принадлежащей ему судебной власти, – иначе погибнет Россия и белое духовенство. Оружие у обеих газет одно и тоже. Так как после московского спора об этом предмете сделалось решительно невозможным утверждать, будто судебная власть, на основании Слова Божия, церковных правил и неизменной церковной практики, не принадлежит епископу, в чем откровенно сознаются „Бирж. вед.“, то тактика совершенно изменилась. Теперь допускают, что власть суда епископу принадлежит, но не в обыкновенном, общечеловеческом смысле, а власть какого-то дисциплинарного суда, которая

будто бы принадлежит всякому начальству над его подчиненными. Первые выпустили этот снаряд „Бирж. вед.“, и „Русский мир» показал им всю нелепость и несостоятельность их изобретения. Дисциплинарного суда нет и быть не может. „Голос» повторяет погрешность „Бирж. вед.» и уверяет, что хотя епископ мог подчиненного ему клирика лишить места, отрешить от должности, запретить священнослужение и т. д., но эти действия имели значение административных, а не судебных распоряжений. В виду такого настояния и повторения и „Русский мир» повторил, что дисциплинарного суда нет, что есть только дисциплинарные взыскания, которые суть наказания, налагаемые без суда властью начальства, и которым подлежат все вообще маловажные проступки как по службе, так и по нарушению общественного порядка и благочиния, не влекущие за собою предания суду („Свод. воен. постан.” изд. 1869 г. уст. дисц. 8, 9). Если так понимать судебную власть архиерея, если утверждать, что он имеет только власть суда дисциплинарного, т. е. власть налагать дисциплинарные взыскания, как всякий начальник, то нельзя уже будет утверждать, что такою постановкою судебная власть у архиерея, в том виде, смысле и существе, как она усвояется ему Словом Божиим, канонами и непрерывною практикою – не отнимается. Все усилия „Голоса» убедить своих читателей, что только в этом смысле, т. е. как начальнику, усвояется судебная власть архиерею – совершенно бесплодны. Немного нужно знания, чтобы распутать и уничтожить сплетенные для этой цели „Голосом» софизмы.

„Голос» утверждает, что в первобытных христианских обществах суд был отеческий, патриархальный, и правами такого суда пользовался в важных случаях совет старших, а в делах менее важных, обыденных, глава общины – епископ. Когда обвинения касались пресвитеров, епископ предлагал эти жалобы на обсуждении совета старших членов. В таких, будто бы, формах изображается духовный суд в первоисточнике церковного права – в Св. Писании; таков именно смысл пастырских посланий Апостола Павла к Тимофею, бывшему настоятелю церковной общины в Ефесе.

Отв.: „Голос» никогда не читал ни всего первоисточника церковного права, ни даже той части, на которую в особенности ссылается. В Св. писании нет ни одной буквы о том, чтобы в христианском обществе правами суда в важных случаях пользовался совет старших. Ни о каком совете старших или младших в Писании нет ни одного слова. Нет ни одного слова в Писании и о том, будто епископ жалобы на пресвитеров предлагал на обсуждение совета старших членов и будто сам он пользовался правами суда только в делах менее важных, обыденных. Все это есть собственное изобретение „Голоса», и Священному Писанию навязано, конечно, для усвоения изобретенному большего авторитета. В посланиях Апостола Павла к Тимофею есть следующая, относящаяся к суду, наиболее ясная заповедь Апостола сему, по выражению „Голоса», настоятелю церковной общины в Ефесе, а по общепринятому церковному мнению – епископу Ефесской церкви, выраженная буквально следующим образом: *обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях. Согрешающих обличай пред всеми, чтоб и прочие страх имели. Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Его Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию.* Какой бы смысл ни захотел „Голос» придать этим словам Апостола Павла к Тимофею, где говорится о суде, – он не извлечет отсюда никаким образом ни мысли о совете старших, будто бы решавшем важные дела, ни о том, что суду епископа предоставлены были только дела менее важные, обыденные. Все, что дают эти слова Апостола, заключается в следующем: 1) власть суда над пресвитером принадлежит епископу (Тимофею); 2) он должен судить (принимать обвинение) пресвитера не иначе, как при двух или трех свидетелях; 3) согрешающих обличать пред всеми для устрашения других; 4) судить без предубеждения и без пристрастия. Остальное есть изобретение „Голоса» и к первоисточнику церковного права не имеет ни малейшего отношения.

Свою неудачную изобретательность „Голос” показывает и при объяснении дальнейшего исторического развития церковного суда. Он совершенно правильно утверждает, что и с развитием жизни *в епископе сосредоточивались права суда,* который действовал в этом суде или единолично, или в соучастии помогавшей ему коллегии пресвитеров. Правильно, говорит „Голос» и то, что епископ мог подчиненное ему лицо лишить места, отрешить от должности, запретить ему священнослужение и т. д.; – но за сим неправильно и произвольно утверждает, будто епископ пользовался судебною властью на правах начальника – правителя, будто указанные действия его имели значение административных, а не судебных распоряжений, будто судебная власть епископа была продолжением и дополнением его административных прав, как

начальника общины, а не имела самостоятельного значения, действительным же судом был именно суд соборов. Все эти утверждения „Голоса» столь же произвольны и неверны, сколь несостоятельны представленные в подтверждение их основания. Из того положения, что лицо, подвергнутое взысканию со стороны епископа, имело право принести свое оправдание собору, который подвергал рассмотрению приговор епископа, и произносил свой приговор, которого епископ уже не мог обжаловать, выводить заключение о несамостоятельности судебной власти епископа и о действительности только суда соборов, – все то же, что из положения мирового судьи в отношении к мировому съезду, или окружного суда к судебной палате, – заключение об административном значении приговора мирового судьи и окружного суда, – ибо и здесь съезд подвергает рассмотрению приговор судьи, имеет право постановить свой приговор, и этот приговор судья не может обжаловать; в таком же отношении и окружной суд находится к судебной палате. Из выставленного „Голосом» положения вытекает заключение, прямо противоположное им выводимому. Если, по утверждению „Голоса», суд соборов был действительным судом, и если к этому действительному суду поступали жалобы на отрешение епископом клирика от должности, на запрещение ему священнослужения то и епископ, приговоры или распоряжения которого обжалованы, постановлял их как действительный судья, а не как администратор. Если же приговоры епископа об отрешении от должности, о запрещении священнослужения были административными распоряжениями, то и собор при перевершении их действовал в качестве административного учреждения, а не в качестве суда. На распоряжение начальника жалоба приносится высшему над ним начальствующему учреждению или лицу, перед судом обжалуется только судебный приговор, который подвергшееся приговору лицо почитает несправедливым. И все это буквально подтверждается *канонами, которые и суд епископский и суд соборный называют одним и тем же именем – судом, судилищем* (Карф. 37, Антиох. 12); одним и тем же именем называют акт перенесения дел от епископского суда к соборному, равно как и от суда меньшего собора к суду большего собора – апелляциею, отзывом. Образ производства суда у епископа такой же, как и на соборах. (Карф. 29); решение епископского суда называется тем же именем, как и решение соборного суда – приговором, решением; наказания, налагаемые тем и другим судом, одинаковые – извержение, отлучение, лишение места. Эти понятия и сведения азбучные и различать их, кажется, должно было бы, и не должно было бы на смешении их основывать фальшивые выводы, или по крайней мере, приличие требовало бы не разрушать этот вывод самому их изобретателю. А изобретатель „Голоса» делает именно это неблагодарное для его труда дело; усиливаясь доказать, что приговоры епископа, по жалобам осужденных, переходившие на соборный суд, были приговорами административными, он приводит или цитирует ряд правил, к делу не относящихся или свидетельствующих именно против него. Долго было бы разбирать по порядку каждое из приведенных с этою целью на двух столбцах (№ 62, стр. 2) правил и показывать неуместность и бесполезность для защищаемого „Голосом» дела; довольно для примера показать, как удачно он пользуется правилом в заключение этой длинной тирады. Он говорит, что каждый клирик, подвергшийся взысканию своего епископа, имел право приносить свое оправдание на собор, и изверженному судом собора ни в каком случае уже не возвращался свящ. сан, и за него не могла ходатайствовать никакая власть, ни даже вся поместная Церковь. Правило же 73 Карфаг. собора, на которое ссылается в этом случае „Голос”, говорит следующее: *клирика, осужденного за преступление судом епископов, не позволено защищати ни той Церкви, в которой он служил, ниже какому-либо человеку,* и означает, по мнению толкователей, что никто не может препятствовать, чтобы клирик, правильно осужденный его епископом за какое-либо преступление, понес определенное ему наказание. Равным образом, не должно было говорить ту неправду, будто каноны вовсе не говорят о суде епископа для разбора криминальных дел, потому что в канонах прямо и ясно говорится, что на суде епископском может быть полагаемо извержение, отлучение и другие наказания, налагаемые в церковно-криминальных делах и преступлениях. О соблюдении на епископском суде тех же форм и обрядов, какие установлены для суда соборного, также прямо и ясно говорится в канонах (Карфаг. 29).

Не имея возможности отрицать того очевидного положения, что епископ, по канонам, имеет власть подчиненных ему клириков подвергать всем церковным наказаниям, и самым крайним, каковы: запрещение священнослужения, отлучение, извержение, „Голос» придумывает и другой маневр с целью ослабить силу этого доказательства. Он говорит, что хотя епископ и приговаривал ко всем наказаниям, но только временно, а не навсегда; каждый клирик,

подвергшийся взысканию епископа, имел право принести свое оправдание на собор, который или оправдывал виновного, или подвергал действительному извержению. Следовательно, заключает „Голос», предоставляемое канонами епископу право подвергать подчиненных ему клириков отлучению и извержению нисколько не доказывает сосредоточения в руках епархиального епископа всей полноты судебной власти.

Отв.: но оно доказывает, выше всякого сомнения, принадлежность ему судебной власти в такой мере, что он имел право подвергать клириков всем тем наказаниям, каким подвергал их и собор. Одним тем обстоятельством, что приговор его подлежал обжалованию, и мог быть исправлен собором, решительно нельзя доказывать мысль о принадлежности епископу не судебной, а административной власти: не подлежат обжалованию только судебные приговоры Вселенских соборов. По системе умозаключений „Голоса» выйдет, что и приговоры патриарших соборов, подлежащие обжалованию пред Вселенским собором, и приговоры митрополичьих соборов, подлежащие обжалованию пред собором патриаршим, суть только административные распоряжения, так как и они не суть окончательные, а могут быть или утверждены, или исправлены. Судебною инстанциею будет только одна последняя, высшая, а все прочие будут административными.

Перевершение соборным судом суда епископского, приводящее „Голос» к умалению епископского суда пред соборным, и служащее для него основанием мысли об инородности епископского суда в сравнении с соборным, имеет совершенно, не тот смысл, какой хотят ему навязать. В Церкви действовало общее начало всех законодательств о праве высшего суда перевершать приговор низшего, и о непоставлении этого в предосуждение низшему суду; и это начало ясно выражено в 16 Карфагенском правиле: *аще от каких бы то ни было судей церковных судное дело перенесено будет к другим судиям церковным, имеющим высшую власть: да не будет никакого нарекания тем, коих приговор отменен будет, аще не могут быти обличены, яко или по вражде, или по пристрастию осудили, или неким угождением прельщены были».* „Голос” не знает этого, или не хочет знать.

Чтобы окончательно убедиться „Голосу» и К° в крайней нелепости мысли об административном значении предоставляемых епископу канонами судебных прав, для сего довольно обратить внимание на то, что соборы, которые, по его утверждению, одни обладали судебными правами, были учреждением непостоянно действующим, а составляемы были только временно. По древнейшим правилам они составлялись дважды в год (Апост. 37), а позднее соборы были составляемы однажды в год (VI Всел. 8. VII, 6). Следовательно, по умозаключениям „Голоса», суда церковного, как учреждения постоянно действующего, не было между соборами – Церковь была бессудна, в между-соборное время действовала только административная власть епископа. Неужели и в виду этого „Голос» не устыдится нелепости своих измышлений и не бросит их?

„Голос», вместе с „Бирж. вед.“, мечтает, что, по „стеснении и ограничении» власти епархиального архиерея в делах суда, для ревизии или для разбора судебных дел в нескольких епархиях, можно образовать особое присутствие, председателем которого было бы особое лицо, уполномоченное Св. синодом и Высоч. властью, а членами – иереи, указанные для того народом, духовенством и архиереями подлежащих епархий и уполномоченные Св. синодом. Такое присутствие, будто, напоминало бы тот состав областных соборов древней Церкви, когда епархиальные епископы, по причине невозможности присутствовать на областном соборе, или заменяли себя уполномоченными от своих епархий, или предоставляли рассмотрение дел избранным судьям из своей области (Карф. 87, 141). Вот учреждение, которое „Голос» и К° хотят воздвигнуть на развалинах архиерейской судебной власти, существующей в продолжение почти девятнадцати веков, но ныне обреченной „Голосом» и „Бирж. вед.» на упразднение: по-ихнему архиерей будет только управлять, *с удить же будет* в двух, трех, четырех, или более епархиях особое *присутствие,* состоящее *из иереев* с председателем неопределенного „Голосом» звания и сана, и это, будто бы, подобно будет областным соборам древней Церкви.

„Голос» и К° воображают, что проповедуют свои фантазии на Алеутских островах дикарям, которые не умеют разобрать ничего и всему поверятъ. Как ни незрело общество Европейской России, тем не менее невозможно представить его стоящим на степени развития алеутов, и несправедливо ожидать, что не встретится людей, могущих оценить затеи „Голоса» и К°, их доводы и основания, равно как и сделанные на них возражения.

Предположенное „Голосом» и К° новое здание в виде особого присутствия, несмотря на обещаемое ими сходство в архитектуре с областными соборами древней Церкви, вовсе не будет иметь с ним ни малейшего сходства, даже отдаленного. *Областные соборы* древней Церкви состояли единственно из *архиереев, а не из иереев,* даже и в тех исключительных случаях, на которые делает ссылку „Голос». В 87 Карфаг. правиле, на которое ссылается „Голос», говорится следующее: „постановлено, чтобы каждый раз, когда *надлежит собратися собору, благовременно приходили на оный епископы,* которым не препятствует ни старость, ни болезнь, ниже какая-либо тяжкая необходимость, и да извещаются первенствующие, каждый от своей области, *о всех епископах,* в двух ли, или трех местах составляются *собрания их* (т. е. епископов), и от каждого из сих частных собраний по очереди избираемые неотменно да приидут ко дню собора». Речь идет во всем правиле о епископах, долженствующих быть на соборе, и ни одного слова нет об иереях, из которых будет состоять особое, предполагаемое „Голосом» и К° присутствие. Равным образом, нет ни одной буквы *об иереях* и в другом Карфагенском правиле, на которое „Голос» ссылается – 141. Там говорится: „угодно всему собору, ради того, чтобы не были долго удерживаемы все епископы, сшедшиеся на собор, избрати по три судии от каждой области». Объяснение этого правила заключается в следующем правиле того же собора – 142, в котором говорится: „по окончании некоторых дел, когда на продолжение заседаний, для окончания прочих дел, многие епископы сетовали и не могли сего понести, поспешая к своим Церквам, угодно было всему собору, да изберутся из числа всех (т. е. епископов) от каждой области долженствующие пребыти, ради окончания прочих дел и сие исполнено». Очевидно, что ни в том, ни в другом правиле нет ничего, хотя сколько-нибудь похожего на проектируемое „Голосом» и К°„особое присутствие». *На соборах архиереи,* а у „Голоса» – *иереи.* Тут есть, кажется, разница. *В канонах собор епископов,* собирающийся дважды или однажды в год для решения дел по отзывам на приговоры суда епархиального архиерея в качестве 2-й инстанции, *а по* „Голосу» *особое, постоянное присутствие из иереев,* судящее церковные дела нескольких епархий в качестве первой инстанции. Тут нет, кажется, ни малейшего сходства.

Одним из важнейших и непреодолимых препятствий к учреждению окружных духовных судов, на несколько епархий простирающих свою судебную власть, взамен епархиальных судов в каждой епархии служит, как известно, твердо и неизменно соблюдаемое во все времена Церкви каноническое правило, чтобы всякая епархия сохраняла без стеснения принадлежащие ей права, и чтобы никто из епископов не простирал власти на другую епархию (Ап. 35, III Всел. 8; Антиох. 9, Карфаг. 64, 67). „Голос» знает эти правила, но находит, что это решительно ничего: каноны-де не выражают той мысли, чтоб епископ, получивший полномочие от закона и высшей власти, не имел права распоряжаться в пределах епархии другого. „Голос” забывает, что закона такого доселе не издано; ибо в канонах желаемого „Голосом” закона нет, а выражен совершенно ему противоположный. Нет и власти не только высшей, но даже и равной той, которою издан не нравящийся „Голосу” закон: нет Апостолов, нет Вселенского собора, которые исправили бы себя и издали бы закон, требуемый „Голосом” и К° о праве одного епископа действовать и распоряжаться в епархии другого.

По всему этому, заключительный вывод „Голоса”, будто такою постановкою духовного суда и судебной власти епархиального архиерея (т. е. отнятием у него судебной власти и оставлением за ним только административной) будет восстановлено в судебной практике действие древних канонов, может быть принят только как самая злая и неуместная ирония.

Нет, не такими маневрами может быть достигнуто восстановление в судебной практике действия древних канонов, если „Голос» и К° желают именно этого, а не отнятия только судебной власти у епархиального архиерея. Собор епископов с митрополитом во главе был 2-ю судебною инстанциею по отношению к суду местного епископа. Если „Голос” и К° желают искренно восстановления древних канонов, – могут быть и у нас устроены митрополичьи округи с ежегодными или двукратными в год *соборами епископов, принадлежащих к округу митрополии,* для разбора, в качестве 2-й инстанции, дел, переходящих по отзывам на приговоры епархиального архиерейского суда. Это будет с древними канонами согласно. Но дела в эту инстанцию должны будут перейти не от епархиального архиерея, а от Св. синода, в котором ныне совместно производятся и дела, подлежавшие в древней Церкви митрополичьим соборам, и дела, производившиеся в соборе патриаршем. С установлением такой системы, в Св. синоде остались бы только дела, подлежавшие патриаршим соборам. Точная сообразность с канонами таким образом достигнута была бы. Но окажутся ли практические удобства к восстановлению

системы в нашей Русской церкви, никогда не действовавшей и в Греческой церкви давно уже не действующей? Во всяком случае, от восстановления этой системы, кроме точного соответствия ее канонам древней Церкви, могут быть ожидаемы и благие плоды, и практические выгоды: суд 2-й степени будет ближе; от системы же предлагаемой „Голосом» и К°, кроме противоречия ее основным церковным правилам, неизбежны и большие практические затруднения: суд 1-й степени (нынешние консистории) и теперь не близкий – будет еще дальше: одно особое присутствие предполагается на несколько наших обширнейших епархий.

Снова обращая взор на весь этот газетный спор об архиерейской власти, мы не можем не повторить следующих заключений „Русского мира», которые почитаем вполне справедливыми:

Из Св. писания, из церковных правил, из всей истории Церкви и из нынешней церковной практики с несомненностью, не допускающею ни малейшего пререкания, ясны следующие положения:

1) В поместной Православной церкви (след. и русской) судебная власть принадлежит собору епископов;

2) В поместном пределе Православной церкви, именуемом епархиею, судебная власть принадлежит епископу епархии;

3) Судебная власть епископа епархии простирается на все подлежащие церковному суду дела его епархии;

4) Никакая другая власть, – ни другой епископ, ни даже самый собор епископов – не могут судить дела, подсудного суду епископа епархии – первый ни в каком случае, последний (т. е. собор) прежде суда епископа епархии.

Все это, на основании Слова Божия, церковных правил, всей истории Православной церкви и нынешней церковной практики, – столь несомненно, что всякое пререкание против указанных положений, на почве указанных источников, будет лепетом капризного и упрямого ребенка. Желающему устранить епархиального архиерея от суда – должно оставить эту почву и перейти на какую-нибудь другую: на этой почве нельзя действовать в пользу такой затеи не только с успехом, но даже и с некоторым лишь внешним приличием.

Газетный спор об основаниях второй теории прекратился в августе 1872 г. В сентябре „Бирж. вед.» печатали отрывки из какой-то объяснительной записки об устройстве церковного суда в духе, разумеется, прежних статей и с запоздалыми выходками против „Русского мира“. С конца сентября прекратилось и это, а пошли бюллетени о новой фазе в деятельности состоящего при Св. синоде комитета о преобразовании церковного суда.

29 сентября 1872 г. в „Бирж. вед.» № (264) появился следующий бюллетень: „в последнем заседании (26 сентября 1872 г.) *комитет духовно-судебной реформы предположил организовать духовный суд, освободив епархиального архиерея от непосредственного участия в его отправлениях.* В последовательной связи с этим был *разрешен и вопрос о духовно-окружных судах и о прокуратуре в положительном смысле.* Нельзя не пожелать, чтобы настоящее предположение устояло, и чтобы комитет скорее окончил свои работы» („Бирж. вед.” 1872 г. № 264).

После этого бюллетеня „Бирж. вед.“ пропаганда сказанной теории решительно прекратилась. В октябре и ноябре 1872 года явилось несколько статей в „С.-Петербург. вед.” №№ 283, 286) и одна в „Голосе” (№ 184) по предмету духовно-судебной реформы. Главная тенденция этих статей – убедить, что один из двух проектов, выработанных в комиссии, именно тот, в котором дается архиерею менее участия в суде, лучше другого; но что и этот лучший должен быть изменен „сообразно основной идее отделения суда от администрации», и принцип должен быть проведен чище, т. е. что и та малая доля судебной власти, которую оставлял еще за архиереем лучший проект, должна быть у него отписана. Теория при этом пущена в ход первая – г. Соколова, из которой „Голос» сделал пространные выписки, в чем и был изобличен „Русским миром» (№ 304). О второй теории не было и помину.

Мы думали, что эта теория совсем погибла и даже не с шумом, а просто с бесславием.

Тем неожиданнее для нас было встретиться с этою теориею, выступившею в свет безлично (Л. Б.), истрепанною в газетах, и где же встретиться? – в академической речи на торжественном акте Спб. духовной академии 17 февраля 1873 года.

Общая идея академической речи г. Барсова вполне тождественна с заявлениями „Биржевых ведомостей» и „Голоса», изложенными выше. „Биржевые ведомости», „Голос», статья

„Православного обозрения» (1872 г. янв.), академическая речь г. Барсова – все это одно мастерство, одной печи печенье.

Г. Барсов переписывает в свою речь буквально даже фразы „Голоса» и „Биржевых ведомостей», – так твердо он их изучил (Сравн. „Голос» 1872, № 60, 62).

Вот тому некоторые доказательства для примера:

„Голос ” 1872, 1 июля № 62: „Право епископа**Речь г. Барсова, стр. 457, 458:** „Власть подвергать виновных взысканиям поподвергать виновных взысканиям составляет начальническому и архипастырскомунеотъемлемое право епископа и само собою усмотрению само собою вытекает из лежащейвытекает из лежащей на нем обязанности на епископе обязанности смотреть занадзирать (*ἐπισκοπεῖν*) за соблюдением уставов соблюдением уставов и правил Церкви”.и правил в подчиненном ему пределе”. **Речь г. „Голос ” 1872 № 60:** „Каноны вовсе не говорят**Барсова, стр. 465, 466:** „Каноны не упоминают о о суде епископском для разбора криминальныхсуде епископа для дел по обвинениям дел и преступлений”. „На правах начальника –священнослужителей”. **Речь г. Барсова, стр.** правителя, епископ мог взыскать с**459:** „Епископ в пределах своей начальственной подчиненного ему лица за неисполнение, иливласти мог взыскать с подчиненного ему клирика нарушение им своих обязанностей”.за неисполнение и нарушение им обязанностей **„Биржевые ведомости ” 1872 № 156:** „Всвоего сана и звания”. **Речь г. Барсова, стр.** правилах говорится, что запрещенные в**462:** „Каноны предоставляют обиженному начать священнослужении епископом не должны додело о себе на областном соборе, который и рассмотрения дела священнодействоватьпроизводил обстоятельное судебное (Сард. 14, Карф. 28, 38, Вас. Вел. 88); чтоисследование (I Всел. 5, Ант. 6, 20, Сард. 13, отлученные им почитаются отлученными толькоКарф. 29, сн. 12, 14); осужденный собором до тех пор, пока не оправдаются (Феоф. 4); чтоподпадал действительному наказанию (Карф. подвергшиеся взысканиям от своего епископа28), между тем как подвергшимся запрещению вообще могут искать оправдания передот своего епископа указывалось оставаться под собором и только собор производитэтим запрещением до рассмотрения о них дела и основательное исследование о них (Ант. 6, 20)”.до времени оправдания (Сард. 14, Карф. 38, **„Бирж. ведомости ” 1872 № 251:**Вас. Вел. 88, Феоф. 4)”. **Речь г. Барсова, стр.** „Епархиальный, или епископский суд,**465, 466:** „Каноны, упоминая о суде епископа по рассматривал и решал спорные и тяжебныеделам тяжебным (IV Всел. 9, Карф. 15, 17, 37, дела между всеми членами епархиального107 и 136) и над низшими клириками, не клира, или духовенства, также уголовные, илиупоминают о нем для дел по обвинениям по выражению церковных правил,священнослужителей…. Епископ, будучи *обвинительные* дела (Карф. 15) о низшихпредстоятелем известного предела, пользовался церковнослужителях, не имевших священногоправами наблюдения и охранения в нем сана (Карф. 29). Священнослужители, какпорядков и дисциплины церковной жизни, и ближайшие помощники епископа в служении,вследствие сего подвергал виновных мерам управлении и суде, подлежа вообще его суду висправительных взысканий». **Речь г. Барсова,** пределах дисциплинарных взысканий,**стр. 459, 460:** „Соборы областные были налагаемых начальствующим на подчиненного,установлениями повременными; отсюда по преимуществу судились в епарх. суде заестественно могли возникать разные неудобства маловажные преступления, как не сообразные св течении судебных дел. Напр. лицо, их саном, так и противные обязанностям ихподвергшееся взысканию от своего епископа, не службы и должности”. **„Биржев. ведомости ”**могло тотчас принести оправдание, а **1872 № 251:** „Областные соборы, попринуждено было ожидать открытия областного определению канонов, собирались два раза исобора. Для устранения этих неудобств однажды в год; следов., подлежавшие их судудозволялось прибегать к первенствующему епископы, пресвитеры и диаконы, подпавепископу области и вообще к соседним обвинению, должны были оставаться долгоепископам, которых для суда над епископом время под обвинением в ожиданиитребовалось 12, пресвитером – 6, диаконом – 3”. рассмотрения дела их судом; по этому в**Речь г. Барсова, стр. 455:** „Если по началу, устранение этого важного неудобства иизъясненному в 34 Апостольском правиле, постановлено в правилах Карфагенскогоепископ не должен был делать ничего важного собора, соблюдавшихся и в других местах,без согласия первого и прочих епископов в чтобы, в случае невозможности собратьсяотношении к церковному управлению; то

полному областному собору, епископа судилиестественная последовательность мысли 12, священника 5–6, диакона 3 епископа собязывает распространить то же ограничение и присоединением и их собственного”. **„Бирж.**на дела духовного суда, между которыми, без **ведомости ” 1872 № 251:** „Как в отношениисомнения, самыми важными в пределах управления епископ, по канонам, не долженюрисдикции епископа должны быть признаны был делать ничего особенно важного бездела о лицах священного сана, как ближайших ведома и согласия митрополита области ипомощниках и сослужителях епископа”. **Речь г.** провинциального собора: так тоже самое**Барсова, стр. 487:** „Оставление какого-либо из ограничение с равною последовательностьюнедостатков в духовном суде, под предлогом должно было простираться и на дела духовногоканонических оснований, показывало бы только суда, между которыми без сомнения самымимысль, что улучшения, допущенные в важными должны быть признаны суды надгосударстве, оказываются излишними и пресвитерами и диаконами, какнежелательными в Церкви, будто порядки непосредственными помощниками и сослу-церковных отношений всегда должны стоять на жителями епископа”. **„Голос ” 1872 № 62:**низшем уровне развития с порядками „Говоря о принадлежности архиерею судебнойотношений, принятых в государстве”. **Речь г.** власти, зачем твердить и настаивать, что суд**Барсова, стр. 461, 462:** „Правила, указывая на над духовенством епархии всецело долженпостепенное ослабление соборного начала в принадлежать архиерею и отправлятьсяЦеркви, вместе с тем содержат и мысль о уполномоченными от него лицами? – Неужелиперемене в образе заведывания делами Церкви. начало справедливое в светском суде,Вследствие сего расширялась власть оказывается несправедливым в духовном?”епархиальных епископов. Вместе с этим одна „Подобные рассуждения основываются начасть дел, составлявших юрисдикцию областного шатких доказательствах; они принужденысобора как, напр., действительный суд по заимствовать свои доказательства, или изобвинениям пресвитеров и диаконов, перешли в истории древней Вселенской церкви, когдаполное заведывание их епископов”. **Речь г.** бедственные политические обстоятельства,**Барсова, стр. 463:** „Устав духовных затрудняя созвание соборов дляконсисторий, относя суд к исключительным разбирательства церковных дел, тем самымправам начальства подсудимого, оказывается переносили почин решения этих дел в рукинесогласным ни с канонами, ни с вновь епархиальных епископов”. **„Голос ” 1872 № 62,**выработанными и принятыми в светских судебн. **„Бирж. вед. ” 1872 № 251:** „Или из историиуставах принципами”. **Речь г. Барсова, 459:** Русской церкви, когда *устав духовных*„Епископ в пределах своей начальственной *консисторий,* сосредоточив в рукахвласти мог взыскать с подчиненного ему епархиальных епископов отправлениеклирика. Но тоже самое мог сделать и правосудия, уничтожил в подведомых иммитрополит, как начальствующий в области установлениях всю самостоятельность, котороюепископ, в отношении к каждому из подчиненных они пользовались в старое время”. **„Голос ”**ему епископов, патриарх в отношении к **1872, № 62, „Бирж. вед. ” 1872 № 251:** „Еслиподчиненным ему митрополитам”. **Речь г.** патриарх мог наказывать собственною властью**Барсова, 460:** „В канонах проводится начало митрополита, равно как и митрополит –однозначащего подчинения клириков епископу, епископа лишь временным извержением, то иепископов – митрополиту, митрополитов – епископ мог делать своею властью только тожепатриарху (Двукр. 13–15)”. **Речь г. Барсова, 455:** самое в отношении к прочим„Если митрополит не мог единолично произвести священнослужителям”. **„Голос ” 1872 № 62:**суда над подчиненным ему епископом и „Каноны с одинаковою последовательностьюнизложить его без участия прочих епископов (Ап. поясняют принцип подчинения пресвитеров и74); то и обыкновенный епископ, необходимо диаконов – епископу, епископов – митрополиту,предположить, не мог также по собственному митрополитов – патриарху (Двукр. 13–15)”.усмотрению вины подчиненного ему „Если епископа мог судить и низложить толькосвященнослужителя подвергнуть его собор (Ап. 74); тот же порядококончательному осуждению”. **Речь г. Барсова,** судопроизводства наблюдался и в отношении к**460:** „Следующий пример, записанный в канонах, прочим священнослужителям”. „Пример,подтверждает ту же мысль новыми пояснениями. записанный в канонах, красноречивоАнтиохийский патриарх Домн своею властью подтверждает правильность наших выводов:подверг отлучению подчиненного ему епископа Антиохийский патриарх Домн подвергПетра; наказанный обратился к посредничеству

извержению своею властью подчиненного емуАлександрийского патриарха Кирилла, который, епископа Петра; изверженный обратился квняв его жалобам, писал Домну.... Из настоящих посредничеству Кирилла, Александрийскогослов св. Кирилла ясно, что наказанные патриарха, который, приняв сторонусобственною властью патриарха епископы не осужденного, писал Домну.... Как Кириллмогут почитаться действительно наказанными и убеждает Домна поступить в настоящем случаеосужденными. В таком же положении должны в отношении к епископу Петру, отрешенному отбыть признаны и священнослужители, места, (т. е. судить его собором), так и каждыйподпавшие взысканиям от своего епископа, ибо клирик, подвергшийся подобному взысканию отканоны предоставляют обиженному начать дело своего епископа, имел право принести своео себе на областном соборе: осужденный оправдание на собор соседних епископов….собором подпадал действительному наказанию». Приговор соборного суда или оправдывал виновного, или подвергал действительному извержению".

Из этих для примера приведенных сличений ясно, что г. Барсов полною рукою черпает свою мудрость из „Биржевых ведомостей» и „Голоса», как медные пятаки из своего кармана, и предлагает ее своим слушателям, конечно, в том предположении, что сами они своевременно не упивались мудростью „Голоса» и К°.

Оказывается, что г. академический оратор позаимствовал из „Голоса» и „Биржевых ведомостей» не только мысли, но и примеры, цитаты и фразы. Существенная мысль его: Слово Божие и каноны не только дозволяют лишить епископа принадлежащей ему судебной власти, но даже требуют этого. Точь-в-точь как „Голос». Вот как буквально формулирована г. Барсовым эта идея и задача: „имея в виду указания канонов относительно епископской власти, духовно-судебная реформа принуждена (?) *сохранить приличествующее епископу начальственное положение* в отношении к подчиненному ему клиру, и поставить в такие отношения к суду, при которых епископ, *сохраняя административное право налагать на виновных предоставленные ему законом взыскания,* вместе с тем принимал *участие* – как *при открытии преступления, так и при определении виновности подсудимого, подвергающей последнего судебной ответственности.* Сохранив подобное положение для епископа, реформа далее *должна поставить суд вне стеснительных влияний последнего* (т. е. епископа), дабы суд свойственною ему свободою, исследовал действительность совершенного преступления, самостоятельно определял его тяжесть и полагал виновному соответственное наказание. Допустив такую постановку отношений между архиереем и судом, реформа поступит, как нам кажется, *не только согласно с канонами,* но и в видах обеспечения правосудия; ибо *вмешательство в суд административной власти,* наблюдающей свои специальные интересы, *необходимо расстраивает отправления правосудия,* стесняет свободу подсудимых, для которых защита пред начальством становится делом затруднительным» („Христ. чт." 1873 г. март, 462 и 463).

Это определение задачи духовно-судебной реформы заимствовано г. академическим оратором почти буквально из „Голоса» (1872 № 62 стр. 2, столб. 3). Как однако же легко писать академические речи! Возьми „Голос» и „Биржевые ведомости», почитай Морошкина „Выборное начало» (Слич. Морошкина 49 – 51, речь г. Барсова 473–481) и речь готова.

Кажется недвусмысленно, а весьма ясно г. академический оратор изъясняет свою задушевную мысль и определяет задачу, какую, по его хотению, должна иметь духовно-судебная реформа. „Суд должен быть поставлен вне стеснительного влияния епархиального епископа, ибо вмешательство епископа в суд необходимо расстраивает отправления правосудия. Но реформа принуждена (?) предоставить епископу административное право налагать на виновных предоставленные ему законом взыскания и участие при открытии преступления (т. е. при назначении следствия) и при определении виновности преступления, подвергающего последнего судебной ответственности (т. е. в предании суду). И во всем этом реформа поступит согласно с канонами". Так, так, все это ясно, и все уже сказано „Голосом», „Биржевыми ведомостями» и отчасти „Православным обозрением» (1872. янв.).

Последнее, т. е. что реформа, понявши свою задачу согласно с г. Барсовым, поступит согласно с канонами, и составляет главную тему академической речи г. Барсова.

Но г. академический оратор, буквально верный „Биржевым ведомостям» и „Голосу» в существе своей основной мысли, отступил от них несколько в терминологии. У него нет уже дисциплинарного суда, которым „Биржевые ведомости» награждали епархиального архиерея, и

который, впрочем, и они вследствие замечаний „Русского мира» оставили. Везде вместо этого у г. Барсова является право епископа, по силе *начальственной своей власти налагать взыскания* на подчиненного ему клирика. Епископ налагает наказания на клириков *как начальник.* Суд собора над пресвитерами и диаконами называется *действительным судом* в противоположность епископскому, который таким образом является *недействительным;* епископ подвергает виновных *мерам исправительных взысканий.* Одним словом, г. академический оратор судебную власть у архиерея отнимает и оставляет его при одной административной.

Г. академический оратор не оставляет нас в неведении и касательно того, что такое тот недействительный суд, который по его уверению, имел епископ по канонам, и который он снисходительно уступает епископу и после реформы церковного суда. „Необходимо *выделить,* говорит он, *из круга судебных действий* те меры, которые предпринимают начальствующие лица при виде, или в предупреждение обнаружившегося преступления» (как предупреждать обнаружившееся преступление г. Барсов не разъясняет). „Как принятие этих мер не сравнивается с *действительным судом*, так и самые эти меры не почитаются однозначащими с взысканиями, постигающими виновного по суду; ибо начальствующие лица действуют в настоящем случае на правах административного надзора в видах сохранения порядка и законов в своем ведомстве» (457).

Вот этим-то, изъемлемым изъ круга судебных действий недействительным судом, снисходительно и награждает епархиального архиерея г. академический оратор, пытаясь убедить своих слушателей и читателей, что это именно предписывают Слово Божие и церковные правила.

Было время и не очень давно, когда г. Барсов о том же самом предмете говаривал нам другие речи, читывал нам и всем русским читающим и слушающим людям другие лекции, совсем непохожие на нынешние, а потому при извлечении меда из нынешних медоточивых его речей, мы невольно будем обращаться к прежним его речам, которые усвоили себе весьма твердо, дабы видеть нынешний прогресс и прежнюю отсталость г. академического оратора.

Г. академический оратор всегда говорит нам и учит нас с должною основательностью; и если прежде он учил нас, что епископ имеет власть *действительного суда,* а ныне учит, что епископ имеет только власть *недействительного суда;* то и в том и другом случае он основывается на твердых основаниях, на Слове Божием и на правилах Церкви, и при том на одних и тех же словах Писания, на одних и тех же правилах. Тем поучительнее для нас эта, если позволено выразиться просто, словесная эквилибристика: как из одного и того же места Писания, из одного и того же правила не иезуит, а российский духовный ученый и оратор извлекает мысль и о действительности епископского суда и о недействительности. Что касается Слова Божия; то делается это просто, с помощью словес и намерений, и с отсутствием мыслей, и именно вот как:

В известных трех (19 – 21) стихах 5-й главы 1-го послания Апостола Павла к Тимофею г. Барсов

в 1870 году находит основание действительного судаа в 1873 году находит только епископского над пресвитерами: „Ап. Павел, стараясь**свидетельство о недействительном** уяснить своим ученикам Тимофею и Титу сущность**суде.** „Власть подвергать виновных возложенных на них обязанностей церковного служения,взысканиям составляет неотъемлемое говорит вместе с тем и о *правах* дисциплинарногоправо епископа, и сама собою вытекает надзора *и суда этих лиц как над всем порученным им*из лежащей на нем обязанности *обществом, так и в частности над служителями*надзирать за соблюдением уставов и *Церкви. Апостол дает своим ученикам и частные*правил в подчиненном ему пределе. *наставления*, *какими правилами они должны*Апостол Павел, наставляя Тимофея, как *руководиться в случаях суда по возводимому на*он должен проходить порученное ему *служителей Церкви обвинению* (1Тим. 5:17, 19). Из всейслужение, говорит, что он должен речи Апостола ясно видно, что *Тимофей и Тит* былиоказывать сугубую честь достойно главными начальствующими лицами в церковныхначальствующим пресвитерам, обществах Ефеса и Крита, что *этим людям вместе с*особенно тем, которые трудятся в слове *властью начальствования от самого начала*и учении, принимать обвинение на *существования Церкви, принадлежали и права*пресвитера неиначе, как при двух, или *дисциплинарного надзора и действительного суда, как*трех свидетелях, не делать ничего по *над всем церковным народом, так и в частности над*пристрастию (1Тим. 5:17, 19, 21).

*служителями Церкви, что самое производство этого*Апостол очевидно имеет в виду *надзора и суда* должно было следовать определеннымначальственное положение Тимофея, правилам, и сопровождаться легальными*и, согласно с этим, усвояет ему* последствиями, которые бывают уместны при действиях*власть* и поощрять достойных *и* власти, законом установленной и всеми признаваемой”*подвергать ответственности* („Хр. чт.” 1870 сент. 480–482). *неисправных.* („Христ. чт.” 1873 март 457, 458).

Кто сличит эти два текста, тот сейчас увидит характер и направление сокращений в тексте 73 года сравнительно с текстом 70-го. О действительном суде, который г. Барсов видел в словах Апостола в 70 году, теперь нет более и речи; в них г. Барсов видит только указание на начальственное положение Тимофея и на усвояемую ему власть подвергать ответственности неисправных, что по нынешней терминологии г. Барсова *выделяется из круга судебных действий.*

Что истинно первое мнение (70 г.) г. Барсова и ложно нынешнее – (73 г.) доказательства этому приведены нами во множестве и в разных местах исследования. Повторять их нет нужды: они ясны и достаточны, надеемся, для всякого, кроме г. Барсова, для заграждения уст которого, может быть, будет иметь силу его собственно-устное признание. Если же не подействует и оно; то за сим ничто уже не будет сильно возвратить его к истинному и общехристианскому, всецерковному разумению слов Апостола: все будет тщетно.

Изменив свой взгляд на свидетельство Слова Божия о судебной власти епископа, г. академический оратор столь же резко и радикально изменил и свой взгляд на правила. Оказывается, по нынешнему его мнению, что и правила говорят только о начальственной, административной власти епископа и воспрещают ему иметь судебную власть. Как мы имеем некоторую память и никогда не дозволяем себе такого невежества, чтобы забывать уроки наших учителей, то и на этот раз поставим г. Барсова 73 года лицом к лицу с г. Барсовым 70 года.

Г. Барсов 1870 г. О судебной властиг. Барсов 1873 г. О судебной власти епископа: По **епископа в первые три века:** „Понепосредственному смыслу церковных правил, изображению св. Игнатия Богоносца, *всеепископ* в отношении к епархии представляется ее *церковное управление*, без всякого*духовным правителем,* обязанным имнть попечение о разделения его на частные отрасли,всей стране, состоящей в зависимости от его града сосредоточивается *в руках* главного(Антиох. 9); *по отношению к пастве – духовно-* представителя церковной общины *–нравственным судьею – пастырем, заботящимся епископа,* необходимо вспомоществуемого*об ее преспеянии* (*VI Всел. 102*); *в отношении же к* в этом случае пресвитерами и диаконами”.*клиру он должен быть признан духовно-* Святой отец ясно дает понять, что *епископ,начальствующим лицом, принимающим меры к* с его пресвитерами *представлял* собою*ограждению дисциплины, порядка и служебных главных деятелей* управления, а,*отношений в среде подчиненных* (IV Всел. пр. 7) (1). следовательно, и *суда* для каждой частнойЭта мысль составляет основу нравственного и церковной общины. „Христ. чт.” 1870. сент.юридического положения епископа в Церкви; на 491, 492. *„Епископ* и совет пресвитеровоснованнии такого положения *епископ в пределах* только вместе и нераздельно*своей начальственной* (но не судебной?) *власти,* мог представляют собою вполне законныйвзыскать с подчиненного ему клирика за орган и правильный проводник действий инеисполнение и нарушение им обязанностей своего отправлений *суда* и управлениясана и звания (Ап. 32; Ант. 4, 6, 12; Сард. 12,14) (2). церковного. Епископ нуждается вНо тоже самое мог сделать и митрополит, как необходимом для него совете пресвитеров;начальствующий в области епископ (Ап. 34; Ант. 9; I *совет пресвитеров требует*Всел. 4) в отношении к каждому из подчиненных ему *неотделимого от него председателя*-епископов – патриарх, как начальствующий архиерей *епископа”*. „Христ. чт.” 1870. сент. 495. „Вво всем округе, в отношении к подчиненным ему Апостольских постановлениях (источнике,митрополитам (3). Последнее ясно не только из хотя не пользующемся каноническимправил, в которых епископы подвергаются авторитетом в Церкви, но в изучениивзысканиям за свой произвольный образ действий практики древней церковной дисциплиныпрежде рассмотрения дела о них на суде собора (Ант. заслуживающем полного внимания) *в*17; Карф. 28, 38); но и из канонов, в которых *отношении к суду внутреннему* **,** которыйпроводится начало однозначащего подчинения мы вправе назвать судомклириков епископу, епископов митрополиту,

дисциплинарным, внушается *епископу,*митрополитов патриарху (Двукр. 13 – 15), также из имеющему среди людей образ Бога,правил, в которых самым делом полагаются *начальствовать над всеми людьми, над*взыскания на епископов (Вас. Вел. 90. Кир. Алек. 1). *священниками,* царями, начальниками,„Из слов св. Кирилла ясно, что наказанные отцами, сыновьями, учителями, надъсобственною властью патриарха епископы не могут всеми вообще подчиненными ему *и*почитаться действительно наказанными и *судить со властью, как судит Бог....*осужденными. В таком же положении должны быть всегда быть внимательным к распознаниюпризнаваемы и священнослужители, подпавшие преступления и т. д.... *В открытом суде*взысканиям от своего епископа, ибо каноны, *обыкновенными судьями являются те же:*ограждая подобные действия епископа от *епископ,* с которым присутствовали вместесамовольного ослушания наказанных (Ант. 4) и пресвитеры и диаконы". „Христ. чт." 1870.произвольного отменения их другими епископами (Ап. сент. 499–502. „Дело о Павле самосатском32; I Всел. 5; Ант. 6; Сард. 13), предоставляют было рассмотрено на нескольких соборах.обиженному начать дело о себе на областном соборе, Следовательно, соборы, собиравшиеся покоторый и производил обстоятельное судебное сему поводу *говорят нам, что суд над*изследование (I Всел. 5; Ант. 6, 20; Сардик. 13. *предстоятелями Церкви в то время*Карф. 29, Сн. 12, 14); осужденный собором подпадал *устроялся совершенно иначе, чем суд для*действительному наказанию (Карф. 28), между тем *разбирательства преступлений прочих*как подвергшимся запрещению от своего епископа *клириков и мирян. Суд над епископами, в*указывалось оставаться под этим запрещением до *собственном смысле слова, был*рассмотрения об них дела и до времени оправдания *соборный;* членами этого суда были уже по(Сард. 14; Карф. 38; Васил. Вел. 88; Феоф. 4)". преимуществу епископы, хотя не„Христ. чт." 1873. март. 459 – 462. Пристроив, таким исключались и пресвитеры". „Христ. чт."образом, канонического епископа древней Церкви к 1870. сент. 507, 508. **Г. Барсов 1870 г. О**административной власти, и отрешив от судебной, г. **судебной власти епископа с IV века.**Барсов предпринимает в своей речи далее труд *Обыкновенным судом для клириков и*доказывать, что судебная власть, по Слову Божию и *мирян и вместе первою инстанциею*канонам, принадлежала соборам. Труд был бы *духовного суда был суд местного*совершенно напрасным, так как ни один *епархиального епископа,* был ли онздравомыслящий человек никогда этого не отрицал, простым епископом, митрополитом, илиесли бы и при исполнении этого труда не имелась в патриархом. „Христ. чт." 1870. окт. 590.виду все главная цель – что епископ не судил, и не „Законно постановленные *решения судом*имел власти судить, а судил только собор. Г. *местного епископа* должны были иметьакадемический оратор аргументирует свою мысль безусловно обязательную силу для всехсловами Спасителя (Мф. 18:15–20), 37 правилом клириков, когда они судились заАпостольским, в котором говорится о двукратных преступления, касавшиесяежегодных соборах, которое помещено у нас выше с непосредственно их церковныхподлинными толкованиями, из которых ясно, что обязанностей, прав церковногособоры, установленные Апостольским правилом, управления, дел совести и взаимных иходною из существенных целей имели пересмотр несогласий. В ограждение ненарушимостисудебных приговоров, постановленных епархиальным действий этого *суда*, *правила запрещают*епископом. Затем, подтверждение своей мысли г. *клирикам оставлять своего епископа и*академический оратор продолжает следующим *обращаться к суду другого*, а еще болееобразом: „34 Апост. правило показывает, что в ту переносить свою тяжбу к суду светскомуэпоху начал устанавливаться определенный порядок (IV, 9; Карф. 15, 117 и друг.); в видах тогоподчинения между епископами" и в разъяснение же ограждения действий *суда местного*начал этого порядка говорит: „епископам всякого *епископа,* правила запрещают другомународа подобает знати первого в них и признавати епископу принимать в общение с собою иего яко главу и ничего превышающего их власть не допускать к служению *клирика*творити без его рассуждения.... но и первый ничего не *запрещенного, или низложенного по суду*творит без рассуждения всех". Если по началу, *соседнего епископа* (Ант. 6; I Всел. 5; II, 6;изъясненному в этом правиле, первый, Сард. 13; Карф. 9, 11 и др.). *Суд местного*начальствующий между прочими, епископ, названный *епископа* терял свою обязательность дляв последствии митрополитом. (I Всел. 4; Ант. 9), не его клириков только в том случае, если этимог единолично произвести суда над подчиненным клирики проходили свое служение в такихему епископом и низложить его без участия прочих

приходах, заведывание которымиепископов (Ап. 74); то и обыкновенный епископ, оспаривал у этого епископа другойимевший в своем заведывании епархию, необходимо соседний (IV, 17); также в тех случаях,предположить, не мог также по собственному если бы сам местный епископ отступил отусмотрению вины подчиненного ему правил истинной веры и нарушил законысвященнослужителя подвергнуть его окончательному церковного управления; в таких случаяхосуждению. Далее, если по началу, изъясненному в клирики могли обращаться прямо к34 Апостольском правиле, епископ не должен был областному собору. В Церкви Африканскойделать ничего важного без согласия первого и прочих суд местного епископа имел обязательнуюепископов в отношении к церковному управлению; то силу только для низших клириков; *для суда*естественная последовательность мысли обязывает *над пресвитером местный епископ*распространить тоже ограничение и на дела *Африканской церкви* должен былдуховного суда, между которыми, без сомнения, пригласить еще шесть, а для суда над*самыми важными в пределах юрисдикции* епископа диаконом три соседних епископа, которыхдолжны быть признаны дела о лицах священного воспросят обвиняемые (Карф. 29)". „Христ.сана, как ближайших помощниках и сослужителях чт." 1870. окт. 592, 593. „Жалобы илиепископа". (454–455). Из примеров суда над *апелляции на суд своего епископа клирики,*Оригеном и из действий св. Киприана, г. по правилам Африканской церкви (Карф.академический оратор извлекает убеждение в II, 37, 139) могли приносить сначаладействительности установившегося в самую древнюю соседним епископам, *которые с*эпоху Христианской церкви обычая соборно *епископом, прежде судившим,* вновьрассматривать и оканчивать судные дела о рассматривали судное дело. По правиламсвященнослужителях (455 – 458) и затем опять ищет соборов Вселенских (I, 5; II, 6) эти жалобысебе поддержки в правилах. „Правила Вселенских и и апелляции обыкновенно приносилисьпоместных соборов последующего времени областным соборам, собиравшимся вдовершают убеждение в справедливости этой каждой области сначала два раза, а послемысли". „Первый Вселенский собор постановил однажды в год (I, 5; II, 2; Ант. 20; VI, 8 иправилом, чтобы *подпавшие наказанию епископа, как* др.)". „Христ. чт." 1870. окт. 594. *Судсвоего начальника, искали исследования* своего дела соседних епископов, первенствующегона соборе, чтобы собор епископов области епископа области и *областного собора,*производил обстоятельное рассмотрение вины *представлявший собою первую*подсудимого и произносил об нем свое решение.... *апелляционную инстанцию для жалоб*Областной собор должен быть признан средоточием *клириков и мирян, недовольных судом*судебной власти для разбора и решения дел. *своего местного епископа, был в тоже*(Антиох. 6, 20)". „Правила Вселенских соборов IV, 13; *время обыкновенным судом первой*VI, 8; VII, 6 и Карфагенские 27, 84, 86 и 106, указывая *инстанции для епископов.* „Христ. чт."на постепенное ослабление соборного начала в 1870. окт. 595. *Начертанный правилами*Церкви, вместе с тем содержат и мысль о перемене в *Вселенских и поместных соборов порядок*образе заведывания делами Церкви. Невыгоды такой *постепенности в духовном суде* нашелперемены особенно чувствительно должны были для себя подтверждение и в законахотразиться на областной или митрополичьей системе Греческой империи, именно вуправления, с которою органически был связан законодательстве Юстиниана, правда ссоборный порядок ведения церковных дел. В то же некоторыми разъяснениями ивремя сосредоточение церковной жизни и стечение добавлениями, не противоречащими духу иважных дел при высших церковных, требованиям церковных правил. Так и поадминистративно-судебных центрах – экзархах или законам императора Юстиниана,патриархах естественно должны были ослабить изложенным в кодексе, *всякое обвинение*развитие той же жизни и уменьшить количество тех *или жалоба против клирика должны быть*же дел при центрах второстепенных – митрополитах. *принесены первоначально местному*Вследствие сего, по мере того, как возвышалось *епископу, если бы суд этого епископа*значение патриархов, падало значение областных оказался подозрительным какой-либо измитрополитов и, в соответствии с сим, расширялась сторон, то дело могло быть перенесено квласть епархиальных епископов. Подобная перемнна митрополиту („Христ. чт." 1870. окт. 602). Внеобходимо должна была последовать сама собою по 137 новелле: если обвиняется пресвитер,причине приближения центра высшей церковной диакон, или другой клирик, или настоятель,власти к митрополитам и удаления от епархиальных или монах, *то исследует обвинение*епископов. Вместе с этим *одна часть дел, составляв*

честнейший епископ, поставивший их.ших юрисдикцию областного собора и стоявшего во Коль скоро истина преступления*главе его митрополита* (*как, напр.,* исследована и доказана, то каждый,*действительный суд по обвинениям пресвитеров и* смотря по преступлению, подвергается*диаконов*) *по необходимости перешла в полное* церковным наказаниям судом,*заведывание их епископов;* другая (как, напр., суд над исследовавшим это преступление („Христ.епископами) перешла к патриархам, которым и чт.” 1870. окт. 604). *Суд епископа* и вообщемитрополиты стали подчинены наравне с духовный суд Церкви сохраняет полнуюепископами. В связи с этими изменениями, как при свою самостоятельность и по законампатриархах образовались постоянные Синоды, и государства (606). „Но если самая *низшая*получили начало другие коллегиальные установления из описанных нами *инстанций духовного*и единоличные органы, так при епископах усилились *суда,* каков, напр., *суд епархиального*пресвитерии и возникли другие органы *епископа представлял собою*применительно к составу администрации патриаршей. *центральное судебное место епархии;* то(„Христ. чт.” 1873. март, 461, 465). Г. Барсов остается еще в вопросе: был ли этот суд взаключает: „из сказанного ясно, что в отношении ко то же время и единственным в епархии,Вселенской церкви, устройство и образ действий или он имел под собою другиедуховного суда представляются неодинаковыми в подчиненные ему судные учреждения? Но,различные периоды. В эпоху широкого развития следуя совершенному молчанию правилцерковной жизни и деятельности соборов, *духовный* Церкви и законов государства о подобных*суд составлял право самих соборов:* каноны, подчиненных *епархиальному суду*упоминая о суде епископа по делам тяжебным (IV учреждениях, можно сказать, что *суд*Всел. 9; Карф. 15, 17, 37, 107, 136) и над низшими *самого архиерея* и его пресвитерскогоклириками (Карф. 29), не упоминают о нем для дел совета *был не только центральным, но*по обвинениям священнослужителей; напротив, *вместе и единственным судебным*прямо говорят, что суд и над последними *местом в епархии*, которая по большейпроизводится с соблюдением тех же правил части в древней Церкви состояла изкасательно дней и сроков и исследования, и лиц города, с принадлежащими к немуобвиняющего и обвиняемого, какие установлены для селениями, и в которой все духовенствосуда над епископами (Карф. 28, 29). Кажется, это первоначально равнялось кафедральномуясный знак того, что *епископ,* будучи представителем клиру епископа. Ноизвестного предела, пользовался правами малопространственность такой местностинаблюдения и охранения в нем порядков и и немногочисленность ее клира самидисциплины церковной жизни, и, вследствие сего, собою делали излишним размножение*подвергал виновных мерам исправительных* судебных органов и вместе удобным*взысканий.* Впрочем, и такой порядок вещей, если удовлетворять ее нуждам чрез однобуквально держаться указаний канонов, можно судебное учреждение”. „Христ. чт.” 1870 г.думать, преимущественно имел место на востоке (Ап. окт. 606, 607. „Представляя из себя разные32; Ант. 6, 12 и др.); на западе, именно в Африке, как инстанции, совершенно отличные одна отудостоверяют правила Карфагенских соборов (12, 14, другой по правам их власти, *духовный суд*29), принятые и в других местах Христианской *на всех инстанциях был всегда одинаков и*церкви, все обвинения против священнослужителей *совершался по одним и тем же принятым*рассматривались в присутствии 3–6 епископов, при *на нем обрядам производства*”. („Христ.участии и собственного епископа обвиняемых. В чтен.” 1870. окт. 607, 608). *Главным судьею*эпоху ослабления церковной жизни и деятельности *в епархии был епископ,* но в самомсоборов, духовный суд по необходимости становился отправлении правосудия необходимым дляпринадлежностью местной духовной власти, которая, него помощником является егопри содействии местных установлений, пресвитерский совет. („Хр. чт.” 1870. окт.рассматривала и решала судебные дела. Посему, как 625, л. 6). „Есть примеры того, что главныйпрежде, при развитии соборного начала и *председатель* духовного суда могсосредоточении церковных дел со всей области, при передать свои права другимкафедре митрополита и в областном соборе, уполномоченным им и не приниматьпоказалось неудобным размножать единоличные непременно на себя рассмотрения каждогоорганы епископской власти, вследствие чего и судебного дела”. („Христ. чт.” 1870. окт. 625.отменено звание хорепископов (Лаодик. 57); так 7). „Все лица клира, не исключая и мирян,впоследствии, при ослаблении соборного начала и были сравнены в правах искания себесосредоточении церковных дел со всего округа, при

защиты и оправдания, притом так, что длякафедре патриархов, открылась надобность усилить стоявших на высшей степени церковногоединоличные органы епископской власти; вследствие чиноначалия, (наприм. для епископов)чего митрополиты, утратив значение центров открывалось меньшее числодуховной власти, сохранили преимущества только апелляционных инстанций, чем для лиц,имени и чести, свойственных их сану, а в правах занимавших низшие церковные должностивласти сравнялись с прочими епископами. Подобные и степени (например, для пресвитеров)"?перемены последовали сколько от постепенного „Христ. чт." 1870. окт. 625, 626. п. 8.изменения в ходе дел церковных, столько и, главным „Решение одной инстанции не могло бытьобразом, от влияния политических событий, перевершаемо другою такою жепоследовательно повторявшихся на востоке". („Христ. инстанциею, но только высшею.чтен." 1873. март. 465–467) [25].

(Следовательно, если решение епископа было перевершаемо собором, то собор был высшею инстанциею суда, а епископ низшею?)" „Христ. чт." 1870. окт. 626. п. 13.

Как бесконечно далек г. Барсов 1870 г. от г. Барсова 1873 года! Узнает ли ныне г. Барсов себя самого в том образе, какой он имел в 1870 году? И обратно, узнает ли г. Барсов 1870 года себя самого в г. Барсове 1873 года? Невозможно. Это два разные лица. Старший г. Барсов рассуждал совершенно не так, как младший г. Барсов. Старший уверял нас, что по древнейшим церковным свидетельствам епископ представлял собою главного деятеля суда, а по канонам обыкновенным судом для клириков и мирян и вместе первою инстанциею духовного суда был суд местного епархиального епископа. Младший древнейшие свидетельства опускает, а с точки зрения правил нас уверяет, что, по непосредственному их смыслу, епископ является только духовным правителем епархии, а в отношении к клиру духовно-начальствующим лицом, принимающим меры к ограждению дисциплины, порядка и служебных отношений в среде подчиненных [26], но никак не судьею. Старший нас учил, что и по правилам Вселенских и поместных соборов и даже по законам Греческой империи суд областного собора есть первая апелляционная инстанция для жалоб клириков и мирян, недовольных судом своего местного епископа. Младший учит, что духовный суд составлял право самих соборов, и *что каноны не упоминают о суде епископа* для дел по обвинениям священнослужителей и т. д. Где старший говорит о предмете: *да,* там младший говорит: *нет.* Но при этом и старший в утверждение: *да,* и младший в доказательство: *нет* – приводят одни и теже правила, одни и те же примеры.

Никого не изумило бы, если бы подобным образом поступил чиновник. Но все, конечно, будут изумлены, когда мужи науки, преследующие исключительно научные интересы, оберегающие науку, говорят сегодня *да,* а завтра – *нет* об одном и том же предмете.

И резкая перемена политических мнений соблазнительна, хотя политика вообще держится на изменяемых началах современной пользы. Резкая перемена ученых мнений – трудно объяснима. Резкая перемена церковных мнений о церковных предметах духовным ученым, – чем может быть изъяснена и оправдана?

Патологическое, в высшей степени прискорбное явление! Для показания ненормальности этого явления, конечно, довольно было бы одного простого сопоставления диаметрально противоположных мнений одного и того же лица, об одном и том же предмете, если бы эти мнения относились не к предмету такой величайшей важности и таких серьезных практических последствий. И из одного сопоставления всякий увидел бы, что тут что-то ненормальное, нездоровое. Одного того, что один и тот же писатель вчера говорил одно, а сегодня – другое, совершенно противоположное, – довольно для того, чтобы отнять всякую веру словам такого писателя. Читатель, встречаясь с писателем такого рода, находится в крайнем недоумении – чему верить – тому ли, что́ писатель говорил вчера, или тому, что говорит ныне. Очевидно, что писатель сам себе не верит и, очевидно, что и он не ожидает, чтобы и ему верили. Веры себе можно надеяться только писателю, который сам верит своим словам. Кто сегодня говорит, что епископ, по слову Божию и канонам, судебную власть имеет, а завтра утверждает на тех же самых документах, что он судебной власти не имеет, тот этим самым произносит на себя суд и показывает, что верить ему не должно ни в первом, ни во втором случае.

Этим можно было бы и удовлетвориться. Одного простого сличения было бы достаточно для показания достоинства ученых убеждений и слов писателя, которому ничего не стоит сегодня сказать о предмете *да,* а завтра – *нет.*

Но невозможно ограничиться таким приемом по отношению к г. Барсову. Г. Барсов 1873 г. уничтожал г. Барсова 1870 г., т. е. самого себя не в обыкновенной журнальной статье; он уничтожал себя торжественнейшим образом, в торжественной академической речи, пред собранием избраннейших мужей. Он не усомнился собравшимся его слушать православным архиереям прямо в глаза сказать, что они пользуются судебною властью не по праву, не на основании Слова Божия и канонов, а на основании устава, *несогласного с канонами.* Есть и другое обстоятельство, побуждающее к несколько подробному рассмотрению речи г. Барсова. Он свою речь выписывает из „Голоса» и „Биржевых ведомостей» и, зная сделанные на статьи „Голоса» и К° замечания („Русский мир,» 1872 г. июль), тем не менее однако же повторяет с чужого „Голоса» свои фальшивые мотивы. Следовательно, почитает их не потерявшими еще кредита. Вот обстоятельства, вынуждающие к подробному рассмотрению речи г. Барсова и непозволяющие довольствоваться одним сопоставлением его нынешней статьи с прежними его же статьями. В виду этих обстоятельств и в виду важности предмета, необходимы и еще некоторые разъяснения дела, довольно ясного, которые мы и представим в виде примечаний к тексту г. Барсова 1873 г.

1) Г. Барсов 1873 г. уверяет, что по отношению к пастве, т. е. мирянам, епископ есть духовно-нравственный судья – пастырь, заботящийся о их преспеянии, а по отношению к клиру, – он только духовно-начальствующее лицо, принимающее меры к ограждению дисциплины, порядка и служебных отношений. По умствованию г. Барсова, епископ не заботится о преспеянии клира и не есть даже духовно-нравственный судья клириков; он в отношении к ним – только начальствующее лицо, заботящееся о дисциплине, порядке и служебных отношениях и более ни о чем. Православная церковь учит, что „епископ, будучи местоблюстителем Христовым на земле и начальником, как над паствою, так и над подведомственною ему иерархиею, с сею последнею связан гораздо более тесным образом, как рукополагающий для своей паствы всех низших пастырей, дающий им права и духовную власть по отношению к пастве и освящающий паству чрез посредство подчиненных ему низших пастырей” (Посл. Вост. патр. чл. 10; Преосв. Макария „Догм. богосл.” III, 292, 293). А г. Барсов не дозволяет епископу даже заботиться о преспеянии клириков и проповедует, что епископ в отношении к клиру даже и не духовный судья и не пастырь, а только начальствующее лицо, принимающее меры об ограждении дисциплины, порядка и служебных отношений, точь-в-точь, как директор департамента в отношении к начальникам отделений, столоначальникам и писцам: ибо и сей ограждает дисциплину, порядок и служебные отношения подчиненных. Православная церковь заповедует: „пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают” (Ап. 39). А по словам г. Барсова, епископ даже и не знает, что и как делается в его клире, ибо нарушения клириками правил судит не он, а собор. Православная церковь определяет, что один устав и для мирян, и для пресвитеров, и для диаконов, и для всех состоящих в клире в отношении к отлучению, определяемому епископом (Ант. 6), т. е. что каким порядком епископ отлучает мирянина, таким же он отлучает и пресвитера, и диакона, и всякого клирика. А г. Т. Барсов нас наставляет, что к мирянину епископ относится как судья – пастырь, а к пресвитеру и диакону, – как начальствующее лицо.

2) „Эта мысль» (т. е. мысль, что епископ – начальник клириков, а не судья), продолжает г. Барсов, „составляет основу нравственного и юридического положения епископа в Церкви; на основании такого положения епископ, в пределах своей начальственной власти, мог взыскать с подчиненного ему клирика за нарушение и неисполнение им обязанностей своего сана и звания». Эту мысль г. академический оратор основывает на правилах Ап. 32, Ант. 4, 6, 12, Сард. 12 и 14. *Взыскания,* которым, на основании этих правил, епископ подвергает подчиненных ему пресвитера и диакона, суть *отлучение* (Ап. 32), *извержение от сана* (Ант. 4, 12), для пресвитера и диакона, а для всех причетников и мирян лишение общения церковного (Ант. 6, Сард. 13). Эти взыскания, по свидетельству г. Барсова 1870 г. („Христ. чтен.” сент. 490) суть *самые тяжкие для христианина наказания.* И эти взыскания или наказания, по г. Барсову, епископ древней Церкви налагал на пресвитеров и диаконов административно, без суда. Г. Барсов не замечает, что, желая умалить власть епископа, он напротив, безмерно, хотя и несправедливо, ее возвышает. Административная власть епископа, власть делать дело по одному личному усмотрению, простиралась, по его уверению, до наложения на клириков извержения и отлучения – наказаний самых крайних, какие могут быть налагаемы Церковью на ее служителей. Более этого, если бы было справедливо и возможно, не пожелал бы и ныне ни один из епископов: по одному своему личному усмотрению, без судебных ограничений и формальностей, он стал бы подвергать

клириков всем наказаниям до отлучения и извержения. А затем, недовольный этим клирик, мог бы обращаться с жалобою на такое административное распоряжение к Св. синоду, как и ныне обращается, если недоволен приговором епархиального суда, довольный же и не почитающий такое распоряжение епископа неправильным, оставался бы отлученным, или изверженным вследствие такого распоряжения епископа.

Затем, несообразность мысли г. Т. Барсова, будто епископ пресвитера и диакона подвергал извержению и отлучению только административным порядком, а не по суду, ясна из того, что этою мыслью вводится в древний церковный процесс начало совершенно ему чуждое и в нем не имевшее места – именно *ревизионное.* Древнему церковному процессу совершенно чужд ревизионный порядок восхождения дел к суду. При мысли же г. Т. Барсова допущение этого порядка делается совершенно необходимым. Положим, что пресвитер, или диакон, по умствованию г. Т. Барсова, подвергнут епископом административно извержению или отлучению и не жалуется на это „административное распоряжение» собору; какое положение выйдет из этого случая? Если допустить, что дело на этом и кончается, т. е. отлученный, или изверженный от епископа административным порядком, так и остается в состоянии отлучения, или извержения; то окажется, что в древней Церкви самые тяжкие наказания – отлучение и извержение – были налагаемы административно, без суда, что нелепо. Если допустить, что хотя бы изверженный, или отлученный административно своим епископом пресвитер или диакон и не жаловался на такое „распоряжение», дело о нем и в этом случае поступило к суду собора; то будет значит допустить ревизионный порядок вчинения судебных дел, в древнем церковном процессе не имевший места и невозможный абсолютно, так как при этом оказывалось бы, что ревизии суда подвергается административное (а не судебное) распоряжение начальника, никем не обжалованное. Г. изобретатель этой теории никаким образом не выйдет из этой дилеммы, не отказавшись от выдуманной им мысли о том, будто административным порядком епископ подвергал пресвитеров и диаконов извержению и отлучению, и не возвратившись к прежней своей мысли, что клирики суду своего епископа подлежат, „не повиноваться суду своего епископа не могут, а равно и переносить от него дело к другому, а еще более к судилищу светскому» („Христ. чт.” 1870, сент. 475).

3) Г. Т. Барсов продолжает: „то же самое мог сделать (т. е. подвергнуть административно извержению и отлучению) и митрополит, как начальствующий в области епископ в отношении к каждому из подчиненных ему епископов, – патриарх, как начальствующий архиерей во всем округе в отношении к подчиненным ему митрополитам» [27]. Мы стыдимся сказать г. академическому профессору, что он лжет, и потому говорим ему, что он глубоко ошибается, когда утверждает, будто митрополит епископа, а патриарх митрополита мог подвергать отлучению и извержению (т. е. тому же наказанию, как епископ пресвитера) административно, без суда. Г. академический оратор не представит в подтверждение своей мысли ни одного прямого доказательства из правил: ибо в них он постоянно будет читать: *аще который епископ, изверженный от сана собором, или пресвитер, или диакон своим епископом* (Ант. 4, 12), и не найдет ни одного, в котором бы епископ был подвергаем отлучению или извержению и даже другим меньшим наказаниям своим митрополитом, а митрополит – патриархом. Сделанные им ссылки на правила, будто бы подтверждающие его мысли, совершенно ложны. Он говорит, будто его мысль ясна из правил, в которых епископы подвергаются взысканиям за свой произвольный образ действий, прежде рассмотрения дела о них на суде собора и цитирует в доказательство правила Ант. 17, Карф. 28 и 38. Говорится же в этих правилах следующее: Ант. 17: *аще который епископ, прияв рукоположение во епископа, и быв определен начальствовати над людьми, не приимет служения и не согласится пойти во врученную ему Церковь: таковой да будет отлучен от общения церковного, доколе, быв понужден, не приимет служения, или доколе не постановит о нем какого-либо определения совершенный собор епископов той области.* Г. Барсов сделает большую услугу, если и нам и всем своим читателям покажет, каким образом, по этому правилу, епископа подвергает отлучению митрополит. По этому правилу, епископ рукоположенный, но несоглашающийся пойти во врученную церковь, отлучается от общения по суду собора епископов, в качестве суда 1-й инстанции, а затем окончательно во 2-й инстанции дело о нем решится в большем или совершенном (*τέλεια*) соборе епископов области. Карф. 28. *аще кто из епископов подвергнется обвинению: обвинитель да представит дело к первенствующему в области, к которой принадлежит обвиняемый, и да не будет обвиняемый отчужден от общения, разве когда быв призван к ответу грамотою, не явится в суд*

избранных судити его в назначенное время, т. е. в течение месяца. В этом правиле, цитированном г. Барсовым в доказательство мысли, что митрополит подвергал епископов взысканиям – прямо запрещается это митрополиту до суда. Ему подается только жалоба, рассмотрение которой принадлежит собору. Карф. 38: *угодно всему собору, чтобы отлученный за свое небрежение от общения епископ ли, или кто бы то ни был из клира, во время отлучения своего, прежде выслушания оправдания его, дерзающий приступати к общению, признаваем был произнесшим сам на себя приговор осуждения.* Никакими усилиями г. Барсов не извлечет из этого правила своей мысли, будто митрополит епископа, а патриарх митрополита подвергал отлучению. Правило говорит только, что отлученные от общения судом 1-й степени, т. е. епископ собором, клирики епископом и прежде оправдания в суде 2-й степени, дерзающие приступать к общению – признаются произнесшими на себя осуждение. Все три правила цитированы г. профессором и оратором неправильно и его выдумку не подтверждают.

Не лучшего достоинства и другое доказательство, приведенное г. академическим оратором. Он говорит, будто из канонов, в которых проводится однозначащее начало подчинения клириков епископу, епископов митрополиту, митрополитов патриарху, видно то же самое, именно, что митрополит епископа, патриарх митрополита подвергали отлучению и извержению административно, без суда и цитирует правила Двукратного собора 13, 14 и 15. Г. академический оратор, очевидно, предполагал, что никто не будет справляться с правилами, им цитируемыми и все поверят ему на слово; иначе он никаким образом не сослался бы на эти правила. Содержание этих правил следующее: пр. 13: *аще который пресвитер или диакон, по некоторым обвинениям, зазрев своего епископа, прежде соборного исследования и рассмотрения и совершенного осуждения его, дерзнет отступить от общения с ним и не будет возносить имя его в священных молитвах на литургиях, по церковному преданию: таковой да подвергнется извержению и да лишится всякой священнической чести.* Прав. 14: *аще который епископ, поставляя предлогом вину своего митрополита, прежде соборного рассмотрения, отступит от общения с ним, и не будет возносить имя его, по обычаю в Божественном тайнодействии: да будет низложен.* Пр. 15: *что определено о пресвитерах и епископах, и митрополитах, то самое и наипаче приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит дерзнет отступити от общения со своим патриархом, и не будет возносить имя его в Божественном тайнодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его учинит раскол: таковому быти совершенно чужду всякого священства.*

Кто из людей, питающих хотя малое уважение к начаткам здравого разума, выведет из этих трех правил то заключение, какое выводит г. академический оратор, и скажет: следовательно, патриарх мптрополита, а митрополит епископа, на основании этих правил, подвергал извержению и отлучению административно, без суда? На г. академическом ораторе лежит непременная обязанность раскрыть публике тот секрет, с помощью которого он извлек из приведенных правил свое заключение. До тех пор все будут думать, что г. академический оратор подделал митрополиту и патриарху такие права, каких они никогда не имели.

И третье доказательство г. академического оратора равнокачественно с двумя первыми. Он говорит, что его мысль о власти митрополита подвергать епископа отлучению и извержению без суда, видна „из правил, в которых *самым делом полагаются взыскания на епископов,* и приводит правила В. Велик. 90 и Кирилл. Алекс. I, со свойственным ему искусством, извлекая из них то, чего в них совершенно нет. Что в правиле св. Василия Великого не полагается самым делом взыскание на епископа, – это ясно даже и из приведенных г. оратором отрывков из правила. Поводом к написанию св. Василием Великим послания к подчиненным ему епископам, составляющего 90-е его правило, была дошедшая до него молва о том, будто некоторые из них берут деньги от поставляемых и прикрывают это именем благочестия. Св. Василий Великий говорит, что он не верит этой молве, тем не менее однако же, по причине важности оглашаемого зла, раскрывает его признаки и свойства и угрожает (*ἀπελῆ*) наказанием тому, кто *и после его послания что-либо таковое соделает: да отступит от здешних алтарей и пусть ищет, где бы мог он покупати и продавати дар Божий,* т. е. св. Василий Великий угрожает отлучением, которое, очевидно, будет наложено на епископа, по суду собора епископов, в случае обнаружения преступления. А г. Барсов дает вид, якобы св. Василий в правиле не угрозу изрекает (как свидетельствует и сам св. Василий), а налагает на епископов взыскание *самым делом.* Г. Барсов человек самый смелый. В другом, приводимом г. академическим оратором,

правиле, в котором будто бы *самым делом полагаются взыскания на епископов,* опять нет того, в чем он уверяет. Вот какой был случай, который излагается в 1-м правиле св. Кирилла Александрийского. Домн патриарх Антиохийский отрешил от должности епископа Петра с оставлением ему имени епископа и известил о сем Александрийского архиепископа Кирилла и Константинопольского Прокла. Между тем сам отрешенный жаловался св. Кириллу на неправильность отрешения и говорил, что может оправдать себя; но ему не дано времени на оправдание и не предложено рассмотрети дело по правилам. Св. Кирилл в послании к Домну находит неправильным действие Домна и в этой неправильности видит источник возникшего недоразумения: если бы дело было сделано по правилам, говорит он; то самое делопроизводство или обличило бы преступника, доказанного и признанного, или представило бы его решительно невинным. Св. Кирилл советует Домну принять в рассуждение, чего требуют Божественные правила; требуют же они, чтобы дело о епископе производилось следующим образом: аще восхощет отрешенный судитися с теми, которые возлагали на него преступления: то да судится *по принятому обычаю пред твоим благочестием* (т. е. патриархом) *в соприсутствии, то есть подчиненных тебе благочестивейших епископов, кроме тех, которых не приимет как им подозреваемых.* Действие Домна, без суда отрешившего епископа Петра, св. Кирилл признает *несогласным с принятым обычаем.* Г. Барсов показывал нам правило св. Кирилла Александрийского в доказательство мысли, будто патриарх мог взыскать с подчиненного ему епископа административно, без суда, и уверял, будто в этом правиле *самым делом* полагается взыскание на епископа. В заключении же выводит, что из слов св. Кирилла ясно, что наказанные собственною властью патриарха епископы *не могут почитаться действительно наказанными и осужденными.* Оригинальный мыслитель г. Барсов: случай, осуждаемый Церковью и не признаваемый правильным, он выдает за нормальный и вытягивает из него заключение, какое ему нужно для его нынешних целей. Чтобы не наговорить тех несообразностей, какие наговорены о первом правиле св. Кирилла, г. Барсову следовало только обратиться к алфавиту книги Правил, и там он увидел бы, как разумеет это правило Св. синод: *патриарх не может отрешить подвластного себе епископа без собора, но должен предложить его дело рассмотрению собора в своем присутствии.* Г. Барсов 1870 г. так и разумел это правило. Он писал: „патриарх должен был рассматривать дело при участии собора”. („Христ. чтен.” 1870. окт. 595). Также разумеет это правило и г. Соколов, который пишет: „патриарх сам не мог отрешить подвластного ему епископа без собора, но должен предложить его дело соборному рассмотрению в своем присутствии (Кир. пр. 1). „Прав. обозр.” 1870, ноябрь 608.

„В таком же положении (продолжает г. Барсов непосредственно после заключительного о правиле св. Кирилла отзыва) должны быть признаваемы и священнослужители, подпавшие взысканиям от своего епископа”, т. е. они должны быть признаваемы неправильно отлученными, а по смыслу г. Барсова, должны быть „признаваемы не действительно наказанными и осужденными». Недовольствуясь однако же этим аналогическим доказательством своей главной темы, г. Барсов приводит и еще (4) доказательство и все из правил же. Это четвертое доказательство мысли, будто священнослужители, подпавшие взысканиям от своего епископа, не должны быть признаваемы действительно наказанными и осужденными, заимствуется г. Барсовым из того, что каноны предоставляют обиженному начать дело о себе на областном соборе, который и производил обстоятельное судебное исследование; осужденный собором подпадал действительному наказанию, между тем как подвергшимся запрещению от своего епископа, указывалось оставаться под этим запрещением до рассмотрения об них дела и до времени оправдания. Чтобы оценить силу и возможность этого доказательства, довольно обратиться к нынешнему порядку суда. По судебным уставам 1864 года на неокончательные приговоры мирового судьи могут быть приносимы отзывы в мировой съезд (Уст. угол. суд. 145); равным образом против всех приговоров окружного суда, постановленных без присяжных, допускаются отзывы в судебную палату (853), которые и останавливают исполнение приговора (151, 874) и только приговоры мирового съезда и судебной палаты почитаются окончательными (172, 854). Юрист, подобный г. Барсову, заключил бы: как подвергшимся приговору мирового судьи и окружного суда дозволяется оправдание в мировом съезде и в судебной палате, и только приговоры сих установлений почитаются окончательными, то ни мировой судья, ни окружной суд не суть установления судебные, а административные. Из того, что пресвитер, или диакон, подвергнутый своим епископом извержению, имел возможность просить пересмотра

своего дела в суде собора, и что только суд собора был окончательным, г. Барсов заключает, что епископ, имевший власть подвергнуть извержению и отлучению, не судья, а администратор. По такой силлогистике должно выйти, что и собор епископов, подвергнувший епископа извержению, или отлучению, не есть судебная власть, а административная, так как епископ, подвергшийся сему, мог искать оправдания на большем соборе и только решение этого последнего было окончательно. Судебною инстанциею будет одна последняя, а все предшествующие административными учреждениями. Не нужно, кажется, и распространяться о том, сколь несообразно это и с общими юридическими понятиями и в частности с каноническими, хотя наш оригинальный, доморощенный канонист и цитирует целую серию правил со столь свойственною ему и отличающею его правдивостью. Так, в подтверждение той мысли, что только осужденный собором *священнослужитель* (т. е. пресвитер и диакон) подпадал действительному наказанию, онъ цитирует 28 правило Карфаг. собора, в котором говорится о рассмотрении обвинений на *епископа* собором, о пресвитерах же и диаконах не говорится ни одного слова. В доказательство мысли, что подвергшимся запрещению от своего епископа указывалось оставаться под этим запрещением до рассмотрения о них дела и до времени оправдания, приводится 88 правило св. Василия Великого, не заключающее в себе ничего, хотя сколько-нибудь похожего на утверждаемое г. Барсовым. Это правило есть послание св. Василия к 70-ти-летнему пресвитеру Григорию, которому он за содержание в доме для услуг женщины запретил священнослужение и предписал оставаться в запрещении, пока ее не удалит, угрожая анафемою, если коснется священнодействия, не исправив себя. В послании, как видно, дело идет совсем не об оправдании, как утверждает г. Барсов, а об оставлении в состоянии запрещения до исправления. Затем из приводимых им в подтверждение своей мысли правил – 38 Карфагенское определяет, что отлученный епископ, или клирик, во время отлучения приступающий к общению прежде выслушания оправдания его в высшем суде, признается произнесшим сам на себя приговор отлучения, 4, 6, 12, 20 Антиох. собора, 5 I Всел., 14 Сард., 4 Феофила Александрийского говорят о переносе дел от низшей инстанции суда в высшую, из первой во вторую: так и по непосредственному и ясному смыслу и по изъяснению всех толкователей и по разумению самого г. Барсова 1870 года.

Ясны и убедительны и представленные соображения. Но чтобы еще надежнее подействовать на г. академического оратора и преклонить его к убеждению, что собор епископов был высшею судебною инстанциею в отношении к низшей судебной инстанции, именно к суду епарх. епископа, мы возмем к себе в союзники писателя, единомысленного с г. Барсовым, и, следовательно, бесподозрительного для него и его словами изобразим и компетенцию соборного суда, как суда 1-й инстанции, и компетенцию его, как суда 2-й инстанции. „Судебная компетентность областных соборов, говорит г. Соколов, представляется в канонах в следующем виде. Они образуют *первую инстанцию:* а) по спорным делам, возникающим между епископами области касательно пределов предоставленной каждому власти и других церковных вопросов (Nomoc. IX, с. 1. Карф. 120); б) по тяжбам, или жалобам лиц духовных на епископов своей или другой какой-либо епархии (IV, 9 и др.); в) по обвинениям со стороны мирян, или духовных лиц на своего, или чужого епископа в преступлениях, или вообще в противных церковным правилам поступках (Апост. 74; Конст. 1 пр. 6, Халк. 9 и др.).... В качестве *апелляционной* (второй) инстанции областные соборы принимают и рассматривают *жалобы* от всех духовных и мирян *на приговоры епископов, подвергающие их отлучению от Церкви* (I Ник. 5, Ант. 6) *и на все другие решения, которыми обвиненные почитают себя несправедливо наказанными, или обиженными* (Ант. 20, Карф. 11 и др.).... Органов судебной власти, по началам Вселенского церковного законодательства, четыре. Низший из этих органов не обладает самостоятельною юрисдикциею, т. е. такою, которая связана необходимо с его саном и должностью, и не иначе может быть прекращена, как или снятием первого, или устранением от последней по суду. Хорепископ действовал как делегат епископа парикии, по его полномочию. Три других органа (второй епископ), или учреждения, являлись вполне самостоятельными в пределах своего ведомства.... Общий порядок движения дела по этим инстанциям представляется по канонам в таком виде: члены клира в судебных делах между собою, прежде всего обращаются к своему епископу, ибо каждый епископ имеет власть в своей парикии, управляет ею и разбирает все дела (Ант. 9). С жалобою и обвинением на епископа следует обращаться к собору епархии и его судят епископы области (Ант. 15)“. („Правосл. обозр.” 1870, ноябрь, 602, 605, 606).

Особенной эксплуатации в известном смысле и для известных целей подвергается со стороны г. академического оратора 34 Апостольское правило: *епископам всякого народа,* говорится в этом правиле, *подобает знати первого в них и признавати, яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения.... но и первый ничего не творит без рассуждения всех.* Г. Барсов вытягивает отсюда следующие нужные ему заключения: „если по началу, изъясненному в этом правиле, первый епископ не мог единолично произнести суда над подчиненным ему епископом и низложить его без участия прочих епископов, то и обыкновенный епископ, необходимо предположить, не мог также по собственному усмотрению вины подчиненного ему священнослужителя подвергнуть его окончательному осуждению". Распутать этот хитрый и с виду основательный силлогизм не стоит никакого труда: он построен на песке и валится сам. Г. Барсов предположил, что митрополит в отношении к епископу тоже, что епископ к пресвитеру и диакону, и что всего того, чего не может делать митрополит в отношении к епископу и епископ не может делать в отношении к пресвитеру и диакону. Прежде чем строить свой силлогизм г. Барсову следовало обратиться к пространному христианскому катехизису и прочесть в нем следующие два вопроса и ответа: В. *Сколько необходимых степеней священства?* О. *Три: епископ, пресвитер и диакон.* В. *Какая между ними разность?* О. *Диакон служит при таинствах, пресвитер совершает таинства в зависимости от епископа, епископ не только совершает таинства, но имеет власть и другим чрез рукоположение преподавать благодатный дар совершать оные.* Из этих ответов г. Барсов увидел бы, что епископ и пресвитер суть две различные по существу и пространству власти степени церковной иерархии; епископ – с более обширными по объему и высшими по существу правами, пресвитер с меньшими, и непременно в зависимости от своего епископа. Затем, ему следовало прочесть еще и следующие вопросы из того же пространного катехизиса: В. *Какое священноначалие может простирать свое действие на всю Кафолическую церковь?* О. *Вселенский собор.* В. *Какому священноначалию подчинены главные части Вселенской церкви?* О. *Православным патриархам и Св. синоду.* В. *Какому священноначалию подчиняются меньшие Православные области и города?* О. *Митрополитам, архиепископам и епископам.* Из этих трех вопросов г. Барсов усмотрел бы, что митрополит и епископ ни в каком случае не различаются между собою так, как различаются епископ и пресвитер; не суть две разные степени иерархии, а оба принадлежат к одной и той же иерархической степени, и в древней Церкви, когда еще митрополит имел пред про- чими епископами не одно преимущество имени, как ныне, но и преимущество чести и некоторой власти, он был только *первым* (*πρῶτος*) между епископами, первым между равными ему по степени [28] *,* чего ни в каком случае нельзя сказать о епископе по отношению к пресвитерам, как лжеумствует г. Барсов, называя епископа по отношению к пресвитерам *primus inter pares* [29]. Есть и в других степенях священства подобные *первые* – в пресвитерской – протопресвитеры, первые между пресвитерами, протоиереи – первые между иереями, в диаконской – протодиаконы – первые между диаконами. Но как нельзя сказать: каких прав не имеет протоиерей в сравнение с иереем, таких же не имеет иерей в сравнение с диаконом, совершенно точно также нельзя сказать: каких прав не имеет митрополит в отношении к епископу, тех же самых епископ не имеет в отношении к пресвитеру. Епископ и пресвитер – разные степени иерархии, митрополит и епископ – одна. Епископ может рукоположить пресвитера, а митрополит не может рукоположить епископа. Если бы г. Барсов повторил приведенные нами вопросы и ответы катехизиса, то он, конечно, не явился бы пред публикою со своим силлогизмом. Ибо отстаивая свой силлогизм: „если митрополит не мог единолично произнести суда над епископом, то и обыкновенный епископ над пресвитером», г. Барсов не должен будет сопротивляться допущению и другого силлогизма: если митрополит не мог рукоположить епископа, то и епископ не мог рукоположить пресвитера. Митрополит не мог делать в отношении к епископу многое, что епископ в отношении к пресвитеру может по праву и обязанности. Митрополит не мог рукоположить пресвитера в епархии другого епископа, епископ к Церкви подчиненного ему пресвитера может рукоположить диакона и даже назначить другого пресвитера. Митрополит не мог в епархии другого епископа учить народ, епископ в церкви каждого пресвитера может, когда захочет, сказать проповедь и т. д.

Сказанные соображения отчасти имеют приложение и к другому, вытягиваемому г. Барсовым из 34 прав. Апост., заключению: „если по началу, изъясненному в 34 Апост. правиле, епископ не должен был делать *ничего важного* без согласия первого и *прочих епископов* в отношении к церковному управлению; то естественная последовательность мысли обязывает распространить

тоже ограничение и на дела духовного суда, между которыми, без сомнения, самыми важными в пределах юрисдикции епископа должны быть признаны дела о лицах священного сана, как ближайших помощниках и сослужителях епископа». При извлечении этого заключения из правила г. Барсов допустил небольшую фальсификацию и на этой фальсификации построил все свое умозаключение. В правиле сказано: епископам ничего *превышающего их власть* (*μηδὲν τι περιττὸν*) не творити без рассуждения первого. Так буквально привел слова правила и г. Барсов за пятнадцать строк выше. Но из этого не вышло бы того вывода, какой ему нужен был; и вот он, добывая свой второй вывод из правила, вместо слов: *ничего превышающего их власть*, поставил слова: *ничего важного*, и на этих, им самим выдуманных, словах построил свои соображения о *важности* судебных дел о священнослужителях. Ловко в известном случае, но не истинно, а потому и несостоятельно, валится. Толковники, не имеющие задних мыслей, под слова: *превышающего их власть* не подводят суд епископа над клириками, а говорят, что разумеется здесь то, чтó относится к общему состоянию Церкви, напр., догматические вопросы, рассуждения о заблуждениях, являющихся в целых местностях, поставление архиереев и другое таковое (*ὅ εἰς κοινήν ἀφορᾷ τῆς ἐκκλησίας κατάςασιν, οἷον ζήτησεις δογματικὰς*, *οἰκονομίας περὶ σφαλμάτων κοινῶν, κατάςασεις ἀρχιερέων*, *καὶ ὅσα τοιαύτα*). О сих предметах рассуждать епископы должны, собравшись к митрополиту и принимать то, что покажется всем за лучшее. Но каждый да производит управление своей Церкви и принадлежащих к ней стран отдельно по себе (*ἰδιαζόντως καθ' ἑαυτοῦς*). (Zonar). Вот к этой то последней сфере отдельного управления каждого епископа, а не к общей сфере дел церковных, принадлежат и дела суда над подчиненными каждому епископу клириками. Ему одному, без участия другого епископа, или даже и митрополита, подчинены клирики его епархии, он один и *судит* их: это дела его частного управления до момента переноса их по отзыву клирика, недовольного судом епископа. Вальсамон *к превышающему власть* (*τὰ περιττὰ*) относит только поставление епископов (Σ. II, 46, 47), Аристен – поставление епископов, исследование новых догматов и отчуждение некоторых церковных имуществ. Славянская кормчая: ни епископа поставити, ни о повелениих, ни о правилех новых стязатися, ни продати, ни отдати церковных неких вещей (л. 9). Иоанн под *превышающим власть* епископа разумеет определение догматов веры, составление правил и узаконений для Церкви, избрание епископов, суд над ними (I, 178). Но ни один из толкователей не относил к делам, превышающим власть епископа, суд над клириками его епархии.

Затем г. академическому оратору, для избежания тех крайних нелепостей, в которые он впал при толковании 34 Апостольского правила, следовало обратиться к ближайшему контексту, т. е. к Апостольским же правилам, из которых он без труда узнал бы, что суд над пресвитером и диаконом с одной стороны и над епископом с другой учреждается, по правилам, на разных основаниях – над первыми – епископский, над епископом соборный. В 32 Апостольском правиле г. академический оратор прочел бы: „аще который пресвитер, или диакон *от епископа* в отлучении будет". А в 74 Апостольском правиле он прочел бы: „епископ от людей, вероятия достойных, обвиняемый в чем-либо необходимо сам должен быть призван *епископами*…. …. и *собор* да произнесет о нем решение. Если, по уверению г. академического оратора, и пресвитер с диаконом, равно как и епископ, были судимы только соборами, почему в последнем, т. е. 74 правиле, подчиняющем епископа суду собора епископов, не упомянуто о пресвитере и диаконе, а только об одном епископе? И почему и в 32 правиле сказано только о пресвитере и диаконе и не поставлен вместе с ними и епископ?

В подтверждение своего заключения о том, что епископ не имеет права судить пресвитеров и диаконов, г. Барсов далее приводит примеры суда над Оригеном в Александрии и над Наватом в Карфагене, заключая, что на основании двух этих примеров едва ли возможно сомневаться в действительности установившегося в самую древнюю эпоху Христианской церкви обычая – соборно рассматривать и оканчивать судные дела о священнослужителях [30].

Пример суда над Оригеном, пущенный в наш русский литературный оборот Фесслером (Kanonisch. Prozess. S. 17, 18) нашим копеистам сослужил хорошую службу и употреблялся ими для разных целей. Морошкин (Выборн. нач. 8) доказывал этим примером, что были в III в. соборы, г. Барсов в 1871 году по Фесслеру показывал в этом примере образцы и формы производства церковного суда. С 1872 г. этот пример вступает в свою нынешнюю роль – доказательства против принадлежности епархиальному епископу судебной власти над подчиненными ему клириками и в подтверждение мысли о принадлежности этой власти только собору. Какой-то г. Л. Б. в январской книжке, „Православного обозрения" 1872 года, как замечено

выше, выставлял уже этот пример с этой именно стороны и говорил, что Александрийский епископ Димитрий не считал себя в праве лишить священного сана Оригена собственною властью, и чтобы достигнуть этого должен был собирать два собора епископов (стр. 116). Тоже повторяли „Биржевые ведомости” в июле 1872 г., ныне тоже самое подтверждает этим примером г. Барсов, не обращая ни малейшего внимания на особенности этого дела. Ориген подвергся суду по трем обвинениям: 1) за неправильные мнения, допущенные им в его сочинениях; 2) за рукоположение во пресвитера в чужой епархии, без ведома своего епархиального епископа и 3) за то, что допустил себя рукоположить, будучи оскоплен и зная, что рукоположение таковых запрещается церковными правилами. И первое из сих обвинений – распространение лжеучения и второе – рукоположение другим епископом, при чем вина падала и на рукоположившего епископа – очевидно, сами собою возводят дело к высшему суду соборному. Если бы и ныне возникло дело о распространении каким-либо пресвитером неправославных мыслей в сочинении, и если бы тот же пресвитер оказался рукоположенным не своим епархиальным епископом, а другим без его ведома, то и ныне такое дело было бы судимо не епархиальным епископом, а собором. Но никто из этого не вывел бы заключения, что епископ не может судить пресвитера и диакона ни по каким делам. По системе умозаключений г. Барсова правилен будет и следующий силлогизм: пресвитер Арий был осужден на Вселенском соборе; следовательно, и все пресвитеры должны быть судимы не иначе, как на вселенских соборах. Кроме сего мы должны повторить и против г. Барсова то, что замечено против г. Л. Б.: для их домогательств об устранении епархиального епископа от суда над подчиненными ему пресвитерами – пример суда над Оригеном более вреден, чем полезен: судил Оригена его епархиальный епископ с другими епископами; а они домогаются, чтобы не судил пресвитера его епархиальный епископ и приводят в доказательство пример Оригена и при том даже после сделанного замечания о бесполезности этого примера для их затей. Непостижимое ослепление! Димитрий Александрийский, епархиальный епископ пресвитера Оригена, двукратно судил сего подчиненного ему пресвитера – в первый раз с собором подчиненных же ему епископов Египта и пресвитеров Александрии, во 2-ой с одними епископами. Следовательно, (заключает г. Барсов) ныне епархиальный епископ не должен судить подчиненного ему пресвитера.

Пример Киприанова времени г. Барсовым употреблен также на удачу, в ожидании: авось не справятся и не обличат [31]. Карфагенский собор (251 г.), о котором говорит г. Барсов (456, 457), был для рассмотрения дела о расколе Новата и о падших, дела взволновавшего в то время всю христианскую Африку, – и дошедшего до Рима. Уже из одного этого г. академический оратор, кажется, мог бы понять, что пользоваться примером Карфагенского собора (251) для доказательства мысли, что епархиальный епископ не судил и не может судить подчиненного ему пресвитера, и не должно и невозможно. Обстоятельства, послужившие поводом Карфагенского собора, были следующие: св. Киприан избран во епископа Карфагенского в 248 году. Были лица, не соглашавшиеся на избрание его, именно 5 пресвитеров. Вскоре после начала Декиева гонения (250 г.) оппозиция против Киприана еще усилилась: его обвиняли в чрезмерной строгости к падшим. Ближайший повод к раздору подало и еще одно обстоятельство. Киприан из своего уединения послал в Карфаген двух епископов и двух пресвитеров для оказания вспоможения тамошним бедным христианам. Но посланным оказал сопротивление диакон Фелициссим, может быть потому, что попечение о бедных считал исключительною обязанностью диаконов и вследствие сего не хотел видеть еще особых уполномоченных от епископа на это дело. Между тем Фелициссим, вероятно, во время удаления Киприана, поставлен был во диакона от пресвитера Новата, вопреки всем церковным правилам. По донесению своих уполномоченных, Киприан *подверг отлучению Фелициссима и его приверженцев.* Но сигнал к возмущению против епископа был дан и к Филициссиму присоединились упомянутые 5 пресвитеров и все те, которые обвиняли Киприана за чрезмерную строгость к падшим, и неуважение к посланиям мучеников. Этим оппозиция получала другой характер. Быв доселе простым неповиновением немногих, теперь приобретала она некоторое основание и выставила своим знаменем – требование более снисходительного отношения к падшим. Вследствие этого присоединились к оппозиции в значительном числе не только падшие, но даже и исповедники, оскорбленные Киприаном за невнимание к их libelli pacis. – Был ли в числе 5 сказанных пресвитеров и Новат – это одни утверждают, другие отрицают. Киприан после того как его увещания остались тщетными, после Пасхи 251 г. возвратился в Карфаген и созвал собор из очень многих епископов, а также из пресвитеров и диаконов. Собор, выслушав Фелициссима и 5 пресвитеров, предал их отлучению

и положил основания касательно принятия падших, точно рассмотрев относящиеся сюда места Св. писания. Все определения собора об этом предмете заключены в одну книгу, которая может быть признана первою пенитенциальною книгою, но которая, к сожалению, не сохранилась.

Таково было дело, для рассмотрения которого собирался Карфагенский собор при Киприане. Главный вопрос, подлежавший рассмотрению собора, был догматический, – о падших, и с этим именно вопросом соединился и Новатов раскол. Свидетелями по делу были и епископы, именно, уполномоченные Киприаном. – Можно ли из этого дела, сужденного собором, извлекать заключение, извлекаемое г. Барсовым, именно то, что пресвитера судить не имел власти его епископ, а судил только собор? – Заметим и здесь, что Киприан собственный епископ, которому подчинены были осужденные пресвитеры, председательствовал в суде над ними, а г. Барсов только того и добивается, чтобы собственный епархиальный епископ не участвовал. Г. Барсов и здесь этого не заметил.

Неотступный вопрос о том – когда же, в какое именно время описанное им устройство церковного суда прекратилось, в какое время пресвитера и диакона стал судить не собор, а его епархиальный епископ обратил на себя однако же и внимание г. Барсова. И он счел себя обязанным разрешить этот вопрос. Но разрешение его, без сомнения, не удовлетворит никого. Он уверяет нас, что это случилось в течение четырех веков, именно с начала V-го века до конца VIII [32]. Правила соборов – Карфагенского (27, 84, 86, 106), Вселенских – IV-го (19), VI-го (8) и VII-го (6), по его свидетельству, указывая на постепенное ослабление соборного начала в Церкви, вместе с тем содержат и мысль о перемене в образе заведывания делами Церкви, вследствие которой *одна часть дел, составлявших юрисдикцию областного собора и стоявшего во главе его митрополита (как, напр., действительный суд по обвинениям пресвитеров и диаконов), по необходимости перешла в полное заведывание их епископов.* – Никакой мысли о перемене в образе заведывания делами Церкви, никакого даже отдаленного намека на переход действительного суда от соборов к епископам в цитированных г. академическим оратором правилах нет. Он просто сказал неправду. И чтобы видеть его неправду довольно привести в подлиннике цитированные им правила.

I V -го Вселенского собора. (451 г.) пр. 19: „дошло до слуха нашего, что в областях не бывает установленных правилами соборов епископов, и от сего многие церковные дела, требующие исправления, остаются в небрежении. Посему определил св. собор, согласно с правилами св. отец, чтобы в каждой области епископы дважды в году собиралися во едино, где назначит епископ митрополии, и исправляли все, что откроется. А епископам, которые не приидут на собор, хотя находятся в своих градах и притом пребывают в здравии и свободны от всякого необходимого и неотложного занятия, братолюбно сказать слово прещения”.

V I-го Всел. соб. (691) прав. 8: „установленное св. отцами нашими, желая и мы во всем сохраняти, возобновляем такожде и правило, повелевающее быти ежегодно соборам епископов каждой области там, где епископ митрополии усмотрит за лучшее. Но как по причине набегов варваров, и по иным случайным препятствиям, предстоятели Церквей не имеют возможности составляти соборы дважды в году: то рассуждено: для могущих, как вероятно, возникати церковных дел, в каждой области, всемерно быти собору вышереченных еппскопов единожды в лето, между св. праздником Пасхи, и между исходом месяца октовриа каждого лета, в том месте, которое, как выше речено, изберет епископ митрополии. А епископам, которые не приидут на собор, хотя находятся в своих градах и при том пребывают в здравии и свободны от всякого необходимого и неотложного занятия, братолюбно изъявити прещение.“

V II-го Всел. соб. (787) прав. 6: „поелику есть правило, которое глаголет: дважды в году в каждой области подобает быти каноническим исследованиям, посредством собрания епископов: а преподобные отцы шестого собора, во внимание к затруднениям собирающихся и к недостаткам потребного для путешествия, определили; без всякого уклонения и извинения, единожды в лето быти собору и погрешительное исправляти: то и мы сие правило возобновляем, и аще обрящется некий начальник, возбраняющий сие, да будет он отлучен. Аще кто из митрополитов пренебрежет исполнити сие, не по нужде и насилию, и не по какой-либо уважительной причине: таковой да подлежит епитимии по правилам. Когда же будет собор о предметах канонических и евангельских: тогда собравшиеся епископы должны прилежати и пещися о сохранении Божественных и животворящих заповедей Божиих. Ибо внегда сохраните я, воздаяние много; ибо заповедь есть светильник, закон, свет, а обличение и наказание путь жизни: и, заповедь Господня светла, просвещающая очи. Да не будет же позволительно митрополиту из

того, что приносит с собою епископ требовати или скота, или иные вещи. Аще же обличен будет в таковом поступке: то воздаст четверицею”.

Карфаг. собора (IV–V в.) прав. 27: „подтвердите подобает на сем святом соборе, чтобы по правилам Никейского собора, ради церковных дел, которые нередко отлагаются со вредом для народа, каждогодно был созываем собор, на который бы все занимающие первые в областях кафедры присылали от своих соборов двух, или сколько изберут епископов, в местоблюстители, дабы составившееся, таким образом, собрание имело совершенное полномочие.

Карфаг. собора прав. 84: „заблагорассуждено такожде, день покланяемой Пасхи возвещати всем чрез приписание под определениями собора. День же собора да соблюдается тот самый, который назначен на Иппонском соборе, т. е. двадесять первый августа. И о сем должно написати к первенствующим всех областей, дабы, когда созывают собор у себя, сей день оставляти неприкосновенным“.

Карфаген. собора прав. 87: „постановлено, чтобы каждый раз, когда надлежит собратися собору, благовременно приходили на оные епископы, которым не препятствует ни старость, ни болезнь, ниже какая-либо тяжкая необходимость: и да извещаются первенствующие каждый от своей области о всех епископах в двух ли, или трех местах составляются собрания их, и от каждого из сих частных собраний, поочередно избираемые неотменно да приидут ко дню собора. Когда же приити не возмогут, по множеству каких-либо затруднений, как сие может случиться: то аще не изъяснят своему первенствующему епископу встретившегося им препятствия, должны таковые довольны быти общением в своей токмо Церкви».

Карфаген. собора прав. 106: „о том, яко не быти общему и всецелому собору, разве по нуждѣ. – Рассуждено, яко не есть необходимо впредь ежегодно утруждати братию: но когда потребует общая, то есть всея Африки нужда, „по грамотам откуда-либо приходящим к сему престолу, тогда подобает быти собору в той области, в которую призовет потребность и удобство. Дела же не общие да судятся в каждой области порознь».

Читатель имеет теперь все цитированные г. Барсовым правила перед собою, и скажет, что г. Барсов, утверждая, будто *все эти правила содержат мысль о перемене в образе заведывания делами Церкви, вследствие которой действительный суд по обвинениям пресвитеров и диаконов перешел в полное заведывание их епископов* говорил неправду. А зачем он говорил эту неправду? Затем, чтобы прикрыть другую свою неправду, именно ту, что канонический епископ древней Церкви не имел судебной власти. Так всегда бывает, что одна ложь влечет за собою другую, и таким образом сплетается целая система лжи. Г. Барсов попал в эту сеть и усердно продолжает ее плести.

Такой же поклеп на правила г. Барсов делает и в заключении всего отдела своей речи, где говорит о церковном суде древней Церкви. Он говорит здесь: *каноны, упоминая о суде епископа по делам тяжебным* (VI Всел. 9; Карф. 15, 17, 37, 107, 136) *и над низшими клириками (Карф. 29), не упоминают о нем для дел по обвинениям священнослужителей; напротив, прямо говорят, что суд и над последними производится с соблюдением тех же правил, какие установлены для суда над епископами* [33]. Г. академический оратор и здесь руководствуется правилом: *авось сойдет с рук*, ибо говорит заведомо для себя самого неправду, и ссылки на некоторые правила делает ложные. Но прежде чем раскрывать частнейшие неверности положения, высказанного г. Барсовым, мы заметим несостоятельность его в самом существе. На каком основании может быть утверждена разная компетенция для тяжебных, гражданских дел пресвитеров и диаконов у епархиального архиерея, а для дел о преступлениях в соборе? Никакого такого основания не было и указать его невозможно. В древнем церковном праве подсудность по инстанциям распределялась по лицам, а не по родам дел. Какой степени суда известное лицо подсудно было, положим, по тяжебному делу; в той же самой степени суда оно было судимо и по делу о преступлении. Епископ и по тяжебному делу, и по делу о преступлении был судим собором. И если г. Барсов допускает, что правила упоминают о подсудности епископу пресвитеров и диаконов в тяжебных делах; то по этому самому должен допустить, что и по делам о преступлениях они были судимы епископским же судом. Допущенное им разделение дел на тяжебные, по которым пресвитеры и диаконы подлежали суду их епископа и дела о преступлениях, по которым они подлежали суду собора, с основным принципом церковных правил совершенно несообразно. Посему-то даже те правила соборов, в которых собственно говорится о подсудности пресвитеров и диаконов их епископу по тяжебным гражданским делам несомнительно свидетельствуют, что тому же суду они подсудны и по делам о преступлениях:

принцип подсудности и в тяжебных делах и в делах о преступлениях один и тот же, кому лицо ближайшим образом подначальственно, тому оно и подсудно в первой степени суда.

После сего общего соображения, обращаясь к приведенным г. Барсовым правилам, мы находим, что три из цитированных им правил, именно Карфаг. собора прав. 17, 107 и 137 совсем не относятся к делу, ибо содержат в себе только запрещение переносить дело от избранных судей к другим и о суде епископа над пресвитерами и диаконами по тяжебным делам не говорят ни одного слова. Карфаг. собора правило 15-е прямо опровергает положение г. Барсова, ибо говорит не только о делах тяжебных, но и обвинительных (*ἐγκῃματικά πράγματα*), т. е. о преступлениях. Правило 37 Карфаг. собора, по разумению толкователей (Аристен, Славянск. кормч.) также имеет в виду и тяжебные дела и дела о преступлениях. Правило Карфаг. собора 29, в котором г. Барсов видит только указание на принадлежность епископу судебной власти над низшими клириками, говорит и о судебной власти епископа над пресвитерами и диаконами, как это видно из подлинного текста правила, приведенного выше.

От частных повествований о неправильном употреблении и толковании г. Барсовым разных церковных правил, мы должны теперь обратиться к общему обозрению его распоряжений с правилами и к сопоставлению с его прежним к ним отношением. Из одного и того же правила г. Барсов 1870 года и г. Барсов 1873 года извлекают совершенно разные и противоположные заключения. Как это делают гг. Барсовы – старший и младший, мы сейчас покажем.

Г. Барсов 1870 года говорит: „законно постановленные *решения су дом местного епископа* должны были иметь безусловно обязательную силу *для всех клириков,* когда они судились *за преступления,* касавшиеся непосредственно *их церковных обязанностей,* – прав церковного управления, дел совести и взаимных их несогласий”. „В ограждении ненарушимости действий этого суда, правила запрещают клирикам оставлять своего епископа и обращаться к суду другого, еще более переносить свою тяжбу к суду светскому” („Христ. чт.” 1870 года окт. 592). В подтверждение этого положения г. Барсов цитирует правила IV Всел. 9; Карфаг. 15, 117 и др. Правила Ант. собора 6, 1 Всел. 5, Сардик. 13 г. Барсов 1870 г. приводит в доказательство мысли, что они в видах ограждения *действий суда местного епископа* запрещают другому епископу принимать в общение с собою и допускать к служению *клирика, запрещенного или низложенного по суду местного епископа* („Христ. чтен.” 1870 г. окт. 592).

Г. Барсов 1873 года правилами 9 IV Всел. собора и 15 Карфагенского подтверждает совершенно другое положение – именно то, что духовный суд составлял право самих соборов, что *каноны упоминают* о суде епископа *по делам тяжебным,* но *не упоминают* о нем для дел *по обвинениям* священнослужителей. („Христ. чтен.” 1873 года март 465, 466). Теже правила г. Барсов 1873 г. приводит в доказательство мысли, что епископ *не в качестве судьи* определял по суду наказания священнослужителям, а в качестве администратора, начальника, подвергал взысканиям, но *недействителъным наказаниям,* действительный же суд и наказания были на соборах („Христ. чт.” 1873 г. март. 458–459, 462, 463).

Гг. Барсовы, старший и младший, одними и теми же правилами доказывают – первый то положение, что по канонам епископ производил действительный суд, как судья, второй – что он хотя и подвергал взысканиям, но не как судья, а как администратор, начальник. Необыкновенные мыслители эти гг. Барсовы: они могут *ad libitum*, или *ad postulatum* одно и тоже правило излагать и так и иначе, сегодня *за,* а завтра *против* известной мысли. Правила для гг. Барсовых составляют какой-то арсенал всевозможного оружия, которое повинуется всем их прихотям. Сегодня им хочется, чтобы правило доказывало принадлежность судебной власти епископу, и оно доказывает. Завтра им это не нужно, а нужно, чтобы судебная власть епископу не принадлежала, они опять обращаются в этот арсенал, и правила доказывают, что судебная власть епископу не принадлежит. Г. Барсов поступает с правилами как какой-нибудь азиатский деспот со своими подданными. При чтении его элукубраций „Книгу правил» необходимо держать постоянно в руках: правильная ссылка на правила у него такая же редкость, как белый во́рон.

Нынешний маневр, посредством которого г. Барсов получает из правил свой совершенно противоположный прежнему своему же выводу – очень прост. Г. Барсов дал себе задачу уверить своих слушателей и читателей, что во всех правилах, где говорится о суде собора, как апелляционной инстанции, в которой рассматривались дела по отзывам на суд епископский, должно видеть не суд епископа, а его административное распоряжение, которое в соборе

пересматривалось уже, как в суде. Чего-нибудь менее хитрого трудно и представить. Но вместе невозможно вообразить и ничего более неверного, несостоятельного, нелепого.

Чтобы убедить г. академического оратора в совершенной нелепости его уверений, будто по правилам Церкви епископ не судил, а суд начинался только с собора, – мы должны обратить его просвещенное внимание на следующие свидетельства и факты, достоверности и важности которых он не будет, конечно, отрицать, и от которых все его пустые хитросплетения исчезают, яко дым, в одно мгновение:

1) В правилах *суд епископа называется* не административным, или начальническим распоряжением, как сочиняет г. Барсов, а *судом* (*крίσις*). В 117 правиле Карфаг. собора суд епископа прямо называется *епископским судом ἐ πισκοπική крίσις* (ср. Σ, VI, 216).

2) Наименование заключительного акта, которым завершается действие епископа, подвергавшего виновных наказаниям, и действия собора, пересматривавшего вследствие жалобы дело бывшее у епископа оба одинаково показывают, что и действие епископа, и действие собора суть действия судебные. а) В 5 правиле 1-го Всел. собора действие собора, в случае признания собором жалобы отлученного своим епископом основательною, – называется: *φιλανθρωπότερα ψῆφος более человеколюбивое решение.* Следовательно, и произнесение епископом отлучения также есть *φῆφος решение* хотя и менее снисходительное, и, следовательно, далее, если соборное *ψῆφος* есть судебное, то и епископское таковое же. б) В 4 правиле Антиох. собора извержение епископа от сана собором и извержение пресвитера, или диакона своим епископом называется одним именем: *ἀ πόφασις – приговор*, дающим заключение о своей однородности, так что, если один приговор есть судебный, то и другой такой же и наоборот. в) В 6 правиле того же собора действие собора, завершающее рассмотрение дела о лишенном общения своим епископом называется: *ἑτέρα ἀποφασις другой приговор.* Следовательно, определение епископа было *первым приговором*: *πρώτη ἀπόφασις.* г) В 20 правиле того же собора соборное рассмотрение дел о пресвитерах, диаконах и всех почитающих себя обиженными называется словом: *ἐ πίκρισις,* что означает *другой суд*, *окончательный суд*, и показывает, что прежде был еще суд, хотя и неокончательный *к ρισις* (срав. Вальсам. Σ. III, 134). д) В 14 правиле Сардик. собора действие извержения епископом пресвитера и диакона называется *приговором ἀπάφασις,* который судом собора по жалобе изверженного или утверждается, или исправляется (*κυραθή ἤ διουθώσεις τύκῃ*). Терминология, показывающая судебное значение определяемого епископом извержения. е) В 9 правиле Карфаг. собора правильное извержение из Церкви почитается следствием канонического приговора своего епископа (*τοῦ οἴκείου ἐπισκό που ἡ κανο νική ψῆφος*). Опять терминология, чисто судебная. ж) Все толкователи согласно свидетельствуют, что пресвитеры, диаконы и прочие клирики судятся своим епископом и он постановляет об них судебный приговор (*οἱ π ρεσβύτεροι, καί οἱ διακονοι, χαὶ οἱ καθεζῆς κλήρικοι ὑπο τῷ ἰδιου ἐπισκόπῳ δικάζονται καί αὐτιῶ ψηφίζεσθαι δεδοται*, Zonar. Σ. III, 133); *епископ называется судившим* (*крίνας*), *клирики судимыми* (*δικαξόμενοι,* Σ. VI, 217).

3) Акт перенесения дела от епископа к собору называется *отзывом, апелляциею* (*ἔκκλητος ,* apellatio) термин судебный, специально употребляемый тогда, когда говорится о действии переноса дела от суда низшей инстанции в высшую (Σ. III. 134, 146, 147).

4) *Суд собора называется высшим судилищем* (Пидалион на 4 Антиох.). Следовательно, суд епископа есть все-таки суд, хотя и низший соборного.

5) Одинаковые обряды и формы, предписанные для суда как над пресвитерами и диаконами, так и над епископами, опять свидетельствуют, что и собор судил и епископ также судил. Невозможно, чтобы по одним и тем же формам и обрядам собор производил суд, а епископ только административные взыскания.

6) Из тождества употребляемых канонами терминов о наложении наказаний на пресвитеров и диаконов их епископом, а на епископов собором, следует, что и то и другое происходило вследствие судебного приговора. *Антиох. 4: аще который епископ изверженный от сана собором, или пресвитер*, *или диакон своим епископом... Антиох. 12: аще который пресвитер или диакон изверженный от своего сана своим епископом, или даже епископ изверженный собором...* Определение извержения и клирикам от епископа и епископу от собора называется одним и тем же именем *ἀπόφασις*, а новое рассмотрение дел в соборе одним именем: *ἐπίκρίσις* окончательный суд. Если пресвитер и диакон, по г. Барсову, извергаются епископом не судебно, а административно; то окажется, что и епископ от собора извергается административным же порядком.

При сих замечаниях имеют место против лжеумствований г. академического оратора еще и следующие соображения:

Если епископ не судит, как утверждает г. академический оратор, а судят только соборы, состоящие только из епископов, то каким образом и откуда епископ на соборах власть суда имеет, а отдельно не имеет? Как изъяснитъ эту несообразность г. академический оратор? Одним способом, – отказавшись от своих несообразных рассуждений. По рассуждению г. оратора выходило бы возможным и то, что епископ один не мог бы совершать Богослужения, а вместе с другими епископами мог.

Итак, каноны, по г. Барсову младшему 1873 года, судебной власти епископу не усвояют. Отсюда близок шаг к тому, чтобы провозгласить неправильность, противоречие правилам и догматико-символических книг, в которых утверждается, что епископ судебную власть имеет (каковы, напр. Послан. Вост. патриархов) и тех уставов, в которых эта мысль раскрывается в практических ближайших применениях, каков напр. устав консисторий. Г. Барсов первого шага не сделал, а от второго не удержался и *устав духовных консисторий* провозгласил *несогласным с канонами.* Вот его слова: *устав духовных консисторий, относя суд к исключителъным правам начальства подсудимого, оказывается не согласным с канонами. Ибо по канонам (1 Всел. 5, Ант. 6, 20) суд пользуется правом обсуждать распоряжения начальства относительно его подчиненных, привлеченных к судебной ответственности.* („Христ. чт.” 1873. март, 463, 464 [34].

Жестоко слово сие, и кто может его послушати?

Из этого торжественного заявления г. академического оратора оказывается, что Православная российская церковь с 1841 года, когда издан устав консисторий, действует несогласно с канонами, на основании устава, с канонами несогласного. Г. академический оратор не подумал, что устав консисторий прежде издания, в течение нескольких лет, был тщательно обсуждаем Св. синодом, в составе которого были Серафим, два Филарета, пастыри, конечно, имевшие сведения в канонах, не меньшие сведений г. Барсова, и в ревности о сохранении канонов едва ли ему уступавшие. Тут был, кроме этих трех митрополитов, еще митрополит Иона, архиепископы казанский Владимир, псковский Нафанаил, каменец-подольский Кирилл, рязанский Гавриил, и обер-священники Музовский и Кутневич, авторитет которых в церковном деле также едва ли уступит авторитету г. Барсова. Г. Барсов не подумал и о том, что ныне здравствуют еще и даже были в числе слушателей его речи архипастыри, рассматривавшие консисторский устав и с теоретической стороны и со стороны его удобоприложимости; ибо устав, прежде окончательного его утверждения, как известно всем, кроме г. Барсова, был разослан ко всем епархиальным архиереям для руководства в виде опыта на один год с тем, чтобы они указали его недостатки. Из заявления г. академического оратора оказывается, что Св. синод 1838–1840 гг., рассматривавший и проектировавший устав консисторий, издал устав несогласный с канонами Церкви. Из него оказывается и то, что и все архиереи, которым консисторский устав разослан был в виде опыта на год, и из которых некоторые здравствуют и ныне, допустили устав несогласный с канонами. Оказывается, что погрешила вся российская законополагающая Церковь: ибо устав был в рассмотрении всех российских архиереев.

Это удивительно и непостижимо. Но еще более удивительно и непостижимо то, что с марта 1841 года, когда утвержден устав консисторий до марта 1873 года, в течение тридцати двух лет, до дней проницательного академического оратора, никто этого не заметил; никто не вывел из заблуждения всю заблуждающую Русскую церковь. Нельзя не остановиться в изумлении пред одним этим соображением. Но удивление наше должно обратиться совсем в другую сторону; потому что заявление г. академического оратора оказывается совершенно *лживым изветом.* „Устав духовных консисторий”, относя суд к исключительным (но не безапелляционным) правам начальства подсудимого, т. е. епископа, с канонами вполне согласен; а г. академический оратор, или правил не знает, или намеренно толкует их в превратном виде, во всяком случае говорит совершенную ложь.

Устав консисторий, как известно, судебную власть в каждой епархии усвояет епархиальному архиерею или единолично (ст. 165), или при содействии коллегии пресвитеров, именуемой консисториею. Архиерей единолично и безапелляционно судит некоторые дела; другие же судит в качестве 1-ой инстанции с коллегиею пресвитеров. И по канонам епископ имеет судебную власть и судит в качестве 1-ой инстанции; вторую же инстанцию составляет суд собора. Никакого несогласия в уставе с канонами нет. Что по канонам судебная власть принадлежит тому же епископу, которому принадлежит и административная власть в епархии – это, после всего

вышесказанного, доказывать еще раз совершенно излишне. В этой непреложнейшей истине убеждены все толкователи, в этом убежден г. Соколов обоих периодов, в этом убежден г. Барсов старший (1870 года). Следовательно, и устав консисторий, сосредоточивающий в лице епархиального архиерея и административную власть и судебную с канонами вполне согласуется. Не согласуется ни с канонами, ни со всем сонмом толкователей, ни даже с самим собою, только г. Барсов младший, нынешний.

Что касается ближайшего прикрытия, которым г. академический оратор хотел замаскировать свою счастливую находку, то оно столь ненадежно, что не выдержит и малейшего к нему прикосновения.

Г. академический оратор прежде всего находит неправильным усвоение консисторским уставом суда начальству подсудимого (463), очевидно, понимая под словом *начальство* – директора департамента, между тем как устав консисторий под выражением: *епархиальное начальство* разумеет в общем смысле *епархиальную духовную власть*, которой в духовных – правительственных и судебных делах подчинены все православные христиане, живущие в епархии – клирики и миряне. Следовательно, когда говорится в уставе консисторий, что судит епархиальное начальство, – это значит, что судит духовная епархиальная власть лицо, принадлежащее к епархии по делу, которое подсудно духовному суду, а не то, как полагает г. Барсов, будто директор департамента судит своего столоначальника. Г. академический оратор может быть убедится в своей ошибке, если припомнитъ, что в уставе консисторий и о суде над светскими лицами, напр. по брачным делам, говорится, что судит их *епархиальное начальство*. По открытию г. Барсова окажется, что и здесь устав относит суд к исключительным правам начальства (в смысле директора департамента) подсудимого, напр. генерал-майора, или губернского секретаря, или жены рядового. Все они, конечно, подчинены духовной епархиальной власти, судящей их в определенных случаях. Но находить в этом несогласие с канонами может только г. Барсов младший.

Впрочем, г. Барсов младший не должен бы находить противоречия устава с канонами даже на основании цитированных им правил; ибо в этих правилах (Антиох. 6, 20; 1 Всел. 5), вопреки его заявлению нет даже и признаков той мысли, которую он хочет ими подтвердить, – именно, будто по этим правилам «суд пользуется правом обсуждать распоряжения начальства, относительно его подчиненных», а говорится о переносе дел о клириках и мирянах из суда первой степени, производимого епархиальным архиереем, в суд 2-й степени – соборный. Чтобы убедить даже самого беспечального академического оратора, мы приведем здесь снова эти правила, уже приведенные выше. *Антиох. прав. 6:* „аще кто своим епископом отлучен от общения церковного; такового другим епископам не прежде приимати в общение, разве когда своим епископом принят будет, или когда составится собор, и он, представ принесет оправдание и, убедив собор, получит от него иное о себе решение (*καταδέξοιτο ἑτέραν ἀπόφασιν*). Тоже определение да соблюдается для мирян, и для пресвитеров, и для диаконов и для всех состоящих в клире”. – Из слов правила: *ἑτέραν ἀπόφασν* – другой приговор, ясно, что был еще и первый приговор: *πρώτη ἀπόφασις.* Второй произносил собор, первый епископ. Если судебный был второй приговор; то судебный же и первый.

Антиох. 20: „в каждой области быти соборам епископов дважды в лето. К сим соборам да приступают пресвитеры и диаконы и все почитающие себя обиженными, и от собора да приемлют суд (*ἐπικρισιν*)”. Слово: *ἐπικρισιν* опять означает суд второй инстанции, а не первой (*κρίσιν*), и переводится в книге Правил иногда выражением: *окончательный суд. Ἐπίκρισις* может иметь место только тогда, когда прежде был уже *κρίσις.* Если *ἐπίκ ρισις* – суд (собора), то и *κρίσις* – суд (епископа). – *В 5 правиле 1 Всел . собора* приговор собора о жалующихся на отлучение своим епископом – называется: *φιλανθρωπότερα ψῆφος* – более снисходительное решение. Следовательно, было прежде сего другое не столь снисходительное решение, т. е. решение епископа, и если *соборное-судебное*, то и *епископское-судебное же.* Если не суд второе (т. е. епископское), то не суд и первое. Какую азбуку заставляет нас читать ему г. академический оратор и профессор!

Но если даже стать на его точку зрения и согласиться с ним; то и тут, и при этом г. академ. оратор окажется вполне несправедливым в сделанном им на консисторский устав извете. Он говорит: „устав духовных консисторий оказывается не согласным с канонами. Ибо по канонам суд пользуется правом обсуждать распоряжения начальства относительно его подчиненных, привлеченных к судебной ответственности („Христ. чт.” 1873, март, 463, 464). Согласимся, что

епископ и по уставу консисторий есть только начальство и по канонам также начальство и что по канонам, как думает г. Барсов, суд (т. е. собор) пользуется правом обсуждать действия начальства (т. е. еппскопа). В чем же будет несогласие устава с канонами? Очевидно в том, по г. Барсову, что устав не допускает, чтобы суд (т. е. собор, Синод) пользовался правом обсуждать распоряжение начальства (т. е. епископа), как допускают это каноны. Если бы г. оратор знал устав, он не написал бы того, что написал. Он знал бы, что там есть следующие постановления: „доколе дело не решено в консистории подсудимые не имеют права просить о переносе оного в Св. синод» (176). „На медленность, или неправильные действия следователей, или консистории, могут быть приносимы частные жалобы Св. синоду» (177). „Если подсудимый объявит неудовольствие и подаст апелляционный отзыв, то исполнение останавливается и решение епархиального начальства представляется Св. синоду с самым делопроизводством, с запискою из оного, подробною справкою о подсудимых и апелляционнымъ отзывом» (181 ср. 184, 185). Оказывается, что и по уставу консисторий, как и по канонам, суд (т. е. Синод, собор) пользуется правом обсуждать распоряжения начальства (т. е. епископа). Несогласия устава с канонами не оказывается. Г. оратор или ничего не знает, или плетет слова, не отдавая себе в них отчета: из слов, де, выходят строки, из строк страницы, из страниц листы. Ну и ладно.

Не столь строго проводит г. академический оратор свою теорию в истории древней Русской церкви. Г. Барсову, по-видимому, хочется сочинить для архиерея и в древней Русской церкви такое же положение, какое он усиливался сочинить для него в древней Восточной церкви, т. е. положение администратора, начальствующего лица, но не судьи. Это хотение его остается в прежней силе. Но здесь он не делает для превращения епископа исключительно в администратора тех усилий, какие употребил для превращения канонического епископа в это единственное звание. Конечно, не очевидность исторических свидетельств была тому причиною: против этого г. Барсов, очевидно, не задумался бы. Г. академический оратор имел здесь, конечно, другие соображения: он соображал, что не столь важна практика древней Русской церкви, чтобы и тут все уродовать с очевиднейшим риском для себя. Можно выставить положение, что на практику древней Русской церкви, при том с канонами якобы несогласную, не должно обращать внимания при реформах и осудить ее одним словом, сказав, что и она с канонами не согласна, как и устав консисторий. О суде епархиального архиерея в древней России г. Барсов делает следующие признания: „епархиальный архиерей, как *начальствующее лицо в епархии,* был обставлен в древней России различными юридическими отношениями: он заведывал духовными делами епархии, *судил различные церковно-гражданские дела* и был вотчинником принадлежавших ему имений» („Христ. чт.” 1873, март. 470, 471).

„По установившейся практике епархиальные архиереи *сами* непосредственно никогда не заведывали судебными делами и предоставляли ведать их доверенным лицам». („Хр. чт.” март. 1873, 471).

„Существование *наместников*, как лиц *заменявших самих архиереев* в заведывании делами церковного управления и в частности *духовного суда,* следует отнести к числу отличительных признаков судоустройства в древней Русской церкви». („Христ. чт.” 1873, март. 472). (Следовательно, в древней Церкви архиереи судили сами и не поручали?)

„По определениям Стоглава, суд по церковным преступлениям над духовенством вообще и по гражданским над монашествующим в частности, *обязаны производить сами святители,* хотя они не лишаются права и возможности, *если бы захотели,* или если бы представилась к тому необходимость, предоставить рассмотрение сих дел вместо себя *другим* лицам, только *из духовных,* а не из мирских» (474).

Если сам архиерей со своим собором разбирал дело, то, по выслушании показаний, полагалось и решение; *если же разбирали дело доверенные судьи, то они, не полагая решения, представляли архиерею, как судный список, так и подсудимых. Архиерей со- борне выслушивал судный список* (475).

„В качестве главы местной Церкви, русский митрополит пользовался правом апелляционного суда по жалобам *на суд святительский.* С упреждением патриаршества рассмотрение жалоб подобного рода обыкновенно производилось в патриаршем разряде; в настоящее время дела по этим жалобам рассматриваются в Св. синоде” (485).

Оказывается из показаний самого г. Барсова, что в Русской церкви и в митрополичий период и в патриарший век и при Св. синоде до издания устава дух. консисторий было то же устройство епархиального суда, как и после издания устава дух. консисторий, т. е. епархиальный архиерей

судил клириков и мирян его епархии, а апелляция на его суд шла к высшей центральной власти российской Церкви – митрополиту, патриарху, Синоду. Что же выходит из этого? Выходит нечто чудовищное, выходит, что *Российская церковь, с самого своего основания до ныне, действовала несогласно с канонами,* так как всегда признавала епархиального архиерея судьею в его епархии, согласно с уставом консисторий. Г. Барсов не сообразил и того, что он произносит осуждение на всю историю Российской церкви от начала ее до ныне.

Г. академический оратор всеразрушающим своим красноречием не только не дает пощады Слову Божию и правилам, объявляя, что они о судебной власти епископа говорят не то, что говорят; но как истый радикал искореняет и римских юристов. Греко-римское право создало и открыло у себя целую и обширную ветвь права под именем: episcopalis audientia и уверяет нас, что епископ *судит* не только подчиненных ему клириков, но и мирян. Беспощадный академический оратор разрушает и это наше убеждение, уверяя теперь, что епископ вовсе не был судьею, и что, следовательно, греко-римские юристы и законодатели и сами заблуждались и нас вводили в заблуждение. А мы в простоте считали их в этом деле сведущими и даже чуть не всемирными учителями. Придется расстаться и с этим убеждением: *αὐτὸς ἔφη*.

Оставив в стороне всю фактическую почву, на которой г. академический оратор оказывается всецело несостоятельным, мы осмелились бы обратить его внимание на следующее теоретическое соображение: он утверждает ныне, что, по непосредственному смыслу церковных правил, епископ, в отношении к епархии, представляется ее духовным правителем и духовно-начальствующим лицом (459), но не судьею; следовательно, возводитъ принцип отделения судебной власти от административной, появившийся в России с 1864 года и в западной Европе, хотя и прежде, но в недавнее же время, – ко временам правил Апостольских и Вселенских соборов. Что никакого такого, или подобного разделения судебной власти с административною в древней Церкви не было – об этом едва ли будет спорить и г. академический оратор. И соборы одни и те же вели и судебные дела и административные. Если бы это соображение пришло в голову г. академическому оратору; то, вероятно, он не стал бы древнюю Церковь перестраивать по судебным уставам 1864 года.

Но мысль г. академического оратора, перестроившего по-своему все правила древней Церкви, даже и в его переделке, при последовательном ее проведении и применении не должна ему дать то, чего он хочет, а должна вести к выводу, который, конечно, для него неудобоприемлем. Епископ, по его измышлению, не судил, а только *административным*, начальственным *образом* взыскивал с подчиненных ему клириков – *отлучал их от общения, извергал* (таковы точные выражения правил); *действителъный суд* о сем происходил *на соборах епископов* (опять точные же выражения правил, т. е., что соборы состояли только из епископов). Согласимся и сделаем приложение к занимающему нас вопросу о реформе церковного суда в России. Выйдет при точном применении: епархиальный архиерей не в качестве судьи, а в качестве начальника, администратора подвергает подчиненных ему клириков взысканиям, и между прочим, – отлучению, извержению. Действительно же судит после сего собор епископов – в Святейшем ли синоде, или в указываемом г. Барсовым *соборе епископов,* митрополии, с митрополитом во главе. Так, по-видимому, должно было бы заключать при некотором уважении к очевиднейшим фактам и здравому смыслу. Но г. академический оратор заключать так не будет; ибо никакого *собора епископов* он не желает, а желает по примеру военно-окружной системы, – духовно-окружных судов на три, на четыре, или более епархии не из архиереев, а из пресвитеров под председательством архиерея безъепархиального, т. е. он желает нынешней же консистории с отрешением от нее епархиального архиерея и с перенесением ее из кафедрального епархиального города в другой отдаленный, напр., из Орла в Киев или Москву. И епархиальному архиерею, по словам г. Барсова, на основании канонов, имеющему право административно подвергать подчиненных ему клириков отлучению и извержению, он не даст такого права, а много, если предоставит ему власть сделать замечание, выговор без внесения в послужной список и временное испытание в архиерейском доме до 2-х недель. – Совершенно напрасно г. академический оратор уродует правила, и затем не допускает смыслен- ного применения их даже в изуродованном им виде. И приличнее, и для его целей полезнее, было бы совсем расстаться с правилами. На почве правил и не оставляя своих затей он будет в положении, возбуждающем крайнее сожаление.

В заключительных выводах своей речи г. академический оратор говорит между прочим следующее:

„Поместная Церковь, не отступая от преданий веры и общих начал священноначалия и устройства Церкви, может допускать в организации и отправлениях своего духовного суда особенности, которые вызываются местными условиями существования, и стремлением к внешнему однообразию своих установлений с установлениями государства» (486).

Зам. Если поместная Русская церковь допустит лишение епископа судебной власти, то она отступит от общих начал священноначалия и устройства Церкви.

„Из начал и форм суда, выработанных и примененных Вселенскою церковью, безусловно обязательны для каждой поместной Церкви лишь те, которые неразрывно связаны с основами церковного священноначалия и не отделимы от свойств церковного строя, а не те, которые служат только отражением постороннего влияния на порядки и установления Церкви» (486).

Зам. Принадлежность епархиальному епископу судебной власти в епархии относится к первому порядку начал, неразрывно связана с основами церковного священноначалия и не отделима от свойств церк. строя. Ни одна поместная Православная церковь, от начала христианства до ныне, не дерзала лишать епископа судебной власти. Из этого весьма ясно, что вся Православная церковь относит это начало к безусловно обязательным.

„Какие бы формы и нововведения ни допустила русская духовно-судебная реформа в своих предначертаниях; но если эти *формы и нововведения с одной стороны не противоречат Вселенским канонам Церкви,* с другой оправдываются действительною пользою их применения и вместе обещают удовлетворить потребностям времени и целям духовного суда в отечестве, то она не должна страшиться никаких возражений и нареканий» (489).

Зам. Реформа, соединенная с отнятием судебной власти у епарх. архиерея, будет противоречить Вселенским канонам Церкви, как это видно из подлинных Вселенских канонов, приведенных в начале книги, из свидетельств всей церк. истории, всех толкователей, самого г. Барсова. След., такая реформа, по словам г. Барсова, должна страшиться возражений и нареканий.

В конце своей академической речи г. Барсов открывает нам и свой общий взгляд на церковные реформы и в особенности на церковно-судебную реформу, в настоящее время проектируемую. Это *profession de foi* г. Барсова очень любопытно и интересно сопоставить с таковым же г. Соколова, и мы сделаем это, поставив их рядом друг с другом:

Г. Соколов. «Государство по существу своему**Г. Барсов.** „Не подлежит сомнению, что *прогрессивно.* Церковь, по самой природе своей,духовно-судебная реформа может свободно *консервативна*; *одною из важнейших задач своихотнестися к предмету* своих *она полагает – хранить неизменным вечное и*преобразований, не связывая себя *неприкосновенное содержание христианства,*предзанятою мыслью о неизмнности и которое возвещено и заповедано ей Основателемнеподвижности ныне действующих начал и религии... Для Церкви предания не суть толькоформ в духовном суде (*значит и тех,* завет минувшего; она видит в них непрерывное*которые основаны на Слове Божием и* выражение вселенского сознания истины; все века*основных церковных правилах?),* обозреть их для нее соединяются в один голос, в однонедостатки и устранить, по возможности, разумение и свидетельство истины. *Высшим*причины этих недостатков. Внешними *идеалом своей земной жизни и развития Церковь*указательными началами, с которыми должна *полагает – привести внешние учреждения свои,*сообразовать свои предположения реформа, *законы и формы жизни в возможно полную*должны быть принятые и примененные в *гармонию с теми принципами, которые даны для*светском суде нормы правосудия, с которыми *нее в Откровении* (1Тим. 5:19–21?) Кто стал быобыкновенно соображается духовный суд, при сравнивать в этом отношении Церковь ссохранении начал своей самобытности и государством, – и законы развития последнегоотдельности. Такое направление реформы прилагать к Церкви, тот опустил бы из видупредставляется вполне естественным и существенное различие между ними по самой ихуместным; ибо недостатки нынешннго дух. природе... *Церковь не может отречься от*суда, вызвавшие его преобразование, если *главнейших своих средств, не изменив своей*начать отыскивать их причины, окажутся *природе, не переставши быть истинною*запоздалым и несвоевременным остатком *Церковью. Поэтому, в здравой церковной*действий в духовном суде тех *политике невозможны постоянные колебания,*поразшатавшихся и осужденных историею и *частая смена одних принципов другими, проба*временем начал и форм, которые до общей *одних средств и отречение от других. Такие*судебной реформы, имели место во всей

*свойства церковной политики указывали бы на е*русской процессуальной системе. Оставление *шаткость, на неясность понимания церк.*какого-либо из этих недостатков в духовном *принципов и целей, или на то, что церковное*суде, *под предлогом канонических оснований управление поставлено в ненормальную*(*г. оратор, конечно считает одним из зависимость от каких-либо сторонних, нетаковых недостатков и совмещение в церковных влияний.* От неясного понимания этих*одном лице епарх. архиерея судебной власти* свойств развития церковного организма*с административною)* показывало бы только происходит немало не- доразумений, особенно вмысль, что улучшения допущенные в эпохи усиленного прогрессивного движениягосударстве, оказываются излишними и не государственной жизни, много жалоб на Церковь зажелательными в Церкви, будто порядки постоянное обращение ее к своему прошедшему,церковных отношений всегда должны стоять за постоянную проверку настоящих действий ина низшем уровне развития с порядками преобразований принципами минувшего. Людиотношений, принятых в государстве (*г.* прогресса правильнее судили бы об этих явлениях,*оратор правильнее сказал бы, что порядки* если бы приняли во внимание, что они не всегда*церк. отношений стоят на других совсем* суть следствия рутины, застоя, нравственного*основаниях, оттого и уровни тех и других* слабосилия, но имеют основание в*порядков разные).* Подобная мысль не может консервативной природе самой Церкви, виметь никакого отношения к области необходимости для нее соображать своиустановлений Церкви *(пот. что ложно и* предположения по устройству и организации*несообразно выдумана г. оратором*); ибо внешних форм ее жизни и отношений с основнымипоследняя, по своим вселенским, внутренними принципами, положенными в еообщечеловеческим свойствам, может и природе, стремлениях и призвании, для которыхспособна сживаться со всякими порядками внешняя, бытовая сторона церковной жизниобщественных отношений и подчиняться их должна служить возможно полным и лучшимвлиянию, если только эти порядки не выражением». „Применяя сказанное нами озаключают в себе ничего противного церковном развитии вообще к преобразованиюнравственности и совести и несогласного с церковного суда, мы находим, что если дляназначением Церкви. Консервативная до реформы нашего гражданского и уголовного судабуквы в сохранении изначальных преданий оказалось достаточным, *отбросив старые*веры, неизменная в истине своих догматов и *принципы* и порядки, оказавшиеся, очевидно,началах нравственности и *неподвижная в* несостоятельными, *обратиться к готовымоснованиях своего иерархического строя образцам,* выработанным европейскою*(след. в епископстве и принадлежащей* юридическою наукою и жизнью, усвоить и ввести*каждому епарх. архиерею судебной власти?)* их в употребление, то подобный прием *вЦерковь,* во всех своих установлениях, *приложении к преобразованию церковного судаотдается потоку времени, которому оказался бы решительно не соответствующимнаправление от ней же дано (?),* подчиняется *характеру и потребностям нашей Церкви.* Этозакону постепенного и последовательного потому, во-первых, что готовых образцов, которымразвития (прогресса?) и улучшения, которые можно было бы подражать, нет: устройство судов ввызваны ее же началами, принимает в свою Церкви католической и протестантских обществахисторическую жизнь все лучшее от во многом к нам не приложимо по своим началам;человеческих обществ, чтò ею же воспитано и теми же примерами, какие дают нам в этом делеподготовлено". „По сему, не боязнь нарушить Церкви – греческая, *сербская, болгарская,* (?!) икакое-либо из частных канонических румынская, мы не можем удовлетвориться, потомуположений, не страх за несоответствие что устройство церковного суда, вследствиесовременных установлений с прежде неблагоприятных политических условий, не моглобывшими и древними *(неужели и с древне-*достигнуть в этих Церквах надлежащего развития.*церковными*?), а сознание действительной Во-вторых, *основания церковного управления и*пользы и желание удовлетворить разумным *тесно связанные с ним существенные элементы*требованиям времени должны составлять *церковного судоустройства (а, следовательно, и*мотив всех предначертаний, касающихся *принадлежность судебной власти епископу) ни*изменений в церковной области, тот мотив *откуда извне (след., и из судебных уставов 1864*освящен Церковью в самых ее канонах (т. е. *г.) не могут быть заимствованы и перенесены водин Вселенский собор изменял Церковь, но должны быть выработаны из еепостановление другаго, но никогда собор собственных внутренних начал* и применены к*поместный, собор местной Церкви*, *не*

современным потребностям церковной жизни. *Этоизменял постановления Вселенского собора) положение должно сохранять свою полную силу*и дает живо чувствовать и наблюдать себя в *во всяком христианском обществе, где Церковь*практических отступлениях от теоретической *не сделалась чисто государственным*нормы, которые представляются *учреждением и ее управление не превращено в*действительно необходимыми и полезными в *один из министерских департаментов. Даже и*данное время. Движение вперед (*прогресс*), *там, где вследствие исторических переворотов*развитие во всех установлениях *составляет была раз допущена подобная аномалия, напр. восновной закон существования Церкви, Англии и Германии, чувствуется теперь*назначенной воспитать в духе Евангелия и *потребность возвратиться* (*регресс) к*Христовых заповедей не одно, а все *самостоятельным началам и формам церковной*преемственно и последовательно идущие *жизни*". („Правосл. обозрен." 1870 г. 2, 304–307). друг за другом поколения человечества" [35]. („Христ. чт." 1873 года. март. 486–489).

Не рассорятся ли два друга – консерватор и прогрессист, ставши лицом к лицу? Не полагаем. Впрочем, если бы и последовало что-нибудь подобное, то, наверное, они помирятся на одном пункте – на отделении судебной власти от епархиального архиерея, положив в основу примирения – сходство и даже тождество своих судеб: оба начали за здравие, свели за упокой; г. Соколов всегда запевал, г. Барсов подтягивал, хотя отчасти и другим распевом, для отличия.

В той же книжке „Христ. чтения", где помещена речь г. Т. Барсова, напечатано (стр. 509): „Э. о. профессор Т. Барсов составил объяснительную записку к проекту основных положений преобразования духовно-судебной части».

Любопытно знать – который г. Т. Барсов – 1870 или 1873 года, старший или младший, консерватор, или прогрессист?

3) Третья теория – поручения

Еще при начале спора о судебной власти епарх. архиерея высказано было одно умозрение, послужившее основою третьей теории. Это умозрение о поручении епархиальным архиереем своей судебной власти пресвитерам. По силе сего умозрения епископ, поручив власть пресвитеру, сам уже не пользовался бы этою властью. Пустившие в ход этот софизм аргументировали его указанием на то, будто подобное уполномочение существует искони в пресвитерском служении вообще. В то время замечено было, что это умозрение есть весьма слабый софизм, ибо епископ, поручая пресвитеру совершение таинств, и сам имеет право и власть совершать оные и действительно совершает. Требуется же изобретателями софизма, чтобы епископ, поручив пресвитеру суд, сам потом уже не участвовал в суде.

В дальнейших спорах этот софизм не появлялся, и можно было думать, что употребление его не признается удобным и что он брошен как негодное оружие. Но это ожидание не оправдалось. Софизм отыскан и положен в основу третьей позднейшей по времени явления теории.

Третья теория имеет внешность гораздо более благоприятную, чем две предшествующие. Те не признают принадлежности судебной власти епарх. архиерею, *эта признает сию истину не подлежащею спору и право суда непререкаемым правом архиерея.* Но это только внешность, слова, в существе же она еще менее благоприятна, чем две первые, гораздо более в известном смысле радикальна, чем те.

Нижеследующая таблица наглядно покажет справедливость наших слов:

Наказания	По предположениям изобретателей 3-й теории	Ныне			
	Суд 1-й инстанции	Суд 2-й инстанции	Отношение епархиального архиерея	Суд 1-й инстанции	Суд 2-й инстанции
1	Замечание	У духовного судьи – пресвитера	В одной инстанции окончательно	В духовной консистории, приговоры которой рассматриваются и утверждаются епархиальным архиереем	В Святейшем синоде окончательно
2	Выговор без внесения в послужной список				
3	Денежное взыскание от 15 р.				
4 5	Денежное взыскание от 15–100 руб. Заключение в монастырь до 3-х месяцев	В духовно-окружном суде	Никакого		
6	Выговор со внесением в послужной список				
	Все прочие высшие	В духовно-окружном	В судебном отделении Св.	Может *сообщить*	

наказания	суде	синода	дух.судье о производстве предварит. следствия; получает сообщение дух. судьи о следствии начатом не по его сообщению; может присутствовать при следственных действиях, представлять доказательства, отводить свидетелей, утверждает обвинительный акт прокурора, или составляет свой, или же прекращает дело

Светские лица и по этому плану изъемлются из-под духовного суда.

Теория, обосновывающая этот раздел, состоит в следующем [36].

Право суда духовного в пределах своей епархии – существенное и неотъемлемое право каждого епархиального архиерея. Но из всех существенных и неотъемлемых прав архиерея есть только два такие, которыми он может пользоваться исключительно сам, и которые не может предоставлять другим, низшим священнослужителям: это право совершать таинство священства – право хиротонии и право освящать миро для таинства миропомазания и, в частности, освящать этим миром антиминсы. Все прочие свои права, в том числе и право суда, архиерей может осуществлять и сам непосредственно, и чрез своих уполномоченных, предоставляя им это право. Посему то, как известно из истории древней Церкви, на соборы, которые обыкновенно рассуждали о делах веры, благочестия и церковного управления, а также производили и духовный суд, епархиальные архиереи иногда не являлись сами, а посылали своих уполномоченных из числа подведомых им священнослужителей, – и это признаваемо было совершенно согласным с канонами Церкви. Посему же, как известно из истории Отечественной церкви, некоторые наши архиереи имели у себя наместников из лиц иерейского сана, которым предоставляли, между прочим, и право суда, в тех, или других участках своих епархий [37]. Митрополиты наши: Киприан, Фотий, Иона, имели наместников в Киеве, которым и „приказывали, как гласит грамота одного из них, и оправдания все церковные, и суды, и дела духовные управлять (Акт. истор. 1, № 48). А у Митрополита Феогноста был наместник даже в Москве – архимандрит (впоследствии святитель) Алексий, который для того именно и был поставлен от своего архипастыря, „еже рассуждати Божие люди и все церковные суды в правду по священным правилам» (Степ. кн. I, 450). Архиепископы новгородские имели постоянно своих наместников во Пскове, которые, по данной им уполномоченности, производили церковные суды в том крае, („Полн. собр. русск. лет.” IV, 118, 191, 209, 211 и др.).

Если так, то устройство духовного суда, по делам каждой епархии, можно представить в следующем виде:

1) Епархиальный архиерей сам не производит суда в своей епархии и непосредственно не участвует в нем, но производит суд чрез своих уполномоченных, которым предоставляет свою судебную власть [38]. В частности:

а) Все маловажные дела по епархии архиерей судит чрез духовных судей, которые избираются духовенством епархии и утверждаются архиереем, и которые, по силе этого утверждения и этой уполномоченности, действуют потом совершенно самостоятельно и независимо от архиерея при решении предоставленных им дел.

б) Все прочие, т. е. более или менее важные, дела по епархии архиерей судит чрез уполномоченных от него членов окружного духовного суда, которые также избираются духовенством епархии и утверждаются в должности архиереем, и которые потом, по силе этого утверждения и этой уполномоченности, действуют совершенно самостоятельно и независимо от архиерея при решении указанных им дел.

2) Каждый окружной духовный суд, учреждаемый на три, на четыре и более соседних епархий, состоит:

а) из членов суда, уполномоченных (по одному или по два) от архиереев этих епархий, и

б) из председателя суда, местного викарного, или какого-либо другого архиерея, который назначается на должность председателя, и, следовательно, служит потом как бы уполномоченным от Святейшего синода.

3) При каждом окружном духовном суде состоит прокурор, со всеми принадлежащими ему правами и обязанностями, который назначается, и, следовательно, служит потом как бы уполномоченным от обер-прокурора Святейшего синода.

При таком устройстве духовного суда сохранятся начала и выполнятся требования канонического права:

1) Сохранится право суда, принадлежащее каждому епархиальному архиерею в пределах его епархии, и участие его в решении всех судебных по епархии дел. Он только будет действовать не непосредственно, а чрез своих уполномоченных и судебная власть не будет отнята от архиерея, а будет только предоставляться им самим его уполномоченным.

2) Сохранится неприкосновенность его епархии от всякого вторжения в пределы ее стороннего архиерея. Ибо хотя председателем окружного духовного суда будет архиерей, не епархиальный по отношению к каждой из тех епархий, которые войдут в судебный округ, но членами этого суда будут уполномоченные представители епархиальных архиереев округа, которые таким образом, в лице своих уполномоченных, сами будут участвовать на окружном суде в решении судных дел по своим епархиям.

3) Сохранится то существенное, необходимое свойство окружного духовного суда, без которого решения этого суда не могли бы иметь канонической силы для епархий округа. Состоя из уполномоченных от епархиальных архиереев округа, под председательством старейшего – уполномоченного от Святейшего синода, окружной духовный суд будет, действительно, образом и подобием тех окружных соборов, на которые в древней Церкви собирались епископы церковных округов, а иногда присылали своих уполномоченных и на которых, под председательством старейшего архиерея в округе или митрополита, решали судебные и другие дела, касавшиеся их епархий.

При таком устройстве духовного суда сохранятся также начала и выполнятся требования новых наших судебных уставов:

1) Судебная власть в каждой епархии будет отделена от административной: так как духовные судьи и члены окружных духовных судов, получив в начале, при утверждении их в должности, уполномоченность от своего архиерея, будут уже за тем действовать совершенно независимо от него и самостоятельно и будут ограждены от всякого стеснения со стороны епархиальной администрации законом.

2) Прокурорская власть на духовном суде будет равно отделена от административной и поставлена столько же твердо и самостоятельно, как она поставлена на судах светских.

3) Две первые инстанции духовного суда будут вполне соответствовать тем же инстанциям суда светского: духовные судьи – мировым судьям, духовные окружные суды – окружным судам.

Читатель, если и бегло просмотрел эту теорию, не мог конечно не вынести убеждения, что здесь только начато за здравие, а кончено решительно за упокой, и конечно сказал: finis potestatis episcopalis in judiciis ecclesiasticis.

Эта теория есть величайшая ирония над здравым смыслом, над историею и над канонами Православной церкви. Отнимая от епархиального архиерея всю судебную власть, она в то же время уверяет всех, не исключая и самого епархиального архиерея, что она все архиерею

сохраняет, что оставляет неприкосновенными каноны и в то же время удовлетворяет судебным уставам, – примиряет огонь и воду – с сохранением свойств той и другой стихии.

Подробный анализ теории яснее покажет всю голую и однако же полную правду сейчас высказанного суждения.

1. Единственным каноническим, церковным соображением, на котором думает утвердиться теория, служит мысль о поручении архиереем права суда уполномоченным от него лицам. „Хотя право суда духовного в пределах своей епархии есть существенное и неотъемлемое право каждого епарх. архиерея, но из всех существенных и неотъемлемых прав архиерея есть только два такие, которыми он может пользоваться исключительно сам и которые не может предоставлять другим – это право хиротонии и право освящать миро; все же прочие свои права, в том числе и *право суда, архиерей может осуществлять и сам непосредственно,* и чрез своих уполномоченных, предоставляя им эти права». Из этой общей посылки в приложении к данному случаю выводится такое заключение: *следовательно: епарх. архиерей сам не производит суда в своей епархии* и непосредственно в нем не участвует, *но производит суд чрез* своих *уполномоченных*, которым предоставляет свою судебную власть, и *которые действуют* совершенно самостоятельно и *независимо от архиерея* при решении предоставленных им дел».

Невозможно усмотреть необходимой связи между основанием и заключением. Представляется основание: архиерей *может сам производить суд* и может поручать право суда уполномоченным от него лицам; а заключение выводится такое, что он *должен поручить право суда и не может сам пользоваться этим правом* и что уполномоченные им пользуются правом суда совершенно от него независимо. Что архиерей может поручать подчиненным ему лицам производство суда, – это бесспорно и практика об этом свидетельствует. Но эта возможность поручать сама в себе заключает неопровержимое доказательство и другой возможности, именно самому исполнять то дело, которое можно поручать. Тот, кто имеет право поручать непременно должен иметь право и сам исполнять; и если не имеет последнего права, не может иметь и первого. Ясность и правильность этой мысли не может подлежать ни малейшему прекеканию. Возможность поручения непременно предполагаетъ полномочие и самому делать поручаемое: чего кто сам делать не может, того и другому поручать не имеет права и возможности. Не имея права производить суд, губернатор не может и своему чиновнику особых поручений поручать произвести и решить судебное дело. Это ясно. И однако же вопреки сим очевидным положениям теория заключает: „архиерей производить *суд сам не имеет права, однако же поручает это право подчиненным ему священнослужителям.*

Дабы еще с большею ясностью представить непоследовательность, заключающуюся в этой теории, должно приложить ее к другим правам архиерея, признаваемым теориею за неотъемлемые, которые однако же архиерей может поручать подчиненным ему священнослужителям. К таковым правам принадлежит, напр., право совершения таинств и священнодействий: это право, в определенной ставленною иерейскою грамотою мере, архиерей поручает священникам. Но поручая, сохраняет это право и сам: сам совершает все таинства и священнодействия. По силе и смыслу рассматриваемой теории выходило бы, что архиерей, совершая священнодействия чрез своих уполномоченных, действующих от него совершенно независимо, *сам непосредственно не должен и не может совершать таинств и священнодействий:* он должен поручить, но сам не может совершать. Другое неотъемлемое право архиерея, которое он также может поручать, есть право Христианского учения, право проповеди. Это право архиерей поручает не только священнослужителям, но и церковнослужителям, имеющим надлежащее христианское образование. Но поручая, и сам проповедует, и только потому может поручать, что сам может проповедовать. По силе и смыслу рассматриваемой теории оказывалось бы, что архиерей, проповедуя Слово Божие чрез своих уполномоченных, действующих от него совершенно „независимо», сам непосредственно не может и не должен проповедовать: если поручил, то сам не должен проповедовать. Кто решится при подобной постановке дела утверждать, что „сохраняется право суда, принадлежащее каждому архиерею епархиальному в пределах его епархии и участие его в решении всех судебных по епархии дел, что сохранится его право священнодействия, право Христианского учения? Кто будет настаивать, что при такой постановке дела, „судебная власть не отнята у архиерея, а только предоставляется им самим его уполномоченным», что право священнодействия и проповеди также не отнято, а только предоставлено им самим его уполномоченным? Уполномочивающий другого что-нибудь делать по праву ему принадлежащее,

и сам непременно (conditio sine qua non) должен иметь право делать то, что поручает уполномоченному. Не имеющий права делать, не имеет и права уполномочивать другого.

2. В существе понятия: *поручение* – заключается и еще черта весьма важная и существенная, но в рассматриваемой теории невыдержанная. В понятии *поручения* непременно заключается условие свободы, принадлежащей поручающему, вследствие которой он может сделать поручение, – но может и не сделать оного, и удерживает за собою право во всякое время взять назад свое поручение, дабы самому исполнять порученное дело, или же чтобы передать от одного исполнителя другому. Нельзя предписать лицу, облеченному какою-либо властью, чтобы оно поручало всегда, а само этою властью не пользовалось. Это будет значить отнять у него и право самого дела и право поручения этого дела, так как поручать может только тот, кто может и делать. Между тем, по рассматриваемой теории, архиерей будет законом обязан только поручать суд, и законом же будет ему запрещено судить; даже мнимо получившие от него поручение, судебные лица будут ограждены от него законом.

3. В понятии поручения есть и третье, весьма существенное условие, теориею невыдержанное: нельзя поручать независимому и нельзя сделать независимым исполнителя поручения: разрушится самая основа поручения, выйдет поручение только по имени, а по существу что-то совсем другое. Никакой уполномоченный, по самому существу и понятию уполномочения, не может действовать независимо от того лица, от которого получил полномочие. Он непременно находится под его контролем и в полной от него зависимости. Не только нельзя ограждать законом независимость уполпомоченного от уполномочившего, но и немыслим никакой уполномоченный, не состоящий в зависимости от уполномочившего. Если независимый, то не уполномоченный, если же уполномоченный, то не независим. Посему и в приложении к настоящему вопросу, если духовные судьи и члены духовно-окружных судов суть уполномоченные от архиерея, т. е. действующие его именем и его властью, то они не могут быть от него независимы; если же они независимы, то не могут ни быть, ни именоваться его уполномоченными. Указание на то будто и ныне священники суть только наместники епископа, от него получают право учить, священнодействовать и пасти вверенное каждому из них стадо, – совсем не приводит к заключению о совершенной независимости духовного суда от архиерея. Право учения и священнодействия поручается от архиерея пресвитерам под условием полной и всецелой от него зависимости и при непременном сохранении сих прав и самим архиереем. Если бы архиерей „сам не совершал священнодействий, как это предполагается рассматриваемою теориею в отношении к суду, то и священникам не мог бы поручать. Поручает потому, что и сам совершает; и поручивши, наблюдает за точностью исполнения поручения: независимости нет и быть не может. Весьма ясно и прекрасно изображено сие в наших догматических книгах, и именно в „Православно-догматическом богословии” преосвященнейшего Макария. „Пресвитеры, получая от епископа всю свою власть, от епископа же приемлют и власть учительства; но и после сего постоянно подлежат надзору и суду своего архипастыря. …Священник получает от своего архипастыря власть совершать таинства; но в прохождении этой своей обязанности подлежит непрестанному надзору, власти и суду своего архипастыря. …Пресвитеры получают от своего архипастыря власть решить и вязать, но сами по себе без его согласия ничего не могут делать» („Прав. догм. богосл.” III. 294 – 298). Вот каково истинное понятие поручения, делаемого епископом пресвитеру. Зависимость полная, а независимости никакой.

Мы не можем в настоящий раз не сослаться на свидетельство, тем более в настоящем случае важное, что оно принадлежит мужу, не соглашающемуся с нами в самых основных и существенных пунктах. „Каноны Православной церкви”, говорит сей муж, „не препятствуя перенесению дел от епископского или епархиального суда в суд окружной – митрополичий и даже в областной – патриарший, положительно воспрещают еппскопу отчуждать от себя *все* дела о проступках духовных лиц, ибо ими требуется, чтобы епископ находился неупустительно при делах Церкви и разбирал все дела с рассуждением (Апост. 81, Ант. 9, Карф. 6), получал бы сведения о служителях Церкви (Вас. Вел. 89) и вразумлял неблагонравных наставлениями, увещаниями, иногда же и церковными епитимиями (Двукр. 9, Апост. 27). Примеров же такого полномочия, в силу которого пресвитер, действуя в пределах епархии своего епископа, делался бы от него независимым не представляют церковные акты, напротив из них видно, что в пределах епархии не допускалось действие духовной власти, независимой от местного епископа. Так, хотя разбирательство дел по маловажным проступкам духовных лиц епископы 4-го века вверяли бывшим в участках епархии хорепископам, но когда хорепископы обнаружили

стремление к независимости в своих действиях от местного епископа, собор признал необходимым упразднить и самую должность хорепископов, заменив их *периодевтами* и вменив сим в обязанность пичего не творить без воли своего епископа» (Лаодик. 57).

4. Теория признает „право суда духовного в пределах епархии существенным и неотъемлемым правом каждого епархиального архиерея», и в то же время принимает, что „судебная власть в каждой епархии будет отделена от административной, духовные судьи и члены окружных судов будут действовать совершенно независимо от архиерея и самостоятельно и будут ограждены от всякого стеснения со стороны епархиальной администрации (т. е. архиерея) законом».

Никто не будет в состоянии примирить и изъяснить эти два положения теории.

Если судебная власть отделена от административной, оставленной за епархиальным архиереем, если духовные судьи и члены духовно-окружных судов будут действовать *совершенно независимо от архиерея и самостоятельно и даже будут ограждены от архиерея законом,* – каким образом при этом сохранится право суда, принадлежащее каждому епархиальному архиерею в пределах его епархии и участие его в решении всех судебных по епархии дел? Одно из этих положений непременно исключает другое; и если остается одно, то отпадает другое. Если судьи и вообще весь суд огражден от архиерея законом и совершенно независим, то нельзя сказать, что сохранится право суда, принадлежащее каждому архиерею в пределах его епархии. А если сохраняется за архиереем право суда, то невозможно будет, чтобы судьи были от него совершенно независимы и даже ограждены законом. Утверждать то и другое, в одно и то же время, невозможно. „Самоуправный суд священнослужителей, или мирян, независимо от законного священноначалия (т. е. пресвитера от епарх. епископа), хотя бы и в правом, по-видимому, деле, церковные правила называют расколом”. Собора двукратного прав. 13; Карф. 10 (Иоанн в „Правосл. собеседн.” 1858, 2, 339).

5. Обращаясь за сим к тому акту, чрез который будет архиерей вручать полномочие на производство суда, нельзя не усмотреть, что сим актом не только не может быть выражено какого-либо уполномочения; напротив, в сем акте архиерей не может выразить даже никакой воли: он обязывается только принять к сведению не им сделанный выбор и более ничего. По проекту, принятому большинством членов комитета („Спб. вед.” 1872. окт. №) духовные судьи и члены духовно-окружных судов избираются духовенством и светскими лицами, а архиерей только утверждает *получившего большинство голосов при избрании* и не может не утвердить. Епарх. архиерей, по проекту, исполняет то же, что в отношении к мировым судьям исполняет 1-й департамент Правительствующего сената, только в размерах еще более ограниченных. И сенат, и архиерей утверждают избранного, т. е. получившего большинство голосов. Но сенат, при этом, может обсуждать еще тот случай, если бы кто избран был в мировые судьи вопреки замечаниям губернатора („Учр. суд. уст.” 37). Но кто же скажет, что 1-й департамент сената, имеющий большие права при утверждении мировых судей, чем архиерей при утверждении духовных судей и членов духовно-окружных судов, уполномочивает мировых судей, что мировые судьи суть уполномоченные 1-го департамента Правительствующего сената? Тем менее можно сказать, что епархиальный архиерей, имеющий при утверждении власти менее, чем 1-й департамент сената, уполномочивает духовных судей и членов духовно-окружных судов и что сии судебные лица действуют по его уполномочению. Ежели называть вещи и понятия их надлежащими именами, то по теории духовные судьи и члены духовно-окружных судов, если и могут быть признаны чьими уполномоченными, то они суть уполномоченные их избирателей, выразивших свое доверие к ним осязательным образом в акте избрания, но никак не архиерея, никаким образом не имеющего возможности выразить какую-либо свою волю по этому случаю.

6. Церковные правила повсюду и весьма ясно свидетельствуют, что и клирики, и миряне в делах духовных, в делах подсудных духовному суду, судятся судом *их собственного епископа,* к епархии которого они принадлежат. Епископ в каждой епархии, по правилам, один, и только одному епископу подчинена в духовных делах вся епархия. Если приложена будет к делу рассматриваемая теория, если будет устроен духовно-окружной суд и с председателем архиереем, то окажется, что каждый клирик зависит не от одного архиерея епархиального, как требуют правила, а еще и от другого – председательствующего в духовно-окружном суде. Все существеннейшие канонические понятия будут разрушены и произойдет полное их смешение. Принадлежность судебной власти только *своему,* епархиальному, а не чужому епископу дает и еще один вывод против передачи судебной власти епархиального архиерея – другому, не

епархиальному, а председателю окружного суда. При такой передаче оказывалось бы, что одному архиерею в доверии отказывают, а другому оное дают, оказывают недоверие Иоанну и доверие Петру, тогда как и Петр, и Иоанн получили от Спасителя и одинаковые дары и одну и ту же власть, и права; и если Иоанн не может быть судьею, то, конечно, и Петр. Оказалось бы, что Петр получил только власть вязать и решить, а Иоанн только пасти.

7. По неизменным церковным правилам епископ имеет в зависимости от себя только клириков своей епархии и только им может делать церковные поручения. Ни клирику другой епархии, ни другому епископу не может делать поручений. Епископ нижегородской епархии не может сделать церковного поручения клирику самарской епархии. Это понятия основные и общеизвестные. Теория поручения и окружных судов отступает и от этих общих и основных понятий. В окружном, положим, нижегородском суде духовном судить клирика самарской епархии будут не одни пресвитеры самарской епархии, самарским епископом уполномоченные, а вместе с ними, или с ним (может быть из самарской епархии будет только один член) будут судить еще пресвитер, положим, симбирской епархии и пресвитер нижегородской, которым самарский архиерей не давал и не мог дать поручения производить суд вместо него. Будет судить и архиерей – председатель окружного суда, которому самарский архиерей также не может сделать поручения судить клирика самарской епархии. Или нужно будет допустить, что самарский архиерей имеет власть и право поручить судить клирика своей епархии другому архиерею и пресвитерам епархий симбирской и нижегородской, ибо только при таком условии можно выдержать теорию. Кажется, ясно из сего – какое извращение всех общих и основных понятий вводится теориею поручения с окружными судами.

8. Допущенное теориею всецелое отделение судебной власти от архиерея с объяснением, однако же, будто сим судебная власть у архиерея не отнимается, а только самим архиереем поручается, – беспрепятственно может повести к таковому же распоряжению и с прочими правами архиерея и даже с теми, которые рассматриваемою теориею признаются исключительно архиерею принадлежащими, каковыми признаются право хиротонии и право освящения мира. Как существенное основание и судебной власти и власти хиротонии заключается в одном и том Апостольском послании (1 Тим.), в одной и той же главе (5) и даже непосредственно одно вслед за другим (ст. 19, 20, 21: *на пресвитера хулы не приемли* и т. д. Ст. 22: *руки скоро не возлагай ни на кого же* и т. д.), то вслед за распоряжением таким образом с судебною властью епископа, т. е. с отделением ее от него под прикрытием поручения, может явиться требование о подобном же отделении и власти хиротонии с таковым же прикрытием. И таковому требованию, при этом прецеденте, не будет основания отказать: поручена одна часть власти, может быть поручена и другая, – основание той и другой одно. Архиерей окажется только поручающим, но не действующим; он сам не производит суда, но только поручает; сам не проповедуетъ, а только поручает; сам не священнодействует, а только поручает; сам не управляет, а только поручает; сам не посвящает, а только поручает. Таким образом, если предпримем под разными прикрытиями, или только под прикрытием поручения отделять от епископа существенные части его власти, на основании Слова Божия, церковных правил и многовековой практики, составляющие полноту епископской власти, аки бы невеликую имеющие силу, то непременно повредим епископству в существе и в основании, или паче сократим епископство в единое имя без самой вещи, по слову св. Василия Великого (пр. 91).

9. Но отнимая у епархиального архиерея всякую судебную власть и допуская вмешательство в дела епархии другого архиерея и пресвитеров другой епархии, теория вместе с сим допускает и вмешательство каждого епархиального архиерея в дела другой епархии. Епархиальный архиерей, по изъяснению теории, уполномочивает пресвитера производить суд в окружном суде, и по силе этого уполномочения, пресвитер будет судить не только дела из епархии архиерея, его уполномочившего, но и из других епархий, принадлежащих к округу, от архиереев которых он не получил полномочия, т. е. епархиальный архиерей будет уполномочивать подчиненного ему пресвитера производить суд в других епархиях. Ясно из этого извращение всех церковных отношений, имеющее произойти с осуществлением проекта, основанием которому служит рассматриваемая теория.

10. В подтверждение и объяснение теории указываются примеры из истории нашей отечественной Церкви. Говорят: некоторые наши архиереи имели у себя наместников из лиц иерейского сана, которым предоставляли и право суда в тех или других участках своих епархий. Митрополиты Киприан, Фотий и Иона имели наместников в Киеве, а митрополит Феогност даже в

Москве – св. Алексия. Новгородские архиепископы имели своих наместников во Пскове. Действительно история об этом свидетельствует. Но она не свидетельствует, чтобы святители Киприан, Фотий, Иона, Феогност после того как поставили своих наместников „сами не производили уже суда в своей епархии и непосредственно не участвовали в нем»; напротив, история весьма ясно свидетельствует, что святители, имевшие наместников, и сами производили суд. Не свидетельствует история и о том, чтобы эти святительские наместники были избранные по большинству голосов духовенства и только утвержденные святителями, а равно и о том, чтобы они были совершенно от святителей независимы и даже ограждены от них законом. Напротив, древние святительские наместники назначаемы были самими святителями из лиц им известных, находились во время исполнения поручения в полной от них зависимости и были удаляемы от должности по усмотрению святителей, так что сходства между древними святительскими наместниками и предполагаемыми независимыми от архиереев судами и судьями нет ни малейшего. Такого поручения, как предполагается рассматриваемою теориею, никогда не бывало. Впрочем, при сем должно заметить и то, что, по свидетельству достоверной истории, „наместников имели у себя и не все архиереи и не всегда, а только некоторые и в случаях нужды, по обширности епархии, или по своей болезни” (См. преосвящ. Макария – „История Русск. Церкви”, т. V, стр. 90–93, 118) [39].

11. Правильная идея поручения, состав и мера поручаемых епископом пресвитеру прав, условия исполнения поручения точно изложены в ставленной иерейской грамоте, которая есть и должна быть признаваема точным и непререкаемым каноническим документом, обозначающим как совокупность тех духовных прав, которые епископом могут быть поручаемы пресвитеру, так и условия пользования сими правами. Акт поручения в грамоте обозначается словами: *посвятили мы и утвердили ему власть.* Состав поручаемых прав следующий: тайнами святыми совершати человека в жизнь христианскую, духовную, крещати, миропомазывати, исповедовати, литургисати, венчати по воле и согласию мужа и жены, елеопомазание над болящими совершати, и вся церковные последования и чины действовати, вверенные люди учити благоверию. О совершенно независимой деятельности в исполнении утвержденной власти нет ни одного слова, равно как и об ограждении иерея от архиерея законом. Напротив, в отношении к одному из предоставленных прав, именно к праву суда духовного в таинстве покаяния, имеющему существеннейшую связь с правом внешнего суда, которое предполагается передать от архиерея иереям, иерей находится под непосредственным наблюдением архиерея: „исповедавших ему своя совести”, предписывается „вязати и решити благорассудно по правилом святых Апостол и учению Богоносных отец, по уставу же святой Восточной церкви, и *по нашему наставлению и повелению: вящшыя же и неудоборассудные вины приносити и предлагати нам.* По смыслу рассматриваемой теории следовало бы, что получивший поручение иерей, от архиерея независим, а по установлению Православн. церкви этого нет. По смыслу теории следовало бы, что архиерей, поручив иерею указанные права, сам уже не пользуется ими – не может ни крестить, ни миропомазывать, ни литургисать; а по установлению Правосл. церкви не только нет ничего подобного, но подобное положение даже немыслимо.

12. Обращаясь к другой ставленной грамоте архиерейской и обещанию архиерейскому, и в них находим основание невозможности отделения судебной власти от архиерея, которое старается обосновать рассматриваемая теория. В архиерейской ставленной грамоте, вообще содержащей в себе только немногие и существеннейшие предписания епископской должности, помещается и *Апостольская заповедь о принадлежащей епископу власти и обязанности судить подведомых ему пресвитеров* и заповедь сия стоит вместе с заповедью Апостола, обозначающею принадлежащее епископу право хиротонии. Вот в точном виде относящиеся сюда слова архиерейской грамоты: *руки скоро не возлагай ни на кого же, ниже приобщайся чужим грехом, но паче утверждайся во всяком слове и деле блазе, да преспеяние твое явлено будет во всех. На пресвитера хулы не приемли, разве при двою или триех свидетелех. Согрешающих обличай, да и прочии страх имут.* По осуществлении предположений рассматриваемой теории, состоящих в том, что *сам епископ не производит суда и в нем не участвует*, эту Апостольскую заповедь столь существенную, что она помещается в числе немногих в архиерейской ставленной грамоте, нужно будет в этой грамоте изгладить, так как в ней она не будет иметь никакого смысла и перенести в ставленную иерейскую грамоту, ибо право рассмотрения обвинения на пресвитера будет принадлежать пресвитеру и только не многим епископам председателям окружных судов и членам Судеб. отделения Св. синода, а не всем архиереям, как ныне. В архиерейском обещании

между прочим есть следующее: *обещаюся блюсти каноны св. Апостол и седми Вселенских и благочестивых поместных соборов*, *иже на сохранение правых велений суть узаконены хранити крепце и ненарушне до кончины моея жизни с сим моим обещанием свидетельствую: и вся яже они прияша, и аз приемлю: и их же они отвратишася и аз отвращаюся.* Они, т. е. Апостолы и соборы в своих канонах прияли, что каждый епископ производит суд над подчиненными ему клириками, а о том, чтобы епископ сам не производил суда, производили же суд, под видом его уполномоченных, совершенно независимые и огражденные от него законом пресвитеры, или другой архиерей, в правилах Апостольских и соборных нет ни одного слова. Каким образом епископ будет обещать соблюдение правил, когда существеннейшие из этих правил, именно правила о суде будут отменены?

13. Снесение и сопоставление разных положений теории яснее всего покажет ее несостоятельность и внутренние противоречия, которые могут быть уничтожены только прямым и откровенным заявлением, что судебная власть от архиерея отделяется, или отнимается. В теории говорится: „право суда духовного в пределах своей епархии – существенное и неотъемлемое право каждого епархиального архиерея; и это право и участие в решении всех судебных по епархии дел сохранится, хотя епархиальный архиерей сам не производит суда в своей епархии и непосредственно в нем не участвует. Он производит суд чрез своих уполномоченных, которые действуют совершенно независимо от него и самостоятельно и будут ограждены от него законом". Противоречие этих положений очевидно для всякого.

14. Нельзя не остановиться на том вытекающем из теории и построенного на ней плана последствии, по которому каждый клирик со введением в действие теории и окружных судов делается подчиненным и подначальным не одному епископу, а двум, одному, епархиальному по административным делам, а другому, председателю духовно-окружного суда – по судебным. Это новое противоречие правилам и всей многовековой практике Православной церкви. Всегда в Православной церкви, в епархии, или поместном пределе был один епископ, и этому одному епископу были подчинены во всех духовных делах все клирики и миряне епархии. Основание в том, что един Бог, един Христос, образ Которого представляет епископ для своего клира и паствы. Был случай в IV в., когда в Риме оказалось два православных епископа Феликс и Ливерий, возвращенный из ссылки императором Констанцием с тем, чтобы он управлял Церковью вместе с Феликсом. Жители разделялись тогда на две партии, носившие прозвание по различию цветов, и потому сперва положили было, чтобы один епископ управлял одною партиею, а другой другою; но потом все единогласно воскликнули: unus Deus, unus Christus, unus Episcopus (Феодорит. Церк. ист. II, 17 стр. 153, 154) [40]. Так чужда Православной церкви и православному сознанию мысль о двух епископах для одной паствы, для клира одной епархии! Теориею и окружными судами вводится именно это двуепископие, хотя отчасти и в другом виде с раздвоением не по партиям, а по делам.

15. Наконец яснейшим доказательством того, что сами выставляющие эту теорию не почитают епархиального архиерея сохраняющим судебную власть, служит предоставление ему в проекте, опирающемся на эту теорию, некоторой доли обвинительной власти. По проекту епархиальный архиерей может делать духовному следователю сообщения о начатии предварительного следствия, получает от него сообщения о всяком следствии, начатом не по его сообщению, может как сторона присутствовать при всех следственных действиях, представлять доказательства, отводить свидетелей, утверждает обвинительный акт прокурора, или предлагает суду свой обвинительный акт. Все это права не суда, а одной из сторон, именно обвиняющей, права обвинительной власти („Спб. вед." 1872, окт. „Христ. чт." 1872 декабрь; „Прав. обозр." 1878 январь; „Современность" 1873 № 46; „Московск. вед." 1873 № 151; „Русские вед." 1873 № 131). Обвинительная власть и судебная несовместимы в одном лице. Следовательно, если держащиеся этой теории облекают архиерея обвинительною властью, то из сего само собою ясно открывается, что они не почитают его имеющим судебную власть. Если бы они признавали судебную власть неотъемлемо принадлежащею архиерею, то, ни в каком случае, не предоставили бы ему власти обвинительной. Что-нибудь одно – архиерей или судья, или обвинитель. У наших теоретиков для виду выходит и то и другое и судья, и обвинитель, а в существе ни то, ни другое, ни судья, ни обвинитель. Они говорят, что архиерей сохраняет судебную власть и судит чрез своих уполномоченных. Но они же говорят и то, что „в решении дел в духовно-окружных судах епархиальные архиереи не будут принимать участия; но только будут составлять обвинительные акты, или постановления обвиняемого суду, и таким образом епарх.

архиерею будет принадлежать то право, которое в светском ведомстве принадлежит *судебным палатам*, *в качестве обвинительной камеры* [41]. Совершенно невиданное и нигде неслыханное зрелище представляла бы камера обвинения, которая сначала предавала бы суду, а потом судила бы чрез своих уполномоченных. Кого тут морочат? Никого, кроме самих себя.

В виду представленных соображений становится совершенно ясным, что и этою теориею совершенно безуспешно прикрывается полное отнятие, или отделение судебной власти от архиерея под именем мнимого *поручения архиерея*, которое проявляется единственно в том, что ему для сведения показывается, кто получил большинство голосов на выборах в судьи или члены окружного суда.

Но под какими бы прикрытиями мысль об отделении судебной власти от епархиального архиерея ни была проводима, под несостоятельным ли прикрытием мнимого поручения, или под другим каким прикрытием, невозможно не повторить снова, что эта мысль противна Слову Божию, церковным правилам и догматическому учению Прав. церкви, а равно и всей многовековой церковной истории и практике. В *Слове Божием* везде, где говорится о судебной власти в Церкви, сия власть усвояется и вручается только Апостолам и преемникам их власти епископам (напр. 1Тим. 5:19–21). В *правилах* судебная власть в Церкви и над клириками, и над мирянами усвояется только епископу, в епархии которого они живут (Ап. 32; 1 Всел. 5; IV, 7, 23; Антиох. 4, 6, 12; Карф. 28, 37, 117, 121, 139; Сардик. 13, 14 и др.). Ни в Писании, ни в правилах невозможно отыскать ни одного слова не только о том, чтобы судебная власть принадлежала и пресвитерам, но и о том, чтобы она была епископами поручаема пресвитерам в том виде, как это предполагается рассматриваемою теорию, т. е. так, чтобы судебною властью пользовался пресвитер, совершенно от епископа независимо и даже под ограждением закона, а епископ судебною властью совсем не пользовался. Практика Правосл. церкви во все века не представляет ни одного примера, хотя отдаленным образом похожего на предполагаемое этою теориею отделение судебной власти от архиерея. И непонятно, каким образом признающие *право суда духовного в пределах своей епархии существенным и неотъемлемым правом каждого епархиального архиерея* могут в то же время проводить мысль, что судебные лица будут действовать от архиерея совершенно независимо и самостоятельно, и даже будут ограждены от архиерея законом и что архиерей сам суда не производит. Одним из этих положений исключается другое. Равным образом с допущением и проведением мысли о совершенно независимом от архиерея отправлении правосудия не будет возможности утверждать, что это делается на основании Слова Божия и правил, а нужно будет прямо и открыто заявить, что это вопреки Слову Божию и правилам и только в согласии с новыми судебными уставами 1864 года, требующими отделения судебной власти от административной.

Окончив разбор теорий, выставленных для оправдания и объяснения отнятия у епархиального архиерея судебной власти, мы сделаем несколько замечаний об этих теориях.

1. То обстоятельство, что все три теории, подкапывая основания и корни судебной власти епископа, в то же время стараются закрыть это от всех и дать вид, что они этого не делают, а судебную власть архиерея сохраняют, служит одним из самых убедительных, сильных и почти неотразимых доказательствъ и неправильности дела и невозможности отнять судебную власть у архиерея прямым и откровенным образом. Если дело возможно, почему г. Соколову и изобретателям двух других теорий не сказать прямо, что судебная власть от епархиального архиерея отделяется. Но никто из них не взялся и не может взяться открыто и прямо объявить это, потому что самое дело невозможное. Несмотря на крайнюю неловкость, несмотря на колоссальный, если можно так выразиться, скандал, изобретатели теорий не почитают возможным строить церковный суд отбросив правила. Это невольное и вынужденное сознание весьма важно. Без правил нельзя. А при правилах нельзя так, как хочется теоретикам. Следовательно? Должно бросить затеи и теории и возвратиться к вселенской истине.

2. Ложность и первой, и второй и третьей теории обнаруживается еще и в том, что все эти теории церковный суд ограничивают только клириками, исключают из-под церковного суда мирян и устрояют церковный суд исключительно для первых. Не может быть устроен в Православной церкви церковный суд для одних только клириков, с исключением всех мирян. При устроении же церковного суда для всех православных христиан, согласно учению Православной церкви, выставленные теории лопнут, не продержавшись и одного часа. Эта общая всем трем теориям черта, кроме сего изобличает, что все три теории имеют связь с трудами состоявшего при Св.

синоде комитета; ибо только этот комитет под именем Церкви разумеет только клириков и монашествующих и суд церковный ограничивает только сими лицами.

3. Между теоретиками образовался особого рода союз, или как это называется на их жаргоне, составился *один лагерь*, на коммунистических началах. „Лицам, принадлежащим к этому *лагерю* для доказательства своей общей, дорогой для них идеи, *дозволяется пользоваться доводами друг у друга.* Принадлежащий к лагерю может приводить или свое особенное мнение, или *мнение целого лагеря.* Можно не усиливаться составлять доводы от себя, а популяризировать те, которые высказаны уже приверженцами того же лагеря, но мало распространены". („Голос" 1872 № 211). Таковы понятия господствующие в этом лагере, свидетельствующем, между прочим, что против архиерейской власти ведется правильная война *целым лагерем.* На основании таких понятий *общая, дорогая идея* – отнятие судебной власти у архиерея пропагандируется всевозможными способами в органах служащих лагерю: то идет в органе лагеря одна теория, то другая. „Голос", например, в апреле 1871 года пропагандировал первую теорию г. Соколова, пользуясь его статьями, в июле 1872, по изменившимся ветрам, пропагандировал вторую теорию по „Биржевым ведомостям", в октябре 1872 по вновь изменившимся ветрам опять первую, буквально по статье г. Соколова. Лишь бы шло в прок для общей дорогой идеи, а за тем в лагере все дозволяется. Изобличение перепечаток, сделанное со стороны, объявляется курьезом и подвергается осмеянию, как крайнее незнакомство с понятиями и обычаями лагеря („Голос" 1872 № 211).

4. Если снести каждую из сих трех теорий с документальным изложением правил и толкований на них, представленных в начале книги, то должно прийти в величайшее изумление от совершенного несоответствия их с правилами и необычайной смелости изобретателей, употребляющих все усилия убедить, что их теории согласны с правилами, и что они только о том и заботятся, чтобы быть согласными с правилами.

5. По роковой случайности, или говоря справедливее, по особенному устроению Промысла вышло, что изобретатели и защитники *всех* трех теорий, прежде этого в своих сочинениях были красноречивыми проповедниками и ревностными защитниками принадлежности епархиальному архиерею судебной власти. Еще накануне своего похода на архиерея они всех нас учили, всех нас уверяли, что архиерею на основании Слова Божия и правил судебная власть принадлежит. Еще в 1870 году г. Соколов нам проповедовал, что „преемники Апостолов епископы являются самостоятельными судьями в церковных отношениях", что „внешний самостоятельный суд внутри Церкви принадлежит Апостолам и преемникам их епископам". Не более как за четыре месяца до своего непостижимого отступничества он нам говорил, что „вторым (первый у него хорепископ не с самостоятельною юрисдикциею, а в качестве делегата от епископа) *самостяотелъным* органом судебной власти церковной по началам Вселенского соборного законодательства является епископ, представитель поместной части Церкви – парикии. Ему принадлежит, по канонам, право возбранять служение, отрешать от духовных должностей (VII, 4), разбирать все дела между членами клира (Ант. 9), определять меру церковного наказания (IV, 16; VI, 102). Уклонение от епископского суда подвергает клирика строгим взысканиям (IV. 9), а сопротивление приговору епископа влечет за собою тяжкие последствия" („Прав. обозр." 1870. ноябрь, 598). Еще в 1870 году и г. Барсов нас поучал, что „обыкновенным судом для клириков и мирян и вместе первою инстанциею духовного суда был суд местного епархиального епископа". В том же году нам было изъяснено, „что по догматическому учению Правосл. церкви каждый епископ в своей епархии есть *местоблюститель Христов* и главный *начальник* как над всею подведомственною ему иерархиею, так и над духовною паствою, и что он, в частности, есть не только *главный учитель* и *первый священнодействователь* и совершитель Св. таинств в своей частной Церкви, но вместе и *главный правитель, и главный судия* в ней, на основании Слова Божия (1Тим. 5:19), а потому совершенно устранить епископа от всякого участия в церковном суде, по его епархии, невозможно" (Правосл. ист. ч. I, отв. на вопр. 85. Посл. Восточн. патриарх. о Прав. вере, чл. 10)… В правилах, или канонах со всею ясностью и многократно повторяется мысль, что православный еппскоп должен иметь и судную власть в своей епархии и что церковный суд не может быть без участия в нем епископа" [42]. И затем те же самые наши учители бросили свои проповеди, читанные нам в 1870 году и с ожесточением стали нас разуверять во всем том, в чем уверяли. Конечно легко могло случиться, что не эти лица, а другие стали бы проводить и развивать мысль о возможности и необходимости отнять у архиерея судебную власть. Но случилось так, что и мысль о принадлежности епарх. архиерею судебной власти и противоположную ей мысль об

отнятии у него сей власти раскрывали и доказывали в своих писаниях одни и теже лица. Глубоко знаменательное обстоятельство!

Все эти неудачи изобретателей теории, для объяснения и примирения возможности в Православной церкви отнять у епархиального епископа принадлежащую ему судебную власть, доказывают одно – невозможность осуществления этой затеи прежде полного и решительного отречения от существеннейших основ Православной церкви и ее устройства, Слова Божия и правил Апостольских и соборных. До тех пор всякий изобретатель какой-либо теории будет в положении самом жалком и несчастном (разумеется не с внешней стороны). Только полное и всецелое отречение от сих основ может вывести изобретателя из противоречия со всем, признаваемым Правосл. церковью за существенное и основное, и не по отношению только к этому предмету, а вообще. Ибо нельзя сказать: в отношении к суду церковному можно не держаться церковных правил, а в отношении к управлению нельзя: все церковное устройство находится в неразрывной и необходимой взаимной связи.

V. НАСЛЕДНИКИ ВЛАСТИ ЕПАРХІАЛЬНОГО ЕПИСКОПА

Теории в практических вопросах никогда не строятся даром. Строящий теоретический фундамент уже заранее состроил себе план, чем заместить здание, предполагаемое к сломке.

Строители трех рассмотренных нами теорий, предназначив на сломку многовековое здание судебной власти епархиального архиерея, имели уже каждый преемников и наследников этого имущества, но не все одних и тех же.

Согласно все строители теорий устрояют духовный суд только для духовных лиц, исключая из-под духовного суда всех мирян, и передавая суд над ними в светские суды. В этой части судебной власти все признают наследником светский суд, т. е. отдают наибольшую часть наследства светскому суду. Но в наследовании судебной власти над клириками не все теоретики согласны между собою.

Первый теоретик, г. Соколов, отыскал наследников судебной власти епархиального архиерея над клириками на месте, в епархии же и предъявил к этой власти иск от имени живущих в епархии пресвитеров. Им, по его мнению, всего полезнее наследовать это иерархическое имущество – в коллегиальном составе – более важную и значительную его долю, и единолично ту часть, которая не столь важна.

Изобретатели второй и третьей теории не удовлетворились местными наследниками, а сделали повсеместный вызов к наследству. Вследствие этого вызова оказалось, по их заключению, что на месте, в епархии нужно оставить только незначительную часть наследства во владение единолично пресвитеру, более же важную и значительную часть нужно перенести с места, из епархии, в другую, перевести из епархии и некоторых наследников пресвитеров, на долю которых причисляются некоторые части из важнейшей половины наследства, – и там в другой епархии предоставить им это имущество в пользование совместно с наследниками, отыскавшимися вне епархии, между которыми явился даже безъепархиальный архиерей. Это изобретение названо духовно-окружным судом.

Таким образом в вопросе о наследниках собственно судебной власти епарх. архиерея над клириками, теоретики согласны между собою только в отношении к наследникам менее значительной части наследства: все согласно признают, что эта часть должна достаться на долю пресвитеров каждой епархии. Но затем в отношении к более значительной части наследства изобретатели второй и третьей теории не сходятся с изобретателем первой. Последний остальную часть собственно судебного наследства после епарх. архиерея предоставляет в распоряжение пресвитеров епархии. Первые отдают ее в распоряжение одного на три, на четыре или более епархии окружного суда, состоящего из пресвитеров подлежащих епархий с председателем безъепархиальным архиереем.

Равным образом не согласны изобретатели второй и третьей теории с г. Соколовым и в присуждении в наследство обвинительной власти, отделяемой от судебной. Г. Соколов самого епарх. архиерея вводит во владение этим наследством, вероятно за тем, чтобы утешить его и хотя несколько вознаградить за отходящую от него судебную власть. Изобретатели второй и третьей теории не хотят епархиальному архиерею отдать и этого, а для обвинительной власти заводятъ новый, особый светский прокурорский надзор. Что самый акт дележа вполне незаконен, это, надеемся, мы достаточно показали и доказали на предшествующих страницах книги. Мнимоумерший жив, находится в здравом уме и твердой памяти и не утратил ни одного документа, доказывающего право его собственности.

Законны ли представленные наследники его имущества? Законные наследники, очевидно, должны представить документы прежде всего на то, что прежний собственник права неправильно владел имуществом, или утратил право владения вследствие каких-либо важных и бесспорных, достигших его случайностей (напр. лишился способности владеть) и затем на то, что предъявляющие право на наследство действительно имеют это право. Единственно законные документы в настоящем споре суть: 1) Слово Божие, 2) каноны и 3) историческая давность. Если претенденты, или их адвокаты, предъявят эти документы, то конечно суд постановит решение в их пользу, а судебный пристав введет их в обладание искомым имуществом.

В предшествующих отделах книги мы уже довольно видели, что документов у претендентов нет никаких, что все законные документы у того, чье имущество оспаривается, и что затем не было и нет никаких и обстоятельств, препятствующих ему владеть его собственностью.

Но должно войти еще в более подробное рассмотрение прав отысканных наследников в том виде, как эти права заявляются их адвокатами.

Для большей ясности и наглядности дела необходимо прежде всего представить в таблице общий план раздела судебной власти епархиального архиерея.

Общий план раздела судебной власти епархиального архиерея.				
Опись церковно-судебного имущества епархиального архиерея.	Г. Соколов.	1-й комитетский проект.	Проект т. н. большинства.	2-й комитетский проект.
1	I. Мирянам и духовным лицам в делах: а) о незаконных брачных сопряжениях, б) о прекращении и расторжении браков, в) об удостоверении о действительности браков и рождении от законного брака, и г) по проступкам, подвергающим виновного церковной епитимии, по формальному суду епархиального епископа, определяется: 1. Уничтожение брака. 2. Расторжение брака. 3. Осуждение на всегдашнее безбрачие. 4. Епитимия, с отлучением от приобщения Св. таин до 15, 20 лет, или даже до конца жизни.	Светскому суду без подробных разъяснений.	Светскому суду; архиерею же – увещание, исполнение приговора светского суда, назначение епитимий административным порядком.	Светскому суду без подробных разъяснений.
II. Священнослужителей епарх. архиерей единолично и безапелляционно подвергает епитимии до 2 недель.	Упраздняется, как суд. деятельность	Упраздняется, как суд. деятельность	Упраздняется, как суд. деятельность	Упраздняется, как суд. деятельность
III. На духовные лица, по формальному суду, епарх. архиерей налагает след. наказания:				
Замечание.	Дух.судье пресвитеру окончательно.	Дух.судье пресвитеру окончательно.	Дух.судье пресвитеру окончательно.	Дух.судье пресвитеру окончательно.
2	Строгий или простой выговор.	Без внесения в посл. список дух. судье окончательно.	Без внесения в посл. список дух. судье окончательно.	Без внесения в посл. список дух. судье пресвитеру окончательно.

3	Поклоны.	не упомин.	не упомин.	не упомин.
4	Пеня и денежное взыскание.	Дух. судье.	Дух. судье.	Дух. судье.
5	Усугубление надзора.	Дух.судье в 1-й инстанц.	не упомин.	не упомин.
6	Исключение за штат.	не упомин.	не упомин.	не упомин.
7	Отрешение от места.	Епархиальному пресвитерскому суду в качестве 1-й инстанции с присяжными и с ревизиею их приговора в соборе епископов.	Епарх. пресвитерскому коллегиальному суду.	Дух.судье пресвитеру в 1-й инстанции.
8	Временное испытание в архиерейском доме и монастырях.	Дух.судье пресвитеру.	Дух.судье пресвитеру.	
9	Временное запрещение в священнослужении без отрешения от места, но с епитимиею.	Епархиальному пресвитерскому коллегиальному суду в качестве 1-й инстанции.	Духовно-окружному суду в качестве 1-й инстанции.	
10	Временное запрещение в священнослужении с отрешением от должности и с определением в причетники.	Духовно-окружному суду, в качестве 1-й инстанции.		
11	Лишение священнослужителей сана с оставлением в дух. ведомстве на низших должностях и лишение священномонашествующих сана, с оставлением в одном монашестве на покаянии.			
12	Лишение священнослужителей сана, а священномонашествующих сана и монашества с исключением из дух. ведомства.			
	IV. На монашествующих, сверх сейчас указанных наказаний, епарх. архиерей налагает еще взыскания, определенные св. Василием Великим, в Кормчей книге, в Номоканоне и в Дух. регламенте.	не упомин.	не упомин.	не упомин.
	V. Епархиальный архиерей с консисториею разрешает возникающие между	Дух.судье пресвитеру окончательно.	Разрешаются административно дух. начальств., а	не упомин.

духовными лицами споры из пользования движимою и недвижимою церк. собственностью.	если есть письменный акт – светским суд.

1) Светский суд

Из представленного общего плана раздела судебной власти епарх. архиерея видно, что в самой большей доле наследует ему первый наследник, т. е. светский суд. К нему переходят от архиерея все судебные дела о мирянах, т. е. о 53 слишком миллионах православных христиан, и брачные дела духовных лиц. Эти дела, доселе почитаемые чисто церковными по связи их с таинством Церкви, все делители предоставляют в наследство отысканному ими новому наследнику – светскому суду. Вследствие такого раздела все миряне делаются духовному суду совсем неподсудными.

Отсутствие законных прав у этого наследника и неправильность предположения об изъятии из-под церковного суда всех мирян в подробности доказана в первом выпуске. Здесь мы повторим только важнейшие и существеннейшие основания.

1) Когда Спаситель Апостолам дает власть вязать и решить, служащую основанием судебной власти в Церкви, то Он никого из верующих не исключает из-под действия этой власти, не ограничивает ее только одним кругом иерархических лиц.

2) В церковных правилах, церковному суду подчиняются одинаково и клирики и миряне. По правилам Апостольским и соборным миряне подвергаются церковным наказаниям и церковному суду на том же основании, как и клирики, в тех же судебных инстанциях, таким же порядком и с тем же правом апелляции (Ап. 31, 43, 48, 51, 57, 63, 64, 66, 69, 70, 84; I Всел. 5, IV. Всел. 8; Антиох. 6, 20 и др.).

3) В догматико-символических книгах Православной церкви читаем: „веруем, что члены Кафолической церкви суть все, и притом одни верные, то есть несомненно исповедующие чистую веру Спасителя Христа (которую прияли мы от самого Христа от Апостолов и святых Вселенских соборов), хотя бы некоторые из них и были подвержены различным грехам. Ибо *если бы верные, но согрешившие, не были членами Церкви, то не подлежали бы ее суду. Но она судит их, призывает к покаянию и ведет на путь спасительных заповедей* (Посл. Восточ. патр. о Правосл. вере чл. 11; Сравн. преосв. Макария „Правосл. догм. богосл.” III, 297).

4) В Духовном регламенте излагаются подробные правила, каким образом епископ в отношении ко всем и к мирянам должен действовать в наложении анафемы и отлучения, и предписывается ему быть долготерпеливым и рассудительным в употреблении своей власти связательной, т. е. во отлучении и анафеме, не творить сего по страсти; но с прилежным розыском. „Аще бо неповинне кого отлучит, а тот поищет на его суда в коллегиуме, наказан епископ будет по рассуждению коллегиум духовного»... На суд духовного коллегиум *относит суды епископов, если кто оными недоволен. Дела же суду сему подлежат сия именно: недоуменные браки, вины разводов брачных* и проч.

По сим документам, важность которых едва ли кто будет оспаривать, этот первый наследник судебной власти епархиального архиерея не может быть признан законным. Ибо все законные документы у нынешнего владельца, т. е. у епархиального архиерея.

2) Духовно-окружные суды

Изобретателем, или по крайней мере первым глашатаем духовно-окружных судов в печати был г. Соколов („Прав. обозр.” 1871, май, 684). Но его духовно-окружные суды были весьма далеки от их потомков, впоследствии явившихся и усыновленных изобретателями второй и третьей теории. Г. Соколов сочинял окружной суд, как вторую и вместе окончательную апелляционную инстанцию по отношению к делам, решенным в епархиальном пресвитерском суде. Он находил весьма удобным устроить эту инстанцию при каждом митрополите, или старшем архиепископе округа. „Двух архиереев при нем по избранию Синода и двух из лучших представителей окружного духовенства по выбору было бы достаточно для организации такой инстанции в каждом округе». *Здесь суд епископский* (с придачею к трем епископам двух пресвитеров?) *имел бы свое истинное средоточие и применение, подобно тому как в судебных учреждениях епархиальных имел бы его суд пресвитерский.* Здесь согласно с полномочиями епископства соборного утверждались бы высшие по суду наказания для виновных и осужденных *из пресвитеров* (почему же и не из диаконов?) напр. лишение сана, низведение в низшие ряды клира, совершенное удаление от должности и т. п. Здесь же принимал бы свое начало суд над самыми епископами по проступкам и преступлениям против должности и получал бы окончательное свое завершение на большем, или великом соборе Русской церкви Св. Синоде». („Прав. обозр.” 1871, май, 685). В Синоде, кроме сего, г. Соколов помещает французскую кассацию (686), которую, по его мнению, также следовало нам перенять.

Таков окружной суд г. Соколова. Он наследует более Св. синоду и только в одной незначительной части епархиальному архиерею. От Синода он наследует все апелляционные дела, ныне восходящие до Синода по отзывам на суд епархиального архиерея; от Синода же должен получить он и дела о епархиальных архиереях. От епархиального архиерея он наследует только дела о пресвитере, лишаемом сана, низводимом в причетники, удаляемом от должности.

Г. Соколов, вообще канонам не отдающий никакого респекта, на этот раз обращается и к ним и с помощью их сочиняет рекламу своему изобретению. *Тогда*, т. е. при сочиненном им устройстве окружных судов, *течение судных дел в духовном ведомстве приняло бы не только правильный, разумный, но и вполне канонический характер* (Г. Соколов очевидно различает правильный и разумный характер от канонического и допускает, что может быть правильный и разумный характер течения духовных дел, хотя и неканонический, и обратно может быть характер течения церковных дел канонический, но не правильный и неразумный?!). Но совершенно напрасно г. Соколов называет сочиненный им окружной суд *вполне каноническим.* Канонического в сочиненном им окружном суде будет очень немного, а именно то, 1) что этот суд будет не в епархии и не в Синоде, а между ними, как были соборы в митрополиях древней Церкви; то, 2) что эти суды будут ведать дела об архиереях в качестве первой инстанции. Затем все остальное – неканоническое и есть даже канонам решительно противное. И прежде всего – неканонический состав сочиняемых г. Соколовым окружных судов. Канонический соборный суд в митрополии древней Церкви составляли *все* епископы области и только *епископы.* Это была их каноническая обязанность, к исполнению которой они были побуждаемы разными мерами. У г. Соколова не все епископы округа входят в состав сочиняемого им окружного суда, а кроме митрополита только два по избранию Синода. Пресвитеры не были членами соборов митрополии древней Церкви, а только *одни епископы*; в правилах нет ни одного слова о присутствии пресвитеров на соборах. А г. Соколов тут сажает *двух из лучших представителей окружного духовенства по выбору* (может быть даже диаконов?! И как выбирать двух из пяти епархий?). – Соборы митрополии древней Церкви судили дела по апелляциям *на суд епископа* епархии. А окружные суды г. Соколова будут судить дела по апелляциям *на суд пресвитеров.* Суд епископа епархии г. Соколов совсем выбрасывает, и ставит после суда коллегии пресвитеров прямо суд коллегии епископов с пресвитерами. Дела восходили в суд собора митрополии только одним порядком *апелляционным.* А в сочиняемый г. Соколовым окружной суд дела будут восходить *и апелляционным* порядком *и ревизионным*; ибо в нем будут утверждаться высшие наказания для виновных пресвитеров.

По всему этому г. Соколову гораздо удобнее было бы не называть сочиненный им окружной суд имеющим вполне канонический характер; так как он не имеет даже и не вполне

канонического характера. Кажется, довольно было бы с его стороны похвалить себя, назвав свой проект только разумным и не называя каноническим.

Но если окружной суд, сочиненный, г. Соколовым очень мало имеет сходства с соборами митрополии древней Церкви; то потомки его, т. е. окружные суды, сочиненные изобретателями 2-й и 3-и теории, не имеют уже ни малейшего подобия с сими соборами и если могут быть им уподобляемы, как делают это („Голос“ „Бирж. ведомости“) их изобретатели; то разве в ироническом смысле, затем, чтобы посмеяться над здравым смыслом людей.

Эти новые окружные суды в публике в первый раз появились в конце января 1872 г. („Голос” № 29) под фирмою большинства членов, состоявшего при Св. синоде комитета, которое, будто бы, проектировало эти суды, вопреки проекту комитета. (Это курьезнейшее явление двух проектов, одного с именем комитета, а другого с именем большинства, ожидает своего разъяснения. Ужели комитет составлял свой проект по мнению меньшинства?) По этому проекту духовно-окружные суды учреждаются по одному на несколько епархий и состоят из председателя архиерея безъепархиального и не принимающего участия в административных делах епархии, определяемого по представлению Синода Высочайшею властью, и членов-пресвитеров, избираемых депутатами от духовенства и представителями земства в каждой епархии, входящей в состав духовно-судебного округа и утверждаемых Синодом. Таков состав этих новых окружных судов: архиерей безъепархиальный и пресвитеры, выбранные из каждой епархии округа. Таким образом по составу новые окружные суды совсем не похожи на окружные суды г. Соколова: пресвитерский элемент в них господствует; а если принять в соображение, что дела в этих судах решаются обыкновенным большинством, то окажется, что это суды решительно пресвитерские, архиерей же тут так для виду, или для украшения; и нужно быть крайне наивным, чтобы подобно „Правосл. обозрению» (1873. янв. Зам. 43) иметь смелость уверять, что при таком устройстве окружных судов не произойдет отнятия судебной власти у архиерея. Непохожие по составу новые окружные суды разнятся от окружных судов г. Соколова и по юрисдикции. Окружные суды г. Соколова составляют вторую инстанцию в отношении к делам решенным в епархиальном суде (нынешней консистории). Новые окружные суды по юрисдикции суть 1-я инстанция, тоже, что нынешние консистории: из их юрисдикции в качестве суда 1-й степени (по проекту 2-й теории) изъяты только немногие дела, влекущие за собою низшие виды взысканий, отведенные в юрисдикцию духовных судей, как это видно из представленных выше таблиц.

В таком составе, какой в первый раз изъяснен публике „Голосом», духовно-окружные суды приняты, как уверяют „Христианское чтение” (1872, декабрь) и „Православное обозрение” (1873, январь), и комитетом духовно-судебной реформы, с тою лишь разницею против прежнего проекта, что утверждаются члены духовно-окружного суда не Синодом, а епархиальным архиереем каждой епархии.

Уже много приведено нами доказательств и соображений о том, что тот, чье наследство делится этим и другими проектами, жив и здоров и имеет в руках все документы. Надеемся, что и сами изобретатели теорий, рассмотрев приведенные нами подлинные документы, не будут в состоянии сказать ничего, хотя сколько-нибудь удовлетворяющего чувству истины и правды, против приведенных нами документов. Теперь мы в праве и от них потребовать тех доказательств, какие они имеют для доказательства законности прав, выставляемых ими претендентов на наследство.

Самыми первыми, самыми существенными доказательствами в разрешении предлежащего вопроса, должны быть доказательства канонические. Церковные же правила представляют решительное и ничем непобедимое препятствие к учреждению окружных судов в замену судов каждой епархии и в том виде, в каком предлагается. По церковным правилам всякое подсудное церковному суду дело судится судом местного епископа, и только по окончании такого епископского суда может быть перенесено за пределы епархии, во 2-ю инстанцию, но не к иной какой власти, *а к собору епископов*. По 37 и 139 правилам Карфагенского собора: *аще пресвитеры, диаконы и прочие низшие из клира по имеющимся у них делам недовольны решением своих епископов; то соседние епископы да слушают их.* По 9 правилу IV Вселенского собора *клирик, имеющий судное дело с клириком, не должен оставлять своего епископа.* В случаях, если клирик имеет судное дело со своим, или с другим епископом, он должен судиться в областном соборе епископов (Сравн. 1 Всел. 5). Суд вне епархии может начаться только уже по окончании епископского суда в епархии. И епископ, приговор которого обжалован, должен, по

правилам, благодушно сносить да будет исследование дела и *приговор его* или подтвержден будет, или получит исправление (Сардик. 14). Нет ни одного правила, в котором был бы хотя какой-нибудь намек, что возможно в 1-й инстанции судить клирика подсудного духовному суду не в его епархии и не судом его епископа, а в другой епархии судом ли пресвитеров, или судом епископа, но не собственного, в епархии которого состоит, а другого. Все это вне правил и не на канонической почве. Даже суд собора епископов над пресвитером, диаконом и прочими низшими клириками может начаться только уже после суда их собственного епископа, а не прежде его и не без него (Карф. 39, 139. Сард. 14). Правило обращенное и в государственный закон Византийской империи, предписывавший, чтобы клирика никто не обвинял прямо пред патриархом, но сначала пред его епископом (*Σύνταγμα τῶν θείων κανον .* 1, 169), строго соблюдаемое и у нас: ибо, по уставу консисторий, доколе дело не решено в консистории, подсудимые не имеют права просить о переносе оного в Святейший синод (уст. конс. 176). Основание такого именно положения заключается: а) в существе власти, которою облечен епископ и которая никаким образом и ни в каком случае не может быть у него отнята; б) в существе тех отношений, в каких состоит клирик к епископу и которые никаким образом не могут быть изменены и в) в существе взаимных, твердо, точно и неизменно определенных канонами, отношений одного епископа Православной церкви к другому. а) Существо власти епископа на основании Слова Божия (1Тимоф. 5:19–20) и правил состоит в том, что каждый епископ имеет власть в своей епархии управлять ею, прилагать попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, поставлять пресвитеров и диаконов *и разбирать все дела с рассуждением*, т. е. судить (Антиох. 9). б) Существо отношений клириков к своему епископу, по правилам Церкви таково, что они должны быть в полном подчинении своему епископу. По Апостольским и соборным правилам *пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их. Клирики да пребывают по преданию св. отец под властью епископов каждого града и да не исторгаются из-под управления своего епископа* (Ап. 39, Лаодик. 57, IV Всел. 8). Так во всех отношениях вообще. Так и в частности в отношении к суду. Отцы Карфагенского собора 424 г. в послании к папе Целестину прямо указывают, что клирики должны быть судимы у своих епископов (*παρὰ τοῖς ἐπισκόποις ἀυτᾶν δικάζεσθαι κηρικῶς*) и никакой клирик не может судиться у чужого епископа. в) Существо взаимных отношений одного епископа к другому состоит в том, что всякая епархия должна сохранять без стеснения принадлежащие ей права и никто из епископов не должен простирать власть свою на иную епархию (III Всел. соб. 8, Антиох. 9, Карф. 64, 67); не должен в непринадлежащем ему городе учить всенародно (IV Всел. 20), рукополагать и устроятъ церковные дела (Апост. 14, Анкир. 13); не должен восхищать клирика, принадлежащего области другого и рукополагать без согласия его епископа (I Всел. 16, IV Всел. 20, Карф. 65, 91, 101. Сард. 15); не должен принимать запрещенных, или изверженных другим епископом (Ап. 16; Антиох. 3; Сардик. 13 и др.). Все сии правила всегда составляли и доныне составляют основание церковно-практической деятельности и позднейшего церковного законодательства и перешли в догматическое учение Православной церкви. По догматическому учению Православной церкви *каждая частная Церковь подчинена только своему епископу, каждая Церковь в особенности вверена своему епископу* („Догм. бог.” преосвящен. Макария III, 300). Апостольская власть над Церковью, хотя и передана *преемникам Апостолов – епископам,* но не передана им во всей ее обширности. Апостолы, по воле Господа, были всемирными проповедниками и везде пользовались властью непререкаемою, где ни являлись. Таковое преимущество принадлежало им одним и никому из их преемников, быв соединено в Апостолах с необычайными дарами Духа Святого. Напротив, *власть каждого из преемников Апостольских ограничивается местною Церковью. Пасите Божие стадо, какое у вас есть,* писал Апостол Петр (I Петр. 5:2). Каждому епископу поручаема была особая Церковь, напр. Титу – Критская (Тит. 1:5). В Апокалипсисе показаны ангелы – предстоятели Церквей Фиатирской, Смирнской, Пергамской (Ап. 2:14–15). Точно так и всегда было в Церкви Христовой: в Апостольских правилах и на соборе Антиохийском положено было, чтобы епископы разбирали дела только своей епархии». (Преосв. Филарета черниговского – „Прав. догм. богосл.” 422). При осуществлении проекта об окружных судах эта коренная и основная истина Православной церкви будет разрушена: частная Церковь будет подчинена не только своему епископу, а еще и другому епископу – председателю духовно-окружного суда, и пресвитерам других епархий, состоящим членами сего суда. В первых трех статьях устава дух. консисторий ясно выражено, что в поместном пределе Прав. росс. церкви,

именуемом епархиею, управление и духовный суд производятся под непосредственным начальством епархиального архиерея, что кроме Синода и епархиального архиерея никто – никакое другое присутственное место, или начальство, не может непосредственно входить во все то, что принадлежит к кругу действий духовного ведомства, и наконец, что иерархическая власть епископа простпрается не далее границ вверенной ему епархии. Заверение, будто смысл этих статей устава останется и при духовно-окружных судах неприкосновенным, а только духовный суд, согласно началу отделения духовно-судебной власти от прочих видов духовной власти, получит свойственную ему свободу действий от целей и влияний епархиальной администрации, – имеет такое же значение, как и расточаемые архиерею утешения, что с ним ничего худого не случится, хотя и отнята будет у него судебная власть. И кого думают обмануть подобными лживыми уверениями?

Наконец должно указать и ту неканоническую особенность проектируемого духовно-окружного суда, что председателем его будет архиерей безъепархиальный. Сего нет ни в каких правилах. Одна неправильность влечет за собою другую. Епархиальный архиерей, канонический обладатель судебной власти, лишается ее. Неправильным же обладателем ее делается архиерей безъепархиальный – тип архиерея неизвестный в Православной церкви. По правилам Православной церкви епископ есть или епархиальный, управляющий епархиею, или его помощник, или же член Синода, или должен быть на покое. Здесь создается новый тип епископа – не епархиального и не викарного, не состоящего в Синоде и не пребывающего на покое, – епископа председателя суда, что-то в роде католического епископа *in partibus.* Как пресвитер непременно должен быть рукоположен к какому-либо приходу, так и епископ непременно к епархии, от главных городов которой он имеет и наименование. Как по какому городу будет именоваться епископ – председатель окружного суда?

Допущение безъепархиального архиерея к председательству в духовно-окружном суде употребляемое в качестве средства, которым духовно-окружной суд отчасти хочет примкнуть к каноническому церковному суду, имеет только видимость каноническую, в существе же весьма далеко от канонов. Канонический, правильный архиерей, судящий в епархии есть епархиальный, *свой, ἰδιος* судимого лица, *а здесь чужой*, *не свой.* Канонический архиерей судит при соучастии пресвитеров, имеющих при нем совещательный голос. А здесь и пресвитеры имеют такой же решающий голос, как и архиерей, так что между ними архиерей только primus inter pares, чего никогда не знала Православная церковь. По раздельному акту, председательствующий архиерей получит только самую скудную часть власти. Смотря по числу окружных судов – доля архиерейской власти будет или или еще меньшая; прочие $^{9}/_{10}$ передаются пресвитерам под титулом поручения. Канонический архиерей, судящий, есть епархиальный, управляющий и епархиею и судящий только дела своей, а не чужой епархии. Здесь архиерей своей епархии не имеет, а судит дела чужих епархий. Канонический архиерей судит с помощью своих, ему подчиненных пресвитеров. А здесь архиерей судит с чужими, ему неподчиненными пресвитерами. Отвсюду, со всех сторон, видно различие канонического суда от окружного. Там архиерей – душа; здесь – один из членов. Там монархия, здесь республика.

Таким образом, стоя на церковной и канонической почве, держась Слова Божия и правил никаким образом невозможно принять мысль о замене епархиальных судов, состоящих в каждой епархии, судами окружными, простирающими судебную власть на несколько епархий – ни в каком случае – ни в составе сих судов из пресвитеров, ни с допущением их под председательством безъепархиального архиерея, ни даже в том невозможном случае, если бы они проектированы были состоящими из нескольких архиереев. Ибо и в этом последнем случае суд окружной, составленный из архиереев, может, если будет устроен на основании канонов, принимать к своему производству дела о пресвитерах, диаконах и низших клириках, только в качестве 2-й и никак не в качестве 1-й инстанции, т. е. только дела, уже решенные судом епископа, которому подчинены сии клирики.

По сим то твердым каноническим основаниям епископский округ или епархия от самого начала всегда составляет твердо определившуюся и окрепшую церковно-административную единицу. Все приурочено к этой единице и духовная администрация, и духовный суд. С изменением этой единицы в отношении к суду, тогда как она оставалась бы все таковою же единицею в отношении к администрации, должно ожидать большой запутанности во всех церковных отношениях. Слышимое иногда замечание, что история нынешних границ наших епархий очень недалека, современна разделению империи на губернии – совершенно не имеет

никакой силы по отношению к настоящему вопросу. Когда говорится о епархии, как твердо исторически и канонически сложившейся церковно-административной единице; то разумеется не калужская епархия в нынешних ее пределах, не полтавская, не саратовская; а вообще всякий, совпадающий, или несовпадающий с границами нынешней губернии поместный предел Православной церкви, в котором производится управление и духовный суд под непосредственным начальством одного епархиального архиерея, и в котором ни суда, ни управления не может производить архиерей другой епархии, или не имеющий епархии („Уст. дух. конс.” 1, 2, 3). В таком смысле понимаемая епархия, как предел церковный, как единица, установленная церковными правилами (Ап. 35, „Уст. конс.” 3) не может быть, в отношении к своей удобоизменяемости, сравниваема с губерниею. Пределы епархии могут быть теснее или обширнее, могут совпадать или не совпадать с границами губернии. Но центр епархии, средоточие судебной и административной в ней власти, должен и может быть только один – епархиальный архиерей.

По тем же каноническим основаниям и по непрерывной церковной практике одна епархия или епископский округ относится к другой как совершенно равноправная административно-судебная единица, подчиненная только высшей центральной церковной власти. С учреждением окружных судов епархия, в судебном отношении, входила бы еще в новые отношения, в отношения новой подчиненности, в каковых доселе не была и по правилам не может быть. При сем оказалось бы нарушенным одно из коренных правил Церкви, по которому всякая епархия должна сохранять без стеснения принадлежащие ей права, и никто из епископов не должен простирать власть на другую епархию (III Всел. 8, Антиох. 9, Карф. 64, 67). И это начало было постоянно действующим в Православной церкви от начала ее; отступления же от него были всегда и строго осуждаемы. Св. Киприан в III в. писал римскому епископу Корнилию: „все мы постановили, и это справедливо и законно, чтобы дело каждого выслушивалось там, где совершено преступление; а так как всякому из пастырей вверена своя часть стада, которою он должен управлять и которою должен руководить, имея отдать отчет Господу о своей деятельности; то управляемые нами не должны бегать туда и сюда, не должны нарушать согласия епископов своим лукавым и лживым поведением, но обязаны там вести свое дело, где могут иметь и обвинителей и свидетелей своего преступления” („Твор. св. Киприана” русск. пер. стр. 208, 209 пис. 47. Сравн. г. Барсова „Христ. чт.” 1871, август, 255).

При изложении третьей теории, между прочим сделаны были замечания и об этом нарушении канонов о неприкосновенности прав каждой епархии при учреждении окружных судов вместо епархиальных, с целью устранить затруднение. Но эти замечания едва ли достигнут цели. В этих замечаниях говорится, что „при окружных судах сохранится неприкосновенность каждой епархии от всякого вторжения в пределы ее стороннего архиерея. Ибо хотя председателем окружного суда будет архиерей неепархиальный по отношению к каждой из сих епархий, но членами этого суда будут уполномоченные представители епархиальных архиереев округа, которые, таким образом, в лице своих уполномоченных сами будут участвовать на окружном суде в решении судных дел по своим епархиям». В замечании говорится о неприкосновенности при устроении окружных судов – епархии каждого архиерея от всякого вторжения в пределы ее стороннего архиерея; но здесь же указывается, что председателем суда будет другой архиерей, т. е. сторонний, а не епархиальный архиерей будет разрешать дела, относящиеся до клириков других епархий, или будет вторгаться в дела других епархий. Затем и указание на мнимо-уполномоченных от епархиальных архиереев в настоящем случае не имеет никакой силы. Каждое судебное заседание должно состоять не менее как из трех членов. Если бы все три члена судебного заседания, разбирающего дело, положим, о клирике тамбовской епархии, принадлежали к тамбовской епархии; тогда еще можно было бы сказать, что при этих мнимых уполномоченных сохраняется неприкосновенность каждой епархии. Но уполномоченных от каждой епархии в окружном суде будет не по три, а по одному, или по два. Следовательно, неизбежно при рассмотрении дела о клирике тамбовской епархии будут участвовать вместе с уполномоченным тамбовского архиерея уполномоченные архиереев, положим, пензенского и саратовского. Возможен и такой случай, что уполномоченный тамбовского архиерея заболел, и судить дело тамбовской епархии будут все мнимо-уполномоченные от архиереев других епархий. Из этого кажется очевидно, что при устроении окружных судов никаким образом не может сохраниться неприкосновенность каждой епархии от всякого вторжения в пределы ее стороннего архиерея, и даже иерея.

Затем в изложении третьей теории проводится мысль, что окружной суд будет не что иное, как собор. Здесь говорится: „Сохранится то существенное необходимое свойство окружного суда, *без которого решения этого суда не могли бы иметь канонической силы для епархий округа.* Состоя из уполномоченных от епархиальных архиереев округа, под председательством старейшего уполномоченного от Св. синода, окружной духовный суд *будет действительно образом и подобием тех окружных* соборов, на которые в древней Церкви собирались *епископы* церковных округов, а *иногда* присылали своих уполномоченных и на которых *под председательством* старейшего архиерея в округе, или *митрополита,* решали судебные и другие дела, касавшиеся их епархий.» – Невозможно согласиться, чтобы проектируемые окружные суды были образом и подобием окружных соборов древней Церкви. Окружные соборы древней Церкви, как изъяснено и в самой теории, состояли из епископов округа под председательством митрополита. А окружные суды, которых держатся изобретатели теории, будут состоять из пресвитеров под председательством викарного или другого архиерея. Если мы произвольно назовем викарного архиерея равным митрополиту, а пресвитеров – равными епархиальным епископам округа, то этим еще решительно не сделаем предполагаемый окружной суд ни образом, ни подобием древних окружных соборов. Не было ни одного древнего окружного собора с таким составом лиц, т. е. чтобы окружной собор под председательством какого-нибудь епископа, а не митрополита округа, состоял из одних пресвитеров. Древние окружные соборы, правила которых приняты Православною церковью во всеобщее обязательное руководство, Анкирский, Неокесарийскій, Гангрский, Антиохийский, Лаодикийский, Сардикийский, и проч., состояли исключительно из епископов, и подписей пресвитерских под деяниями и правилами этих соборов нет. Епископы, принадлежащие к округу, по причине болезни, или старости действительно иногда вместо себя посылали на соборы подчиненных им пресвитеров и даже диаконов. Но это стало известно довольно поздно, было в виде редкого исключения, а не в виде общего правила, как предполагают сделать изобретатели теории, и не было ни одного случая, чтобы на окружном соборе присутствовал из округа только один архиерей, а все прочие прислали вместо себя пресвитеров, или диаконов. Да и быть такого случая решительно не могло по строгости церковных правил, требующих непременно, чтобы все епископы области, которым не препятствует ни старость, ни болезнь, ниже какая-либо тяжкая необходимость, непременно приходили на соборы. Тот из епископов, который не явится на собор без причины, винит сам себя и подвергается епитимии (1 Всел. 5, IV, 19, VI, 8; Лаод. 40, Карф. 87, 88). Направление канонов совершенно противоположно рассматриваемой теории, которою проектируется закон, запрещающий епископам самим являться на собор. Об уполмоченных от архиереев, на которых построена вся теория, в правилах нет ни одного слова и ни единой буквы. Это допускаемо было только практикою в виде исключения и в редких случаях, как об этом говорится и в теории („на соборы *иногда* не являлись архиереи, а посылали своих уполномоченных из числа подведомых им священнослужителей»). Если же, по силе предложенных замечаний, проектируемый окружной суд ни в каком случае не будет ни образом, ни подобием древних окружных соборов, то получает силу изъясненное при развитии третьей теории замечание, что *этот суд* не имеющий этого необходимого свойства, т. е. подобия окружным соборам древней Церкви, *будет таким судом, „решения которого не могут иметь канонической силы для епархий округа.”*

Настоятельные повторения, будто духовно-окружной суд есть собор, вынуждают и нас вновь обратиться к рассмотрению аргументов этой мысли. Настаивают, будто „духовно-окружной суд будет воспроизведением, на сколько это возможно при настоящем устройстве управления Русской церкви, тех соборов древней Церкви, на которых епархиальные епископы заменяли свое присутствие уполномоченными, предоставляя рассмотрение предлежащих дел избранным судиям из своей области (Карф. 87, 141). Более удачное подражание канонам и практике древней Церкви, как духовно-окружной суд едва ли возможно и представить.“ – Уже при рассмотрении второй теории мы показывали ложность и несостоятельность этой мысли и делаемых в подтверждение ее ссылок на правила. В 87 правиле Карф. собора читаем: *постановлено, чтобы каждый раз когда надлежит собратися собору благовременно приходили на оный епископы, которым не препятствует ни старость, ни болезнь, ниже какая-либо тяжкая необходимость и да извещаются первенствующие каждый от своей области о всех епископах*, *в двух ли, или трех местах составляются собрания их, и от каждого из сих частных собраний почередно избираемые неотменно да приидут ко дню собора.* – Во всем правиле речи о епископах и о замене их уполномоченными пресвитерами, как предполагается в

духовно-окружных судах, нет ни одной буквы [43]. Нет же ничего подобного и в 141 правиле Карф. собора, на которое сделана ссылка: и там говорится только о епископах, а не об уполномоченных пресвитерах. Эти, как и другие ссылки, суть самые смелые и необузданные выдумки. Не только нельзя назвать духовно-окружной суд самым удачным подражанием канонам и практике древней Церкви, как без зазрения совести хвалят себя изобретатели этого суда; но должно сказать, что с канонами и практикою древней Церкви он не имеет ничего общего и ни малейшего подобия.

Но если бы даже и была возможность признать проектируемые в таком виде окружные суды, состоящие из пресвитеров с председателем, безъепархиальным архиереем, за действительный образ и подобие древних окружных соборов, – и тогда, и в этом невозможном случае, собор, если это собор, должен судить дела о пресвитерах, диаконах и прочих клириках только в качестве 2-й инстанции, после суда епископского, а не в качестве 1-й инстанции, как предполагается теориею. По правилам церковным *для суждения и приговора о епископах, обвиняемых в преступлениях, необходим собор; а пресвитеры и диаконы и прочие клирики судятся своим епископом*, *и ему дана власть произносить приговор* (*οἱ μὲν ἐπίσκοποι ἐπι ἐγκλήμασι κατηγορῳμενοι συνόδῳ δέονται δικάζῳσης καὶ ἀποφαινομένης οἱ δε πρεσβύτεροι, καὶ οἱ διάκονοι, καὶ οἱ καθεξῆς κληρικοὶ , ὑπὸ τῷ ἰδίῳ ἐπισκόπῳ διικάζονται , καὶ ἀυτω ψηφίζεσθαι δεδοται .* Zonar ad can. 4 Antioch Balsam, ad can. 9 Chalcedon).

Что касается того указания, что окружной суд будет под председательством старейшего уполномоченного от Св. синода, то по этому поводу нельзя не заметить, что при существовании уполномоченных от *Великого Архиерея Господа и Бога нашего Иисуса Христа,* каковы все архиереи, получающие от Сего Источника власть суда над подчиненными им клириками (на пресвитера хулы не приемли и проч. архиер. грамот.), упразднять сих уполномоченных и вводить на место их уполномоченных от Св. синода, едва ли правильно. Впрочем, о председательстве в духовно-окружных судах справедливо заметить и то, что как по мысли, развиваемой в третьей теории, члены окружных судов, пресвитеры, будут уполномоченные от архиереев, представляющие их, как бы вице-архиереи, то в сообразность с сим и председательство должно бы принадлежать не архиерею стороннему, а тому уполномоченному, который представляет лицо старейшего архиерея, наприм. в петербургском окружном суде новгородскому уполномоченному, в киевском – киевскому, в московском – московскому. Иначе представляющий лицо митрополита, положим, новгородского будет и ниже по правам и в известного рода зависимости от председательствующего в суде архиерея, который, конечно, и по правам, и по всему прочему не будет равен митрополиту новгородскому.

Наконец нельзя не признать несколько смелым то заключение, изъясненное при развитии третьей теории, будто окружной суд, состоящий под председательством архиерея из пресвитеров, *действительно будет образом и подобием* древних окружных соборов, состоявших под председательством митрополита области из епископов. Если умозаключать так, то и нынешняя консистория есть образ и подобие древних окружных соборов, ибо и в ней архиерей и пресвитеры. Что пресвитеры здесь не из разных епархий, а из одной в этом нет ни малейшей разности: ибо из одной ли епархии, или из двух, или из всей России, или даже если бы собраны были все в мире пресвитеры (Посл. Вост. патр. чл. 10), от этого ни иерархические права каждого из них, ни авторитет составляемого ими судилища, не изменились бы ни на одну йоту, или черту. Нынешняя консистория имеет даже преимущество пред проектируемым окружным судом. Там председатель будет уполномочен от Св. синода, а нынешний председатель консистории уполномочен от самого *Великого Архиерея Господа и Бога нашего Иисуса Христа.*

На основании всех представленных соображений нельзя не прийти к заключению, что при замене епархиальных судов каждой епархии окружными судами, простирающими судебную власть на несколько епархий, нарушен был бы один из существеннейших и непреложных церковных принципов: это единство и неприкосновенность власти епископа в пределах его епархии – не только не допускающие вмешательства другого епископа или пресвитеров другой епархии; но и участие власти собора епископов допускающие только уже после того, как будет жалоба на суд епископа со стороны судимого лица. – Нарушения этого принципа не может допустить и высшая церковная власть. При учреждении епархиального суда в каждой епархии принцип сей вполне сохраняется. – Сравнение же духовно-окружных судов с окружными соборами древней Церкви представляется решительно не состоятельным.

И так канонических, самых главных документов, этот претендент на наследство судебной власти епархиального архиерея не имеет. Окружной суд в том составе и виде, как проектируется, не есть суд канонический, а, следовательно, и не наследник канонического епископа.

Но нет ли у этого претендента каких практических важных документов?

Представляют действительно два практические соображения в пользу замены епархиальных судов окружными. Говорят: *мало дел и много нужно денег* для суда в каждой епархии. Соображения такого рода, что после представленных церковных и канонических документов и соображений, даже не следовало бы на них и останавливаться. Если правила Церкви предписывают, чтобы каждый архиерей управляющий епархиею судил все духовные дела клириков и мирян своей епархии, будет ли этих дел много или мало, то затем упразднять действие и силу правил под этим предлогом совершенно не законно. Употребление этого предлога могло быть уместно и приводить к цели в каком-нибудь другом вопросе, а не в этом. Здесь правила ясны и употребление этого предлога неуместно. В Антиохийском патриархате в Сирии есть епархии с 12 и даже с 4 тысячами православных. Естественно, что духовно-судебных дел там очень мало. Но никому не приходило в голову под этим предлогом учреждать там окружные суды вместо епископских судов каждой епархии: правила не дозволяют. Каждая из епархий нынешней Восточной церкви, по сравнению с нашею даже не самою обширною и многолюдною, без преуменьшения может быть названа *крошечною*, и однако же нет там окружных судов, а существуют суды в каждой епархии при епархиальном архиерее: нельзя иначе по правилам. – У нас в варшавской епархии и туркестанской духовно-судебных дел также конечно очень мало, но доселе еще никто не предлагал судебные дела этих епархий перевести в другие епархии: принцип ясен и действовать вопреки ему невозможно.

Такого же достоинства и *денежное соображение.* Правила требуют, чтобы епископский суд был в каждой епархии, не присовокупляя условия: *при деньгах.* Следовательно, вводить это условие и на основании его подрывать действие правил и незаконно и произвольно, и неискренно. Нужно одно, чтобы епархиальный архиерей был лишен суда, а говорят другое, что дорог суд при каждом епархиальном архиерее. – Ныне православные архиереи в Турции не получают ни одной лепты из казны за то, что судят, и однако же судят. Действует начало: по правилам поступать должно и при деньгах, и без денег. Из-за недостатка денег ломать церковные учреждения никто еще не дерзал. У нас в самое последнее время государственная казна дает довольно высокие штаты на епархиальные административно-судебные духовные учреждения (в Варшаве, в Туркестане). Значит в полной силе даже и в государственных наших сферах принцип, что на поддержание учреждений, утверждающихся на церковных основаниях, казна в деньгах не отказывает.

Такого достоинства по существу оба предъявляемые адвокатами этого наследника практические соображения. Защитники этого претендента, очевидно, рассматривают церковные учреждения, как учреждения какой-нибудъ акционерной компании или товарищества на паях: мало дел, не достает капиталу; следовательно, или ликвидировать учреждение, или уничтожать лишние конторы, соединять их с другими, отказывать управляющим.

Этих замечаний о достоинстве и сущности предъявленных практических соображений вполне было бы достаточно, чтобы видеть полную негодность этого документа. Сколько бы ни было дел, но если правила предписывают суду об этих делах быть в каждой епархии, то за сим дело должно почитать решенным и претензию не подлежащею удовлетворению.

Но есть одно обстоятельство, побуждающее остановиться и рассмотреть внимательнее оба документа и о делах, и о деньгах. Документы эти оказываются с неверными цифрами.

Как скоро мы пристально всмотримся в первый документ, то не можем не открыть в нем важных неправильностей. Оказывается, что цифры о количестве дел в этом документе выведены неверные: дел не столь мало, как показывается.

К такому заключению, впрочем, можно прийти даже на основании одних теоретических соображений. Вероятно ли, чтобы в наших огромнейших епархиях, из коих каждая средним числом имеет православных христиан не много менее миллиона (54 епархии, а православных христиан в России 53,782,667), в частности же две имеют более 2 миллионов православных христиан, двадцать три от 1 до 2 милл. и шестнадцать от 500 тысяч до 1 миллиона, с 124.489 лицами белого духовенства и с 26.098 лицами духовенства монашествующего, вероятно ли, чтобы мало было духовно-судебных дел? Это по истине невероятно. Но почему же и на каком основании предъявляется документ, будто бы свидетельствующий, что дел мало? Документ, так

свидетельствующий, оказывается совершенно неправильным; содержащиеся в нем цифры о числе дел выведены неверно.

Чтобы получить цифры в уменьшенном размере, для сего употреблены два неправильные средства: 1) исключены все дела о мирянах и 2) сделана произвольная классификация дел о клириках на важные и неважные.

1) Неправильность первого употребленного средства очевидна и не требует особых доказательств. Суду духовному, по действующим ныне постановлениям, подлежат миряне по делам о браках незаконных, по делам о расторжении браков, по делам об удостоверении о действительности браков и о рождении от законного брака и по делам о наложении церковной епитимии. Точное число всех этих дел не известно. Известно только о делах бракоразводных, производящихся в Св. синоде, следовательно, во 2-й инстанции, и по которым последовало расторжение брака. Таких дел в 1871 году производилось в Синоде 798, в 1870 – 735, в 1869 – 715, в 1868 – 758. Известно, что не все дела бракоразводные доходят до Св. синода, а иные оканчиваются в епархиях. Известно также, что только меньшая часть вчиняемых дел оканчивается расторжением брака, хотя и дела, не оканчиваемые расторжением, производятся и доходят до Синода. Следовательно, по одной из четырех категорий дел о мирянах, подлежащих духовному суду, число дел в духовных судах значительно. Но затем остаются еще три категории производимых о мирянах в духовном суде дел. Как же поступают защитники прав этого наследника с этими всеми делами? Объявляют, что дел о мирянах в духовных судах будущего не будет. На каком основании? На том, что комитет духовно-судебной реформы („Спб. вед.” 1872. октябрь) предположил мирян совсем изъять из-под духовного суда и оставить под этим судом только клириков и монашествующих. Таким маневром количество дел действительно уменьшалось. Но правилен ли самый маневр? Правильно ли состроить сначала предположение, затем принять его за действительный, законодательный и исторический факт и затем строить на нем дальнейшие выводы? Защитники этого претендента на наследство поступают, именно таким образом: предположения выдают за факты, бросают по произволу, что вздумается, и на таких основаниях строят свои фантастические здания. С такою же основательностью можно бы строить духовный суд для одних пресвитеров, или даже для одних благочинных. Дел оказалось бы еще меньше, и аргумент в пользу окружных судов еще решительнее. А истина где? Но об этом защитники окружных судов заботятся гораздо менее, чем об отнятии судебной власти у епархиального архиерея.

2) Подобная же операция произведена и с цифрами судебных дел о клириках и монашествующих. Всех дел, по которым клирики и монашествующие были присуждены к различным наказаниям, по сведениям за три года: 1867, 1868 и 1869, в 52 епархиях, было немного менее 18 тысяч, или средним числом в каждой епархии, ежегодно, по 114 дел, повлекших обвинительные приговоры. Должно с полною справедливостью и несомненностью предположить, что столько же производилось дел, не повлекших обвинительных приговоров. Следовательно, средним числом на каждую епархию придется несколько более 200 судебных дел о клириках и монашествующих. Если показать это именно число, то не будет никакого аргумента, свидетельствующего о малочисленности дел. Нужно произвести особую операцию и превратить некоторые дела в неважные, дабы, оставив некоторые и назвав их важными, сказать затем, что их немного. Без дальнейших рассуждений объявить большую часть дел не важными, а меньшую признать за важные и будет получена искомая малочисленность дел. Так и делается: к неважным делам причисляются дела, по которым подсудимые приговариваются: а) к замечанию, или выговору, б) денежной пене, поклонам и усугублению надзора и в) временному испытанию в архиерейском доме, или монастыре. А к делам большей важности причисляются такие, по которым виновные приговариваются: а) к исключению за штат, б) отрешению от места, в) временному запрещению в священнослужении и г) лишению сана. Между тем очевидно, что дела, подвергающие виновных испытанию в архиерейских домах или монастырях, никаким образом невозможно причислять к делам меньшей важности: а) потому что в действующих законах это наказание почитается более тяжким, нежели отрешение от места и исключение за штат и поставляется в лестнице наказаний на пятом месте, тогда как оба поименованные наказания занимают низшие места, шестое и седьмое. б) Подвергшийся временному испытанию или епитимии в монастыре, или архиерейском доме, вместе с сим важным и тяжким наказанием, лишающим его свободы, подвергается и другому тяжкому же наказанию, причиняющему ему материальный ущерб, именно из церковных доходов, которые следовали бы на его часть, он

лишается целой половины, которая выдается исправляющему его должность по церкви и приходу („уст. конс.” 187, 5). в) Цель, с которою делается такое произвольное отнесение сих дел к разряду менее важных, ясна. Это наказание духовными судами употребляется чаще всех других, исключая денежного взыскания (приговоров, определяющих денежное взыскание, за три года было 4218, а приговоров, присуждающих виновных к временному испытанию в архиерейском доме или монастыре, было 4038). Ясно, что при желании всеми силами доказать, что дел мало, выгодно категорию дел в четыре слишком тысячи перечислить из важных в неважные. Вся категория важных дел одним этим приемом уменьшается почти на половину. Все это для доказывающего малочисленность дел несомненно выгодно; но правильно ли? Конечно ни в каком случае не может быть признано правильным. Напротив, к делам меньшей важности должно причислять только те дела, по которым виновные присуждены к пяти низшим разрядам лестницы наказаний, помещенной в уставе консисторий, именно: замечанию (ст. 12), выговору (11), поклонам (10), пене и денежному взысканию (9) и усугублению надзора (8). Даже едва ли правильно считать делами меньшей важности все дела, по которым виновные подвергнуты денежному взысканию. При неопределительности устава и при предоставляемой им свободе самому суду выбирать наказание из целой лестницы, некоторые духовные суды были более склонны подвергать виновных денежным штрафам. Но из этого нельзя еще выводить того заключения, чтобы все дела, по которым последовали приговоры этих судов, присуждающие к денежным штрафам, были делами маловажными. А при этом окажется совершенно неверным аргумент, заимствуемый от малочисленности дел.

Произвол, один раз допущенный в сферу точного и правильного исчисления и занявший его место, обыкновенно не останавливается на одном; он обыкновенно предпринимает все спутать и на место точности поставить свои измышления и ложные пророчества. Недовольствуясь таким образом произведенным уменьшением дел, защитники окружных судов высказывают ожидание, что в будущем дел будет и еще менее. Но должно заметить, что такое ожидание уменьшения дел в духовных судах основано: 1) на произвольном предположении об отчислении целой категории дел судебного характера, именно дел влекущих за собою удаление от должности для причетников к делам решаемым без суда, административным порядком и 2) на произвольном же предположении, что причетники, приговариваемые духовным судом к заключению в монастыре, большею частью не будут подчиняться сему наказанию, но предпочтут освободиться от него чрез выход из духовного ведомства, который никому из них не загражден ныне. Первое предположение произвольно потому, что дела, ныне разрешаемые судебным порядком, без всяких оснований отчисляет к делам административным и при том только в отношении к одной части духовных лиц, именно в отношении к причетникам, оставляя дела эти судебными в отношении к священникам и диаконам. Произвольно и несостоятельно и второе предположение, будто большая часть причетников предпочтет заключению в монастырь выход из духовного ведомства, ныне, по заявлению, никому из них незагражденный. Ибо выйдет или не выйдет виновный из духовного ведомства, он все-таки должен быть судим духовным судом за свой проступок, совершенный во время служения в духовном ведомстве. Следовательно, и при этом предположении количество судных дел не должно уменьшиться.

Если сличить оба приема, то окажется совершенное их сходство. Отчисли 54 миллиона и оставь только 150 тысяч; отними 13 тысяч от 18-ти тысяч и останется мало людей, и мало дел. А затем неизбежное, будто бы, ergo: окружной суд вместо епархиального суда в каждой епархии. В конце же концов, епархиальный архиерей не будет иметь судебной власти, чтó и требовалось доказать. Не хитро, да за то целесообразно в известном смысле, по страусовски: нас де не видят, если голова спрятана.

И денежный аргумент против епархиальных судов и в пользу окружных не более силен.

Говорят: дорого будут стоить епархиальные суды в каждой епархии, и гораздо дешевле окружные, и прибавляют, что „правительству гораздо выгоднее было бы подсудимых с их свидетелями перевозить и прилично содержать на счет казны при окружных судах во все время судопроизводства о их проступках, или по каждому делу отправлять окружной суд на место жительства подсудимых, чем в каждой епархии учреждать суд».

Точное исчисление и сравнение не показывают, впрочем, чтобы обещаемые выгоды были столь значительны. Всех епархий (кроме Грузинских) в России 54. При устроении суда в каждой епархии число членов в каждом суде не должно быть более 3. Полный расход на все 54 епархиальные суда выразится в следующих цифрах:

В 54 епархиальных судах, по 3 члена в каждом, всех 162..... СекретарейКаждому. Всем. 54…….. Помощников секретаря 54…….. На канцелярск. чиновников и канцелярские расходы…….

	366.400
2.200 1.200 600 1.200	64.800
	32.400
	64.800
А всего……..	528.400 р.

Не назначено жалованья председателю в том предположении, что это будет епархиальный архиерей. Прокурорского же надзора, в виде особого института, не допускается по соображениям, которые будут представлены в своем месте.

Окружных судов в разное время и в разных местах („Москов. вед.“ 1872, сентябрь; „Русский мир“ 1872, декабрь) было проектировано не одинаковое число – то 8, то 10, то 12. Самое число членов окружных судов определяется различно. В мотивах третьей теории сказано, что члены в окружной суд назначаются по 1, или по 2 от каждой епархии. Мы при исчислении допустим, что от половины епархий членов будет по 1, и от половины по 2, следовательно, всех, 81. Расход на окружные суды выразится в следующих цифрах:

	Одному.	8	10	12
		36.000	45.000	54.000
Членам 81, по 2,200 – 178,200.	4.500	8 9.600	10 12.000	12 14.400
Председателям…….. Секретарям	1.200	8 9.600	10 12.000	12 14.400
суда по 1 в каждом……. Помощник. секретаря по	600	16 19.200	20 24.000	24 28.800
2 в каждом…. На канцелярск. чиновник. и проч.	2.400	– 28.000	– 35.000	– 42.000
расходы…….. Прокурор	13.500	8 32.000	10 40.000	12 48.000
в каждом суде…….. Товарищ. прокурора по	2.000	16 8.000	20 10.000	24 12.000
2 в суде…….. Секретарь при прокуроре	1.000	8 16.000	10 20.000	12 24.000
1……. На канцелярию прокурора……..	2.000	– *158.400*	– 198.000	– 237.000
		178.200	178.200	178.200
Итого кроме членов С членами		*336.600*	376.200	415.200

Нормы содержания всем лицам и учреждениям заимствованы из штатов новых судебных установлений. При исчислении сумм на окружные суды сравнительно с епархиальными допущено увеличение только в том, что при окружных судах положено не по одному помощнику секретаря, а по два, и расход на канцелярских чиновников поставлен двойной. Сравнение итогов сумм, потребных на содержание судов при той и другой системе, дает следующие разности: если окружных судов будет только 8, то они будут стоить дешевле, чем епархиальные на 191.800; если окружных судов будет 10, то они будут стоить дешевле епархіальных на 152.200; если окружных судов будет 12, то они будут стоить дешевле епархиальных на 113.200 р. Дабы не обременять излишне государственную казну, и вместе с тем, дабы сохранить непреложный канонический принцип можно было бы эту невыгодную для епархиальных судов разность изгладить следующим способом: как дел в епархиальных судах естественно будет менее, чем в окружных, то и жалованье членам епархиальных судов могло быть назначено в размерах несколько меньших, напр. не по 2,200, а по 1,500 р. Этою мерою расход на епархиальные суды был бы уменьшен на 113.400 р. и составил бы вообще даже не много менее, чем расход на 12 окружных судов.

Замечание, будто правительству гораздо выгоднее было бы подсудимых с их свидетелями перевозить и прилично содержать на счет казны при окружных судах во все время судопроизводства о их проступках, или по каждому делу отправлять окружные суды на место жительства подсудимых, – окажется несостоятельным при первом приложении точного вычисления. Возьмем не самые дальние пределы проектированных округов. Предположим, что с.-петербургскому окружному суду будет подлежать не священник города Колы (2140 верст), а священник города Онеги, отстоящего от Петербурга на 1337 верст, который должен быть вызван с семью свидетелями. Свидетелям полагается по 3 копейки на версту за проезд туда и обратно и суточных денег по 25 копеек за каждый день отлучки из местожительства. Издержки на перевезение их в С.Петербург и обратно будут составлять 641 р. 76 к., да на суточные деньги им,

полагая путешествие и продолжение процесса в три месяца, нужно будет 180 р., а всего на одно дело 821 р. 76 к. И это одних денежных издержек, не говоря о тех материальных и нравственных потерях, которые должны пасть не на казну, а лично на каждого свидетеля, отрываемого на такой продолжительный срок от места жительства и своих занятий, особенно в летние, самые дорогие для поселян месяцы. Что выезд суда для казны будет стоить еще дороже – это не может подлежать ни малейшему сомнению.

Если расходы на содержание зданий 54 епархиальных судов будут несколько значительнее, чем расходы на содержание зданий 8–12 окружных судов, то при этом должно принять во внимание, что при окружных судах потребуется 8–12 новых архиерейских домов для председателей архиереев и столько же штатов при архиерейских домах.

Весь денежный вопрос столь неудачно припутанный и так мало разработанный, очевидно, употребляется только как один из предлогов, серьезного же значения ему кажется и не придается. Ибо при серьезном внимании несостоятельность этого аргумента не могла бы остаться незамеченною.

Таково достоинство практических аргументов, предъявляемых адвокатами этого наследника архиерейской судебной власти: аргумент о делах оказывается наполненным сначала до конца неверными цифрами; денежный аргумент оказывается не имеющим точности и не обещающим тех выгод, какие обещают защитники окружного суда.

Но выставив против епархиальных судов свои сомнительные и слабые практические аргументы, адвокаты духовно-окружных судов с удивительным благоразумием обходят один весьма важный практический аргумент против окружных судов. Они не видят, или не хотят видеть, что самым важным, самым существенным практическим препятствием к осуществлению предположения об учреждении окружных судов на несколько епархий, вместо епархиальных судов в каждой епархии – должно служить неизбежное при сем отдаление суда – нарушение одного из существенных принципов, к осуществлению которого стремилась судебная реформа 1864 г., и который, и комитет духовно-судебной реформы должен признавать таким принципом, к осуществлению которого должно всячески стремиться. Необходимость близкого суда не может подлежать ни малейшему сомнению. При осуществлении предположения об окружных судах, суда близкого не будет. Суд по пространству наших епархий, и ныне в большей части случаев очень неблизкий, удален будет еще далее. Дабы видеть вообще крайние затруднения и решительную несостоятельность предположения об окружных судах с этой стороны, нужно иметь в виду: 1) что предполагаемые окружные суды суть суды первой степени, равные по степени и значению светским окружным судам, а не судебным палатам; 2) что средним числом на каждую из 47 епархий Европейской России (кроме Польши) приходится 92.570 кв. верст пространства, а каждый из десяти (если будет десять) окружных судов будет обнимать пространство средним числом в 435.081 кв. версту. За сим чтобы иметь осязательное и наглядное удостоверение крайней непрактичности и громадных затруднений, возникающих из проекта окружных судов, – для сего довольно обратиться со вниманием к некоторым из возможных духовносудебных округов. Так в округ с.-петербургского окружного суда предполагается причислить епархии: новгородскую, с.-петербургскую, псковскую, олонецкую и архангельскую. Таким образом этот окружной духовный суд будет гораздо обширнее округа с.-петербургской судебной палаты, который простирается только на три губернии: петербургскую, псковскую и новгородскую. Пять епархий, составляющих этот окружной суд, занимают пространство в 959.421 кв. версту (не считаем Финляндии, принадлежащей к петербургской же епархии и из которой могут быть дела в петербургском окружном духовном суде), т. е. пространство, превосходящее Австрию и Пруссию вместе взятые, по отношению к которому однако же Петербург составляет одну из крайних точек. В сих пяти епархиях 41 уезд, 55 мужских монастырей, 15 женских монастырей, 2561 церковь. При окружном суде в Петербурге, священник города Колы должен будет совершить до суда путешествие в 2140 верст, города Пинеги – 1168 верст, города Мезени – 1471 версту, Ненокского посада – 1777 верст, города Онеги –1337 верст. В особенности тяжко было бы при окружных судах для священно и церковно-служителей тех епархиальных городов, где ныне есть духовные суды, а с принятием проекта не будет. Вместо того, чтобы иметь суд в самом Архангельске, как ныне, нужно будетъ ехать за 1104 версты в Петербург. Подобным сему образом из Новгорода, Пскова, Петрозаводска. При том ехать нужно будет не одному подсудимому, а со свидетелями. Епархии: саратовская, тамбовская, пензенская, оренбургская и астраханская, могущие составить один округ, имеют 42 уезда, и занимают пространство в 587.138 кв. верст, т. е. пространство

более обширное, чем какое занимают Австрия, Бавария и Дунайские Княжества вместе взятые. Епархии: орловская, курская, тульская и калужская, составляющие также один округ, имеют 50 уездов и занимают пространство в 135.860 кв. верст. Епархии: литовская, могилевская, минская и витебская, приписываемые к округу одного же духовного суда, имеют 54 уезда и занимают 266.345 кв. верст, не считая при этом долженствующей сюда же принадлежать варшавской епархии. Епархии: харьковская, воронежская и донская имеют 30 уездов и занимают пространство в 242.173 кв. версты. Все эти пространства таковы, что только одним точным их показанием, без дальнейших разъяснений, возможность и состоятельность мысли об учреждении окружных судов взамен судов епархиальных в каждой епархии – подвергается сильнейшему сомнению. Почти каждая епархия наша обширнее целого Греческого королевства (44.044 кв. версты), имеющего 24 епархии и 24 епархиальные суда.

В „Московских ведомостях” осенью 1872 г. напечатан, очевидно сообщенный из сфер интересующихся делом, план разделения Русской церкви на восемь духовно-окружных судов. Эти восемь судов, будто бы, были предположены в городах: Киеве, Москве, С.-Петербурге, Вильне, Казани, Тобольске, Одессе и Тифлисе. К киевскому округу приписано будет 7 епархий, к московскому – 14, к петербургскому – 5, к Виленскому – 7, к казанскому – 10, к одесскому – 8, к тобольскому – 10 и к тифлисскому – 7. По этому разделу пространства духовно-судебных округов представляются в следующем виде: с.-петербургский духовно-судебный округ (без Финляндии, епархии: с.-петербургская, новгородская, псковская, олонецкая и архангельская) занимает пространство в 959.423 кв. версты; московский (епархии: московская, смоленская, калужская, тульская, рязанская, владимирская, ярославская, костромская, нижегородская, тверская, вологодская и воронежская) – в 818.944 кв. версты; киевский (епархии: киевская, волынская, черниговская, орловская, курская, харьковская и полтавская) – в 326.698 кв. верст; казанский (епархии: казанская, вятская, пермская, симбирская, самарская, саратовская, астраханская, пензенская, тамбовская, уфимская и оренбургская) – в 1.345.372 кв. версты; виленский (епархии: литовская, витебская, минская, могилевская, рижская, не считая варшавской) – в 348.398 квадратных верст; одесский (епархии: херсонская, кишиневская, подольская, екатеринославская, донская, ставропольская и таврическая) – в 442.044 квадратные версты. Затем седьмой духовно-судебный округ – тифлисский, обнимает всю Грузию, а восьмой – тобольский – будет простираться на всю Сибирь. Должно заметить при этом, что духовно-окружной суд будет судить, в качестве первой инстанции, дела о преступных деяниях, влекущих за собою временное испытание в архиерейском доме или монастыре, на срок более 3 месяцев, перемещение с одного места на другое, удаление и отрешение от места, запрещение священнослужения, лишение священства и монашества, и исключение из духовного звания; в качестве второй инстанции – все прочие дела, влекущие менее тяжкие наказания. Таким образом священник города Пинеги, положим, обвенчавший брак при недостижении женихом или невестою 8 месяцев до узаконенного возраста и подлежащий, по закону, испытанию в монастыре на 4 месяца (уст. конс. 199), должен будет совершить путешествие в 1168 верст до с.-петербургского окружного суда. С ним тоже путешествие должны предпринять диакон, причетники, как соучаствовавшие, и, кроме их, свидетели. Священник, диакон и причетники яренского собора, повенчавшие брак лица, состоящего уже в супружестве, при чем вина их состояла единственно в несоблюдении предосторожностей, которые могли бы открыть незаконность брака, – должны будут и со свидетелями путешествовать 1149 верст до московского окружного суда. От Якутска до тобольского духовно-окружного суда 5649 верст. Есть и еще более отдаленные расстояния. Довольно, кажется, этих немногих указаний, чтобы видеть решительную невозможность осуществления этого проекта окружных судов. И при письменном бумажном суде подобное положение было бы причиною чрезвычайной медленности; проектируемый же духовный суд должен быть устный – с судебным следствием и с явкою подсудимого и свидетелей пред судом.

Такой суд по самой сущности своей должен быть ближе, и не может быть далек от подсудимого: иначе он будет не благом, а невыносимым бременем для тех, которые обязаны судиться или свидетельствовать в таковом суде.

При старом процессе письменном и не требовавшем судебного следствия, затруднения, происходящие от отдаленности суда, были не столь чувствительны. Самые условия нового суда требуют, чтобы он был ближе, чем старый, или ни в каком случае не дальше. Окружные суды не только не были бы благом и улучшением, но были бы для большей части духовенства лишением права, которым оно ныне пользуется – права иметь суд в своей епархии. Для духовенства, для

свидетелей это было бы крайним обременением. Суд столь далекий, конечно, не будет и судом скорым. „Все это возбудило бы“, как справедливо замечено, „неизбежный ропот и в духовенстве, и в свидетелях и заставило бы жалеть даже о нынешних судах”. Впрочем, в наилучшем из миров – все к лучшему, и нет худа без добра. Нас утешают, что „хотя духовно-окружной суд для некоторых местностей будет отстоять дальше, нежели епархиальный город, *но духовенство этим не будет тяготиться.* Дела, предоставляемые рассмотрению духовно-окружных судов в качестве 1-ой инстанции суть такого свойства, что от них зависит участь не только самих подсудимых, но и их семейств. Посему некоторая разница в расходах на проезды в тот город, где будет окружной суд вместо своего епархиального города, не будет подсудимому казаться напрасною тратою, если он будет уверен, что администрация (т. е. архиерей) не может иметь влияния на решение суда”. Хотя и далеко, однако же близко. Мудрено, но за то утешительно: главный враг – архиерей, не будет иметь влияния на решение суда; из-за этого можно сделать путешествие в 3000 верст.

При обсуждении судебных уставов 1864 года, на затруднения, соединенные с отдаленностью судов, было обращено внимание, и соображения, имевшие место в то время, сохраняют свою силу и ныне. В то время была мысль подчинить всех чиновников, до 5-го класса включительно, за должностные преступления – суду палат. Но против этого справедливо было рассуждаемо, что „судебная палата одна на несколько губерний. Если и в настоящее время (т. е. до 1864 г.), когда уголовные палаты существуют в каждом губернском городе, представляется большое неудобство в требовании к себе палатою подсудимых должностных лиц по отдаленности их местожительств от губернского города и по трудности у нас сообщений вообще, то неудобство это, естественно, возросло бы в огромном размере не только по причине увеличения округов судебных палат, но также и потому, что по судебным уставам, все подсудимые должны быть на лицо при судебном следствии в первой степени суда. Таким образом, одно уже нахождение под судом было бы равносильно, а во многих случаях и несравненно тяжелее самого осуждения, потому что обвиняемые в маловажных преступлениях и проступках по службе, подвергающих лишь незначительным взысканиям, вынуждены были бы оставлять свой дом и свои занятия, чтобы отправиться за 700 или более верст, проживать в городе многолюдном, где жизнь особенно дорога. Еще более затруднений представляла бы пересылка подсудимых и вывоз свидетелей в палату из мест, отстоящих от нее на протяжении нескольких губерний. В этих случаях, кроме затруднений, увеличатся чрезмерно и судебные издержки, которые, при несостоятельности большей части подсудимых, принимаются на счет казны”. („Суд. уст.” изд. гос. канц. 2, 409, 410).

Так рассуждали при составлении судебных уставов о затруднениях, соединенных с отдаленным судом. Но не так видно рассуждают те, которые проектируют только восемь духовно-окружных судов для всей Русской церкви, если верны показания „Москов. ведомостей”. Впрочем, если бы даже и не были точны показания „Моск. вед.“, если бы окружных судов было предположено не восемь, а положим по одному на каждые три или даже две епархии, т. е. 20 или 30 судов, то и в этом случае указанные затруднения только отчасти были бы уменьшены, но не устранены совершенно. Наши епархии очень обширны по своему пространству: менее 30 тысяч квадратных верст пространства занимают только три епархии – калужская (27 т.), московская (29 т.) и тульская (26 т.); каждая из остальных епархий занимает пространство более 30 т. кв. верст, а не малое число епархий простирается более чем на 100.000 кв. верст (архангельская 661 т., астраханская 192 т., вологодская 348 т., вятская 126 т., донская 135 т., енисейская 2.211 т., иркутская 618 т., новгородская 101 т., олонецкая 118 т., оренбургская 230 т., пермская 292 т., самарская 139 т., тобольская 1,306 т., томская 759 т., уфимская 104 т.). Устное судопроизводство, требующее непременно личного присутствия в судебном заседании подсудимых и свидетелей, само в себе заключает необходимое требование, чтобы суд неудаляем был от подсудимых, а по возможности приближен. Бумажное судопроизводство более терпит отдаленность; при устном судопроизводстве, с личною явкою подсудимого и свидетелей, удаление суда непременно приведет к отягчению участи подсудимых и к крайнему обременению свидетелей.

И нынешние светские окружные суды, которых в иной губернии находится до трех, общество находит далекими и обременительными, желает умножения их числа и есть предположение об удовлетворении этому справедливому желанию. А комитет духовно-судебной реформы („Голос” 1872 № 202; „Христ. чт.” 1872, декабрь, „Прав. обозр.” 1873, январь) вопреки общему желанию

духовенства иметь суд близкий, вопреки стремлению общества и правительства приближать еще более суды, вопреки собственному заявлению, что для улучшения духовно-судебной части необходимо учредить суды более близкие к подсудимым, проектирует вместо близких судов далекие. Для чего и с какими целями? Чтобы епархиального архиерея устранить от участия в суде. Из-за этого и всем подсудимым и свидетелям устрояются столь вопиющие затруднения. Другой цели нет никакой. И это открыто заявляется сторонниками отнятия судебной власти у епарх. архиерея, которые прямо говорят, что „суд, приуроченный к епархии, в какую бы форму он не облекался, всегда останется судом зависимым от администрации, и участие епархиального начальника в решении судебных дел всегда будет казаться подсудимым произволом администрации, вмешивающейся в отправления суда, и возбуждать в духовенстве затаенное недовольство правосудием и недоверие к нему“. Затруднительно и дорого ездить подсудимым и свидетелям за тысячи верст; но за то *Carthago deleta est*: архиерей не судит.

Но не одним подсудимым и свидетелям будет трудно от духовно-окружных судов; не легко будет и членам суда. Члены суда избираются на 6 лет. Большая их часть должна будет переселиться из своих мест в новый, иногда очень отдаленный город. Тем из сих лиц, которые многосемейны, уже самое первоначальное переселение, соединенное всегда со значительными материальными тратами, будет затруднительно. Затем жизнь в чужом городе, без квартиры, на жалованье члена окружного суда (2200 р.) при нынешней повсеместной дороговизне будет нелегка. Наконец, отсидевший шесть лет может быть не избран вновь. Обратное переселение и ожидание места (ибо прежнее конечно должно быть занято) будет причиною новых трат и издержек. Таковы представляющиеся материальные затруднения. Еще важнее будут другие, внутренние затруднения для таковых наезжих судей. Благочестивый священник редко может оставаться без службы. А как устроить этих наезжих 8–10 священников в ином небольшом городе, так чтобы открылась им возможность служить? Все места заняты туземцами и согнать их нельзя. Причислить к собору, но и собор весь наполнен. Вопрос этот при проектируемом положении не прост для решения.

Вместе с этим вопросом является и еще вопрос по отношению к членам духовно-окружных судов: от кого, от какого архиерея, в административном отношении, будут они зависеть, от того ли, из епархии которого поступили, или от того, в епархии которого живут? В совершенно же независимом положении они, на основании церковных правил, оставаться не могут.

Нельзя оставить без внимания и тех затруднений, которые при окружных судах произойдут в отношении к производству в них суда в качестве 2-й инстанции. По проекту духовно-окружные суды составляют 2-ю инстанцию по отношению к духовным судьям: жалобы на приговоры духовных судей должны восходить в духовно-окружной суд. Духовно-окружной суд от многих духовных судей будет очень отдален – от иных может более чем на 1000 верст. Такое далекое положение равносильно совершенному отказу в правосудии: кто поедет за 1000 верст жаловаться на неправильное решение духовного судьи, иногда может быть и важное по отношению к судьбе подсудимого, такое, вследствие которого он лишится права на пенсию? Не мог не усмотреть этой несообразности даже муж, не усматривающий этой несообразности в самом учреждении окружных судов вместо епархиальных. И сей муж находит, что в положении духовно-окружных судов в качестве судов 2-й инстанции в отношении к суду духовных судей „есть немалая несообразность”.

„Новые судебные уставы, говорит он, дают обеим сторонам, и обвинителю, и обвиняемому, полную возможность защищать себя пред тем судом, куда поступит его дело, живым словом, непосредственно за речью противной стороны. Но по маловажному делу ехать за 200 – 300 верст не всегда удобно и богатому человеку, а тем более человеку бедному, каких не мало в духовенстве, и притом должностному; во всяком случае здесь потребуется больше времени и средств, чем на поездку за 50–100 верст – к епархиальному начальству. Следовательно, окончательное решение дел маловажных для одних духовных лиц будет сопровождаться немаловажными издержками, а для других состоится без тех средств защиты, которыми пользоваться закон предоставляет всякому. Если для маловажных дел всей епархии признается далеким суд епархиальной консистории, то ближе ли он станет чрез сосредоточение в одном судебном месте подобных дел 3-х епархий? Кроме отдаленности суда, тогда возникло бы и новое неудобство от накопления в духовно-окружном суде дел всякого рода, когда в нем будут разрешаться все отзывы и протесты против решений духовных участковых судей по маловажным делам нескольких епархий». Почтенному мужу следует сделать только малую уступку здравому

смыслу и допустить, что отдаленность суда есть зло и затруднение как для маловажных дел, так и для важных, ибо и по маловажным делам, и по важным путешествовать и даже пешествовать в устрояемый им за тридевять земель, в тридесятом царстве, духовно – окружной суд, должны будут люди, для которых дорого время, тяжек труд, и у которых скудны достатки. Но что тогда будет с его окружными судами? Другое тесно соединенное с сим неудобство состоит в фактической бесконтрольности духовных судей. Духовный судья, отдаленной от окружного суда местности, фактически ни от кого независим и сам себе господин. На месте никто не может ни поверить его действия, ни наблюдать за ним: ибо от архиерея он огражден законом. До окружного суда, за отдаленностью его, жалоба будет доходить весьма редко. Безопасно ли такое положение? Государство никогда не создавало таких неподлежащих контролю единоличных судей: за мировым судьей контроль в его же уезде.

Проектируемые духовно-окружные суды суть копия военно-окружных судов. Есть суды военно-окружные, помещенные в столицах и некоторых губернских городах; следовательно, должны быть учреждены и суды духовно-окружные в столицах и некоторых губернских городах. Но при этом упущена из виду важная разность в положении и размещении войск и духовенства: войска концентрированы в округах и расквартированы большею частью вблизи к главному городу округа, в котором и помещается военно-окружной суд; духовные лица и православные христиане, подсудные духовному суду, жительствуют по всей России и в самых отдаленных от городов местностях. Полагать должно, что если бы так же размещены были войска, как народ и духовенство, то военно-окружные суды были бы признаны невозможными. Округа в военном ведомстве близки к падению, а в духовном недалеки от введения. Округа учебные в духовном ведомстве уничтожены; округа судебные проектируются. Те не нужны; эти будто бы будут полезны. Какая странная ирония судьбы!

Сводя в одно все сказанное об этом наследнике судебной власти епархиального архиерея, мы получаем следующие положения:

1) Единственная цель, которой имеется в виду достигнуть проектом духовно-окружных судов, состоит в наиболее благовидном достижении лишения судебной власти епархиального архиерея. Свободно мыслящая печать прямо заявляет, „что *проект этот очевидно направлен к тому, чтоб по возможности освободить духовный суд от влияния епархиальной администрации* (т. е. от епархиального архиерея). Поэтому вторая инстанция духовного суда приурочена не к епархии, а к особому духовно-судебному округу, подобно военно-окружным судам». („Жур. Гражд. и торг. права” 1872, 3, 431).

2) Проектируемый в таком виде, т. е. на несколько епархий, с членами пресвитерами, с председателем безъепархиальным архиереем, духовно-окружной суд не имеет и не будет иметь канонических основ, ибо Вселенского собора вероятно не будет вскоре.

3) Практические соображения и документы, приводимые адвокатами духовно-окружного суда, частью неверны, частью произвольно подделаны и вообще не дают защищаемому ими проекту никакой поддержки.

4) Практические затруднения, соединенные с проектом и делающие решительно невозможным его осуществление, могут не быть видимы только слепыми.

Второй наследник судебной власти епархиального архиерея оказывается и незаконным, и практически невозможным.

3) Коллегия пресвитеров

Переходя к другим выставленным претендентам на наследование судебной власти епарх. архиерея, мы встречаемся с коллегиею духовных лиц, или точнее пресвитеров.

Претензию этого наследника первый поддерживал пред публикою г. Соколов. Уничтожив прежде канонические права нынешнего владельца судебной власти в епархии, г. Соколов выставил затем в качестве наследника *коллегию из трех членов, избираемых из опытных и известных по своему образованию и нравственным качествам духовных лиц епархии, из коих старший председатель суда* („Прав. обозр.” 1871, май 673–675). Это епархиальный суд, который должен быть учрежден совершенно отдельно, особо от консистории. Впрочем, г. Соколов от имени этого наследника предъявляет иск не к полному наследованию судебной власти архиерея, а только к части, правда значительнейшей по объему и количеству. Он требует для него: 1) „права судить в качестве 2-й инстанции и окончательно дела меньшей важности, переносимые по отзывам против суда единоличного духовного судьи пресвитера, и сверх сего 2) права в качестве одностепенного суда окончательно присуждать самостоятельно к следующим наказаниям: денежному оштрафованию в высших размерах, заключению на время в исправительные учреждения, временному запрещению священнослужения без отрешения от должности, но с возложением духовного наказания. Приговоры этого рода, *как окончательные*, могли бы быть отменяемы только в *кассационном порядке,* как по жалобам участвующих в деле лиц, так и по протестам и представлениям лиц, коим вверен будет прокурорский надзор в епархиях» (676). Г. Соколов в этом пункте для своего клиента требует такого права, какого не оказывается в описи наследуемого имущества, какого не имеют ныне еперхиальные архиереи, не имеют и светские окружные суды. Он хочет облечь его правом *одностепенного суда присяжных.*

3) Далее г. Соколов требует для своего клиента, в качестве суда первой степени, права подвергать виновных удалению от должности свыше чем на 6 месяцев, запрещению священнодействия свыше чем на 3 месяца, переводу с одного места на другое (676, 677).

4) Наконец г. Соколов требует для своего клиента и права налагать высшие церковные наказания: отрешение от должности с низведением в причетники, лишение сана с оставлением в духовном ведомстве на низших должностях и наконец лишение сана с исключением из духовного ведомства. Но эти дела г. Соколов обставляет такими сложными условиями, каких, вероятно, не слыхал ни один юрист. Здесь „кроме права апелляций со стороны подсудимых и протестов со стороны прокуратуры, исполнение этих приговоров епархиального суда, по г. Соколову, не может последовать иначе, как по рассмотрении и утверждении их высшею соборною властью епископов. При этом было бы желательно, чтобы самое постановление этих приговоров в епархиальном суде совершалось *при участии духовенства в качестве присяжных заседателей* (677). Какой мудреный г. Соколов; у него и присяжные заседатели и ревизионный порядок, все вместе, и горох, и капуста. Не мало изумлен был бы светский юрист, если бы прочел этот проект духовно-светского канониста. Присяжные заседатели, по общему мнению и по всем законодательствам выражают такую совесть, которой никто не вправе поверять; а г. Соколов назначает над присяжными без жалобы, а в силу самого закона ревизию и притом людей, не видавших и не слыхавших самого дела. Присяжные и ревизия их приговора!

Г. Соколов, с твердою и полною верою в достоинство своих практических соображений и своего плана, упрекал г. Лаврова, почему тот не обращал на них внимания и возлагал на него обязанность дать отчет и отзыв о его проектах, конечно хвалебный. Посему, не восхищая себе того, что составляет обязанность других, мы ограничимся здесь только немногими замечаниями.

1) Г. Соколов в своем епархиальном пресвитерском суде совмещает четыре функции – функцию обыкновенного суда 2-й инстанции, функцию обыкновенного же суда 1-й степени, приговоры которого подлежат обжалованию и переносу в высшую инстанцию по отзывам и протестам, и две функции суда с присяжными, из коих первую составляют сами же члены епархиального суда, решая некоторые довольно важные дела окончательно и безапелляционно, в одной инстанции, вторую же составляет суд с присоединением к нему присяжных из духовенства; но приговоры этого последнего рода восходят ревизионным порядком на рассмотрение и утверждение суда высшей инстанции. Сколь много тут юридического и

практического это, вероятно, откроет г. Лавров в силу возложенной на него обязанности. О каноническом же достоинстве скажем мы, но несколько ниже.

2) Такая сортировка дел у г. Соколова основана на чистейшем произволе; к объяснению ее он никогда не представит никакого сколько-нибудь разумного основания. – Удаление от должности на 5-ть месяцев и 28 дней епархиальный суд г. Соколова присуждает окончательно и безапелляционно; а удаление от должности на 6 месяцев и 1 день может быть обжаловано в апелляционном порядке. Запрещение священнодействия на 3 месяца – безапелляционно; а на 3 месяца и 2 дня подлежит апелляции. Почему? – Это секрет изобретателя.

3) Г. Соколов устрояет свой епархиальный суд исключительно для одних священнослужителей белого духовенства. Ни о монашествующих, ни о послушниках, ни о мирянах у него нет ни одного слова. Строит ли он для них какой особый суд, или же совсем исключает – это никому неизвестно, а необходимо было бы это как-нибудь разъяснить. Или же это есть простой недосмотр и ошибка?

Того же наследника, по свидетельству газет („Голос” 1872, № 29, „Спб. вед.” 1872, октябрь) представлял комитет духовно-судебной реформы до катастроф 26 сентября 1872 г. („Бирж. вед.” 1872, № 264). В проекте, известном под именем комитетского и отличаемом от проекта большинства комитета, в наследники судебной власти епископа выставляется епархиальный суд, состоящий из пресвитеров, также как и у г. Соколова, только не в тех долях наследства, как у него. – По этому проекту епархиальный суд учреждается в каждой епархии и состоит не менее, как из трех пресвитеров, избираемых депутатами от духовенства и представителями земства и утверждаемых Св. синодом. Из них один председатель. Все как у г. Соколова, или у г. Соколова все как здесь. Но затем далее не как у г. Соколова. Епархиальный суд пресвитерский, по проекту, судит все дела, какие судит и нынешняя консистория, за исключением тех, за которые в законе определены низшие наказания, именно: замечание, выговор без внесения в послужной список и денежное взыскание до 3 рублей, и которые должен окончательно решать духовный судья пресвитер. Некоторые дела епархиальный суд, по проекту комитета, судит в качестве 2-й инстанции окончательно, по отзывам против приговора духовного судьи, а именно дела о преступных деяниях, за которые в законе полагаются денежные взыскания свыше 3-х рубл., и временное испытание в архиерейском доме или монастыре. Затем все прочие дела, ныне подлежащие консисторскому суду, епархиальный суд старого комитетского проекта судит в качестве 1-й инстанции. Отзывы подсудимых и протесты епарх. архиерея против приговоров епархиального суда идут в Св. синод. Г. Соколов строил свой суд только для пресвитеров и диаконов. Суд старого комитетского проекта был несколько шире, именно он простирался не только на священнослужителей белого духовенства, но и на церковнослужителей, и на монашествующих. Но и этот проект исключал из-под духовного суда всех мирян и монастырских послушников.

Во внешнем техническом смысле старый комитетский проект несравненно выше проекта г. Соколова; в нем нет тех юридических безобразий в определении юрисдикции епархиального суда: ни двух категорий одностепенного суда, ни ревизии, ни кассации комитетский проект не допускает. Но при этих внешних технических преимуществах внутренний смысл проекта даже менее истинен и верен канонам, чем проект г. Соколова. У г. Соколова при всей его неблагосклонности к каноническим и церковным началам, было, вероятно, по старой (1870) памяти темное и безотчетное чувство крайней неправильности того положения, чтобы пресвитеры лишали пресвитерского сана, и это темное чувство выразилось у него в проектировании для дел этого рода ревизионного порядка, так чтобы приговоры о лишении сана имели утверждение архиереев. В комитетском проекте этого нет: пресвитеры лишают пресвитерского сана, и приговор их входит в окончательную законную силу, если нет ни отзыва, ни протеста. – Весь епархиальный суд принадлежит исключительно пресвитерам, или единолично, или коллегиально.

Вновь развивать и доказывать мысль, что суд пресвитеров без епископа не есть суд, основанный на Слове Божием и на канонах, значит повторять подробно раскрытое на предшествующих страницах книги. В настоящий раз для убеждения в незаконности и этих наследников судебной власти епископа довольно повторить только слова одной догматико-символической и одной догматической книги: „Поелику между прочими нечестивыми мнениями», говорится в послании Восточных патриархов, „еретики утверждали и то, что простой священник и архиерей равны между собою, *что можно быть и без архиерея,* что несколько священников

могут управлять Церковью .... и разглашают, что Восточная церковь разделяет с ними сие *заблуждение,* то мы сообразно с мнением, издревле господствующим в Восточной церкви, подтверждаем, что звание епископа так необходимо в Церкви, что без него ни Церковь Церковью, ни христианин христианином, не только быть, но и называться не может. Ибо епископ, как преемник Апостольский, возложением рук и призыванием Св. Духа, получив преемственно данную ему от Бога власть решить и вязать, есть живой образ Бога на земли и, по священно действующей силе Духа Святого, обильный источник всех таинств Вселенской церкви, которыми приобретается спасение. Мы полагаем, что епископ столько же необходим для Церкви, сколько дыхание для человека и солнце для мира ... *Об Апостольском преемстве епископов, Апостольском достоинстве и власти свидетельствуют многие из отцев, равно общее и древнее обыкновение Вселенской Церкви.* Очевидно также, что епископский сан отличается от сана простого священника. Ибо священник рукополагается епископом, а епископ рукополагается не священником, но, по правилу Апостольскому, двумя или тремя архиереями ... священник власть и благодать священства приемлет только для себя, епископ же передает оную и другим. Первый, приняв от епископа священство, совершает только св. крещение с молитвами, священнодействует Бескровную жертву, раздает народу Святое тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа, помазывает крещаемых св. миром, венчает благочестиво и законно вступающих в брак, молится о болящих, о спасении и приведении в познание истины всех людей, а преимущественно о прощении и оставлении грехов православным живым и умершим, и наконец, как он отличается знанием и добродетелью, то по власти данной ему епископом, учит тех из православных, которые приходят к нему. Но *архиерей,* кроме того, что совершает все сие (ибо он как сказано *есть источник Божественных таинств и дарований по силе Св. Духа)* один исключительно совершает святое миро; ему только одному усвоено посвящение во все степени и должности церковные: *он особенно и преимущественно имеет власть вязать и решить и творить по заповеди Господа суд приятный Богу:* он проповедует святое Евангелие и православных утверждает в вере, *а непокорных, как язычников и мытарей, отлучает от Церкви, еретиков же предает извержению и анафеме,* и свою душу полагает за овцы. Отвсюду открывается неоспоримое различие епископа от простого священника, а вместе и то, что *кроме его все в мире священники не могут пасти Церковь Божию и совершенно управлять ею.* Но справедливо замечено одним из отцев, что не легко найти между еретиками человека рассудительного: поскольку оставляя Церковь, они бывают оставляемы Святым Духом, и не остается в них ни учения, ни света, но тьма и ослепление. Ибо, если бы сего не было с ними, то очевидно они не отвергали бы самого очевидного, каково, например, *великое по истине таинство епископства, о котором говорит Писание, упоминают церковная история и писания святых, и которое всегда было признаваемо и исповедуемо всею Вселенскою церковью* (Послан. Восточ. патр. чл. 10).

В „Православно-догматическом богословии" преосвященнейшего Макария, архиепископа литовского и Виленского (т, III. стр. 297, 298), читаем: *епископ* есть главный правитель в своей частной Церкви (Деян. 20:28; снес. Посл. Вост. патр. о Пр. вере чл. 10). Прежде всего он *имеет власть над подчиненною ему иерархиею и клиром. Все священно и церковнослужители обязаны повиноваться его постановлениям и без его разрешения ничего в Церкви не совершать* (Апост. пр. 39; Лаод. 57; Карф. 6, 42, 52; Антиох. 8, 25; Халкид. 8; Сард. 14), *подлежат его надзору и суду* (1Тим. 5:19), *вследствие которого он может подвергать их разным наказаниям* (Апост. прав. 15, 32, 55; Халкид. 18; Трул. 34). *Кроме клира, духовной власти епископа подлежит и вся вверенная ему паства.* Он обязан наблюдать за исполнением въ его епархии божественных законов и церковных заповедей. *Он же, особенно и преимущественно имеет власть вязать и решить* (Посл. Вост. патр. о Прав. вере чл. 10), по правилам св. Апостолов, св. Соборов (Ап. пр. 31; соб. Карф. 6) и по единодушному свидетельству древних учителей Церкви. *Посему-то с такою силою мужи Апостольские и внушали всем верующим повиноваться епископу.*

Пресвитеры также имеют власть вязать и решить, и вообще пасти порученное им стадо Божие (I Петр. 5:1–2); но эту власть они получают уже от своего архипастыря, чрез таинственное рукоположение (Посл. Вост. патр. чл. 10). А некоторые избранные допускаются по воле епископа, и вообще нести с ним бремя церковного управления; даже образуют при нем, с сею целью, постоянный собор. Но по древнему выражению, они служат при этом только *вместо очей у епископа, и сами по себе, без его согласия, ничего не могут делать.*

Если сличить мнимые права этого претендента с приведенными словами книги догматико-символической и книги догматической, то не окажется никакой возможности признать его законным наследником судебной власти епарх. архиерея. *Кроме епископа не только коллегия из трех или четырех пресвитеров, но все в мире священники не могут пасти Церковь Божию и совершенно управлять ею.... Пресвитеры, сами по себе, без согласия своего епископа, ничего не могут делать.*

4) Пресвитер единолично

В небольшой доле судебной власти наследует епископу пресвитер единолично. Все теории выставляют этого претендента на судебное наследство после епископа и все ищут для него только остатков, незначительных предметов. Но одни требуют для него более, другие менее.

Мировой судья пришелся по вкусу нашему обществу и послужил прототипом духовного судьи. Есть судья мировой, должен быть и духовный судья. Что пресвитер, исполняя поручение своего епископа, его именем и его властью может производить суд в пределах данного ему поручения, против этого едва ли будет спорить кто-ни- будь. Но чтобы пресвитер независимо от епископа и не во исполнение его поручения производил суд – этого утвердить на правилах Церкви невозможно. Это можно сочинить так, без церковных основ, в подражание мировому судье. По первому типу проектируемый судья есть правильный исполнитель поручения епископского. По второму – наследник епископской власти, которого нельзя признать законным.

По какому типу создан духовный суд в разных проектах?

Г. Соколов в публике заявил первый о духовном судье и обработывал тип этого судьи не как исполнителя поручения его епископа, а как независимого от архиерея судебного деятеля, что было в полном согласии с последнею фазою его развития по этому предмету и с принятою им в 1871 г. мыслью об отделении суда от администрации, т. е. от епарх. архиерея. У г. Соколова духовные судьи – это лица, которым необходимо предоставить достаточный простор и широту для их деятельности в точно определенных законом пределах и дать самостоятельную власть и прочные неколеблемые внешнею зависимостью права („Прав. обозр.” 1871. май 669). Для сего „разделить наши епархии на участки по уездам, в центральных селах и городах. В каждом участке всему духовенству избирать одного духовного судью из пресвитеров, и к нему одного кандидата. Им подсудны и гражданские иски духовных лиц и дела о преступлениях”. Некоторые приговоры их окончательны, другие подлежат обжалованию в епархиальном суде, который у г. Соколова состоит только из пресвитеров. След., судейская зависимость духовного судьи не от архиерея, а от коллегии пресвитеров. Наследника, созданного по такому типу, нельзя признать законным, каноническим.

В первом комитетском проекте духовный судья отлит почти вполне по типу г. Соколова, или духовный судья г. Соколова отлит по комитетскому типу. По первому комитетскому проекту („Голос” 1872 г. № 29; „Спб. вед.” 1872, октябрь) духовные судьи учреждаются в определенных участках епархии и избираются из протоиереев и священников священно- и церковнослужителями участка и представителями от приходов. Они не могут быть ни увольняемы от должности, как судебной, так и священнической, без прошения, или согласия и подвергаются взысканиям только по суду. В судебном отношении их высшая власть – епархиальный суд, т. е. коллегия пресвитеров. Юрисдикция их следующая: они приговаривают к замечанию, выговору без внесения в послужной список и к денежному взысканию до 3-х рублей окончательно и безапелляционно; за сим – к денежному взысканию свыше 3-х рублей и к временному испытанию в архиерейском доме или монастыре, в качестве 1-й инстанции. Отношение к епархиальному архиерею ограничивается следующим: архиерей утверждает избранного большинством голосов избирателей и не имеет права не утвердить, если при выборах соблюдены все условия, постановленные законом. Затем обо всей судейской его деятельности архиерей не имеет ни малейших сведений: что́ он судит, как судит – об этом архиерею и не откуда и непочему знать: отчеты подаются в епархиальный суд, а также и отзывы. До его сведения доводят только о всяком деле, восходившем по апелляции в епархиальный суд. Духовный судья, без ведома архиерея, и не спрашиваясь его, может наслать в его дом на испытание немалое число подсудимых; и архиерей обязан исполнить его приговор.

Ясно, что и этот духовный судья, как судья г. Соколова, не может быть поставлен на каноническую почву, и, следовательно, быть признан наследником канонического епископа ни в какой доле. Это судья от епископа независимый, а зависимый от коллегии пресвитеров.

Тип духовного судьи, созданный в так называемом проекте большинства („Голос» 1872, № 29; „Спб. вед.» 1872, октябрь) значительно отличается от двух предшествующих, или правильнее, от одного, потому что оба предшествующие типа совершенно сходны. И здесь духовные судьи избираются и утверждаются, как и в проекте комитета, и здесь им присвояется та же несменяемость. Но затем далее идут важные отличия. Надзор за духовными судьями

принадлежит не епархиальному суду – пресвитерскому, а епархиальному архиерею. Юрисдикция духовного судьи весьма обширна. Он приговаривает к замечанию, выговору без внесения в послужной список и денежному взысканию до 5 рублей безапелляционно, с ежемесячным только донесением епархиальному архиерею. Затем он приговаривает к денежным взысканиям свыше 5 рублей, временному запрещению богослужения от 2 недель до 2 месяцев. Но эти приговоры представляются ревизионным порядком на рассмотрение и окончательное решение епархиального архиерея. Кроме сих наказаний духовный судья присуждает к запрещению богослужения свыше 2 месяцев и до 3-х, к испытанию в архиерейском доме свыше 2 месяцев и до 3, к посылке в монастырь от 7 дней до 3 месяцев, к перемещению из одного прихода в другой и удалению от должности. Эти последние приговоры представляются епархиальному архиерею на просмотр, на прокурорском праве, с обязанностью, в случае несогласия, представить в духовно-окружной суд.

При всех технических уродливостях, при допущении ревизионного порядка, при разделении архиерея на судью и прокурора, этот тип духовного судьи с внутренней стороны ближе к канонам, чем два предшествующие типа. Здесь признается некоторая собственно судебная зависимость духовного судьи – пресвитера. Архиерей в качестве судьи пересматривает дела, по которым подсудимые приговорены к денежному взысканию свыше 5 рублей, к временному запрещению богослужения и испытанию в архиерейском доме до 2 месяцев. Но затем какое безобразие, произвол и уродливости! Судья-пресвитер судебной власти имеет несравненно более, чем архиерей: он приговаривает к одиннадцати родам наказаний, а архиерей только к трем. Приговор судьи о запрещении богослужения (?) на два месяца архиерей не утвердить может, а на два месяца и один день не может. В отношении к приговорам, осуждающим на временное испытание в архиерейском доме до 2 месяцев, архиерей действует как судья, а в отношении к приговорам, осуждающим на 7 дней в монастырь – как прокурор. Удалить от должности, переместить с одного прихода на другой, пресвитер может, а архиерей не может.

Наследник, хотя и имеющий некоторые канонические основания, но затем столь притязательный и созданный по такому уродливому типу, конечно, не может быть признан законным наследником судебной власти епархиального архиерея.

В последнем комитетском проекте („Голос” 1872, № 202; „Христ. чт.” 1872, дек.; „Прав. обозр.” 1873, янв.; „Современность” 1873, № 46; „Моск. вед.” № 151) тип духовного судьи не изменился против первого. Тоже избрание, тоже утверждение. Но расширена несколько юрисдикция и изменена зависимость, вследствие чего духовный судья делается фактически во многих местностях не имеющим над собого никакого контроля. Новейший духовный судья безапелляционно приговаривает к замечанию, выговору без внесения в послужной список и денежному взысканию до 15 (а не до 3) рублей. Затем он приговаривает, в качестве суда 1-й инстанции, к денежному взысканию свыше 15 до 100 рублей, к заключению в монастыре до 3 месяцев и к выговору со внесением в послужной список. Следующая высшая над ним инстанция – духовно-окружной суд. Он не вменяем. От архиерея он независим и даже огражден от него законом. Все отношение его к епархиальному архиерею состоит в том, что последний против неокончательных приговоров судьи может подать протест в духовно-окружной суд. Как ближайшим судебным начальством над духовными судьями будет духовно-окружной суд, отстоящий от иного духовного судьи более чем на 1,000 верст, то такое положение можно признать беспримерным по независимости даже в светских судах. Мировой судья, высшую, его контролирующую инстанцию, имеет в своем же уездном городе – в съезде. Для духовного судьи, контролирующая его действия инстанция, будет более чем за 1,000 верст от места его службы и судебной деятельности.

Если невозможно было признать законными права наследства духовного судьи по типу г. Соколова и по первому комитетскому проекту, тем паче не может быть признан законным наследником судья последнего проекта.

Согласный с учением Православной церкви тип духовного судьи только тот, когда духовный судья-пресвитер, в зависимости от своего епархиального архиерея, исполняет его поручения по судебным делам. Ибо *по догматическому учению Православной церкви, пресвитеры сами по себе*, *без согласия своего епископа*, *ничего не могут делать*. („Догмат. богос.” преосвящ. Макария III. 298).

Таковы наследники судебной власти епархиального архиерея, выставленные разными делителями этой власти.

Законные ли это наследники? Незаконные, ибо права их не основаны на Слове Божием и церковн. правилах, единственном законном основании в сих делах. Незаконные и потому, что сам собственник сих прав и по Божественному, и по каноническому, и по государственному праву всех веков, – епархиальный архиерей жив, и не может даже добровольно подарить этого права, не перестав быть православным архиереем.

5) Светский прокурорский надзор

В нынешнем духовном процессе, равно как и в старом светском, обвинительная власть не отделена от судебной. С применением к духовному суду основных начал нового процесса, необходимо отделение обвинительной власти от судебной.

Как отделить и где сосредоточить обвинительную власть при преобразовании духовных судов на началах нового процесса?

Была мысль, которой комитет духовно-судебной реформы сначала не разделял, но потом принял („Голос” 1872 № 29; „Бирж. вед.” 1872, 29 сент.; „Хр. чт.” 1872 дек.) – об учреждении при духовных судах прокурорского надзора, в виде особого института, из светских лиц. Эта мысль первоначально пущена в ход и принята так называемым большинством комитета, и затем усвоена и комитетом, т. е. меньшинством. С этою мыслью решительно невозможно согласиться. Функции, входящие по новым судебным уставам в состав обязанностей прокуроров, или несущественны и не необходимы, или же могут быть осуществлены в духовном суде не при помощи особого института светских прокуроров, а другими способами, и наконец квалификация церковных преступлений духовных и светских лиц гораздо доступнее духовному начальству, духовным лицам, чем светскому лицу, хотя бы и юристу.

Соображения, приводящие к такому заключению, суть следующие:

Самая важная входящая в состав прокурорской должности часть есть, конечно, обнаружение преступлений и преследование их пред судом. И эта-то важная обязанность в духовном суде может быть удобно исполнена без помощи особого прокурорского института. Основание к этому представляет самое существо дел, подлежащих духовному суду. Дела о проступках и преступлениях, подсудные духовному суду, такого рода и характера, при котором и в светских судах участие прокурорской деятельности или вовсе не допускается, или же если и допускается, то в очень слабой степени. Это – а) дела о проступках и преступлениях, возникающие из частных жалоб. В сих делах участие прокурора вовсе не может иметь места. Это – б) преступления и проступки по должности, при которых прокурорское участие всегда на втором плане, главнейшее же участие принадлежит начальству обвиняемого должностного лица. Самый обвинительный акт, в случаях предания суду должностных лиц, хотя составляется и прокурором, но не по его собственной инициативе, а почти только в качестве редактора. Ибо, по закону, начальство обвиняемого в преступлении по должности, прежде предания его суду обязано привести все предметы обвинения в такую ясность, чтобы постановление о предании суду заключало в себе все сведения, необходимые для составления прокурором обвинительного акта. В обвинительный акт, составляемый, по постановлению начальства обвиняемого о предании суду, включаются все существенные обстоятельства и доводы, приведенные в сем постановлении („Уст. угол. суд.” 1095, 1096). Очевидно, что деятельность прокурора в делах по преступлениям не имеет собственной инициативы и стоит на втором плане, за деятельностью начальства, которому подчинено предаваемое суду должностное лицо. Дела по преступлениям по должности направляются к начальству обвиняемого должностного лица, и им направляются к суду, при чем прокурор действует, если можно так сказать, в качестве делегата начальства, в качестве лица им уполномоченного, лица, которому оно передало все материалы дела и которое начальством уполномочено на основании сих материалов вести дело пред судом. Собственная сфера прокурорской деятельности – поддержание пред судом важных обвинений, представительство и блюстительство государственного закона. И этого-то основного мотива не существует в духовном суде. Преследование проступков и преступлений, вчиняемых духовным судом по частным жалобам и должно быть предоставлено всецело частным лицам. Преследование преступлений по должности должно принадлежать начальству обвиняемых должностных лиц. По сему к созиданию особой прокуратуры и к последовательному проведению сего института не представляется ни основания, ни нужды. Все преступные деяния, подсудные духовному суду, могут быть обнаруживаемы и преследуемы пред судом удобно и без особого прокурорского надзора, или частными лицами, когда нарушают права исключительно частных лиц, или начальством, когда в них заключается не только преступление по должности, но и нарушение достоинства духовного сана, или же нарушение церковного правила. Ибо на обязанности духовного начальства лежит надзор не только за правильными исполнением духовными лицами

их должностных обязанностей, но и за соблюдением достоинства их духовного сана, а равно и за исполнением всеми православными христианами церковных правил.

Наибольшая часть преступных деяний, подсудных духовному суду, принадлежит к категории преступных деяний, преследуемых вследствие начальственного надзора и возбуждения. В сих случаях, если совершено преступное деяние, обвинитель явится, и этим обвинителем будет духовное начальство, которое имеет существенный долг и обязанность не допускать нарушения церковных правил, допущенные же преследовать судом. И в этом своем праве духовное начальство, не должно быть стесняемо никаким еще внешним, посторонним надзором, оно здесь полный господин. Ему должна принадлежать ничем нестесняемая власть решать – преследуемо известное правонарушение пред судом, или нет. Преступления светских лиц против веры и соединенные с нарушением церковных правил должны быть преследуемы пред духовным судом таким же порядком, так как охранение веры и церковных правил есть существенная обязанность духовного начальства.

Что касается других функций прокурорской оффиции, то и для сих функций в духовном суде нет нужды в установлении особого прокурорского института. И а) в предложении предварительных заключений прокурор действует только в качестве эксперта. И должно желать не того, чтобы нужда в сем эксперте никогда не миновала, а того, чтобы судьи сами были подобными экспертами, чтобы суд мог обходиться без эксперта сего рода, руководствуясь единственно своим знанием, своею опытностью. Вообще должно заметить, что предварительное заключение не необходимая принадлежность суда и не имеет в процессе существенной важности. Гораздо лучше, гораздо желательнее, чтобы судьи сами знали закон лучше всех экспертов. И кроме сего должно заметить, что в этом отношении прокурор не руководит судом, как своею канцеляриею, что хотя он и действительно предлагает суду свое заключение, но уже в виду того, что прокурор представляется стороною, было бы даже несправедливо обязывать суд подчиняться его требованиям, и потому законодатель предоставил суду совершенно свободное обсуждение дела. Во всяком случае, едва ли может быть допущена и мысль, чтобы будущие духовные судьи, в этом своем качестве, оказались склонными нарушать, потому только, что не будет при них прокурора, формы и обряды судопроизводства и не сумели применять закона. С такими воззрениями на будущий персонал духовных судов и самая мысль реформы должна быть отклонена. К тому же нельзя не заметить, что возбуждая преследование, консистория в своем сообщении может указать и то деяние, которое совершено обвиняемым, и тот закон, который, по ее мнению, следует приложить к его проступку. Это указание будет гораздо вернее заключения прокурора, который, как не специалист в делах духовных, может легко ошибиться. б) Что касается принадлежащего по судебным уставам 1864 г. прокурорам надзора за судебными установлениями, то и сия часть прокурорской обязанности удобно может быть осуществляема иными способами. То, что в надзоре существенно, то, что в надзоре важно для суда, благодетельно для дела правосудия – осуществляется не общим прокурорским надзором, а другими способами, более действительными, и именно: а) надзором самого суда за самим собою; б) надзором высшего суда над низшим; в) протестом и апелляциею против судебных решений и г) при гласности судопроизводства, наидействительнейшим образом – самим обществом. При сих четырех видах надзора за духовными судами никакая часть прокурорского надзора не может уже остаться не осуществленною. В надзоре высшего суда за низшим, Св. синода за всеми епархиальными судами и духовными судьями, и епархиальных судов за духовными судьями, заключаются все средства для правильного надзора за точным и единообразным применением законов. Юрисдикция духовных судей, вообще не очень значительная, ограничивается еще тем, что окончательному их решению могут быть предоставлены лишь самые неважные дела, все остальные могут восходить в суд 2-й степени – епархиальный. Дела же вчиняемые в епархиальном суде все должны восходить до судебного отделения Св. синода. Конечно передвижение дел будет всецело зависеть от произвола частных лиц и духовного начальства, смотря потому, пожелают ли они подать жалобу или протест, или нет. Но из этого не следует, что неправильное толкование, или применение закона и вообще нарушение процессуальных правил в низшем суде будут оставаться в большинстве случаев и не замеченными, и без должных последствий для судей, допустивших эти нарушения. Из практики светских судебных учреждений скорее можно вывести обратное заключение: частные лица (обвиняемые, или вообще участвующие в деле) гораздо более склонны злоупотреблять правом жалобы, чем им не пользоваться; – где только можно по закону принести апелляцию, там,

наверное, она будет принесена всегда. Таким образом можно с уверенностью сказать, что правильное применение закона в духовных судах вполне обеспечено будет указанным движением дел по инстанциям. Но очевидно, что это только одна сторона надзора. Следует заметить, что нарушение закона в низшем суде должно не только быть исправлено в суде высшем, но и повлечь за собою известную ответственность для виновных в этом нарушении. Поводом к возбуждению этой деятельности суда над судом будет служить все тоже рассмотрение дела, вследствие апелляции или протеста. Далее, другим поводом к осуществлению того же надзора могут быть и заявления частных лиц (т. е. лиц духовного сана, принадлежащих к судебной корпорации) об известном им нарушении со стороны духовного судьи, или вообще суда. При строго организованном контроле суда за судом, судебный надзор установится сам собою, не нуждаясь в каких-либо посторонних вспомогательных органах, каковы будто бы должны быть непременно светские прокуроры.

Суд, наблюдающий за судом, по самому свойству своей деятельности, скорее чем всякий другой орган, усмотрит в чем именно проявляется опасная сторона действий низшего суда, и гораздо правильнее, чем кто-либо оценит относительную важность нарушения. Судебное отделение Св. синода, как высшее судебное место, значением своим вполне обеспечит бдительность этого надзора.

Указание на недостаток юридического образования и опытности у членов епархиальных судов, как на повод, вызывающий нужду учреждения при духовных судах лиц прокурорского надзора, которые своими сведениями и предварительными заключениями помогали бы в сем отношении суду, не представляется в настоящий раз имеющим твердость и обязывающим к тому, чтобы по сему поводу приступить теперь же к заключению о необходимости сих сторонних для суда экспертов-юристов. Мы не знаем еще каковы будут избраны духовные судьи. Быть может это будут люди высокого образования и глубокой практической опытности, при которых не потребуется помощи еще сторонней образованности и опытности. Конечно не худо, если к знанию трех присоединится еще знание и опытность четвертого; но всему есть свои пределы. К четырем можно пожелать еще пятого и т. д. Ставить же вопрос так, чтобы один (прокурор) имел знания и опытности более трех (членов суда) значит иметь радикальное недоверие к суду в его существе и принципе, и исключительное доверие к прокуратуре, также в ее существе и принципе. На практике могут быть и судьи весьма образованные и опытные и прокурор не вполне образованный и недостаточно опытный. Рассуждая с полным беспристрастием и основательностью, можно прийти рационально только к одному заключению, – что три лучше одного, но не наоборот. При заключении о необходимости содействия прокурора его знаниями и опытностью трем членам суда – поступается совершенно обратно и несомненно произвольно утверждается, что один лучше трех.... Нельзя не заметить здесь и того, что духовному суду нужнее канонические знания, а не юридические. Канонических же знаний естественнее ожидать от священника, а не от светского лица, хотя и юриста. Указание на неудовлетворительное состояние действующих по духовному ведомству законов и постановлений, отсутствие системы в них и неудободоступность их для изучения, ведет совсем не к тому заключению, которое из этого выводится. Если состояние церковных законов действительно таково, то это в одинаковой степени невыгодно и для судей, и для прокурора, и даже для последнего более невыгодно, чем для первых. Члены духовных судов, принадлежа сами к духовному званию, по необходимости изучают церковные законы из практики. Светские же юристы, которых имеется в виду сделать прокурорами при духовных судах, не могут иметь этой практикою приобретаемой опытности в делах, требующих знания канонического права.

Замечание о содействии прокуроров обер-прокурору Св. синода в осуществлении им надзора по духовному ведомству, не может также быть признано основанием к учреждению особого прокурорского при духовных судах института существенным. Ибо обер-прокурор, принадлежащие ему права надзора, может осуществлять и доселе осуществляет и без особого прокурорского института. Надзор за духовными судами будет, и будет вполне действительный, а для обер-прокурора будут все нужные средства знать о делах важнейших, производимых в духовных судах. Если чрез протест и не в каждом случае будет переноситься дело из епархиального суда в судебное отделение Св. синода, то несомненно, что обвиняемое лицо, по весьма естественному стремлению искать спасения до последней возможности, каждый раз обжалует приговор суда, и, следовательно, в результате все важные дела будут сосредоточиваться в судебном отделении Св. синода, как высшей судебной инстанции. Если же

таким образом, в этом центральном месте духовно-судебной деятельности, будут стекаться все важнейшие вопросы по делам, подведомым духовным судам, если все почти случаи неправильных решений, или ошибочного применения закона, будут подвергаться контролю и перевершению этого высшего судилища, то не может быть никаких опасений относительно достаточности того иерархически судебного надзора, который должен иметь место без особой прокуратуры. В подкрепление этой мысли можно указать на пример, теперь существующий: мировой съезд, состоящий из тех же участковых судей, имеет все средства зорко следить за деятельностью этих последних; без участия прокурора он, независимо от контроля апелляционного, осуществляет свой судебный надзор возбуждением дисциплинарных против судей производств.

И с учреждением новых духовно-судебных установлений не представляется для обер-прокурора Св. синода необходимости усугубить свой прежний надзор по духовному ведомству, в виду сосредоточения высшего надзора за судебными местами в судебном отделении Святейшего синода, к которому он близко поставлен. Тем не менее, принадлежащее и ему право надзора, обер-прокурор будет иметь полную возможность осуществлять без соответствующих низших органов прокуратуры, путем получения необходимых для этого данных из судебного отделения Святейшего синода и чрез секретарей консисторий.

Содействие прокуроров ведению гражданских исков по духовному ведомству, как одно из доказательств необходимости их, не обещает столь значительных для духовенства выгод, чтобы из-за этого обременять государственную казну ежегодным расходом в сотни тысяч. Ценные иски в духовных учреждениях не часты, и притом справедливость требует, чтобы пользующийся ценным имуществом сам нес и расходы на его ограждение пред судом, не относя этих расходов на других. Замена деятельности духовного начальства прокурорскою при рассмотрении следственных актов о священно-служителях и монашествующих, подлежащих уголовному суду с участием присяжных заседателей, как одна из причин учреждения прокуроров, не вызывается никакими соображениями, кроме произвольного предположения, что прокурор будет опытнее духовного начальства.

Должно заметить, что прокурорский светский надзор наследует епархиальному архиерею уже не в судебной власти, а в административной, замещает духовное светским уже в административной сфере. Таким образом архиерей вытесняется не только из судебной сферы, но и из административной. Дабы оценить, с полным беспристрастием, незаконность такого вытеснения и такого наследования, мы воспользуемся мнением двух мужей, в этом деле весьма беспристрастных и не об архиерее и не о канонах Церкви пекущихся. Один из сих мужей – столь известный нам г. Соколов. И он признает или, говоря безопаснее, признавал в 1870 году учреждение особого прокурорского надзора в епархиях и неправильным, и стеснительным, вредным. Опровергая неправильное мнение Сушкова, г. Соколов между прочим писал: „непонятно, каким образом г. Сушков, недовольный значением секретаря консистории, потому что он должен бы находиться в подчинении у епископа, а между тем непосредственно подчинен обер-прокурору Св. синода, *состоит как бы доверенным от него лицом при епархиальном управлении,* обязан обо всем доносить ему и назначается на должность его властью; каким образом, несмотря на все это, г. Сушков находит нужным учредить в каждой епархии должность *епархиального прокурора*, подчиненного *только одному* синодальному обер-прокурору, являющегося его представителем, *непосредственным поверенным при управлении* каждой епархии. Если уже роль секретаря, при значительной зависимости этих лиц от епископа, кажется автору вредною и подавляющею самостоятельность епархиального управления, то конечно нисколько не легче будет для него роль епархиального прокурора – лица без сомнения высшего по рангу и положению настоящих консисторских секретарей, являющегося в кругу епархиального управления непосредственным поверенным власти центральной. Если и при настоящем положении церковного управления централизация его едва ли может быть признана полезною для развития церковной жизни в поместных частях нашей обширной Церкви, едва ли сколько-нибудь поощряет местную и частную инициативу в общеполезных церковных предприятиях как духовенства, так и мирских членов Церкви, то очень сомнительно, чтобы широта и свобода церковного развития могла что-нибудь выиграть от того, что по всем епархиям нашей отечественной Церкви раскинется новая бюрократическая система поверенных, стянутая к одному высшему центру и находящаяся в полном распоряжении высшей и при том не церковной власти. Кажется было бы все-таки естественнее встретить у нашего автора мысль об учреждении

таких поверенных по епархиям от лица Св. синода, как высшей власти церковной, потому что это более согласовалось бы с характером и свойствами церковных должностей, даже в том виде, как представляет их г. Сушков. Но к удивлению, учреждение прокуроров – представителей центральной не церковной власти – он находит совершенно согласным с церковною практикой, по-видимому совершенно позабыв то, что сам говорил о церковных сановниках вообще, именно, что они избирались по совещанию епископа со своим советом и с представителями от местного духовенства и общества, и после утверждались архипастырским благословением в храме, что они сопричислялись к клиру и т. п. Что-нибудь одно из двух – или проектируемая *должность епархиального прокурора* есть церковная, и тогда она должна исходить от Церкви и подчиняться условиям, высказанным у самого автора, – или она не церковная должность, и тогда не следует основывать ее на древней церковной практике. Кажется ясно, что при указанных автором свойствах она не может быть церковнообщественною должностью и *повлечет за собою усиление в церковном управлении и жизни излишней централизации и бюрократии*, *несогласных с основными началами канонического порядка*". („Правосл. обозр." 1870, октябрь, 476, 477). Яснее этого о неправильности и вреде учреждения прокуроров в духовном ведомстве говорить трудно.

Ясны и признания другого мужа, который также находит учреждение особого светского прокурорского надзора в широких размерах неправильным, и допускает только в маленьких. Должно заметить, что муж, которого свидетельство мы сейчас приведем, допускает не епархиальные, а духовно-окружные суды и при них светский прокурорский надзор. „Признавая необходимость прокурорского надзора за правильным отправлением правосудия в духовных судах и право прокурора исполнять обязанности обвинения пред судом, говорит сей муж, я не нахожу сообразным ни с началами новых судеб. уставов, ни с законоположениями о епархиальном управлении и считаю неуместным прокурорский, сверх епископского, надзор за исполнением священно и церковно-служителями обязанностей их пастырской и церковной службы, за нравственностью духовенства и соблюдением монашествующими лицами их обетов; таковым же считаю и право прокурора возбуждать собственною властью дела о проступках духовенства простые и следственные и участвовать в постановлении духовного начальства о предании суду с голосом, приостанавливающим решение епархиального начальства по сему предмету до разрешения вопроса в высшей духовно-судебной инстанции. Подтверждаю это следующими доводами:

а) „Подобною властью не пользуются прокуроры гражданского ведомства по делам административных ведомств, а военные прокуроры вовсе не имеют права возбуждать дела о проступках, подлежащих военному суду на том основании, что надзор за служебною деятельностью вообще, в военном же ведомстве и за образом жизни военно-служащих, принадлежит административному начальству. Начальство обвиняемого должностного лица само приводит в надлежащую ясность предметы обвинения истребованием объяснения от обвиняемого, справками с делами, дознанием, а в нужных случаях и предварительным следствием чрез одного из своих чиновников и наконец постановлением о предании суду, которое, вместе с прочими свидетелями по делу, сообщается прокурору судебного места только для составления из него обвинительного акта и внесения дела в суд" („Уст. угол. судопр." ст. 1086 и 1095). Таким образом инициатива и все направление дела до вступления его в суд всегда принадлежат административному начальству, а не прокурору.

б) „Надзор за исполнением духовными лицами обязанностей по службе и образом их жизни не свойствен прокурорам духовно-судебных мест по своему предмету и не может им принадлежать по их званию. По исполнению общегражданских обязанностей духовные лица, наравне с прочими гражданами, подлежат полицейскому и общему прокурорскому надзору; правила же особого надзора за священно-церковнослужителями определяются обязанностями епархиального начальства в управлении подведомым ему духовенством („Уст. дух. конс." ст. 66-я), и потому надзор этот принадлежит только духовному начальству. Именно: духовное начальство, а не прокурор или кто-либо другой, обязано наблюдать, чтобы истины Православной церкви были исповедуемы и проповедуемы во всей ее чистоте („Уст. дух. конс." ст. 7 и 8); оно наблюдает, чтобы богослужение совершалось в церквах по церковному уставу, в установленное время и в должном порядке (там же ст. 33 и 34); оно наблюдает за благочинием в храмах и при крестных ходах (там же ст. 35–37), за имуществом и хозяйством церквей, за исполнением священно-церковнослужителями треб и ведением метрических записей (там же ст. 99–109); оно же надзирает за поведением каждого члена причта, заштатных священнослужителей и

монашествующих (там же ст. 94 и 95). При таком имеющемся уже, общем и особом, надзоре за духовными лицами, установление еще особенного за ними надзора чрез светских чиновников, под именем духовных прокуроров, по предметам, относящимся к кругу пастырских, церковных и нравственных обязанностей, показывало бы, что епископы или неспособны, или не желают, или не должны иметь надзор за службой и жизнью духовенства своей епархии. Но ни того, ни другого, ни третьего сказать нельзя. По канонам Церкви, надзор за службой духовных лиц и их жизнью есть одна из существенных и главных обязанностей *епископа,* как показывает самое его имя, и епископ имеет все средства для осуществления этого надзора, так как, кроме епархиальной консистории, у каждого епископа есть особые доверенные лица (благочинные над причтами и монастырями), чрез которых производится наблюдение в пределах епархии. С другой стороны, предоставлять надзор за пастырями Церкви и за прочими духовными лицами светскому чиновнику несообразно ни с его званием, как мирянина, который сам принадлежит к пасомым лицам, подлежащим пастырскому надзору, ни с достоинством пастырей и оскорбителен для архипастырей. Если светской власти вообще не предоставлено вмешиваться во внутренние дела Церкви, то нет места и надзору этой власти в сем отношении. Если государственным законом признано, что прокурорский надзор непосредственною властью не возбуждает никаких дел в административных ведомствах по делам службы; если этому надзору не подлежат проступки духовных лиц против особых должностей, значащихся в ст. 4-й „Устава духовных консисторий” и имеющих более внешний характер управления, то тем неуместнее надзор светского лица по делам Церкви внутренним: за проповедованием пастырями истин веры, правильностью в совершении таинств и богослужения и за нравственною жизнью духовенства. Такой надзор, если бы он был допущен, был бы епископством в епископстве, надзором высшим всякого епископского, именно чем-то в роде древнего митрополичьего надзора; потому что прокурор духовно-окружного суда имел бы власть над духовенством нескольких епархий, входящих в состав духовно-судебного округа, тогда как власть епископа ограничивается пределами одной епархии. Для законченности мысли о широте в духовном ведомстве прокурорского надзора, не достает только того, чтобы прокурор судебного отделения Св. синода непосредственно собственною властью возбуждал в суде дела и назначал следствия по проступкам лиц архиерейского сана, мимо ведома и распоряжения Св. синода. Но если признается неудобным восстановлять ныне древний митрополичий надзор, узаконенный канонами Вселенских соборов, то было бы ни с чем несообразно подчинять духовенство нескольких епархий надзору светского чиновника, в прямое противоречие всем канонам и обычаям Вселенской церкви. Если ныне действующими правилами Церкви не допускается непосредственное вмешательство одного из старейших иерархов в дела чужой епархии, то тем более не может быть допущено подобное вмешательство мирянина и притом лица невысоко поставленного».

Мы вполне согласны с почтенным мужем, что учреждение светского прокурорского надзора в духовном ведомстве неправильно и несообразно с церковными канонами, что оно обидно и стеснительно для епарх. архиерея, что оно несообразно ни со званием светского чиновника, ни с достоинством пастырей и оскорбительно для архипастырей, что это есть епископство в епископстве и даже выше всякого епископства, что ни с чем несообразно подчинять духовенство нескольких епархий надзору светского чиновника в прямое противоречие всем канонам и обычаям Вселенской церкви, и что если вмешательства одного из старейших иерархов в дела чужой епархии правилами Церкви не допускается, то тем более не может быть допущено подобное вмешательство мирянина. Все это истинно, любезно, прекрасно. Но при этом мы не можем не заметить почтенному мужу его непоследовательности. В допущении светского чиновника надзирать за пресвитерами и прочими клириками он видит неправильное вмешательство в дела чужого ведомства, чужой епархии, а в допущении пресвитеру киевской епархии судить пресвитеров же подчиненных архиереям черниговскому, полтавскому, волынскому такого вмешательства в дела чужой епархии он не усматривает. Вмешательство старейшего иерарха в дела чужой епархии, по его свидетельству, не допускается правилами Церкви, а вмешательство безъепархиального архиерея-председателя духовно- окружного суда он допускает и, след., признает согласным с правилами. Прокурор „светский чиновник и притом не высоко поставленный» в духовно-окружном суде допускается, а в епархию, к иерею – не смей. Почтенный муж, при некотором серьезном размышлении о деле, кажется должен бы прийти к убеждению, что одного архиерея обирать не наказанно нельзя, и что учиненное с архиереем придет силою вещей и логикою событий и к иерею. Почтенный муж теперь плачет, что

на иерея сядет светский чиновник и притом невысоко поставленный, который, следовательно, принизит и иерея; но он радуется, что над архиереем станет иерей в судебных делах, и не усматривает что, при превращении всего вверх дном так и должно быть: над архиереем – иерей, над иереем – светский маленький чиновник. Почтенный муж забыл пословицу: снявши голову по волосам не плачут.

В заключение мы находим нужным сделать одну историческую заметку об учреждении прокуроров в духовном ведомстве. Мысль эта не сегодня явилась на свет. Она была уже у известного синодского обер-прокурора (1803 г.) Яковлева (Сравн. о нем в „Русск. старине", воспомин. Т. Пассек). В записках своих Яковлев пишет: „имел я счастье представить Государю Императору доклад о необходимости учредить в консисториях прокуроров, доказав, что суждение епархиальных архиереев в консистории не ограничено, самовластно... Но все сие по происках членов осталось у Государя без действия, хотя в подкрепление помянутого доклада и подносил я при оном некоторые важные прежних Государей указы, коими неоднократно наказан был Синод за его обманы, и наистрожайше подтверждено ему быть правосуднее *и уважать обер-прокурора*". Митрополит Платон называет Яковлева: *homo imbutus novis principiis.*

Мысль о светских прокурорах в епархиях явилась за 70 лет до настоящего времени.

Если представленные соображения имеют, как надеемся, достаточную силу к убеждению в излишестве и даже в радикальной неправильности учреждения при духовных судах особого светского прокурорского надзора, то из сего вытекает заключение, что обвинительная власть должна быть сосредоточена в существующих уже учреждениях духовного ведомства. Но в каких именно?

Г. Соколов и комитет духовно-судебной реформы в первом периоде его деятельности („Голос" 1872 № 29; „Спб. вед." 1872, окт.; „Бирж. вед." 1872, 29 сент. № 264), облекали обвинительною властью епархиального архиерея. Г. Соколов рассуждал: „высшей епархиальной власти (т. е. епарх. архиерею) могли бы быть предоставлены все те права и обязанности, которые по судебным уставам входят в круг деятельности прокурорского надзора, т. е. возбуждение преследования против нарушителей обязанностей по должности, наблюдение чрез особых органов епархиальной прокуратуры за производством предварительных следствий, публичное обвинение чрез них же во время судебного следствия, право *апелляционных и кассационных отзывов* (??!) и наблюдение за исполнением решений... Кроме сего право судебного управления, как непростирающееся на существо судебной деятельности, могло бы быть предоставлено *архиерею*, *как главному прокурору в пределах его епархии*, под контролем Св. синода» („Прав. обозр." 1871, март 344).

В старом комитетском проекте была развита та же самая мысль. По тому проекту отношение епархиального архиерея к епархиальному суду было вообще формулировано следующим образом: епархиальному архиерею принадлежит право предания суду, обвинения пред судом, утверждения или не утверждения судебного приговора с обязанностью в последнем случае переносить дело в судебное отделение Св. синода; – архиерею же принадлежала обвинительная власть и в суде духовных судей. В частности, епарх. архиерей может предписать духовному судье, исправляющему должность следователя, начать предварительное следствие, может присутствовать при всех следственных действиях, представлять доказательства и отводить свидетелей. К нему должно быть представлено оконченное предварительное следствие, по рассмотрении которого он или прекращает дело своею властью, или предает суду, предлагая ему обвинительный акт. В исполнении обязанностей обвинения пред судом архиерей действует чрез уполномоченные им лица. По окончании суда ему представляется копия приговора для утверждения, или в случае не утверждения, для переноса дела в судебное отделение Св. синода.

Общая и основная мысль г. Соколова и комитета об излишестве и неправильности учреждения особого прокурорского института при духовных судах в епархиях, не может подлежать спору или сомнению. Но облечение архиерея прокурорскою властью вместо и взамен судебной несообразно ни с основными церковными принципами и канонами, ни с достоинством архиерейского сана. Архиерей и обвинитель и единственно обвинитель и притом обвинитель пред подчиненными ему пресвитерами, – два понятия совершенно несовместимые. Во всех церковных источниках архиерей судья, а не обвинитель. Что не обвинитель – эта мысль уже у Апостола Павла довольно ясна. *Обвинения* (*κατηγορίαν*) *на пресвитера не принимай.* Архиерей принимает, рассматривает и обсуждает обвинение, а не сам обвиняет пред каким-либо судом.

При невозможности облечь архиерея обвинительною властью, каким образом можно было бы иначе организовать эту власть? Представляется вполне возможным и достаточным, если возбуждение дел, распоряжения по розысканию преступных деяний и преследованию виновных и поддержание обвинения на суде будет относиться к обязанностям духовных консисторий и благочинных в епархиях и к обязанностям Св. правительствующего синода, по делам подсудным судебному отделению Св. синода, разумеется за исключением дел, вчиняемых не иначе, как по жалобам частных лиц и оканчиваемых примирением. Таким образом: 1) по делам, подведомым духовным судьям, обличение обвиняемых пред судом должно быть предоставлено потерпевшим от преступных действий частным лицам, а также благочинным (срав. „Уст. угол. суд.” 3); 2) по делам, подсудным епархиальным судам и судебному отделению Св. синода, обнаружение преступного деяния и предание суду принадлежит дух. консисториям и Св. синоду: поддержание же обвинения на суде исполняется консисториею чрез ее секретаря, а Св. синодом при содействии обер-прокурора; 3) сим последним, т. е. секретарю консистории и обер-прокурору принадлежит и право протеста против судебных приговоров. Возложение консисториею на секретаря обязанности поддержания на суде обвинения и права протеста против судебного приговора вызывается тем соображением, что неудобно было бы члену консистории пользоваться правом протеста против судебного приговора, постановленного под председательством архиерея. Секретарь же консистории находится под непосредственным начальством обер-прокурора и к нему может, когда признает нужным, обращать свои протесты для предложения судебному отделению Св. синода.

Такова возможная организация обвинительной власти.

VI. КРУПИЦЫ, ОСТАВЛЯЕМЫЕ ЕПАРХІАЛЬНОМУ ЕПИСКОПУ

Никто из адвокатов, ведущих дело против судебной власти епархиального архиерея, не хотел обрать его дочистà, но каждый из милости оставлял ему какую-нибудь лепту. Милосердые оставляли ему более; не столь сострадательные менее, руководствуясь не какими-нибудь каноническими соображениями и основаниями, а единственно побуждениями своего сердца и доброю волею; так как при внимании к каноническим основаниям невозможен был бы и самый дележ. Когда оставлено в стороне Слово Божие, брошены каноны, то открылся полный простор проявлению милосердых и сострадательных чувств и благоволительного произволения различных делителей.

Получающий милостыню явился в положении совершенно страдательном. Ему подавали кто сколько хотел. Бывало даже и так, что подают ему медную монету и уверяют, что это настоящее золото. Г. Соколов напр. подает епарх. архиерею прокурорский надзор, но при этом приговаривает, что это важная судебная функция, и что вследствие сего не следует епархиальному архиерею печалиться. Бывало и так, что иной делитель и ничего не подаст, а на словах уверяет: ты поручил независимым от тебя лицам и сам ничего не делаешь и не можешь делать, однако же все имеешь.

В особенности щедры делители на словесные утешения архиерею. Все делается для его блага; и потому если он и лишается судебной власти, не должен печалиться. В усердии по этому направлению доходят даже до того, что уверяют, будто все делается даже по желанию и по просьбе самих архиереев. „Отделение в лице епархиального архиерея судебной власти от административной делается в интересах самих епархиальных архиереев, и без того обремененных существенными для их сана заботами церковного учительства и пастырства. Оставить по-прежнему в руках епархиальных архиереев и управление, и суд, значило бы не сделать *ничего особенно важного* в пользу духовного правосудия, оказаться равнодушным к тем жалобам, которые высказывают сами наши архипастыри, тяготясь именно разбирательством больших, сложных и запутанных судебных дел. Обратить особенное и преимущественное внимание епископа на производство суда, в ущерб другим высшим его занятиям, как к сожалению было это до сих пор, несправедливо и незаконно; ибо дела церковного управления, учительства и пастырства, в достижении Церковью своих целей, почитаются настолько важнее, выше и существеннее дел духовного суда, насколько преподание учения, совершение благодатных действий; духовно-нравственный надзор кажутся сами по себе выше, важнее и существеннее, чем исследование, рассмотрение и оценка преступлений. Поэтому насколько вообще необходимо и неизбежно самому епископу заниматься первым, чтобы все в них было согласно с началами веры и Церкви, настолько совершенно возможно и желательно освободить его от занятия последними, тем более, когда в этом освобождении не заключается ничего предосудительного и обидного для архиерейского сана»... „Устройство центра судебной власти вне пределов какой бы то ни было епархии и вне подавляющих влияний какого бы то ни было епархиального епископа, будет не в противоречии с коренными началами и свойствами епархиального управления. От этого устройства не пострадают: ни существо епископской власти, ни отношения, в каких по канонам должны стоять клирики к своему епископу, ни существо взаимных отношений одного еппскопа к другому. От того, что суд будет производиться по началам независимости от епархиального архиерея, последний отнюдь ничего не утратит из своей административной и архипастырской власти; он, а не кто-либо другой, будет управлять подчиненною ему епархиею, поставлять клириков, разбирать дела, относящиеся до внутреннего благоустройства... Неуместны опасения на счет нарушения подчиненных отношений клириков к епископу, и начальственных еппскопа к клирикам; последние всецело останутся под властью своего епископа, так что они не в состоянии будут совершать что-либо без ведома и воли своего епископа. Не пострадают и отношения одного епископа к другому в том смысле, чтобы стеснились права и самостоятельность какой-либо епархии, и один епископ самовольно и не по праву стал вмешиваться в дела и пределы управления другого”.

„Мы то именно и *восстановляем архиерейскую власть,* очищая ее от исторических наростов произвола, бюрократии и деспотизма; мы то именно и отстаиваем первобытный авторитет соборов, представляя их законными органами суда Церкви, а не власть отдельных епископов к ниспровержению важности всех; мы то именно и стараемся поставить наш православный клир,

или духовенство в приличное служителям Церкви положение и возвратить им надлежащие права и значение, оградив их от самовольных и бессудных действий начальства». („Биржев. ведом.” 1872 № 210).

Оказывается из слов сострадательных утешителей, что не только не нужно печалиться епархиальному епископу, в следствие отнятия у него судебной власти, но должно радоваться: все делается для его блага, по его желанию, и он не только ничего не теряет, но приобретает: хотя и без сапог, однако в башмаках.

Горькие, неискренние утешения! Жестокие, бессмысленные и непозволительные насмешки над всем священным, начиная со здравого смысла людей, до Слова Божия, канонов и векового учения Православной церкви! Чтó, кроме тупого, безотчетного озлобления против епископа могло быть источником подобных фарисейских и, скажем не обинуяся, бессмысленных, злых утешений? В излиянии своих сострадательных и утешающих речей, утешители самому епархиальному епископу навязывают желания и намерения, каких он никогда не имел и иметь не может, помня свою архиерейскую грамоту, свое архиерейское обещание и не переставая быть православным архиереем. Утешители забывают, что архиерей, выражающий желание быть освобожденным от судебной власти, вместе с этим должен получить освобождение и от административной, и пребыть на полном покое: ибо *епископу, яко единожды приявшему на себя священноначальственное попечение*, *подобает удерживати оное с духовною крепостью, как бы вооружатися на труды, и охотно переносити пот обещающий воздаяние* (III Всел. соб. послан.).

Дабы яснее и нагляднее видеть и щедрость различных делителей к архиерею, и оставляемые ему крупицы, мы представим это в таблице:

Опись нынешнему церковно-судебному имуществу епархиального архиерея.	Наименование делителей.	Виды прав, за разделом, уступаемых епархиальному архиерею.		
Ныне епархиальный архиерей имеет власть в качестве судьи налагать следующие наказания. А. *Единолично и безапелляционно* на духовные лица: епитимию до 2 недель с прохождением оной на месте, или в архиерейском доме. Б. *По формальному суду чрез консисторию:* 1) Лишение священнослужителей сана, а монашествующих сана и монашества, с исключением из дух. ведомства. 2) Лишение священнослужителей сана с оставлением в дух. ведомстве на низших должностях, и лишение священномонашествующих сана с оставлением в одном монашестве на покаянии. 3) Временное запрещение в священнослужении с отрешением от должности	Г.Соколов.	Власть судебная.	Право административнонаказания.	Власть обвинительная, без судапрокурорская. налагать

и с определением в причетники. 4) Временное запрещение в священнослужении с отрешением от места, но с возложением епитимии. 5) Временное испытание в архиерейском доме, или монастырях; 6) Отрешение от места; 7) Исключение за штат; 8) Усугубление надзора; 9) Пеня и денежное взыскание; 10) Поклоны; 11) Строгий, или простой выговор; 12) Замечание. В. *На монашествующих сверх вышеуказанных:* взыскания, определенные св. Василием Вел., в Кормчей книге, в Номоканоне и в Дух. регламенте. Г. В отношении к мирянам и клирикам по формальному же суду полагает: 1) Уничтожение незаконного брака; 2) Расторжение брака по законным причинам; 3) Осуждение на всегдашнее безбрачие; 4) Епитимию с отлучением от Св. причастия на определенное церковными правилами время. Д. Епархиальный архиерей с консисториею судебным порядком разрешает споры, возникающие между духовными лицами из пользования движимою и недвижимою церковною собственностью.

Никакой.

Не должноМожно допускать нипредоставить малейшего права изъятия изпрокурорского общего правила,надзора, а также чтобы наказанияправо судебного налагаемы былиуправления, как только по суду.главному Посему непрокурору в его должно епархии под оставлять вконтролем Св. распоряжении синода. епарх. архиерея

Наблюдение за всеисполнением судебных приговоров.

	даже наказаний, предоставленных ему 165 статьею уст. д. консисторий.			
1-й Комитетский проект.	Никакой.	Может налагать без суда: 1) замечание, 2) выговор без внесения в послужной список; 3) временное испытание в архиерейском доме, или монастыре до 2 недель; и 4) церковное покаяние. Административно разрешает споры между духовными лицами, возникающие из пользования церковною собственностью, если нет письменного акта.	Право предания суду, обвинения пред судом чрезуполномоченные влица, и право утверждения или неутверждения судебного приговора с обязательным перенесением дела в последнем случае в суд. отд. Св. синода.	Исполняет приговоры духовных светских судо При исполнен приговоров духовных судов, е. епархиально спресвитерского суда и духовно судьи-пресвитера состоит п наблюдением может требова содействия полиции, недоразумениях спрашивает су постановивший приговор и исполнении доводит сведения суд При исполнен приговоров светских судов: В делах незаконных брачных сопряжениях, согласно приговором светского су признает брак действительным. 2. Административн порядком расторгает брак, случае осужден одного супруга наказанию, соединенному лишением во прав состояния. Исполняет приговор светско суда расторжении бра в случ безвестного

				отсутствия одно супруга. Увещавает супругов, ищущ развода неспособности и прелюбодеянию, чтобы оставали в брачном союзе в случ безуспешности исполняет приговор, светского суда расторжении. Выдает метрические свидетельства. Делает *распоряжение* предании церковному покаянию.
Проект так называемого большинства.	В качестве суда 2 инстанции решает переходящие к нему ревизионным, или апелляционным порядком дела о проступках, которые в законее. определено: 1) Денежное взыскание свыше 5 рублей. 2) Временное запрещение богослужения от 2 недель до 2 месяцев. 3) Временное испытание в архиерейском доме от 7 дней до 2 месяцев. Получает от духовного судьи донесения о делах, решенных им окончательно.	Административным порядком налагается на виновных взыскания опущения по службе и маловажные проступки применительно к 165 ст. уст. конс. епитимию до 2 недель прохождением архиерейском доме, или на месте.	Право надзора за духовными судьями в заепархии. Распоряжение о запроизводстве предвар. следствия по проступкам т. против духовн. 2 службы. Право спредания суду и впрекращения дела. Право напропуска к исполнению или переноса в духовно-окружной суд по делам, влекущим: 1) запрещение богослужения или 2) испытание в архиерейском доме свыше 2 и до 3 месяцев, 3) посылку в монастырь от 7 дней до 3 месяцев; 4) перемещение из одного прихода в	Не обозначено.

			другой и 5) удаление от должности.	
2-й Комитетский проект.	Никакой.	Может налагать без суда: 1) замечание, 2) выговор без внесения в послужной список; 3) временное испытание в архиерейском доме до 2 недель; 4) церковное покаяние. Административно разрешает споры между духовными лицами, возникающие из пользования движимою и недвижимою церковною собственностью, если нет письменного акта.	Может приносить протест на неокончательный приговор духовного судьи. Может сообщить дух. судье о производстве предварит. следствия, и получает от него сообщение о всяком следствии, начатом не по его сообщению. Утверждает обвинительный акт прокурора, или заменяет его своим постановлением, или прекращает дело.	Исполняет приговоры дух. светских судо При исполнен приговоров ду судов, т. е. ду окружного суда духовного суд состоит п наблюдением суд судьи-пресвитера прокурора, мож требовать содействия полиции, недоразумениях спрашивает суд об исполнен доводит до е сведения. П исполнении приговоров светских судов: Согласно приговором светского су признает незаконное брачное сопряжение действительным. 2. Административн порядком расторгает брак случае осужден одного супруга наказанию, соединенному лишением во прав состояния. Исполняет приговор светско суда расторжении бра в случ безвестного отсутствия одно супруга. Увещевает супругов, ищущ развода неспособности и

прелюбодеянию, в случ безуспешности исполняет приговор светск суда расторжении. Выдает метрические свидѣтельства. Делает *распоряжение* предании церковному покаянию.

Рассмотрение таблицы вполне удостоверяем, что оставляемое епархиальному архиерею после раздела есть именно не более, как крупицы. Собственно судебной власти и крупицу-то оставляет один проект большинства. Ни проект г. Соколова, ни оба комитетские проекта судебной власти не дают епарх. архиерею решительно никакой. Право наложения некоторых взысканий административным порядком, без суда, оба комитетские проекта и проект т. н. большинства, предоставляют почти в одинаковых размерах, исключая того, что проект большинства не упоминает о наложении архиереем епитимии. Но г. Соколов решительно противится этому и не хочет наградить архиерея опасным правом – сделать диакону или причетнику замечание: для этого, говорит, есть суд. Обвинительную власть все уступают архиерею, только не в одинаковых размерах. Г. Соколов и 1-й комитетский проект, уступают ему всю эту власть, производя его в чин *главного прокурора в епархии*, как выражается г. Соколов. Проект большинства и 2-й комитетский значительно обрезывают эту власть у епарх. архиерея и делят ее между ним и прокурором, львиную часть разумеется предоставляя прокурору со товарищи. Более всего не были скупы раздаятели на облечение епархиального архиерея важным *правом исполнения судебных приговоров* [44]. Чего не исполнит сам дух. судья или епархиальный и окружной суд, то должен исполнить епархиальный архиерей. Ему предоставлена власть обращаться для этого к содействию полиции и в совершении исполнения состоять под надзором дух. судьи пресвитера, окружного суда и прокурора; в случае недоразумения обращаться к суду за разрешением, напр. в случае неясно написанного в приговоре дух. судьи обозначения срока, на какой он присудил подсудимого к содержанию в архиерейском доме. Об исполнении он имеет обязанность доводить до сведения суда, т. е. и духовного судьи пресвитера. Канонический епископ обладатель всей судебной власти в епархии, без воли которого пресвитеры, по правилам, ничего не могут делать, превращается в скромного исполнителя приговоров судьи пресвитера его епархии, и без воли пресвитера ничего судебного не может делать!!! Это даже уже и не протопресвитер (каким был епископ у г. Барсова в 1870 г. „Хрис. чт.” сент. 494), а просто ипопресвитер, не *архи*ерей, а *ипо*ерей.

VII. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ЗАМЕЧАНИЯ

Окончив рассмотрение теорий, выставленных для оправдания предположения об отнятии судебной власти у епархиального архиерея, проектов раздела отнимаемой власти и прав разных наследников этой власти, мы представим еще несколько общих соображений, имеющих по нашему мнению важность в сем вопросе, но не получивших еще себе места в исследовании.

1. В начале книги читатель видел целый сонм свидетелей непререкаемой важности о том, что судебная власть в Церкви принадлежит епископу епархии – Слово Божие, правила Апостольские и соборные, догматико-символические книги, догматические писания и проч., и проч., и проч. Предположим, что судебная власть будет отнята у епарх. архиерея и суд будет устроен без его участия окружной, или епархиальный. Что мы будем делать с приведенными свидетелями? Как поступим в этом случае? Как, напр., быть с употребляемыми у нас догматическими книгами, в которых столь ясно говорится, что клирики и миряне суду своего епископа подлежат, и по которым мы учим юношество? Оставить так, как есть? Но тогда слово с делом, одна часть церковного здания с другой, разойдется у нас на такое расстояние, которое будет угрожать падением самому зданию: фундамент одной части здания будет на камне, а другой на песке; окажется, что в догматиках мы учим одному, а на деле творим другое. Переправить? Конечно это самое удобное дело; но также не совсем безопасное: прежде всего нужно перепортить много книг, а затем и после переправки найдутся люди, имеющие не короткую память, которые будут спрашивать учащую церковную власть: почему нас прежде учили, что клирики и миряне подлежат суду своего епископа, а теперь учат, что не подлежат, и когда ошибались, прежде или теперь? Самое дело такой неправы не легкое. Нужно будет в догматических книгах переправить не одну, а многие основные истины, а именно: 1) о том, что каждая частная Церковь подчинена только своему епископу, и что никакой другой епископ не может вмешиваться в дела епархии ему не подчиненной; что правильный, канонический судья в епархии есть ее епископ; 3) что пресвитер без воли своего епископа ничего не может делать и никакпм образом не может быть поставлен в положение независимости от него; 4) что епископ никаким образом не может быть поставлен в положение зависимости от своего пресвитера и т. д. и т. д. И переправлять это будет нужно во многих книгах, куда вошло учение Православной церкви. В „Руководстве к догматическому богословию» поправить, конечно, можно. Но как выправить в „Патриарших грамотах”, в „Книге Правил?» Как выправить в 1-м послании Ап. Павла к Тимофею? Что же делать с Правилами и со Словом Божиим, если их переправить нельзя? Найти таких толковников, которые станут утверждать, что *да* есть *нет*, а *нет* есть *да*, конечно, можно; но едва ли много найдется верующих таким толковникам, так как они и сами себе не верят, как показал публичный, печатный опыт, и, пожалуй, сегодня протолкуют так, а завтра опять иначе, по-прежнему, повинуясь иному ветру. Что же делать?... И зачем, для кого Св. синод печатает теперь упраздняемую „Книгу Правил” в числе 16.000 экземпляров?

2. Кто сличит предложенные сторонниками отделения судебной власти от архиерея планы раздела и подложенные под них теории с подлинными свидетельствами Слова Божия, с подлинными церковными правилами и с подлинными же толкованиями на них, тот непременно придет к следующим заключениям: 1) они имеют сильное и непреодолимое намерение отнять у епархиального архиерея принадлежащую ему судебную власть; но 2) утвердить свое предприятие на твердом основании, т. е. на Слове Божием и правилах не могут, несмотря ни на какие усилия и 3) однако же расстаться с этим основанием, т. е. со Словом Божиим и правилами не хотят. Отсюда ряд попыток, одна другой неудачнее, одна другой курьезнее, направленных к тому, чтобы всеми неправдами дать хоть для кого-нибудь убедительное доказательство, будто новые затеи Слову Божию и правилам не противоречат. Тем самым, лучшим средством, выйти из затруднения, которое заключается в прямом объявлении необязательности указаний Слова Божия и церковных правил для прогрессивных предприятий нашего века, сторонники воспользоваться не хотят; и тем себя яснейшим образом изобличают, что вне твердой почвы Слова Божия и церковных правил не может быть для православного христианина учреждения, которое он признал бы духу Православной церкви не противным, и что, в виду сего, если нельзя доказать по истине согласие затеи со Словом Божиим и правилами, то нужно доказывать хотя для виду. По этим-то соображениям защитники отделения судебной власти от архиерея предпочитают быть в положении очевидно ложном и комическом, и не хотят прямо объявить, что

Слово Божие и правила не имеют обязательной силы. Между тем от такого провозглашения произошло бы то выгодное следствие, что никто не оставался бы в заблуждении касательно смысла и существа затеваемой реформы.

3. Неусыпно заботящиеся об отнятии судебной власти у епарх. архиерея вероятно более всего стремятся к уничтожению мнимых злоупотреблений, о которых так много писано в пресловутых книжках о приходском духовенстве, и о белом и черном духовенстве. Но меры проектируют подобные тому, как если бы кто задумал, по случаю положим злоупотреблений судов тульской губернии отвести эти суды во владимирскую. Но скажут: много жалоб на архиереев. Как должно смотреть на эти жалобы? Если взять в рассмотрение количество жалоб на нынешние преобразованные суды, которыми завалена каждая высшая инстанция, и которыми переполнен кассационный сенат, и умозаключать по примеру требующих отнятия судебной власти у архиереев, то нужно немедленно закрыть все новые суды; потому что дела, оканчивающиеся в одной инстанции редки, а апелляции и жалобы беспрерывны. Жаловаться, когда дано право, или когда даже и не дано его, так естественно, что все законодательства предполагают это как необходимое, и на основании жалоб никогда не приходили к мысли об уничтожении учреждений, на которые жалуются. Церковь учит нас, как должно правильно смотреть на эти жалобы. В 16 прав. Карф. собора говорится: „аще от каких бы то ни было судей церковных судное дело пренесено будет к другим судиям церковным, имеющим высшую власть: *да не будет никакого нарекания тем, коих приговор отменен будет,* аще не могут быти обличены, яко или по вражде, или по пристрастию осудили, или неким угождением прельщены были”. Таков правильный взгляд на жалобы.

4. Достойно внимания во всем этом процессе по делу отнятия судебной власти у епископа, то обстоятельство, что претензия предъявляется только от имени и в пользу одного разряда членов Церкви; на мнения же и желания прочих разрядов православных христиан не обращается ни малейшего внимания. Требуют архиерейской судебной власти от имени пресвитеров и для пресвитеров: в окружном суде пресвитеры, в епархии пресвитер. Ни один из пресвитерских адвокатов не обратил внимания на то, что Церковь состоит не из одних епископов, у которых хотят взять, и не из одних пресвитеров белого духовенства, которые хотят взять себе судебную власть. Кроме белых пресвитеров к клиру принадлежат диаконы и причетники, к духовному состоянию принадлежат еще монашествующие, – Церковь составляют и церковному суду подсудны кроме клириков и монашествующих и все православные миряне. Если пресвитерские адвокаты находят, что только их клиенту и должно быть передано судебное наследство епископа, то диаконы и причетники, монашествующие и все миряне также найдут адвокатов, которые будут доказывать, что для них (им же число миллионы), помимо канонической неправильности, упразднение судебной власти епископа и передача ее пресвитерам и вредны и нежелательны: ибо судиться у высшего лица и высшим судом всякому желать естественно: высший суд имеет более авторитета и убедительности. Не обратить внимания ни на кого, кроме пресвитеров, при правильном разрешении вопроса, невозможно. Утверждать же, яко бы интересы (все дело на интересах, а не на канонах) монашествующих, диаконов, причетников и мирян тождественны с пресвитерскими, едва ли будет хоть один пресвитерский адвокат. Мы имеем несокрушимое убеждение даже в том, что и из пресвитеров претензию на судебную власть архиерея питают только мечтающие получить ее и быть судьями, и совершенно не имеют ее судимые, или получить ее нечающие. Для судимых архиерейский суд и выгоднее и убедительнее, чем пресвитерский. Мы уверены, что диакон, или причетник, призванные к совещанию об этом предмете, не подадут голоса вместе с пресвитерами, желающими себе судейской власти от архиерея, и напротив будут крепко стоятъ за сохранение судебной власти епархиального архиерея, и будем защищать эту уверенность самыми твердыми доводами, если кто захочет противоречить. Равным образом монашествующие лица и миряне, если бы предложен им был выбор, без малейшего сомнения, предпочтут суд архиерея суду белого иерея. Таким образом этот внешний материальный признак большинство (громаднейшее) решительно против новых затей и в пользу канонического порядка.

5. Раздельный акт архиерейского судебного имущества, учиненный между наследниками, показывает, что полюбовное соглашение между ними устроилось на основаниях для некоторых из них весьма невыгодных. Некоторые из наследников приобрели свою долю ценою важных уступок, столь важных, что они важнее их приобретения. В чистом положительном и значительном выигрыше только два наследника – светский суд и светский прокурорский надзор.

Они, не делая со своей стороны не малейшей уступки, приобретают: 1) всю ныне принадлежащую архиерею судебную власть над мирянами, т. е. над 53 слишком миллионами православных христиан. Они приобретают 2) судебную власть над духовными лицами по делам брачным, во всех их видах. Приобретают 3) обвинительную власть по остающимся в духовном суде делам о служебных и нравственных преступлениях клириков и монашествующих. Приобретение необыкновенно значительное, которое уже и заслужило полное одобрение „Журнала гражданского и торгового права» (1872, 3, 4) и, конечно, заслужит одобрение и г. Стасюлевича (сравн. „Вестник Европы» 1873, май, внутр. обозр). Выигрыш чистый и при том, по учению г. Стасюлевича, сближающий нас с Европою. Не таков выигрыш другого наследника – пресвитерства. Правда и оно приобретает из наследства довольно значительную часть – судебную епископскую власть по остающимся в духовном суде делам о служебных и нравственных преступлениях клириков. Но вместе с тем, с передачею всей судебной власти о мирянах светскому суду, с подчинением клириков светскому же суду по брачным делам и светскому прокурорскому надзору по всем делам о проступках и преступлениях – пресвитерство теряет все ныне ему принадлежащие права на участие в производстве всех этих дел и само подчиняется светскому суду и светскому прокурорскому надзору. Ныне оно участвует в производстве брачных дел и других судебных дел о мирянах, и чрез это может иметь значительное нравственное влияние на паству; когда сделка вступит в законную силу, все это будет утрачено. Ныне по брачным делам пресвитерство и все духовенство судится духовным судом; когда состоится сделка, не будет и этого, а станет вместо духовного суда светский. Ныне неподчинено пресвитерство и прочее духовенство особому светскому прокурорскому надзору; когда состоится сделка, будет и это: прокурор – светский юрист будет надзирать (*ἐπισκοπεῖν*) за тем напр., не ходит ли пресвитер в корчемницу, или на охоту, в театр, не играет ли в карты, совершает ли Божественную службу, во всем согласно церковному уставу и т. д. и, если усмотрит что-либо противное церковному уставу, или церковным правилам, содержащимся в „Книге Правил» и в „Книге кормчей», будет обвинять перед духовно-окружным судом!!! – Равняется ли выигрыш уступке, приобретение – потере? Для кого выгодна затеваемая сделка наследников?... Одно ясно из этой сделки, именно то, что те пресвитеры, которые добиваются себе судебной архиерейской власти, не жалеют за это никакой цены, готовы отдать все церковное, только бы приобрести себе хоть бы малую частицу судебной власти и эманципироваться от архиерея, хоть бы приобрести, напр., для себя судебную власть над одними благочинными, отдав все прочее и всех прочих светскому суду.

6. Приобретение, получаемое пресвитерами столь дорогою ценою, не только невыгодно, но и не вполне безопасно. Предполагаемое и требуемое отделение суда от администрации в духовном ведомстве непосредственно направлено к ослаблению архиерейской власти над клириками и мирянами епархии. И этой ближайшей и непосредственной цели оно достигнет, как скоро будет введено. Но вместе с этим оно имеет в виду и другую не столь близкую цель – ослабление церковной власти вообще, и достигнет и этой цели. Недалеко видят те пресвитеры, которые такое обсечение канонической власти архиерея считают только унижением и ослаблением его, а своим приобретением. Подкапывая основания и обрезывая корни архиерейской власти пресвитер вместе подкапывает и свои собственные основания, обсекает свои корни: ибо пресвитер без епископа не может быть, как сын без отца. И если слаб и беден отец, то и сыну неоткуда сделаться сильным и богатым: отделенным от отца он быть не может. Яма, предуготовляемая для одного епископа, будет общею и для пресвитера, и для прочего клира. Недалеко видят те пресвитеры, которые из-за своего неправильного приобретения не усматривают дальнейших последствий, неотвратимых при этом прецеденте. Оставляя каноническую почву и переходя на практическую, на *почву интересов*, пресвитеры и самих себя лишают своей силы, своего устоя, своего главного оружия. Как интересы во всем подчиняются закону времени, то весьма часто интересы нынешнего дня не бывают ннтересами завтрашнего: что сегодня признается практически полезным, то завтра может быть объявлено практически вредным. Если считается возможным теперь свести дело с канонической почвы на обыкновенную житейскую, на почву интересов, то, оставшись на одной этой слабой и постоянно колеблющейся почве, устоит ли пресвитер пред напором других требований, возникающих на той же житейской почве и уже нередко и слышимых: „духовные лица такие же граждане, как и все, а для всех граждан должен быть один общий суд?”. Когда явится интерес противоположный сегодняшнему, практическому пресвитерскому интересу (мнимому), когда потребуют, напр., чтобы пресвитер,

как гражданин государства, был судим, как и все граждане государства общим судом во всех делах, какие против этого требования документы представит пресвитер? Сошлется на Слово Божие и на каноны? Но ему скажут: в то время, когда вы отбирали судебную власть у вашего отца и архипастыря – у епархиального архиерея, эти документы вы же сами объявили не имеющими силы; и если они не имели силы для защищения прав епископа, столь ясно и несомненно в них выраженных, – какую они могут иметь силу для защищения интересов пресвитера? Было в одной связи и в одних документах и то и другое и то, что клирики подсудны своему епархиальному епископу, и то что они не подсудны светскому суду в церковных делах: „аще который клирик имеет судное дело, да не оставляет своего епископа и да не перебегает к светским судилищам» (IV Всел. 9). Вы сказали, что ничего не значит отступить от первого. А если так, то ничего не будет значить отступить и от второго. – Вы сказали, что в правиле: „аще кто из клира будет просити от царя рассмотрения о себе в светских судилищах, лишен будет своей чести. Аще же будет от царя просити себе суда епископского: отнюдь да не возбранится ему сие» (Карф. 117) – последняя часть легко может отпасть и может быть суд епископский заменен пресвитерским, – почему же не может отпасть и первая? Если правило цело, то все. Если же падает одна часть, может пасть и другая. – На почве интересов пресвитер всегда будет беззащитным.

Не видеть этого значит не видеть ничего далее нынешнего дня, и не чуять ничего кроме ныне дующего ветра. „Всякое царство раздельшееся на ся запустеет. Этот закон и людям неверующим известен, хотя они не читают Евангелия. С этой стороны сочувствие отнятия судебной власти у архиерея обеспечено; приходское духовенство может в этом не сомневаться, хотя бы и сомневалось, что собственными руками усердно роет подкоп прежде всего против самого же себя».

7. Невозможно не обратить внимания на особенные обстоятельства нынешней восточной Греческой церкви и вследствие сего на особенные отношения восточных патриархов к Русской церкви. Обстоятельства эти в высшей степени прискорбны. И всякое нововведение в Русской церкви, соединенное с изменением основных и существеннейших канонов (каково отнятие судебной власти у епископа епархии), повело бы только к осложнению и без того уже прискорбных недоразумений между двумя Церквами. И теперь уже довольно натянутые отношения между восточными патриархами и Св. синодом, вследствие допущенных Русскою церковью нововведений и изменений существеннейших церковных начал, конечно сделались бы еще более запутанными. Предвидеть всю массу последствий, к каким привело бы такое положение, конечно, невозможно. Легкомысленно же относиться (будь что будет) к союзу с восточными патриархами значит собственными руками подкапывать основание Русской церкви, как Церкви восточной и православной. Отнятие судебной власти у епископа будет важным пунктом разделения между Российскою церковью и прочими Православными церквами. Во всех Православных церквах епископ власть суда имеет и пользуется ею и сам непосредственно и чрез доверенные лица из пресвитеров, состоящие в полном ему подчинении и в зависимости от него. Такое существенное отступление в важнейшем церковном установлении, каково отнятие судебной власти у епископа, не может остаться незамеченным прочими Православными церквами. И трудно предположить, чтобы мнения прочих Православных церквей об этом предмете были благоприятны.

8. Не останется незамеченною эта утрата архиереем судебной власти и со стороны народа, который в течение многих веков привык видеть судебную власть принадлежащею архиерею. Высшая церковная власть в России с величайшею осторожностью относится даже к таким сравнительно незначительным церковным обычаям, каково допущение газового освещения в церкви вместо освещения восковыми свечами и деревянным маслом [45]. Предмет проектируемого отнятия судебной власти у епископа гораздо более важен, чем различие между газом и воском, и ожидать вследствие такого нововведения неблагоприятного впечатления на умы народа тем естественнее. „Если в делах реформ вообще, пишет один светский писатель, нужно быть весьма осторожным и осмотрительным, то это особенно должно иметься в виду, когда дело касается церковных установлений, над которыми работали века и поколения, которые стоят на незыблемом основании”.

„В таком серьезном деле, как реформа церковного судоустройства, увлечение менее всего извинительно. То, что хорошо для суда светского, гражданского, может быть неприменимо к суду церковному. В делах и реформах гражданских мы имеем дело с интересами мирскими,

житейскими, и то, что оказалось непрактичным сегодня, завтра может быть изменено. Не то в делах церковных. Церковность всегда основывается на каких-либо религиозных началах и взглядах, и, чтобы затрагивать эти начала, вошедшие в сознание народа, как нечто святое, нужно иметь церковное право и слишком много осторожности. Если разномыслие в таких церковных обрядах, как *хождение посолонь* или против солнца, двуперстие или троеперстие для крестного знамения, в продолжение целых веков отделяют от Церкви целые миллионы русского народа, то ограничение церковных прав епископа, освященных и религией, и сознанием народа, прав, составляющих существенный характер Церкви, тем более не может пройти бесследно. По смыслу церковных преданий и истории, архиерей, в среде подведомственного ему духовенства, есть отец между детьми. От него зависит посвящение служителей Церкви, как своих ближайших помощников в управлении Церковью; он отвечает за нравственное состояние как их, так и вообще паствы. Архиерей отвечает нравственно за паству, но еще более отвечает за тех лиц, которым дает свое рукоположение и право *вязать и решить.*

„Вопрос об отделении судебной власти от административной находится в непосредственной связи с церковным институтом. Если нужно разрушить этот институт – разрушьте права епископа".

„Между судом духовным и светским всегда будет существенное различие, которого обойти никак нельзя, не подрывая основных прав епископского авторитета и прав самой Церкви".

9. Спор о судебной власти епископа так или иначе кончится, и настанет для него, как и для всего в сем мире, история. Будущий историк Церкви выразит крайнее изумление при разборе этого спора. Его изумит необычайная смелость мысли – доказать, что епископ древней Церкви не имел судебной власти. Его изумит и то, что мысль столь несостоятельная, столь очевидно ложная потребовала подробного опровержения. Он заключит: значит была опасность, что столь явная несправедливость ожидала себе практического торжества.

10. В заключение мы не можем в настоящий раз не отдать дани удивления тому беспристрастию, с которым относится к этому вопросу обер-прокурорская власть. Во всеподданнейших отчетах обер-прокурора Св. синода отдается похвала равно той и другой стороне – и той, которая утверждает, что духовно-судебная власть епископу, на основании Слова Божия и церк. правил, принадлежит несомненно, и той, которая доказывает, что судебная власть у архиерея может и должна быть отнята. Во всеподданнейшем отчете обер-прокурора за 1870 год говорится следующее: „Вызванный на чреду разрешения вопрос о преобразовании церковно-судебной части обратил на себя деятельность и наших духовных ученых, которые своими трудами могут содействовать разъяснению разных сторон этого важного дела. К этому роду духовно-литературных произведений принадлежат статьи, явившиеся в „Православном обозрении": „О началах духовного суда в виду современных потребностей" и „Каноническое устройство церковного суда по началам Вселенского соборного законодательства" (стр. 205). В этих статьях ясным и непререкаемым образом раскрывается мысль о принадлежности церковно-судебной власти епархиальному епископу. Во всеподданнейшем отчете за 1871 год говорится: „В „Православном обозрении" заслуживает особого внимания статья: „Начала судебной реформы в применении к духовному суду" – ученые соображения, служащие к выяснению духовно-судебной реформы" (стр. 172, 173). В этой статье развивается и доказывается мысль, что в духовном ведомстве к разделению суда и администрации не существует никаких догматических препятствий и что судебную власть у архиерея можно „отнять". По беспристрастному отзыву „Отчетов" и статьи 1870 года и совершенно противоположная им статья 1871 года одинаково служат разъяснению духовно-судебной реформы. Иного отношения к вопросу, впрочем, и ожидать невозможно. Ибо всякое одностороннее отношение „Отчетов» и представляющей их власти к этому предмету могло бы быть не без вреда для правильности разрешения вопроса величайшей важности. Как в вопросе о сокращении предметов церковной подсудности, обер-прокурорская власть энергически защищала против притязаний внешней светской свободно мыслящей комиссии истинные церковные начала и здравые юридические понятия; так ныне в вопросе об отделении суда от администрации, обсуждаемом внутри церковного ведомства, обер-прокурорская власть сохраняет полное беспристрастие, конечно, в том истинном убеждении, что дело, имеющее пройти еще много инстанций, когда-нибудь увидит истинный свет и не будет решено в каком-нибудь косом и вредном направлении.

Здесь же мы находим уместным и полезным изложить в точности воззрение обер-прокурорской власти и на те изменения, какие она почитает необходимыми в производстве

бракоразводных дел, воззрение вполне несогласное с комитетским, как известно отчисляющим брачные дела из духовного суда в светский. В изъяснение необходимости, существа и самого способа преобразования духовных судов синодальный обер-прокурор, граф Д. А. Толстой, в своем предложении Св. синоду, от 23 мая 1869 г. за № 202, излагал между прочим следующее: „По силе ст. 240 „Уст. дух. конс.” *дела о расторжении браков вчиняются и производятся в тех епархиях, где супруги имеют постоянное местожительство*, а в примечании к этой статье объяснено, что *для определения постоянного местожительства какого-либо лица принимаются в уважение*: *или место его служения, или место, в коем оно приписано к какому-либо сословию, или же всегдашнее жительство*”.

„Вследствие сего въ практике встречалось много затруднений при производстве бракоразводных дел, ибо, по ст. 252 „Уст. дух. конс.”, требуется, чтобы в делах о расторжении браков, по оскорблению святости брака прелюбодеянием, обе стороны – как истец, так и ответчик, явились в консисторию, для судоговорения. Это последнее требование закона оказывается иногда для одного из супругов, имеющего жительство вдали от места, где назначено судоговорение, отяготительным, вызывает с его стороны возражения касательно неправильности вчинения иска, или же такие действия, от которых дело не получает окончания в течение продолжительного времени. *На это неудобство Святейшим синодом уже было обращено внимание* при рассмотрении дела о составлении инструкции для духовных установлений, по поводу новых судебных уставов, *и признано необходимым возбудить в законодательном порядке дело об изменении ст. 240 „ Уст. дух. конс.”, сообразно правилу, изъясненному в ст. 208 „ Уст. угол. судопр.”, т. е., чтобы производство следствий и постановление решений по делам о разводе по прелюбодеянию подлежали духовному суду той епархии, где совершено доказываемое прелюбодеяние*”.

4) В ст. 248 „Уст. дух. конс.” постановлено: *с приступлением к формальному производству дела, в следствие иска о разводе по оскорблению одним из супругов святости брака прелюбодеянием, лицу ответствующему выдается засвидетельствованная копия с искового прошения, и назначается день, в который истец и ответчик должны явиться в консисторию для судоговорения.* Но ни в этой, ни в какой-либо другой статье „Устава дух. конс.”, не указано, как поступать с лицом, не явившемся к судоговорению. Вследствие сего бывали дела, производство которых, за неявкою одной из сторон к судоговорению, останавливались на целые десятки лет.

„5) На основании ст. 255 „Уст. дух. конс.” *по приведении всех обстоятельств дела в ясность, составляется из оного записка и предлагается к рукоприкладству истцу и ответчику, или их поверенным*”.

„Но в какой срок должно быть окончено ими чтение записки и рукоприкладство, об этом в законах нет постановления, и, потому, за чтением записки и за рукоприкладством, дела могут останавливаться и, в самом деле, останавливаются на несколько лет”.

„По законам о судопроизводстве уголовном и гражданском, действовавшим в прежнее время, до 11-го октября 1865 г., по уголовным и гражданским делам составлялись выписки или записки из дел, участвующие в деле лица допускались к чтению сих записок и к рукоприкладству под оными; срок на прочтение записок назначался довольно продолжительный, именно на прочтение записки, заключающей в себе до 50 листов и на учинение рукоприкладства – две недели; на прочтение записки в 100 листов и на рукоприкладство под оною – три недели, и т. д., увеличивая срок одною неделею на каждые 50 листов („Свод. зак. гражд.” изд. 1857 г. т. X ч. II ст. 454 и т. XV зак. угол. ст. 383 и 385). Цель рукоприкладства заключалась в том, чтобы каждый из тяжущихся, или участвующих в деле, если усмотрит в выписке что-либо из дела и законов упущенным, или неправильно выписанным, мог просить о пополнении, описывая в рукоприкладстве, какие именно обстоятельства дела и законы должны быть приняты в соображение („Зак. гражд.” ст. 460). Этот порядок действовал до 1865 г., а в этом году, 11 октября, Высочайше утверждено мнение государственного совета, по которому, в числе других мер, для ускорения производства дел в судах прежнего устройства, составление записок дозволено только по тем делам, по которым признано будет это необходимым присутствием, или лицами, распоряжающимися докладом (ст. 10 и 88), а рукоприкладство и вовсе отменено (ст. 12 и п. 90); но подсудимые и тяжущиеся, или их поверенные, взамен рукоприкладства, допускаются к рассмотрению в канцелярии суда, под наблюдением делопроизводителя, подлинного по делу производства (ст. 12 и 87), и имеют право – присутствовать при докладе дела и, по окончании

доклада, представлять изустные объяснения, обращая внимание суда на те обстоятельства дела и документы, которые по их убеждению, служат к оправданию, или уменьшению их вины (ст. 14 и 94)".

„6) В ст. 251 „Уст. дух. конс." постановлено: *если судоговорение произведено поверенными, то доверители должны прочитать оное и утвердить своим подписом, или же уполномочить на то кого-либо, и о сем подать просьбу в консисторию*". „Из этой статьи видно, что срок для прочтения судоговорения и для утверждения оного подписью доверителей, или особых для сего уполномоченных, также не определен. При этом нельзя не заметить, что чтение судоговорения самими доверителями, или уполномоченными, совершенно излишне. По общему закону о доверителях, в каждой доверенности изъясняется, что доверитель во всем, что поверенный его по доверенности сделает, ему верит и спорить, и прекословить не будет, („Зак. гражд." ст. 2309), а потому все сделанное поверенным, на основании данной ему доверенности, хотя бы то было и ко вреду доверителя, остается в своей силе („Зак. гражд." ст. 2326). Из этого общего правила нет исключения ни для дел уголовных, ни для дел гражданских и, только, по делам бракоразводным, на основании вышеуказанной ст. 251 „Уст. дух. конс.", доверители могут опровергать действия своих поверенных, и при том не только лично, но и чрез особых уполномоченных".

„Кроме *вышеприведенных статей* „ *Устава духовных консисторий"*, *требующих изменения*, можно указать и на многие *другие*, которые *также необходимо подвергнуть перемене и исправлению* (а не отмене)."

Ясно из сих подлинных слов предложения обер-прокурора желаемое им направление улучшения брачных дел. *И обер-прокурорская власть и Св. синод желают не передачи брачных дел в светский суд, а того, чтобы* сообразно правилу, изъясненному в ст. 208 „Уст. угол. суд.", *производство по делам о разводе по прелюбодеянию подлетсали духовному суду той епархии, где совершено доказываемое прелюбодеяние,* чтобы определены были меры против неявки к судоговорению, чтобы отменено было составление записок и рукоприкладство под оными и т. д. – Мысль об отмене указанных статей консисторского устава и о передаче сих дел светскому суду является совершенно чуждою и Святейшему синоду и обер-прокурорской власти.

VIII. ПРОЕКТЫ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЦЕРКОВНОГО СУДА

Показав каноническую несостоятельность всех представленных планов раздела судебной власти епархиального архиерея, мы тем самым отчасти приняли на себя обязательство представить такой план устроения духовного суда, при котором епископ не был бы лишен неотъемлемо-канонически принадлежащей ему судебной власти и вместе приняты были бы необходимейшие начала нового судебного процесса. Это обязательство может быть исполнено только изложением полного проекта, из которого видно было бы взаимное отношение различных судебных органов. А чтобы еще с большею ясностью видно было отношение нашего проекта к комитетскому мы признаем необходимым поставить их вместе один подле другого. Комитетский проект уже известен в печати. Он довольно полно изложен в „Христианском чтении" (1872 декабрь), в „Православном обозрении" (1873 январь), в газете „Современность" (1873 № 46), в „Русских ведомостях" (1873 № 31) и других газетах. Некоторые части его напечатаны еще в прошедшем году в периодических изданиях, напр. 4-я его часть, содержащая статьи о делах изъемлемых из ведомства духовного суда, была напечатана в „Журнале гражданского и торгового права" (кн. 3, 4) и в „С.-Петербургских ведомостях" (1872 ноябрь).

Мы поставляем комитетский проект рядом с нашим, который мы озаглавляем, как *особый проект.* Наш, или *особый* проект, по нашему крайнему разумению, усвоив необходимейшие начала нового судебного процесса, вместе с сим не противоречит и церковным правилам.

Последний комитетский проектОсобый проект. ЧАСТЬ I. *О предметах духовного суда.*
основных положенийГлава I. 1) Духовному суду подлежат лица духовного
преобразования духовно-судебнойсостояния, т. е. священно и церковнослужители,
части. ЧАСТЬ I. *О лицах и предметах,*монашествующие и послушники: а) по делам о
*подлежащих ведомству духовного*нарушении обязанностей их звания, установленных
*суда и наказаниях, сим судом*церковными правилами и другими действующими по
налагаемых. **Глава I. О лицах и**духовному ведомству положениями, а равно и о тех
предметах, подлежащих ведомствупротивозаконных деяниях, за которые в законах
духовного суда. 1) Духовному судуопределено подвергать их ответственности по
подсудны священно иусмотрению духовного начальства („Уст. угол. судопр."
церковнослужители белого и1864 г. ст. 1017); б) по жалобам об оскорблениях чести,
монашествующего духовенства, запричиняемых духовным и светским лицам („Уст. наказ.
исключением церковнослужителей,налаг. мир. судьями", ст. 130–141 включительно); в) по
состоящих при церквах по найму, ивзаимным спорам могущим возникать из пользования
монастырских послушников,движимою и недвижимою церковною собственностью и
непостриженных в монашество. 2)церковными доходами, если споры сии не основаны на
Лица духовного звания подлежатписьменном акте. 2) Духовному суду подлежат духовные
духовному суду: а) За всеи светские лица по делам: а) о незаконных брачных
преступления и проступки, которыесопряжениях; б) о расторжении браков; в) об
преследуются церковными правиламиудостоверении о действительности события браков и о
и законоположениями, но нерождении от законного брака; и г) по делам,
преследуются светскими законами. б)подвергающим виновного открытой церковной епитимии.
За следующие, предусмотренныеЧАСТЬ II. *Об устройстве духовных судов.* **Глава I.**
светскими уголовными законами**Общие правила.** 3) Духовный суд производится
(„Улож. наказ." и „Устав. наказ., нал.духовным судьею в определенном участке епархии,
мир. судьями"), преступления иепархиальным архиереем и епархиальным судом – в
проступки: аа) кощунство („Улож.целой епархии, судебным отделением Св. синода и
наказ." ст. 182); бб) отступление исобором – во всей Российской церкви. 4) Духовный судья
отвлечение от Православной верысудит единолично; епархиальный архиерей судит и
(„Улож. наказ." ст. 185, 188, 190 и 192);единолично и с коллегиею пресвитеров; судебное
вв) уклонение от исполненияотделение Св. синода и собор судят коллегиально. 5)
постановлений Церкви („Улож. наказ."Следствия по делам подсудным епархиальному суду
ст. 207, 208 и 209); гг) нарушениепроизводятся духовными судьями, а по прочим –
благочиния во время богослужения вдуховными лицами особо назначаемыми Св. синодом. 6)
церкви и вне оной („Уст. наказ." ст. 35 иПрокурорского надзора, в виде особого института, при

36); дд) соединенные с соблазномдуховных судах не учреждается. 7) При духовно-судебных действия в публичном месте („Уст.установлениях состоят канцелярии для письмоводства. наказ.” ст. 42 и 43); ее) оскорбления**Глава 2. О духовных судьях.** 8) Духовные судьи чести, наносимые духовным и светскимучреждаются в определенных участках епархии, для лицам, угрозы и насилие („Уст. наказ.”разбора и решения духовно-судебных дел меньшей ст. 130–141 включительно); жж)важности. 9) В каждом участке состоит духовный судья и нарушение правил о погребениик нему кандидат. 10) Духовные судьи и кандидаты к ним („Улож. наказ.” ст. 859); зз) нарушениеизбираются всеми священно и церковнослужителями правил о выдаче видов на жительствоживущими в участке и пятью членами от местного („Улож. наказ.” ст. 978 ч. 1); ии) отлучказемства. Допущение и светских избирателей основано на без разрешения начальства („Улож.том соображении, что духовный судья будет судить и наказ.” ст. 956); ii) неисправноедела по жалобам светских лиц на духовные. 11) ведение и хранение метрических иДуховные судьи и кандидаты к ним избираются на три обыскных книг и исповедных росписейгода, из лиц пресвитерского сана живущих в участке, („Улож. наказ.” 1442); кк) нарушениепрослуживших в пресвитерском сане не менее 5 лет, не постановлений о браке („Улож. наказ.”состоящих под судом и не подвергавшихся взысканиям, ст. 1552 ч. I. 1557 ч. I, 1569 ч. I, 1572 ч.препятствующим избранию. 12) Из четырех пресвитеров, I, и 1577); лл) построение церкви безполучивших при избрании наибольшее количество дозволения надлежащего духовногоголосов, епархиальный архиерей одного утверждает начальства („Улож. наказ.” ст. 1066);духовным судьею, и одного кандидатом к нему. 13) мм) употребление в проповедях иКандидат духовного судьи производит суд и следствие в духовных речах слов, оскорбительныхслучае отвода, отсутствия, болезни и при других для добрых нравов и противныхуважительных причинах, препятствующих духовному благопристойности („Улож. нак.” ст.судье исправлять судейские обязанности. **Глава 3. О** 1003). в) За преступления и проступки**епархиальных судах.** 14) В каждой епархии, отдельно от против должности духовной, судебнойконсистории, учреждается епархиальный суд. 15) и административной, которые неЕпархиальный суд, под председательством влекут за собою наказаний,епархиального архиерея, состоит не менее как из трех соединенных с лишением, иличленов пресвитерского сана. *Примеч.* Епархиальный ограничением прав состояния („Улож.архиерей может поручать председательство в суде нак.” ст. 329 – 331, 333, 335 – 337, 341,своему викарию, а по делам, влекущим только низшие 343, 344 ч. I, 347, 348 ч. I, 349 – 352,духовные наказания и старшему члену суда 354 ч. I и 2, 356, 357, 360, 364 ч. I, 369пресвитерской степени. Соображения, на основании – 372, 380, 381, 383 – 388, 389 ч. II, 390которых утверждается мысль о принадлежности – 394, 397 – 407, 409 – 423, 426, 427,епархиальному архиерею именно обязанностей 429 – 431, 432 ч.I, 433, 434, 470 – 475,председателя епархиального суда, суть следующие: 476 ч. I, 477, 478 ч. I, 479 ч. I, 480 ч. I,Принадлежность епископу именно судебной власти, т. е. 483, 484, 486 – 491, 492 ч. I, 494, 496,власти состоящей в непосредственном разрешении 497 ч. I, 498, 499, 501 – 504 [46]. **Глава II.**судебного процесса и постановлении приговора о вине **О наказаниях, налагаемых**или невинности подсудимого, основывается на ясных **духовным судом.** 3) Наказания,указаниях Слова Божия и на церковных правилах. И по налагаемые духовным судом, сутьСлову Божию и по правилам суд церковный производит следующие: а) замечания; б) выговорепископ, а апелляция на суд одного епископа идет к без внесения в послужной список; в)собору епископов, то есть, вся судебная власть денежный штраф до 100 рублей; г)сосредоточивается исключительно в епископе и в заключение в монастыре до трехепископстве. Посему, епископу принадлежит и должна месяцев; д) выговор со внесением впринадлежать непременно судебная власть, т. е. послужной список; е) перемещение сразрешение самых дел судебных. Начала нового одного места на другое; ж) запрещениепроцесса, принятые в судебные уставы 1864 г. требуют священнослужения на срок до трехотделения от судебной власти, властей обвинительной и месяцев; з) удаление от места; и)административной. Несовместность судебной власти с удаление от места с запрещением дляобвинительною лежит в самом существе нового священнослужителей процесса, по которому суд занимает положение священнослужения на время до трехпосредствующее и решающее между двумя сторонами месяцев; i) запрещениеобвиняющею и обвиняемою; и, следовательно, не может священнослужения с низведением вбыть одною из сторон. Не таково отношение судебной

причетники на время до одного года; к)власти к административной: этой коренной радикальной отрешение от места с воспрещениемнесовместимости обеих сих властей нет; и лицо, на всегда определяться вновь, но соблеченное административною властью, может, в сохранением священного сана; л)качестве судьи, разрешить насколько прав обвиняющий и лишение священнослужителей сана, снасколько виноват обвиняемый, лишь бы не само это оставлением в духовном ведомстве насудящее лицо было и обвиняющим в данном случае. низших должностях, и лишениеНовый процесс признает вредным для правосудия, если священ- номонашествующих сана, св дела суда, производимые судьями, будут вмешиваться, оставлением в монашестве накроме одних судей, еще сторонние административные покаянии; м) лишениевласти, так как при таком положении ослаблялась бы священнослужителей сана, амысль об ответственности, долженствующей лежать священномонашествующих сана иисключительно на судьях, и эта ответственность монашества с исключением изнекоторым образом разлагалась бы между судьями и духовного ведомства; н) исключениеадминистративными властями. Но эта опасность и этот причетников из духовного ведомства.вред совершенно устраняются, ежели лицо, имеющее 4) Те из вышеисчисленных наказаний,административную власть, не как административное лицо которые, по роду своему, не могутвмешивается в дела суда, а как лицо судебное иметь применения к обвиняемымпроизводит суд с полною ответственностью на судьях монашествующего духовенства,лежащею. И по Слову Божтю и по церковным правилам заменяются одиночным заключением вархиерей есть обладатель собственно судебной власти и монастыре, или перемещением издля его паствы, для его епархии нет другого источника одного монастыря в другой, илицерковно-судебной власти, кроме архиерея. Архиерей монастырскими трудами. 5) Те изможет производить суд или сам, или же поручать вышеисчисленных наказаний, которые,пресвитеру. Пресвитер же может производить суд только по роду своему, не могут бытьна одном условии, – на условии поручения от своего применены к несостоящему наархиерея, и в зависимости от него. Имея в виду это штатных местах белому духовенству,существенное и непреложное церковное догматическое и заменяются содержанием вканоническое положение, должно прийти к заключению, монастыре, или запрещениемчто низшая, ближайшая инстанция духовного суда, или священнослужения с воспрещениемдуховные судьи могут производить суд только на одном для несостоящих на местахусловии и праве, – поручения от епархиального определяться на должность. ЧАСТЬ II.архиерея. В силу сего архиерей может поручать одному *Об устройстве духовных судов.* **Глава**из избранных духовенством известного округа своей **I. Общие правила.** 6) Духовно-епархии священников производство суда по делам судебная власть отделяется от прочихменьшей важности. Таковой, получивший от архиерея видов власти в мере, определеннойпоручение на производство суда, будет в исполнении статьями настоящих положений. 7)поручения под наблюдением архиерея, производимым Духовно – судебная властьвообще чрез представляемый им архиерею отчет о принадлежит духовным судьям,разрешенных делах и чрез восхождение дел от него во духовно-окружным судам, судебномувторую инстанцию – в епархиальный суд, в котором отделению Св. синода, а в особоархиерей может усмотреть, как исполняется возложенное указанных законом случаях и общемуим поручение. Что касается отношения епархиального собранию Св. синода. 8) Духовныйархиерея к епархиальному суду, то, в силу основной судья есть власть единоличная;мысли о принадлежности архиерею судебной власти, ему духовно – окружной суд, судебноеможет быть только одна и правильная и отделение и общее собрание Св.приличествующая функция – *председателя сего суда.* К синода – суть учрежденияатакому убеждению приводят следующие соображения: а) коллегиальные. 9) Власть духовногово всей древней Церкви архиерей есть председатель (судьи простирается на определенный*προκαθημενος, προεδρος*) духовного суда своей епархии. участок, власть духовно-окружногосм. Const. Apost. Lib. II. 47. „Деян. соб.” т. IV, 208, 209. суда простирается на несколькоСравн. о сем Zhishman Die Synoden, 220, 222). Идея епархий, образующих духовно-председательства епископа вообще в церковном судебный округ, власть судебногообществе местной Церкви ясно и определенно выражена отделения и общего собранияуже в писаниях мужей Апостольских, именно у св. Святейшего синода простирается наИгнатия Богоносца [64]. Мысль о председательстве всю Российскую церковь. 10) Особыхепископа именно в церковном суде *его епархии по делам*

следователей не учреждается.о подчиненных ему клириках и о мирянах его епархии, как Следствия по духовно-судебнымнеподлежащая ни малейшему прекеканию, или делам производятся духовнымисомнению, проходит по всем церковным правилам и в судьями. 11) При духовно – судебныхтаком именно смысле ясно выражена в 14 правиле установлениях учреждаетсяКарфагенского собора, в котором говорится, что даже и в прокурорский надзор. 12) При духовно-суде над пресвитерами и диаконами, по обычаю судебных установлениях состоятКарфагенской церкви, с приглашением соседних канцелярии для письмоводства [47].епископов *председает* собственный обвиняемого **Глава II. О духовных судьях.** 13) Вклирика *епископ.* Равным образом и ныне во всей каждом участке епархии состоит одинПравославной церкви архиерей занимает место духовный судья и к нему кандидат. 14)председателя церковного суда. Так в Греческой церкви Духовные судьи и кандидаты к нимКонстантинопольского патриархата [65], так в Церкви избираются всеми священно иГреческого королевства (*τό ἐπισκοπικόν ὑπὸ τὴν* церковнослужителями участка и*προεδρείαν τῳ ἐπισκοπῳ . Συνοδ . Ἐγκυκ.* 29 янв. 1835 г.; представителями от приходов, постр. 259, 294). Так у Православных австрийских Сербов (одному от каждого. *Примечание.* В*епархиальный епископ яко председатель.* Регул. стр. 61. выборе участвует и духовенствоп. 64). Так в Православной румынской церкви, придворное, военное инаходящейся в Австрии, по закону, изданному 28 мая монашествующее, живущее в участке.1869 г. *(Der natürliche Prasident des Consistoriums ist der* 15) Духовные судьи, и кандидаты к ним*Bischof.* § III). Так по новым Болгарским проектам („Прав. избираются на три года, из местныхобозрен." 1871 г. февраль, март). Только в Сербской протоиереев и священников участка,церкви княжества по закону, изданному князем Михаилом имеющих не менее тридцати лет от30 сент. 1862 г., архиерей устранен от участия в суде. роду, не состоящих под судом и неТаким образом, справедливо сказать, что вся подвергавшихся по суду взысканиям,Православная церковь ныне (за исключением Церкви препятствующим избранию. 16) Из лиц,сербского княжества) естественным и необходимым избранных соответственно условиям, впредседателем церковного суда в епархии признает законе указанным (ст. 14 и 15),епископа, что и новейшие уставы частных Православных епархиальный архиерей утверждает вцерквей (напр. Румынской – австрийской, Болгарской) не качестве своих уполномоченныхнаходят возможным отступить от сего начала. старшего по количеству голосовСледовательно, приняв мысль об устранении избрания духовным судьею, аепархиального епископа от суда, или же о не следующего за ним – кандидатом. 17)предоставлении ему председательской функции, Церковь Кандидат духовного судьи производитроссийская в этом случае отделилась бы от всех следствие и суд в случае отвода,Православных церквей и руководилась бы не теми отсутствия, болезни и другихначалами, которым следует вся Православная церковь. И уважительных причин, препятствующихнапротив, с предоставлением архиерею духовному судье исправлять судейскиепредседательской функции в духовном суде, обязанности [48]. **Глава III . О духовно-**проектировано было бы для архиерея положение в **окружных судах.** 18) Духовно-духовном суде в точности сообразное с практикою окружной суд состоит из председателядревней Церкви и всей нынешней Православной церкви. и членов. 19) Число членов духовно-б) Такое положение есть самое сообразное с существом окружного суда определяется штатами.судебной власти, принадлежащей епископу по Слову 20) Председатель духовно-окружногоБожию (1Тим. 5:19–21) и по церковным правилам. По суда назначается по представлениюбожественному и каноническому праву епископ есть Святейшего синода, чрез состоящегосредоточие и исходный пункт церковно-судебной власти в при нем обер – прокурора,своей епархии. Немыслима в епархии никакая духовно- Высочайшею властью, из лицсудебная власть, не исходящая из этого средоточия, или архиерейского сана. Он не можетисходящая не от епископа. Следовательно, при принимать участия в делах духовнойустроении церковного суда и при распределении администрации. 21) Члены духовно-отдельных судебных функций, епархиальному епископу, в окружного суда избираются на шестьлице которого сосредоточивается и от которого исходит лет. 22) В члены духовно-окружноговсякая духовно – судебная власть, должна быть суда избираются: а) духовные судьи,предоставлена такая функция, которая наиболее как состоящие в должности, так исущественным и глубоким образом вводила бы его в прежде бывшие; б) лицаотправление судебной деятельности, и при которой

пресвитерского сана белого идуховный суд не представлялся бы оторванным от своего монашествующего духовенства,источника, лишенным своей души (ибо таково окончившие курс в высших учебныхдействительно значение епископа для духовного суда). заведениях; и в) в случае неизбранияТаковою функциею может быть только функция священнослужителей первой и второйпредседателя духовного суда в епархии. Практические категорий, лица, окончившие курс всоображения, выставляемые против мысли о средних учебных заведениях, если онипредседательстве епархиального архиерея в прослужили в сане священника неепархиальном суде, не представляются особенно менее пяти и имеют от роду не менеесильными. Обыкновенно говорят: а) что при тридцати лет. 23) Члены духовно-председательстве в коллегии архиерей не имел бы окружного суда избираются по каждойрешающего голоса и должен был бы подчиниться епархии, входящей в состав духовно-большинству голосов; б) что члены суда, имея судебного округа, и утверждаютсяпредседателем своего начальника, не могли бы иметь местными епархиальными архиереями,всей нужной для судей независимости и в качестве их уполномоченных, тем жесамостоятельности; в) что затруднительно было бы на порядком, как и духовные судьи (ст. 14епархиального архиерея, обремененного уже множеством и 16). 24) В случае смерти илидел, возлагать еще обязанность председательства в выбытия члена духовно-окружного судасудебных заседаниях, которые иногда могут до срока его служения, епархиальныйпродолжаться немало времени; и г) что невозможно архиерей утверждает на его место тогодопустить, чтобы одно и тоже лицо и предавало суду и из выбранных, который получилпредседательствовало на суде по тому же делу. Все сии наибольшее число голосов. 25)затруднения не представляются имеющими Присутствие духовно-окружного суда,существенную важность. а) Что касается опасения для решения дел, должно состоять неумаления архиерейской власти с принятием участия менее как из трех судей. В случаеепархиального архиерея в епархиальном суде в качестве отсутствия председателя, место егопредседателя; то это опасение имело бы силу, если бы с занимает старший по сану, или попринятием мысли о председательстве архиерея в службе член духовно-окружного суда.коллегиальном суде, состоящем из пресвитеров, принята 26) В случае недостатка членов, длябыла и мысль о решении дел в этом суде обычным составления полного присутствияколлегиальным способом, т. е. большинством голосов; призываются в заседания духовно-тогда действительно могло бы случиться, что приговор о окружного суда духовные судьи; но онилишении сана мог бы состояться на основании голосов не могут участвовать в решении техподанных пресвитерами и вопреки голосу председателя дел, по которым сами производилиархиерея; т. е. оказалось бы, что голосами пресвитеров следствие или суд. 27) Заседанияотнимается священный сан, данный не ими, а архиереем. духовно-окружного суда, кроме города,Но очевидно, что этот способ разрешения дел, где суд имеет постоянноеупотребляемый в коллегиях, не приложим к судебной местопребывание, могут бытьколлегии, составленной из лиц, находящихся во открываемы и в других местах, к округувзаимных отношениях сыновства и отчества: архиерей – принадлежащих [49]. **Глава IV. О**отец, а иерей занимает в отношении к нему место сына, **Судебном отделении и общем**которому архиерей дал иерейское бытие. На основании **собрании Святейшего синода.** 28)таких взаимных отношений членов, составляющих Судебное отделение Святейшегодуховно-судебную коллегию, единственно возможным синода состоит изспособом разрешения духовно-судебных дел в этой первоприсутствующего и членовколлегии представляется тот, какой принят уставом архиерейского сана и пресвитерского.духовных консисторий (ст. 331, 333), при котором не Членов архиерейского сана, соможет быть места опасению умаления архиерейской включением и первоприсутствующего,власти: голос председателя архиерея будет решающим, а полагается две трети, а пресвитерскогомнения членов суда – пресвитеров уясняющими дело. б) – одна треть. 29)Нельзя признать неустранимым и другое выставляемое Первоприсутствующий и членызатруднение. Обеспечение самостоятельности и судебного отделения Святейшегонезависимости членов духовного суда, судящих под синода назначаются Высочайшеюпредседательством архиерея, может быть достигнуто властью. 30) Первоприсутствующий ивыборным порядком назначения членов епархиального члены судебного отделениясуда, несменяемостью их без суда, принятием правила о Святейшего синода, должны бытьнепредставлении архиереем членов суда к наградам и о

свободны от исправления другихне перемещении их к другим приходам и, наконец, обязанностей, кроме судейских. 31)гласным судопроизводством. Все сии меры могут быть Присутствие судебного отделениядостаточными к ограждению самостоятельности и Святейшего синода для решения делнезависимости членов суда и при председательстве должно состоять не менее как из трехархиерея. в) Выставляемая на вид затруднительность членов. По делам о лицахархиереям самим лично председательствовать в архиерейского сана в заседаниидуховном епархиальном суде не есть препятствие к присутствуют не менее как триудержанию сего порядка, имевшего место в древней архиерея. 32) Для рассмотрения делГреческой церкви и имеющего место и ныне, по жалобам на приговоры судебногорешительное. Председательствовал же и доселе отделения Святейшего синода,председательствует сам лично константинопольский постановленные оным в качествепатриарх на духовном суде в качестве епархиального первой инстанции, и для суда надархиерея и даже для разбора дел самых неважных, напр. членами и присутствующимио недодаче приданого – рублей 20 на наши деньги, о Святейшего синода, составляетсявиноградникерублей в 40. И наши архиереи обязаны же и общее собрание обоих отделений Св.теперь читать все судебные дела, объемом нередко синода. 33) В судебном присутствииболее 100 листов. От замены чтения дела слушанием его общего собрания обоих отделенийв самом суде труда не прибавится. При том же во многих Святейшего синода, число членовепархиях есть викарии, которые могут заменить судебного отделения Святейшегоепархиального архиерея и вместо него синода не должно быть менее числапредседательствовать на суде. Наконец, в уставе членов административного отделенияцерковного суда могут быть точно обозначены те дела, Святейшего синода. 34) В общемпри разборе которых архиерей необходимо должен лично собрании обоих отделений Святейшегопредседательствовать, и такие, при разборе которых он синода председательствуетможет поручать председательство старшему члену первенствующий член Святейшегодуховного суда пресвитерской степени. г) Наконец, то синода [50]. **Глава V. О прокурорском**возражение, что не может быть одно и тоже лицо и **надзоре.** 35) При каждом духовно-предающим суду и председательствующим в суде, – окружном суде и при судебномустраняется тем, что принятие мысли о председательстве отделении Святейшего синода состоятархиерея в епархиальном суде не только не требует, прокуроры. Прокурорские обязанностичтобы он же был и предающим суду, но совершенно в общем собрании Синода исполняетисключает эту мысль. Предание суду и обвинение на суде прокурор судебного отделения оного.при председательстве архиерея в суде должны быть При прокурорах духовно-окружныхсосредоточены в консистории (административной), судов состоит определенное числокоторая, в качестве камеры обвинения, или же в товарищей по штату. 36) Лицасоответствие деятельности губернского правления при прокурорского надзора, состоящие припредании им суду административных чинов губернских духовно-судебных установленияхучреждений („Уст. угол. суд.” 1088, 1091) рассматривает определяются из гражданских чинов,предварительное следствие, произведенное духовным получивших юридическое образование,судьею, делает постановление о предании суду и или же вообще из лиц с высшимподдерживает обвинение на суде чрез своего секретаря. образованием практически знакомых сПраво протеста против состоявшегося судебного судебною частью. Прокурор судебногоприговора, за неудобством осуществления сего права отделения Святейшего синодаконсисториею, члены которой состоят в подчинении назначается, по представлению обер-председателю суда архиерею – могло бы быть прокурора Святейшего синода,осуществляемо непосредственно поддерживавшим на Высочайшим именным указом, асуде обвинение секретарем консистории, состоящим в прокуроры духовно-окружных судов инепосредственном ведении обер-прокурора Свят. синода. их товарищи – обер-прокуроромПротесты секретарем могли бы быть направляемы к Святейшего синода. 37) Лицаобер-прокурору Святейшего синода, для предложения прокурорского надзора состоят подсудебному отделению Св. синода. При таком положении наблюдением обер-прокурораархиерея в суде епархии он не был бы лишен Святейшего синода, в лице которогопринадлежащей ему на основании Слова Божия и сосредоточивается высший надзор зацерковных правил судебной власти, и между тем прокурорскою частью в духовномполучили бы применение к духовному суду все ведомстве. 38) Сущность прокурорскойважнейшие и необходимые гарантии нового

обязанности заключается: 1) всудопроизводства: 1) отделение обвинительной власти от наблюдении за единообразным исудебной, 2) гласное производство суда, 3) точным применением закона; 2) внеограниченное право сторон пользоваться протестом и преследовании пред судомотзывом. При таком положении и низшая инстанция суда, законопреступных деяний и 3) вмогущая судить только по поручению архиерея, не была предложении суду предварительныхбы совершенно от архиерея оторвана. 16) Члены заключений в случаях, определенныхепархиального суда избираются депутатами от уставом судопроизводства. 39) Праводуховенства, с присоединением к ним пяти членов возбуждения законодательныхгубернского земского собрания и, по представлению вопросов принадлежит обер-прокуроруепархиального архиерея, утверждаются Св. синодом. Святейшего синода, поДопущение и светских избирателей основано на том, что постановлениям духовно-судебныхепархиальному суду подсудны и миряне по некоторым мест и по представлениям лицделам. 17) Из получивших при избрании большинство прокурорского надзора [51]. **Глава VI. О**голосов, епархиальный архиерей представляет тройное **канцеляриях духовно-судебных**против требуемого штатом число со своим мнением о **установлений.** 40) Канцеляриякаждом избранном. Из представленных Св. синод духовно-окружного суда состоит изутверждает требуемое штатом число членов и столько же секретаря и его помощников по штату,к ним кандидатов, которые занимают их место, в случае назначаемых председателем суда. 41)их выбытия или законного отсутствия. 18) Члены Канцелярия судебного отделенияепархиального суда избираются на шесть лет. 19) В Святейшего синода состоит изчлены епархиального суда избираются состоящие в определенного штатом числа обер-епархии лица пресвитерского сана: а) прослужившие в секретарей и их помощников,должности духовного судьи не менее трех лет; б) назначаемых обер-прокурором Св.окончившие курс в высших учебных заведениях; и в) синода. 42) На письмоводство вокончившие полный курс учения в средних учебных судебном отделении Св. синода, взаведениях, если прослужили в сане священника не духовно – окружных судах и у духовныхменее десяти лет. 20) Присутствие епархиального суда судей, отпускаются особые суммы.для решения дел должно состоять не менее, как из трех **Глава VII. О заседаниях и**судей. 21) Духовные судьи могут быть призываемы в **внутреннем устройстве духовно-**заседания епархиального суда, в случае недостатка **судебных установлений.** 43)членов, для составле-ния полного присутствия; но они не Заседания духовных судов суть илимогут участвовать в решении тех дел, по которым сами распорядительные, или судебные. 44)производили следствие или суд. 22) Заседания Судебные заседания для решения делепархиального суда, кроме кафедрального города, где происходят публично. Случаи, всуд имеет постоянное местопребывание, в случаях которых к сим заседаниям не должныкрайней надобности, могут быть открываемы и в других быть допускаемы лица посторонние,местах епархии. **Глава 4. О судебном отделении Св.** определяются в законе. 45) Каждое**синода и о Соборе.** 23) В Св. синоде судебная власть решение духовного суда, состоявшеесясосредоточивается в особом судебном оного отделении. публично, может быть напечатано н24) Судебное отделение Святейшего синода состоит из обсуждаемо на основании общих,архиереев, избираемых Св. правительствующим синодом действующих в государстве,и судебным оного отделением и утверждаемых постановлений. 46) Наблюдение заВысочайшею властью. Один из них именуется скоростью и правильностьюпервоприсутствующим. 25) Присутствие судебного делопроизводства в каждом духовно-отделения Святейшего синода для решения дел должно судебном месте и охранение порядка всостоять не менее как из трех членов. 26) Для заседаниях суда возлагаются нарассмотрения дел по жалобам на приговоры судебного председателя илиотделения Св. синода, постановленные оным в качестве первоприсутствующего. **Глава VIII. О**1-й инстанции, и для суда над членами и **наказах и отчетах.** 47) Правила,присутствующими Св. синода составляется общее относящиеся до внутреннегособрание членов Св. правительствующего синода, и распорядка в духовно-судебныхсудебного отделения синода с присоединением местах, определяются самимиопределенного числа епархиальных архиерев по судебными установлениями в наказах,очереди. Таковое собрание именуется Собором. 27) утверждаемых судебным отделениемПредседательствует на соборе первенствующий член Св. Святейшего синода. 48) Отчеты осинода. **Глава 5. О канцеляриях духовно-судебных**

движении дел в духовно-судебных**установлений.** 28) Канцелярия епархиального суда местах составляются по каждомусостоит из секретаря и его помощника, назначаемых участку – духовными судьями; попредседателем суда и из необходимого числа писцов по духовно-окружному суду –найму. 29) Канцелярия судебного отделения Св. синода председателем при участии местногосостоит из полагаемого штатом числа обер-секретарей и прокурора и по судебному отделениюих помощников, назначаемых первоприсутствующим сего Святейшего синода –отделения. **Глава 6. О внутреннем устройстве** первоприсутствующим по соглашении с**духовно-судебных установлений.** 30) Наблюдение за прокурором сего отделения. 49) Отчетыскоростью и правильностью делопроизводства в каждом по духовно-судебным установлениямдуховно-судебном месте и охранение порядка в представляются духовными судьями взаседаниях суда возлагается на председателя, или духовно-окружные суды; духовно-первоприсутствующего. 31) Заседания духовных судов окружными судами в судебноесуть или распорядительные, или судебные. 32) Судебные отделение Святейшего синода. 50)заседания для решения дел происходят публично. Общий отчет по духовно-судебнымСлучаи, в которых к сим заседаниям не должны быть установлениям представляется надопускаемы лица посторонние, определяются в законе. Высочайшее воззрение чрез обер-33) Каждое решение духовного суда, состоявшееся прокурора Св. синода. 51) Отчетыпублично, может быть напечатано и обсуждаемо, на духовно-судебных установленийосновании общих, действующих в государстве, публикуются во всеобщее сведение.постановлений. 34) Члены судебного отделения **Глава IX. О правах и преимуществах**Святейшего синода и епархиальных судов имеют **лиц, принадлежащих к составу**ежегодно три месяца вакантного времени. **Глава 7. О духовно – судебных установлений инаказах и отчетах.** 35) Правила, относящиеся до **об ответственности их.** 52)внутреннего распорядка в духовно-судебных местах, Председатели, члены духовно-определяются самими судебными установлениями в судебных установлений и духовныенаказах, утверждаемых судебным отделением Св. судьи не могут быть ни увольняемы безсинода. 36) Отчеты о движении дел в духовно-судебных прошения, не только от должностиместах составляются духовными судьями по каждому судебной, но и от должностиучастку, епархиальным архиереем – по епархиальному священнослужительской, нисуду, и первоприсутствующим – по судебному отделению переводимы из одной местности, илиСвятейшего синода. 37) Отчеты представляются прихода в другие, без их согласия.духовными судьями в епархиальные суды, Временное устранение от должностейепархиальными архиереями в судебное отделение допускается только в случае преданияСвятейшего синода. 38) Общий отчет по духовно-их суду, а совершенному удалению,судебным установлениям представляется на Высочайшее или отрешению от должностей, онивоззрение чрез обер-прокурора Святейшего синода. 39) подвергаются не иначе, как поОтчеты духовно-судебных установлений публикуются во приговорам суда. 53) На лицавсеобщее сведение. **Глава 8. О правах и** означенные в предыдущей статье не**преимуществах лиц принадлежащих к составу** можеъ быть наложено никакое**духовно – судебных установлений и об** взыскание иначе, как в порядке суда,**ответственности их.** 40) Духовные судьи и члены или дисциплинарного производства.духовно-судебных установлений не могут быть ни 54) Духовные судьи и члены духовно-увольняемы без прошения не только от должности судебных установлений получаютсудебной, но и от должности священнослужительской, ни содержание по особому положению.переводимы из одной местности, или прихода в другие. 55) Члены судебного отделенияВременное устранение от должностей допускается только Святейшего синода и духовно-в случае предания их суду, а совершенному удалению, окружных судов имеют три месяцаили отрешению от должности они подвергаются не иначе, вакантного времени. **Глава X. О**как по приговорам суда. 41) Духовные судьи и члены **надзоре за духовно-судебными**духовно-судебных установлений получают содержание по **установлениями.** 56) Надзор заособому положению. **Глава 9. О надзоре за духовно-**духовно-судебными установлениями и**судебными установлениями.** 42) Надзор за духовно-должностными лицами оных, засудебными установлениями принадлежит высшим в исключениемъ чинов прокурорскогопорядке подчиненности судебным местам, а именно: а) надзора, принадлежит высшим всудебному отделению Св. синода – за всеми порядке подчиненности судебнымепархиальными судами и духовными судьями и б)

местам, а именно: а) судебномуепархиальным судам – за всеми духовными судьями в отделению Святейшего синода – заепархии. ЧАСТЬ III. *О судопроизводстве в духовных* всеми епархиальными судами и*судах.* РАЗДЕЛ 1. ОБЩИЯ ПРАВИЛА И О духовными судьями, и б) духовно-ПОДСУДНОСТИ. **Глава 1. Общие правила.** 43) Власть окружным судам – за всеми духовнымиобвинительная отделяется от судебной. 44) Власть судьями в округе. 57) Общий надзор заобвинительная принадлежит в епархиях духовной духовно-судебными установлениямиконсистории, благочинному и частным лицам, а в сосредоточивается в лице обер-судебном отделении Св. синода и в Соборе – прокурора Святейшего синода [52].Святейшему правительствующему синоду и частным ЧАСТЬ III. *О судопроизводстве в*лицам. *Примеч.* В определенных случаях и мере *духовных судах.* **Глава 1. Общие**обвинительная власть принадлежит Синодальным **правила.** 58) Никто из лиц духовенстваконторам и главным священникам гвардии и гренадер, белого и монашествующего не можетармии и флотов (ср. ниже ст. 87). Отделение быть наказан за преступления илиобвинительной власти от судебной составляет один из проступки, подведомственные судусущественных принципов нового процесса. Обязанность духовному, не быв присужден кнепосредственно участвовать в возбуждении дел, в наказанию приговором надлежащегораспоряжениях по розысканию преступлений и судебного установления. *Примечание*преследованию виновных несовместна с призванием *1.* Дела о лицах духовенства,суда. Вмешиваясь в начатие дел, и разрешая, нлп состоящего в непосредственномпредписывая те, или другие следственные действия, он ведении Святейшего синода, а такжеможет невольно составить себе вперед понятие о придворного и военного, производятсясвойстве подлежащего следствию деяния, или о вине на общем с судопроизводством обзаподозренного лица, а это легко может иметь влияние на епархиальном духовенстве основании.мнение его при самом рассмотрении и решении дела. Но о всяком состоявшемся судебномКому должна быть предоставлена обвинительная власть приговоре доносится Святейшемупо делам подсудным духовным судам? По дѣлам синоду, или сообщается главномуподсудным светским судам обвинительная власть священнику по принадлежности.принадлежит частным лицам, прокурорам и начальству *Примечание 2.* Следующие взыскания:должностных лиц. Предоставление частным лицам права 1) замечание, 2) выговор без внесенияобвинения и на духовном суде, в определенных случаях, в послужной список и 3) временноенеобходимо. За сим, учреждение особых органов испытание в архиерейском доме, дообвинения – прокуроров при существовании в духовном двух недель, могут быть налагаемы иведомстве начальства, имеющего существенною без суда, подлежащими духовно-обязанностью наблюдать за недопущением нарушений административными властями. 59)правил и законов, а допущенные преследовать пред Власть обвинительная отделяется отсудом, – совершенно излишне и бесцельно: орган для судебной. 60) Власть обвинительная, т.исполнения прокурорских обязанностей уже существует. е. обнаружение преступлений иНо какому, в частности, духовному начальству должна преследование виновных,быть предоставлена обвинительная власть? принадлежит: по деламЕпархиальный архиерей, по Слову Божию, и по правилам производящимся у духовных судей –Церкви, облечен судебною властью и должен духовному начальству и частнымнепосредственно участвовать в суде. Следовательно, он лицам, а по делам подведомственнымне может соединять в своих руках и обвинительной духовно-окружному суду, судебномувласти. За отделением судебной власти в низшей отделению и общему собраниюинстанции и сосредоточением ее в особом органе – в Святейшего синода, прокурорскомудуховных судьях, за отделением епархиального суда от надзору и частным лицам. 61) Властьадминистративной духовной консистории, и за судебная, т. е. разрешение дел иучреждением судебного отделения Святейшего синода постановление приговоров,отдельно от Правительствующего синода вся принадлежит судам без участияобвинительная власть удобно и без малейших властей административных [53]. 62)затруднений распределяется по органам, не имеющим Приговор духовного судасудебной власти и сосредоточивается в лице постановляется по поверке иблагочинного, в духовной консистории и в Святейшем дополнении представленныхправительствующем синоде. Гласные священники, доказательств в заседании суда. 63)имеющие под своим начальством духовные лица, но не Приговор о виновности, илиимеющие судебной власти, должны бы в отношении к

невинности подсудимыхподчиненным им духовным лицам пользоваться всеми постановляется по внутреннемуправами обвинительной власти, как и духовные убеждению судей, основанному наконсистории. Но не имея находящихся от них в совокупности обстоятельств,зависимости следователей, или духовных судей, имея обнаруженных при следствии и суде.местопребывание от большей части своих подчиненных в 64) Приговор духовного суда можетвесьма отдаленном расстоянии, – они были бы весьма быть только или осуждающий, илизатруднены в исполнении всех обязанностей, оправдывающий подсудимого.соединенных с обвинительною властью. Для назначения, Оставление в подозрении ненапр., следствия о полковом священнике, имеющем допускается. 65) Каждое дело решитсяпребывание в Каменец-Подольской епархии, нужно было не более, как в двух духовно-судебныхбы, чтобы было прислано в Петербург к главному инстанциях. Приговор второйсвященнику донесение, на основании которого он сделал инстанции почитается окончательным ибы сообщение каменец-подольской консистории о обжалованию не подлежит. 66)назначении следствия. За сим, оконченное Духовно-судебные места обязаныпредварительное следствие опять должно быть решать дела по точному разумупредставлено в Петербург для предания суду, и отсюда существующих законов. Останавливатьопять возвратиться в консисторию для предложения решение дела, под предлогомепархиальному суду. Для устранения указанных неполноты, неясности, недостатка илизатруднений и вместе для сохранения власти противоречия законов, воспрещается.начальствующих лиц над подчиненными представляется 67) Пересмотр судебных приговоров,возможным только один из указанных актов по силе самого закона, порядкомобвинительной власти, именно, акт предания суду ревизионным, не допускается. **Глава II.**предоставить главным священникам в отношении к **О подсудности.** 68) Всякоеподчиненным им духовным лицам, для каковой цели им преступное деяние, подсудноебудет представляемо подлинное следственное дело. духовному суду, исследуется в тойРаспоряжение же о начатии предварительного следствия местности, где оно учинено, и судится,о духовном лице, подчиненном главному священнику, по общему правилу, в том духовномможет быть сделано и непосредственно духовною суде, коему та местность подсудна. 69)консисториею по месту жительства обви-няемого, и по Духовному судье подсудны дела: а) осообщению главного священника, если сведения о наносимых духовными лицаминеобходимости предварительного следствия дошли до духовным же и светским лицам,него прежде, чем до консистории. Подобное положение оскорблениях чести, которыедолжно быть принято и в отношении к подлежащим предусмотрены в статьях устава оепархиальному суду духовным лицам, состоящим в наказаниях, налагаемых мировымиведомстве синодальных контор, которые также, как и судьями, 130–141 и б) вообще оглавные священники, не имеют в своем ведомстве проступках духовных лиц, за которые вдуховных следователей (ср. ниже ст. 87). 45) Приговор законе положены следующиедуховного суда постановляется не иначе, как по поверке взыскания: 1) замечание, 2) выговори дополнении в заседании суда представленных без внесения в послужной список, 3)доказательств. 46) Приговоры о виновности, или денежное взыскание до 100 руб., 4)невинности подсудимых постановляются по внутреннему заключение в монастыре до трехубеждению судей, основанному на совокупности месяцев и 5) выговор со внесением вобстоятельств, обнаруженных при производстве послужной список. 70) Духовномуследствия и суда. 47) Приговор духовного суда может окружному суду подлежат: а) дела побыть только или осуждающий, или оправдывающий отзывам и протестам на приговорыподсудимого. Оставление в подозрении не допускается. духовных судей; и б) все дела, изъятые48) Каждое дело решится не более, как в двух духовно-из ведомства духовных судей и несудебных инстанциях. Приговор 2-й инстанции почитается подлежащие ведению судебногоокончательным и обжалованию не подлежит. 49) Духовно-отделения и общего собраниясудебные места обязаны решать дела по точному разуму Святейшего синода. 71) Судебномусуществующих правил и законов. Останавливать отделению Святейшего синодарешение дела, под предлогом неполноты, неясности, подлежат дела по отзывам и протестамнедостатка или противоречия правил и законов, на приговоры духовно – окружныхвоспрещается. 50) Пересмотр судебных приговоров, по судов, постановленные ими в качествесиле самого закона, порядком ревизионным, отменяется. судов первой инстанции. 72) При**Глава 2. О подсудности.** 51) Всякое противозаконное

совокупности преступных деянийдеяние, подсудное духовному суду, исследуется в той различной важности деломестности, где оно учинено и судится, по общему рассматривается тем судом, которомуправилу, в том духовном суде, коему та местность подсудно важнейшее из них [54]. **Глава**подсудна. 52) При совокупности преступлений и **Ш. О производстве дел у духовных**проступков дело рассматривается тем судом, которому **судей.** 73) Духовный судья приступаетподсудно важнейшее из них. 53) Суду непосредственно к разбору подведомственных ему дел:архиерейскому подлежат: а) проступки неведения и а) по сообщениям духовногонечаянности, требующие исправления и очищения начальства; б) по собщениям светскихсовести священнослужительской иерархическим властей; в) по жалобам лиц,действием архиерея. б) вообще проступки против потерпевшихъ от преступления плидолжности и благоповедения, несоединенные с явным проступка, и вообще по заявлениямвредом и соблазном, замеченные в духовном лице, частных лиц; и г) непосредственно, покоторого прежнее поведение было неукоризненно; и в) лично усмотренным им преступнымжалобы, приносимые именно с тем, чтобы неправильно деяниям, подлежащим преследованиюпоступившего исправить архипастырским судом и независимо от жалоб частных лиц. 74)назиданием без формального делопроизводства. („Уст. По всем делам, которые возникают подух. конс.” ст. 165). Существо исчисленных в сей статье жалобам частных лиц и могут бытьдел приводит к убеждению в необходимости сохранения прекращаемы примирением; духовныйсуда непосредственно архиерейского. *Первый род* судья старается примирить стороны, иподлежащих сему суду дел составляют проступки только в случае неуспеха в том,неведения и нечаянности, требующие исправления и постановляет приговор. *Примечание.*очищения совести священнослужительской Дела, которые могут быть оканчиваемыиерархическим действием архиерея и примирением, должны быть снеудобоподвергаемые гласности и формам точностью означены в законе. 75)обыкновенного суда („Уст. дух. конс.” 165). Что дела этого Осмотр, или иное местное дознание,рода могут быть разрешаемы и очищаемы только этим и если они окажутся необходимыми поникаким другим судом – для убеждения в сем довольно делу, поступившему к разборуказать, в частности, несколько таких дел. Таковы, напр. духовного судьи, производятсянесчастные случаи пролития Св. Даров, потеря духовными судьями, или, по ихсвященником дароносицы со Св. Дарами и т. п. поручению, кандидатами. 76) ДуховныйОчевидно, что к суждению сих случаев неприложпмы судья разбирает все дела словесно, иформы открытого формального суда; единственно постановляет приговор по выслушаниивозможным и уместным здесь судом может быть только сторон, или их поверенных. 77)суд архиерея, как общего духовного отца всех иереев; ни Приговоры духовного судьи по делам оодин священник сам собою, ни целая коллегия проступках, за которые в законесвященников не могут разрешить подобных случаев, а определяются одни лишь замечания,формальный суд здесь совершенно неуместен. *Второй* или выговоры без внесения в*род* подлежащих сему суду дел составляют вообще послужной список, или денежноепроступки против должности и благоповедения, не взыскание в случае определения оногосоединенные с явным вредом и соблазном, замеченные в в размере не свыше пятнадцатисвященнослужителе, которого прежнее поведение было рублей, считаются окончательными инеукоризненно. („Уст. конс.” 165 п. 6). Дела этого рода не могут быть обжалованы. На всеподвергать прямо формальному, карающему суду, минуя прочие приговоры допускаются отзывынепосредственный архиерейский исправительный суд и протесты. 78) Дела у духовных судейбыло бы не согласно с отношениями архиерея как подчиняются общему порядкудуховного отца всех подчиненных ему клириков: когда нет судопроизводства, установленномуни вреда, ни соблазна от проступка, допущенного ниже для дел, подведомственныхклириком, прежнее поведение которого было духовно-окружному суду, в качествебезукоризненно, тогда архиерей имеет и право, и долг суда первой степени. Отступления отисправить такового своим непосредственным судом. сего общего порядка допускаются лишь*Третий род* дел, подлежащих непосредственному в виде изъятия и должны быть сархиерейскому суду, составляют жалобы, приносимые точностью указаны в законе [55]. **Глава**именно с тем, чтобы неправильно поступившего **IV. О порядке обжалования**исправить архипастырским судом и назиданием без **постановлений и приговоров**формального делопроизводства („Уст. конс.” 165 п. в). **духовных судей и о производстве**Эти жалобы относятся, очевидно, к обидам,

дел в духовно-окружных судах впричиняемым духовными лицами, и почитающих себя **качестве второй инстанции.** 79)обиженными лишать права обращаться к Право приносить отзывы нанепосредственному архиерейскому суду, значило бы неокончательные приговоры духовныхстеснять их права. В делах об обидах законодательство судей принадлежит подсудимым ипредоставляет обиженному право искать полного лицам потерпевшим, а право протестаудовлетворения по закону, или же не полного, а только на означенные выше решениянекоторого; не отнимает у обиженного возможности и предоставляется по всем делам несовершенно простить обидевшего. Поэтому, отнимать у прекращающимся примирением, хотяобиженного возможность искать за обиду не полного бы дела сии и не были возбужденыудовлетворения, полагаемого по формальному суду, а духовным начальством, семутолько удовлетворения по архипастырскому суду значило последнему. 80) Отзывы и протестыбы стеснять его права, ограничивать предоставленный предъявляются письменно илиему выбор средств удовлетворения, вынуждая его или словесно, лично или чрез поверенных.вовсе простить обидевшего, или же требовать полного 81) Отзывы и протесты подаютсявозмездия, по формальному суду назначаемого. 54) духовному судье, постановившемуДуховному судье подсудны: а) дела о таких оскорблениях приговор, не позже как вчести, наносимых духовными лицами духовным и двухнедельный срок со днясветским лицам, за которые взыскания и наказания объявления оного. 82) Приопределены в статьях устава о наказаниях, налагаемых рассмотрении дел по отзывам имировыми судьями, 130–141 включительно; б) вообще протестам свидетели и сведущие людидела о тех проступках духовных лиц, за которые требуются в суд, когда последний, пополагаются низшие виды наказаний, а именно: 1) особенно уважительным причинам,замечание, 2) выговор без внесения в послужной список и признает это необходимым. Суд может3) денежное взыскание; и в) дела по взаимным спорам также, не вызывая свидетелей, имежду духовными лицами и учреждениями, возникающим сведущих людей поручить допрос их,из пользования движимою и недвижимою церковною по месту их нахождения, духовнымсобственностью и церковными доходами. *Примечание.* судьям, или их кандидатам. 83) ДокладМонашествующие и послушники по делам исчисленным в дела производится изустно одним изсей статье судятся настоятелем вместе со старшею членов суда. В порядке прений, ибратиею, а настоятели епархиальных монастырей – в постановлении и объявлениие епархиальном суде. 55) Епархиальному суду подлежат: а) приговоров, суд руководствуетсядела по отзывам и протестам против приговоров и правилами, установленными ниже длярешений духовных судей; б) все дела о духовных лицах, производства дел в духовно-окружномизъятые из ведомства духовных судей, и неподлежащие суде, в качестве первой инстанции. 84)суду Св. синода; и в) все дела брачные и дела о При рассмотрении дел впреступлениях и проступках, подвергающих виновного апелляционном порядке, наказаниеоткрытой церковной епитимии. 56) Судебному отделению подсудимому может быть увеличеноСвятейшего синода подлежат: а) дела по отзывам и только в случае требования о томпротестам против приговоров епархиальных судов; и б) обвинителя. 85) Отдельно от отзывоввсе дела о настоятелях ставропигиальных монастырей и могут быть подаваемы жалобы толькосинодальных церквей, о членах духовных консисторий, на медленность и вообще на действия,епархиальных судов и синодальных контор, о главных требующие безотлагательногосвященниках армии и флотов, гвардии и гренадер, и о исправления. 86) Частные жалобылицах архиерейского сана. 57) Суду собора подлежат: а) подаются тому судебномудела по отзывам и протестам против приговоров установлению, на действия которогосудебного отделения Святейшего синода; и б) все дела о приносятся, и не останавливаютчленах и присутствующих Святейшего синода. Раздел II. течения дела. 87) Жалобы наО порядке судопроизводства о лицах духовного непринятие, или на непредставлениесостояния. **Глава I. О судопроизводстве** духовным судьею, в определенный**непосредственно архиерейском.** 58) По делам, срок, отзыва, или жалобы, подаются вподлежащим непосредственному архиерейскому суду, духовно-окружной суд [56]. **Глава V. О**епархиальный архиерей вызывает к себе обвиняемого, **производстве дел в духовно-**испытывает его совесть и отпускает на место, или только **окружном суде в качестве первой**с пастырским вразумлением, или же налагает приличную **инстанции.** Отделение 1. Оепитимию с прохождением оной на месте, или в предварительном следствии. 88)архиерейском доме до двух недель. 59)

Духовный судья приступает кСудопроизводство непосредственно архиерейское предварительному следствию посовершается не публично. 60) Привлекаемый к законным поводам, указанным в ст. 73,непосредственному архиерейскому суду по обвинению в а также и по сообщениям лицпроступке против должности и благоповедения, прокурорского надзора. 89) Духовныйпредварительно суда архиерейского, может просить себе судья сообщает епархиальномуформального суда. 61) На приговоры архиерея, архиерею и прокурорскому надзору опостановленные в сем порядке суда, жалобы не всяком следствии, начатом им не по ихдопускаются и таковые случаи не вносятся в послужные сообщениям. 90) Прокуроруписки. **Глава 2. О судопроизводстве у духовных** принадлежит право наблюдения за**судей.** 62) Духовный судья приступает к разбору производством следствий. 91) Дляподсудных ему дел: а) по предписаниям духовных воспрепятствования обвиняемомуконсисторий и по сообщениям благочинного; б) по уклоняться от следствия и суда,сообщениям светских властей; в) по жалобам лиц, духовным судьею могут быть принятыпотерпевших от преступного деяния, и по искам лиц и следующие меры: а) отобраниеучреждений, почитающих нарушенными их подписки о неотлучке из местаимущественные права; и г) непосредственно, по лично жительства, б) отдача на поруки, в)усмотренным им преступным деяниям, подлежащим взятие залога и г) в случаях наиболеепреследованию независимо от жалоб частных лиц. 63) По важных, которые должны быть свсем делам, которые возникают по жалобам частных лиц точностью определены в законе,и могут быть прекращаемы примирением, духовный судья личное задержание. 92) Духовныйстарается примирить стороны, и только в случае не судья может быть отводим, поуспеха в том поста-новляет приговор, или решение. 64) законным причинам, как обвиняемым,Необходимые по делам, разбираемым у духовного судьи, так и лицом потерпевшим отосмотры и другие дознания производятся или самим преступного деяния. 93) Осмотры,судьею, или, по его поручению, кандидатом. 65) обыски и выемки производятся вДуховный судья разбирает все дела словесно и, по присутствии понятых. 94) Духовныйвыслушании сторон, или их поверенных, постановляет судья допрашивает под присягоюприговор, который и вносит в установленную для сего свидетелей и сведущих людей, кромекнигу, или протокол. 66) Приговоры духовного судьи по отводимых по причинам, в законеделам о проступках, за которые в законе определяются определенным, и освобождаемых отодни лишь замечания, или выговоры без внесения в присяги по закону. 95) Духовноепослужной список, или денежное взыскание не свыше 3 начальство, прокурорский надзор, лицорублей и решение по имущественным искам не свыше 20 потерпевшее от преступного деяния ирублей, считаются окончательными и не могут быть обвиняемый имеют право: а)обжалованы. На все прочие приговоры и решения присутствовать при всех следственныхдопускаются отзывы и протесты. **Глава 3. О** действиях и рассматривать подлинное**судопроизводстве в коллегиальных духовно –** следствие, не останавливая, однако,**судебных установлениях.** Отделение 1. О течения дела; б) представлятьпредварительном следствии. 67) Духовный следователь доказательства; и в) отводитьприступает к предварительному следствию не иначе, как свидетелей и сведущих людей попо предписаниям духовной консистории, или Святейшего законным причинам. 96) Оконченноеправительствующего синода. 68) Синодальные конторы и духовным судьею предварительноеглавные священники, в случае усмотренной ими следствие передается имнеобходимости предварительного следствия о состоящих прокурорскому надзору, которомув их ведомстве духовных лицах, подсудных предоставляется право, в случаеепархиальным судам, сообщают о сем местной духовной настоятельной необходимости,консистории. 69) Распоряжения духовной консистории о возвратить его для дополнения. 97) Напредварительном следствии не восходят на неправильные действия порассмотрение и утверждение архиерея, который имеет производству следствия, в случаях,председательствовать в суде по данному делу. Это кои должны быть указаны в законе,положение введено для разъяснения той мысли, что участвующие в деле лица могутпредседательствующий в суде по данному делу архиерей приносить частные жалобы духовно-не принимает участия ни в возбуждении дел, ни в окружному суду. 98) Принесениераспоряжениях по розысканию преступлений. Все эти жалобы не останавливает нидействия и распоряжения исходят от консистории и могут производства следствия, ниили вовсе не восходить на архиерейское утверждение,

исполнения отдельных следственныхили же быть утверждаемы в епархиях, где два архиерея, действий, буде не последует особогоепархиальный и викарный, тем из них, который не будет на сей предмет распоряжения духовно-председательствовать в суде по данному делу. 70) Для окружного суда [57]. Отделение 2. Овоспрепятствования обвиняемому уклоняться от предании суду и о прекращении дел.следствия и суда, духовным следователем могут быть 99) Прокурор, по рассмотренииприняты следующие меры: а) отобрание подписки о не следствия, признав, что обвиняемыйотлучке из места жительства; б) отдача на поруки; в) должен быть предан суду, составляетвзятие залога и г) в случаях наиболее важных личное обвинительный акт, в котором означаетзадержание. 71) Духовный следователь может быть существо дела, основания обвинения,отводим, по законным причинам, как лицом обвиняемым, род и вид преступления или проступка.так и подавшим жалобу. 72) Осмотры, обыски и выемки 100) Обвинительный акт, илипроизводятся в присутствии понятых. 73) Духовный заключение о прекращении следствияследователь допрашивает под присягою свидетелей и или об изменении подсудности в техсведущих людей, кроме отводимых по причинам в законе случаях, когда прокурор не признает,определенным, и освобождаемых от присяги по закону. что обвиняемый должен быть предан74) Духовное начальство, по распоряжению которого суду, представляется прокурором наначато следствие, лицо, подавшее жалобу, и утверждение епархиаль- ногообвиняемый, имеют право непосредственно или чрез архиерея, вместе с подлинным делом.уполномоченные лица: а) присутствовать при всех *Примечание.* К обвинительному актуследственных действиях и рассматривать подлинное прилагается список лиц, кои, последствие, не останавливая, однако, течения дела; б) мнению прокурора, должны бытьпредставлять доказательства; и в) отводить свидетелей и вызваны к судебному следствию. 101)сведущих людей по законным причинам. 75) Епархиальный архиерей илиПредварительное следствие, которое духовный утверждает обвинительный акт илиследователь признает оконченным, представляется им заключение прокурора, или заменяеттому духовному установлению, по предписанию которого их своим постановлением.было начато. 76) На неправильные действия по *Примечание.* Постановление архиереяпроизводству следствия, в случаях, указанных законом, о предании суду, несогласное сучаствующие в деле лица могут приносить частные заключением прокурора, должно бытьжалобы в тот суд, которому подсудно дело. 77) изложено в форме обвинительногоПринесение жалобы не останавливает ни производства акта. 102) На прекращение дела, наследствия, ни исполнения отдельных следственных изменение обвинения и на измененииедействий, буде не последует распоряжение суда. подсудности архиереем, прокурор иОтделение 2. О предании суду и о прекращении дел. 78) лица потерпевшие могут приноситьДуховная консистория, получив следственное дело, если жалобы в судебное отделениепризнает оное произведенным правильно и не Святейшего синода. 103) Прокурор,требующим дополнения, постановляет заключение или о удостоверившись в преступном деянииипрекращении дела, или об изменении подсудности, или о духовного лица, может с разрешенияпредании обвиняемого суду. 79) Заключения консистории епархиального архиерея дать делуо прекращении дела, или об изменении подсудности указанное в предыдущих статьях (99 –предлагаются епархиальному суду, от которого и зависит 102) движение и без предварительногодальнейшее движение дела. 80) На прекращение дела следствия, если, по несложности илица потерпевшие могут жаловаться в высшую ясности дела, признает это возможныминстанцию суда. 81) Консистория, признав, что [58]. Отделение 3. О порядкеобвиняемый должен быть предан суду, составляет производства дел в духовно-окружномобвинительный акт и вносит оный в епархиальный суд. суде. 104) В духовно-окружном суде82) В обвинительном акте означаются: существо дела, дела начинаются по обвинительнымоснования обвинения, род и вид преступного деяния. 83) актам, или по постановлениямС обвинительным актом передается в суд следственное архиерея, о предании суду,дело и список лиц, которые, по мнению консистории, предлагаемым суду прокурором. 105)должны быть вызваны к судебному следствию. 84) Все Духовно-окружной суд, если признаетдействия консистории, указанные в сем отделении, не дело себе не подсудным, представляетвосходят на рассмотрение и утверждение архиерея, о сем на разрешение судебногоимеющего председательствовать в суде по данному делу. отделения Святейшего синода. 106)85) В делах о состоящих в ведомстве синодальных Копия обвинительного акта иликонтор и главных священников духовных лицах,

постановления архиерея передаетсяподсудных епархиальным судам, право предания суду обвиняемому, с предоставлением емупринадлежит синодальным конторам и главным указать, кого он признает нужнымсвященникам. 86) По делам о лицах, подсудных вызвать в суд к судебному следствию,судебному отделению Святейшего синода, право и кого избирает своим защитником.предания суду принадлежит Святейшему 107) Обвиняемый и его защитник могутправительствующему синоду; а по делам, подсудным рассматривать дело в канцеляриисобору, право предания суду принадлежит части членов суда, под надлежащим надзором. 108)Святейшего правительствующего синода и судебного Требование личной явки обвиняемогоотделения синода, которые за сим уже не входят в состав на суд и вызов к суду свидетелей,соборного по этому делу заседания. Отделение 3. О указанных сторонами, зависит отпорядке производства. 87) Дела в коллегиальных усмотрения суда. Суд не в праведуховно – судебных установлениях начинаются по отказать в допросе свидетелей,обвинительным актам, передаваемым подлежащею представленных сторонами лично вдуховною властью. *Примеч.* Может быть предложен суду судебное заседание, если они былиобвинительный акт и без предварительного следствия, спрошены при предварительномесли, по несложности и ясности дела, подлежащая следствии. 109) По делам, начавшимсядуховная власть признает это возможным. 88) Копия по жалобам частных лиц, лицо,обвинительного акта передается обвиняемому, с подавшее жалобу, извещается опредоставлением ему указать, кого он признает нужным вступлении дела в суд. 110) Судебноевызвать в суд к судебному следствию, и кого избирает следствие начинается чтениемсвоим защитником. 89) Обвиняемый и его защитник могут обвинительного акта, илирассматривать дело в канцелярии суда, под надлежащим постановления архиерея о преданиинадзором. 90) Вызов к суду свидетелей, требуемых суду. 111) Представленныесторонами, обязателен для суда лишь в случаях, именно доказательства поверяются иуказанных законом. Но суд не вправе отказать в допросе дополняются в заседании суда: а)свидетелей, представленных сторонами лично в рассмотрением подлинных протоколовсудебное заседание, если они были спрошены при и других письменных и вещественныхпредварительном следствии. 91) По делам начавшимся доказательств, и б) отобраниемпо жалобам частных лиц, подавший жалобу извещается о показаний от подсудимого, сведущихвступлении дела в суд. 92) В исполнении обязанностей людей, свидетелей и участвующих вобвинения пред судом духовная консистория действует деле лиц. 112) Доклад дела, в случаечрез своего секретаря, а Святейший правительствующий необходимости, возлагаетсясинод пользуется содействием синодального обер-председателем на одного из членовпрокурора и подведомых ему чинов. Установление не суда. 113) Прокурор с одной стороны,непосредственного исполнения обязанностей обвинения подсудимый или защитник с другой,пред судом учреждениями, в которых сосредоточивается пользуются на судебном состязаниинообвинительная власть, – консисториею и Святейшим равными правами. В допросах иправительствующим синодом, вызывается прежде всего прениях на суде предоставляетсясоображением о необходимости протеста против принимать участие как обвинителю, таксудебных приговоров. Конечно, консистория без и подсудимому, его защитнику и лицу,неудобства могла бы поддерживать обвинение на суде потерпевшему от преступления.чрез одного из своих членов. Но за сим, в случае Направление допросов и пренийнесогласия обвиняющего с судебным приговором, не принадлежит председателю суда. 114)удобно было бы предоставить право протеста ему, как Последнее слово в прениях на судесостоящему в подчинении председателю суда – принадлежит всегда обвиняемому, илиархиерею. Не вводить и вовсе протеста в духовный суд его защитнику. 115) Судебномузначило бы – предоставить одной стороне, именно – приговору должна непосредственнообвиняемому более прав, чем другой – обвиняющему. предшествовать постановка вопросов,Таким образом для исхода из сего неудобства, вытекающих из существа дела. 116)представляется возможным поручение консисториею Если при решении дела голоса судейправа непосредственно поддерживать обвинение пред разделятся на два мнения или более,судом ее секретарю, который состоит в подчинении обер-то за основание приговорапрокурору Св. синода, и может пользоваться правом принимается то, которое соединяет впротеста против судебного приговора, представляя оный себе наиболее голосов; при равенствеобер-прокурору Св. синода для предложения судебному их отдается предпочтение томуотделению Св. синода. В Св. синоде нет указанного

мнению, которое принятонеудобства. Член Св. правительствующего синода не председателем суда, а если мнениеподчинен судебному отделению синода и мог бы и разделились так, что голосподдерживать обвинение и пользоваться правом председателя не может дать перевеса,протеста против судебного приговора. Но здесь то тому из равносильных по числусодействие обер-прокурора является важным вследствие голосов мнений, котороедругих соображений: обер-прокурору Св. синода, как снисходительнее к участи подсудимого.лицу, облеченному доверием от Верховной власти, могут 117) Суд за каждое преступлениебыть потребны сведения о ходе судебного дела в определяет наказание, в законе за тодуховном ведомстве. Поставленный близко к судебному преступление именно назначенное. Ноотделению Св. синода, имея право и непосредственно и суду предоставляется право, почрез подчиненные ему должностные лица поддерживать обстоятельствам уменьшающим вину,обвинение в судебном отделении Св. синода, он будет смягчать наказание в пределах,иметь точные сведения о всех важнейших делах в законом определенных. 118) Сущностьдуховном суде. А из протестов консисторских секретарей постановленного приговораон получит сведения о ходе дел в епархиальных судах. провозглашается немедленно в93) Судебное следствие начинается чтением публичном заседании суда. 119)обвинительного акта. 94) Представленные Приговор, по которому в определенныйдоказательства поверяются и дополняются в заседании законом срок не последовало нисуда: а) рассмотрением подлинных протоколов и других протеста, ни отзыва, почитаетсяписьменных и вещественных доказательств и б) вступившим в законную силу [59]. **Глава**отобранием показаний от подсудимого, сведущих людей, **VI. О порядке обжалования**свидетелей и участвующих в деле лиц. 95) Сведущие **постановлений и приговоров**люди и свидетели, прежде допроса их, приводятся к **духовно-окружного суда и о**присяге в заседании суда, если они не приведены к **производстве дел в судебном**присяге духовным следователем при предварительном **отделении Св. синода в качестве**следствии. 96) Обвинитель с одной стороны, а **суда второй инстанции.** 120)подсудимый или его защитник с другой, пользуются на Протесты прокурора и отзывысудебном состязании одинаковыми правами. В допросах обвиняемых и лиц потерпевшихи прениях на суде предоставляется принимать участие подаются с соблюдением правил икак обвинителю, так и подсудимому, его защитнику и сроков, установленных для переносалицу, потерпевшему от преступления. Направление дел, подведомых духовным судьям.допросов и прений принадлежит председателю суда. 97) 121) Производство по протестам,Прения на суде состоят из речей и объяснений всех отзывам и частным жалобам вучаствующих в деле сторон. Последнее слово на суде судебном отделении Святейшегопринадлежит всегда обвиняемому или его защитнику. 98) синода подчиняется порядку,Судебному приговору должна непосредственно установленному для производства делпредшествовать постановка вопросов, вытекающих из в духовно-окружном суде, в качествесущества дела. 99) По делам в епархиальном суде, второй инстанции. **Глава VII. Об**решаемым под председательством архиерея, решающую **исполнении приговоров духовных**силу имеет голос архиерея. Необходимость принятия **судов.** Отделение I. О порядкеэтого именно способа решения судебных дел в исполнения. 122) Приговоры духовныхепархиальном суде основывается на самых ясных и судов обращаются к исполнениюочевидных соображениях. а) Епархиальный суд немедленно по вступлении их впостановляет приговоры о лишении священного сана и законную силу. 123) Приговоры своидругихъ прав и преимуществ, которые преподаются духовные суды исполняют – или самидуховным лицам только епископом. Если принять способ непосредственно, или сообщают длярешения дел большинством голосов, то может оказаться, исполнения духовному начальству.что пресвитеры будут присуждать к лишению таких прав, 124) Наблюдение за точным икоторые преподаны не ими, а епископом: епископ в суде безотлагательным исполнениемодин, а пресвитеров два, или более, большинство приговоров принадлежит духовнымголосов быть может на их стороне. б) Епископ, как судам и прокурорскому надзору. 125)заметили мы выше, в отношении к подчиненным ему Приговор высшего духовного судаклирикам занимает место отца, от которого все духовные может быть сообщен для исполнениялица епархии получили бытие, как духовные лица. А при низшему духовному суду, по местутаких взаимных отношениях невозможны отношения жительства осужденного. 126) Приравенства, на которых основывается решение

исполнении судебных приговоровбольшинством голосов. в) Практика Православной церкви духовное начальство, в случаесвидетельствует, что пресвитеры при епископах всегда необходимости, может требоватьимели только совѣщательный голос. Пресвитеры и содействия полиции. 127) Вседругие клирики собирались при епископах; но это недоразумения, возникающие присобрание и по существу, и по форме было отлично от исполнении судебного приговора,синодов патриарших и митрополичьих. Там епископы, по передаются на разрешение суда,самому сану и званию, суть члены синодов; между тем постановившего приговор. 128) Обкак здесь самый выбор членов епископского совета исполнении приговора, или о причинах,зависел от усмотрения епископа. Там, по примеру препятствующих оному, духовноедревних соборов, дело было решаемо большинством начальство доводит до сведенияголосов; в епископском же совете никогда не было подлежащего духовного суда [60].употребляемо начало большинства голосов; а епископ Отделение II. О судебных издержках.имел решающий голос. По сим основаниям мнения 129) Все расходы по деламчленов судебного присутствия епархиального суда, с производятся из сумм, состоящих вкоторыми согласно будет и мнение председателя – распоряжении правительства. Одни изархиерея, конечно, получат решающую силу. При сих расходов взыскиваются снесогласии же решающая сила будет принадлежать виновных, другие принимаютсямнению председателя – архиерея. 100) Во всех прочих окончательно на счет казны. 130) Всеслучаях, если при решении дела голоса судей разделятся дела в духовных судах производятсяна два мнения или более, за основание приговора на простой бумаге, без взысканияпринимается то, которое соединяет в себе наиболее каких-либо пошлин. **Глава VIII . Об**голосов; при равенстве их отдается предпочтение тому **изъятиях из общего порядка**мнению, которое принято председателем суда, а если **судопроизводства.** Отделение I. Омнения разделились так, что голос председателя не судопроизводстве по преступлениямможет дать перевеса, то тому из равносильных по числу должности духовно-судебной иголосов мнений, которое снисходительнее к участи духовно-административной. 131) Делаподсудимого. 101) Суд за каждое преступление по преступлениям должности духовно-определяет наказание, в правилах или законах за то судебной и духовно-административнойпреступление именно назначенное. Но суду подчиняются общему порядкупредоставляется право, по обстоятельствам судопроизводства, установленномууменьшающим вину, смягчать наказание в пределах, для дел подведомых духовно-указанных правилами и законами. 102) Сущность окружному суду в качестве суда первойпостановленного приговора провозглашается немедленно степени, с нижеследующимив публичном заседании суда. 103) Приговор, против отступлениями: 132) Предварительноекоторого в двухнедельный со дня объявления срок не следствие по сим делам начинается: а)последовало ни протеста обвинителя, ни отзыва о членах и присутствующихподсудимого, или его защитника, почитается вступившим Святейшего синода – пов законную силу. Раздел III. О порядке судопроизводства постановлению общего собранияпо делам брачным и другим, подвергающим виновных Святейшего синода; б) о духовныхоткрытой церковной епитимии. **Глава 1. О порядке** судьях, председателе и членах**производства дел о незаконных брачных** духовно-окружного суда, – по**сопряжениях.** 104) Из дел о незаконных брачных постановлению высшего в порядкесопряжениях некоторые производятся только в духовном инстанций судебного места; в) о лицахсуде, другие в духовном и уголовном. 105) Дела о архиерейского сана, главныхбрачных сопряжениях лиц, которым, по расторжении священниках гвардии и гренадер,брака, возбранено вступать в новый брак, и о брачных армии и флотов и членах синодальныхсопряжениях монашествующих, а равно и посвященных в контор – по постановлениямиерейский или диаконский сан, доколе они пребывают в Святейшего правительствующегосем сане, если не было употреблено для сего обмана, синода, по административному егоили подлога, подлежат одному духовному суду и отделению; г) о настоятеляхпроизводятся общим порядком по правилам о ставропигиальных монастырей и осудопроизводстве по преступлениям духовных лиц („Уст. протопресвитере московскогоконс.” 217. „Свод. зак.” т. X. 1, 37, п. 4, 6; „Улож. нак.” Успенского собора – по постановлению1569; „Суд. уст.” изд. госуд. канц. II. 375). 106) Дела о синодальных контор; и д) о всех прочихбрачных сопряжениях, заключенных по насилию, обману, лицах духовной администрации – аили в сумашествии одного или обоих брачившихся,

именно: о членах дух. консисторий,поступают к духовному суду по окончании над виновными попечительств о бедных духовногосуда уголовного для решения о действительности, или звания и духов. правлений,недействительности брака, и для определения благочинных церквей и монастырей,ответственности духовных лиц, совершивших кафедральных протоиереях, а такжебракосочетание („Уст. консист.” 218; „Уст. угол. судопр.” имеющих духовный сан членах1012; „Опред. Св. синода 28 февр. 1864 г.” № 354). 107) духовно-учебного при СвятейшемДела о многобрачии, о вступлении в брак в синоде комитета и начальствующих внедозволенных степенях родства или свойства, о духовно-учебных заведениях лицах, ввоспрещенном браке христиан с нехристианами, о академиях и семинариях – ректорах ичетвертом браке, о браке таких лиц духовного звания, инспекторах, в училищах –которым, по правилам Церкви, воспрещено вступать в смотрителях и их помощниках, побрак, если был употреблен для сего обман, или подлог, и распоряжению епархиальногоо браках лиц, недостигших узаконенного архиерея. 133) Производствосовершеннолетия, или имеющих более 80 лет от роду – предварительного следствиярешатся прежде в духовном суде и, по окончании над возлагается по делам: а) о членах ивиновными суда духовного, поступают к суду уголовному присутствующих Святейшего синода,(„Уст. консист.” 219 – 228; „Уст. угол. судопр.” 1013–1015). членах синодальных контор, лицах108) Во всех исчисленных в предшествующей статье архиерейского сана, главныхделах духовный суд решит вопросы о событии брака, священниках гвардии и гренадер,оглашаемого незаконным, о его законности или армии и флотов и о настоятеляхнезаконности, действительности или недействительности, ставропигиальных монастырей – наоб ответственности виновных по церковным правилам и лица духовно-судебного ведомства,вообще о церковных последствиях таковых браков, а назначаемые в каждом случае поравно и об ответственности духовных лиц, совершивших усмотрению судебного отделениябракосочетание. **Глава 2. О порядке производства дел** Святейшего синода; и б) о всех прочих**о расторжении браков.** 109) Дела о расторжении браков должностных духовных лицах – наначинаются не иначе, как по просьбам супругов, ищущих одного из членов духовно-окружногорасторжения, поданным в надлежащий епархиальный суда. 134) Оконченноесуд. 110) По просьбам о расторжении браков по причине предварительное следствиеприсуждения одного супруга к наказанию, соединенному представляется: Прокурору судебногос лишением всех прав состояния, епархиальный суд отделения Св. синода: а) о членах ивыдает просящему расторжения свидетельство о присутствующих Св. синода; б) онеобходимости подлинного судебного приговора, или духовных судьях и членах духовно –засвидетельствованной с него копии для истребования окружных судов, и в) о лицахсего документа из судебного места и, по рассмотрении архиерейского сана, главныхоного, решит дело („Уст. гражд. судопр.” 452–455). 111) По священниках гвардии и гренадер,просьбам о расторжении браков по причине безвестного армии и флотов и членах синодальныхотсутствия одного супруга епархиальный суд чрез одного контор. Прокурору духовно-окружногоиз своих членов или чрез духовного судью производит суда – о всех прочих лицах духовнойпри содействии полиции исследование о безвестно администрации. 135) Прокуророотсутствующем и за сим решит дело. („Уст. дух. конс.” судебного отделения Св. синода, или233–237; „Св. зак.” т. X, I, 57 – 59. „Уст. судопр. гражд.” прокурор духовно-окружного суда, по1452–1457; „Уст. угол. судопр.” 454 – 456. Срав. „ук. Прав. рассмотрении следствия, даетсената 18 мая 1871 г. Собран. узакон.” № 898). 112) По дальнейшее направление делу, впросьбам о расторжении брака по неспособности одного порядке, указанном в 99 – 101 ст., ссупруга к брачной жизни, или по нарушению святости тою лишь разницею, что 1) дела длябрака прелюбодеянием, председатель епархиального разрешения вопроса о предании судусуда, прежде всякого судебного действия, поручает лиц, означенных в п. *а*, 132 ст.,духовным отцам супругов сделать им увещание, чтобы вносятся в общее собрание обоихони оставались в брачном союзе („Уст. конс.” 243). 113) В отделений Св. синода, а дела ослучае безуспешности увещаний духовных отцев, предании суду лиц, означенных в п *. б*производятся новые увещания в самом суде прежде и *в,* той же статьи, вносятся в судебноеначатия судебного разбирательства дела. Меры для отделение Св. синода, и 2) что жалобысклонения сторон к примирению суд принимает и во и протесты на постановления общеговремя производства дела, и по окончании производства, собрания Святейшего синода неи только в случае безуспешности их постановляет

допускаются, а на постановлениярешение. 114) Супруги – ищущий расторжения брака и судебного отделения Св. синода, вответствующий должны являться к суду лично; случаях указанных въ ст. 102,поверенные не допускаются. 115) Дела о расторжении приносятся в общее собрание обоихбрака по сим двум причинам производятся при закрытых отделений Св. синода. 136) Лицадверях. 116) Лица, оговоренные в неспособности, а в духовенства, состоящего вслучае необходимости и ищущие по сей причине непосредственном ведении Св.расторжения брака, свидетельствуются в присутствии синода, а также придворного иврачебной управы, которая сообщает епархиальному военного, имеющие кромесуду об оказавшемся по освидетельствованию („Уст. священнослужительской, еще особыеконс.” 247). 117) При начале формального производства административные должности, задел о расторжении брака по оскорблению святости оного нарушение обязанностей, соединенныхпрелюбодеянием ответствующему лицу выдается с сими должностями, привлекаются кзасвидетельствованная копия с искового прошения и ответственности и предаются суду поназначается день для явки в суд истца и ответчика к постановлениям Св. синода, или посудоговорению. 118) Судоговорение начинается чтением распоряжениям главных священниковискового прошения, по содержанию которого требуются по принадлежности, с участием, наот ответчика объяснения, и за тем состоит из объяснений вышеизложенных основаниях,сторон. 119) Не отведенные сторонами свидетели прокурорского надзора. 137) Вопросы одопрашиваются по приведению их к присяге в суде, а предании суду в Св. синодепредставленные доказательства и объяснения разрешаются присутствием не болееподвергаются всестороннему рассмотрению суда („Уст. как из трех членов. При предании судуконс.” 248–256). Процесс бракоразводных дел по причине общим собранием обоих отделений Св.прелюбодеяния, проектируемый нами почти буквально синода, два из числа сих членовсогласен с употребляемым ныне в Греческой церкви должны быть из судебного отделенияКонстантинопольской патриархии. Процесс, Св. синода. 138) Суд производится: а)употребляемый там, довольно подробно описывается в над членами и присутствующими Св.бумаге, выдаваемой ищущему развода, и именно синода – в общемъ собрании обоихследующим образом: „Под председательством нашего отделений Св. синода; б) над лицамисмирения, в соприсутствии честнейших клириков, архиерейского сана, главнымиблагоговейнейших иереев и честнейших чиновников (священниками гвардии и гренадер,*ἀρχόντων*) явился пред всеми честнейший господин армии и флотов, членами синодальныхГеоргий и обвинял жену свою Марию в преступлении контор, и духовно-окружных судов – впрелюбодеяния. Он говорил, что нашел ее действительно судебном отделении Св. синода восквернившею ложе мужа своего и явно (*ἐπαυτοψίοπω*) качестве первой инстанции и в общемпрелюбодействовавшею с другим. Он представил и собрании обоих отделений Св. синодадостоверных свидетелей NN, которые под страхом в качестве второй инстанции; и в) надБожиим и по совести засвидетельствовали пред всеми о духовными судьями и всеми прочимиего жене, что, действительно, она не сохранила должной лицами духовной администрации – вверности ее мужу; но нарушила свое целомудрие и духовно – окружном суде в качествесделалась прелюбодеицею. И так, смирение наше, первой инстанции и в судебномвыслушав сие и удостоверившись, дало движение сему отделении Св. синода в качестведелу. За сим мы употребляли различные способы второй инстанции. 139) Члены,убеждения, чтобы убедить Георгия опять принять к себе участвовавшие в предании суду, неего жену (ибо Бож. правилами сие дозволяется), прощая входят в состав судебного по делуей ее падение, так как она горько о сем раскаивается и присутствия. 140) На приговоры общегообещается никогда ничего подобного не делать. Все сие собрания обоих отделений Св. синодамы делали в течение довольного времени и однако же не жалоб не допускается [61]. Отделение II.могли убедить его. Посему, следуя изречению Господа О судопроизводстве по преступлениямнашего в Евангелии: *иже пустит жену свою разве* лиц высшего в духовном ведомстве*словесе прелюбодейна творит ю прелюбодействовати,* сана или звания. 141) Дела о членах ии имея в виду, чтобы не случилось чего худшего при присутствующих Св. синода, лицахдальнейшем сожительстве их, так как прелюбодеяние архиерейского сана и главныхбольшею частью рождает ревность, а ревность убийство, священниках гвардии и гренадер,– объявляем сказанного Георгия разведенным и армии и флотов, по преступлениям сихотрешенным от жены его Марии по изречению Господа и лиц, не относящимся к нарушениюпо Божественным правилам Апостольским и соборным, и

должности судебной идаем ему дозволение взять другую жену, а административной, но подлежащимвышеуказанной *жене его Марии не даем дозволения* духовному суду, подчиняются порядку*когда-либо выйти за другого мужа*, *так как она была* судопроизводства, изложенному в*причиною развода.* (*Πηδάλιον εκδ.* 1800, 528; сравн. в предыдущем отделении. Отделение III.Пидалионе толков. 48 Апост. прав. стр. 37–39.) **Глава 3.** О смешанной подсудности духовной и**О порядке производства дел об удостоверении о** светской. 142) Дело о проступке**действительности события браков и о рождении от** духовного лица подсудном духовному**законного брака.** 120) Дела об удостоверении о суду, в случае соучастия в проступкедействительности события браков и о рождении от других лиц, подлежащих светскомузаконного брака в епархиальных судах начинаются: а) по суду, ведается судом светским втребованиям присутственных мест; б) вследствие отношении ко всем соучастникам. Почастных прошении, когда для засвидетельствования о делам сего рода светский судрождении от законного брака, не внесенном в назначает лицам духовного званияметрические книги, нужно удостоверение о событии брака наказания по светским законам, но, неродителей, и в) по просьбам частных лиц о выдаче обращая приговора своего о них кметрических свидетельств. 121) При разрешении сих дел исполнению, сообщает его судуепархиальный суд главнейшим доказательством духовному, для замены светскогопринимает показание метрических книг. При отсутствии наказания лицу духовного санаметрических записей рассматриваются: обыскная книга, соответственным наказанием поисповедные росписи, гражданские документы, или законам церковным. 143) Дело попроизводится следствие чрез члена суда, или чрез обвинению духовного лица в двух, илидуховного судью („Уст. конс.” 261–277). **Глава 4. О** более, проступках, предусмотренных**порядке производства дел о преступных деяниях,** светскими законами, из коих одни**подвергающих виновного открытой церковной** подсудны светскому суду, а другие**епитимии.** 122) Дела о преступлениях и проступках, за духовному, решится светским судом вокоторые в законах уголовных полагается лишь церковное всей его совокупности. 144) Еслипокаяние, или отсылка виновного к духовному суду, духовное лицо, сверх совершенияпроизводятся применительно к общему порядку проступка, предусмотренногопроизводства в духовных судах дел о преступлениях. светскими законами, обвиняется еще в123) По делам о проступках и преступлениях, за которые совершении проступка,церковная епитимия полагается сверх уголовного предусмотренного исключительнонаказания, духовный суд, на основании приговора только церковными законами, тоуголовного суда, определяет срок и образ исполнения каждый суд, духовный и светский,открытой церковной епитимии по церковным правилам. решит отдельно подсудное ему дело.Раздел IV. О порядке обжалования приговоров и решений Но окончательный приговор, подуховных судов. **Глава I . Об отзывах и протестах** совокупности преступлений,**против приговоров и решений неокончательных.** 124) постановляется судом светским.Против неокончательных приговоров и решений духовных *Примечание.* Наказания, налагаемыесудей и против всех приговоров епархиальных судов и уголовным судом по совокупностисудебного отделения Святейшего синода, преступлений, не освобождаютпостановленных в качестве 1-ой инстанции, допускаются виновного от взысканий церковных,протесты обвинителей и отзывы подсудимых, и лиц, по состоящих в запрещениижалобам коих возникло дело. 125) На приговоры Собора священнослужения, лишении сана ижалоб не допускается. 126) Дела по протестам и отзывам исключении из духовного ведомства [62].против приговоров и решений духовных судей ЧАСТЬ IV. *о делах, изъемлемых из*окончательно решатся в епархиальном суде; против *ведомства суда духовного.* **Глава I. О**приговоров епархиальных судов – в судебном отделении **делах по спорам между духовными**Свят. синода, и против приговоров судебного отделения **лицами, возникающим из**Святейшего синода – на Соборе. 127) Отзывы **пользования движимою и**подсудимых и других участвующих в деле лиц **недвижимою церковною**предъявляются письменно, или словесно, лично, или **собственностью и церковными**чрез защитников. 128) Протесты и отзывы должны быть **доходами.** 145) Споры междуподаны в суд, постановивший приговор, не позже, как в духовными лицами, возникающие издвухнедельный, со времени объявления приговора, срок. пользования движимою и недвижимою129) Апелляционные жалобы на решения духовных судей церковною собственностью ипо имущественным искам и на решения епархиальных

церковными доходами, разрешаются всудов по бракоразводным делам приносятся в месячный, духовном ведомстве, если несо дня объявления решения, срок. 130) При основаны на письменном акте. 146)рассмотрении дел по протестам и отзывам, свидетели и Дела по спорам между духовнымисведущие люди требуются в суд, когда последний лицами, возникающим из пользованияпризнает это необходимым. 131) Доклад дела движимою и недвижимою церковноюпроизводится изустно одним из членов суда. 132) В собственностью и церковнымипорядке прений, постановке вопросов и объявлении доходами, производятся у духовногоприговоров, суд руководствуется правилами, начальства. 147) Стороны поустановленными для производства в нем дел, в качестве взаимному соглашению, могут в сих1-ой инстанции. 133) При рассмотрении дел в делах обращаться или к постороннемуапелляционном порядке, наказание подсудимому может лицу, или к духовному судье, которыебыть увеличено только в случае требования о том решают сии дела на правах судаобвинителя. **Глава II. О частных жалобах.** 134) третейского. 148) Решения,Отдельно от отзывов и протестов, приносимых в постановленные в порядке третейскогоапелляционном порядке, могут быть подаваемы частные суда, признаются окончательными ижалобы на медленность и на действия, требующие приводятся в исполнение побезотлагательного исправления, как-то: на неправильное распоряжению духовного начальства.принятие мер для воспрепятствования обвиняемому *Примечание.* За сим все прочиеуклоняться от следствия и суда, на неправильное гражданские дела духовных лиц, какопределение подсудности дела, не обеспечение иска о между собою, так и с лицамивознаграждении, отказ в принятии отзыва. 135) Частные светскими, подлежат судужалобы представляются тому судебному установлению, гражданскому. **Глава II. О делах**на действие которого приносятся, и не останавливают **брачных и о выдаче метрических**течения дела. 136) Жалобы на непринятие или на **свидетельств.** 149) Дела онепредставление судебным учреждением в противозаконных брачныхопределенный срок отзыва или жалобы, подаются в сопряжениях, предусмотренныхвысший суд. Раздел V. Об исполнении приговоров уложением о наказаниях, вчиняются вдуховных судов. **Глава I. О порядке исполнения.** 137) светском суде, который свои приговорыПриговоры духовных судов обращаются к исполнению о незаконности брачных сопряженийнемедленно по вступлении их в законную силу. 138) передает епархиальному начальству,Приговоры свои духовные суды исполняют – или сами для соответственного распоряженияпепосредственно, или сообщают для исполнения относительно признаниянизшему суду или духовному начальству, или светской недействительности брака. 150)власти. 139) Недоразумения, возникающие при Расторжение брака, когда один изисполнении судебного приговора, разрешаются судом, супругов приговорен к наказанию,постановившим приговор. 140) О всяком исполнении сопряженному с лишением всех правприговора, произведенном не самим судом, суд получает состояния, производится, по просьбеизвещение от исполнявшей власти. **Глава II. О** другого супруга, епархиальным**судебных издержках.** 141) Все расходы по делам начальством. 151) Дела о расторженииипроизводятся из сумм, состоящих в распоряжении браков по безвестному отсутствиюправительства. Одни из сих расходов взыскиваются с одного из супругов производятся ввиновных, другие принимаются окончательно на счет светском суде, который, в случаеказны. 142) Все дела, исключая бракоразводных, в признания безвестного отсутствиядуховных судах производятся на простой бумаге, без доказанным, сообщает свое решениевзыскания каких-либо пошлин.

епархиальному начальству для расторжения брака. 152) Просьбы о расторжении брака по неспособности одного из супругов к брачной жизни обращаются к епархиальному архиерею, который делает распоряжение об увещании супругов, чтоб они оставались в брачном союзе. Если увещание не достигнет цели, предоставляется просившему расторжения брака супругу обратиться

в суд светский, который, в случае признания действительной неспособности, сообщает свое определение епархиальному архиерею для расторжения брака. 153) Желающие расторжения брака по нарушению святости оного прелюбодеянием, обращаются к епархиальному архиерею, который делает распоряжение об увещании супругов к примирению. Если увещание окажется безуспешным, предоставляется просившему расторжения супругу обратиться в суд светский, который постановляет решение по обвинению в прелюбодеянии и в случае признания события прелюбодеяния доказанным, сообщает копию с этого решения архиерею. Архиерей вновь делает распоряжение об увещании супругов к примирению и, если примирения не последует, распоряжается расторжением брака. 154) Светские и духовные лица по делам о выдаче метрических свидетельств, относительно событий рождения, крещения, брака, смерти и погребения, обращаются к епархиальному начальству. В случае неимения метрических записей об указанных событиях, или сомнительности в них, исследование сих событий и разрешение дел, принадлежит светскому суду, который о решении своем сообщает епархиальному начальству [63]. **Глава III . О наложении церковной епитимии.** 155) Лица духовного и светского звания, в подлежащих случаях, подвергаются церковному покаянию по распоряжению епархиального архиерея.

IX. ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОЕКТ КОМИТЕТА И НА ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ К СЕМУ ПРОЕКТУ

Комитетский проект, первоначально обнародованный в разных частных изданиях, обнародован наконец и официально в „Правительственном вестнике", вместе с объяснениями к нему.

Обнародование проекта прежде предложения его на законодательное обсуждение, очевидно, означает вызов суждений о проекте и его основаниях.

Мы считаем себя обязанными на этот вызов, дать наш отзыв, подвергнув обсуждению проект и его мотивы. Некоторых мыслей, выраженных в проекте и некоторых соображений, выдаваемых теперь за основания статей проекта, мы касались частью в первом выпуске исследования, частью в первых главах настоящего, второго. Остается рассмотреть с полным вниманием те положения проекта и те соображения, которые еще не были обсуждены и дополнить те наши замечания, которые высказаны кратко.

Проект основных положений, какой поставлено в обязанность комитету выработать, по силе многократных заявлений комитета, должен удовлетворять главным образом двум условиям: применить начало судебных уставов 1864–1867 гг. и не отступать от церковных правил. „Уподобление суда духовного судам государства, говорит комитет, и согласие первого с последними в действиях, составляют всегдашнее основное начало исторического развития суда духовного и в древней Вселенской и в особенности в нашей Русской церкви. Нельзя также отрицать, что это принаровление духовного суда к судам государства должно иметь свои границы, и *быть тщательно соображено с требованиями канонов Церкви,* с коренными началами ее устройства и управления, в противном случае духовный суд может не только утратить свои самобытные и отличительные черты, но и превратиться в суд светский. Духовный суд должен быть согласован с судом государства и вместе отвечать требованиям канонов Церкви и устройства». Основание к такому именно пониманию своей задачи комитет усматривает в самом определении Св. синода об учреждении комитета. По свидетельству комитетской записки (Ч. I, 1, 2) комитету поставлено в обязанность: „ *составить основные положения преобразования духовно-судебной части, сообразно тем началам, на которых совершено преобразование судоустройства и судопроизводства по гражданскому*, *военному и морскому ведомствам, по применению сих начал, насколько это окажется полезным и возможным*, *к свойствам, целям и потребностям суда духовного.* Из внимательного обсуждения этого текста определения Св. синода комитет вывел для себя два руководящие указания: первое то, что во всех своих предположениях относительно будущего устройства духовного суда, комитет должен принимать за исходные данные те начала, которые в виде основных положений, приведены в светских судебных уставах, и второе то, что „ *безусловное следование этим началам для комитета необязательно, напротив*, *возможность применения их к духовному суду должна быть постоянно соображаема как с положениями канонического права, так и с особенностями духовного управления и духовного суда".*

В виду сего категорического заявления и нам предлежит прежде всего рассмотреть – в какой мере проектом выполнено то и другое условие.

1. Отношение комитетского проекта к основным положениям преобразования общих судов Высоч. утв. 29 сент. 1862, к судебным уставам 20 ноября 1864 г. и к уставам военного и военно-морского суда 15 мая 1867 года.

Уже самое первое впечатление, оставляемое чтением комитетского проекта, напечатанного в „Правительственном вестнике" таково, что он есть в большей части своих положений буквальное повторение основных положений 29 сентября 1862 и статей судебных уставов 20 ноября 1864 г. Ближайшее сравнение комитетских положений с положениями 1862 и 1864 гг. не оставляет ни малейшего сомнения в том, что комитет большую часть своих положений буквально выписал из указанных выше источников. Для убеждения в сем мы приведем подлинники всех выписанных статей. Некоторые статьи выписаны буквально, другие применены с заменою светских названий соответствующими духовными, иные изменены в существе. Только I и IV части проекта (ст. 1–5, 145, 146, 149–155) составлены независимо от указанных источников.

Для ясности и раздельности мы укажем особо: а) статьи, переписанные буквально или только с немногими и неважными изменениями, – б) статьи, проектированные в противность

указанным источникам, и в) статьи, собственно комитету принадлежащие.

а) Статьи проекта, согласные с основными положениями 29 сент.

1862 и с судебными уставами 20 ноября 1864 г.

Статей, буквально заимствованных из основных положений 29 сент. 1862, или из суд. уставов 1864 г., или вполне согласных с ними по мысли и существу – 114 (считая примечания за особые статьи), т. е. более $^2/_3$ всего состава. Именно:

КомитетскогоОсновных положений судоустр. Высочайше утв. 29 сент. 1862 г.: Ст. 1. Власть **проекта.** Ст.судебная отделяется от исполнительной, административной и законодательной. 2. 6. 7 8 9 11, 12Власть судебная принадлежит: мировым судьям, их съездам, судам окружным, 13 14, 15 Ст.судебным палатам и Правительствующему сенату (в качестве верховного 17 18, 19 20кассационного суда). 5. Мировой судья есть власть единоличная; съезды мировых 25 26 27 28судей, окружные суды, судебныя палаты и Сенат суть учреждения коллегиальные. Ст. 29 30 31**Учрежд. суд. установл. по уст. 20 ноября 1864.** Ст. 4. Ведомство мировых судей, 32 34 35 36 37их съездов, окружных судов, и судебных палат ограничивается особыми участками Ст. 38 39 40и округами. Ведомство Правительствующего сената в отношении к судебной части 41 42 Ст. 43распространяется на всю империю. **Основн. полож. судоустр. Высоч. утв. 29** 44 45 46 47**сент. 1862.** Ст. 9. При судебных местах находятся: 1) прокуроры и их товарищи, 48, 51 Ст. 50коих занятия ограничиваются исключительно делами судебного ведомства; 2) 52 53 54 55 56канцелярии для письмоводства. 12. В каждом мировом округе может быть Ст. 57 58несколько мировых судей. 13. Мировые судьи избираются всеми сословиями в Прим. 1 59 60совокупности на три года. 14. В мировые судьи могут быть избраны только 61 62 Ст. 63местные жители, имеющие не менее 25 лет от роду, не опороченные по суду, или 64 65 66 67 68общественному приговору, не состоящие под следствием, или судом. 16. Почетные 69 Ст. 70 71мировые судьи содействуют участковому в исполнении его обязанностей. 23. 72 73 74 Ст.Окружной суд состоит из председателя и членов. Число членов определяется 75 76 77 79 80штатами. 23. Председатель окружного суда назначается Высочайшею властью по 81 Ст. 82 83представлению министра юстиции. 24. Заседания окружного суда для решения дел 84 85 86 87 88должны состоять не менее как из трех членов. 26. Судебные следователи, Ст. 89 90 91считаясь членами окружного суда, призываются в его заседания только в случае 92 93 95 96недостатка наличных членов для составления полного присутствия; за Ст. 97 98 99отсутствием судебных следователей, могут в таких случаях, быть призываемы к 100 Прим. 101заседанию в суде и мировые судьи. Но судебные следователи не могут и Прим. 103участвовать в решении тех дел, по коим они производили следствие. 25. 104 Ст. 106Заседания окружного суда для решения дел уголовных могут быть открываемы по 107 109 110мере надобности, не только в том городе, где суд имеет постоянное пребывание, 111 113 Ст.но и в других местах к округу принадлежащих. 43. В каждом кассационном 114 115 116департаменте Правительствующего сената состоит особый первоприсутствующий 117 118 Ст.и опре-деленное штатами число сенаторов. 46. Первоприсутствующий общего 119 122 123собрания кассационных департаментов, первоприсутствующие в сих 124 125 126департаментах и сенаторы оных назначаются Высочайшими именными указами. 127 Ст. 128**Учр. суд. установл. 20 ноября 1864, ст. 246.** Никто из должностных лиц судебного 129 130 131ведомства не вправе занимать другой должности, как по судебному, так и по 147 148 другим ведомствам, или в общественной службе. **Осн. пол. судоустр. Высоч. утв. 29 сент. 1862.** Ст. 44. Заседания кассационных департаментов Правительствующего сената для решения дел должны состоять не менее, как из трех сенаторов. 42. Из кассационных департаментов Правительствующего сената, в указанных законом случаях, составляется общее собрание. 45. В общем собрании кассационных департаментов Сената председательствует особый первоприсутствующий. 47. При каждом окружном суде и при каждой судебной палате состоит особый прокурор. При прокурорах окружных судов и судебных палат состоят товарищи. 48. Прокуроры окружных судов и их товарищи утверждаются министром юстиции, по представлению прокурора судебной палаты; прокуроры судебных палат и их товарищи назначаются Высочайшею властью, по представлению министра юстиции. 50. В прокурорском надзоре низшие чины действуют под руководством высших, а верховный надзор за всеми прокурорами сосредоточивается в лице министра юстиции, как генерал-прокурора. 51. Сущность

прокурорской обязанности заключается: 1) в наблюдении за единообразным и точным применением закона, 2) в обнаружении и преследовании пред судом всякого нарушения законного порядка и в требовании распоряжений к его восстановлению, и 3) в предложении суду предварительных заключений в случаях означенных в уставах гражданского и уголовного судопроизводства. 52. Если прокурор окружного суда усмотрит, что при решении дел судом обнаружена неполнота закона и признает необходимым возбудить законодательный вопрос: то он доносит о том прокурору судебной палаты, от коего зависит представить возбужденный вопрос на усмотрение министра юстиции. 53. Канцелярии съездов мировых судей, окружных судов и судебных палат состоят из секретарей и их помощников. 54. Секретари и помощники секретарей съездов мировых судей, окружного суда и судебной палаты избираются председателями сих мест и утверждаются ими по надлежащем испытании. 55. Канцелярии кассационных департаментов сената состоят из обер-секретарей и помощников обер-секретарей; первые утверждаются министром юстиции, а последние обер-прокурорами по принадлежности. 56. На наем писцов во всех судебных местах и на канцелярские расходы отпускаются особые суммы. 58. Заседания судебных мест суть или распорядительные, или судебные. 60. Судебные заседания для решения гражданских и уголовных дел происходят публично, в присутствии тяжущихся, обвиняемых, свидетелей и посторонних лиц. Случаи, в которых к сим заседаниям не должны быть допускаемы лица посторонние, определяются законом. 62. Каждое окончательное решение, состоявшееся публично, может быть напечатано как самим судом, так и частными лицами и обсуждаемо сими последними, в юридических журналах, с сохранением должного к суду и его членам уважения. 57. Наблюдение за скоростью и правильностью делопроизводства в каждом судебном месте и охранение порядка в заседаниях суда, возлагается на председателя, или первоприсутствующего. 64. Правила, относящиеся до внутреннего распорядка в судебных местах и указывающие способы исполнения законов, определяются наказами: *общим* и *особыми.* Первый составляется законодательным порядком, а последние местными судебными властями. 65. Отчеты о движении дел в судебных местах составляются: по округу суда первой степени председателем окружного суда, вместе с окружным прокурором; по округу судебной палаты старшим председателем палаты, вместе с ее прокурором; по кассационным департаментам Сената первоприсутствующим общего собрания сих департаментов, по соглашению с обер-прокурором. Отчеты судебных мест публикуются во всеобщее сведение. **Учрежд. судебн. установл. 20 ноября 1864 ст. 182.** В министерстве юстиции составляется общий отчет по судебной части во всей империи, который представляется министром юстиции на Высочайшее усмотрение. 243. Председатели, товарищи председателей и члены судебных мест не могут быть ни увольняемы без прошения, ни переводимы из одной местности в другую без их согласия. Временное устранение от должностей допускается только в случае предания их суду, а совершенному удалению, или отрешению от должностей, они подвергаются не иначе, как по приговорам уголовного суда. 261. Должностные лица судебного ведомства подвергаются ответственности: или в порядке дисциплинарного производства, или по приговорам уголовного суда. **Основн. пол. учр. суд. устан. 29 с ент. 1862,** ст. 19. Участковый мировой судья получает из общего земского сбора определенную сумму на содержание. 63. Члены судебных месъ имеют ежегодно три месяца вакантного времени. **Учрежд. суд. устан. 20 ноябр. 1864 ст. 249.** Надзор за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства, за исключением членов прокурорского надзора, принадлежит высшим в порядке подчиненности судебным местам, а именно: 1) кассационным департаментам Правительствующего сената – за всеми судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства в империи, 2) судебным палатам – за состоящими в округе каждой из них судебными местами и должностными лицами, кроме мировых судей и их съездов, 3) окружным судам – за всеми должностными лицами, принадлежащими к сим судам и при них

состоящими. 254. Общий надзор за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства сосредоточивается в лице министра юстиции, как генерал прокурора, в пределах настоящим учреждением установленных. **Осн. полож. угол. судопр. Высоч. утв. 29 сент. 1862:** ст. 1 Никто не может быть наказан за преступления, или проступки, подлежащие ведомству судебных мест, не быв присужден к наказанию приговором надлежащего суда вошедшим в законную силу. **Уст. угол. судопр. 20 ноябр. 1864, ст. 1111.** Окончательный судебный приговор о преданном суду должностном лице сообщается в копии тому начальству, по постановлению которого лицо это предано суду. **Осн. полож. угол. судопр. 29 сент. 1862 г.** Ст. 3. Власть обвинительная отделяется от судебной. 4. Власть обвинительная, т. е. обнаружение преступлений и преследование виновных принадлежит прокурорам. 5. Власть судебная, т. е. рассмотрение уголовных дел и постановление приговоров принадлежит судам без всякого участия властей административных. 6. Приговор постановляется не иначе, как по поверке и дополнении, в заседании суда, доказательств, обнаруженных предварительным следствием. 8. Теория доказательств основанная единственно на их формальности отменяется. Правила о силе судебных доказательств должны служить только руководством при определении вины, или невинности подсудимых по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда. 9. Приговор может быть только или осуждающий, или оправдывающий подсудимого. Оставление в подозрении не допускается. 11. Каждое дело решится не более как в двух судебных инстанциях. 12. Все судебные места обязаны решать дела по точному разуму существующих законов. Останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности, недостатка, или противоречия законов воспрещается. 13. Рассмотрение судебных приговоров, по силе самого закона, порядком ревизионным, отменяется. 15. Всякое противозаконное деяние исследывается в той местности, где оно учинено, и судится в том суде, коему та местность подсудна. 19. Мировым судьям подсудны: 1) дела о менее важных преступлениях и проступках, за которые в законах определены только выговоры, замечания и внушения, денежные взыскания, которых высшая мера не превосходит 300 рублей; арест до 3 месяцев, или заменяющие оный наказания; 2) дела о тех преступлениях, или проступках, о коих производство, начинаясь не иначе как по жалобамъ лиц обиженных, или потерпевших вред, может быть прекращено примирением. 21. Ведомству окружного суда подлежат дела о всех преступлениях и проступках, неподсудных мировым судьям. 22. Ведомству судебной палаты подлежат: 1) дела по отзывам и протестам против приговоров окружного суда, и 2) вчиняемые в палате, по особенному порядку судопроизводства, дела: а) о преступлениях государственных, и б) о преступлениях и проступках по службе. 16. При совокупности преступлений и проступков дело рассматривается тем судом, которому подсудно важнейшее из них. 24. Мировой судья приступает к разбору подведомых ему дел о преступлениях и проступках: 1) по жалобам лиц понесших от преступления, или проступка, вред, убытки, или обиду; 2) по сообщениям полицейских и других властей об обнаруженных ими, или дошедших до их сведения преступлениях и проступках, подлежащих преследованию независимо от жалоб частных лиц, и 3) непосредственно по лично усмотренным судьею преступлениям и проступкам, ему подведомым, нарушающим общественный порядок, или благочиние. 25. В делах, которые возникают лишь по жалобам частных лиц и могут быть прекращаемы примирением, мировой судья старается примирить принесшего жалобу с обвиняемым, а в случае неуспеха в том постановляет приговор, основывая оный только на тех доказательствах, которые указаны сторонами. 26. Когда по делу, поступившему на рассмотрение мирового судьи, окажется необходимым сделать осмотр, или иное местное дознание; то сии действия производятся, или самим мировым судьею, или, по его поручению, чинами местной полиции. 27. Мировой судья разбирает все дела словесно, внося приговоры свои в установленную для сего книгу. 30. Приговоры мирового судьи, которыми определяются: внушения,

замечания и выговоры, денежные взыскания не свыше 15 рублей с одного лица и арест до 3 дней, или заменяющие оный наказания, считаются окончательными и не могут быть обжалованы. На все прочие приговоры допускаются отзывы. **Уст. угол. судопр. 20 ноября 1864 ст. 145.** На неокончательные приговоры мирового судьи обе стороны могут приносить отзывы по всем предметам дела, до них относящимся. **Осн. полож. угол. судопр. 29 сентября 1862 ст. 95.** Против всех приговоров, постановленных судом в первой судебной инстанции, без участия присяжных заседателей, допускаются отзывы подсудимых и лиц потерпевших от преступления, равно как и протесты прокурора. 99. Отзывы подсудимых и других участвующих в деле лиц, могут быть делаемы письменно или словесно, лично, или чрез защитников. 100. Протесты и отзывы должны быть поданы в суд, постановивший приговор, не позже как в двухнедельный срок. 101. При рассмотрении дел по отзывам и протестам, свидетели и сведущие люди требуются в суд для передопроса тогда только, когда суд, или подавший протест прокурор признают это нужным, или же когда об этом будут просить подсудимые, или прикосновенные к делу, и суд не встретит особых препятствий к удовлетворению их просьбы. **Уст. угол. судопр. 1864, ст. 885:** Доклад дела производится членом палаты изустно. 891. Увеличение наказания, или назначение такового подсудимому, оправданному первою степенью суда, допускается в апелляционном порядке только в том случае, когда об этом был протест прокурора, или отзыв частного обвинителя. **Основн. полож. угол. судопр. 29 сент. 1862, 102:** Отдельно от отзывов могут быть подаваемы только жалобы на медленность и на действия, требующие безотлагательного исправления. **Уст. угол. судопр. 1864, 895:** Жалобы и протесты на частные определения окружного суда подаются в тот же суд. 897. Подача жалобы, или протеста на частное определение не останавливает его исполнения, кроме тех случаев, когда признает это необходимым суд, постановивший определение. 154. Жалобы на отказ мирового судьи в принятии отзыва подаются мировому съезду. **Основн. полож. угол. судопр. 1864** ст. 37: Судебный следователь приступает к предварительному следствию: 1) по требованиям прокуроров, 2) по сообщениям присутственных мест и должностных лиц, 3) по жалобам и объявлениям частных лиц, и 4) по собственному усмотрению. 38. Судебный следователь о всяком начатом им следствии доводит до сведения прокурора. 47. Постоянный надзор за производством следствий принадлежит исключительно прокурору. 40. Для воспрепятствования подозреваемым уклоняться от следствия и суда, судебный слѣдователь, в случаях законами определенных, принимает следующие меры: 1) отобрание вида на жительство, 2) отдачу под особый надзор полиции; 3) взятие залога, 4) отдачу на поруки, 5) домашний арест, и 6) взятие под стражу. 41. Судебный следователь может быть отводим, по законным причинам, как лицом обвиняемым, так и подавшим жалобу. 42. Осмотры, обыски и выемки производятся в присутствии понятых. Прокурор имеет право присутствовать, по своему усмотрению, при следственных действиях и рассматривать подлинное следствие, не останавливая, однако, течения оного. 53. Предварительное следствие, которое следователь признает оконченным, представляется им прокурору окружного суда. **Уст. угол. судопр. 1864,** 512: В случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставляется право или потребовать дополнительные сведения или обратить дело к доследованию. 491. Участвующие в деле лица могут приносить жалобы на всякое следственное действие, нарушающее, или стесняющее их права. 500. Принесение жалобы, впредь до ее разрешения, не останавливает ни производства следствия, ни исполнения отдельных следственных действий. **Осн. полож. угол. судопр. 1862.** Ст. 55. Если прокурор окружного суда, по рассмотрении следствия найдет, что подозреваемый должен быть предан суду; то он составляет акт обвинения. 56. В акте обвинения означаются: существо дела, основания обвинения, род и вид преступления или проступка. **Уст. угол. судопр. 1864,** 521: К обвинительному акту прокурор прилагает список лиц, которые, по его мнению,

должны быть вызваны к судебному следствию. 537. В случае изменения палатою предложенного на ее рассмотрение обвинительного акта, определение ее должно быть составлено таким образом, чтобы оно вполне заменяло собою этот акт. По делам, решаемым без участия присяжных заседателей к судебному производству, может быть приступлено и без предварительного следствия, если прокурор, по доставленным ему сведениям и доказательствам, или по самому свойству дела, признает возможным предложить суду обвинительный акт, и если суд и со своей стороны не усмотрит надобности в предварительном следствии. 543. Производство в окружных судах по делам уголовным начинается: 1) или по определению судебной палаты о предании обвиняемого суду, 2) или по обвинительному акту прокурора, предложенному окружному суду; или же 3) по жалобе частного обвинителя, не получившей разрешения у мирового судьи. **Осн. полож. угол. судопр. 29 сент. 1862:** Ст. 60. Акт обвинения предъявляется судом обвиняемому с предоставлением ему указать, кого он признает нужным вызвать в суд к судебному следствию и кого избирает своим защитником. 61. Обвиняемый и его защитник могут требовать выдачи им копии с обвинительного акта и рассмотреть подлинное следствие в канцелярии суда под надлежащим надзором. **Уст. угол. судопр. 1864,** 581: Подсудимые, защитники их, частные обвинители, гражданские истцы, свидетели, сведущие люди и все приглашаемые к судебному следствию лица вызываются в суд повестками. **Основ. полож. угол. судопр. 1862** ст. 65: Судебное заседание по каждому делу начинается чтением обвинительного акта. 66. Обнаруженные при предварительном следствии доказательства поверяются и дополняются в суде: 1) рассмотрением подлинных протоколов об осмотрах, выемках, обысках, и других письменных и вещественных доказательств и 2) отобранием показаний от подсудимого, сведущих людей, свидетелей и участвующих в деле лиц. 68. Прокурору, как обвинителю, противопоставляется защитник подсудимого. Для полного по возможности разъяснения обстоятельств, служащих к оправданию, или обвинению подсудимого, предоставляется принимать участие в допросах и прениях на суде, как прокурору, так и подсудимым, их защитникам и лицу потерпевшему от преступления. Направление допросов и прений, для надлежащего разъяснения дела, принадлежит председателю суда. 70. Последнее слово в прениях на суде принадлежит всегда обвиняемому или его защитнику. 72. Постановлению приговора должно предшествовать рассмотрение вопросов: 1) о действительности события, подавшего повод к обвинению; 2) о виновности или невинности подсудимого по всем предметам обвинения; 3) о применении к его вине законов о наказаниях, и 4) о вознаграждении за вред, нанесенный преступлением или проступком. 74. Если при решении дела голоса судей разделятся на два или более мнения, то за основание приговора принимается то мнение, которое соединяет в себе наиболее голосов; при равенстве их отдается предпочтение тому мнению, которое принято председателемъ суда, а если мнения разделились так, что голос председателя не может дать перевеса, то тому из равно-сильных по числу голосов мнений, которое снисходительнее к участи подсудимого. 75. Суд определяет наказание на точном основании законов, но ему предоставляется право, по обстоятельствам уменьшающим вину подсудимого, смягчать наказание одною, или двумя степенями, переходя притом и к ближайшему роду наказаний. 76. Сущность постановленного приговора провозглашается немедленно, в публичном заседании суда. **Уст. угол. судопр. 1864,** 941: Судебный приговор входит в законную силу, когда по делу решенному не окончательно не предъявлено в установленный срок, в порядке апелляционном, ни протеста со стороны прокурора, ни отзывов со стороны участвующих в деле лиц. 957. Судебный приговор обращается к исполнению немедленно по вступлении его в законную силу. 183. Приговоры мирового судьи исполняются им самим. 1116. Исполнение вошедших в законную силу приговоров по делам о преступлениях должности производится на общем основании. Но в тех случаях, когда обвиняемые приговариваются к исключению из службы, отрешению от должности, вычету из времени службы, удалению от

должности, перемещению с высшей должности на низшую и вычету из жалованья приговоры исполняются начальством осужденных. 949. Об исполнении приговора, прокурор предлагает подлежащим властям, наблюдая потом за точностью и безотлагательностью исполнения. 183. Приговоры мпрового съезда или обращаются для исполнения к мировому судье, в участке коего возникло дело, или исполняются по распоряжению председателя съезда, смотря потому, где находится осужденный. 950. Действия, требующие полицейских распоряжений, возлагаются на полицию. 955. Исполнители обязаны следовать в точности судебному приговору и исполнять согласные с оным требования прокурора, чрез которого восходят на разрешение суда и все затруднения или сомнения, возникшие при исполнении приговора. 956. О последовавшем исполнении прокурор доводит до сведения суда. **Осн. полож. угол. судопр. 1862,** 154. Все расходы по уголовным делам производятся из сумм, состоящих в распоряжении правительства. Одни из них впоследствии взыскиваются с виновных; другие принимаются окончательно на счет упомянутых сумм правительства. 157. Все дела по преступлениям и проступкам производятся на простой бумаге, без взыскания каких-либо пошлин. **Уст. угол. судопр. 1864,** 1103: Суд по делам о преступлениях должности производится общим порядком уголовного судопроизводства, с соблюдением особенных правил в нижеследующих статьях постановленных. **Уст. гражд. судопр. 1864** ст. 1367. Все лица, имеющие право свободно располагать имуществом, могут предоставлять разрешение возникающих между ними споров одному, или нескольким посредникам, избираемым в нечетном числе, по взаимному согласию сторон. 1393. Апелляция на решение третейского суда не допускается. 1395. Решение третейского суда приводится в исполнение на общем основании.

б) Статьи, проектированные в противность основн. полож. Высоч. утв. 29 сент. 1862 г. и суд. уставам 20 ноября 1864 г.

Таковых статей 17.

КомитетскогоОсновн. полож. 29 сент. 1862. Ст. 7. Для производства следствий по уголовным **проекта.** Ст.делам состоят в определенных участках судебные следователи, кои считаются 10 Ст. 16 21,членами окружного суда. 13. Мировые судьи утверждаются в этом звании первым 22, 23, 24 58департаментом Правительствующего сената. 23. Члены окружного суда Прим. 2 94назначаются Высочайшею властью, по представлению министра юстиции. **Уст.** 100 Ст. 105**угол. судопр. 20 ноября 1864 ст. 1066.** Наказания и взыскания, определенные 108 132, 133законом за нарушение обязанностей службы, налагаются: 1) замечания и выговоры Ст. 134 142без внесения в послужной список – по распоряжению непосредственного 143, 144 начальства; 2) вычеты из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности и арест до 7 дней – по распоряжению того начальства, от которого зависит назначение к должности, занимаемой виновным; 3) все прочие за тем наказания и взыскания не иначе, как по суду. **Основн. полож. угол. судопр. 1862 ст. 46.** Судебный следователь не приводит к присяге ни сведущих людей (экспертов), ни свидетелей, но напоминает им, что они будут спрошены под присягою в суде. 54. Если прокурор окружного суда, рассмотрев предварительное следствие, по коему кто-либо заподозрен в преступлении или проступке, не влекущем за собою лишения всех прав состояния, или потери особенных прав и преимуществ, признает, что оно подлежит прекращению; то предлагает свое мнение на рассмотрение окружного суда. В случае несогласия суда с мнением прокурора, дело переносится в палату, которая постановляет окончательное заключение, по выслушании мнения прокурора палаты. 58. Если дело подлежит решению с участием присяжных заседателей, то акт обвинения, или мнение о прекращении следствия и самое следствие представляются прокурором окружного суда прокурору палаты, который предлагает оное на решение сей последней. **Уст. угол. судопр. 1864.** 231. Каждое судебное место само решает, подлежит ли дело его ведомству, и ни в каком случае не должно представлять суду высшему о разрешений своих сомнений о подсудности. 583. Подсудимые, состоящие на свободе, обязаны явиться в суд лично, хотя бы имели

избранных ими самими или назначенных им защитников. 574. Председатель суда не может отказать участвующим в деле лицам, за исключением случаев в законе определенных, в вызове свидетелей, сделавших показания при предварительном следствии. 1086. Начальство обвиняемых должностных лиц прежде всего сообщает им как о предметах обвинения, так и об имеющихся против них доказательствах, требуя надлежащих объяснений. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное исследование, то оно возлагается на одного из подведомственных тому же начальству чиновников. 1089. Для предания суду за преступление должности необходимо предварительное следствие, чрез судебного следователя, в следующих случаях: 1) когда в преступлении вместе с должностными лицами участвовали и частные лица, 2) когда с обвиняемого должностного лица требуется вознаграждение за вред или убытки, причиненные его действиями по должности и 3) когда должностное, лицо обвиняется в таком преступлении должности, которое по закону влечет за собою лишение всех прав состояния, или же потерю всех особенных лично и по состоянию присвоенных виновному прав и преимуществ. 1091. Предварительное следствие, произведенное судебным следователем, представляется прокурору, состоящему при том суде, коему обвиняемый подсуден, а от прокурора, при его заключении о дальнейшем направлении дела, передается начальству обвиняемого. **Осн. полож. угол. судопр. 1862 ст. 147.** Когда в преступлении, касающемся нарушения законов дисциплины и военной службы, вместе с лицами военного ведомства, участвовали и лица ведомства гражданского; то дело о тех и других подлежит обсуждению военного суда, но преступникам гражданского ведомства наказание определяется по общим уголовным законам. 148. Когда кто-либо обвиняется в двух, или более преступлениях, из коих одни подсудны общему уголовному суду, а другие подлежат ведению суда военного, то дело во всем его объеме, подвергается рассмотрению в том суде, коему подсудно важнейшее из приписываемых обвиняемому преступлений, и наказание осужденному определяется по правилам о совокупности преступлений.

в) Статьи собственно комитету принадлежащие.

Таковых статей в комитетском проекте оказывается 32, именно статьи: 1, 2, 3, 4, 5, 14 примеч., 33, 49, 74 примеч., 78, 102, 112, 120, 121, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 144 примеч., 145, 146, 148 примеч., 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155.

Итак, из всех 163 статей проекта (155 статей и 8 примечаний) 114 статей выписано из основных положений Высоч. утв. 29 мент. 1862 и из судебных уставов 20 ноября 1864 года, 17 статей составлено в противность началам указанных источников и 32 статьи составлено вновь.

Более двух третей всех статей проекта выписано из указанных источников, большею частью, совершенно буквально и в некоторой части с незначительными изменениями и немногими дополнениями. Не только начала основных положений, но и внешнее их выражение, порядок заимствованы из основных положений 1862 г. и из судебных уставов 1864 г. Начало отделения судебной власти от административной, начало отделения обвинительной власти и сосредоточения ее в особых органах, судопроизводство гласное и устное – и проч. и проч. – все принято в комитетский проект. Сущность изменений и отступлений большею частью состоит в замене названий: *мировой судья* словами: *духовный судья*; *окружной суд – духовно-окружной суд.* Где в светских основных положениях стоит: *судебная палата*, здесь: *судебное отделение Святейшего синода.* Там: *министр юстиции,* здесь: *обер-прокурор Св. синода.* Иногда из одной статьи светской – здесь делаются две (65 = 48, 51), из двух – одна (53, 54 = 40). Немногие дополнения, сделанные к выписанным статьям, не имеют особой важности. Таковы в 28 статье дополнения о числе членов архиерейского и пресвитерского сана в судебном отделении Св. синода, в 31-й о числе архиереев для суда над лицами архиерейского сана, в 36-й о допущении к должности прокурора и лиц не имеющих юридического образования, в 82 прибавление о допросе свидетелей при апелляционном производстве чрез местных духовных судей; в 83-й простая отсылка к последующему: комитет в иных случаях был так неразборчив в выписке светских положений, что выписывал даже и такие, которые практически неосуществимы при проектируемой им организации духовных судов. Таково переписанное комитетом постановление о предоставлении прокурору права наблюдения за производством следствий (ст. 90). Прокурору

светского окружного суда возможно наблюдать за производством следствия в округе сравнительно не очень обширном. Как будет наблюдать прокурор петербургского духовно-окружного суда за производством следствия в архангельской епархии, в олонецкой? Как будет наблюдать прокурор московского духовно-окружного суда за производством следствия в никольском, яренском, устьсысольском уездах вологодской епархии, или в ветлужском и кологривском уездах костромской и т. д. и т. д.? Статья должна остаться мертвою буквою. Подобная же участь ожидает и статью 124-ю, предоставляющую прокурорскому надзору право наблюдения за исполнением приговоров духовных судов.

Статьи, проектированные комитетом в противность статьям светских основных положений 1862 года и судебных уставов 1864 г., имеют гораздо большую важность. Но эти отступления и противоречия допущены комитетом не в видах сближения проекта с церковными правилами, а совершенно по другим соображениям, или же только для видимого, призрачного сближения. Судебные уставы для производства следствий установляют особые органы; комитетский проект признает это излишним и соединяет должность следователя в одном лице с должностью дух. судьи (10). Мировой судья утверждается Сенатом, духовный не Синодом, как следовало бы для соответствия, а епарх. архиереем (16), который однако же при этом имеет власти менее, чем Сенат. Члены окружного суда назначаются Высочайшею властью по представлению министра юстиции, члены духовно-окружных судов назначаются выборным порядком, и получившие наибольшее количество голосов утверждаются епархиальным архиереем, для того, чтобы поэтому можно было назвать их уполномоченными архиерея. Светское начальство должностные лица ему подчиненные может подвергнуть: 1) замечаниям, 2) выговорам без внесения в послужной список, 3) вычетам из жалованья, 4) перемещению с высшей должности на низшую, 5) удалению от должности и 6) аресту до 7 дней. Власть духовного начальства значительно ограничена в сравнении со светским: оно может подвергать только: 1) замечаниям, 2) выговорам без внесения в послужной список и 3) временному испытанию в архиерейском доме до 2 недель. Светские судебные уставы привод к присяге свидетелей и сведущих людей предоставляют судебному следствию, так как это следствие поставляют самым существенным и самым важным актом суда. Комитет отступает от этого и предписывает к присяге приводить при предварительном следствии, мотивируя в своей краткой записке это отступление тем соображением, что „могут быть следствия по таким делам, при разборе коих в духовно-окружном суде не встретится надобности вызывать свидетелей и сведущих людей в суд", в существе же имея в виду, при устрояемых отдаленных духовно-окружных судах, ограничить устное судопроизводство и дать больший простор письменному, бумажному и еще, по свидетельству комитета, на основании того соображения, что „в духовном суде вообще представляется более удобным и полезным не требовать свидетелей в суд для личных показаний, *по причине относительной неважности подлежащих ему дел"* (3, 96): не стòит из-за таких пустячных дел тревожить свидетелей (!); хотя в другом месте здесь защищаемое положение комитет признает важным злом, требующим исправления. „Отдаленный суд, говорит он, не может действовать с надлежащим успехом; ибо многие обстоятельства дела, которые могут быть известны только ближайшим судьям, имеющим возможность разобрать дело на месте и *лично выслушать подсудимых и свидетелей*, остаются или вовсе неизвестными, или неправильно сообщенными судьям отдаленным, лишенным возможности самим проверить их" (2,8). По судебным уставам принято правилом в отмену прежде действовавшего закона (т. XV, „Уст. угол. судопр." 23) и для устранения напрасной проволочки, чтобы каждое судебное место само, не обращаясь к высшему суду, разрешало вопрос о подсудности ему дела. Комитетский проект узаконяет старый, судебными уставами отмененный, порядок разрешения возникающих по сему предмету сомнений высшим судом (105). Судебные уставы требуют обязательной явки подсудимого и свидетелей в окружной суд. Комитетский проект ограничивает и это правило, и предоставляет разрешение этого вопроса усмотрению суда, т. е. действует и здесь в видах ограничения устного производства и расширения письменного (108); между тем, по свидетельству самого же комитета в пространной записке, в древней Церкви „свидетели с той и другой стороны должны были лично дать свои показания в суде, и подсудимые сами непосредственно излагали пред судом свои обвинения (sic!) и оправдания. Положительные каноны Церкви требуют личной явки в суд подсудимых". К этому отступлению от одного *из существеннейших, основных и отличительных принципов нового суда* комитет вынужден был придуманными им духовно-окружными судами, т. е. принятым им началом *удаления* суда от подсудимых, *вместо приближения* его к ним. Краткая

записка изъясняет, что „если бы подсудимый не нашел возможным и нужным явиться на суд, то разбор дела может быть и без его присутствия. Чтобы *не стеснять* (кажется лучше бы не стеснять устроением недалекого, а близкого суда?) подсудимых, а также и свидетелей комитет постановил правило, что обвиняемый может и не являться в духовно-окружной суд, если его не потребует сам суд, и что вызов свидетелей также зависит от усмотрения суда“. Заслуживает особенного внимания средство, придуманное комитетом против этого им же допущенного зла. „Чтобы с принятием этого правила, говорит краткая записка, не ограничить устного производства и не расширить письменного, постановлено, что суд не в праве отказать в допросе свидетелей, представленных сторонами лично в судебное заседание», т. е. если подсудимый привезет из Архангельска в Петербург на свой счет 3–8 свиднтелей, а прокурор, конечно, на казенный. Богатым подсудимым при комитетском суде будет гораздо лучше, чем неимущим.

Достойно всякого примечания как один из составителей записок живописует вред того суда, который проектирует комитет, т. е. вред суда заочного, бумажного. Составитель краткой объяснительной записки пишет о нынешнем духовном суде, что он „производится в тайне *и без бытности подсудимого*, по письменным актам, составленным во время следствия. Этот порядок (а таков по 108 статье проекта и порядок будущего духовного суда) вполне согласен с порядком, существовавшим в гражданском суде до судебных уставов 1864 г., но не имеет никакого сходства с порядком, какой установлен для суда церковными правилами. *По церковным правилам обвиняемый непременно должен быть вызван к суду лично; заочные решения допускались только как изъятие* (а по комитетским предположениям будут как правило): *если подсудимый не являлся к суду по трем вызовам, в таком случае суд мог постановить о нем заочное решение, как бы в наказание за неявку, да не мнится выгоду имети*, *бегая от суда* (Апост. 74). Постановление решений, без бытности подсудимого, по письменным актам, составленным во время следствия, сопряжено с крайне вредными последствиями. Опыт судебных установлений, образованных по уставам 20 ноября 1864 г., почти ежедневно убеждает, что по актам так называемого предварительного следствия можно вывести заключение совершенно противоположное тому, к которому суд приходит на основании следствия судебного, при котором подсудимый и свидетели лично перед судьями дают показания. Предварительное следствие, даже при самом добросовестном его производстве, как заметил по одному делу Правительствующий сенат, не может исчерпать всех средств к открытию истины в данном случае, а представляет только собрание материалов для полного его обнаружения при судебном следствии. В этом последнем суд и должен искать оснований к оправданию или обвинению подсудимого, так как при этом следствии (судебном) заявляются и обнаруживаются обстоятельства как обвиняющие, так и оправдывающие подсудимого, совокупность которых и должна служить основанием того внутреннего убеждения, по которому составляется решение». При виде таковых недостатков нынешнего духовного суда, сочинитель записки заключает, что для улучшения духовно-судебной части необходимо заменить письменное производство устным. Но все здесь осуждаемое в нынешнем духов. суде будет и в проектируемом духовно-окружном (проек. ст. 108, 112) с тою, впрочем, разницею, что в *нынешнем* суде, по свидетельству комитетских записок, это есть *зло,* а в *будущем* духовно-окружном будет названо *улучшением:* ибо будущее нами проектируемое всегда лучше настоящего.

Весьма близко подходит сюда и еще один отзыв большой записки (3, 7), именно следующий: „по отдаленности своего нахождения от делопроизводства Св. синод (чит. *духовно-окружной суд*) произносит в собственном смысле слова, заочные, бумажные решения (проект. ст. 108, 94, 112). Отдаленность суда Св. синода (чит. *дух.-окр. суда*) при бумажном делопроизводстве бесспорно, затрудняет достижение целей правосудия при всем беспристрастии судей». Как все это идет к проектируемому духовно-окружному суду с тою, впрочем, разницею, что ныне отдаленный суд затрудненный в достижении целей правосудия – один, и при том это суд второй инстанции, а по предположениям комитета таких судов будет несколько и притом судов 1-ой степени!

Что касается новых, собственно комитету принадлежащих статей, то из них начальные и конечные статьи, т. е. 1, 2, 145, 146, 149–155 говорят о предметах церк. суда, и в существе подвергнуты рассмотрению в первом выпуске исследования. Затем в статьях 3, 4 и 5 содержится перечисление наказаний, налагаемых дух. судом, которого по нашему мнению комитету не следовало совсем делать. Проектируя только основные положения устройства и производства духовного суда, вместе с тем проектировать и устав наказаний, значило бы все то же, как если

бы комиссия, составлявшая основные положения 1862 года, взялась в тоже время составлять и уложение о наказаниях. Глава 2-я 1-ой части, по нашему мнению, совершенно излишни [66]. Из остальных новых статей некоторые тоже совершенно излишние. Таково, напр., примечание к 14 статье, содержащее в себе повторение мысли, определенно содержащейся в самой статье. В статье сказано, что духовные судьи и кандидаты избираются *всеми* священно и церковно-служителями участка. Если поставить, что духовные судьи избираются духовными лицами, живущими в участке, то за сим примечание должно отпасть, как излишнее. Другие самостоятельные комитетские статьи предусматривают случаи, определение которых никаким образом не должно относиться к основным положениям. Таковы ст. 33 и 137, предусматривающие и предотвращающие случаи преобладания в общем собрании Св. синода административных членов над судебными. Иные самостоятельные комитетские статьи определяют совершенно излишние подробности. Такова напр. ст. 49, определяющая – куда, каким судебным местом должны быть представляемы отчеты и удобозаменимая прибавлением к предшествующей статье слов: *и представляются низшим судом в непосредственно высший.* Некоторые из самостоятельных статей содержат отсылку к другим частям проекта. Таковы статьи 120 и 121, составляющие целую особую главу проекта и содержащие только пересылку к прежним главам проекта, и появившиеся в проекте единственно вследствие неудачного размещения статей об одном и том же предмете (обжаловании судебных приговоров) в двух разных местах, или же отсылку к будущему, по еще не существующему закону. Таково примечание 74 статьи, требующее еще несуществующего закона. Наконец есть самостоятельные статьи, появление которых в проекте объяснить весьма трудно. Такова статья 78-я. Эта статья после того как пред нею изложены были уже правила о производстве дел у дух. судьи, постановляет, что дела у духовных судей подчиняются общему порядку судопроизводства, установленному для производства дел в духовно-окружном суде в качестве 1-ой инстанции, и что отступления от сего общего порядка допускаются лишь в виде изъятия и должны быть с точностью указаны в законе. Таким образом, с одной стороны, статья уничтожает постановления, содержащиеся в предшествующих статьях (73–77) и определяющие особенности судопроизводства у дух. судей, с другой приводит к мысли, что все обряды, формы и судебные акты проектированные для судопроизводства в духовно-окружном суде – обязательны и для суда дух. судьи – и предварительное следствие, и предание суду, и обвинительный акт и т. д. Мы полагаем, что эта статья есть следствие ошибки и недосмотра. Не из этого, конечно, источника произошла другая самостоятельная комитетская статья 102-я, также трудно объяснимая. В этой статье комитет проектирует двухстепенность в разрешении вопроса о предании суду. Судебные уставы предписывают, чтобы обвинительный акт от прокурора в делах менее важных предлагаем был прямо окружному суду, а в делах важнейших – представляем прокурору судебной палаты. В комитетском проекте прокурор обвинительный акт представляет епарх. архиерею, для предания суду, или прекращения дела; так что архиерей является судебною палатою, действующею в качестве камеры обвинения. Но затем, вопреки судебным уставам, не допускающим обжалования постановления палаты о прекращении дела, комитетский проект дает право жалобы на распоряжение архиерея о прекращении дела – прокурору и лицам потерпевшим (102). По проекту комитета прокурор представленное к нему предварительное следственное дело, по рассмотрении оного, представляет к епархиальному архиерею с обвинительным актом, или с заключением о прекращении следствия, или об изменении подсудности. Архиерей может, вопреки мнению прокурора, дать заключение о прекращении дела, об изменении обвинения или об изменении подсудности, пользуясь в этом случае, по объяснению комитета, правом судебной палаты, действующей в качестве обвинительной камеры, но на самом деле не имея ее прав. Постановления палаты окончательны и не могут быть обжалованы. Постановление архиерея о прекращении дела, об изменении обвинения, или подсудности не окончательно и может быть обжаловано, как прокурором, так и потерпевшим лицом. Окончательное решение вопроса о предании суду постановляется уже судебным отделением Св. синода. Архиерей оказывается не судебною палатою, а какою-то новою и судебным уставам 1864 г. неизвестною инстанциею. Введением этой двухстепенности в акте предания суду ход судебного дела в сильной степени замедляется. Положим, что производится дело в округе киевского духовно-окружного суда о священнике каменец-подольской епархии. Оконченное *(в месяц)* предварительное следствие представляется прокурору киевского духовно-окружного суда для рассмотрения и составления обвинительного акта, или заключения о прекращении следствия *(2-й месяц)*; прокурор находит

следствие не полным и возвращает для дополнения (ст. 96, *3-й месяц*); прокурор препровождает следственное дело с обвинительным актом к каменец-подольскому епархиальному архиерею для рассмотрения и утверждения обвинительного акта. Архиерей по рассмотрении постановляет заключение о прекращении дела, и препровождает следственное дело со своим заключением к прокурору *(4-й месяц)*. Прокурор не соглашается с мнением архиерея и жалуется в судебное отделение Св. синода, которое соглашается с прокурором, а не с архиереем *(5-й и 6-й месяцы)*. Приготовление к суду и самый суд *(7-й и 8-й месяцы)*. Таково самое быстрое течение дела в одной инстанции при изобретенной комитетом двухстепенности в акте предания суду. Комитет и здесь, как и везде, очевидно, исходит из мысли о недоверии к епархиальному архиерею. Но способ контроля придумывает такой, при котором дело сильно замедляется. Если допустить обжалование действий следователя, прокурора, архиерея, и наконец суда с приостановкою хода судебного процесса, то каждое судебное дело можно превратить в бесконечное.

Сейчас рассмотренная, самому комитету принадлежащая, статья усиливается сделать духовный суд по возможности не скорым. 112-я самому же комитету принадлежащая статья, направляется в другую сторону и усиливается не скорый духовный суд сделать и не устным, а бумажным, также вопреки началам новых судов. Новые судебные уставы не допускают в 1-й инстанции суда не устного, а бумажного с докладом. Комитет в 112-й статье проектирует *доклад дела* для 1-й инстанции суда. От одних важных начал и целей (устность, скорость) нового суда притом вполне согласных с церковными правилами и практикою древней Церкви комитет отступает; отступить от других (отделение суда от администрации) даже и в виду ясных требований Слова Божия, церковных правил и практики считает ересью против либеральной, газетной моды. Этого требуют гг. Краевский и Трубников, а того не требовали. Сочинитель объяснительных записок к комитетскому проекту ставит дело даже так, что объявляет государственным преступлением непринятие принципа отделения судебной власти от административной в духовный суд. „Если законодательство, говорит он, не нашло других мер к обеспечению правосудия, как отделив суд от администрации; то комитет стал бы в противоречие со стремлением законодательства, явился бы *противником его желаний, если бы* в своих работах не принял в соображение его указаний и *оставил духовный суд,* по-прежнему, *в ведении администрации*”. Весьма странно: отступление от одного начала есть государственное преступление, а отступление от других не есть. Где тот кодекс, в котором так квалифицированы преступления государственные и не государственные?

Итак, комитетский проект представляет в большей своей части, именно во 2-й и 3-й его частях верную, почти буквальную копию основных положений 29 сент. 1862 г. и судебных уставов 20 ноября 1864 г. Отступления от сих источников допущены комитетом в направлении 1) к ограничению устности судопроизводства, и к расширению письменности, бумажности; 2) к удалению суда вместо его приближения (окружные суды вместо епархиальных); 3) к замедлению суда вместо его ускорения. Тайная и даже открыто изъясненная цель всех этих важных отступлений та, чтобы епархиального архиерея наивернейшим образом устранить от всякого с духовным судом соприкосновения. „Суд, приуроченный к епархии, говорится в краткой объяснительной записке, в какой бы форме ни был он, всегда останется в зависимости от администрации.» Следовательно, нужно его поставить как можно далее от епархии; а для этого допустить суд бумажный и нескорый. Для этой цели должны отступить на задний план другие важные требования и принципы новых судебных уставов.

Что касается начал военного и военно-морского суда, то на эти начала комитетом не обращено никакого внимания.

2. Отношение комитетского проекта к указаниям Слова Божия и к церковным правилам.

Проект комитета должен быть согласен не только с судебными уставами 1864 г., но и с церковными правилами. Это требование признается и изъясняется и самим комитетом. Выполнено ли это требование комитетом? Согласованы ли проектированные им положения с церковными правилами? Если в ответ на этот вопрос основаться на похвалах комитета самому себе, то должно поверить, что комитетские положения вполне согласованы с церк. правилами, ибо в похвале комитета самому себе прямо сказано, что ничего более сообразного с церковными правилами, как комитетские положения и быть не может. „ *Более удачное подражание канонам и практике древней Церкви едва ли возможно и представить*”, хвалит себя комитет. Но если дать место хотя малому скепсису, то окажется, что эта похвала комитета самому себе, по меньшей

мере преждевременна и должна быть понимаема как самая смелая гипербола. О правилах, о согласовании с ними своих положений, комитет заботился всего менее; в комитетском проекте церковные правила и упоминаются всего один раз (ст. 2).

Мы уже не один раз изъясняли капитальную и величайшую погрешность, в которую впал комитет, исключив из-под церковного суда наибольшую часть Православной церкви, именно всех мирян, и устрояя церковный суд исключительно для одних клириков и монахов. В Слове Божием ясно говорится, что судебная, карающая власть Церкви простирается на всех во Христа верующих без различия клириков от мирян: *елика аще свяжете на земли будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли будут разрешена на небесех.* И сам комитет в „Объяснительной записке“ свидетельствует, что по Слову Божию судебная власть Церкви и епископа простирается не только на клириков, но и на всех верующих, когда пишет: „Апостол Павел, преподавая епископу Тимофею разные наставления, между прочим *определяет и образ епископского суда над пресвитером* в следующих словах: обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях; *над прочими верующими* – в таких: согрешающих обличай пред всеми, чтобы и прочие страх имели. (Ч. 2, 149). Церковное правило также недвусмысленно свидетельствует, что одно и *тоже определение о суде да соблюдается для мирян и для пресвитеров, и для диаконов, и для всех состоящих в клире* (Антиох. 6). Следовательно, проектировать правило (ст. 1), что духовному суду подсудны только духовные лица и неподсудны миряне совсем не значит следовать Слову Божию и делать удачное подражание канонам древней Церкви. Эта капитальная погрешность может быть устранена только полным устранением всего проекта, или же открытым заявлением, что правилами и Словом Божиим стесняться не должно, и подражать им не только самым удачным образом; но и каким бы то ни было, не нужно. Комитет пошел в этом пункте несколько далее протестантов. У протестантов не пасторы только, а и миряне духовному протестантскому суду подлежат; в Православной же церкви, по предположениям комитета, миряне подлежать духовному суду не будут. В Православной церкви этого никогда быть не может. Вот первое и важнейшее противоречие проекта правилам.

Второе, первому по важности подобное, заключается в том, что во всем комитетском проекте один библейский и канонический орган церковного суда – епископ устранен и подменен другим, ни в Слове Божием, ни в канонах в качестве судебного органа не указанным, именно епископ пресвитером. По проекту епархиальный епископ судебной власти не имеет, и судебною властью облекаются пресвитеры, которые и пользуются сею властью совершенно от епископа независимо, – пресвитер, духовный судья, пользуется судебною властью единолично, пресвитеры члены духовно-окружного суда – коллегиально. В Священном же писании слова: *на пресвитера обвинение принимай не иначе как при двух или трех свидетелях,* сказаны епископу Тимофею, а не какому-либо пресвитеру. Чтобы комитетский проект выдать в этом пункте за согласный со Словом Божиим, следовало бы в 1 послании Ап. Павла к Тимофею сказать: „пресвитер обвинение на пресвитера принимай только при двух или трех свидетелях». Равным образом и между церковными правилами, принятыми Православною церковью и содержащимися в Книге правил, нет ни одного, на котором бы можно было основать предположение о предоставлении судебной власти пресвитеру вместо епископа, и комитет действительно не приводит ни одного правила, ибо все правила говорят только о судебной власти епископа и епископов; но не пресвитера и пресвитеров. Вот и второе главное несогласие комитетского проекта со Словом Божиим и церковными правилами, от которого производятся частнейшие противоречащие Слову Божию и канонам положения комитета: 1) учреждение на несколько епархий одного духовно-окружного суда, состоящего из пресвитеров с председателем архиереем, имеющим равный с каждым пресвитером голос; 2) учреждение единоличного судьи пресвитера, производящего суд в совершенной от архиерея независимости; 3) предоставление епарх. архиерею некоторой доли обвинительной власти совместно с прокурором, – обмен, которого ни на каком правиле утвердить невозможно.

Третье, важное противоречие комитетского проекта правилам и духу Православной церкви, состоит в передаче надзора за соблюдением правил и постановлений Церкви от церковной иерархии светским лицам и светскому учреждению – прокурорам и прокуратуре. Наблюдение за исполнением церковных правил и постановлений, и преследование судом нарушителей и по существу, и по церковным постановлениям принадлежит церковной иерархии, и во всю историю Православной церкви составляет ее неотъемлемое право. Комитет предполагает учредить

новый вне – иерархический, светский надзор. Не иерархические, а светские лица будут надзирать за неисполнением церк. постановлений иерархическими лицами, и преследовать их судом. Установится для этого особая светская иерархия, с особым главою; учредится особое министерство духовной юстиции, хотя и не с этим наименованием.

Четвертое важное противорѣчіе комитетскаго проекта канонамъ состоитъ въ извращеніи отношеній между епископомъ и пресвитеромъ. По канонамъ пресвитеръ безъ воли епископа ничего не можетъ дѣлать. А по комитетскому проекту не только будетъ судить безъ епископа и независимо отъ него; но и будетъ поручать епископу исполнять свои приговоры, напр., заключить осужденнаго въ монастырь на три мѣсяца.

Таковы главные черты отношений проекта к канонам. Мы отыскивали согласия с канонами, воспроизведения их в проекте устава церковного суда и нашли одни противоречия, и при том в пунктах самых капитальных, основных. По сему похвала комитета самому себе, будто более удачного подражания канонам и практике древней Церкви едва ли возможно и представить, нам кажется не более, как самою смелою гиперболою.

С основными положениями 1862 г. и с судебными уставами 1864 г. комитетский проект во многом согласен по существу и даже по букве представляет их копию; хотя в некоторых пунктах весьма важных (устность, близость, скорость) представляет значительные от них отступления. С церковными же правилами проект представляет несогласие в пунктах самых важных и существенных. В этом отношении комитет не исполнил лежавшей на нем и им заявленной обязанности – представить проект не только согласный с судебными уставами, но и непротиворечащий церковным правилам: с уставами проект согласен во многом и существенном и не важном, с церковными правилами не согласен также во многом и при том самом важном и существенном.

Таковы общие и главные впечатления и замечания о проекте комитета.

Как указанные нами неправильности проекта составляют существенные и важные стихии в нем, проникающие все его построение, то за сим указание еще частнейших недостатков и погрешностей проекта оказывалось бы почти излишним. Если указанные нами капитальные погрешности признать погрешностями и устранить их, то потребуется перестройка всего проекта, при чем могут быть конечно исправлены и частнейшие недостатки. Тем не менее однако же и указание частных недостатков проекта не может быть излишним в видах всестороннего обсуждения этой неоднолетней работы многочленной комиссии. И мы сделаем указание некоторых из усмотренных нами частных погрешностей и недостатков.

3. Замечания о некоторых частных погрешностях и недостатках проекта.

А. Судопроизводство по проекту комитета распадается на две части, из которых одна составляет общую часть, а другая исключение. В общей части изложены правила судопроизводства, заимствованные из светского мирового и общего судопроизводства и распространены на проступки всех духовных лиц, не имеющих особой должности; под исключение подведены проступки против особых должностей, и кроме того все лица архиерейского сана и главные священники. Очевидно, что никакого рационального основания к такому делению нет и указать невозможно, и очевидно, что подобное искусственное деление произведено под давлением суд. уставов 1864 г. Там есть часть общая и кроме ее изъятия; след. и здесь должна быть часть общая и должны быть изъятия. Из чего сделать эти изъятия – это не трудно для решения. Если признать должность священника не должностью, а должность благочинного должностью; то за сим к проступкам первого против священнической должности можно приложить общий порядок, а к проступкам второго против благочиннической должности – особенный. Так и сделано. Мы со своей стороны полагаем, что одинаково неправильно и неосновательно как принятое комитетом различение должности и не должности, так и противоположное требование, чтобы принятый судебными уставами 1864 г. порядок судопроизводства о должностных преступлениях был применен во всем его пространстве и ко всем проступкам духовных лиц. По нашему мнению, наиболее простое и целесообразное разрешение этого затруднения было бы то, чтобы к делам, подведомым дух. судье, применить порядок мирового судопроизводства, а ко всем прочим делам, подведомым остальным духовно-судебным местам, – порядок, принятый судебными уставами для судопроизводства по преступлениям должности. Изменение потребовалось бы только в одной 88 статье о поводах к начатию предварительного следствия, которое с принятием нашего предложения начиналось бы не иначе как по распоряжению подлежащего начальства, а между тем в комитетском проекте

вследствие сего отпала бы целая 8-я глава, полная искусственности и недоразумений. Проектированное комитетом в 8-й главе особое судопроизводство, в существе только этим и отличается от общего порядка.

Б. В общем расположении статей, принятом комитетом, примечается та нестройность, что об одном и том же предмете, или судебном акте, говорится в разных местах; вследствие чего являются лишние статьи, содержащие в себе только отсылку к другому месту проекта. Так о порядке обжалования судебных приговоров правила излагаются в двух местах, в главе IV-й и в гл. VI-й. Но вся последняя VI глава содержит только пересылки к главе IV и ни одной особой мысли. Конечно, не было невозможности расположить статьи проекта так, чтобы не было нужды в пересылках в проекте весьма необширном. Такой же пересылочный характер имеет отделение II-е главы VIII-й. Такие пересылки есть и в других местах проекта (напр. ст. 83, 88). Есть в проекте и буквальные повторения одних и тех же статей (напр. 83 и 112).

В. В изложении некоторых статей проекта встречается большая запутанность, а в иных недостаток надлежащей экономии в словах. В пример первого должно указать на статью 79 и в особенности на статью 135, которую понять и распутать нисколько не легче, чем разрешить пифагорову теорему. Одних ссылок на другие статьи в ней пять. В пример второго должно указать статьи 147 и 148, из коих последняя представляется совсем излишнею; ибо последняя ее часть, говорящая об исполнении судебных приговоров, уже выражена выше в особой главе о сем предмете; а первая, определяющая, что приговоры третейского суда окончательны, излишня, ибо выражает мысль общеизвестнейшую, и, если и должна быть выражена, то одним словом, на конце предшествующей статьи, который имел бы следующий вид: „решают сии дела на правах суда третейского окончательно“.

Г. Некоторые статьи проекта представляют в себе очевидные пропуски и погрешности. Так а) в главе о подсудности ст. 71 указывает, что судебному отделению Св. синода подлежат только дела по отзывам и протестам на приговоры духовно-окружных судов, *постановленные ими в качестве судов 1-й инстанции.* Здесь пропущено указание, что судебное отделение Св. синода производит дела и в качестве 1-й инстанции, а последние курсивом написанные слова излишни, за силою 65 статьи, которою ясно определяется, что каждое дело решится только в двух инстанциях и, следовательно, отзыв и протест могут быть только на приговор суда 1-й инстанции. б) Отсутствие указания дел подсудных общему собранию Св. синода в главе о подсудности, должно считать важным упущением. в) В ст. 80 определяется, что отзывы и протесты предъявляются письменно, или словесно, лично, или чрез поверенных. След., духовное начальство, которому принадлежит право протеста в сем случае (ст. 79), может протестовать словесно и чрез поверенных. Прибавкою, к понятию *отзывы,* стоящему в основных положениях, еще слова – *протесты,* как сделал комитет, получается несообразный смысл. г) В ст. 86, стоящей в главе о порядке обжалования приговоров дух. судей, говорится: *частные жалобы подаются тому судебному установлению, на действия которого приносятся.* Это остаток прежнего комитетского проекта, в котором была одна общая глава о порядке обжалования судебных приговоров. С разбитием этой главы на два места, как это сделано в новом проекте, эта статья, в этой редакции уже не приходится к своему месту и не согласуется со статьею 81.

Д. В главе VIII-й, содержащей правила об изъятиях из общего порядка судопроизводства, которая вся, по нашему мнению, должна быть уничтожена, заключаются следующие частнейшие несообразности: а) предварительное следствие о настоятелях ставропигиальных монастырей и о протопресвитере московского Успенского собора начинается по постановлению *синодальных контор* (следовало: *московской синодальной конторы*) (ст. 132). Но в производстве предварительного следствия эти близнецы разрознены: о настоятелях ставропигиальных монастырей следствие производится лицами духовно-судебного ведомства, назначаемыми в каждом случае по усмотрению судебного отделения Св. синода, а о протопресвитере Успенского собора – членом духовно-окружного суда. В следующих за тем актах эти должностные лица опять соединяются: оконченное следствие об них представляется прокурору духовно-окружного суда, предаются суду епархиальным архиереем, которому не подчинены, и судятся в духовно-окружном суде. Если бы была задана специальная задача придумать наиболее сложный и запутанный порядок судопроизводства, то едва ли и тогда можно было бы придумать более удовлетворительное разрешение задачи, чем какое придумано комитетом. Следствие *начинается* по распоряжению синод. контор; *производится* лицом духовно-судебного ведомства, назначаемым по усмотрению суд. отделения Св. синода (для чего контора должна

войти в сношение с сим отделением); *оконченное представляется* прокурору духовно-окружного суда; от него, по рассмотрении, *идет к епарх. архиерею* для предания суду; от епарх. архиерея опять к прокурору, и если архиерей не согласился с прокурором, может быть жалоба в суд. отд. Св. синода. После всех этих тмочисленных мытарств, наконец, суд в духовно-окружном суде, б) Нельзя не обратить внимания на то, что члены духовно-окружных судов пресвитеры, по подсудности сравниваются с архиереями, главными священниками и членами синод. контор (ст. 138).

4. Соображения, мотивы и основания, на которых построен проект комитета.

Эти соображения, мотивы и основания изложены комитетом в двух записках: краткой и пространной.

Обе записки разнятся между собою в существенных пунктах. Краткая записка весьма редко обращается к каноническим мотивам и выставляет, что комитет в своих предположениях руководился почти исключительно практическими соображениями. Пространная заппска, напротив, пространно излагает со своей точки зрения и разные канонические соображения и представляет, что комитет выслушивал эти соображения и руководился ими. Которые показания вернее, показания ли краткой, или показания пространной записки, разрешения этого вопроса нет. Таже разность между записками и в показании мотивов и соображений, которыми, по их свидетельству, комитет руководствовался в принятии тех или других положений. Так, по показанию краткой записки, в отделении суда от администрации, комитет основался *единственно* на примерах митрополитов Киприана, Фотия, Ионы и Феогноста, при которых будто бы уже существовал этот принцип. Пространная заппска выставляет и пространно развивает и еще несколько мотивов, которые комитет также будто бы выслушивал, имел в виду, и которыми руководствовался. Которое вернее? По показанию краткой записки комитет проектирует духовно-окружные суды только в виду двух мотивов: малочисленности дел и того соображения, что суд в епархии всегда будет в зависимости от администрации. Пространная записка нас уверяет, что комитет имел в виду и еще многие соображения и между прочими сходство духовно-окружных судов с древними соборами епископов, и проч. Опять которой верить – краткой или пространной? Разнится взгляд обеих записок и на не учреждение при духовных судах Православной церкви французской кассации. Большая записка мотивирует это отступление комитета: 1) тем, что подобного сему установления не усматривается в канонах Церкви; 2) тем, что нарушения закона в дух. судах могут быть усмотрены при апелляционом пересмотре дел и чрез наблюдение прокурорского надзора и обер-прокурора; 3) тем, что допущением отмены окончательных решений дух. судов с первого раза выражено было бы недоверие к их правосудию (хотя это с первого раза и сделано в светских судах), и 4) тем, что мало дел и лиц, подсудных дух. суду. Маленькая записка выставляет, что комитет в непринятии французской кассации в духовные суды не имел в виду этих соображений, а не принял кассации только потому, что это „потребовало бы увеличения расходов на духовно-судебную часть, а число лиц и дел, подлежащих дух. суду, не так велико». Которая вернее изображает мнения и взгляды комитета большая, или маленькая? Есть разность в показаниях записок даже об одном и том же предмете, и разность весьма значительная. Так краткая записка показывает, что дел, подлежащих духовно-окружному суду в 1869 г., было только по 15 на епархию, а пространная ровно вдвое на 30. Которая правду говорит и которая неправду? Некоторые частные разноречия в показаниях записок о соображениях бывших в виду комитета, мы будем иметь случай отметить в последствии.

В какой мере важны некоторые упущения, допущенные краткою запискою, это тотчас же и обнаружилось при газетном обсуждении проекта. Эти упущения послужили основанием фальшивых выводов газетной прессы и выводов весьма важных. Мы сейчас заметили, что, по свидетельству краткой записки, комитет основал мысль об отделении суда от администрации единственно на примерах митрополитов Киприана, Фотия, Ионы и Феогноста. „С.-Петербургские ведомости” строят на этом заключение о несуществовании правил, на основании которых епископ должен иметь судебную власть. „Можно бы предположить, пишет академическая газета, что выражение: „уполномочие», встречаемое в проекте, обусловливается каким-либо каноническим правилом, в силу которого судебная власть в епархии может исходить только от епарх. архиерея; *но из объяснительной записки оказывается*, что такого канонического правила не существует, что каноническое право не концентрирует духовно-судебной юрисдикции в руках епарх. архиерея. Комитет объясняет предлагаемое им выражение (уполномочие) историческими

традициями (митр. Киприан, Фотий, Иона, Феогност). Но если слишком сообразоваться с исторпческими традициями, то никакое усовершенствование учреждений не было бы возможно». Академическая газета показывает вид, что она против канонического правила не пошла бы, и только исторической традиции уважать не хочет. Так и пойдут, на основании фальшивых показаний записок, фальшивые выводы и заключения газетной прессы.

Мотивы и соображения, изложенные в пространной записке заимствованы: а) из „Голоса“ б) „Биржевых ведомостей», в) из мотивов к судебным уставам 1864 года, и г) из журналов самого комитета.

а) Газета „Голос» послужила обильным источником для пространной объяснительной записки комитета, в особенности по предмету отнятия судебной власти епископа. Целые страницы записок выписаны из этой газеты. Для доказательства представляем следующий пример, характеризующий образ заимствования:

„Голос» 1872, 1 июля № 62. „Отлучение и**Большая комитетская записка ч II. стр. 64, 65,** извержение, о которых упоминается в канонах,**66:** „Понятия: *запрещение, извержение и* имеют различные степени и значения, в других*отлучение,* если разуметь под ними запрещение случаях под ними разумеются простосвященнослужения, отрешение от должности, дисциплинарные взыскания, исправительныеудаление от сообщения с прочим клиром и т. п., наказания. В этом легко убедиться, рассмотревочевидно имели значение дисциплинарных несколько преступлений, за которыеисправительных взысканий, налагаемых налагаются эти наказания. Например, вадминистративною властью начальства на Апостольских правилах извержениеподчиненных, какою и пользовался епископ в полагается: за принятие на себя клирикомотношении к своим клирикам, а не означали занятия мирскими делами (пр. 6) занаказаний, налагаемых по суду, который и над поручительство за кого-либо (20), за игру впресвитерами и диаконами производился с кости и нетрезвость (42), за взиманиесоблюдением тех же правил, которые были процентов с должников (44), за неядение мясапостановлены для суда над епископами, и неупотребление воды в праздники поисключая только числа и состава судей (Карф. причине гнушения сими предметами (53), за28, 12, 14. 29). Во всем этом легко убедиться, отказ бедному в пособии и милостыни (59), заесли рассмотреть: за какие, напр., преступления несоблюдение поста в среду и пятницу (69) и т.налагаются вышеуказанные наказания. В пра- п. Если бы извержение, назначаемое за этивилах Апостольских извержение, полагается: за преступления, означало наказание, налагаемоепринятие на себя клириком занятий мирскими по усмотрению архиерейской власти, тоделами (6 пр.), за поручительство за кого-либо пришлось бы обвинять каноны или в крайнем(20 пр.), за игру в кости и нетрезвость (42), за ригоризме, или в видимойвзимание процентов с должников (44) и пр. Если непоследовательности самим себе. Но в тех жепредположить, что определяемое за эти и канонах означенное наказание имеет разныеподобные преступления извержение означало виды и степени, одинаково прилагаясь, покрайнее наказание, то пришлось бы обвинить правилу Василия Великого (пр. 51), как кканоны в крайнем ригоризме и находившимся в степени священства, так и кнепоследовательности, ибо в других правилах проходившим служение без рукоположения;означенное наказание представляется имеющим оно означало или неполное и временное, илиразные виды и степени. Напр., одинаково совершенное и всегдашнее извержение (VIприлагаясь, по 51 пр. Васил. Вел., как к всел. 21). Неполное, временное извержение,находившимся в степени священства, так и к очевидно, состояло в удалении отпроходившим служение без рукоположения, это священнослужения и в запрещении исполнятьнаказание могло означать и неполное – его (Вас. Вел. 88). Следовательно, быловременное, и со вершенное – всегдашнее дисциплинарною мерой, имевшей цельюизвержение (IV Всел. 21); первое, очевидно, побудить виновного к исправлению;состояло в удалении от священнослужения и в совершенное же, всегдашнее, заключалось взапрещении исправлять его (Вас. Вел. 88), и, совершенном низведении со степенисследовательно, служило дисциплинарною мерою, священства (Вас. Вел. 3. 32), и потому служилоимевшею целью побудить виновного к действительным наказанием со всемиисправлению; последнее заключалось в неизгладимыми карательными последствиями.совершенном низвержении со степени Временное извержение полагалось исвященства (Вас. Вел. 3, 32) и, следовательно, административным, всегдашнее –служило действительным наказанием, со всеми

исключительно судебным порядком. Длянеизгладимыми карательными последствиями, большей ясности этой мысли, следуетпервое полагалось и административным, добавить, что если патриарх мог наказыватьпоследнее только судебным порядком. Чтобы собственною властью митрополита, равно какеще яснее видеть, что власть епископа и митрополит – епископа, лишь временнымподвергать виновных клириков *запрещению, и* извержением, то и епископ мог делать своею*извержению и отлучению,* о которой властью только тоже самое в отношении кдействительно упоминается в канонах, означает прочим священнослужителям. Каноны сего начальственную власть налагать на одинаковою последовательностью изъясняютподчиненных взыскания, то для сего следует принцип подчинения пресвитеров и диаконов –добавить, что подобною же властью епископу, епископов – митрополиту,пользовались патриарх в отношении к митрополитов – патриарху (Двукр. 13–15);митрополитам, митрополит в отношении к каноны ясно говорят, что суд над пресвитерамиепископам. Как епископ в пределах своей и диаконами производится на общихадминистративной власти мог подвергнуть основаниях, как и над епископами (Карф. 29).запрещению в священнослужении, удалению от Следовательно, если епископа мог судить иместа и должности подчиненного ему клирика, низложить только собор (Ап. 74), тот жетак тоже самое мог сделать митрополит в порядок судопроизводства наблюдался и вотношении к подчиненным ему епископам, отношении к прочим священнослужителям, спатриарх в отношении к подчиненным ему тем различием, что пресвитеров и диаконовмитрополитам. Сие явствует не только из тех судил собор меньшего числа присутствующих,правил, в которых епископы, не говоря о чем собор, судивший епископов. Итак,священнослужителях, подвергаются взысканиям наказания, налагаемые епископом набез суда за свой незаконный образ действий (Ант. священнослужителей без соборного суда по17, Карф. 28, 38), но и из тех, в которых дознанию и усмотрению вины подсудимого,проводится начало одинакового подчинения имели вид исправительных мер;священнослужителей епископу, епископов действительные же наказания, с карательнымимитрополиту, митрополитов патриарху (Двукр. последствиями, как на епископов, так и на13–15), а также и из канонов, в которых самым прочих священнослужителей налагалисьделом налагаются подобные взыскания. Напр., только по соборному изследованию иВас. Вел., как митрополит Каппадокийской рассмотрению виновности подсудимого (Сард.области, в послании к подчиненным ему 14; Двукр. 13; Карф. 29). Пример, записанный вепископам пишет: *ащ е кто, после сего моего* канонах, красноречиво подтверждает*послания, что-либо такое соделает* (речь идет о правильность наших выводов: антиохийскийсимонии), *да отступит от здешних алтарей и* патриарх Домн подверг извержению своею*пусть ищет где бы он мог покупати и* властью подчиненного ему епископа Петра;*продавати дар Божий; ибо мы и Церкви Божия* изверженный обратился к посредничеству*такового обычая не имеем.* (пр. 90). Наказанные Кирилла, александрийского патриарха,таким образом не считались и не могли считаться который, приняв сторону осужденного, писалдействительно осужденными, как красноречиво Домну: «безукоризнен, паче же исполненподтверждает эту мысль пример, записанный в всякой похвалы суд правый и законный». Какканонах. Антиохийский патриарх Домн подверг должен производиться этот правый и законныйсвоею властью извержению подчиненного ему суд изображается в том же послании. „Ащеепископа Петра; изверженный обратился к восхощет он судитися с теми, кои возлагали напосредничеству александрийского патриарха него преступления, но да судится, поКирилла, который, приняв сторону осужденного, принятому обычаю, пред твоим благочестием,писал Домну: *безукоризнен паче же исполнен* в соприсутствии подчиненных тебе,*всякой похвалы суд правый и законный.* Как благочестивейших епископов, кроме тех,должен производиться этот правый и законный которых не приимет, как подозреваемых… Ащесуд – изображается в том же послании. *А щ е* сие было бы учинено, то самое*восхощет он судитися с теми, кои возлагали на* делопроизводство или обличило в нем*него преступления, то да судится, по* преступника, доказанного и признанного, и*принятому обычаю, пред твоим благочестием,* потому не могущего рещи, яко обижен, или*в соприсутствии подчиненных тебе* представляло бы его решительно невинным и*благочестивейших епископов, кроме тех,* возвратило бы ему начальство над церковью,*которых не приемлет, как подозреваемых. Аще* которая была ему поручена». Как Кириалл*сие было бы учинено, то самое*

убеждает Домна поступить в настоящем случае*делопроизводство или обличило в нем* в отношении к епископу Петру, отрешенному от*преступника, или представило бы его* места, так и каждый клирик, подвергшийся*решительно невинным и возвратило бы ему* подобному взысканию от своего епископа,*начальство над церковью, которая была ему* имел право принести свое оправдание на*поручена* (Кар. пр. 1). Как Кирилл убеждал собор соседних епископов (Карф. 11, 38, 139;поступить Домна в отношении к Петру, Сард. 14; Феоф.4). Лишался этого права толькоотрешенному от места, или изверженному, так и пропустивший годичный срок иликаждый священнослужитель, подвергшийся осмелившийся, несмотря на распоряженияподобному взысканию от епископа, имел право своего епископа, продолжатьпринести свое оправдание на собор соседних священнодействие (Карф. 31, 90; Ант. 4).епископов; последний уже по исследовании и Приговор соборного суда или оправдывалрассмотрении виновности подсудимого, виновного, или подвергал действительномупроизносил над ним действительный суд. извержению".

Из сличения текста „Голоса" с текстом объяснительной записки ясно, что комитет почти буквально переписывает из статьи „Голоса", удержав ошибки газеты г. Краевского и даже приумножив их число. Так в газете г. Краевского говорится только об отлучении и извержении, о чем и действительно говорится в правилах. Комитет присоединяет еще: *запрещение*, о котором в правилах не говорится. Так комитет в доказательство мысли, будто епископы подвергаются наказаниям без суда, делает ссылку на 17 правило Антиохийского собора и на 28 Карфагенского, в которых говорится совсем не о том.

Подобным образом из газеты г. Краевского комитет делает буквальные заимствования и выписки и в других местах записки. Сравн. „Голос" 1872 № 60 и 62, и Больш. комитетск. записки ч. 2, стр. 69, 73, 74, 38, 39, 13–15; „Голос" 1871 № 289; Объясн. записи. ч. 2, 95–106 и др.

Из газеты г. Краевского комитет заимствовал и ту мысль, будто законоположения устава духовн. консисторий видимо несообразны с требованиями канонов древней Церкви (сравн. „Голос" 1872 № 60 и Больш. записк. комитета ч. 2, 75).

б) Другим источником сведений и взглядов, проведенных в объяснительных записках комитета, послужила газета г. Трубникова – „Биржевые ведомости". Для доказательства представим небольшую выписку:

„Биржев. вед." 1872, 3 июля. „Как в Свящ. писании**Большая комит. записка 2, 39. 40.** «Как в указывается епископам управлять порученным имСвящ. писании указывается епископам стадом свободно, без принуждения и преобладанияуправлять порученным им стадом без власти (1Петр. 5:1 псал.), так и в канонах Церквипреобладания, не со своекорыстными содержатся не только ограничения этой власти, ноцелями (1Петр. 5:2, 3), так и в канонах даже указываются случаи, когда распоряженияЦеркви содержатся не только ограничения епископа считаются недействительными, и когдаепископской власти, но вместе указываются подчиненные ему клир и народ имеют правои случаи, когда распоряжения епископа подвергнуть обсуждению образ мыслей своегодолжны считаться недействительными, епископа и отделиться от него без суда соборного"подлежащими обсуждению его собственного (Ап. 14, 36; Двукр. 15 и др.). клира и народа» (Двукр. 15 и др.).

Подобным образом делаются заимствования и из других №№ газеты г. Трубникова и буквально переносятся в объяснительную записку комитета. Слич. „Бирж. вед." 1872 №№ 154, 156, 210, 237, 251, 258, 270, 88, 89 с простран. объяснит. записк. ч. 2. 13–15, 36–48, 64–78, ч. 3, 11–14, 23–26 и др.

Достойно всякого примечания и даже удивления, что комитет церковному законоведению и канонической герменевтике учился у гг. Краевского и Трубникова, и учился с таким прилежанием и вниманием, с такими успехами, что заслужил полное и безусловное одобрение своих учителей.

Г. Трубников уже и выразил свое одобрение и благодарность комитету за усердие в науке и за верность его началам, развитым в его газете. В № 179 „Бирж. ведомостей» (1873) читаем: „в нашей газете печатается *капитальный* и почтенный труд Высоч. утв. 12 янв. 1870 г. комиссии по преобразованию духовно-судебной части. В свое время, когда еще только зарождалось и получало жизнь это прекрасное и необходимое преобразование, мы имели возможность останавливаться на нем с тою серьезностью и обстоятельностью, которой оно заслуживало... Мы искренно рады, что все наши положения нашли себе надлежащее место и развитие в лежащем пред нами проекте комиссии".

И так г. Трубников радуется и благодарит. Еще бы! Его мысли целиком из его газеты перенесены в официальный проект и в официальную записку. Даже иерархия является в мундире. Мудрено не радоваться и не благодарить. „Начало отделения власти судебной от административной, пишет г. Трубников, господствует над всем проектом. Составители проекта *оценили по достоинству анормальность единоличной, правящей и суд творящей епархиальной власти и значительно сократили ее, наделив светскую прокуратуру соответственною силою действия и иерархическою самостоятельностью.* Заключение: „комиссия разумно и добросовестно исполнила лежавшие на ней обязанности, труд ее, удовлетворяя главным поставленным жизнью и юридическою практикою требованиям, может служить прочным основанием для будущего проекта духовно-судебной реформы».

в) Не мало заимствовано в комитетские записки из мотивов к судебным уставам 1864 года. Этим мотивам составитель комитетской записки нередко придает важность и авторитет высшие и большие, чем библейским и церковным источникам. Так соображения комиссии, составлявшей судебные уставы 1864 г. об отделении суда от администрации, составитель записки называет „до того убедительными, что они должны быть сполна перенесены на почву рассуждений о необходимости отделения суда от администрации и в дух. ведомстве” (2, 19), не взирая на свидетельства Слова Божия и церковных правил, которыми такое отделение не допускается.

г) Под объяснениями некоторых статей в комитетской записке находим цитаты такого рода: Ж. 15, 40, 62 и т. д. Это конечно значит, что объяснение заимствовано из рассуждений комитета, изложенных в комитетских журналах. Но такие цитаты встречаются только под немногими статьями, под большею же частью объяснений нет этих цитат. Что это значит? Ужели то, что все эти нецитированные объяснения и мотивы сочинены и во внимании комитета никогда не были? То обстоятельство, что эти нецитированные статьи нередко оказываются выписанными из „Бирж. вед.» и „Голоса” дает силу вероятия тому предположению, что таковые объяснения суть сочинения и во внимании комитета никогда не были. К тому же заключению приводят и те странные ошибки, неверные цитаты, столь частые именно в объяснениях незаимствованных из журналов комитета. Невероятно, чтобы ни один член комитета не заметил, и не обратил внимания на таковые столь ясные погрешности и неправильности, даже и в виду того, что таким образом, будто бы, доказываются положения, принятые комитетом: доказывать можно и без неверных цитат. По нашему мнению, объяснительная записка содержание свое должна заимствовать только из комитетских журналов, содержащих рассуждения комитета и из тех мнений членов комитета, которые предложены были членами комитету, как их мнения по этому делу. Все прочее, сочиненное, должно отпасть. Сочинить, или выписать из газеты можно много; но нельзя сочиненное, или выписанное из газет, и непредложенное комитету, выдавать за мнение комитета. Если комитету принадлежит только отмеченное в записке, то весьма немного этого принадлежащего.

Комитетские записки изложены вполне безлично. Везде мы читаем: *одни члены, другие члены;* но кто именем одни, и как зовут других – этого не объявляют. Только в двух местах делается отступление от этой глухой исповеди, и выставляется на вид член комитета г. Лавров – в одном (2, 36) как защитник мысли о невозможности отделения судебной власти от административной в лице епарх. архиерея, в другом – как проповедник неправославия „совершенно чуждых и неизвестных в Православной церкви мыслей, что вся судебная власть сосредоточивается в епископе и епископстве (43)“. Во всех прочих случаях записки безыменны, на предъявителя. И в этом комитет отступает от объяснительных записок к суд. уставам 1864 г. В последних каждое мнение было с именем членов, разделяющих оное. Члены этого комитета боятся явиться с их именами. Но которые руководствуются чувством этой боязни – консервативные, или прогрессивные? Записка так глуха, что не указывает даже каким числом членов принято какое положение. Только под двумя, тремя статьями выставлено, что они приняты без прений, единогласно. Указание числа членов, державшихся разных мнений можно было сделать и не нарушая инкогнито гг. членов; между тем такое указание имело бы немалую важность для оценки мнений.

Исходным и начальным пунктом соображений, изложенных в объяснительных записках комитета, служит изображение нынешнего состояния духовного суда, которое, по изображению комитета, находится в ужасном состоянии. Типы нынешнего духовного суда изображены комитетом чертами, возбуждающими ужас и недоумение. Суда духовного, судебных приговоров нет, все причастное, соприкосновенное с производством сего суда, или недобросовестно и

злоупотребляет, угнетает других, или поражено леностью и невнимательностью, или угнетено и безгласно; самый закон, на основании которого должен бы производиться духовный суд – неправославен и не согласен с правилами древней Церкви. Таковы главнейшие выводы и заключения комитетских записок, и таково впечатление, получаемое от начертанных в комитетских записках, картин.

Картина нынешнего духовного суда в записках комитета действительно ужасна. „Нынешний духовный суд мало производит отрезвляющего и нравственно воспитательного влияния на подчиненную ему среду, не ограждает сам себя в правильной деятельности.... Суд духовный не имеет характера самостоятельного института и приговоры его утрачивают силу и значение судебных решений. В постановлениях консистории, утвержденных епархиальным архиереем и в собственных решениях архиерея, исходящих в консисторию в форме резолюции, нет ничего общего с приговорами судебных мест. Вообще в духовном ведомстве существуют одни административные взыскания начальства, полагаемые им в форме судебных решений... Достижение целей правосудия и в Св. синоде отходит на второй план... Соединение отдельных судебных действий в одних руках делает невозможным правильное постановление приговора... Лица, облекаемые поручением производить следствия, не в состоянии бывают выполнить возложенное на них поручение как следует и тем поставляют дальнейшее производство дела в затруднительное и почти в безнадежное положение относительно раскрытия истины... В нынешних духовных судах производство дел затягивается иногда на несколько лет, не подвигаясь при том далее начала следствия, или затребованных консисториею дополнительных по сему сведений... Духовный суд неудовлетворителен не в частных каких-либо принадлежностях его устройства, а в общей постановке и существе начал, положенных в его организации... Нынешний епархиальный суд устроен на неправильных началах правосудия и действует не по таким формам производства, которые ручаются за правильность и благонадежность постановляемых им приговоров... Достижение правосудия на духовном суде оказывается сомнительным не по причине возможных злоупотреблений, а вследствие самых обрядов и форм его делопроизводства, которые не могут гарантировать надлежащего и правильного отправления правосудия... Делопроизводство нынешнего духовного суда, действующего на основании устава дух. консисторий, не оставляет ни малейшего сомнения в мысли, что нынешний церковный суд не соответствует в этом отношении духовному суду древней *высшей* (sic!) Церкви, что законы делопроизводства нынешнего суда не согласны с требованиями церковных канонов... Нынешние духовные суды находятся в противоречии с канонами Церкви в главных основаниях».

Самое основание нынешнего духовного суда – устав, по которому он действует, ложно и канонам древней Церкви противно. „Законоположения устава дух. консисторий видимо несообразны с требованиями древних канонов Церкви» (2, 75).

Таков общий вид нынешнего духовного суда по изображению комитета. Не менее красивы и отдельные его органы, и деятели.

Что Св. синод, по словам комитета, достижение целей правосудия оставляет на втором плане – это мы сейчас повторили со слов комитета. А каков епархиальный архиерей в качестве судьи, сейчас увидим. „Епархиальный архиерей не имеет возможности отнестись к производству суда с должным вниманием... Сами епархиальные архиереи не признают в своих решениях силы судебных приговоров... *Постановления консистории, утвержденные епархиальным архиереем и собственные решения последнего, весьма часто не только изменяются; но и совершенно отменяются резолюциями того же епарх. архиерея. В подтверждение сей мысли достаточно указать на то, что почти в каждой консистории можно найти несколько противоречивых резолюций и решений по одному и тому же делу, одни другие отменяющих и уничтожающих без открытия новых*, *законом указываемых, причин...* Лица и установления прямо назначенные для действий администрации, без сомнения, должны смотреть на отправление лежащих на них судебных обязанностей, если не как на постороннее, то как на второстепенное для них занятие, потому судебные действия, обыкновенно отправляются ими вяло и медленно, и приговоры их носят отпечаток административных соображений и целей. Вмешательство усмотрения и соображений административной власти в постановление судебных решений до того очевидно, что едва ли будет не справедливо заключить, что по проступкам и преступлениям священно и церковнослужителей нет действительного формального суда, коим обыкновенно пользуются должностные лица прочих ведомств государства, а есть суд административный, которым

пользуется епархиальный архиерей, как начальник над подчиненным ему духовенством, что этот суд не без причины подвергается нареканиям со стороны подсудных ему лиц и вызывает жалобы против его решений... Виды и цели епархиального начальства всегда противоположны требованиям закона и правосудия. Не соображаться с видами и целями епархиального начальства составляет первейшее условие деятельности и основание совершенства суда духовного, как удостоверяют и каноны (Карф. 16)... Резкие ошибки архиерея – составляют одно из самых легких против него обвинений. Ошибки со стороны архиереев по вопросам о *предании суду* (которого, заметим, ныне в виде особого акта не существует) возможны, и притом ошибки довольно резкие, в доказательство сего можно указать немало дел Св. синода".

Таков архиерей в судебных делах!

Консистория в членах своих есть, по изображению комитета, полное ничтожество. „Права и обязанности консистории ограничиваются тем, что она собирает нужные сведения для решения дела, обставляет его установленными формами канцелярского производства и излагает затем свое *предварительное мнение по делу...* Консистория в обсуждении судебного дела, ничего *не решая* самостоятельно, только уясняет обстоятельства, способствующие к разрешению дела, изготовляет проект предварительного решения... Дела о проступках и преступлениях духовенства, требующие формального производства, поступают в консисторию и *решаются* при ее участии. Но консистории, участвуя в сихъ делах, *не решают их...* В слушании дела участвуют все члены консистории с равным правом голоса. *Решения* требуются единогласные. В случаях неединогласного *решения* протокол составляется по большинству голосов... Чтобы вполне понять юридическое положение и служебную зависимость членов консистории от епархиального архиерея, необходимо присовокупить, что все они, находясь при священнических должностях, состоят в равном с прочими духовными лицами подчинении своему архиерею, подлежат его административным взысканиям и суду, и могут быть смещены с должности и удалены от нее по его же представлению. Такое подчинение членов консистории епархиальному архиерею, не обеспечивая им свободы и самостоятельности собственных суждений, всецело подвергает их влиянию администрации. При смешении суда с администрациею, отправлением правосудия в дух. ведомстве, по необходимости занимаются люди из среды духовенства, в котором, при его изолированности, замкнутости и местной малочисленности, более чем в другом сословии, возможны влияния родства, свойства, знакомства, дружбы и подобных отношений; при таких условиях деятельности дух. суда, очевидно, не всегда могут казаться невероятными те отзывы подвергшейся осуждению стороны, что администрация к ней не благоволит, что противник ее находится в родстве, свойстве, или в других дружеских отношениях с кем-либо из служителей правосудия".

Есть один прикосновенный к нынешнему духовному суду тип, довольно независимый от администрации, но самая эта независимость, по изъяснению комитета, ненормальна и вредна. Это – консисторский секретарь. „Секретарь консистории совмещает в своем лице и обязанности главного делопроизводителя канцелярии и вместе прокурора присутствия консистории. Состоя под ближайшим начальством епарх. архиерея, секретарь находится вместе с тем в непосредственном ведении обер-прокурора Св. синода. Все это, очевидно, гарантирует секретаря гораздо более, чем членов; но эта самостоятельность и независимость никак не могут быть отнесены к числу нормальных явлений в организации епархиальн. суда, ибо соединение в лице секретаря обязанностей начальствующего над канцеляриею делопроизводителя и прав свойственных прокурору, очевидно, поставляет в зависимость от его мнения как движение дел, так и самое *решение* их в консистории».

Таков нынешний духовный суд и нынешние судебные деятели по изображению комитета. – Суда, по мнению комитета, собственно, нет, раскрытие истины на этом суде невозможно, духовному суду древней Церкви он не соответствует. Главный деятель этого суда – епарх. архиерей, занимается судебными делами без внимания, свои решения не признает судебными приговорами и *весьма часто* совершает уголовные преступления, т. е. подлоги, не только изменяя свои судебные решения, но и отменяя их, без открытия новых, законом указанных причин („Улож. о нак." 294; „Св. зак." т. II учр. губ. 168). Члены нынешнего дух. суда, по изображению комитета, дают только предварительное мнение по делу и не решают их, однако же и решают. Во всяком случае не имеют свободы и самостоятельности суждений и находятся всецело под влиянием администрации. Секретарь консистории гарантирован более, но это не есть нормальное явление.

Что в комитетском изображении переложено мрачных красок – это ясно с первого взгляда. Что комитетская картина не верна действительности – и это также ясно, и объяснено самим комитетом, который приписывает консистории то одни предварительные мнения, то решения единогласные, или по большинству голосов. Что архиерей намеренно и несправедливо изображен в чертах ненавистных – ясно и это. Но нас более всего удивили не эти неправильные показания или намеренно неверные изображения, а обвинение епархиальн. архиереев в подлогах, составляющих уголовное преступление и совершаемых ими, по свидетельству комитета, *весьма часто.* Это обвинение самое тяжкое и *вопиющее* о разъяснении и представлении доказательств со стороны обвинителя.

Таковы не привлекательные типы нынешнего духовного суда. Им противопоставляется картина и типы будущего духовного суда – проектируемые комитетом. И эта картина, и эти типы являются в виде самом привлекательном.

„Будущий суд, по словам комитета, будет суд скорый, правый, законный, удовлетворительный, современный и правильный”.

В частности „духовно-окружной суд будет воспроизведением, на сколько это возможно при настоящем устройстве управления Русской церкви, тех соборов древней Церкви, на которых епархиальные епископы заменяли свое присутствие уполномоченными, предоставляя рассмотрение предлежащих дел избранным судиям из своей области. Более удачное подражание канонам и практике древней Церкви едва ли возможно и представить”.

Частные отдельные деятели будущего духовного суда изображаются комитетом также весьма симпатичными и светлыми чертами.

Пресвитеры – к которым переходит судебная власть от архиерея – составляют звание, которое „высоко ставилось в древней Церкви и немного отличалось от сана епископа”. Известно, как даже диаконы, конечно, по злоупотреблению своим положением, но не без некоторых к тому поводов, присвоили себе преимущества большие, чем права пресвитеров и епископов. Все это (т. е. чтобы присвоятъ себе права большие установленных?) „находится в самой тесной и неразрывной связи с порядками древней Церкви, где пресвитеры и диаконы были действительными и ближайшими сослужителями и помощниками епископа, а не лицами, удаленными от него на значительное расстояние начальственными правами и преимуществами, отличающими епископа в настоящее время... Ряды духовенства наполняются людьми образованными, людьми преимущественной нравственности сравнительно с прочими классами сельского населения... Затем ожидается и дальнейшее еще возвышение нравственности духовных лиц...”

Родства, свойства и дружбы, ныне препятствующих отправлению дух. правосудия, конечно, не будет: все пресвитеры будут безродные и мизантропы.

Но самый светлый, самый привлекательный тип будущего духовного суда есть тип *прокурора.* Самыми привлекательными, самыми яркими чертами в объяснительной записке комитета изображается один прокурор. И по общему представлению, и по закону прокурорская обязанность для подсудимых довольно тяжкая и не всегда приятная. В силу своей оффиции, по самому закону, прокурор есть сторона и обязанность его представить в возможно ярком свете именно свою сторону – обвинение подсудимого. По комитетской записке выходит не так. Прокурор не обвинитель, а благодетель подсудимого, ограждающий его от неправильного обвинения. Прокурор, по изображению комитета, сама правда и вместе милость. Это благодетель духовенства. „Сама собою чувствуется нужда в таких органах обвинительной власти, которые, действуя своими правами в качестве представителей закона и правительства, с одной стороны, не оставляли бы безнаказанным действительного преступления к посрамлению уставов Церкви и позору духовенства, с другой не привлекали бы к судебной ответственности тех, которые не заслуживают сего преследования. Потребность подобных органов в дух. суде возрастает еще более, если представить, что духовные лица поставлены в неизбежные столкновения с прочими, что административный контроль нигде не может иметь столь действительного влияния, как в среде духовенства. Не учредить, поэтому, в дух. суде таких *органов обвинительной власти,* которые могли бы, в случае нужды, *противостоять несправедливым обвинениям частных лиц и пристрастным преследованиям администрации*, значило бы не обеспечить прав подсудимых, как того требуют закон и справедливость... Лица, облеченные ответственностью прокуроров, не могут действовать ни под влиянием посторонних условий, ни с соблюдением собственных выгод. Прокурор одинаково заинтересован как в

преследовании действительно виновного, так и в ограждении от подобного преследования вовсе невиновного. Для него по самой идее его занятий необязательны те или другие виды епархиального начальства, а важны только требования закона и правосудия. Для него столь же желательно как осудить, так и оправдать подсудимого“.

Конечно, несколько странно уже и то, что будущий духовный прокурор будет благодетелем подсудимого. Но еще более странно то, что этот благодетель подсудимого есть вместе и благодетель архиерея. Каким образом? Весьма любопытным: „архиерей, соглашаясь с мнением прокурора о предании обвиняемого суду, очевидно не может подлежать той нравственной и юридической ответственности, которой он необходимо подвергся бы, если бы действовал в настоящем случае по представлению своего уполномоченного. Ответственность за неосновательность обвинения падает прежде всего на прокурора. Совершенно в другом, непривлекательном свете представилось бы положение архиерея, если бы он один взял на себя ответственность по преданию суду *виновных* (sic); лицо архиерея в таком случае было бы открыто для всевозможных справедливых и несправедливых нареканий и оговоров, и действия его могли бы сделаться предметом самых разнообразных, прямых и кривых толков”. И от всего этого избавляет архиерея прокурор.

„Словом, выгоды правосудия и лиц, заинтересованных в нем, требуют поручить прокурорам право непосредственно участвовать как в преследовании, так и в освобождении *виновных* (sic!) от этого преследования”.

Прокурор по изображению объяснительной записки, будет даже непогрешим. Это наш будущий папа. „Архиерей часто делает резкие ошибки, и без прокурора эти ошибки со стороны епарх. архиерея осталось бы не исправимыми” (Ч. 3, 107). При прокуроре же и ошибки „со стороны архиерея не останутся неисправленными и всякий повод к нареканию на самовластие епархиальных архиереев в делах судебных будет устранен” (107, 108).

Таков новый благодетель духовенства. Он правдивее правды, и законнее закона; но вместе он и милостивее милости. Он будет не прокурор, а более адвокат, защитник духовных лиц против несправедливых обвинений частных лиц и против притеснений епарх. начальства. Он имеет даже власть помилования, ибо освобождает *виновных* от преследования! Откуда явилось это ложное и извращенное понятие о прокуроре? Сколько из желания разукрасить этого новооткрытого благодетеля духовенства, столько же из старого типа прежнего дореформенного прокурора, который и действительно имел некоторые обязанннности, похожие на идеализируемые комитетом обязанности проектируемого прокурора, но которых новый прокурор никаким образом иметь не будет.

Записке известно различие между старым и новым прокурором, и однако же она везде находит нужным рисовать прокурора духовного суда по старому и еще изукрашенному подлиннику. Впрочем, таким размалеванным адвокатом прокурор является только в объяснительной записке; в положениях же, напротив, он является в истинном своем образе обвинителя, который будет настаивать на обвинении даже и тогда, когда архиерей будет полагать, что преследование обвиняемого подлежит прекращению (ст. 102).

Итак, за превращением духовно-окружного суда в собор, а прокурора в адвоката, за приближением пресвитеров и диаконов к епископам – оказывается, что будущий духовный суд будет самым удачным подражанием канонам и практике древней Церкви, что он будет отправляться пресвитерами, звание которых столь высоко ставилось в древней Церкви и не много отличалось от сана епископа, и наконец (что всего важнее) он будет иметь при себе такой орган, который хотя и именуется прокурором – обвинителем, по в сущности есть защитник от несправедливых обвинений частных лиц и администрации, и непогрешимый учитель, исправляющий ошибки архиерея.

Что касается мотивов и соображений, представленных комитетом для оправдания и утверждения проекта, то эти мотивы и соображения частью канонические, частью практические.

А. Канонические мотивы и соображения.

Канонические мотивы и соображения комитетом заимствованы, главным образом, из первой, второй и третьей теорий, рассмотренных нами выше. Существенное содержание, изложение, даже погрешности в канонических соображениях и мотивах комитет заимствует из „Биржевых ведомостей”, „Голоса”, и отчасти из комитетских журналов, как это видно из сделанных под некоторыми объяснительными статьями цитат.

Как многие, в особенности касающиеся важнейших пунктов места, в объяснительной записке заимствованы из „Голоса» и “Биржевых ведомостей», с которыми мы уже имели дело в предшествующих главах книги, то в настоящий раз к сказанному выше остается присовокупить только несколько новых замечаний и дополнений.

Комитетские записки изобилуют противоречиями и в особенности – пространная. И эти противоречия относятся к самым важным и существенным сторонам предмета.

Самое понятие о духовном суде сообщается в разных местах объяснительных записок неодинаковое, но в одном месте такое, в другом другое. В одном месте, по понятию комитета, духовный суд есть обнаружение Божественного полномочия, в другом церковный суд характеризуется как внешний акт, для которого не нужно никаких высших духовных полномочий.

Иногда по понятию комитета:

„Духовный суд есть**В другой раз:** „Реформа церк. суда касается внешних сторон обнаружение божественногосуществования Церкви”… «Суд в Церкви, по его целям и полномочия в Церкви.…”действиям, не есть раскрытие каких-либо начал веры и «Духовный суд естьвнутренних оснований Церкви, напротив суд есть чисто внешний непосредственное обнаружениеакт исследования достоверности известного преступления и полномочия власти Христовойприменения к последнему готового закона; в действиях и церкви…» «Духовный судпроявлениях своего суда Церковь всего ближе соприкасается с является непосредственногражданским обществом»... «Духовный суд есть одно из внешних обнаружением духовногоустановлений Церкви»... «Дела церковного управления полномочия Церквинастолько важнее, выше и существеннее дел дух. суда, на представляемого еесколько преподание учения, совершение благодатных действий, иерархиею…» «Отправлениядуховно-нравственный надзор кажутся сами по себе выше, суда служат продолжением иважнее, и существеннее чем исследование, рассмотрение и обнаружением правоценка преступлений».
иерархических».

Итак, по учению комитета, дух. суд есть и обнаружение Божественного полномочия Церкви, и внешнее установление, чисто внешний акт: для какого случая что пригоднее, то и употребляй, хотя из той и другой мысли вытекают совершенно разные и противоположные заключения – из первой то, что суд Церкви как обнаружение Бож. полномочия, должен быть и отправляем лицами, получившими это полномочие, т. е. преемниками Апостолов – епископами, из второй то, что для отправления чисто внешнего акта нет нужды в особом духовном суде, ибо внешние акты правосудия отправляются с удобством и светскими судами.

Наибольшею запутанностью, странностями и противоречиями изобилуют комитетские объяснения о судебной власти епископа.

Мысль, проведенная по всему комитетскому проекту в отношении к судебной власти епископа, есть полное и всецелое отделение судебной власти от епископа, так что по комитетскому проекту епархиальный епископ судебной власти совершенно не имеет. Но сказать, что это делается вопреки канонам комитет не хотел. Отсюда целый ряд различных ухищрений примирить проект с канонами, доказать, что и в канонах тоже самое, что и в комитетском проекте, и даже в последнем лучше, чем в канонах.

Источником всех недоразумений, противоречий и других странных явлений, примечаемых в объяснительных записках комитета по предмету отделения дух. суда от администрации, послужило то, что комитет задался невыполнимою и невозможною мыслью об устроении независимого от администрации духовного суда из духовных же лиц. Независимый от духовной власти суд может быть устроен только из светских лиц; так как все духовные лица подчинены и необходимо должны быть подчинены духовной власти не могут быть независимы. И так с самого первого раза комитет задается невозможною мыслью: ему хочется устроить независимый духовный суд, но из лиц, не могущих иметь независимости, т. е. духовных же. Дело, которое признает невозможным и сам комитет, когда в одном месте своих записок (1, 21) свидетельствует, что „духовный суд, как суд сословный и ведомственный, никак не может иметь той свободы, самостоятельности и независимости, которыми пользуется общий государственный суд”. Выйти из этого противоречия невозможно. Отсюда целый ряд искусственных и неправильных построений, разваливающихся при первом приступе к ним с прямым категорическим запросом. Духовный суд должен быть независим от духовной администрации, т. е. от епископа, и должен быть отправляем пресвитерами. Такова задача комитета. Но может ли

быть в Православной церкви пресвитер, независимый от своего епархиального епископа? Вот первый вопрос, который должен быть при этом предложен, и ответ на этот вопрос может быть только один: в Православной церкви никогда и ни в каком случае пресвитер не может быть независим от своего епископа. Ибо ясно, положительно и безусловно Апостольское правило: *пресвитеры и диаконы, без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их* (Ап. 39). Поэтому набором слов, не имеющих надлежащей силы, представляется нижеследующая тирада большой комитетской записки: „не может быть сомнения в необходимости и благодетельности применения в духовном суде начала выделения его из ведомства администрации, при чем само собою должно быть ясно *(однако как же?)*, что применение этого начала в дух. ведомстве не заключает в себе мысли, чтобы в звание духовных судей и членов духовно-судебных установлений были назначаемы лица несвященного сана *(почему же, если независимыми от духовной администрации могут быть только лица несвященного сана?);* „ибо при независимости духовного суда от администрации, в первом необходимо должна быть удержана мысль, что суд в Церкви составляет существенную принадлежность вообще церковной власти *(которой носители – кто? Епископы или пресвитеры?)*, что правами этой власти пользуются и располагают не все члены, а только служители Церкви, как приемники Апостольского посольства и носители Христова авторитета *(каковы суть именно епископы).* По этому вся сущность *государственного принципа* отделения суда от администрации, при перенесении его на почву Церкви, должна выразиться в том, чтобы для отправления духовного правосудия, были установлены органы из лиц священного сана, которые не принимали бы никакого участия в делах духовной администрации, чтобы эти органы, преследуя свои исключительно судебные цели, стояли вне влияния епархиальной администрации *(требование в Православной церкви невозможное без разрушения самых основ ее иерархического устройства)*, чтобы деятельность этих органов в подлежащей им сфере, имела свойственную им свободу и независимость”.

После требований столь странных и в Православной церкви невыполнимых, тем страннее заключение: „сохранение этих условий, гарантируя суд в его деятельности, нисколько не поколеблет начал церковного устройства и согласит духовный суд с судом светским, с которым он необходимо и должен быть согласован” (2, 20). И последняя цель – согласование духовного суда со светским, комитетским проектом будет достигнута не вполне. Что же касается до начал церковного устройства, то они будут совершенно поколеблены, так как пресвитер, по устройству Православной церкви, необходимо стоящий в зависимости от его еппскопа, будет выведен из этой зависимости.

Недостижимость последней цели, т. е. согласования духовных судов со светскими, по предмету независимости судей от администрации весьма ясно изобличается самим же комитетским проектом. Представляют, будто пресвитеры, духовные судьи и члены духовно-окружного суда будут независимы, неподчинены епархиальному архиерею, и в этом похожи на светских судей, но в тоже время выдают, что они будут уполномоченные своего епархиального архиерея, т. е. дважды подчиненные, дважды зависимые – один раз по служению священническому, другой – по исполнению судебного поручения. Видна несостоятельность этой мысли и в приложении к архиерею, председателю духовно-окружного суда. Краткая записка свидетельствует, что, дабы устранить всякое смешение судебной власти с административною в духовно-окружных судах, предположено постановить правило, что председатель духовно-окружного суда не может принимать участия в делах духовной администрации. Опять предположение и правило не осуществимое: архиерей будет иметь свиту иеромонахов, диаконов, послушников и проч. Каким образом он может быть не администратором сих лиц?

Невозможного нельзя сделать возможным.

Из этих усилий доказать, что в комитетском проекте примирено непримиримое, и начала нового светского суда и начала церковного устройства, выходят те противоречия и несообразности, какими изобилует в особенности пространная комитетская записка.

Главнейшие аргументы к подтверждению мысли о возможности отделения судебной власти от административной, в комитетских записках те же, какие в „Биржевых ведомостях”, в „Голосе” и у г. Барсова в речи. Несостоятельность большей части этих аргументов мы показали выше, при рассмотрении теорий, изложенных в журналах и газетах. Комитет не держится одного определенного взгляда на этот предмет, но находится под влиянием всех трех теорий выше нами рассмотренных, которые взаимно себя исключают. Отсюда та бездна противоречий, из

которой невозможно выбраться, тот хаос, которого ничем нельзя осветить. В записках проводится и та мысль, что принадлежность судебной власти епископу не есть догмат, или неизменное каноническое положение, и другая ей противоположная и ею исключаемая, именно, что и в древней Церкви, по канонам, епископ судебной власти не имел, а имел только власть административную, и наконец третья мысль, устраняющая и первую и вторую, именно, что епископ имел, по правилам, власть действительного суда и что, следуя канонам, нельзя лишить его этой власти, но можно против его воли заставить его поручить эту власть пресвитеру. Если комитет признает верным и фундаментальным для себя последнее положение, то нет ни малейшей нужды усиливаться доказывать первое и второе. И обратно, если стать на первом положении, окажется не нужным раскрытие второго и третьего. Равным образом, если принять за основное второе положение, не нужно развивать ни первого, ни третьего. Комитетские записки, без разбора комбинируют все три теории вместе, и которую как попадет, и вследствие этого путаются в безысходных противоречиях. В самом деле, если стать на ту точку зрения, что принадлежность епископу судебной власти не есть ни догмат, ни неизменное каноническое положение, то за сим сделаются излишними всякие усилия к раскрытию двух других теорий и даже поставят в противоречие. Если отнять судебную власть у епископа можно, то за сим в тоже время доказывать, что он и никогда судебной власти не имел, а имел только административную, судебную же имели только соборы, будет значить – только себе вредить. Ибо если епископ имел только административную власть, то и пресвитеры, по лишении епископа, могут получить только ту власть, которую он имел, т. е. административную и поручать, по силе третьей теории, епископ будет только административную власть. Если стать на точку зрения второй теории, т. е. что епископ имел только административную власть, то окажутся излишними и вредными теории первая и третья: ибо, по смыслу первой теории, нужно будет доказывать, что не судебная власть, никогда епископу не принадлежавшая, не составляет догмата, и может быть отнята, а административная. По смыслу же третьей теории, требующей, чтобы епископ насильственно поручал судебную власть пресвитеру, окажется, что он, как не имеющий судебной власти, не может ее и поручать. Наконец, если утвердиться на третьей теории, то первая окажется излишнею, а вторая вредною. Если епископ должен поручать, то не нужно усилий к доказательству мысли, будто принадлежность судебной власти епископу не составляет неизменного догматического положения. Если епископ не имел судебной власти, то и поручать ее не может. Такие противоречия и затруднения, такой хаос, неизбежны при совмещении этих разных, из разных мест заимствованных и в разные стороны тянущих, теорий. Составитель комитетских записок соблазнился легкостью добычи и не усмотрел ее вреда. Разработано у г. Соколова, в „Голосе», в „Биржевых ведомостях», самому трудиться не нужно. Но от этого в записках комитета безысходный хаос.

В одной полемике комитета против мнения г. Лаврова, утверждавшего, что принадлежность епископу судебной власти основывается на Слове Божием, на правилах Апостолов и Соборов, и на догматических книгах Прав. церкви и поэтому составляет неизменное догматическое и каноническое положение – совмещены обломки из всех трех теорий без малейшей догадки о несовместимости и взаимном противоречии их. Здесь пространно разводятся след. положения: 1) духовный суд есть непосредственное обнаружение полномочия власти Христовой церкви, действующей судебною и административною властью чрез одни и те же органы – чрез соборы Вселенские и поместные и чрез епископа епархии. 2) Епископ пользуется судебною и административною властью под ответственностью пред собором, в полной от него зависимости, на известных основаниях, в известных пределах. 3) Но в отношении к клирикам судебная власть епископа должна быть понята иначе, именно: он подвергал их взысканиям, которые не имели значения и силы наказаний, налагаемых по суду, и судебная власть епископа не имела значения и силы формального суда *(вторая теорія).* 4) Судебная власть епископа не имела характера неподвижности и неизменности, но судные, а равно и административные права епископа могут и расширяться, и суживаться и даже совершенно терять свое действие (т. е. возможно и уничтожение епископства в Православной церкви?), как и отменены бывшие прежде хорепископы. *Творчество* каждой Церкви в развитии своих административных и судебных установлений всегда должно казаться законным и уместным *(пер вая теорія).* 5) Замена власти епископа пресвитерскою и в частности передача епископами некоторых своих прав пресвитерам, составляют обыкновенные явления в церковной практике, требуются существом церк. устройства и усматриваются в практике древней Церкви, когда епископы не являлись сами на

соборы, производившие суд, а посылали вместо себя уполномоченных и в практике Русской церкви, в которой некоторые иерархи иногда имели наместников из лиц пресвитерского сана, производивших и судные дела *(третья теорія).* Составитель записки, собирая свои доводы из разных мест, из газет и журналов, очевидно, надеялся, что вернее убедитъ и в согласии комитетских предположений с канонами и в возможности не стесняться канонами, а руководствоваться теориею *творчества.* Само собою разумеется, что когда кто задается столь противоположными целями и задачами, недостигнет ни которой. Составитель записки достиг не этих двух, а третьей цели, которой может быть и желал – его записка оказывается не объяснительною, а затемнительною. Этой цели он достигает с успехом, смешав вместе три разнородные и взаимно противоположные теории: более этого затемнить истину и прямые, ясные указания правил и других церковных источников невозможно.

Как невозможно действовать в одно и то же время тремя разными орудиями без вреда для самого себя и без выгоды для противника, то вследствие этого закона и составитель объяснительных записок дал противному мнению весьма чувствительные и значительные выгоды к собственному вреду. Невозможность отвергать очевиднейшие свидетельства правил и практики древней Церкви, иногда сказывается самым наивным образом в комитетских записках. Так комитет, опровергая мнение г. Лаврова о принадлежности судебной власти епископу, приводит иногда такой аргумент, который прямо говорит в пользу г. Лаврова и прямо против комитетских мыслей. Вот несколько тому доказательств: „являясь тесно связанными в своем основании и существе, говорит комитет, *административная и судебная власть Церкви обнаруживаются и действуют чрез одних и тех же органов,* но не в одинаковой степени и не с одинаковыми правами. Соборы Вселенские, представляя в себе всю полноту прав и власти Христовой церкви, поместные только полноту прав и власти известной ее части, т. е. поместной Церкви, как законополагали правила церковного управления и дисциплины, так изрекали и суд на нарушителей этих правил, первые для всей и во всей Христианской церкви, а последние только для определенной и в известной частной Церкви. Так действовали соборы, сосредоточивая в себе и административную и судебную власть Церкви, но в неодинаковом ее пространстве. Соответственно сему и *епископ* был признаваем правителем и *судьею* в подчиненной ему епархии, но административною *и судебною властью пользовался* только как действительный правитель известного административного округа, *под ответственностью* за все свои действия *пред собором и в совершенной зависимости от него.* (7, 2, 36, 37)“. Едва ли г. Лавров, с которым в приведенных словах полемизирует комитет, утверждал что-нибудь другое и едва ли говорил, что епи-скоп пользовался судебною властью независимо от собора. А если и комитет, и г. Лавров стоят на одной и той же точке зрения, утверждают одну и ту же мысль, то в чем же между ними разница? В том, что г. Лавров признает сохранение этого положения епи- скопа (т. е. чтобы он пользовался судебною властью в зависимости от собора) обязательным и на будущее время, а комитет проектирует отрицание этого положения. Но в таком случае комитету гораздо выгоднее было не приводить аргументов в пользу его противника и во вред самому себе.

Приведенное место не единственное в этом роде, т. е. в роде содействия комитета положениям им отрицаемым и разрушения собственных. Комитет потрудился в этом роде не мало и в других местах, и принес обильную дань этому неблагодарному для него и полезному для истины делу. Таковы следующие его признания, которые совсем подрывают комитетский проект, выдаваемый за согласный с канонами, и которые высказываются весьма ясно и положительно: „Ап. Павел, преподавая епископу Тимофею разные наставления, между прочим, *определяет* и *образ епископского суда над пресвитерами* в следующих словах: обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух, или трех свидетелях; *над прочими верующими* в таких: согрешающих обличай пред всеми, чтобы и прочие страх имели (1Тим. 5:19, 20). Ап. Павел *заповедует епископу производить суд,* существенное содержание которого составляет изобличение согрешающих, гласно пред всеми, с целью устрашения сим и прочих, разумея под сим изобличением всенародное раскрытие дела и наказание. Что так именно должно разуметь сии слова Апостола, в этом удостоверяют нас отцы Церкви, напр., бл. Феодорит. (7, 2, 149). Административною и *судебною властью епископ пользовался* как действительный правитель известного административного округа под ответственностью за все свои действия пред собором и в совершенной зависимости от него; убедиться в этом совершенно легко из наставлений Ап. Павла, данных им Тимофею (1Тим. 5:19, 20). Апостол распространяясь, главным образом о правительственных, точнее же пастырских действиях Тимофея, в отношении к разным

подчиненным ему лицам церковного общества, говорит вместе о принятии им обвинений на пресвитера не иначе, как при двух или трех свидетелях, об обличении согрешивших пред всеми и о неделании ничего по пристрастию, хотя *нельзя думать, чтобы здесь речь шла именно о форме суда.* Апостол своею речью дает понять, что *власть* обличения и *суда дана Тимофею вместе с правами начальственного надзора* в Ефесской церкви, что *Тимофей должен пользоваться этою властью* сколько для исполнения лежащих на нем обязанностей, столько и для поддержания порядков, в порученном ему обществе». (2, 37).

„Правила Церкви предполагают особые инстанции как для суда над священнослужителями, так и для суда над епископами и митрополитами, притом так, что инстанция суда, бывшая первою для рассмотрения дел о митрополитах, служила второю для суда над епископами; *бывшая первою для епископов, служила второю для суда над прочими священнослужителями Церкви.* Для епископов первою инстанциею суда был суд собора, который, следов., для прочих священнослужителей был второю. Какая же для них была первая инстанция? Кажется ясно, что суд их собственного еппскопа" (3, 26, 27).

„ *Епископ был* признаваем правителем и *судьею* в подчиненной ему епархии" (2, 37).

„Все указания Слова Божия и церковных правил (1Тим. 5:19–21; Ап. 81, 27, Ант. 9, III Вселен. соб. посл. Карф. 29, Двукр. 9) несомненно удостоверяют, что *епископ пользовался судебною властью*" (2, 37, 38).

„Практика древней Церкви открывает, что *епископ исправлял дела суда*" (2, 40).

„ *Суд местный* или епархиальный, по правилам святых Апостолов, святых Вселенских и поместных соборов и св. отец *принадлежал епископу*" (2, 13).

„Недовольные постановленным решением могли обжаловать его, и просить пересмотра дела по существу *в высшем суде; на приговор местного епископа* или нескольких соседних епископов *апелляционная жалоба* приносилась к митрополиту и всему областному собору" (2, 15).

„Непосредственное изучение канонического судоустройства приводит к следующему, достойному в настоящем случае замечания, выводу. *В древней Церкви* существовали *три центра духовно-судебной власти: 1) Епископ* с подчиненными ему хорепископами, периодевтами и другими лицами, которых судебная власть ограничивалась пределами подчиненных им округов" (2, 15).

И так, и непосредственное изучение канонического судоустройства, и наставление Апостола Павла, и все указания канонов приводят к мысли, что канонический епископ судил и должен судить. И однако же, несмотря на эти ясные признаки, комитет в той же записке не находит невозможным утверждать, что канонический епископ не судил и не должен судить.

Вообще комитет в своих изъяснительных записках не избег общей судьбы своих предшественников, противников архиерейской власти. И он, подобно им, сам помогает защитникам ее приводить свидетельства против себя и в пользу своих противников и подкапывает не основания истины, а свои собственные измышления. Мы почитаем подобные деяния попущением Высшей Правды, допускающей временное омрачение в случае посягательства на Нее. Но как однако же сделать, чтобы из: *судил* выходило: *не судил,* и из: *должен судить,* вышло: *не должен судить?*

Этого можно достигнуть посредством одного герменевтического приема. Хотя и сказано, что правительственная и судебная власть на одинаковых основаниях, только, и не в одинаковом пространстве принадлежали соборам Вселенскому во всей Церкви, поместному в поместной и епископу в его епархии; но можно сказать и другое, а именно, что „судебную власть епископа в отношении к клирикам должно понять, как власть правительствующего и начальствующего в отношении к подчиненным, которых епископ может подвергать взысканию в видах единственно поддержания порядка, дисциплины и исправности в службе и поведении. Эти взыскания не имели значения и силы наказаний, налагаемых по суду» (2, 38, 39).

Взять из газеты г. Краевского эту парадоксальную мысль, конечно, можно, но доказать ее никаким образом нельзя. Ибо везде и в правилах, и в практике церковной, и суд епископский, и суд соборный представляются и действуют именно в качестве суда на равных основаниях и условиях, с одинаковыми свойствами и последствиями и весьма часто определяются оба и соборный и епископский в одном и том же правиле (Антиох. 4, 12 и друг.). Обо всем этом мы пространно говорили выше при рассмотрении академической речи г. Барсова. И комитет, по примеру г. Барсова и по предварительным указаниям газет гг. Краевского и Трубникова, в

правилах, установляющих вторую, высшую над епископским судом инстанцию, усиливается найти доказательство, якобы суд епископа, подлежавший пересмотру во 2-й инстанции – в соборе, не есть суд, а только администрация. Усилие во всех отношениях достойное сожаления и совершенно безуспешное, и бесполезное. Газеты г. Краевского и г. Трубникова навели комитет на этот путь вследствие полного неведения правил. При рассмотрении второй теории и речи г. Барсова мы привели, надеемся, достаточные доказательства в подтверждение того, что суд епископский и по существу, и по всем своим свойствам был такой же, как и суд собора. Здесь мы присовокупим только несколько замечаний о тех аргументах, которые не были рассмотрены выше.

Записка аргументирует, что „наказания епископа в отношении к подчиненным ему клирикам имеют тот же самый смысл, как и наказания, *которым подвергались сами епископы от митрополитов* прежде действительного суда» и в основание цитирует три правила, из которых ясно видно, что епископы не подвергались взысканиям от митрополитов, – именно Антиох. собора 17, и Карф. 28 и 38, которые мы и приводим здесь. *Антиох. 17:* „аще который епископ, прияв рукоположение во епископа и быв определен начальствовати над людьми, не приимет служения, и не согласится пойти во врученную ему Церковь: таковый да будет отлучен от общения церковного, доколе быв понужден, не приимет служения, или доколе не постановит о нем какого-либо определения совершенный собор епископов той области. *Карфаг. 28:* „аще кто из епископов подвергнется обвинению: обвинитель да представит дело к первенствующему в области, к которой принадлежит обвиняемый, и *да не будет обвиняемый отчужден от общения,* разве когда, быв призван к ответу грамотою, не явится в суд избранных судити его в назначенное время и т. д. *Карфаг. 38:* „угодно всему собору, чтобы отлученный за свое небрежение от общения, епископ ли, или кто бы то ни был из клира, во время отлучения своего, прежде выслушания оправдания его, дерзающий приступати к общению, признаваем был произнесшим сам на себя приговор осуждения.» Конечно, никто не скажет, чтобы в приведенных трех правилах содержалась мысль, усматриваемая в них комитетом, именно будто епископы подвергались наказаниям от митрополитов. Напротив, в одном из цитированных комитетом правил прямо сказано, что обвиняемый не должен быть отчужден от общения до приговора соборного суда. Комитет сделал счастливое, но неверное открытие в канонах. Дабы доказать мысль, будто епископ подвергал взысканиям пресвитера также как и митрополит еппскопа, патриарх митрополита, следовало бы указать такое правило, в котором было бы сказано: аще пресвитер или диакон извержен от сана своим епископом, или епископ митрополитом, или митрополит патриархом и т. д. Между тем в правилах мы читаем совсем иное, а именно: 1) *аще который епископ изверженный от сана собором* (не митрополитом), *или пресвитер, или диакон своим епископом* и т. д. (Антиох. 4); и 2) *патриарх не может отрешить подвластного себе епископа без собора, но должен предложить его дело рассмотрению собора в своем присутствии* (Кирил. 1. „Алфавит при книге правил” стр. 62). А этого комитет не усмотрел.

Составитель записки, пропагандируя в особенности вторую, свою наиболее любимую теорию, выдает сам себя и в других своих ухищрениях. Так он говорит: „на основании прав административного, начальственного положения в епархии епископ, как удостоверяют каноны, мог взыскать с подчиненного ему лица, лишить его места, отрешить от должности, запретить священнослужение и т. п. Эти действия, *если казались виновному не правильными,* обращали его с жалобою к собору, который производил подробное исследование о преступлении и его обстоятельствах.» А если казались виновному правильными, тогда что? Он оставался навсегда запрещенным в священнослужении, отрешенным от должности, лишенным места, изверженным, отлученным и все это административно, без суда? Как бы, кажется, не сообразить этого? Но сочинитель записки не соображает, а без малейшего сомнения и размышления повторяет это положение несколько раз, выдавая себя головою, и разрушая в основании свою теорию административного значения епископского суда. „Каноны предоставляют,» говорит он в другом месте, (ч. 3, 11) „подпавшим под взыскание епископа священнослужителям принести, *если они хотят,* свое оправдание суду собора, который и производил обстоятельное исследование о действительности преступления и виновности подсудимого.» А *если не хотят;* тогда опять извержение без суда?

Подобную несообразительность составитель записки обнаруживает и в другом аргументе той же мысли. Он пишет: „взыскания епископа, как действия начальника, оберегающего законы и правила Церкви, не имели значения и силы наказаний, налагаемых по суду.» Почему? „Потому

что епископ, смотря по степени исправления наказанного им, мог и изменить, и отменить свое распоряжение» (2, 39). Сочинителю заппски не пришел на мысль вот какой случай: епископ священника, изобличенного в нецеломудренной жизни, лишил священства. Мог ли он изменить и отменить такое свое распоряжение, смотря по степени исправления наказанного? Очевидно не мог. А если так, то в Православной церкви лишение священства полагаемо было административным, а не судебным порядком.

Влияние второй теории в объяснительной записке ставит комитет в противоречие с самим собою и в других его положениях. В проекте и во 2-й части объяснительной записки утверждается и пространно объясняется, что духовный судья есть судебный орган и судебная инстанция, и что всех судебных органов проектируется четыре. В 3-й части объяснительной записки дело поставляется совсем иначе: судебных органов только три: окружной суд, суд. отд. Св. синода и общее собрание; о духовном судье, как судебном органе, не упоминается. И то, и другое, по уверению комитета, разумеется, в согласии с канонами и даже лучше канонов. Вот выписка из объяснительной записки, подтверждающая наши слова: „Для удержания канонических начал и оснований представляется совершенно достаточным учредить инстанцию для суда над всеми священно-церковнослужителями Церкви, не исторгая их из подчинения местному епископу, инстанцию для епископов, не освобождая их из-под власти Св. синода, и последнюю для рассмотрения дел о высших иерархах Русской церкви, каковыми следует признать митрополитов и членов Св. синода. Такое распределение инстанций духовного суда не нарушит собою канонических начал и оснований духовного суда древней Церкви. Первая будет отвечать суду соседних епископов, вторая – суду областных соборов, третья – суду окружных соборов. Первая должна простирать свою юрисдикцию на несколько епархий, вторая на всех лиц епископского сана Русской церкви, третья и последняя – на главных представителей Русской церкви.» По этому изображению записки комитет допускает только три судебные инстанции – духовно-окружной суд, судебное отделение Св. синода и общее собрание, и не признает духовного судьи. Между тем в проекте духовный судья составляет особый судебный орган и особую четвертую духовно-судебную инстанцию и то же самое излагается и в других местах записки. Появление этого противоречия объясняется тем, что это место в комитетскую записку буквально переписано из объяснений к проекту, построенному на основании второй теории, не признававшей духовного судью судебным органом и не соображено с комитетскими предположениями и статьями. Всего замечательнее здесь то, что в той же части записки, только в другом месте, в том же, будто бы, согласии с канонами утверждается иное, а именно говорится: „в древней Церкви, существовали три центра духовно-судебной власти: 1) епископ, 2) *сбор* (sic) нескольких, или всех областных епископов и 3) наконец собор епископов всего округа. Соответственно этим центрам судебной власти древней Вселенской церкви, со всею последовательностью канонам, могут и должны быть образованы и в Русской церкви также три инстанции или степени суда: 1) суд местный или епархиальный для каждой епархии, сосредоточивающийся в лице епархиального архиерея, 2) суд духовно-окружной на несколько епархий и 3) суд общий, или высший для судебных дел всей Церкви.» Чему верить – первому или второму? Какие были инстанции в древней Церкви, и какие, в согласии с ними должны быть утверждены в русской – все это находится в совершенном хаосе, из которого никаким образом нельзя выбраться.

Внесены в комитетскую записку и другие обломки второй теории без согласования их с принципами комитета. Вообще подобных любопытных вещей в объяснительных записках комитета довольное число.

Недовольствуясь богатствами второй теории, сочинитель большой комитетской записки прибегает и к первой, и подкрепляет себя и ее мудростью. В согласии с нею он уверяет нас, что „не могут изменяться только неизменные иерархические права епископа, напротив, судебные и административные могут подвергаться различным изменениям, и при том не без влияния начал и требований государственного порядка.» Записка не определяет какие права епископа она почитает неизменными, иерархическими. А такое определение совершенно необходимо, дабы нам не блудиться в безвыходном лабиринте слов и фраз. Если признаком неизменности прав епископа должно служить, как кажется, определение их в Слове Божием, то судебная власть епископа таковой признак имеет. Судебная власть в Церкви вообще дана Спасителем Апостолам и преемникам их епископам, судебная власть в частности епископа над пресвитером изъяснена и заповедана Апостолом Павлом. Кажется это добрый и достаточный признак неизменяемости. И если уже этим признаком отличенное право епископа не неизменно, то останется ли в типе

канонического епископа что-нибудь неизменное? Право хиротонии есть право административное. Следовательно, и оно, по комитетскому рассуждению, изменяемо? Но благодарение Богу, комитет, или составитель комитетских записок, не всегда столь жесток, а иногда являет и милость, признавая и судебные права иерархическими, и, следовательно, не подлежащими изменению, тем паче отнятию. Он говорит: *отправления суда служат продолжением и обнаружением прав иерархических.*

Записка находит в канонах, по ее мнению, и еще более разительное доказательство неверности той мысли, что принадлежность архиерею судебной власти есть догмат, не допускающий никаких изменений. Это разительнейшее доказательство состоит в том, будто каноны, вопреки этой мысли, сначала только запретили хорепископам употребление епископских прав, а потом уничтожили и самое их существование, заменив пресвитерами. Это разительнейшее доказательство весьма любопытно. Два из цитированных прав (Анк. 13, Ант. 10) говорят о подчинении хорепископов епископам города, третье (Лаод. 57) запрещает вовсе поставлять епископов в малых городах и селах. *Следовательно,* можно отнять судебную власть и у всех епископов. Епископ сумский должен быть в подчинении харьковскому, михайловский рязанскому; и не должно ставить епископов в Ямбурге, Шлиссельбурге и Колпино. *Следовательно*, можно отнять судебную власть и у каждого епархиального епископа и отдать оную пресвитеру. Доказательство действительно весьма разительное, только, кажется, с другой стороны.

Вариируя третью теорию записка между прочим умозаключает: „как епископ, рукоположивши священника, не вмешивается в его пастырскую деятельность, а еще более не стесняет его в законном употреблении своих прав без вины и предосудительного повода со стороны последнего, так соответственно сему и духовный суд, отправляясь священниками, приставленными к сему епископом, совершенно может производиться вне вмешательства последнего». Это умозаключение и несогласно с учением Православной церкви, и для комитетских предприятий более вредно, чем полезно. По православному учению, изложенному в Православном христианском катехизисе, *пресвитер совершает таинства в зависимости от епископа.* А здесь утверждается, якобы он действует независимо, без вмешательства епископа, не стесняющего действий пресвитера без вины. Но если остановиться даже на этом изъяснении отношений епископа к пресвитеру, то и тут заключение должно быть для комитетских проектов невыгодное: и суд должен быть отправляем пресвитерами, *приставленными* к сему их епископом, и без вмешательства последнего *до вины* первых. Ни того ни другого комитет не допускает – ни приставления епископом, ни вмешательства его в случае вины *приставников.* Не с большим искусством составитель записки служит делу комитета.

Невозможность и бессодержательность мысли об уполномочении открывается и из 26 статьи комитетского проекта, в которой говорится о допущении духовных судей в духовно-окружной суд. Это будут, конечно, судьи, того города и той епархии, где окружной суд, следовательно, уполномоченные архиереем этой епархии; приглашаемы же они будут, конечно, не только в заседания о клириках этой своей епархии, но и о всех. Уполномоченность остается одним пустым звуком. Эту бессодержательность понятия „поручение“ по комитетскому проекту, а равно и истинное понятие поручения и вытекающие из сего понятия требования заметили не одни мы, а и газеты, с мнениями которых мы не имеем ничего общего и которые с сочувствием и одобрением приняли комитетский проект. „С.-Петербургские ведомости” говорят: „по проекту служащие в духовно-судебном ведомстве утверждаются в должностях архиереем, и это утверждение имеет значение уполномочия. Правда, проект обставил утверждение такими условиями, что оно является простою *формальностью*”. Таково по свидетельству „Спб. ведомостей” *комитетское уполномочие.* Настоящее же понятие *уполномочия* – не таково, и этого-то настоящего понятия очень боится газета академии и из страха советует выгнать из проекта и это фальшивое комитетское понятие, или лучше сказать слово: *полномочие.* „Самое выражение: „полномочие», говорит академическая газета, может повести к недоразумениям. Если судья есть уполномоченный епархиального архиерея, то епархиальное начальство в праве относиться к судье как к своему уполномоченному, а последний должен сообразоваться в своих действиях с желаниями доверителя. Этот вывод, противоречащий всему духу проекта, прямо вытекает из содержащегося в том же проекте выражения“. От кого же проект утаил истинное значение и смысл своего *уполномочия*? Заметили его фальшь и несоглашающиеся с проектом и его одобряющие.

Известно, что соборы древней Церкви состояли из епископов: все правила говорят только о соборах епископов. Таких епископских соборов комитет не проектирует, а проектирует постоянную судебную коллегию пресвитеров под председательством новоизобретенного епископа *in partibus fidelium* [67], и однако же хочет выдать это коллегиальное учреждение за собор древней Церкви. По-видимому, сделать это весьма трудно. Но для составителя комитетских записок нет трудностей непреодолимых. На этот случай берется третья теория – поручения, *уполномоченности.* Но о таких уполномоченных пресвитерах церковные правила не говорят *ни одного слова*, а практика свидетельствует, что случаи замены на соборах епископов пресвитерами были редкие и исключительные, и не было *ни одного собора,* который бы состоял из одних пресвитеров под председательством епископа *in partibus.* Для составителя записки это затруднение не составляет важности. Он будет уверять, что „обыкновенным председателем соборного суда был местный митрополит, а членами – епископы всех епархий области», но тут же прибавит: „как митрополит мог заменить себя другим, подчиненным ему епископом, так и каждый епископ подчиненным ему клириком“, не приводя, разумеется в подтверждение последней мысли никаких оснований, потому что их нет. Он не задумываясь объявит даже и то, „что устройство областного собора в древней Вселенской церкви имело тот характер, что надлежащими членами этого суда были или сами епископы епархий, входивших в округ митрополии, *или уполномоченные от епископов и их епархий лица*” (2, 14), хотя и знает, что последнее *или* есть его собственная и чистая выдумка. Он будет настаивать, что „нововведение комитета есть в некотором виде восстановление суда поместных или областных соборов древней Вселенской церкви“ (2, 84), что „духовно-окружной суд будет воспроизведением, насколько возможно при настоящем устройстве управления Русской церкви, древних соборов, на которых епархиальные епископы заменяли свое присутствие уполномоченными, предоставляя рассмотрение предлежащих дел избранным судиям из своей области» (Карф. 87, 141), и присовокупит: „более удачное подражание канонам и практике древней Церкви едва ли возможно и представить». Между тем это самое удачное подражание оказывается совершенно несходным с оригиналом: в правилах, на которые делает ссылку сочинитель записки и уполномоченные и избранные судьи, которым он хочет уподобить членов духовно-окружного суда пресвитеров, были *епископы*, а не пресвитеры. В 87 правиле Карфаг. собора говорится: „постановлено, чтобы каждый раз, когда надлежит собратися собору, благовременно приходили на оный *епископы*, которым не препятствует ни старость, ни болезнь, ниже какая-либо тяжкая необходимость: и да извещаются первенствующие, каждый от своей области, о всех *епископах*, в двух ли, или трех местах составляются *собрания их*, и от каждого из сих частных собраний *почередно изби-раемые* неотменно да приидут ко дню собора. В 141 правиле Карф. собора читаем: угодно всему собору, ради того, чтобы не были долго удерживаемы *все епископы,* сшедшиеся на собор, избрати по три судии (епископа) от каждой области. Не стесняясь столь явным несоответствием составитель записки несколько раз заявляет, что духовно-окружной суд, состоящий из пресвитеров, будет воспроизведением соборов, состоявших из епископов. Епископ ли, пресвитер ли – это, по его понятию, не составляет важности. Там не один, а несколько, и здесь не один, а несколько. Следовательно, духовно-окружной суд есть воспроизведение собора епископов.

Не стесняясь свидетельством канонов и исторической действительности, составитель записки повсюду показывает нам древний церковный собор как *„сбор* (sic) нескольких, или всех областных епископов» с добавкою: „ *равно и их уполномоченных*“ (2, 15), разумея под уполномоченными не кого другого, как пресвитеров, хотя канонические уполномоченные, им указанные, были епископы. Или же перевернет дело иначе и будет нас уверять, что духовно-окружной суд „состоя из уполномоченных от епархиальных архиереев округа, под председательством старейшего уполномоченного от Св. синода, действительно будет, сколько это возможно, при настоящем устройстве управления в Русской церкви, образом и подобием тех окружных *соборов,* на которые в древней Церкви *собирались епископы* области, а *иногда* присылали своих *уполномоченных*”. Или же в другом месте: „епархиальные епископы на соборы *часто* не являлись сами, а посылали вместо себя уполномоченных от своих епархий» (2, 44). Его никак не возьмет раздумье, что даже и по его словам, епископы на соборы присылали уполномоченных *не всегда,* как он предполагает, а только *иногда* (в действительности же *никогда* не было собора, состоявшего из одних пресвитеров с председателем безъепархиальным архиереем). Составителю записки такие затруднения, может быть, даже и в голову никогда не

приходят. *Никогда, иногда, часто, всегда* – какая в том важность? Составитель комитетской записки есть величайший из волшебников: он заставляет правила говорить то, что ему хочется; из его записки оказывается, что правила древней Церкви заключали в себе весь комитетский проект сполна – и епископа *in partibus* – председателя духовно-окружного суда, и уполномоченных епископами и епархиями пресвитеров, которые одни под председательством вышесказанного епископа составляли собор, и что хотя правила и говорят единственно и исключительно о соборах епископов, но епископы на соборах присутствовать не должны были, а только их уполномоченные пресвитеры.

Большой интерес представляет сопоставление взглядов комитета на духовно-окружной суд как на собор, с его же взглядами на другой собор, действительный, состоящий из архиереев. В комитете, как свидетельствует объяснительная записка, было предложено кем-то из членов – над судом Св. синода установить со *бор,* составляемый повременно из членов Св. правительствующего и судебного отделения синода с присоединением еще *определенного числа* епархиальных архиереев. Такой собор комитет не признал собором, рассуждая, что „учреждение собора из нескольких *избранных архиереев не может дать сему установлению имени собора,* ибо имеют право и должны участвовать в последнем одновременно все архиереи Русской церкви, а не некоторые только» (2, 88). Какие необычайные открытия делает комитет! Духовно-окружной суд, состоящий из нескольких пресвитеров с председателем безъепархиальным архиереем, по мнению комитета, есть собор поместный, или областной, а „учреждение собора только из нескольких архиереев не есть собор».

Впрочем, в другом месте комитет высказывает признание, что большее число архиереев составляет признак наиболее соответствующий идее собора. Говоря о составе Св. синода комитет выражаетъ мысль, „что допустить большее число архиереев, чем пресвитеров в Синоде, значит выдержать в установлении идею собора, в котором обыкновенно преимуществовало число членов-архиереев» (2, 130). Даже и поэтому комитетскому рецепту духовно-окружной суд не будет соответствовать идее собора.

Достойно внимания еще и следующее, на основании третьей теории построенное умозрение: „как епископ, рукоположивший священника, теряет власть и возможность без причины, по произволу, лишить последнего полученных им прав, так соответственно сему, он может и должен поступать и в отношении к отправлениям *суда и администрации*”. Дальновидный составитель записки добирается уже и до административных прав епископа, предполагая, конечно, и с ними поступить также как поступил комитет с судебными. Но опять он делает свои подходы не с довольным искусством. По его умозаключению епископ не может лишать пресвитера преподанных ему прав *без причины и по произволу.* Следовательно, не без причины и не по произволу, а по суду может, и также должен поступать с поручаемыми им судными и административными правами, т. е. отнимать их не без причины и не по произволу, а по суду. Это очень хорошо; но только, кажется, не для комитетского проекта: ибо епископ не без причины и не по произволу, а по суду отнимающий у пресвитера предоставленные ему права, есть нынешний епископ, а не будущий комитетский, которому этого права комитетом не дается.

Составитель записок до того непоследователен и самому себе не верен, что совершенно забывает сказанное за несколько страниц и начинает совершенно противное. На стран. 36 и 37 сочинитель записки говорит, что „административная и судебная власть Церкви *тесно связаны в своем основании и существе и действуют* чрез одних и тех же органов – чрез соборы и *чрез епископа*«. А на стран. 47 он же свидетельствует, что „смешение суда с администрациею должно быть признано существенным и главным недостатком нынешнего духовного епархиального суда, занесенным в устав дух. консисторий из законоположений светских. И советует его исправить по образцу законоположений светских же, но поновее, забывши, что сам же за 10 страниц уверял, что административная и судебная власть Церкви *тесно связаны в своем основании и существе и действуют* чрез одних и тех же органов и между ними *чрез* одного и того же *епископа.*

Составитель записки не избег искушения делать неверные ссылки на каноны и на другие документы. Когда ему хочется доказать какое-нибудь выдуманное положение, он обыкновенно делает ссылку на правило, или на другой документ, не приводя подлинных слов. Кто не имеет охоты или возможности поверять глухие цитаты, тот может остаться в счастливом для составителя записки убеждении о его ученой точности и обширных сведениях. Но не вынесет такого убеждения тот читатель записок, который возьмет в руки книгу правил, и приищет другие документы, цитируемые составителем записок.

Мы видели уже выше, как неправильно составитель записки, для доказательства мысли, будто митрополит подвергал епископа тем же наказаниям, каким епископ прочих клириков, ссылался на правила Антиох. собора 17, Карфаг. 28 и 38 ничего подобного в себе не заключающие. Вот еще несколько таких же примеров:

На стр. 69 ч. 2-й сочинитель записки говорит: „осужденный судом собора самым делом подвергался заслуженному наказанию со всеми юридическими последствиями, и за него не могла ходатайствовать никакая власть, ни даже вся поместная Церковь» и цитирует Карфаген. собора правило 79, в котором говорится: *о приятии клириков донатистов в клир кафолической Церкви* и нет ни одного слова о том, в доказательство чего приведено сочинителем записок.

На стр. 71: „если суд, не соображаясь с видами и целями епархиального начальства, будет рассматривать и обсуждать каждое преступное деяние, то подобное отсутствие пристрастия, составляет первейшее условие деятельности и основание совершенства суда духовного, как удостоверяют и каноны» (Карф. 16). Обращаемся к тексту удостоверяющего канона и читаем оный весь сполна: „рассуждено такожде и сие: аще от каких бы то ни было судей церковных судное дело перенесено будет к другим судиям церковным, имеющим высшую власть: да не будет никакого нарекания тем, коих приговор отменен будет, аще не могут быти обличены, яко или по вражде, или по пристрастию осудили, или неким угождением прельщены были». – Что общего между каноном и сентенциею о несообразовании с видами и целями епархиального начальства?

Иногда составитель записки поступает проще и для себя безопаснее: говорит прямо, что каноны свидетельствуют о том, о другом, о третьем, а какие каноны этого не указывает. Так на стр. 69 ч. 2-й он говорит: „епископ, как удостоверяют *другие каноны,* мог лишить подчиненное ему лицо места, отрешить от должности, запретить священнослужение». Никакие каноны ни первые, ни другие не говорят ни о лишении места, ни об отрешении от должности, ни о запрещении священнослужения епископом: каноны говорят об извержении, отлучении, лишении церковного общения.

На стр. 73: „ *каноны вообще* не усматривают ни малейшего противоречия правам и достоинству епископской власти в том, чтобы суд рассматривал поступившее к нему дело без всякого соображения с намерениями какого бы то ни было подлежащего епископа» – Какие каноны? сочинитель записки не указывает; а мы осмеливаемся ему заметить, что таких канонов нет, а написано это наобум.

Другой ряд неверных отношений составителя записок к правилам, представляют неверные толкования, ложные выводы. Мы укажем здесь только не многие примеры.

На стр. 48, ч. 2-й, сочинитель записки пишет: „каноны со всею строгостью закона преследуют самовластие епископа” и ссылается на 34 правило Апостольское, в котором говорится: «епископам всякого народа подобает знати первого в них и признавати его, яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие» – Какое самовластие епископа преследуется этим правилом, и при том еще со всею строгостью закона?

На стр. 73, ч. 2-й: „каноны запрещают епископу настаивать пред судом на своем расследовании вины подсудимого» (Карф. 121). *Подлинный текст:* на сем соборе положено: да не настоит един епископ на решение своего суда. *Толкование Св. синода:* когда пресвитер, осужденный епископом, жалуется на сие осуждение, тогда епископ не должен один настоять на свое *решение* и усиливаться исполнить оное, а должен предоставить дело рассмотрению полного собора, или определенного в правилах числа епископов. По толкованию Св. синода здесь разумеется *судебное решение* епископа, а у составителя записки – *расследование*, а епископ таким образом является следователем.

На стр. 68 и 69: «о власти епископа в своей епархии каноны выражаются в таких словах: каждый епископ имеет власть в своей епархии, и да управляет ею с приличествующею каждому осмотрительностью... и да разбирает все дела с рассуждением (Ант. 9). Разбирательство с рассуждением обозначает предел, до которого простирается начальственная власть епископа в собственной его епархии. Разуметь ли под этим выражением вообще обязанность епископа делать и *решать* все с обдуманностью или, как некоторые хотят видеть в нем, в частности указание на судебную власть епископа, во всяком случае этим выражением обозначается такое действие епископа, которое служит признаком его административного начальственного

положения в епархии». Сочинитель записки оригинально рассуждает: пусть кто хочет видит здесь суд, у меня все будет администрация.

И эта беда – фальшивых цитат происходит не только с правилами, но и с другими документами, цитируемыми в записках. Укажем некоторые примеры и этого.

На стр. 45, ч. 2-й сочинитель записки пишет: „в древней России было *общим правилом* назначать для действия духовного суда особые лица, каковыми вдали от кафедр святительских были: наместники, поповские старосты, заказчики, *ведавшие судебные дела* по проступкам духовенства против сана и звания, и десятильники, разбиравшие гражданские иски лиц духовного звания и между собою, и с лицами светскими, при кафедрах святительских: так называемые духовные судьи, или приказные старцы и святительские бояре, первые для разбирательства дел духовного, а последние – гражданского свойства; отправлявшие правосудие в десятинах и заказах, собственною властью решали все дела, исключая сложных и запутанных». Какая удивительная вещь! Уже в древней России было разделение суда и администрации и особые судебные органы. Однако на чем же это сказание основывается? Сочинитель записки указывает только один источник, именно А. И. 1 № 115. Отыскиваем этот важный и любопытный документ, и выписываем весь сначала до конца: *Жалованная грамота, Волоцкого князя Феодора Борисовича Игнатию Кожухову, об освобождении людей, живущих в старых и прикупных деревнях его в Волоцком княжестве, от пошлин, о неподсудимости их наместникам и тиунам, и о суде смесном.*

„Се яз князь Федор Борисович пожаловал есми Игнатья Александрова сына Кожухова. Что в моей отчине, на Волоце, в Раховском стану, его деревни старые, Оксеновскоя, да Васильевскоя, да Клейниче, да егож деревни прикупные, Чуприяновскоя, да Осинниковскоя, да Улитинскоя, да Веретенниковскоя, да Бородинскоя, да Полушинскоя, да Филипкова, да егож прикупное сельцо Полянка, да деревня Реткинскоя: и кто у него в сельце и в деревнях учнет людей жить, и тем его людям не надобе ни подводы, опроче яму, и городчиковы пошлины, и городового дела, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ник сотцкому ни к десятцким с тяглыми людьми не тянут не во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлины не надобе, ни розвинское, апроче посадничи половины, а наместницы мои Волоцкие и их тиуны кормов своих у них не емлют, и не всылают к ним ни по что, и не судят их ни в чем, опроче душегубства и разбоя, а праветчики и доводчики поборов своих у них не берут и не въезжают к ним ни почто. А ведает и судит Игнатей тех людей сам, и в татбе с поличным, промеж своих людей, или кому прикажет. А случитца суд смесной тем людем с городцкими людми, или с волостными, и наместници мои и волостели и их тиуни судят, а Игнатей или его приказщик с ними же судит, а при судом ее делят на полы. А кому будет чего искати на Игнатье, или на его приказчике, ино их сужу яз князь Федор Борисович, или мой боярин введеной; явит грамоту, и он дает обема наместником гривну, то им и с тиуны. А кто ся ослушает сее моей грамоты, быти ему от меня князя Федора Борисовича в казни. А дана грамота лета семь тысящ третьего на десять. Июля”. (А. И. 1 № 115).

Как опасно сочинять историю и потом ставить цитаты наобум.

Эта фальшь, выведенная наружу, вследствие ложной цитаты, должна бы, впрочем, обнаружиться и общим историческим путем, и именно следующим образом: сочинитель большой записки, вопреки им же самим высказанному замечанию, что принцип отделения суда от администрации есть принцип новейшего времени, возводит его в древнюю русскую историю и не обинуясь говорит, что *в древней России было общим правилом назначать для действия духовного суда особые лица*, т. е., что принцип разделения судебной власти и административной был и там. Составитель краткой записки выставляет даже, что пример древней отечественной Церкви был единственным основанием для комитета к принятию этого принципа. Он пишет: „история отечественной Церкви представляет примеры, что в прежнее время наши иерархи имели у себя особых *наместников* из лиц пресвитерского сана, предоставляя им *производство суда.* Так митрополиты Киприан, Фотий и Иона имели своих наместников в Киеве, и Новгородские архиепископы во Пскове, у митрополита Феогноста даже в Москве был наместник в пресвиторском сане, поставленный, еже рассуждати Божие люди и все церковные суды в правду, по священным правилам. В виду этих примеров комитет нашел возможным и в настоящее время предоставить производство духовного суда лицам, особо для сего избранным духовенством” (стр. 16).

Итак, принцип отделения суда от администрации был еще при митрополитах Киприане, Фотии, Ионе и Феогносте, и пример этих митрополитов послужил для комитета единственным основанием к принятию этого принципа. – Как важно чувство меры во всем даже в вымыслах!

На той же 45 странице записки сочинитель ее пишет: „в древней Русской церкви, как заставляют это признать определения московских соборов 1551, 1667 и 1675 г. (А. И. 1 № 155, А. Э. IV, № 204, П. С. 3, № 1412), духовный суд вообще принадлежал особо назначенным для сего лицам и установлениям, действовавшим с известною долею свободы и самостоятельности, так что приговор их имел законную силу, если не встречал возражений со стороны подсудимых".

Обращаемся опять к цитированным документам и в первом из них, именно в А. И. 1 № 155 читаем следующее: *„По священным правилам всем святителем* коемуждо в своем пределе, духовных пастырей, архимандритов и игуменов и игуменей и их сестер, и строителей, и *весь священнический и иноческий чин, во всех духовных делех самим святителем судити.... А судити святителем самим,* соборне по священным правилам коемуждо в своей области.... *Святители в духовных делех сами соборне судят".*

Что заставляет признать определение московского собора 1551 года? То, что сочинитель записки говорит неправду и делает неверную ссылку.

Мы представили только немногие примеры неверных цитат и ссылок за невозможностью привести в подлинниках все неверные цитаты и ссылки, сделанные в записке. Укажем еще некоторые неверные ссылки и цитаты, нами замеченные. Таковы ч. 2, на стр. 74, ссылка на 87 и 141 правило Карфаг. собора, на стр. 67 цитата Карф. 28, стр. 64 Ап. 14, 35, Антиох. 13, 21, 22; стр 46. 1 Корин. 5:66, (нет и стих. 66-го), стр. 42 Ант. 2; на стр. 38, Вас. В. 3, 32; на стр. 72 Ап. 9; стр. 114, Карф. 12, 14, 29, Сард. 3, 4, 5, на стр. 76, IV Всел. Соб. 14, стр. 77, Антиох. 9. *Част. 3,* стр. 11 строка 15 Карф. 14, строк. 29, Карф. 129, строк. 36, Карф. 28, Двукр. 6; стр. 13, Ант. 17; стр. 14, Ант. 8, и др.

В виду всех представленных и указанных нами в объяснительных записках примеров, неверных ссылок на правила и другие документы мы осмеливаемся сделать замечание об особенной неуместности фальшивых цитат *в официальной, деловой записке,* и по делу такой великой важности. Эти записки имеют характер официальной деловой справки, подводимой к делу секретарем. Посему и точность в них требуется, если можно так сказать *дипломатическая,* ибо от неверной справки может последовать неверное решение. Комитетские записки весьма далеки от удовлетворения этому требованию.

Весьма любопытно сличение комитетского учения с православным, по изображению самого же комитета.

1) „По православному учению, говорит комитет, епископы в качестве главных, а не единственных представителей иерархии богоучрежденной в трех раздельных и различных степенях епископа, пресвитера и диакона признаются только главными, особенными и преимущественными, а неисключительными, единственными и самовластными судьями и правителями в церковном обществé'. А по учению комитета епископ не будет никаким судьею в церковном обществе, ни главным, ни особенным, ни преимущественным: судебная власть принадлежит судам, без участия властей административных (ст. 61), т. е. и епархиального архиерея.

2) „Местный епархиальный суд, по правилам св. Апостолов, св. Вселенских и поместных соборов и св. отец, принадлежал епископу». Так свидетельствует комитет, а сам проектирует, что местный епархиальный суд, не должен принадлежать и не будет принадлежать епископу, а будет принадлежать пресвитерам.

3) „Епископ, по церковным правилам, был признаваем правителем и *судьею* в подчиненной ему епархии, но административною и *судебною властью* он пользовался только как действительный правитель известного административного округа под ответственностью за все свои действия пред собором и в совершенной зависимости от него». Так свидетельствует комитет, а сам проектирует, что епископ не будет пользоваться судебною властью ни под ответственностью, ни без ответственности и не будет судьею.

4) „Апостол Павел, по свидетельству комитета, говорит Тимофею о принятии им обвинений на пресвитера и своею речью дает понять, что *власть* обличения и *суда дана Тимофею* вместе с правами начальственного надзора в Ефесской церкви, что *Тимофей должен пользоваться этою властью* – сколько для исполнения лежащих на нем обязанностей, столько и для поддержания порядков в порученном ему обществе». А сам комитет проектирует, что епископ не должен

пользоваться властью суда ни для исполнения лежащих на нем обязанностей, ни для поддержания порядков в порученном ему обществе.

5) „Все указания канонов», свидетельствует комитет, „несомненно удостоверяют, что *епископ пользовался судебною властью.* Каноны и вместе практика Церкви присовокупляют, *что епископ пользовался этою властью на известных основаниях и в опредѣленных пределах.* А сам проектирует, что епископ не будет пользоваться судебною властью ни на основаниях, ни без оснований, ни в определенных пределах, ни в неопределенных.

6) Весьма поучительно и драгоценно обращение комитета с указаниями Слова Божия. Заповедь Ап. Павла епископу Тимофею принимать обвинение на пресвитера при двух, или трех свидетелях, по свидетельству комитета, доказывает и принадлежность судебной власти епископу, и принадлежность епископу изобретенной составителем записки власти дисциплинарных и административных взысканий, и власти предания суду, принадлежащей епископу (III, 29). Место оказывается универсальным и доказывает все, что заблагорассудится комитету.

7) Комитет задался мыслью сделать нечто неслыханное, особенно важное, чего не сделали Апостолы и соборы, и из этой задачи исходя, пришел к отделению судебной власти от епархиального архиерея: ибо, по словам комитета, „оставить по-прежнему, в руках епархиальных архиереев и управление, и суд, значило бы не сделать ничего особенно важного в пользу духовного правосудия”.

8) Комитет свидетельствует, что „принцип отделения суда от администрации есть принцип новейшей юридической науки; пока не был известен этот принцип в самом государстве, до тех пор не могло быть и повода к применению его в ведомстве Церкви”. И однако же комитет в то же самое время находит, что и в древней Церкви этот принцип был известен и даже осуществлен; ибо и там, по уверению комитета, епархиальный архиерей судебною властью не пользовался, а имел только правительственную, административную. Известен был этот принцип, по свидетельству большой и малой комитетских записок, и в Русской церкви – при митрополитах Киприане, Фотии, Ионе и Феогносте.

Б. Практические мотивы и соображения.

Из практических аргументов и соображений комитета обращают на себя внимание: а) аргумент, заимствованный от количества дел, б) аргументы, направленные к доказательству мысли, будто духовно-окружной суд не будет далек, в) аргумент экономический, заимствованный от дороговизны или дешевизны, и г) некоторые другие аргументы.

а) Аргумент от количества дел представляет одну из печальнейших и необъяснимых страниц в комитетских записках. Две комитетские записки дают показания о количестве дел совершенно разные.

Количество судебных дел большой важности, кои по предположениям комитета должны быть изъяты из ведомства духовных судей и производимы в духовно-окружных судах:

ЕПАРХІИ.	По свидетельству краткой записки.	По свидетельству пространной записки.
1. Новгородской……	– – 9 – 10 – 26	28 23 11 17 40
Казанской……..	– 4 – 6 4 3 – 14	3 53 17 10 30
Астраханской……	1 5 6 – – – 3 –	15 79 6 19 2 2
С.Петербургской……..	5.– 79 – 23 7 46	17 46 17 62 24
Киевской……	– – – – 28 2 –	7 20 18 99 23
Московской……..	– – – – 3 – – –	55 52 58 32 43
Тобольской……	ни одного – –	17 16 28 3 8
Ярославской……	– – – – – –	27 17 9 19 22
Псковской……	10.	56 24 4 2 25
Рязанской……..		31 18 26 20 11
Тверской……		42 8
Херсонской……		
Таврической……..		
Литовской……..	15.	
Варшавской……..		

Рижской……
Могилевской……
Черниговской……
Минской…… 20.
Подольской……..
Кишиневской……
Олонецкой……
Донской……
Иркутской…… 25.
Екатеринославской……
Калужской……
Смоленской……..
Нижегородской……
Курской…… 30.
Владимирской……
Полоцкой……..
Вологодской……..
Тульской……
Вятской…….. 35.
Архангельской……
Воронежской……
Костромской……
Тамбовской……..
Орловской…… 40.
Полтавской……
Волынской……
Пермской……..
Томской……
Енисейской…… 45.
Пензенской……
Саратовской……
Харьковской……..
Уфимской……
Симбирской…….. 50.
Кавказской……
Оренбургской……
Самарской…… 53.
Грузинской……

Кто сличит цифры первой и второй графы, тот сейчас будет поражен большою разницею даваемых ими показаний. Только одно показание согласно, – это о числе дел в вятской епархии. Затем все рознь. Из одного и того же города разные вести. К одному и тому же проекту одного и того же комитета, вероятно одним и тем же членом написаны две записки – краткая и пространная, и в обеих записках разные показания, и разные до поразительности: в одной, например, показывается 79, а в другой 4, в одной 46, а в другой 6, в одной 52, а в другой 7 и т. д. Как объяснять эту разность, совершенно непостижимо. Ужели так, что одна записка для одной публики, другая для другой? Или как-нибудь иначе? Во всяком случае и предмет сам по себе не столь маловажен, чтобы допускать такие разноречия и неточности, и выводы, делаемые на основании этих разноречивых показаний, слишком обильны серьезными последствиями.

И в выводе среднего числа дел на каждую епархию обе записки разногласят: краткая записка свидетельствует, что на каждую епархию, средним числом, причитается около 15 дел большей важности; а пространная считает средним числом на каждую епархию такихъ дел до 30. Большая записка даже и в будущем, с помощью пророчеств и гаданий, не надеется довести среднее число дел до числа показанного краткою. И за предположенным сокращением штатов духовенства, и за ожидаемым возвышением нравственности духов. лиц большая записка доводит среднее число дел только до 20, а не до 15, как показывает малая. Обеим запискамъ хочется прийти к одному результату, – что дел мало, но приемы употребляются разные. Краткая

сокращает число дел и говорит прямо, что их по 15 на каждую епархию. Большая достигает почти того же результата; но не прямо, а посредством нескольких маневров; она выставляет на вид, что сократится число духовенства, что псаломщики предполагаются (а будут без сомнения не ранее XXI столетия) из окончивших курс, и что ожидается возвышение нравственности духовных лиц (какое глубокое проникновение в судьбы Божии!) А не дойдет ли это ожидаемое возвышение нравственности до того, что не нужен будет вовсе духовно-окружной суд.

В показании наибольшего и наименьшего числа опять разноречие у краткой записки с большою, и у большой с самою собою. Краткая показывает наибольшее количество 79, наименьшее – ни одного; пространная наименьшее число показывает 2, а наибольшее 40 и 50, погрешая в последнем показании против самой себя, ибо на предшествующей странице ею самою дано восемь цифр выше 50, а одна из них 99.

Общее число всех дел за три года – 1867, 1868 и 1869 в обеих записках показано разное: в краткой 17891, а в пространной 17821.

Даже общее число всего духовенства белого и монашествующего обе записки показывают разно – краткая в 120,000, большая 170,000. Разность небольшая – 50,000.

Если мы поверим краткой записке, и примем, что число всех дел, имеющих подлежать духовно-окружным судам, простирается только до 780 в год, и если примем это основание за существенно важное в разрешении предлежащего вопроса, то окажется, что духовно-окружных судов для разрешения такого количества дел нужно не 12 и не 9, как предполагает комитет, а никак не более одного. Светский окружной суд разрешает более 1000 дел в течение года; и для 780 дел не нужно более одного суда с двумя департаментами. Вот, что значит передоказать и забыть аксиому: si quis plus, vel minus secuevit, causa cadit. И при 20 делах в каждой епархии круглым числом, (во всех 1060) как показывает большая записка, – довольно будет одного суда. Большая записка, в развитии этого аргумента вообще руководящаяся более пророческим духом и созерцаниями отдаленного будущего, представляет и еще один веский аргумент в подтверждение того, что более одного окружного суда не нужно. Она говорит: „всего духовенства во всей Русской церкви в данное (т. е. в настоящее) время около 170,000 лиц; если взять среднюю численность, то на одну епархию придется около 3,200 лиц, количество весьма малое сравнительно с количеством лиц, подсудных в частности светским судам. За предположенным и уже приводимым в исполнение сокращением штатного духовенства более чем на ⅔ в каждой епархии будет состоять не свыше 2000 (следовало сказать не свыше 1000: ибо 3200/3=1066) духовных лиц, т. е. не свыше количества равняющегося населению одного прихода или одного села. Но если признано возможным учредить не более одного окружного суда в районе, заключающем в себе не меньше миллиона душ, то едва ли позволительно думать, что 2000 и даже 4000 духовных лиц совершатъ столько проступков, влекущих за собою высшие роды взысканий” (2, 80, 81). Совершенно непозволительно так думать, равно как непозволительно заключать иначе, как следующим образом: на 1 миллион душ учреждается один светский окружной суд, след. на 106,000 (2000X53) духовных лиц должно быть учреждено не много менее духовно-окружного суда. Даже до одного целого духовно-окружного суда весьма далеко: требуется подбавка почти девяти частей.

Всего легче на основании представленных записками числовых данных вопрос разрешается так, что для выводимого количества дел нет нужды учреждать особые суды, а все можно совместить в одном суде – Св. синоде: будет проще, дешевле и даже немного правильнее, или по крайней мере сообразнее со здравым разумом, ибо от архиереев дела перейдут к архиереям же, а не к пресвитерам. Теперь же что выходит? Для разбора 780 дел учреждаются 8–12 духовно-окружных судов с персоналом в 145–177 судей и чиновников и с расходом только на содержание их в 336–415 тысяч; так что по одному этому расходу на личный состав судей и чиновников каждое дело средним числом обойдется в 430–530 руб.

Но история с количеством дел этим еще не оканчивается. Большая записка, доводящая среднее число дел до 20 на епархию, – когда изображает нынешние духовные суды, количество дел представляет совсем в другом виде. Она видит в нынешних духовных консисториях „множество дел”, от которого производство дел в консисториях длится слишком продолжительное время, „вызывая и в самих тяжущихся, и в других лицах разные предположения, невыгодные для консисторского суда и его деятелей». Она свидетельствует далее, „что и в Св. синод дела из консисторий поступают массами» (2, 8), и кроме сего, что „многие дела в духовном ведомстве не возбуждаются по причине отдаленности суда» (2, 7). И

вдруг это *множество*, эти *массы,* эти многие дела превращаются в 20. И что всего удивительнее: и неважных-то *судебных дел,* т. е. разбираемых у духовных судей *будет немного* (краткая записка); дела у них будут не многочисленны (простр. зап. 2, 91). Сразу испарились все, и важные, и неважные. Волшебство!

По всему этому аргумент от количества дел справедливо должен быть признан фантастическим, а не фактическим: записки с цифрами обращаются также, как и с правилами. И однако же при такой сомнительности, неблагонадежности этого основания, оно, по свидетельству краткой записки, послужило одним из двух оснований к учреждению не епархиальных судов в каждой епархии, а духовно-окружных на 5–6 епархий. Другое, кроме этого, основание для комитета было то, что суд, приуроченный к епархии, в какой бы форме ни был он устроен, всегда останется в зависимости от администрации, (стр. 18).

б) Как проектируемые комитетом духовно-окружные суды и на самый первый взгляд представляют чрезвычайное практическое затруднение в том, что удаляют суд от подсудимых, а не приближают к ним, то не мог не обратить на это внимания и составитель объяснительной записки. При 9–12 духовно-окружных судах суд будет гораздо отдаленнее, чем ныне, когда суд в каждой епархии. Между тем на словах много раз заявляется в объяснительных записках, что *комитет имеет в виду обеспечить духовенству суд* скорый и *близкий* (3, 48). На выручку составителя записки являются железные пути. Для мнимого отстранения крайних несообразностей, возникающих вследствие отдаленности духовно-окружного суда, пущены в ход железные пути не только готовые, но и проектированные, которые будут возить из Яренска прямо в Москву, не заезжая в Вологду и т. д., из Архангельска привезут прямо в Петербург и тем для священника города Архангельска сделают более удобным суд в Петербурге, чем в Архангельске. Проектируемые железные пути будут какие-то странные еще и по следующему основанию: они, по свидетельству комитетских записок, облегчат сообщение с предполагаемыми духовно-окружными судами, т. е. с дальнейшими, и след., затруднят сообщение с епархиальными, т. е. с ближайшими. Кроме того, по запискам, оказывается, что Петербург для псковской епархии нейтральнее, чем Псков, Саратов для Симбирска нейтральнее, чем Симбирск, Москва для калужской центральнее, чем Калуга и т. д. Интересны и эти два аргумента, но еще интереснее третий. „Петербург, Вильно, Харьков, Саратов, Москва, Киев имеют возможность из среды своего городского духовенства дать более широкий выбор кандидатов на должность членов суда, чем многие епархиальные города, в которых 2, 3, 4 священнослужителя с академическим образованием». Сочинитель записки совсем забыл, что комитет допускает выборы из всех пресвитеров каждой епархии, а не только из епархиальных городов, и не требует безусловно академического образования. Сочинитель краткой записки утешает будущих пилигримов к духовно-окружному суду и еще некоторыми другими утешениями, из которых особенно важно и действительно одно. Кроме будущих железных дорог он указывает существующие *пароходные* сообщения и еще то, что по комитетским предположениям, можно судить и по бумагам, – и в заключение прибавляет самое важное, именно, что духовенство не будет тяготиться далекими духовно-окружными судами: *„некоторая* разница в расходах на проезд” (священнику города Архангельска, вместо Архангельска в Петербургъ?) „не будет подсудимому казаться напрасною тратою, потому что он будет уверен, что *администрация* (т. е. епархиальный архиерей) *не может иметь влияния на решение суда* (18). Для этого можно ехать хоть на край света.

Между тем эта отдаленность суда самими же составителями обеих записок выставляется как одно из великих зол для духовенства. Составитель краткой записки пишет, что „для улучшения духовно-судебной части необходимо учредить суды более близкие к подсудимым, и что необходимость учреждения ближайшего суда настоятельно ощущается в духовном ведомстве. Дела за отдаленностью суда часто вовсе не возбуждаются; многие пороки остаются без преследования». Составитель пространной записки, живописуя недостатки нынешнего духовного суда, существующего в каждой епархии, говорит, между прочим, следующее: „консистория находится в губернском городе и при обширности наших губерний, нередко отстоит на несколько сот верст от места происшествия. Вследствие сего, без преувеличения можно сказать, что многие дела в духовном ведомстве не только не возбуждаются, но и возбужденные не получают надлежащего разрешения, именно по причине отдаленности суда... Не может подлежать сомнению, что многие проступки остаются безнаказанными и упорно держатся в среде духовенства по неимению суда близкого и скорого, с легкостью и удобством карающего преступление, что *отдаленный суд не может действовать ни с надлежащею быстротою, ни с*

надлежащим успехом; ибо многие обстоятельства дела, которые могут быть известны только ближайшим судьям, имеющим возможность разобрать дело на месте и лично выслушать подсудимых и свидетелей, остаются или вовсе неизвестными, или неправильно сообщенными судьям отдаленным, лишенным возможности самим проверить их» (2, 7, 8).

Итак, что же отдаленность суда благо, или зло? Если говорить о нынешнем консисторском суде, существующем в каждой епархии – зло; а если говорить о духовно-окружном, который один на 5–6 епархий, – благо. Затруднителен, или не затруднителен далекий суд? Нынешний, находящийся в каждой епархии затруднителен, духовно-окружной один на 5–6 епархий незатруднителен. Скор, или не скор далекий суд? Нынешний в каждой епархии находящийся не скор, будущий духовно-окружной один на 5–6 епархий будет скор. Далек или близок духовный суд? Нынешний в каждой епархии находящийся, далек, будущий, один в 5–6 епархиях – далеко–близок, т. е. хотя и далек, однако же близок: ибо тут будут железные пути, пароходные сообщения, центральное положение городов, академическое образование и проч., и проч., и проч. У сочинителя записки две меры и два веса; одни для окружного суда, другие для епархиального. Впрочем, мы должны отдать сочинителю записки ту справедливость, что в одном месте он фразирует о важном значении близости суда и в отношении к проектируемому суду. Он пишет: „в большей части случаев исследование и рассмотрение дела нигде не могут быть произведены с таким успехом и таким удобством и скоростью, как в той местности, где оно учинено, ибо, во-первых, явка свидетелей к следствию, по близости их места жительства, не представит затруднений; во-вторых скорее могут быть усмотрены следы преступного деяния и собраны улики и доказательства вины или невинности подсудимого при местном розыске. Основываясь на этих соображениях, отцы Карфагенского собора и возражали римскому папе Целестину, когда тот хотел присвоить себе право суда над клириками Африканской церкви. „Разумно и праведно, говорят отцы, признал Никейский собор, что какие бы ни возникали дела, они должны оканчиваемы быти в своих местах... Ибо как будет тверд заграничный суд, пред который необходимые лица свидетелей не могут представлены быти, то по немощи, или от телесного сложения, или от старости, то по многим другим препятствиям” („Кн. прав.” стр. 407–408. Записк. часть 8, 47 – 48). Но нашему, или не следовало проектировать окружные суды, или, если они проектированы, не следовало писать сейчас приведенных слов.

Мысль о суде далеком преследует сочинителя записки и в других его сочинениях. Мы знаем, что он сочиняет, будто в древней Церкви не было суда в каждой епархии, а был суд только в митрополии соборный. И здесь предстает ему возражение о небли- зости этого суда, от которого он и отделывается по своему. „Не противореча истории, говорит он, можно присовокупить, что суд областного собора, являясь единственно *законным органом правосудия* в древней Церкви и не казался ни для кого затруднительным; ибо епископские епархии, по большей части, обнимали один город с принадлежащими к нему селениями и местами, а область митрополита обнимала несколько таких городов» (2, 70).

Если бы сочинитель приложил это сказание к комитетскому духовно-окружному суду, то он может быть и сам увидел бы громадную разницу между районом древней митрополии и районом проектируемого духовно-окружного суда. Митрополия древней Церкви, по пространству была необширнее нашей епархии, заключающей несколько уездных городов. Комитет проектирует территорию духовно-окружного суда увеличить в 5 – 6 раз сравнительно с территориею древней митрополии. Будет, или не будет такой суд затруднительным?

в) Аргумент дешевизны проектируемых комитетом духовно-судебных сооружений в записках остался недостаточно развитым и разъясненным. Краткая записка указывает, что комитет этим аргументом руководствовался только при не учреждении в духовных судах французской кассации. И пространная записка только мимоходом в одном случае обращается к этому аргументу. Она не совсем вразумительно и, по обычаю, не совсем точно замечает, что „учреждение духовного суда в каждой епархии повлекло бы за собою излишние затраты на устройство помещений для 53 духов. судов отдельно от консисторий, снабжение их необходимыми принадлежностями, содержании при них прислуги, ремонт, отопление и освещение; сверх сего на жалованье имеющих быть по штату в этих судах: 53 председателям, 106 членам (считая только по два), 53 секретарям, их помощникам и писцам, также на содержание 53 прокуроров и помощников. Все эти затраты, значительно превышая расходы потребные на содержание штата 9–12 окружных судов, не обеспечат, как должно, служащих при епархиальных судах, между тем недостаток обеспечения не может иметь благодетельных

последствий для правосудия, не привлекая людей по преимуществу способных и опытных в настоящем случае” (2, 81–82). Довольно пространные соображения по существу этого аргумента представлены нами выше. Здесь мы заметим только ту странность большой записки, будто затраты на жалованье председателям, членам и прокурорам епарх. судов их не обеспечат и от этого будут вредные последствия для правосудия.

г) Из практических соображений остановимся еще на следующих:

Несообразительность и недостаток точных сведений и выводов составитель записки обнаруживает и в других своих практических соображениях. Так он говорит, что „учреждение в каждом епархиальном городе епархиального суда, отдельно от епарх. консистории, встретило бы не малое затруднение, именно со стороны образования в первых состава присутствия. Есть губернские города, в которых, кроме кафедрального собора, имеется не более как 2 или 3 православные церкви (в числе таковых неправильно указаны Томск, Ставрополь, Симферополь) и др. Из состава их причтов, не без затруднения, в настоящее время находится достаточное число лиц, потребных для замещения должности членов духов. консисторий” (2, 82). Составитель записки совершенно забывает, что и комитет в духовно-окружные суды предполагает набирать членов из каждой же епархии и даже по два лица. Непонятно, каким образом в окружные суды набирать членов из каждой епархии будет не затруднительно, а в епархиальные затруднительно.

„Учреждение духовно-окружных судов является лучшею гарантиею для свободы действий и независимости мнений суда, особенно если он будет действовать также под председательством лица архиерейского сана” (2, 83). А епархиальный суд, действующий под председательством епархиального архиерея, не является таковою гарантиею. Почему? Опять непонятно: с одним архиереем гарантия, с другим не гарантия; с Иваном гарантия, а с Петром не гарантия.

Курьезно следующее практическое затруднение, выставляемое составителем записки против мысли, оставить, как ныне, суды в каждой епархии. „Суд в каждой епархии, не соответствуя по своему виду (в чем и почему?) ни одному из новых судебным установлений, и различаясь не многим от нынешнего консисторского суда, будет заставлять подсудимых по-прежнему искать суда за пределами епархии, суда действительного, самостоятельного, независимого от административной власти, а вследствие сего решения первого будут вызывать со стороны подсудимых отзывы и *протесты* (со стороны подсудимых?) и тем замедлять решения дел“ (2, 83, 84). Составитель записки в отзыве, приносимом на суд 1-й инстанции, видит несовершенство суда 1-й степени, и это видит он один в мире. Зачем же в таком случае и комитет, проектирующий совершенные суды духовно-окружные, предвидит отзывы подсудимых и на эти суды и проектирует для этого правила? Разве тут будет разность в том, что на духовно-окружные суды, как и на все суды подсудимые приносят *отзывы*, а на епархиальные суды подсудимые, по сказанию составителя записки, будут приносить не только *отзывы,* но и *протесты?*

Двоемерие и двоевесие составителя комитетских записок прилагается и к другим предметам. Одно и то же правило и учреждение в уставе консисторий, по мнению составителя записки, вредно для правосудия, а в комитетском проекте благотворно и совершенно необходимо. „ *Частные жалобы* устав консисторий допустил, затрудняя для подсудимых путь к достижению правосудия и эта мера равнялась отказу в правосудии» (3, 4, 5). Но допустил частные жалобы и комитетский проект. Здесь, по изъяснению составителя записки, эти жалобы являются необходимыми. „Необходимость допущения частных жалоб не требует и разъяснения, после того как эти жалобы в судебной практике существуют» (3, 101). Там составляют отказ в правосудии, здесь необходимы.

В заключение, прежде, чем перейти к общим выводам, мы сделаем несколько замечаний об отношении комитетских записок к консисторскому уставу, о характере комитетской полемики по некоторым вопросам и об упущениях нам представляющихся.

Отношения комитета к уставу консисторий также двойственны, как и многие другие суждения комитета. Когда мнение, не принимаемое комитетом, опирается на какую-нибудь статью устава, тогда составитель записки отстраняет такую ссылку тем, будто „законоположения этого устава не могут служить руководительными основаниями ни за, ни против предположений комитета потому, что идет вопрос именно о пересмотре и изменении статей этого устава, касающихся духов. суда» (2, 75). Но в другие разы на статьях устава консисторий о духов. суде он утверждает свои мнения. Так мнение о том, что архиерей, а не прокурор должен предавать суду, составитель записки мотивирует статьями устава консисторий 66-ю и 169-ю (3, 107). Тут пригодился и устав,

хотя сказано гуртом вообще, что законоположения устава видимо не сообразны с древними канонами Церкви (2, 75). Когда пользуются ими другие – они несообразны, когда сам сочинитель комитетской записки – они сообразны. Полемика объяснительных записок с мнениями, которых комитет не разделяет, не отличается ни искусством, ни твердостью, ни местами, даже здравым смыслом. Подтверждение этого представляет, между прочим, полемика, поднятая запискою против мысли о епархии, или епископском округе, как церковно-судебной, и церковно-административной единице, в которой средоточие суда и администрации одно – епархиальный епископ. Полемист записок прежде всего употребляет школьный прием изуродования противной мысли и сочиняет, будто противник его утверждает, что *епархия есть церковный предел, подлежащий епископу, границы которого определяются всегда не чертою гражданских округов,* а *именно властью епархиального епископа.* Затем сражается с воздвигнутою им ветряною мельницею на трех страницах (2, 76–78), не примечая, что бьет только воздух, а существа противной мысли вовсе не касается. Подобный же прием употребляет полемист в борьбе с г. Лавровым об архиерейской власти. Он сочиняет следующее положение: „на принадлежность архиерею судебной власти, усвояемой ему Словом Божиим, канонами и практикою Церкви нельзя смотреть так, будто *епископ сам всегда,* или чрез особо всякий раз назначенных им лиц, отправлял правосудие и имел право единоличною своею властью, не стесняясь никакими условиями, менять и перевершать решения пресвитерского суда» (2, 42). И сочинив, начинает воевать, называя свое сочинение новостью и недоразумением. Но не замечает, что он сочинил положение вредное не для своего противника, а для комитетского проекта. Если нельзя думать, что по Слову Божию и правилам епископ *сам всегда* судил, то отсюда ясно, что нельзя думать и так, как думает комитет, именно, что епископ *сам никогда* не должен судить. Этот прием сочинителем записки употребляется даже и безкорыстно не в борьбе с противниками, а просто для развития своих мыслей: сочинитъ какую-нибудь небылицу, а потом и пойдет, и пойдет ее опровергать. Вот пример: „предположить, что епископ мог окончательно распорядиться с подчиненным ему пресвитером и диаконом собственною властью, значило бы допустить величайший произвол и неограниченность прав первого над последним» (2, 68). Сочинил предположение сочинитель и пошел, и пошел его опровергать, забывши, что кроме его никто не мог сочинить такой нелепости. Или еще: сочинив, будто в епархиальном суде архиерей должен непременно предавать суду, сочинитель в этом сочиненном положении опять находит повод к обильному излиянию слов против сочиненного им положения (2, 82–83).

Составитель записок, распространяясь о некоторых предметах, не существенно важных, на многих страницах, напр., о должности и не должности, другие, важнейшие предметы оставляет без всякого объяснения. Так напр. не дается никакого объяснения на ст. 116-ю проекта об отношении голоса архиерея к голосам пресвитеров при постановлении приговора. Комитет проектирует обыкновенное принятое во всех судебных и других коллегиальных установлениях отношение равенства голоса председателя с голосами прочих членов, с одним преимуществом в случае разделения голосов поровну. В Православной церкви никогда не бывало, чтобы епископ, председательствующий в коллегии пресвитеров, имел голос равный каждому из них. Принятое комитетом правило есть выражение пресвитерианского взгляда на отношения епископа к пресвитерам, по которому епископ в отношении к пресвитерам есть только *primus inter pares*, как умствует и г. Барсов („Христ. чт.” 1870 г. август). Православной церкви такое воззрение совершенно чуждо. Епископ в проектированном духовном суде будет один между 10–20 пресвитерами: вся судебная власть фактически переходит к пресвитерам.

Оставление этого пункта без разъяснения, конечно, намеренно.

К каким общим заключениям приводить рассмотрение проекта?

I. Проект противоречит Слову Божию: ибо а) отнимает власть церковного суда у тех членов иерархии церковной, которым власть сия явно дана Спасителем и Апостолами, и передает ее другим членам, о судебной власти которых в Слове Божием нет никаких указаний. Проект постановляет: власть судебная принадлежит судам, без участия властей административных (ст. 61), т. е. и епархиального архиерея. А Слово Божие предписывает: обвинение на пресвитера (епископ) принимай не иначе как при двух или трех свидетелях. Согрешающих обличай пред всеми (1Тим. 5:19–21). б) Противоречит Слову Божию проект и в том, что исключает из-под церковного суда наибольшую часть Церкви, именно всех православных мирян и устрояет церковный суд только для клириков и монашествующих. Спаситель заповедал Апостолам: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси и елика аще разрешите на земли, будут*

разрешена на небесех. (Мф. 18:15–18), не ограничивая только одним каким-либо классом верующих действие этой власти; а комитет постановляет, что духовному суду подлежат только люди духовного звания (ст. 1) (т. е. 120.000 – 170.000) и не подлежат православные миряне, т. е. почти 54 миллиона христиан, составляющих Православную российскую церковь.

II. Проект противоречит правилам Апостольским, Вселенских соборов, поместных соборов и святых отец. Все сии правила, всегда в Православной церкви действующие, судебную власть почитают принадлежностью каждого епархиального епископа. А проект установляет, что судебная власть епархиальному епископу не принадлежит.

III. Проект противоречит учению догматических и символических книг Православ. церкви, и превращает Православную церковь в отношении к суду в пресвитерианскую. Оставленный для виду в духовно-окружном суде епископ будет епископом не в православном смысле, а только *primus inter pares ,* будет иметь равный голос с пресвитерами.

IV. Проект противоречит всей многовековой практике Православной церкви и ныне повсюду действующей. Во всей Православной церкви ныне епархиальный епископ судебную власть в епархии имеет; а в русской Православной церкви, по предположениям комитета, не будет иметь.

V. Проект вводит противоцерковный и вредный принцип секуляризации брачных дел, во всей Православной церкви всегда признававшей брак таинством, подлежащим церковному суду.

VI. Проект вводит крайние практические затруднения, создавая окружные суды, вместо судов каждой епархии. Создавая духовно-окружные суды по одному на 5–6 епархий, без вызова подсудимого и свидетелей, комитетский проект показывает, что комитет поставил себе задачею устроить не суд скорый, близкий и устный, а совершенно вопреки сему – устроить суд не скорый, суд не близкий, суд не устный, а бумажный. Окружные суды из пресвитеров с председателем архиереем, равногласным пресвитерам никаким образом не могут быть уподоблены древним соборам епископов – с председателем митрополитом. Усилие комитетской записки выдать окружные суды за соборы останется всегдашним памятником лжетолкования и крайнего произвола в обращении с правилами и историческими свидетельствами.

VII. Объяснительные записки к проекту изобилуют неверными показаниями (цифры дел), неверными ссылками на правила, неверными толкованиями правил, многочисленными себе и проекту противоречиями, неверными мнениями, ложными и полными озлобления обвинениями епархиальных архиереев (которые обвиняются в уголовном преступлении, именно – в подлогах, состоящих в произвольном изменении, или отмене состоявшихся судебных приговоров. Важность этого обвинения требует, чтобы оно подтверждено было не словами, а твердыми доказательствами, которых однако же не представлено).

VIII. Комитет своим проектом и запискою предлагает и советует Св. синоду, чтобы он сам: а) объявил всех мирян от духовного суда свободными, б) чтобы суд о делах тесно связанных с церковным таинством брака признал Церкви не принадлежащим, в) чтобы канонического обладателя судебной власти в Церкви, епископа, лишил этой власти и предоставил оную пресвитерам.

Задача, возложенная на комитет, и, по показанию самого комитета, состоящая в том, чтобы он принимал за исходные данные начала светских судебных уставов, но постоянно соображал оные с положениями канонического права (I, 1, 2) – в последней части, совершенно не выполнена: с положениями канонического права ни проект, ни мотивы не соображены.

X. ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ

Комитетские записки дают нам случай и налагают на нас обязанность, сделать несколько замечаний, относящихся к предметам и соображениям, изложенным нами в 1-м выпуске исследования.

1) При чтении комитетских записок наше внимание прежде всего было остановлено одним весьма странным явлением. Оказывается, что комитету совершенно не известны мнения, рассуждения и определения Св. синода о тех предметах, о которых он рассуждал, и которые он положил передать в светский суд. Мнения Св. синода о предметах духовного суда точно и определительно изъяснены и сообразные с сим определения постановлены не далее как в 1864 году. Эти мнения и определения приведены нами с буквальною точностью в первом выпуске. Комитет проектирует положения совершенно противные определениям Св. синода, очевидно, по неведению синодальных определений. Если бы комитет знал эти определения, то он, конечно, не мог бы признать эти определения для себя необязательными, как комитет, состоявший при Святейшем же синоде, давшем эти определения. Одною неизвестностью комитету Синодальных определений может быть изъяснено проектирование им предположений совершенно противоположных Синодальным определениям и их отрицающих. И мы почитаем себя счастливыми, что можем почтенным членам комитета в подлиннике (см. 1-й выпуск) сообщить определения Св. синода, относящиеся именно до предметов комитетских предположений: игнорировать эти определения невозможно.

2) Комитет приписывает себе „законодательную инициативу и, вследствие сего, права совершенной *отмены некоторых частей церковного законодательства*” (1, 20). Комитет свидетельствует, будто „задача его может обнимать не только процессуальное право, но и материальное. Комитет уже признал себя в праве проектировать отмену поклонов, как церковного наказания; но это вопрос материального права. Следовательно, он может простирать это право и далее, может проектировать отмену церков. покаяния, как наказания“ (1, 92). По нашему мнению, присвоение себе комитетом таких прав неправильно и превышает меру, данного ему полномочия. Его полномочие простирается исключительно на проектирование новых правил устройства духовных судов и производства в них дел. В определении Св. синода об учреждении комитета, приведенном и в комитетской записке, комитету поставлено в обязанность *составить основные положения только судоустройства и судопроизводства* (ч. 1, 1). Законодательную же инициативу присвоить себе комитет не имел основания: никакой *законодательной работы*, как называет комитет свой проект, на него не возложено. Присвоение же себе комитетом права отменять постановления Вселенских соборов, каково постановление о церковном покаянии, или епитимии, о судебной власти епископа в епархии, есть присвоение таких прав, которых не имеет и Св. синод: ибо собор поместный не может отменять постановлений Вселенского.

3) В первом выпуске исследования (129, 130) мы замечали, что определение черты, разделяющей подсудность духовных лиц духовному суду от подсудности их общему светскому суду – состоящее в перечислении всех статей уложения о нак. и устава о нак. нал. мировыми судьями с указанием – по каким статьям духовные лица подлежат духовному суду, и по каким светскому, есть путь к сему весьма небезопасный и неправильный. Обнародованный комитетский проект дает новые подтверждения нашей мысли. По 2-й статье комитетского проекта православные священники заведомо совершившие бракосочетание лиц, не достигших узаконенного возраста, или же имеющих более 80 лет от роду, а также лиц, состоящих в запрещенном родстве или свойстве, вступающих в четвертый брак и в брак с нехристианами, должны подлежать светскому суду; между тем как светский законодатель прямо и ясно постановил, что за сии преступления священники православные должны подлежать взысканиям и наказаниям на основании правил, постановленных в уставе консисторий, т. е. по духовному суду („улож. о нак.” 1574). Это, очевидно, недосмотр комитета, а не намеренное перечисление священников по этим преступлениям из-под духовного суда в светский, так как по однородным с сим преступлениям священники, и по мнению комитета, подчиняются духовному суду, напр. за совершение брака без соблюдения правил об оглашении („улож.” 1577) и др. Но при принятом комитетом методе таких недосмотров, противоречащих и существу дела и даже мысли уголовного законодателя, может открыться и еще не малое число: путь избран и небезопасный и с мыслью об основных положениях несообразный, ибо проектируются частнейшие подробности,

а не основные положения. Должно заметить при сем и ту несообразность избранного пути, что образцом, к которому приспособляется комитет, избран законодательный акт, в настоящее время пересматриваемый и исправляемый. Может случиться, что пересмотр и исправление уложения о наказаниях совершатся скорее, чем просмотр и обсуждение основных положений духовного суда, и тогда комитетское исчисление, принаровленное к уложению, может оказаться висящим на воздухе.

4) В виду уже сделанного нами указания на допущенное комитетом подчинение духовных лиц светскому суду по таким делам, по которым они ныне подлежат духовному суду, мы находим совершенно неправильным уверение краткой комитетской записки, будто при пересмотре комитетом уложения о наказаниях и устава наказаний, налаг. мир. судьями „ *встречено много таких статей, по которым духовные лица ныне подлежат светскому суду,* тогда как по свойству преступлений, указанных в этих статьях, гораздо уместнее предоставить разбору духовного суда дела о сих преступлениях, в случае обвинения в оных духовных лиц". Это чистая ложь, для обнаружения которой довольно указания на 169 статью уложения и на приведенные в записке статьи уложения при сличении их с подлинными статьями. В 169 статье уложения читаем: *действие постановлений сего уложения не простирается на дела, подлежащие суду по законам церковным.* Записка аргументирует: „священник, обвиняемый в кощунстве, т. е. в насмешках, доказывающих явное неуважение к правилам или обрядам Церкви православной, подлежит по 182 ст. улож. о наказ. суду светскому ". Обращаемся к подлинной статье и читаем: *изобличенные в так называемом кощунстве, т. е. в язвительных насмешках, доказывающих явное неуважение к правилам, или обрядам Церкви православной, или вообще христианства, приговариваются к заключению в тюрьме.* По соображении этой статьи со 169 статьею уложения едва ли кто, кроме составителя записки, скажет, что по 182 ст. уложения священник подлежит суду светскому. За кощунство он подлежит духовному суду на основании 158 и 193 статей устава духовных консисторий, из коих в последней прямо и ясно говорится об этом преступлении. Записка приводит и еще аргумент, но также неверный. Она говорит: „по смыслу 1003 ст. улож. о наказ., священник подлежит суду светскому за употребление в проповеди, или речи слов оскорбительных для добрых нравов и противных благопристойности". Опять не верим записке на слово, отыскиваем подлинную статью и в ней читаем: *те, которые в совещаниях, публичных актах, или иных более, или менее торжественных, многолюдных собраниях, дозволят себе в произносимых ими речах употребить слова и выражения явно оскорбительные для добрых нравов или противные благопристойности, подвергаются за сие денежному взысканию и аресту.* Ни о священниках, ни о проповедях в статье нет ни одного слова. И ныне священники подлежат за сии преступления духовному суду на основании 158 ст. устава консисторий и по соображениям со 169 статьею уложения. Из неверных данных неверное извлекает составитель записки и заключение, когда говорит, что „комитет предположил изъять из ведомства суда светского и передать в суд духовный все подобные преступления и проступки». Этого комитет не делал, и записка заведомо говорит неправду. Но зачем? Вероятно затем, чтобы представить комитет благодетельствующим духовенству, которое, конечно, без справок сочтет слова за действительные благодеяния.

В тех же видах, конечно, записка делает и общее заключение такое: „по проекту комитета ведомство суда духовного будет нетолько обширнее, в сравнении с нынешним, относительно преступлений и проступков духовных лиц». Это чистая и полная неправда: и в отношении к духовным лицам ведомство дух. суда по проекту будет теснее, чем ныне.

5) Краткая комитетская записка по этому пункту не только делает заведомо неправильные показания, но и находится в противоречии с пространною, которая настаивает на положении совершенно противоположном, хотя также неправильно, и возводит начало сокращения церковной подсудности еще к XV веку. Эта последняя записка, с обычным для нее недостатком точности, сокращение пределов церковной подсудности возводит ко временам Иоанна III и к определениям Московских соборов 1551 и 1667 гг. (1, 14). Ничего подобного составитель записки не укажет и не может указать ни в определениях соборов 1551 г., ни в постановлениях собора 1667 г. Это чистая выдумка, которую и разрушает сам же составитель записки, когда говорит, что до Петра В. духовные лица подлежали духовному суду во всех делах, исключая разбоя, воровства и поджигательства. В чем же состояло сокращение, произведенное соборами 1551 г. и 1667 г.? Точно также неверно показание, будто „свод законов 1832 г. еще более сократил круг предметов ведомства духовного суда» (1, 15). Свод законов 1832 г. этого не сделал и не мог

сделать, и утверждать эту мысль значит совершенно не понимать значения свода, который никогда не есть и не может быть новым законом.

6) В большой комитетской записке между разными обвинениями на устав дух. консисторий взводятся три нижеследующие, на которые мы находим необходимым обратить внимание, а) В 1-й части (стр. 3) комитетской записки пишется: „нынешние духовные консистории, в виду предписания устава консисторий – применить к событию незаконного брака, совершенного по насилию, порядок следственный, назначают следствие даже и тогда, когда светским судом признана уже причина незаконного брака, и его надлежит только расторгнуть, для чего, очевидно, следствие производить излишне». Что все это есть чистая выдумка, для убеждения в сем довольно прочитать статью 218 консисторского устава. В этой статье написано: „дела о браках, совершенных по насилию, по предмету насилия, принадлежат светскому суду; но по предмету действительности, или недействительности брака, и по участию духовных лиц входят в консисторию для определения, по правилам Церкви, о самых браках и о лицах духовного ведомства. Если по доказанному (разумеется в светском суде) в событии подобных браков насилию епархиальное начальство полагает расторгнуть брак, то определение свое представляет на усмотрение Св. синода». б) Подобным же образом совершенно напрасно и неверно взведено вслнд за вышесказанным еще и следующее обвинение на устав консистории: „по отношению к незаконному браку, заключенному в духовном родстве, не поручается какому-нибудь отдельному следователю произвести следствие, с соблюдением известных формальностей, как это делается по проступку напр. духовного лица, обвиняемого в нарушении правил богослужения и т. п., но следствие производится в самой консистории, при нем происходит не строго следственный порядок, а как говорит устав (ст. 219) законное удостоверение, т. е. совершается простая справка по книгам о состоянии известных лиц в духовном родстве“ (1, 3). Здесь даже и непонятно, чего составитель комитетской записки хочет от консисторского устава и в чем его обвиняет. Ужели комитет хочет, чтобы назначено было формальное следствие чрез следователя для дознания на месте о том: состоят, или не состоят повенчанные лица в дух. родстве, тогда как главный, удостоверяющий в сем документ, т. е. метрические книги находятся не на месте, а в консистории? в) И третье обвинение, сделанное против устава консисторий в том же месте записки, есть плод полного недоразумения. „Еще рельефнее, говорится в записке, недостаток смешения процессуальных правил с предметами материального права высказывается в ст. 261–277, где речь идет об удостоверении в действительности рождения от законного брака: между средствами подобного удостоверения ст. 263 называет „ *следствие*«, но из дальнейших затем статей видно, что это следствие не ведет, по общим правилам процесса, к постановлению судебного приговора, а лишь к тому, чтобы епархиальное начальство сообщило затем об оказавшемся светскому присутственному месту» (1, 3, 4). Обвинение, объяснимое только крайним недоразумением, происходящим от совершенного незнания дела.

7) Комитет рассуждает, будто должно почитать заблуждением, что два совместно существующие брака составляют непременно многобрачие в смысле уложения о наказаниях (IV, 40), и в доказательство этого говорит: „для убеждения в противном довольно взять следующий случай: на осн. 27 улож. о наказ. супругу лица, присужденного к лишению всех прав состояния, не возбраняется вступать в новый брак. Допустим теперь, что этот супруг заявил подлежащему духовному начальству о нежелании оставаться в прежнем браке, но затем, не выждав распоряжения означенного начальства о признании прежнего брака расторгнутым, вступил в новый брак. Не подлежит никакому сомнению, что по разуму и духу нашего законодательства подобное деяние не может быть отнесено к тому многобрачию, которое так строго преследуется уголовными законами.» Комитет предполагает случай, не заключающий в себе многобрачия, и затем на основании этого случая делает заключение о случаях действительного многобрачия, заключения, очевидно не устраняющие замечаний противной стороны. Комитет заключает: „в виду вышеизложенного, если сообщение духовного ведомства, относнтельно существования второго брака и может быть важно для светского суда; то оно не может быть обязательно для него и присяжных при разрешении вопроса о виновности подсудимого, вступившего во второй брак при существовании первого; равным образом и признание сего лица невинным также не заключает в себе никакого противоречия с означенным сообщением духовного ведомства; ибо этим признанием вовсе не отвергается факта двоебрачия, а только отрицается вменение преступления, или совершение многобрачия, в смысле деяния, преследуемого улож. о

наказаниях” (IV, 40). Комитет совсем не усмотрел, что представленным объяснением затруднение совершенно не устраняется, а остается и после того в полной силе. В статье комитетского проекта, к которой делаются эти объяснения сказано: *„дела о противозаконных брачных сопряжениях, предусмотренные улож. о наказ., вчиняются в светском суде, который свои приговоры о незаконности брачных сопряжений передает епархиальному начальству, для соответственного распоряжения относительно признания недействительности брака*”. Следов., когда приговора о незаконности двоебрачия, действительно существующего, не последует, и присяжные признают состоящего в браке с двумя лицами невиновным, светский суд не будет и сообщать епархиальному начальству, и след. освобожденный от суда останется в браке с двумя, а может быть и с тремя женами. Это затруднение комитетскими разъяснениями не устранено, и не может быть устранено, без устранения самой статьи проекта (149).

Комитету не следовало выдумывать небывалых примеров, а следовало просто обратиться к газетам, в которых очень часто описываются судебные процессы по делам о многобрачии, и взяв оттуда и приложив к своей статье показать ее рациональность. Вот один из недавних процессов о многобрачии. В конце марта 1873 г. кишиневским окружным судом в Аккермане разбиралось следующее дело о двоебрачии: крестьянин днепровского уезда, таврической губернии, Дужаненко, женился в 1846 г. на молодой девушке и жил с нею согласно 10 лет, но затем, после болезни жены, он удалился в Аккерман и в 1859 г. женился на молодой вдове. Чрез 4 года после свадьбы, вторая жена, под предлогом развратного поведения мужа, пошла в услужение к молодому учителю, у которого и жила до 1871 года, когда начала дело о двоебрачии своего мужа. На суде подсудимый сознался в двоебрачии. В числе свидетелей явились 1-я жена подсудимого, мать его, сестра, шурин. Присяжные заседатели вынесли оправдательный приговор, но многие из них при постановлении приговора недоумевали: *что станется с двумя женами, если оправдать подсудимого.* По окончании заседания явилась вторая жена оправданного; когда ей сказали о решении присяжных и объяснили, что брак будет расторгнут, она просила совета как бы скорее добиться расторжения этого брака („Русский мир” 1873 г. № 95.). Когда будет в действии комитетская статья (149); тогда вторая жена *оправданного* многобрачника никаким образом не добьется расторжения брака, ибо светский суд только свои приговоры о *незаконности* браков будет передавать епархиальному начальству, оправдательных же приговоров передавать не будет. Впрочем, даже если бы и передал, то и тогда епархиальное начальство будет иметь возможность производить только соответственные с сими приговорами распоряжения, т. е. оправданного многобрачника, и оно может соответственно с оправдательным приговором утвердить в праве владения его женами, и вписать в метрические книги, что крестьянин Иван Петров Дужаненко имеет первую жену Екатерину, а вторую Парасковью. Столько деятельности отвел комитет епархиальному начальству.

8) Между многими примерами крайней непоследовательности и неверности составителя большой комитетской записки самому себе, нельзя не указать на следующий: Против передачи бракоразводных дел из духовного суда в светский было замечено, что эта передача приведет к затруднениям, невыгодным для положения Православной церкви сравнительно с западными вероисповеданиями. Составитель комитетской записки называет это соображение совершенно неуместным и присовокупляет, что „не следует принимать в соображение воззрения как протестантства, так и католичества, при рассуждении о вопросах и практике Православной церкви; ибо противоположность начал развития и практики есть основная отличительная черта протестантства и католичества, если сравнивать их с Православием. Законы и практика Православной церкви должны быть устанавливаемы и поверяемы независимо от порядков и обычаев как протестантской, так и католической церкви” (IV, 77). Это сказано весьма ясно и положительно, и однако же, несмотря на это, на предшествующей странице также ясно и буквально было сказано следующее: „красноречивым доказательством того, что бракоразводные дела можно и должно передать в светские суды служит история. Не только в местах, где признана форма гражданского брака, но и там, где брак признается таинством, бракоразводные дела постепенно переходят и уже перешли в светские суды. Такую секуляризацию бракоразводных дел мы видим, например, в Англии, Северо-Американских Штатах, во Франции, Италии, в Пруссии, в Саксонии и в Австрии. И нужно заметить, что это изменение подсудности нигде не произвело деморализации в семейной жизни“ (76). Оказывается, что неразделяющий мысли комитета не должен ссылаться на католиков и протестантов, а сам комитет может.

Комитет создает для себя особое, привиллегированное положение, а несогласным с ним отводит такое место, какое вздумает.

Такое привиллегированное положение комитет создает себе и по другим предметам. Так свои права в отношении к судебным уставам 1864 г. он изображает следующими чертами: „если бы изменения и отмена церковного законодательства повели даже к дополнению и изменению действующих постановлений судебных уставов 1864 г., то нет сомнения, что это дополнение и расширение, будучи вызваны потребностями необходимого улучшения правосудия, не покажутся не только излишними, а даже желательными» (I, 20). А когда предложено было некоторое не изменение, а только разъяснение ст. 1013 уст. уголов. суд. 1864 г., то комитет, между прочим, выставляет на вид, что принятием этого предложения он стал бы в противоречие с намерениями и целями законодательства (IV, 42). И можно, и нельзя: себе можно, другому нельзя.

9) Любопытны некоторые аргументы, приводимые комитетом в пользу передачи дел о родственных браках светскому суду. „Светский уголовный суд, говорит комитет, по всем преступлениям, наказуемым по светским законам, должен действовать свободно и независимо, а духовное ведомство в тех же самых преступлениях должно быть не только дополнительным, а именно исполнительным; ибо церковные наказания в сем случае только исполняют меру взысканий налагаемых судом светским; эти наказания обыкновенно требуются в настоящих случаях не для кары виновному, а для нравственного его вразумления и исправления» (IV, 50). Эти церковные наказания в настоящем случае суть – уничтожение незаконного брака и отлучение от Св. причастия до 7 лет, – и эти наказания, по свидетельству комитета, суть дополнения к светскому наказанию – именно тюремному заключению от 4 месяцев до 1 года и 4 месяцев. Какая странная несоразмерность! Заслуживает внимания еще и следующий софистический аргумент в подтверждение того же предмета: „то обстоятельство, что обыкновенно государственный закон и светская власть служит к охранению и ограждению законов Церкви и прав ее власти, а не наоборот, указывает на преимущественное, преобладающее значение юрисдикции светской, а не духовной – в отношении к делам о родственных браках, особенно, если принять в соображение, что светский закон, повторяя в настоящем случае требования закона церковного, тем самым переносит и права преследования нарушений этих требований в руки светской власти” (IV, 52). У составителя комитетской записки на этот раз совершенно исчезла из памяти 1014 статья устава уголов. судопр. 1864 г., которая, права преследования нарушений запрещения браков в родстве прямо и буквально возлагает сначала на духовный суд, а потом на уголовный.

10) Краткая записка замечательно аргументирует проектируемую комитетом передачу в светский суд бракоразводных дел по безвестному отсутствию. „Чрез эту передачу» говорит она, „не произойдет никакого вреда, но напротив святость и неразрывность брачных союзов будет более ограждена, ибо безвестно отсутствующими будут считаться только те, кои таковыми будут признаны судом, а не так как ныне для признания безвестно отсутствующим одного из супругов достаточно отзыва родственников этого супруга и местных окольных жителей: что им неизвестно пребывание отсутствующего супруга, и этот отзыв без всякой судебной поверки принимается за основание к распоряжению о расторжении брака.» Составитель записки, очевидно, не знает ни порядка производства бракоразводных дел, по причине безвестного отсутствия, ни порядка, каким светский суд удостоверяется в безвестном отсутствии. Этот порядок совершенно и буквально один и тот же и в уставе консисторий, и в уставе гражданского судопроизводства 1864, (1451 – 1460). И если составитель записки не признает ны- нешний духовный суд судом, то и светский суд не должен признавать судом.

11) Того же достоинства и аргументация краткой записки в пользу комитетского предположения о передаче бракоразводных дел по причине неспособности. Духовный суд не есть суд, а светский суд есть суд – на этом составитель записки строит свою соломенную крепость. „В настоящее время, говорит он, расторжение браков по неспособности зависит исключительно от медицинского управления, отзыв которого не подвергается судебной поверке, но принимается за основание к расторжению со стороны епархиального начальства о расторжении брака, т. е. лицо *обвиняемое (?)* в неспособности, может быть лишено без всякого суда семейных прав, тогда как по общему закону никто не может быть без суда лишен прав ему принадлежащих.“ Сочинитель записки, очевидно, не считает судом *рассмотрение дела консисториею и постановление ею решения* („уст. консист.” 255). Но он должен бы, кажется, прежде обнародования своего счастливого открытия обратить внимание на то: а) что и светский

суд не сам самолично будет удостоверяться в неспособности, а чрез медицинское же управление, б) что никто, кроме его, не полагает и никогда не полагал, будто в этом случае люди лишаются прав без суда. Этого не полагали 12 членов комиссии, составлявшей судебные уставы 1864 г. и желавшие эти дела привлечь к светскому суду. Этого не полагает даже и двойник сочинителя краткой записки – сочинитель пространной, к этому аргументу не прибегающий. Сочинитель не остановился пред мыслью – как доселе у нас никто, кроме его, не заметил, что у нас ныне люди без суда лишаются прав им принадлежащих? Однако же в этом случае составитель краткой записки так счастливо ошибся, сказавши будто у нас люди лишаются прав без суда, что с его слов начинают повторять его ложь и газеты. „Московские ведомости», напр., с буквальною точностью воспроизвели его заблуждения в передовой статье № 182 (1873 г.), без малейшего размышления и сомнения в том. Оказывается, что у нас нельзя сказать такой нелепости, которой бы никто не поверил: непременно поверят и даже станут повторять. Так еще легко у нас вводить людей в заблуждение.

12) Аргументы краткой записки в пользу передачи в светский суд бракоразводных дел по причине прелюбодеяния также отличаются оригинальностью и своеобразностью. В особенности нам понравился один аргумент, употребляемый только автором краткой записки и не встречающийся в пространной (в чем опять между записками разноречие). Почему нужно передать бракоразводные дела по прелюбодеянию светскому суду? Потому что это будет дешевле, а если оставить, то это будет дороже: „если удержать эти дела в духовном суде, то необходимо произвести значительные изменения в устройстве духовно-судебной части и потребуется немаловажное усиление расходов на эту часть, тогда как при передаче этих дел светскому суду не будет надобности ни в каких расходах для казны.» Для казны выгоднее, ну и делу конец. Любопытно бы впрочем знать – каким образом и на сколько соблюдены будут казенные интересы, вследствие передачи светскому суду бракоразводных дел по прелюбодеянию? Интересно в аргументации краткой записки по этому предмету и то, что автор записки говорит о передаче из духовного ведомства в светское *следствий,* называя так производимые иногда по этим делам частные *дознания* и утверждая, что сопряжено с крайним соблазном появление православного священнослужителя в доме разврата для какой бы то ни было надобности, следов. и для исповеди больных и умирающих.

13) Образцом неправильных и произвольных толкований комитета может служить толкование на ст. 155 о церковной епитимии. Здесь крайние недоразумения с неверными фактическими показаниями перемешаны самым странным образом. „Церковное покаяние было бы несообразно налагать судом говорит комитет. Почему? потому что „суд может разрешить только вопрос: был или не был факт, влекущий за собою церковное покаяние” (IV, 87). Мы полагаем, что суд может сделать не только это, а и приложить самое наказание, или епитимию, суд не только удостоверяет совершение преступного деяния, но и прилагает наказание, и если это наказание есть церковная епитимия, то таковую. Таково начало объяснения статьи и соответственно с ним и все объяснение... „Сожитие неженатого с незамужнею по 994 ст. уложения, наказуемое церковным покаянием, не должно быть констатировано судебным порядком, в противном случае произошел бы от этого соблазн и было бы унижено достоинство духовного суда”, пишет составитель комитетской записки. Но почему и каким образом? Всего этого не объясняет, между тем и по существу, и по ныне действующему закону указанный случай обсуждается судом и епитимия полагается только судебным порядком... По судебным уставам 1864 г. церковное покаяние налагается духовным судом. Составитель комитетской записки утверждает, что *это простая неточность редакции нескольких статей...* В лестнице наказаний, помещенной в уст. дух. консисторий. ст. 187 п. 4, 5 прямо и ясно говорится *о возложении епитимии.* А сочинитель комитетской записки без колебания уверяет, что в лестнице наказаний в уставе консисторий *„вовсе не упоминается о церковном покаянии, как наказании“* (IV, 88). И таким образом все объяснение с такою же точностью и правдивостью.

Самая статья комитетского проекта (155), к которой сделано столь правдивое объяснение, представляет любопытнейший образец правила, которое никогда не может быть прилагаемо. По этой статье лица духовного и светского звания, в подлежащих случаях, подвергаются церковному покаянию по распоряжению епархиального архиерея. Какие же это подлежащие случаи, напр., в приложении к духовным лицам? По суду духовные лица никогда не будут подвергаться церковному покаянию: ибо в проектированной комитетом лестнице наказаний (Проект. ст. 3, 4, 5) нет церковного покаяния. Административно также не будут; ибо, по

предположениям комитета, административно на духовные лица могут быть налагаемы только следующие взыскания: замечание, выговор без внесения в послужной список и временное испытание в архиерейском доме до 2 недель (ст. 58 примеч. 2). Когда же и в каком порядке будет налагаемо на духовные лица церковное покаяние? Никогда и ни в каком. Написано это так для отвода глаз. Всем бросилось бы в глаза, что комитет отменяет церковную епитимию. Теперь же об ней упомянуто и наложение ее предоставлено епархиальному архиерею. Но пусть ухитрится когда-нибудь епархиальный архиерей наложить церковную епитимию на священника, диакона или причетника. Никогда он не будет в состоянии сделать этого: ибо виды взысканий, какие он может налагать на духовные лица, точно указаны во 2-м примечании к ст. 58 комитетского проекта, и церковного покаяния между сими взысканиями нет.

14) Комитет, руководствуясь крайнею снисходительностью и свободою в отношении к правилам Церкви, в других случаях показывает склонность к крайней жестокости, и требует почти драконовых законов. Так по крайней мере в объяснениях и мотивах. Такую крайнюю суровость он высказывает в отношении к делам о прелюбодеянии. Он говорит: „производство дел о прелюбодеянии в духовном суде, когда оскорбленный супруг ищет развода, оставляет это преступление ненаказанным; ибо расторжение брака, наложение епитимии и осуждение на всегдашнее безбрачие виновного супруга нельзя признать карами уголовного закона, предусматривающего это преступление (IV, 74).“ Ни расторжение брака, ни осуждение на всегдашнее безбрачие, ни отлучение от Св. причастия на 7-м лет, по мнению комитета, недостаточны для наказания прелюбодеяния: при этом оно не наказанно. Такую же суровость комитет высказывает и в других случаях, напр.: по вопросу о браках лиц, которым по расторжении брака возбранено вступать в новый и о браках монашествующих, а равно посвященных в иерейский или диаконский сан, пока они пребывают в сем сане. В уложении за эти незаконные брачные сопряжения нет наказаний. Комитет возлагает на Св. синод обязанность „возбудить законодательный вопрос о назначении виновным уголовного наказания за вступление в эти незаконные браки“ (IV, 56), не принимая в соображение, что Св. синоду, по меньшей мере неудобно вчинять дело о назначении уголовных кар. Комитет о Св. синоде имеет совершенно превратные понятия: он полагает, что Св. синод может отступать от церковных правил, строить учреждения Слову Божию и правилам противоречащие, слагать с себя свои Словом Божиим и канонами на него возложенные обязанности и передавать их светскому суду и наконец брать на себя инициативу уголовных карательных законов.

Заключим наше длинное исследование напоминанием нашим читателям догматического учения Православной церкви о существеннейших предметах, с которыми имеет теснейшую и неразрывную связь наше исследование.

„Иисус Христос облек Апостолов властью вязать и решить, отпущать и удерживать грехи“ (Иоан. 20:22, 23).

„Апостолы повелевали верующим искать суда, в случае взаимных распрей, у своих пастырей» (1Кор. 6:1).

Церковь есть соборная потому, что *содержит* учение и *постановления* с одной стороны – *полные и всеобъемлющие относительно всех предметов*, *необходимых для спасения* всех человеков, с другой – определенные, утвержденные и *содержимые согласно всеми* и повсюду находящимися *истинными христианами*, а не какими-либо частными лицами, или обществами».

„Церковь есть Апостольская: ибо *в ней* как все от самого начала было, так и теперь есть – *все Апостольское:* Апостольское учение, Апостольские таинства, *Апостольские основные законы и постановления и чиноположение*”.

„ *Иисус Христос* и теперь продолжает совершать спасение человеческого рода *в Церкви* Своей, *установив* в ней единожды *навсегда...* управление или *власть* нравственного надзора, законодательства и *суда* для руководства к преспеянию духовному”.

„Как цель Церкви есть совершение святых и нравственное воспитание и руководство христиан ко спасению: то явно, что *необходимо в ней* управление, т. е. *власть* законодательная, *судебная* и мздовоздаятельная, дабы цель ее достигалась... *Апостолы* во всей силе *пользовались такою властью. Тоже самое* Апостолы *заповедали и своим преемникам*”.

„ *В Священном писании различаются должности епископа, пресвитера и диакона, и* при том явно *усвояется первенство и преимущество епископам,* как-то: рукополагать *пресвитеров, судить* их (1Тим. 5:19), награждать. Показывается в Священном писании и то, что *в каждой частной Церкви должен быть не более, как один епископ,* главный *правитель Церкви и всех*

пресвитеров и диаконов, которых может быть много. Так Тимофей один поставлен в Ефесе. Тит один в Крите, а им велено поставить многих пресвитеров” (Тит. 1:5; 1Тим. 5:17; Ап. 1, 2, 3).

„ *Вселенские соборы,* бывшие в Церкви для утверждения догматов или для постановления канонов имеют непререкаемую важность. Они *суть для нас неоспоримые правила веры и деятельности и им непременно должно повиноваться.* Ибо они представляют собою Вселенскую церковь святую, Апостольскую, непогрешимую, и *их определения суть голос Вселенской церкви...* Последний седьмой собор изрек о всех предшествовавших ему соборах, что *начертанные ими правила и постановления пребывают не сокрушимы* и непреодолимы. Ибо все они от единого и того же Духа быв просвещены полезное узаконили. Посему-то в Православной церкви произносится отлучение отвергающим соборы св. отцев и их предания, Божественному откровению согласные и Православною кафолическою церковью благочестно хранимые”.

„Истинная Православная церковь Христова есть Церковь Восточная. Это ясно, между прочим, из того, что она устроена совершенно согласно с волею Иисуса Христа и Апостолов... *Каждая поместная Церковь имеет своего епископа*, а все вместе признают высшую власть во Вселенских соборах. Она имеет непрерывно продолжавшееся и продолжающееся учение веры и благочестия,... *имеет управление посредством канонов*, *издревле постановленных*”.

„Церковь есть святая по *управлению*, которое *основано на канонах и древних постановлениях, которые суть теже самые*, *какие издревле были всегда в Церкви и утверждены соборами...* Она есть Апостольская, потому что *имеет* и иерархию Апостольскую и учение, и *учреждения Апостольские...* Она есть единая, ибо *у ней* единое учение веры, единые таинства и богослужение, *единые каноны*, единая иерархия”.

„ *Православная российская церковь есть* часть соборной – кафолической, истинная *дщерь Восточно-кафолической, от которой получила* и иерархию, и учение веры, *и каноны, утвержденные Вселенскими соборами, которые все она приемлет в точности. Она есть Апостольская: ибо* чрез Церковь восточную *ведет* свое *начало от Апо столов, их держит* учение и *постановления* и от них имеет иерархию... *Она не погрешила доселе в своем учении и чиноположении: это показывает ее история и точное согласие во всем с древними символами, канонами и чиноположением Восточной церкви“* (Преосв. Антония, архиепископа казанского – „Догматическое Богословие Православной восточной церкви”, изд. 8, 1862, стр. 196–215).

Примечания

[1] - Тоже повторено в „Спб. ведом.” 1870 № 9.

[2] - Определ. Св. Синода 9 мая 1864.

[3] - Именно статьи 68 и прим. 1, 167, 192, 211, 217, 240, 819, 827, 865–869, 870, 878, 892–899, 933, 934, 935, 989, 994, 995, 997, 1085, 1139, 1208, 1464–1470, 1473, 1476, 1511, 1521, 1554, 1555, 1559, 1564, 1582, 1583, 1585, 1586, 1593, 1594, 1597, 1599.

[4] - Сравн. Чебышева-Дмитриева „Русское уголовное судопроизводство», СПБ. 1869 стр. 57.

[5] - В 40-х годах нынешнего столетия Прусско-рейнский и Вестфальский провинциальные протестантские синоды признали необходимым подвергать церковным взысканиям людей порочных и отвергающих христианскую веру, или издевающихся над нею. Результат соборных совещаний получил королевское утверждение. Буквально он выражен следующим образом: «те лица, которые ведут порочную и открыто-безбожную жизнь, а равно и те, которые письменно, или словесно, или же публичными действиями явно отвергают, или осмеивают христианскую веру, после того как все пастырские усилия оказались безуспешными, по решению пресвитерии (протестантского духовного суда), лишаются Св. Причастия и права быть восприемниками, с предоставлением однако же им права апелляции к Окружному Синоду. (Корол. Ук. 21 июня 1814 и 20 авг. 1847. Herzog. Realencyklop. V, 82).»

[6] - Соединенные Департаменты Государств. Совета, приняв во внимание, что на основании действующих ныне законов духовному суду подлежат не только такие проступки, за которые полагается церковное покаяние, но и такие, за которые виновные подвергаются разного рода церковным запрещениям и наказаниям присуждаемым собственно на основании церковных правил (лишению приобщения Св. Таин, лишению всякого общения с Церковью и др.) признали необходимым удержать в точности сей порядок (Журн. „Соединен. Департам.” стр. 90).

[7] - Здесь необходимо опровергнуть ошибочное мнение, будто осуждение на всегдашнее безбрачие лица, за прелюбодеяние которого расторгнут брак, должно почитать исключенным и недействующим. Это мнение в первый раз высказано г. Победоносцевым („Курс. Гражд. права”, 2, 29). Он пишет: «Строгое церковное правило повторено было и у нас в действовавшем до 1850 года уставе („Св. изд. 1842 зак. гражд.” ст. 52): виновный в прелюбодеянии супруг осуждался на безбрачие безусловно. В новом уставе по сему предмету, 1850 г., правило это не повторяется; оно не вошло и в новое издание „Свода”; следовательно, надо почитать его исключенным и недействующим». Этим ошибочным открытием сильно обрадована была либеральная печать. Г. Спасович, без поверки повторяя ошибку г. Победоносцева, строит догадку о том, как просто и легко это случилось. По его словам: «из простой перемены нескольких слов в „Своде Зак. гражд.” 1857 г. против издания 1842 г. в ст. 52 выходит, что виновный в прелюбодеянии супруг не осуждается уже теперь безусловно на вечное безбрачие» („Журн. Гражд. и торг. права» 1871, кн. 1, 139). За ними тоже повторяет г. Оршанский, утверждая, что «в X томе нет правила о том, чтобы в случае расторжения брака по прелюбодеянию, виновный супруг обрекался на безбрачие („Журн. Гражд. и торг. права” 1872, кн. 4, 617, 618). – Ошибка откроется от одного простого сопоставления текста статьи „Свода” 1842 и 1857 г. 52-я статья „Свода” 1842 г. есть буквальное воспроизведение 217 статьи „Устава Дух. Консисторий”. Здесь в п. г. говорится, что законными браками не признаются брачные сопряжения лиц, которым за нарушение супружеской верности по расторжении брака возбраняется вступать в новый. Неполнота этого пункта статьи очевидна. По тому же „Консисторскому Уставу”, из которого заимствована в „Свод” эта статья, осуждаются на всегдашнее безбрачие, не только лица, за прелюбодеяние которых расторгнут брак, но и те, по неспособности которых брак расторгнут, а равно разлученные по причине вступления в новый брак при существовании законного прежнего брака („Уст. Конс.” 256, 222). Положением Высоч. утв. 6 февр. 1850 г. тому же подвергаются и те супруги, за безвестным отсутствием которых брак расторгнут (ст. 5). Очевидно, что и. г. ст. 52 „Свода” 1842 г. тесен и не обнимает всех случаев сюда подходящих и самим законом в других местах признаваемых. Этот недостаток редакции 52 статьи замечен при составлении положения 1850 г., и вместо тесной редакции дана ему более пространная и обнимающая все подходящие случаи, именно следующая: законными и действительными не признаются брачные сопряжения лиц, которым по расторжении брака возбранено вступать в новый („Св. Зак.” т. X, 1, 37 п. 4). Возбраняется же вступать в новый брак

осуждаемым на всегдашнее безбрачие лицам: а) вступившим в новый брак при существовании прежнего, б) оставившим другого супруга и скрывавшимся в неизвестности более пяти лет („Св. Зак.” т. X, 1, 41), в) лицам за прелюбодеяние, или неспособность которых расторгнут брак („Уст. Конс.” 256). Общая редакция 1850 г. обнимает все эти случаи и на основании ее невозможно заключать будто осуждение на безбрачие супруга, за прелюбодеяние которого расторгнут брак, надо почитать исключенным и недействующим.

[8] - Светский суд признает мужа нарушителем супружеской верности. Но по таковому свидетельству светского суда, прежде суда духовного, приступить к расторжению брака нельзя. „Проток. Св. Синода” 10 дек. 1817 № 16.

[9] - Что и нынешние домогательства передачи бракоразводных дел из духовных судов в светские, имеют целью облегчение разводов – этого не считают нужным и скрывать домогающиеся. Они находят неизлишним только успокаивать нас, что от этого никакого вреда для семейной жизни не произойдет. «Напрасно было бы думать, – говорят „Спб. ведомости”, – что такое вызываемое жизнью и потребностями общества изменение законодательства о браке может поколебать нравственную сторону брачной и семейной жизни. Несомненно, что во всех странах мира, где брак легко расторгается, семейная жизнь нисколько не колеблется». В самой России, в среде лиц тех неправославных исповеданий, в которых развод дастся гораздо легче, брак не нарушается так часто, как в среде Православных» („Спб. вед.” 1870 № 9).

[10] - В Журналах „Соединенных Департаментов Госуд. Совета” говорится: «приведение к присяге свидетелей самим судьею было бы неудобно, потому что, по правилам нашей Церкви, присяга относится к действиям священным, которые всегда производятся при посредстве священника. Кроме того предполагаемая гражданская форма присяги едва ли получила бы какое-либо значение в понятиях народа, и, по всей вероятности, обратилась бы в пустую формальность, не имеющую никакого влияния на правильность свидетельских показаний» (Журн. „Соед. Деп. Гос. Совет.” 1864 по проекту „Угол. Судопр.” стр. 14).

[11] - „Уст. Конс.” 212; „Св. Зак.” изд. 1857 т. X. 2, 8: «дела об обидах, причиненных духовными лицами, не могут обращаться в иск гражданский: они подлежат ведомству дух. правительств, если с обидою не соединено преступление уголовное; в противном случае дело передается в уголовный суд».

[12] - О происхождении этого правила должно заметить, что оно ведет свое начало от Карфагенского собора, бывшего в 348 г. при Грате, и по его предложению. «Gratus episcopus dixit, manifestum est illum non esse Dei, qui humilitatem contemnit sed diaboli, qui superbiæ inventor et princeps est. Unde si quis tumidus, vel contumeliosus extiterit in majorem natu, vel aliquam causam habuerit, a tribus vicinis episcopis si diaconus est; presbyter a sex; si episcopus a duodecim consacerdotibus audiatur.

[13] - Кривотолк („Бирж. Вед.” 1872 № 210, 251) ухищряется перетолковать это правило след. образом: епископ, как лицо, рукоположившее подсудимого, принимал участие в этом суде, в качестве члена, вероятно, содействовавшего правильному раскрытию преступления и виновности подсудимого; ибо толкование Зонары и Вальсамона на 12 и 14 правила относительно участия в этом суде епарх. епископа выражаются так, что он должен был занимать место впереди, на противоположной стороне от прочих судей, рассматривавших дело. Кривотолк переводит слово ἐπεκεινα словами: впереди, на противоположной стороне, и получает, что ему нужно, т. е. что собственный епископ не судил, а только сидел впереди.

[14] - Для любопытства наших читателей мы приведем одно новейшее толкование 29 Карфагенского правила: „из сего правила, говорит толковник (1873 г.) ясно, что суд местного епископа компетентен только для разбора и решения дел по проступкам и преступлениям низших клириков, а никак не священников и диаконов. Последних, по смыслу этого правила, должны были судить: пресвитера шесть, диакона – три, со включением и собственного и х епископа; при том судить с соблюдением тех же обрядов, которые в 28 каноне установлены для суда над епископом. Правда правила эти принадлежат Карфаг. собору; но независимо от того, что авторитет этих правил, на ряду с прочими, утвержден VI и VII Всел. соборами (пр. 2 и 1), толкователи церковных правил и канонисты: Зонар, Вальсамон, Гарменопул, а за ними и преосвященный Иоанн, свидетельствуют, что эти правила, быв приняты, соблюдались и в других церквах. Сравн. („Бирж. вед.” 1872 № 251). Очевидным фактом после сего становится то, что суд местного епископа в делах по проступкам и преступлениям действовал только на низших

клириков; в отношении к высшим епископ пользовался только начальническим правом налагать исправительные наказания”. – Для нас и для всех здесь очевидный факт не тот, какой указывает толковник, а тот, что он забывает сказанное им за 10 строк выше. Он прямо сказал, что 6 и 3 судят со включением и собственного епископа судимых священников и диаконов; и из толкования его ясно, что собственный епископ обвиняемых пресвитера и диакона, по этому правилу, участвует в суде над ними. – Затем неверно новейший толковник ссылается на толкователей в том, будто они свидетельствуют, что это правило соблюдалось и в других церквах: Зонара об этом не говорит ни слова; Вальсамон и Арменопул указывают только один случай отмены приговора о епископе в Кипре, произнесенного 11-ю, а не 12-ю епископами, и более не говорят ни слова. Иоанн, правда, делает это замечание, но в основание ссылается только на Вальсамона и Арменопула, т. е. на тот же единственный случай,

[15] - Этим правилом Карфагенского собора подтверждается и возобновляется постановленное прежде собором Милевитским (в Нумидии) следующее правило: item placuit, ut presbyteri, diaconi vel caeteri inferiores clerici, in causis quas habuerint, si de judiciis episcoporum suorum quaesii fuerint, vicini episcopi eos avdiant, – et inter eos quiequid est finíant adhibití abeis ex consensu episcoporum snorum.

[16] - В Православной церкви в Австрии „для удобства управления епархиею, и особенно для решения возникающих в епархии процессов, каждый епископ имеет свою консисторию и обыкновенно занимает в ней место президента“ (Автономов – Прав. церковь в Австро-Венгерской империи. „Христ. чт.” 1871, ноябрь, 763).

[17] - При изложении первой и второй теории мы нередко пользуемся статьями г. Лаврова: «Новый вопрос в Православной русской церкви». «Вторая и третья апологии по новому вопросу». („Прибавл. к Твор. Св. Отец” 1871 кн. 2 и 4, „Московск. епарх. ведомости” 1872), с обязательного его дозволения, и статьями о духовно-судебной реформе, напечатанными в газете «Русский Мир» (1872), с разрешения редакции.

[18] - ’Εν πᾶσι τõις ἀρχαιοτάτοις κὠδηξε τῆς καινῆς Διαθήχης μετά το τέλος τῆς 5πρόξ Τιμόθεον β΄ ἐπιςολῆς ἀναγινώσκεται ἡ ἐφεξῆς ὑποσημιείωσις. « Πρὸς Τιμοθεον δεύτερα τῆς ἐφεσίων πρῶτον ἐπίσκοπον χειρστονηθένυα, ἐγράφη ἀπὸ Ρώμης, ότε ἐκ δεύτερῳ πάρεςη Παῦλος τῶ καισαρι Νέρωνι». Κ. Οἰκονομ. Περὶ τριῶν βαθμῶν, 66.

[19] - Мысль – допускаемая даже газетою „Голос”. „Священный сан, говорится здесь, дается архиерейскою властью; посему и снятие его должно совершаться по утверждении судебного приговора архиереем” („Голос” 1871 № 116).

[20] - Он говорил тогда, что примером устройства церк. суда в Сербской и Болгарской, мы не можем удовлетвориться, потому что устройство церк. суда, вследствие неблагоприятных политических условий не могло достигнуть в этих Церквах надлежащего развития („Прав. обозр.” 1870, ч. 2, 307).

[21] - Здесь не будет неуместно сослаться на мнение писателя вообще единомысленного с г. Соколовым, но в этом пункте с ним совершенно не соглашающегося. Г. Барсов в 1871 году писал: „судебные процессы трех первых веков убеждают нас, что духовный суд Христианской церкви первых трех веков имел не одно собственно нравственное, духовно-исправительное, или дисциплинарное значение в отношении к подсудимым, но был действительным судом для них, – иначе был карательною мерою в руках церковной власти, чтобы ограждать порядок, права и законы Церкви, подвергать нарушителей их действительным взысканиям, простирающимся не на внутренную только, а вместе и на внешнюю судьбу осужденного. Эти взыскания лишали виновного не только общих прав члена церковного общества, но и особенных преимуществ служителей Церкви; в некоторых случаях они не ограничивались даже временным существованием человека, а простирались и на его загробную судьбу». („Христ. чт.” 1871, август, 259, 260).

[22] - Слич. еще статью г. Соколова в „Прав. обозр.” 1870, июнь, 990–994.

[23] - Одно обстоятельство несомненно изобличает, что изобретатель этого плана, приписываемого так называемому большинству комитета, и автор статьи „Прав. обозрения”, скрывший себя под буквами Л. Б. – одно и тоже лицо; это употребление и в плане, и в статье бессмысленного термина: запрещение богослужения. Запрещение богослужения – нелепость; со смыслом говорят: запрещение в священнослужении („Уст. конс.” 187).

[24] - Извержение из сана (καθάιρεσις, depositio) есть высшая степень наказания клириков. Она определялась как за особенно важные преступления против правил священнослужения, напр. за симонию (Ап. 39, IV, 2 и др.), так и за те общие вины, которые мирян подвергали отлучению от Церкви. Поэтому сила этих обоих наказаний почиталась как бы равною, – и хотя духовные лица с лишением сана еще не отлучались от Церкви, но правила относительно изверженных клириков были почти теже, что отлученных мирян (Ап. 11, 12, 1 Всел. 5, Антиох. 6). Иоанн – „Прав. собесед.” 1860, 3, 383).

[25] - Мы не можем лишить наших читателей назидания и не познакомить их с самым новейшим (1873) взглядом на судебную власть епископа по канонам, против которого, конечно, не будет спорить г. Барсов. По этому взгляду „как в наставлениях Апостола (1Тим. 5:19–21), так и в правилах Церкви внушается епископу неупустительно быть при делах церковных (Ап. 81), разбирать все дела подведомой епархии с рассуждением (Ант. 9), удерживать священноначальственное попечение над вверенною ему епархиею с духовною крепостью (III Всел. соб. посл.), разбирать и оканчивать некоторые дела по проступкам и преступлениям (Карф. 29), вразумлять неблагонравных наставлениями и увещаниями, а иногда церковными наказаниями (епитимиями), не прибегая к бичам и ударам (Ап. 27, Двукр. 9). Все эти указания несомненно удостоверяют, что епископ пользовался судебною властью. Каноны, и вместе практика Церкви присовокупляют, что епископ пользовался этою властью на известных основаниях и в определенных пределах”.

[26] - Сравн. „Бирж. ведом.“ 1872 № 89.

[27] - Сравн. „Биржев. вед.» 1872 № 251, „Голос» 1872 № 62.

[28] - Относительно благодати и действительности архиерейства нет никакого различия между патриархом, митрополитом и епископом; потому что каждый совершает и может совершать одно и тоже (Сим. Сол. Лит. Пис. Отц. Т. III, 160, 161).

[29] - „Христ. чт.” 1870, сентябрь, стр. 494: „Для большей ясности представления духа и характера отношений епископа к пресвитерам мы здесь воспользуемся тем выражением: primi inter pares, которое обыкновенно употребляют ученые для обозначения первоначальных отношений епископа к пресвитеру. На основании этого выражения и мы называем епископа первым между равными”. Любопытно бы, впрочем, знать – какие это ученые, кроме г. Барсова, почитают епископа в отношении к пресвитерам – первым между равными (т. е. протопресвитером)? Этому любопытству любезно удовлетворяет Бунзен (Hippolytus und seine Zeit, II, 154, 155), когда говорит: „совершенно падает, как не историческая, та гипотеза пресвитерианских богословов XVI и XVII столетий, по которой епископ (трех первых веков) в отношении к обществу пресвитеров должен быть представляем как первый между равными (primus inter pares)».

[30] - В 1870 году г. Барсов поучал нас об этом предмете совсем иначе. Он нам говорил тогда, что суд над пресвитерами, диаконами и прочими клириками в III веке производился отлично от суда над епископами. Вот его слова: „дело о Павле самосатском было рассмотрено на нескольких соборах. Следовательно, соборы, собиравшиеся по сему поводу говорят нам, что суд над предстоятелями Церкви в то время устроялся совершенно иначе, чем суд для разбирательства преступлений прочих клириков и мирян. Суд над епископами был в собственном смысле слова соборный. („Христ. чт.” 1870, сент. 507, 508).

[31] - Сравн. „Бирж. вед”. 1872. 3 июля.

[32] - По „Биржевым ведомостям” не много иначе: „нераздельность двух властей в епископе развивается начиная с 4 века, и не в силу каких-либо догматических, или канонических прав, а под влиянием чисто государственных начал византийского права”. Как только Христианская церковь стала под покровительство государства и даже стала господствующею, государственною Церковью, она быстро подпала сильному влиянию централизационных начал греко-римского права. Соборное начало постепенно падает (а Вселенские соборы с 325 года?), и взамен его идет усиление власти епископа на церковные дела, пока, наконец, не сосредоточились все власти в его одном лице». „Бирж. вед”. 1871, № 220.

[33] - Сравн. „Бирж. вед”. 1872 № 251.

[34] - „Биржев. ведомости” 1872 № 251: «полновластие архиерейской власти в делах суда допущено по своим причинам в уставе духовных консисторий».

[35] - „Биржев. вед.” 1871 № 220: „Церковь не пренебрегает по отношению к своему внешнему устройству плодами науки и государственного опыта; она сама вводит и в свой строй все то, что считает последнею ступенью развития в жизни верующих, так как подобное поступательное движение жизни Церкви вперед – не лежит в области догматов и неизменных канонов». Наша Русская церковь является в истории сколько прогрессивною, столько же и национальною», – Г. Барсов и слиберальничать-то не умеет сам от себя, а все по чужой указке, все откуда-нибудь спишет. Он, без сомнения принадлежит к тому коммунистическому лагерю, составившемуся для проведения общей, дорогой идеи – отнятия судебной власти у епископа, в котором, по свидетельству „Голоса» (1872 № 211), дозволяется не составлять доводы в пользу этой идеи от себя, а пользоваться доводами друг у друга как своими, без указаний, т. е. носить платье разным лицам с одного плеча.

[36] - Сравн. „Биржев. ведом.” 1872 № 258; 1871 № 220.

[37] - „Бирж. ведом.” 1872, 3 июля: «в древней России было в обычае, что епископ в местах удаленных от своей кафедры, поручал своему наместнику полное заведывание административными и судными делами епархии».

[38] - „Бирж. вед.” 1872, 3 июля: „необходимо принять мысль, что суд в епархии может отравляться с равною компетентностью, если представителями его будут лица и не архиерейского сана, только приставленные к сему делу с согласия местного епископа, или по назначению высшей церковной власти”.

[39] - По свидетельству одного ученого, специально исследовавшего этот предмет „епископ, в сфере чисто церковной, всегда действовал сам или посредством лиц, принадлежащих к церковной иерархии. Каждое управление стояло отдельно. Но так могло бытъ только в том случае, когда епископ управлял одною областью. Если же он заведывал несколькими областями, то самая обширность епархии препятствовала личному управлению церковными делами. Поэтому, в тех областях, где епископ не мог находиться постоянно, он держал своих наместников. Так митрополит держал наместников в Киеве и во Владимире, а новгородский архиепископ во Пскове. Наместник назначался из числа архимандритов и игуменов. Назначение наместника происходило посредством выдачи ему жалованной грамоты. К его предшественнику посылалась грамота о его смене” (Дмитриев – „Истор. судеб. инстанц.” 108, 109).

[40] - Единство епископа для каждой отдельной паствы есть один из существеннейших и основных принципов устройства Православной церкви, от которого она никогда не отступала и о котором свидетельства весьма ясны и многочисленны. Кроме приведенного свидетельства, мы поместим здесь еще следующее свидетельство св. Киприана: «non ignoramus, unum Deum esse, et unum Christum esse Dominum, quem confessi sumus, unum Spiritum Sanctum, unum episcopum in catholica cccelesia esse debere (Opp. ed. Paris. 1666 pag. 60). Другие свидетельства: Сократ. цер. ист. 6, 22; Созом. 4, 15; Феодорит. 3, 4; Златоуст. письмо 125 и др.

[41] - Сравн. „Бирж. вед.” 1872 № 89: «по праву предания суду епархиальный архиерей представляет собою как бы судебную палату, когда она, действуя в качестве обвинительной камеры, разрешает вопросы о предании виновных суду».

[42] - Замечательно и то, что даже и светские газеты, ныне требующие отнятия судебной власти у епископа и нигде не находящие свидетельства о том, чтобы когда-нибудь судебная власть ему принадлежала, незадолго пред тем и даже в 1871 году признавали, что епископ по церковным правилам есть судья. Так «Голос» (26 апркля 1871 № 115) свидетельствует, что «для клириков первый непосредственный судья был местный епископ; в случае же недоумений епископа, или нареканий на него от обвиняемых, суд переходил к областному собору, или же дело пресвитера разбирали 6 епископов областных и его местный, а дело диакона – три и свой. Дела прочих членов клира, разбираемые местным епископом, могли переходить на апелляцию к митрополитам и патриархам». Теперь хор поет совсем другие песни, и устыдится своих прежних мотивов.

[43] - А г. Барсов в „Христ. чтении” (1873, март, 461, 462) 87-м правилом Карф. собора даказывает мысль об ослаблении соборного начала в Церкви и о переходе вследствие сего действительного суда над пресвитерами и диаконами от соборов в полное заведывание их епископа. – Чему хочешь, тому и верь; окружной ли суд доказывается правилом или переход действительного суда над пресвитерами и диаконами от собора к их епископу.

[44] - «Исполнение состоявшихся приговоров прямо и непосредственно отходит к обязанностям начальства, в ведомстве которого находится подсудимый». „Бирж. вед.” 1872, № 258.

[45] - По делу о газовом освещении одной из православных церквей Варшавы Св. синод в 1869 году выразил мнение, что допущение газового освещения в паникадилах и стенных канделябрах правосл. храмов не противно каноническим правилам. „Но как это было бы нововведением беспримерным в Православной церкви, то нельзя не опасаться, что таковое нововведение может произвести неблагоприятное впечатление на умы народа, в особенности же при ложных толкованиях недоброжелателей Св. церкви». (19 янв. 1869, „Проток. Св. синод.” № 87).

[46] - Сравн. „Современность” 1873 № 46, „Московск. вед.” № 151 и „Русск. вед.” № 131.

[47] - Сравн. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131; „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[48] - Сравн. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131; „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[49] - Сравн. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131; „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[50] - Сравн. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131; „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[51] - Сравн. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131; „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[52] - Сравн. „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[53] - Сравн. „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[54] - Ср. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[55] - Сравн. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[56] - Ср. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[57] - Ср. „Современность” 1873 г. № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[58] - Ср. „Современность” 1873 № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131; „Христ. чт.” 1872, декабрь; „Правосл. обозр.” 1873, январь.

[59] - Ср. „Современность” 1873 № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[60] - Сравн. „Современность” 1873 № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[61] - Ср. „Современность” 1873 № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[62] - Ср. „Современность” 1873 № 46; „Москов. вед.” 151; „Русск. вед.” № 131.

[63] - Ср. „Журнал Гражд. и торгового права” 1872, кн. 3, стр. 454–456; „С.-Петерб. вед.” 1872, октябрь; „Современность” 1873, № 46.

[64] - В послании к магнезианам св. Игнатий пишет: ἐν δμονοία Θεοῦ σπωδὰζεσθε πάντα πρὰσσειν προκαθημένῳ τῷ ἐπισκόπῳ εἰς τόπον Θεῷ, καὶ τῶν πρεσβυτέρων εἰς τόπον συνεδρίῳ τῶν ἀποςόλων, καὶ τῶν διακόνων . (Ad. Magnes, c. 6). Епископ – πρόεδρος , προεςὼς . Евсев. о Палестинск. мучен. кн. 6, 38 стр. 326, 333.

[65] - Προκαθημένης τῆς ἡμῶν Ταπεινοτητος, συνεδρῖαζόντων καὶ τῶν ἐντιμοτάτων κληρικῶν, εὐλαβεςάτων ἱερέων , καὶ τιμιοτάτων ἀρχόντων πάρεςη ἐνώπιονπαντω ὐ τίμιότατος, κῦρ Γεόργιος κατηγορῶν τῆς αὐτῷ γυναικὸς Μαρίας μοιχείας ἔγκλημα. (Пидалион. 1800. 582).

[66] - О проектированной комитетом лестнице наказаний, мы сделаем только два замечания по существу: 1) из нее тщательно изгнаны все наказания духовного характера, духовным лицам и духовному суду наиболее свойственные – каковы: епитимия, церковное покаяние, поклоны; 2) глава проекта, содержащая лестницу наказаний не согласуется с примечанием 2 к ст. 58. В этом примечании говорится, что взыскания: 1) замечание, 2) выговор без внесения в послужной список, и 3) временное испытание в архиерейском доме до двух недель могут быть налагаемы на духовные лица и без суда духовно-административными властями. Два первые наказания в лестнице наказаний (Проект. ст. 3) упоминаются, последнего нет.

[67] - Комитет, впрочем, недовольствуется, чтобы они были однажды титулярными, т. е. титулярными епископами. Он хочет их сделать дважды титулярными, т. е. титулярными

епископами и титулярными же архимандритами, или настоятелями ставропигиальпых монастырей, разумеется для доходов, а не для управления (Записк. ч. 2, 132).